

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Алексей Колентьев

АГРЕССИЯ:

хроники третьей мировой
диалогия

«КРЫЛОВ»

Annotation

Когда началась необъявленная война США против России.

Когда натовские солдаты вторглись на нашу землю.

Когда российская армия оказалась молниеносно сломленной и уничтоженной.

Когда восемьдесят больших и малых городов на юге, в центральной России и на северо-западе оказались стерты с лица земли.

Когда натовские наемники, победным маршем шагая по стране, сжигают дотла целые города и убивают всех мирных жителей

России без разбору - женщин, стариков, детей.

Когда наше правительство трусливо бежит за границу.

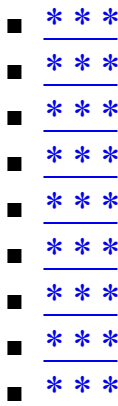
Что сделаешь ты?

Можно опустить руки - и погибнуть от пули врага. Можно сдаться на милость победителя, пойти в рабство или наняться в полицаи. А можно принять вызов - и ответить на агрессию партизанской войной.

Про них не напишут газеты, их не покажут по телевизору и почетные похороны на орудийном лафете им тоже не грозят. Все, что они хотят, - это поквитаться с врагом, который равнодушно сеет смерть на

их родной земле.

- [Алексей Колентьев](#)
 - [Партизаны](#) [третьей](#) [мировой](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Главный противник](#)
 -

- notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
-

Алексей Колентьев

Агрессия. Хроники

Третьей мировой

Партизаны третьей мировой

Противник ослаб, но не хочет сдаваться:

Ведь пленных уморят, иль
сразу убьют.

Спасенья усталый солдат
добивался,

Так дайте ж разбитым
покой и приют.

Мишель де
Нотрдам
(Нострадамус).

Глава 1

Россия. Отрезок федеральной транзитной магистрали М-53 (Новосибирск — Кемерово — Красноярск — Иркутск), удаление около 70 км, от ближайшего населённого пункта 22 июля 2011 года 04.49 по местному времени. Старший смены группы сопровождения грузоперевозок Антон Варламов. Сотрудник иркутского ЧОП «Булат». Охрана и сопровождение грузовой колонны.

Ночной перегон по покрытой трещинами старой объездной дороге, это вообще удовольствие ниже среднего. Обычно, на ночь мы

останавливаемся в каком-нибудь клоповнике или съезжаем с дороги, чтобы разбить лагерь. По последние пару лет это стало невозможно: фирма — грузоперевозчик ставит жёсткие условия по срокам, поэтому экономится каждая секунда, на счету каждый пройденный километр. Наша колонна, это три большегрузные фуры, больше напоминающие корабли средних размеров, да одна машина сопровождения — мой боевой «жигуль», раскрашенный в бело-красно-чёрные цвета охранного агентства. Кризис, разразившийся два с половиной года назад, сильно подкосил всех, кто хоть что-то делал. А когда одно за другим стали

закрываются предприятия, фирмы и фирмочки, охранять тоже стало нечего. Закрылись, с перерывом в пару месяцев, сразу два ЧОПа в которых я работал, пока не получилось наняться в «Булат». Контора эта славилась тем, что её основали бывшие менты, державшие большинство крупных подрядов на железной дороге и автомобильные грузоперевозки по области. Но и им приходилось кисло: за последние три месяца штат сотрудников на треть сократили и мы, выезжавшие на сопровождение грузов нормальной бригадой из восьми человек, теперь вынуждены работать вчетвером. Но работа есть работа, даже если

внутренне понимаешь, что рисковать за жалкие пятнадцать — двадцать тысяч плюс премиальные, это стрёмно. Мне выпало ехать во главе каравана, да ещё в одиночку освещая изобилующую ямами колею жидким светом фар служебной «пятёрки». С картой в одной руке и рвущейся баранкой руля в другой, я вёл колонну. Изредка приходится останавливаться, чтобы по рации подбодрить водил трёх трейлеров едущих следом в отдалении. Народ матерился, но ехал следом, поскольку это был единственный способ миновать затор на основной магистрали, образовавшийся из-за крупной аварии. Открытый тягач,

везущий подержанные «японки» в Новосибирск не рассчитал скорость и в попытке обогнать какую-то легковушку перевернулся, перегородив всю трассу. То, что скоро образуется настоящий затор и надо искать объезд, в голову быстро пришло только мне. Быстро доложив диспетчеру об изменении маршрута, я дал команд нашему маленькому каравану съезжать с трассы сначала на небольшой отрезок грунтовки, ведущий в какой-то посёлок километрах в сорока на юго-запад. Водилы стали возмущаться, но Мишка Овчинников или просто Михась для друзей, быстро уговорил шоферской профсоюз и мы строим

двинулись в объезд.

«Пятёрку» тряхнуло на ухабе, выровняв руль и снова сверившись с картой, я наконец-то вырулил на криво заасфальтированный съезд, снова выходящий на основную трассу. Водители приветствовали появление ровной дороги одобрительными гудками, словно это не они пару часов назад материли меня на чём свет стоит. Михась сообщил по радиии, что из графика выбиваемся часов на десять—двенадцать. Что тут остаётся делать? Значит, идём без заезда в кемпинг, чтобы нагнать время. Тоже ничего особенного, такое бывает очень часто, я уже лет пять как привык.

Снова затрещала рация:

— Я «полста пятый», у замыкающего ситуация, требует отработки по одиннадцатому, «полста первый» как принял?

Чёрт! Это Андрей Ильинский, наш самый молодой артельщик, всё ещё шпарит по кодовой таблице и слишком легко верит водителям. Эти хитрые граждане уже просекли что остановки на пожрать не будет, вот и просемафорили в «хвост», чтобы тот «сломался». И может быть даже поломка настоящая, водители у нас просто виртуозы и могут ездить даже на трёхколёсной телеге без мотора, но все мы люди. А водителю платят не только за доставку груза, а ещё и

за километраж, поэтому так и так он свой оклад получает, торопиться им некогда. Да и устали люди: третьи сутки идём с минимальным лимитом на отдых. Даже отлить случается в бутылку, чтобы не выбиваться из графика. Я, лично, усталость уже который год не замечаю, работа даёт возможность просто позволить жизни идти своим чередом. Мелкие и средней серьёзности проблемы, словно снежинки на сильном ветру — пролетают мимо, их некогда замечать. Сделав суровый голос, беру микрофон с пассажирского сидения и отжав тангенту уже в который раз начинаю перебранку:

— «Полста первый» — «полста

пятому»! Скажи водиле, что пусть хоть на себе груз тащит, но пойдём по графику! А будет выступать, передай, что тогда даже прогонных за километраж не получит, я сам поспособствую....

— Варенуха, старый хер! — В наш разговор вклинился весёлый голос, это был Михась — Опять ты молодого на «фу-фу» развёл. Сказано же было: портвейн и шлюхи только в Новосибе, или совсем не терпится?!..

Так мой напарник разрядил обстановку, теперь ушлый пятидесятилетний Виталий Варенуха, который как раз и ведёт замыкающую фуру, будет пристыжен. У водил свой гонор, свой кодекс, по

которому всё херня, главное показать своё мастерство и удаль. А тут его пробивают на предмет «сачка», что в принципе очень обидно. Поэтому теперь его возражения по поводу всяких стуков и хрипов в моторе железного коня, воспринимаются несерьёзно. Мишка снова меня выручил, избавив от как минимум получасовой перебранки с хитрым шоферюгой. Не то, чтобы я недолюбливал водителей вообще, но конкретно с этой бригадой мы выезжали только второй раз и ещё не успели толком притереться. Понять их тоже можно: машина чужая, зарплата мизерная, а риск погребения под придорожным

кустом после нападения дорожных бандитов, очень велик. Едут и боятся, да ещё дрожат за сохранность груза, за который в случае чего придётся круто отвечать перед хозяевами....

— «Полста первый», ответь «полста второму» — Хриплый из-за статики помех голос приятеля оторвал меня от невесёлых мыслей — Как там обстановка впереди?

С Овчинниковым я знаком был уже давно, Мишка переходил со мной из одной фирмы в другую, как только та закрывалась и вот уже десять лет мы на пару тянем охранную лямку постоянно прикрывая друг друга. Был он моложе меня лет на шесть, пришёл в охрану сразу из армии,

надеясь перекантоваться какое-то время, да так и застрял. Смуглый, черноволосый, с жёсткой щёткой усов под курносым носом и весёлыми глазами — маслинами Михась сильно походил на какого-то советского актёра времён перестройки. Говорил приятель быстро выпаливая слова, от чего любая, даже самая серьёзная мысль у него выходила как заправка для весёлого анекдота. Мишка служил где-то на Дальнем Востоке, но про свою службу ничего не рассказывал, говорил, что ходил на военном сторожевике по Амуру и всё. Там же, видимо. Научился ловко биться врукопашную, от чего везде, в какую

контору бы мы с ним не попали, получал надбавку за наставничество по части мордобития. Сдружились мы случайно, когда стояли смену на каком-то аптечном складе, куда пытались забраться наркоманы. Михась ловко скрутил одного, но не заметил второго «нарка», целившего ему в спину из какого-то огнестрельного пугача. Тогда я не колеблясь прострелил взломщику башку из своей служебной «мухобойки» — ИЖ 71. Стрелять по конечностям, это всё для отмазки перед ментами: обдолбанный наркоша вполне мог выстрелить, изрешети я его хоть из пулемёта. Ещё по службе в армии помню, как

обколотый промидолом сержант — контрактник перестал стрелять только после того, как ему снесло полчерепа осколком близко разорвавшейся мины. Давно это было, но опыт остался, поэтому жив я сам и остался цел Михась. Отписок по ментовской части вышло жуть как много, но в конечном итоге отпустили, прекратив дело за отсутствием вины. Напарник оценил то, что случилось правильно и с тех пор, часто приглашал то на шашлыки, то просто посмотреть хоккей в спортбаре. Сначала я отказывался, но после очередного отказа мне позвонила жена Овчинникова — Тамара. Так я понял,

что случайно спас человеку жизнь и теперь он волей-неволей стал моей ответственностью. Человек я не шибко компанейский, предпочитаю жить отшельником, хоть и среди людей. Но приятельские отношения как-то сами собой завязались и теперь я был в Мишкиной семье чем-то вроде друга семьи.

Всё это как бы мимоходом понеслось в сознании, будто короткий любительский фильм, где звук скачет, а камера постоянно даёт смазанную картинку. Возвращаясь в реальность, я снова беру микрофон:

— Здесь «полста первый», через десять километров поворот и ГАИ — шный пост, всем приготовить

документы, оружие держите на предохранителе. Отбой.

Рация ожила, последовали отзывы о том, что мол, поняли и на этом эфир снова затих. Машина шла ходко, дорожное полотно было на удивление ровным и в последующие час с небольшим, ничего не произошло. Насторожил только пост ГИБДД, где вообще никого не оказалось: ряд окон «птичника» — застеклённой двухэтажной будки, где вечно кто-то торчит, был тёмн, что странно. Как обычно, мы проследовали мимо снизив скорость, но на обочине вокруг «скворечника» тоже не было ни души. К тому же что-то стало со связью на всех

волнах радиоэфира слышался ровный шорох помех, работали только служебные коротковолновки. Тряхнув головой, я провёл обычную переключку и снова сосредоточился на дороге. Постепенно, стало светать, серые сумерки начали сменяться более ярким, утренним светом. Из-за стоящих сплошняком деревьев само солнце покажется ещё не скоро, поэтому я не торопился выключать фары и сдержав зевок, снова попытался поймать какую-нибудь станцию. Всё-таки с музыкой ехать гораздо веселей. Шипение и треск сменились невнятным бормотанием, потом прозвучали обрывки какой-то электронной

мелодии... Ага, новости!

— ... Премьер министр России призывает граждан Российской федерации сохранять спокойствие. Войска Западного военного округа^[1] отражают нападения превосходящих сил противника... Войсками Североатлантического альянса, атакована особая группа войск Калининградского... Норвежский десант, выброшен в районе порта Архангельск... механизированные части экспедиционного корпуса морской пехоты США продвигаются к городу Уссурийску....

Не знал, что возобновили передачу «театр у микрофона», опять фантастику какую-то запустили. Или

розыгрыш, с этих отмороженных радиийщиков станется, народ разводят как хотят. Я тщетно попытался поймать что-то ещё, но треск и вой стали совершенно нестерпимыми и пришлось выключить радио совсем. Магнитолу я брал на свой страх и риск, правилами внутренней службы её наличие в служебной машине почему-то запрещалось. Утро выдалось на удивление спокойное: колонну никто не обгонял, встречных машин тоже не попадалось, что редкость для этого времени года. Обычно туристы и перегонщики стараются выехать затемно, чтобы не попадать в заторы и проскочить дорожные посты квёлых с утра

гаишников. Отсутствие попуток, я понимал: пока разгребут тот бардак, пока наладят движение в объезд, но вот почему.... Мимо по встречной, прервав мои полусонные размышления, промчался на дикой скорости какой-то автомобиль. Всё, что я успел заметить это отблеск фар и массивный хромированный бампер типа «кенгурятник». Джип проревел клаксоном и на скорости скрылся позади.

— «Полста второй» — Я вызвал по рации Михася — ты видел смертника, что мимо пролетел?

Ответ не заставил себя ждать, Мишка, как и все наши караванщики тоже были изумлены больше

обычного:

— Здесь «полсотни второй». Видел какой-то синий «субурбан» (городской внедорожник — авт.) Скорость под восемьдесят кэмэ, может отрывался от ментов, там больше никого?..

Снова эфир взорвался треском статических помех и я перестал вообще что-то слышать. Перезванивать на «трубу» и тратить время на дозвон, тоже не было смысла. Держать связь по мобильнику вообще мало когда получалось, связь на трассе вещь неустойчивая. Сотовый телефон никогда на перегонах толком не ловит, но сейчас три столбика сети

ещё держится, только по какой-то причине звонки и SMS не проходят. С востока, стал приближаться нарастающий очень знакомый звук — стрёкот вертолётных винтов. Высунув голову в форточку, я увидел как над самыми верхушками деревьев на северо-запад прошла вертолётная пара. Это были армейские «крокодилы»^[2] полностью снаряженные для боевого вылета, а под крыльями на оружейных пилонах я увидел контейнеры для дистанционного минирования, что вообще из ряда вон. Вертушки чуть качнувшись изменили курс и пошли вперёд по шоссе, пару мгновений и они скрылись где-то за очередным

поворотом и всё снова стихло. Оставив попытки связаться с конвоем. Просто продолжаю ехать вперёд, чёрт его знает, может опять какие-то учения....

Небо в той стороне, куда ушли вертолёты вдруг преобразилось, став нестерпимо белым. Ряд вспышек заполонил горизонт на пару километров впереди. По инерции я всё ещё продолжал ехать, когда ушей достиг мощный раскатистый удар, словно гигантский молот ударил по наковальне. Потом метрах в пятидесяти впереди и справа, на дорогу обрушилось несколько сосен, потом ещё и ещё. Шквалистый ветер, пришедший вслед за громовым

раскатом принёс ошмётки мусора, ветки и камни. Один, довольно увесистый булыжник, ударил в лобовое стекло «пятёрки», от чего оно пошло трещинами. Резко ударив по тормозам и высунув в форточку руку, я дал знак идущим за мной фурам остановиться. Такой грозы ещё видеть не приходилось, что же делается в Новосибире? До него, правда, ещё пилить и пилить: километров сто пятьдесят. Впереди небольшой городок — Болотное, до него уже рукой подать. Что там сейчас творится?.. Я вышел и начал осматривать повреждённое стекло, мысленно попрощавшись с премиальными. То что это сделала

стихия, никого в офисе волновать не будет, спрос опять будет с меня. Фуры остановились из головной прыгнул на землю Михась и чуть неловко припадая на правую ногу, подбежал, встав рядом:

— Здорово громыхнуло, аж зубы зачесались. Что это, как думаешь?

— Если по уму, то гроза — Я дёрнул за шнур уплотнителя и стекло упало на капот, рассыпавшись на несколько кусков и кусочков — а если по ощущениям, то взрыв чего-то мощного... очень мощного. Километрах в двадцати отсюда, аккурат в Болотном рвануло. Чуешь, как гарью тянет?

Михась встревожено и с опаской

поглядел вперёд, но ничего кроме завала на дороге не увидев пожал плечами.

— Не. Какой к лешему взрыв, складов военных тут нету, полигонов тоже. Даже заваливающей ядерной станции не построили. Может и правда, гроза была.

— Может и так, меня сейчас больше стекло беспокоит и то, что объездной дороги поблизости нет. Из графика выбиваемся, зарплата опять как у крепостных будет.

— Что предлагаешь, на себе эти фуры через лес переносить?

— Зачем сразу на себе, пошли крестьян искать, может трактор у кого найдём....

— Слушай — Мишкино лицо осветилось догадкой — А может в офис позвоним, сообщим мол так и так....

Я только укоризненно посмотрел на приятеля, взывая к остаткам разума. Мы оба точно знали, что никто не будет слушать наши оправдания, а тем более помогать. Гораздо проще будет нас оштрафовать или совсем выгнать, ничего не заплатив.

— Хватит светлых идей, пошли трактор искать, пока окончательно не опоздали. Иди к машинам, пусть подгоняют фуры чуть поближе к завалу, чтобы в случае чего, мы были первыми в очереди. Скажи Трофиму

и Андрюхе, что они остаются с караваном. Оружие с предохранителей снять, мало ли чего.

— А ты?

Внутренне поборов нехороший скрёб виртуальных кошек на душе и стараясь сохранить скучное выражение морды лица, только махаю рукой в сторону стоящих стеной деревьев на обочине слева от шоссе:

— А мы с тобой пойдём за трактором — Сунув голову в салон, я достал с заднего сидения брезентовый вещмешок, подцепив его за лямки и горловину — Как знал, что эту «бомбу» нам с тобой не попробовать.

При виде доставаемой на всеобщее обозрение из мешка двухлитровой бутылки водки, Михась помрачнел, но выпустив воздух сквозь зубы, только тряхнул головой и побежал к машинам, раздавать указания. Я же вновь спрятал бутылку обратно и в одного дотолкал легковушку почти до завала, оставив фору для будущих спасательных работ, буде найдём трактор. Когда же колонна выстроилась вслед за «пятёркой», а Михась прибежал с рапортом, что мол: «кони стоят пьяные, а хлопцы запряженные», мы двинули в лес, чтобы найти какую-нибудь тропинку, ведущую к людям.

Плутать долго не пришлось,

отыскалась сначала реденькая тропка, а потом и довольно широкая грунтовая дорога, какие обычно ведут к жилью. Осмотрев колею, я прикинул что тут кто-то проезжал на обычной легковушке ещё вчера. Сойдя на дорогу, мы с Мишкой двинулись в сторону где лес становился более редким. Обычно это один из первых признаков человеческого жилья. Глинистая, жёлтая грязь, уже через полчаса ходьбы собралась на подошвах берцев в гигантские «лапти». В лесу всегда так: земля сохнет медленно, вода собирается в лужи и зацветает. Напарник уже насвистывал какой-то привязчивый мотив, я же

осматривался по сторонам, но ни единого просвета ни впереди ни по сторонам не было совершенно. Спустя ещё минут сорок упорного продвижения вперёд, дорога свернула вправо и вывела на край большого луга, на дальней оконечности которого начинался нормальный просёлок и виднелись крыши домов. Повеселевший Мишка, наддал ходу и мы пересекли заросший высокой травой луг, сбивая утреннюю росу. То, что трава не скошена меня сразу насторожило, так бывает в заброшенных деревнях, или там, где живёт очень мало народу. Просить у таких трактор, это просто издевательство, так и так придётся

идти назад и пытаться вызвать помощь. Как крайняя мера, мной рассматривался вариант расстыковки одной из фур, чтобы на тросах растащить завал на дороге. Естественно, что приятелю я о своих догадках не сказал, не стоит каркать. Догнав напарника и на всякий случай поправив кобуру, я внимательнее присмотрелся к деревне, куда мы вошли. Одна улица, два ряда домов разной степени неряшливости, сего дворов десять—пятнадцать. Мусор на земле и в стеблях пыльной травы на обочинах. Стёкла в окнах целые, стены на некоторых домах крашены, крыши не провалившиеся. Но странное дело:

не слышу лая собак, скотина тоже не подаёт голос, это тоже не типично. Складывается впечатление, что люди словно разом вышли куда-то. Постепенно, до сознания начало доходить, что же в этой картине мне показалось тревожным: химический резкий запах. Нет, в нос не шибало, душок тонкий, едва уловимый, но... чужой и тревожный.

Тронув Мишку за рукав, я дал ему сигнал приготовить оружие. Чуйка никогда меня не подводила, а сейчас чувство опасности и близкой беды просто вопило во весь голос. Михась привык доверять тому, как я веду себя в острых ситуациях поэтому молча снял с плеча свою

укороченную «Сайгу»^[3] и тихо отжал предохранитель, высвобождая затвор. Я же достал свою «мухобойку» и сняв с предохранителя дослал патрон, стараясь сделать это как можно тише. Дав напарнику сигнал прикрывать, я открыл калитку ограды первого же дома справа и вошел во двор, держа пистоль у бедра. В кино и всяких книжках герои прижимают ствол к груди дулом вверх, либо выставляются с ним на вытянутых руках. Смотрится очень эффектно, на то это и выдумка. Но в реале так лучше держать оружие на стрельбище или уже выйдя на рубеж, для стрельбы по мишеням. В жизни, чем короче твой силуэт, тем

меньше шансов быть обезоруженным или иметь простреленную конечность. Это я почерпнул в «учебке», этому же научил и напарника. Поэтому если взглянуть на меня мельком, то не сразу заметишь и сам пистолет, и подсознание не среагирует на угрожающую позу. Я же могу сделать первый выстрел и от бедра, при достаточной практике, зацепить близко стоящего противника — верняк... Мгновенно окинув узкое пространство внутри ограды я понял, что тут никого нет. Хозяева не держали собаки: нет ни будки, ни просто миски с отходами, не чуял я и специфического пёсьего запаха. На

чердаке тоже никого — лестница кое—как сколоченная из почерневших от времени жердей, стоит у дальней стены, далеко от слухового лаза. Если бы на чердак кто—то полез, её бы поставили ближе или просто втянули внутрь. Поднявшись на крыльцо, знаком показал Михасю, чтобы взял на прицел окна, а сам толкнул ногой входную дверь и присев прижался к левой притолоке. Никого, только пахнуло сыростью, да звякнуло что—то. Показав напарнику, что иду внутрь, я так же осторожно толкнул левой рукой дверь во внутренние помещения дома. Печка, кухонный стол, никакого беспорядка и ни единой живой души. Бегло

осмотревшись и не забыв заглянуть в подпол, я вышел на крыльцо и отрицательно покачав головой в знак того, что дом пуст, махнул напарнику на соседний напротив. Так мы провозились около получаса, осмотрев ещё семь домов и все хозяйственные постройки. Везде одна и та же картина: люди жившие тут ещё вчера, вдруг скопом собрались и ушли в неизвестном направлении взяв с собой всех собак, кошек но забыв прихватить провизию и одежду. Осмотр крайних домов прояснил кое—что: во дворе я нашёл мёртвого цепного кобеля, чёрного в белых пятнах «двортерьера», размером с небольшого телёнка. Пёс

издох не более десяти часов назад, причём почти мгновенно: не было заметно следов длительной агонии, он просто умер на ходу. Но в доме снова никого не оказалось, все вещи и даже продукты лежали так, словно хозяева только что вышли. В доме с издохшим псом, например, ещё со вчерашнего вечера стояла на столе тарелка с прокисшими щами, а рядом черствел недоеденный кусок хлеба, тут же пучок вялых перьев зелёного лука и керамическая белая солонка с откинутой крышкой.

С улицы слышался осторожный свист, я быстро вышел во двор, держа пистолет наготове, деревенька мне всё больше и больше

не нравилась. Напарник стоял уже на околице и взмахами свободной от оружия левой руки призывал меня к себе, указывая стволом карабина куда—то влево. Из—за скособочившегося сарая, мне не было видно, что он хочет показать, поэтому пришлось лёгкой трусцой нагонять Михася. Вид у приятеля был растерянный и испуганный одновременно: капли крупного пота выступили на побелевшем лице, глаза возбуждённо блестели.

— Ты... — Судорожно сглотнув, Мишка вытолкнул из себя совершенно бессмысленную фразу — сам глянь, как народ нынче хоронят.... Деревнями....

Не тратя времени на выяснения, я посмотрел в сторону указанную напарником и всё понял. Сразу за сараем стоял синий трактор с заглушенным двигателем и открытой дверцей высокой кабины — стакана. Чуть правее, была видна полоска свежевскопанной земли, шириной два метра и длинной около десяти. Присмотревшись, я увидел, что из земли торчит белая детская рука. Не кукольная и не от манекена, а именно рука детского трупа, уже окоченевшая с объединенными полевыми грызунами пальцами.

— В ограде найди лопату — Не оборачиваясь бросил я через плечо Михасю — Нужно посмотреть, что

случилось. Живей!..

Подстёгнутый окриком, Мишка побежал в ближайший дом и принёс две лопаты, какими народ ворочает навоз, копает картошку. То, что собирались делать мы, в рамки мирного мировоззрения не укладывалось. Вдвоём мы за полчаса расширили ров и сняли тонкий слой земли с братской могилы, а это была именно она. Все жители деревни лежали тут, сложенные друг на друга: женщины, дети, мужики. Кто-то аккуратно собрал трупы по дворам, а потом уложил их в ров, пересыпав каким-то белым порошком. Ни единой раны, ни одного пулевого отверстия я не заметил. Кто бы это

не сотворил, скорее всего применили какой-то газ, запах которого до сих пор чувствовался в деревне. Я повернулся к напарнику, Мишка был бледен, но шок уже отпускал понемногу.

— Газом деревню потравили, потом собрали трупы и прикопали за околицей. Скорее всего от леса, метров со ста двадцати. Миномёт или ручное оружие, вроде подствольников. Танк, вертушку или бронетранспортёр, люди бы заметили и попытались укрыться. А так: неслышно подошли и одним — двумя залпами накрыли всех.

— Этого не может быть, бред какой-то!..

Мишка снова вскочил и бросив карабин стал ходить взад—вперед, лихорадочно вытирая руки о штаны. При этом в ров он старался не смотреть, постоянно отводя глаза в сторону. Остановившись и достав из нагрудного кармана чёрной куртки с эмблемой и атрибутикой нашего агентства, початую пачку сигарет «Пётр I», он жадно закурил, оторвав предварительно фильтр.

— Газ точно какой—то новый, с приличной концентрацией —
Словно бы чужим спокойным голосом продолжал я — Люди умерли сразу, кто где был. А рассеялось всё через час с небольшим. Трава на дальнем лугу

даже не пожелтела и тут всё зелёное.

— Ты что, железный?! —

Мишку трясло, словно в лихорадке — Люди погибли, тут человек сорок лежит!..

— Тридцать восемь — Поправил я приятеля поднимаясь с колен и беря лопату в руки — Из них десять ребятишек, двое маленькие совсем.... Давай закопаем могилу, потом заводи трактор и поехали на трассу, нужно до города добираться и обо всем ментам рассказать.

Я вынул мобильник и включив фотокамеру сделал несколько снимков. Слова в наше время высоких технологий штука дешёвая. А так любой мент хотя бы из страха

перед уликами, быстрее пошевелится и смерть крестьян начнут расследовать без проволочек. Если конечно, я ошибаюсь и имеет место какой-то чудовищный по своей нелепости несчастный случай я не... Бред, бред! Чёрт возьми, крутейший бред лезет в голову!

— Но если это газ... думаешь, военные, что на вертушках пролетали?

Михась уже успокоился, крепкий мужик, но малость непривычный, это нормально. Подобрал карабин приятеля, я протянул ему оружие и принялся закапывать могилу, последней я как мог бережно уложил уже

окоченевшую руку маленькой, лет шести, девочки. Чихнул и завёлся движок колченогого трактора, я запрыгнув в кабину встал на подножку рядом с водительским местом. Мишка угрюмо вёл трактор, переваливающийся по колее словно утка. Весь обратный путь мы проделали в молчании, увиденное просто не укладывалось в голове. Через полтора часа, когда солнце уже жарило во всю, мы с трудом вывернули на трассу, метрах в двадцати от места завала. По узкой тропке прямо к стоянке колонны подъехать не дали плотно стоящие к шоссе деревья. С места где стояла головная машина тянуло дымком

костра, пахло чем-то съестным. Мишка, позеленев лицом высунулся в форточку и его вырвало, от чего трактор опасно рыскнул влево, чуть не съехав снова в лес. Я спрыгнул с подножки и махнув приятелю как будто ничего особенного не случилось, показал на завал:

— Трос у Варенухи возьми, верхонки у меня в багажнике вместе с фомкой. Щас народ поест и пойдем завал разгребать. Про трупы пока молчи, не стоит панику наводить. Растащим деревья, потом введём народ в курс дела. Увидев трактор, артельщики побросали всю снесь и принялись расспрашивать, как нам удалось сговориться с крестьянами.

Но Михась молчал, а я молча присел к разведённому в стороне от дороги костру и наложил себе полную миску макарон с тушёнкой, чтобы пресечь любые расспросы. Напарник ничего на этот мой жест не сказал, просто ушёл к своей фуре и залез в кабину. Что я мог сказать убитому всем произошедшим парню, которому довелось за раз увидеть такое количество покойников, сколько он бы не навидался и за всю жизнь? Утешать других я не умею, а от аллергии на мертвечину вылечился ещё в 95-м, когда трупы на улицах одного южного города, были что опавшие листья по осени: их было до фига и они жутко воняли. Дня не

проходило, чтобы с трудом запиханная в желудок хавка, не просилась обратно. Спустя какое-то время, просто притерпелся, отстранился и зачерствел душой. Созерцание чужой смерти сделало не то чтобы равнодушным к своей собственной, отнюдь. Просто пришло внутреннее понимание, что смерть, это часть жизни, которая непременно произойдёт, какие бы чувства ты к ней не питал. Деревенским ещё повезло умереть тихо, без мучений, но само собой, я им не завидовал. И ещё один урок я выучил на войне: как бы плохо тебе не было, никогда не отказывайся от еды, если есть возможность

подзаправиться. Часто голодать приходилось неделями, а уж про горячее только мечталось и мнимый запах куриного супа, бывало доводил до исступления.

Пока я ел, Варенуха и двое других водил, уже наладили стяжку и трактор споро оттаскивал поваленные хлысты на обочину. Спустя час спорой работы, в которой мне пришлось принять довольно посредственное участие, завал был с грехом пополам расчищен. Мужики только ворчали во время процесса и просили не путаться у них под ногами. Наконец, завал разгребли настолько, что моя «пятёрка» и фуры спокойно могли пройти по шоссе.

Выбитое камнем стекло ничем уже не заменишь, поэтому ехать придётся медленно, но я настоял на том, чтобы мы задержались ещё немного. Собрал вокруг себя всю нашу небольшую артель, я коротко рассказал, что мы увидели в деревне. Сначала, не никто не поверил, но после того, как я продемонстрировал фотку сделанную на камеру мобильного, народ слегка обалдев, начал стихийный митинг. Но в глазах людей, даже сжимавших в руках оружие, читалась только одна эмоция: едва сдерживаемый панический ужас от подсознательной мысли о том, что это может означать на самом деле. Так или иначе, но мне

удалось призвать народ к порядку и напомнить, что будет, если груз в срок не прибудет в Новосибирск. Михася я посадил к себе в машину, заставив на всякий случай приготовить оружие. Он положил карабин на колени и с какой-то болью во взгляде посмотрел на меня:

— Антоха, что творится, ты понимаешь? Почти сорок человек людей, так вот просто на тот свет отправить, это же кем нужно быть....

— Приедем в Болотное, пойдём к местным ментам — Я повернул ключ зажигания и машина завелась — Главное, по сторонам поглядывай. Может бандиты эти рядом ходят, а у нас груз ценный....

— Но ты ж сам сказал....

Меня накрыл приступ раздражения, на Михася, на долбанную работу, хитрых шоферюг и даже на мёртвых крестьян, случившихся в жизни очень не вовремя. Всем вокруг нужно простое и желательно нестрашное объяснение, услышав которое всё встанет на свои места: мы спихнём сорок трупов ментам и спокойно поедem дальше, сдадим груз и уже через трое суток снова будем дома. А в квартирке свет, тепло и телевизор. Добавим на грудь пару пива и жизнь снова прекрасна и удивительна! Самое страшное в этом было то, что так думают все. То есть поголовно

все, не исключая и тех, кто будет искать убийц этих потравленных людей. Тотальное равнодушие, пустые сердца, мёртвые улыбки и повсеместная трескотня бравады. Неспокойную совесть и чувство опасности можно заглушить трепотнёй с друзьями. А для экстремалов есть интернет и всякого рода псевдо-войнушки, шатания по пригородным лесам с игрушечным оружием тоже своего рода разрядка. В реальной жизни всё совсем иначе: вот есть мёртвые дети, а вот совершенно очевидная причина — миномётный обстрел. Я знаю, что ни один промышленный газ, так быстро не убивает, зато вот газ военный

вполне на это способен. Но подсознание не хочет мириться с очевидным, отводит глаза, убаюкивает логику. Это меня отрезвило и поборов минутный всплеск эмоций, я как можно твёрже сказал приятелю:

— Миша, я видел ровно то же самое, что и ты. Рация не работает, телефоны молчат. Наберись терпения, до города уже рукой подать, вон мостик переедем....

Впереди открывалась перспектива на небольшой бетонный мост, через какой-то ручей, за которым должна была появиться стела с названием города, но ничего не было. Не снижая скорости, наш

конвой начал перебираться через него, всем хотелось поскорее добраться до тех, кто всё объяснит и поможет. Я искал на горизонте хоть какие-то признаки цивилизации, но впереди был только лес. Городок этот не шибко большой, дома все старой постройки, поэтому ориентиров особо никаких. Разве что на въезде стоит какой-то длинный красный дом, вернее стоял.... Стела с названием города валялась прямо на дороге, непонятно кем поваленная, а от дома остался только фундамент, за дымящиеся развалины. Удивиться происходящему ни я ни напарник толком не успели. Потому что как только последняя фура

каравана стала переваливать через мост, слева со стороны лесополосы раздались три слитных хлопка и кабина грузовоза взорвалась ярким клубом оранжево—чёрного пламени. Дальше я действовал почти машинально, накрепко вбитые рефлексy никуда не ушли, они просто дремали до поры, чтобы сейчас в очередной раз спасти мне и приятелю жизнь. Перегнувшись к пассажирской двери, я дёрнул стопор и одновременно нажал плечом, выталкивая Мишку наружу:

— На обочину! Уё... ай от машины в кювет, головы не поднимать!..

Обратным движением,

скатываюсь с сидения и ныряю прочь из салона, стараясь перекатом уйти в противоположный кювет. Следующая серия хлопков оказалась почти неслышимой, поскольку сразу же последовало ещё три взрыва подряд, последний был точно в район левого заднего крыла «пятёрки». Ударной волной и жаром огня опалило волосы, уши заложило и рот наполнился запахами палёной резины и горючего. Стараясь уйти как можно дальше от расстреливаемой колонны, я зажал голову руками, чтобы хоть так защититься от визжащего в воздухе железного вихря осколков.

— Ду — дуух — та-та-та-та!

Подо мной мелкой дрожью затряслась земля, краем глаза я увидел, как вокруг возникают земляные фонтанчики. Теперь я точно знал, что это такое: кто-то сначала расстрелял колонну из автоматической тридцати миллиметровой пушки. А потом добивал уцелевших из курсового или башенного пулемёта. Что может сделать безоружный человек в чёрной униформе, так хорошо видимый на зелёном фоне невысокой, почти газонной травы? Только двигаться, катаясь по земле словно ужаленный.

— Трр — та — та-та! Ду — дуу — ухх!..

Пулемётчик особо не старался, видимо как и любого уверенного в себе человека, сидящего за рычагами мощного, сметающего всё и вся оружия, ситуация с беззащитной мишенью его забавляла. Пули ложились совсем рядом, впиваясь в землю со злым гудением, заставляя её дрожать как живое существо. Потом, всё моё тело сотряс неслабый удар, пришла резкая боль и темнота, но сознания я не потерял. Случилось то, что любой в схожей ситуации назовёт чудом. Катаясь по лугу, я провалился в недавно вырытую для каких-то хозяйственных нужд траншею.

— Бумм — аххх! Бум — ах!

Бумм!...

Стрелку надоело меня убивать. Поэтому он накрыл то место, где потерял вёрткую мишень очередью из главного калибра. Сквозь ватную тишину и мозжащую боль, я мог расслышать только стрёкот пулемёта и новую серию разрывов, но они снова шли от дороги, где догорала наша колонна. Просто замереть и валяться в сырой полутьме было бы неправильно, поэтому встав сначала на карачки, а потом и осторожно распрямившись, я выглянул из своего нечаянного укрытия. Первым делом в поле зрения попала приземистая боевая машина расстрелявшая колонну. Деловито урча, непонятная

гусеничная танкетка выворачивала из-под прикрытия деревьев, развернувшись в сторону шоссе. По прямой до неё было метров сто и это расстояние быстро сокращалось. Большого удивления не вызвал её внешний вид, хотя вроде бы ничего особенного. Угловатый короткий силуэт, тонкий стержень автоматической пушки и камуфляжные чёрно-зелёно-коричневые разводы на броне. Это точно, БМП. Только вот среди наших, даже самых современных я таких обводов никогда не встречал. [\[4\]](#) На левом борту ближе к носу трафаретные белые цифры «11» и ниже «42». Машина рыкнула и

быстро пошла в мою сторону, орудийная башня скорректировалась и теперь тонкий ствол пушки с утолщением компенсатора смотрел точно в мою сторону. Не раздумывая, я резко присел зажав уши руками, ожидая что вот сейчас меня похоронят. Очередь из тѣх снарядов на таком расстоянии это верная смерть. Внутренне сжавшись, где-то в душе я надеялся, что вот сейчас проснусь и всё это какой-то похмельный кошмар. В очередной раз дрогнула земля, зубы выбили во рту чечѣтку, а из прикушенного языка засочилась в рот кровь. Лишь мгновение спустя пришло понимание, что звук был в стороне

от траншеи, как раз там, откуда приближалась БМП. Откуда-то пришла лихорадочная и глупая мысль, что вот это «наши» пришли. Но здравый смысл окончательно вытеснил остатки мирного расслабленного благодушия и я только расстегнул кобуру и вынул «мухобойку». Никто уже не придёт, «наши» по всему видно совершенно сдулись. Распрямившись снова, сжимая пистоль, я посмотрел вперёд выглянув из-за края заросшей травой траншеи. Снова мне очень сильно повезло: БМП замер на месте. Гусеница, часть фальшборта и передний ведущий каток оторвало взрывом, звук которого я слышал. Тут

я различил в траве перед собой знакомый цилиндрический предмет. Это была противотанковая мина, ещё советского образца ПТМ.^[5] И тут же вспомнилась вертолётная пара с контейнерами для «засева». Значит, «наши» всё—таки есть! В голове сложились фрагменты мозаики и я понял логику событий, хотя бы на данном отрезке реальности. Наши отступали, но командование и какое—то владение оперативной обстановкой сохранялось. Ведь кто—то же отдал вертолётам приказ, перекрыть опасное направление и засеять его минами. А раз «гостинцы», определённого типа, то и данные о противнике кое—какие

тоже присутствовали. Это бодрит, прямо—таки вдохновляет где—то.

Сжимая пистолет, я рывком вылез из траншеи и метнулся к броневика, чтобы быстрее войти в мёртвую зону орудия и курсового пулемёта, если он там был. Адреналин обострил все чувства, сейчас хотелось только одного: убить танкиста. Словно опомнившись, башня начала проворачиваться вслед моему движению, а из—за броневика появился солдат. То, что это был солдат я понял мгновенно. Потому как в руках у него был автомат, а весь он упакован в камуфляж и уже поднимал оружие, чтобы пристрелить меня. Это был конец:

нельзя остановиться, чтобы выстрелить по солдату, поскольку пулемётная очередь из БТРа просто хлестнёт по сектору и обязательно достанет. А солдат уже поднимает короткий автомат и тоже ловит меня бегущего по ломанной линии прямо в его сторону. Мир сузился до нескольких метров травы перед глазами и спокойного лица иностранного пехотинца. Надежда была только на то, что оба моих противника не успеют принять верное решение.

— Тах! — Солдат недоумённо дёрнулся и опуская оружие начал поворачиваться назад — Тах — Тах!

Трескучие, до боли знакомые

звуки! Солдат повалился навзничь, а башня БТРа замерла словно бы в недоумении. Это было больше чем чудо, это уже судьба: звук мне показался знакомым, потому что я много раз слышал его на арендованном агентством стрельбище. Так звучит только Мишкина «сайга». Всё это я осознал только добежав до упавшего пехотинца, отбросив экзотическое оружие подальше от его скребущих в агонии рук. Бегло обыскав трепыхающееся ещё тело, я нащупал в кармашке его бронежилета интуитивно знакомый предмет. Массивный продолговатый цилиндр, по виду — наступательная граната.

Доли секунды на то, чтобы осмотреть: ничего особенного, кольцо, предохранительный рычаг задержки всё как у нас. Не раздумывая вынимаю колечко и зажав предохранитель осматриваю корпус машины в поисках открытого люка. Ага! Задняя аппарель откинута, словно корабельный трап и я не думая долго, швыряю гранату внутрь десантного отсека. Но ничего не произошло, всё осталось как было. Запоздало пришла мысль, что вот они пробелы в образовании: не читаю газет, не выписываю нужных журналов, а то бы знал, что и как в этих импортных гранатах работает. Присев у борта я крикнул:

— Михась, это ты «фрица» приложил?

Сначала всё было тихо, только беспомощно жужжала гидравлика внутри вражеской танкетки. Потом слышался хриплый смех и изменившийся до неузнаваемости голос отозвался:

— Антоха, я уж думал.... — Голос приятеля дрогнул — Думал, что не свидимся больше! Ты как там?

— Нормально, жив пока. Сиди где сидишь, гады эти на мину нашу наскочили, но все вроде целы. Шарахнуть из пушки могут, не высовывайся, я чего-нибудь придумаю....

Всё вокруг стало завлакивать

неизвестно откуда взявшимся туманом. Мне показалось, что это слёзы застилают глаза, но через секунду стало ясно — дым валит из десантного отсека БМП. Я поднялся и чуть пошатываясь обошёл машину с тыла. Дым валил из отсека застилая всё вокруг непроницаемым белёсым покрывалом. А секунду спустя, верхний люк открылся и на землю, спиной ко мне прыгнул танкист, которого я тут же отоварил рукоятью пистолета. Охнув, человек как подкошенный рухнул на траву. Вынув из брюк ремень, скрутил «фашисту» руки за спиной и отошёл от танкетки, на случай если полезет кто-то ещё. Так и случилось:

открылся другой люк в палубной носовой части корпуса и наружу стал выбираться ещё один танкист. Снова повторилась процедура с первым пленником, только этого я просто оглушил, ремней на всех не хватило. Перевернув на спину первого пленника, я расстегнул на нём матерчатый кевларовый ремень с пластмассовыми пряжками и уже им спеленал мехвода, а это несомненно был он. Дым становился всё гуще, но из железного коня больше никто не показался. Справедливо решив, что лучше отойти подальше от чадящей жестянки, подхватив за шкуру первого пленника, я стал оттаскивать его к шоссе, где залёг Михась. От

дороги слышались радостные крики, ко мне спешило сразу трое артельщиков: собственно Михась, Варенуха, и самый наш младший охранник — Андрей. Быстро кивнув товарищам по несчастью, я указал им на чадающую машину и сквозь зубы проговорил:

— Там возле левого борта ещё один «фриц» лежит, тащите его сюда....

Оставив пленного, я присел рядом на траву, впервые как оказалось за последние полчаса, переводя дух. Ещё раз посмотрев на окутанную плотным облаком медленно рассеивающегося дыма боевую машину, я только сейчас

сообразил, что несмотря на общее положение полной жопы, где-то мне очень сильно ворожит удача. Вместо обычной осколочной гранаты, мне попалась под руку какая-то дымовая шашка. Брось я внутрь БМП настоящую гранату, вполне возможно, что сейчас я бы на травке не отдыхал. Как минимум опять словил бы контузию и осколочное ранение, боекомплект штука непредсказуемая. Мелкое везение на фоне крупных неприятностей всегда казалось мне насмешкой судьбы. Мир рухнул так обыденно и неотвратимо, что не осталось сил изумляться и мало-мало погоревать над утраченным благополучием.

Прошло каких-то двадцать минут, а мне показалось, что минуло лет сто, так всё было долго и.... Страх только сейчас охватил всё моё существо, стало ощутимо потряхивать. Оглянувшись назад, я увидел, что нашему конвою пришёл конец: все три фуры покорёжены взрывами, грузовые отсеки издырявлены пулями и местами пробиты снарядами. Грузу хана, это однозначно. И тут меня пробрал нервный смех, но я не дал ему выбраться наружу, задавил кашлем. На плечо легла ладонь пахнувшая соляжкой, это был Варенуха, в руках водила держал кроткий автомат подобранный у иностранного

покойника, а на голове браво сидел шлем в камуфляжном чехле, с болтающимся ремешком.

— Антон Вячеславич, там ещё один под танком хоронился — Голос у единственного из оставшихся в живых водил дрожал от страха, глаза растерянно и с надеждой смотрели на меня — Так я его монтировкой зашиб, мне за это ничего не будет?

Человек только что убил врага, пришедшего в его страну с оружием в руках и чуть не поджаривший его самого. Всё, что его волнует, это уголовная ответственность перед наверняка уже несуществующей властью, позволившей этому самому врагу прийти и попытаться убить

этого законобоязненного пожилого
трудягу. И как мне, тоже едва
спасшемся, от такой же незавидной
участи ему ответить? Собрав остатки
спокойствия, вдруг неожиданно
нашедшимися где-то в закоулках
сознания, я как мог уверенно сказал:

— Ничего не будет, вот
выберемся из этой передрыги. Может
даже потом спасибо скажут или там
медаль какую сочинят.

— Это... — Варенуха уже понял
что случилось, но остатки мирного
сознания всё ещё не отпустили его
здравый смысл на волю — Это же
типа самооборона была....

— Нет, Виталий Семёныч — Тут
я даже подивился, как легко у меня

выскакивают эти слова — Это не самооборона, это самая настоящая война.

Варенуха только пожал плечами и присел рядом. Умом, наверное, он тоже понимал: вот вражеская техника, вот нерусские солдаты; а вот мы, четверо не понять как выживших мужиков. И теперь уже все мы сделали свой выбор, даже толком не осознавая его последствий. Они пришли, чтобы обеспечить себе хорошую жизнь, а для этого, нужно убрать всё что мешает. Мы все должны умереть, потому что стали этой самой помехой на пути нового гегемона, высшей расы. Теперь выбор для нас

стал очевиден, пусть и маячил он в подсознании каждого, кого иностранцы называют «русский». И мало кого из новых хозяев волнует блеяние отдельных селян, что они вроде как самобытные и не совсем русские, а совершенно напротив. Всех, кто живёт на бочке с нефтью, всякой рудой и драгоценными камнями, просто решили вычеркнуть, раз мы отказываемся вымирать сами. Свободный мир устал ждать, им надоели полумеры. В очередной раз пришли охотники за шкурой ещё живого, но уже сильно подраненного медведя. Всё стало предельно просто: мы убиваем их, чтобы спастись, или они добивают

нас. Значит, будем сопротивляться. Поднявшись с земли, я пинком взбодрил связанного танкиста, своего первого «крестника» на этой новой войне. Буднично отметив, что это второй раз, когда я поневоле оказываюсь приглашённым в чужой балаган. Танкист выгнулся и что-то залопотав попытался сесть, но снова упал. Тогда я взял его за шкурку и рывком посадил так, чтобы его лицо оказалось напротив, когда я присяду вровень. Споро обыскав пленного я выложил всё найденное горкой и присел рядом перебирая трофеи. Припомнив все свои знания, начал выстраивать линию разговора, стараясь произносить иностранные

слова медленно и чётко. Глядя в удивлённые серые глаза выделяющиеся на круглом веснушчатом лице иностранца, спросил:

— Кто ты такой? Говори правду и тебе оставят жизнь. [\[6\]](#)

Вздрогнув, иностранец удивлённо посмотрел на меня. Он не ожидал, что чумазный мужик в непонятной чёрной униформе знает его язык. Безошибочно, я заговорил с пленником по-английски. С того самого момента, как только закапывал трупы крестьян, у меня не было сомнений в том, какой враг на этот раз пришёл на мою землю.

— Специалист второй группы

первого отделения, отдельного сапёрного взвода 172-ой пехотной бригады Эд Мастерс — Без запинки отчеканил пленный — Личный номер....

— Американец?

— Да.

— К какой базе приписана ваша часть?

— Форт Уэйнрайт, Аляска.

В кино американцы постоянно скалятся, словно слышали что-то смешное или нечто прикольное вот-вот произойдёт. Но этот конкретный янки, был просто слегка ошеломлён тем, что его взяли в плен непонятные аборигены. Долговязый, худой с рыжевато-каштановыми волосами,

сбритыми почти под «ноль». Пока он в ступоре, я продолжал спрашивать:

— Русские, поди в родне имеются?

Солдат с явным сожалением отрицательно замотал головой. В его понимании, если бы в роду у него действительно проскакивали русские, это вроде как плюс. Он не знал, что к иностранцам, пусть даже и врагам, у нас всегда относились мягче. Другое дело тот, кто понимал и нарочно пришёл убивать тех, кто с ним одной крови. Взволновавшись, что бонуса не оказалось, пленный уточнил:

— Нет, я сам из Сиэтла... Вы правда меня отпустите?

Я уже знал, как поступить с «языком», поэтому с чистой совестью его успокоил:

— Отвечай на мои вопросы честно и тогда непременно отпущу. Когда началось вторжение, где направление главных ударов?

Откашлявшись и собравшись с мыслями, специалист Эд Мастерс стал подробно излагать всё, что ему было известно. Такая сговорчивость была понятна он всерьёз не верил, что его рассказ может хоть как-то повредить.

— Чем занимаетесь в Болотном и конкретно здесь?

— Мы выдвинулись для оценки размеров минных заграждений,

поставленных ру... вашими
лётчиками вчера с вертолётов. В
городе — Тут американец
замешкался, подбирая нужные слова,
но снова продолжил — Города
больше нет, согласно директиве
объединённого командования, все
населённые пункты подвергаются
принудительной санации.

— Полностью, значит, срываете:
Людей вы газом травите, это я видел.

— Нет! — в голосе пленного
читалось искреннее возмущение —
Это делают представители военных
подрядных организаций. У них есть
техника и специальные средства. Мы
армия, мы воюем только с
солдатами.

— Это все говорят. Я верю, успокойся — Я через силу заставил себя улыбнуться и поощряющее похлопал янки по плечу — Пока ты всё делаешь правильно, это ещё на шаг приближает тебя к свободе. Что ещё делаете?

— Мы собираем и складировем трофейное военное имущество, помогаем в оборудовании чекпойнтов и пунктов снабжения. Регулярных войск не так много, в основном контрактники из частных компаний. Они несут охрану и.... Осуществляют санацию присоединённых областей.

А вот это уже была хорошая новость, значит, где-то поблизости

есть склад трофеев. Может быть есть и пленные, правда в этом случае стоит поторопиться. Вряд ли пленных берут надолго, раз целые города уничтожают под корень. Подержат суток трое, а потом рассортируют и в расход.

— Где ближайший такой «чекпойнт», далеко отсюда?

— Пока только временные строения, армия всё ещё в движении. На юго-западе есть временный аутпост. Там десять человек охраны, два отделения чистильщиков. Они зачищают э... небольшие населённые пункты. Есть два ангара заняты под складские помещения.

— Как вооружены эти

наёмники?

— Два единых пулемёта на въезде в периметр — Пленный совершенно успокоился. Уверенность в том, что я сдержу своё слово, спокойный тон беседы, всё это способствовало откровенности — Один в насыпной ячейке справа от ворот, другой слева на дозорной вышке. Наёмники вооружены кто чем, фирма их снабжает за свой счёт. Видел штурмовые винтовки, похоже швейцарские SIGи. Каски, бронежилеты.... Кроме этого есть ручные гранатомёты, ими они... это основное оружие для санации.

Я вспомнил деревню и вытоптанную площадку, где стояло

человек пять—шесть. Так значит всё—таки гранатомёты. Нечто похожее прежде видеть приходилось: у нашего ОМОНа такие появились года два—три назад. Теперь механизм был понятен, нужно было заканчивать разговор, пленный больше ничего не знает. Бесполезно спрашивать такого про планы командования и как всё начиналось. Максимум чего я добьюсь, это пересказа о погрузке в самолёт или на корабль и всяких мелких стычек с остатками нашей армии. Можно лишь залезть в его танкетку и посмотреть на боевой компьютер. Я слышал, что есть у них такая штука: глядишь на экран и видно где ты сам, а где соседи. Всё в

реальном времени, плюс этот пиндос может всё показать где и кто находится. Взяв пленного за шкурку и подняв на ноги, я показал на покинутый БМП:

— Покажи мне на карте где этот аутпост, специалист Мастерс и мы вскоре разойдёмся. У тебя есть свои дела, а я пойду решать свои. Долгов много накопилось, а свои финансовые дела я держу в тонусе.

— Да-да, конечно, с деньгами шутить не следует. — Явное облегчение читалось на лице американца — Я всё вам покажу.

Когда мы так вот мило беседуя, дошли до броневика, дым уже рассеялся. Граната прогорела,

оставив только специфический запах. Возле бронемашины стоял Михась и о чём-то спорил с Андреем. Увидев меня, оба затихли, с ненавистью смотря на американца. Андрей не удержался и подскочив к пленному занёс карабин, чтобы ударить. Пленник присел, но я успел перехватить руку парня с оружием на последней фазе замаха.

— Ты чё творишь, молодой?!

Парень был сильный, но я взял опытом, притворно поддавшись. А затем с подсечкой и толчком корпусом назад, вырвал «сайгу» у него из рук. Бросив оружие поймавшему его за ствол Михасью, я бросил уже вталкивая пиндоса в

чрево «брони»:

— Миша, держи этого народного мстителя, пока он дров не наломал. Мне с «языком» кой-чего прояснить надо. А ты лезь в будку — Толкнул я вперёд замешкавшегося штатовца — Включай компьютер, будем обстановку изучать!..

Внутри было чуть просторней чем аналогичной нашей машине, больше света и веяло прохладой, урчал кондиционер. Пробравшись в кресло, очень удобного вида, Мастерс тронул шарик трекбола в центре миниатюрной изогнутой клавиатуры и небольшой экран перед ним осветился. До этого, компьютер тоже был включен, но видимо был в

режиме ожидания. Присмотревшись, я узнал дорогу, различил границы лесополосы и даже отметку обозначающую саму БМП. Пленный крутанул шарик и изображение приблизилось: теперь я видел две отметки внутри чёрной, красную и зелёную и две отметки за пределами «коробочки», тоже красного цвета. Тревожно как-то стало на душе и я показал на метки:

— Что это такое, специалист?

Тот испуганно втянул голову в плечи но преодолевая страх, всё-таки ответил честно:

— Метки GPS системы, они улавливают сигналы с моего радиомаяка, посылая метку на

тактический дисплей и к капралу Пирсу, командиру отделения.

Я специально медленно вынул свой сотовый телефон и отщёлкнув заднюю крышку, вынул аккумулятор. При взгляде на дисплей компьютера я убедился, что одна метка пропала. Так же спокойно и не оборачиваясь, я крикнул топтавшимся у входа товарищам:

— Мужики, сотовые телефоны говорят пиндосам где мы находимся. Выньте батарейки, трубы тоже лучше уничтожить. А ты, специалист, показывай — Я снова ласково глянул на американца — Всё по порядку показывай, где этот аутпост, как туда лучше будет пройти. Попутно изложи

мне, если знаешь, как долго мы с вами уже воюем, а то в глуши живём, радио — телевизор не глядим...

Парень заговорил. Много из того, что я слышал, было похоже на бред, но живое подтверждение и трупы на дороге и в деревне это очень весомые аргументы. По словам пленного, вторжение готовилось уже более трёх лет. Переформировывались части, налаживалось взаимодействие с союзниками. Но русскую разведку это особо насторожить не могло: планов вторжения было запущено более двух десятков. Указывались разные сроки, направления ударов всё время варьировались.

Представляю себе кипящие мозги наших аналитиков, когда вот они планы, а их не один и даже не десять. Армия, которую постоянно лихорадит от перестроек и перестановок, вооружённую давно неремонтируемой техникой не смогла бы обеспечить отражения даже пары таких согласованных нападений. Попутно у жадных чинуш выторговывались права на транзитные коридоры для всяких миротворческих грузов, которые возили военные грузовые «борта» и корабли. Количество транспорта всегда было не слишком большим, поэтому тех, кто предупреждал о возможности транспортировки сил

вторжения таким способом, просто поднимали на смех. Но в результате, в один прекрасный день, кораблей и самолётов стало гораздо больше. С неба посыпался десант, с аэродромов сопредельных стран поднялись в небо бомбардировщики, а с моря ударили «случайно проплывавшие мимо» флотилии боевых кораблей. Момент был выбран не случайно: агрессия началась как раз в тот момент, когда в России в самом разгаре было полное переформирование военных округов, части меняли пункты дислокации, а единое командование ещё толком не освоилось с тем, что оказывалось у них в подчинении.

Враг оказался везде: подобно реке в половодье, войска противника обтекали крупные очаги сосредоточения дезорганизованных, но всё ещё способных драться российских войск. Лишённые связи, не владеющие оперативной обстановкой, российские вооружённые силы почти повсеместно оказались в окружении. Отрезанные от командования и баз снабжения, многие сопротивлялись не долго. Но страна всё ещё сражалась: крупные очаги сопротивления были в центральной России, на Дальнем Востоке. Вопреки ожиданиям и явному приглашению, Китай не вмешался,

ограничившись только лишь передвижением к границе частей постоянной гоовности. Японцы сунулись было на Сахалин, но получили неожиданный жёсткий отпор сил местного размещения и быстро ретировались не сняв, однако, осады. Ядерного оружия никто применять не собирался, поскольку война затевалась именно за территории и ресурсы. Где-то в душе, я понимал почему всё спланировали именно так: на загаженной радиацией земле добывать ресурсы гораздо дороже. Поэтому в ход шли боевые мутагенные вирусы и новейшие отравляющие газы. Вирусы само

собой дошли через определённое время. Газ убивал только людей, рассеиваясь на огромные территории, но после тридцати сорока минут — разлагался на безвредные компоненты. Землю можно использовать, лес пилить, а воду разливать в бутылки и продавать как экологически чистую. Как бы чудовищно это не выглядело со стороны местных жителей, новых покорителей мира это не волновало. Отбросив начинающую захлёстывать сознание ярость, я снова улыбнулся как можно более естественно и продолжил расспросы. Но больше пиндос ничего толком рассказать не мог и мы вернулись к текущей

обстановке, которой он владел не в пример более уверенно.

— В районе бывшего города Мошково — Продолжал сыпать фактами пленный — Будет создана база западносибирского оперативного командования оккупационных войск Альянса. На базе будет расквартировано две пехотные бригады, одна типа «Страйкер» — регулярные войска, вторая имеет статус вспомогательной, состоит из сотрудников контрактной службы.

— Наёмники?

— Да, это будет более точно — Иностранец слегка сконфузился но поспешил дополнить — Там состав

очень пёстрый: много выходцев из восточных стран Европы, в основном поляков и албанцев. Кризис, работы нигде нет.

— Угу — Я понимающе кивнул головой, чтобы скрыть гримасу отвращения — Бедные поляки и несчастные албанцы теперь поедят досыта.

— Во вспомогательных частях свой рацион — Не понял издёвки пленный — Но кормят сносно, никто не голодает.

— Это всё хорошо, скажи специалист, а на бумаге такой карты у тебя нет?

— О, в этом нет необходимости, но я могу распечатать прямо отсюда,

тут есть принтер.

Уже устав удивляться, я просто поощряющее кивнул и через минуту у меня была чёрно-белая распечатка текущей обстановки. Тут были отмечены все объекты где разместились захватчики, обозначены маршруты движения и районы назначенные для санации. Теперь пришла пора прощаться, поскольку американец скорее всего вызвал подмогу и скоро ремонтники, а значит как минимум ещё человек пять-шесть хорошо вооружённых солдат будут здесь. Выведя пленного из бронемашины, я повёл иностранца обратно к обочине. Где сидел Варенуха и воинственно тыкал

стволом трофейного автомата в очнувшегося уже второго пленника. Взмахом руки я подозвал его и остальных артельщиков. Вынув из кобуры служебный пистоль, я демонстративно передёрнул затвор и выстрелил в ногу второму пленнику. От резкой перемены обстановки рыжий специалист присел, в недоумении оглянувшись на такого ласкового до этого момента русского. Подстреленный танкист просто орал от боли, выгибаясь дугой, не в силах даже зажать рану рукой. Я подошёл к раненому и прижал его туловище ногой, наступив ему на грудь. Буднично обернувшись к опешившим товарищам по несчастью и

побелевшему от осознания
возникшей угрозы рыжему
специалисту.

— Миша, придержи рыжего
пиндоса, чтобы не дёргался. Сейчас
будем проводить воспитательно—
разъяснительную работу среди
оккупантов.

— Не бойся, специалист Эд
Мастерс из Сиэтла — Повернулся я с
той же тёплой улыбкой что и полчаса
назад к американцу — Я своё слово
сдержу и буду держать его впредь.
Теперь всякий раз, как мне случится
взять в плен больше одного врага,
ровно одного из вас я буду отпускать,
чтобы рассказали своим
начальникам и друзьям о том, что

видели.

Отпустив подвывающего от боли пленника, я подошёл к оторопевшему специалисту и указал стволом пистолета на лежащего ничком танкиста. В лазах недавнего собеседника плескались целые озёра животного страха, теперь он не верил ни одному моему слову. Но на это и был расчёт.

— Твой соотечественник пришёл на мою землю убивать, как и ты. Вам мало оказалось своей страны, и вы решили попробовать захватить чужую. Не осуждаю вашего решения, все тут взрослые люди. Но вот как быть с теми детьми и стариками, которых твои люди

потравили газом как тараканов? Как быть с сожжѣнными заживо жителями того города, что был за этим лесом и городами далее по дороге? Вы решили, что им нет места на земле, приняли на себя такую ответственность. Теперь я, и сотни людей таких как я, заставят вас заплатить за такое решение. Не всех ещё купили и не всем запудрили мозги, расскажи об этом своим друзьям и командирам. Отныне я не дам вам покоя и буду убивать, где бы не встретил. Отдельно скажи наёмникам, что их я в плен брать не буду, раз записались сеять смерть за деньги, облегчать им их работу я не буду. Теперь каждый цент жалования

придётся отработать по полной. Придётся повоевать, раз пришли вы сюда за этим.

Оставив перепуганного иностранца, подошёл к его притихшему сослуживцу и рывком поставил пиндоса на колени. Потом приставил ствол к затылку сжавшегося и уже ничего не соображающего танкиста.

— Этот умрёт легко, я его просто пристрелю. А вот следующих кого поймаю, буду поить бензином и заставлю жрать землю.

После этих слов, я буднично нажал на спуск, хлопнул выстрел, прошедшая навывлет пуля выбила на траву частички мозга и осколки

кости перемешанные с кровью. Танкист упал, по телу прошла лёгкая судорога, запахло дерьмом и мочой. Причём обмочился и рыжий специалист, которого Михась тут же отпустил. Пленный рухнул на траву и завыл, бормоча какие-то слова. Я же спрятал пистолет в кобуру и обернулся к своим товарищам, тоже опешившим от всего произошедшего. Я их понимаю: одно дело убить в горячке боя. И совсем другое — пристрелить такого беззащитного на вид пленника.

— Мужики, не надо стоять столбами и видеть во мне Гитлера. Они пожгли три города, уничтожили пять деревень и два больших

посёлка! В округе нет живых людей кроме этих импортных упырей. Пленных и сообщников не берут: рабы им без надобности, а прихвостней почитай что вся Европа. Они как на пикник, всё с собой сюда тащат. Поймите, мы им ни в каком качестве не нужны, все, кто живёт в России — балласт. Наша армия ещё сражается, не все продались и сбежали, кое-кто дерётся на Урале и в Приморье. У нас единственный выход: сопротивляться, грохнуть как можно больше этих — Я пнул мёртвое тело танкиста — Тогда они будут бояться и попятятся. Нужно драться, так дольше проживём и если не победить, так хоть чутка

сквитаться получится. Если кто со мной — пошли, если хотите на убой — сядьте возле трупов, скоро их дружки сюда приедут и нагрузят вас свинцом. Так как оно будет, мужики?

Все трое стояли неподвижно, время от времени то один то другой бросали короткие взгляды на убитого мной американца. Рыжий специалист просто сидел на земле и тонко подвывал, его мир перевернулся. Убивать глядя в окуляр танкового прицела, или нажимая кнопки где-то за пультом в уютной темноте бункер, гораздо проще если не думаешь, что однажды это может произойти и с тобой. Вся накачка военных психологов пошла прахом,

американец реально понял, что не только он может отнять жизнь, но и ему вполне свободно могут вот так буднично вынести мозги. Первым очнулся как ни странно водитель Варенуха. Поправив каску, он вышел вперёд и встал рядом со мной. Много всего навалилось на этого кряжистого, рыхловатого мужика. Коротко стриженные остатки волос на почти лысой, круглой голове топорщились придавая хозяину одновременно комичный и решительный вид.

— Я с тобой пойду —
Водянистые, светло — карие
мутноватые глазки водилы отчётливо
сверкнули под кустистыми бровями

— У меня жена и внуки в Нижнеудинске.... Как думаешь Антон, может, выжили?

— Про Нижнеудинск у этого — Я кивнул на специалиста — Ничего выпросить не удалось, будем надеяться, что кто-то спасся, Виталий Семёныч. Помнишь, как мимо колонны утром джип промчался? Может тот, кто за баранкой был, чего-то знал и нарезал в безопасное место. А это как раз в наших краях. Надежда есть всегда, я так считаю. А вы бойцы, что скажете?

Андрей молча сел рядом с американцем и отрицательно замотал головой. Карабин у него

предварительно забрал Михась, поэтому я не беспокоился. Но в последний раз попытался урезонить парня:

— Андрюха, они же грохнут тебя прямо тут, не дури!

— Мне всё равно.... Пусть убивают... устал я. Не могу так как вы. Может, миром всё закончится, может это учения какие-то совместные и всё образуется. Отстаньте!..

Взгляд у пацана был совершенно дикий, полный безумного отчаянья. Ещё когда он начал кидаться на пленного, я подумал, что с парнем будет много хлопот. Такой взгляд и полубезумные речи мне приходилось

слышать, обезумившие от
безысходности бойцы, либо
ложились на землю и тихо умирали,
либо встав в полный рост шли
вперёд, опустив руки пока чеченцы
не пристрелят. Остановить такого
шатуна нереально, только зря тратить
время и силы — всё одно встанет и
пойдёт на зов свихнувшегося
подсознания. Не став тратить больше
времени, я повернулся к приятелю:

— Ладно, как скажешь. Михась,
ты тоже решил сдаваться идти?

Мишка сильно изменился с того
момента, как мы вместе пошли за
трактором в деревню. В коротко
стриженной шевелюре более
отчётливо стали проглядывать седые

пряди, морщины явственно проступили на лбу, под потухшими глазами собралась в подглазных мешках нездоровая синева. Грязная, прожженная в нескольких местах чёрная униформа висела мешком, но руки крепко стискивали карабин. Ничего не говоря, приятель шагнул в мою сторону и тоже встал рядом.

— Ладно — Облегчение немного более явно сквозило в моём голосе, что ни говори, а одному начинать карьеру мстителя не так сподручно — Тогда давайте собираться, скоро приедут ремонтники. Им нужно приготовить сюрприз. Виталий Семёныч, пойдём со мной к броневику, его надо как

следует подготовить. Михась, ты собери все патроны что у нас есть, обыщи ещё раз трофеи, на предмет чего—нибудь полезного и жди тут.

Подойдя к скорчившемуся на земле американцу, я легонько ткнул его носом берца в бок. Тот дёрнулся как от удара током и проворно отполз на пару шагов. Успокаивающе подняв ладонь невооружённой руки, я снова перешёл на английский:

— Тебе лучше идти к своим, специалист. Видишь того старого русского, что пошёл к твоей машине? — Я указал украдкой на бегущего к БМП Варенуху — Не хотел тебе говорить, но он старый коммунист и не одобряет того, что я

решил тебя отпустить.

На лице пленного проступило понимание, сменившегося мертвенной бледностью и ещё одним приступом ужаса. Вскочив, американец выжидательно посмотрел на меня.

— Беги по шоссе, на северо-запад, я отвлеку коммуниста. Минут двадцать у тебя будет, чтобы добраться до леса, беги!

Уговаривать иностранца не пришлось, пленник запинаясь и падая, резво припустил по обочине в указанном направлении, поминутно оглядываясь, видимо ожидая выстрела в спину. Смотря вслед удаляющемуся специалисту, я

впервые за сегодняшний день испытал чувство, что всё стало хоть немного налаживаться. Первый шажок к непомерной для теперь уже троих оторванных от дома и соотечественников «лишних» людей, сделан. Пусть пока маленький и микроскопический в масштабах развернувшейся трагедии, но из таких вот эпизодов и складывается победа. Как только его долговязая фигура скрылась за пригорком, я ускоренным шагом двинул к БМП, чтобы помочь Варенухе с устройством сюрприза. Пленника я отпустил не зря: если мы собираемся действительно регулярно доставлять амерам неприятности, то следует

также давить на психику. Этому я научился в Чечне, где нечто подобное делали местные духи. Такой приём оказывал сильный деморализующий эффект, особенно на новичков. Молодые с ужасом слушали переходящие из уст в уста рассказы об издевательствах боевиков над пленными. Лекарство как всегда было в подобном: как только убиваешь своего первого духа, страх прячется в самый угол подсознания и лишь делает тебя сильнее. Но я надеялся, что с амерами всё будет иначе. После войны я стал интересоваться, как подобные вещи переносят солдаты в других странах. Вьетнамский опыт меня особо не

вдохновлял, народ в семидесятые годы был крепче, чем в девяностые. Ещё жива была память о прошедшей войне с фашистами, боевой дух американцев даже на первый взгляд казался очень высоким. Другое дело последующие войны с арабами и афганскими духами. Часто приходилось читать и слышать, как люди сходят с ума от боевой усталости, просто на ровном месте. Без выхода на боевые, сидя на каких-нибудь хозработах или чиня технику в автобате. А условия в лагерях американских вояк гораздо лучше, чем были у нас в том же Афганистане. Вникая в проблему глубже и читая сообщения в новом

интернет изобретении — живом журнале какого-нибудь ветерана из американской Алабамы или английского Саутгемптона, я начинал понимать разницу. Западные люди слишком привыкли к комфорту и долгой жизни, наполненной лишь мелкими неприятностями. Так или иначе, всё можно решить и снова существовать не напрягаясь. Приходя на войну, такой человек думает, что попал в видеоигру, где в любой момент можно нажать на паузу и всё прекратится. А когда приходит понимание, что это шутки кончились, стресс выдавливает из западного человека всю волю к победе. Я не говорю про всяких

киношных «рэйнджеров» и бравых «маринс», этих наверняка мало и им и так хватает забот и дел. Мы же будем иметь дело с наёмниками, которые особо рисковать не желают и с военными из строевых частей. Эти в массе своей жижее по духу и не так сообразительны. Конечно, есть у них всякая техника, они организованы и прекрасно вооружены. Но вот тут мы и будем работать над тем, чтобы эту идиллию нарушить. Внести диссонанс, заставить бояться и как следствие совершать ошибки, паниковать. Только так можно попробовать выжить самим.

В последний раз глянув на

впавшего в ступор Андрея, чёрной запятой выделявшегося на фоне зелени луга, я повернулся к артельщикам, и увиденное стало ещё одним позитивным импульсом. Оба были заняты делом: Михась сортировал патроны к двум разложенным на его куртке карабинам, а водитель Варенуха вылез из недр подбитой БМП показал мне измазаны в чёрной смазке правый кулак, с отогнутым вверх большим пальцем.

— Я тут чего придумал — Водила спрыгнул на землю и стал водить корявыми пальцами в воздухе, объясняя идею — Трупы можно внутрь прибрать, аппарат закроем

изнутри. Ты говорил, Антон, что у них в форме радио вшито?

— Маячки навигационные, и что?

— А то — Варенуха хитро оскалился, сверкнув железной фиксой — Аппарель я закрою, а к боекомплекту гранату привяжу. Станут оне люк открывать и всем тут же хана!

Идея показалась мне здоровой и я пошёл вместе с водилой снова к дороге откуда мы споро дотащили труп казнённого танкиста и сложили его в десантный отсек танкетки, где уже вповалку лежало ещё двое американцев, прибранных невольным изобретателем чуть

раньше. Приладив к люку найденную среди прочего трофейного хлама осколочную круглую гранату, соединённую с отрезком тонкой медной проволоки, мы совместными усилиями закрыли бронемашину наглухо. Механизм аппарели водила испортил изнутри, поэтому вручную снаружи её уже не опустить. Если ремонтники будут ломиться внутрь, так и так придётся открыть один из трёх люков, соединённых проволокой с гранатой. Отойдя на десяток метров от подбитой машины и придиричиво её осмотрев, было решено, что и так сойдёт. А буде пиндосы заподозрят неладное, так значит и у них бывает в жизни

светлая полоса. Сейчас более всего меня, как молчаливо избранного лидера нашей маленькой партизанской группы, волновали более насущные вопросы. По словам Михася, патронов было меньше чем два штатных магазина на ствол. Для солидного боя не хватит и уж тем более с таким арсеналом: два полуавтоматических «укорота», да пара таких же восьмизарядных маломощных пистоля, это не артиллерия. Но в нашем случае, хорошо, что хоть это есть.

Уйдя от бронемашины, мы взяли направление строго на запад, ориентируясь по меткам на распечатке и встроенному в мои часы

компасу. Штука удобная, покупал для охоты, чтобы не мыкаться по лесу в случае чего. Бывалые говорили, что мол, компас в часах — вещь бесполезная, декор да и только. При этом они многозначительно потрясали «луковицами» солидных приборов стоящих немалых денег, а кто-то даже хвастался новомодными электронными приборчиками спутниковой навигации. Я не спорил, уважая чужие причуды, но всегда делал по-своему. Когда делаешь ставку на мобильность, всегда в чём то проигрываешь, но достигается главное преимущество: всё своё ношу с собой. Поэтому вот сейчас, у меня был не такой точный, но компас, а в

кармане лежал пусть и не тесак, но хороший складной нож. Поэтому и не заблужусь и в случае чего, будет чем хлебушек порезать. Нож тоже всегда ношу с собой, даже если иду за хлебом. Знакомые, ну из тех, что говорили про компас, опять не одобряли, считая это блажью и чудачеством. И снова я не обижался, поскольку ножик этот был дорог мне как память. Чёрная, роговая рукоять и широкое семнадцатисантиметровое стальное лезвие. Обычный складной нож, взятый в качестве трофея во время дежурства на концерте заезжей знаменитости. Парень, у которого я отнял «железку», затеял драку с приятелями у касс, по

счастью никого не порезал. Менты из оцепления вмешиваться не хотели, боялись связываться с поножовщиной, а я вписался. В результате получил отличный ножик и премию от тогдашнего начальника смены. Трофей потом оказался чем-то очень редким, один продавец из охотничьего магазина где я всё время покупаю патроны и кой-чего по мелочи, даже предлагал за нож четыреста баксов. Но есть у меня такая черта — за деньги друзей не покупаю и тем более не продаю.

Хуже всего в нашем отряде было с едой и питьевой водой. Вся наша провизия и вода в канистрах, сгорели во время нападения и с фур ничего

спасти не удалось. Груз наш в этот раз был вообще штукой бесполезной — мебель и сантехника. Поэтому тут тоже поживиться особо не вышло. В броневице мы разжились упаковкой из четырёх пластиковых полулитровых бутылок, на этикетках которых была надпись «Эвиан». Ниже сообщалось, что это чистая минеральная газированная вода. Были ещё рационы в белых блестящих термопакетах, да четыре шоколадных батончика. Этого должно было хватить дня на два, но при всей экономии, нам предстояло скрытно идти ускоренным маршем, до базы карателей около двухсот километров. Это само по себе не так

просто, а ещё и была вероятность, что амеры снарядят погоню. Но последнего я мало опасался: ну поищут нас по округе, может даже вызовут ещё каких-нибудь специалистов по отлову партизан, так это когда ещё будет. Потом допросив отпущенного нами пленного и сверив его показания с теми, что выжмут из бедолаги Ильинского поймут, что мы случайные люди. Может быть сориентируют наёмников с «опорника», куда мы сейчас идём, а может и вообще забьют на поиски. Это же не кино, тут все заняты своим делом и чужой «гемор» никому не нужен. Серьёзных неприятностей я

ожидал только с неба. В последнее время, по новостям и от продвинутых молодых коллег, приходилось слышать про хитрые беспилотные аппараты, на которые у амеров, судя по всему, была вся надежда. Если на базе откуда приехал на «броню» специалист Эд, есть пара-тройка таких птичек, дело может обернуться кисло. По слухам, эти самые беспилотники, вполне смогут выследить группу людей с воздуха и пукнуть чем-нибудь смертельным, либо расстрелять цель из бортовых пушек — пулемётов. В лесу от тепловизоров не укроешься, аппаратура там стоит такая. Что по спектру атмосферы найдут место, где

прячется дышащая кислородом тварь размером с человека и по примерным координатам позвонят. Артуха^[7] у нашего, теперь совершенно вероятного противника работает очень хорошо. Неприятные мысли кружили в голове, одним словом. Но артельщикам я ничего этого говорить не стал. Мужики только—только обрели некий смысл жить дальше, пугать их новыми напастями будет совершенно не правильно. Забрав у Варенухи импортный «ствол», я кое—как отсоединил магазин, выщелкнул оттуда все патроны и опять же как мог разобрал оружие на части. На последок просунув тонкий ствол

автомата между катком и опавшей гусеницей БМП, согнул ствол специальной буквой «хрен выправишь». Себе оставил только прицел, который вполне может заменить бинокль на первых порах. Взамен утраченного трофея, дал водиле карабин покинувшего нас Ильинского, благо с ним Варенуха умел обращаться. Может быть, это импортное чудо, было лучше и наверняка точнее и современной «сайги», спорить не стану. Но в бою лучше использовать то, что знаешь, война не любит невежества. Что-то подсказывало, что для изучения матчасти пендостанской армии у нас ещё будет уйма времени.

Глава 2

Россия. 26 июля 2011 года. Юго-восточная окраина бывшего посёлка городского типа Тогучин. Аутпост охранного агентства «Блэкстоун — Сауз». Бывший сотрудник иркутского ЧОП «Булат», Антон Варламов. Акция возмездия «номер раз».

Трое суток без сна и с короткими перерывами на отдых, мы шли по лесам, в направлении указанного пленным американцем. Как я и предполагал, нас не преследовали, или поиски велись в совершенно ином направлении. За все эти четверо суток, мы словно оказались в туристическом походе.

Лес стоял пустой, пару раз я видел следы медведя, Михась подстрелил пару рябчиков и мы их запекли в глине. Неожиданно легко удалось пополнить запас воды и даже вымыться в небольшом ручье, который неизвестно куда бежал, радостно журча. Природа напоминала нам, что война это вообще глупости, вечно только это вот вековое великолепие, а мы люди только всё портим. Плутать особо не пришлось, компас исправно отмерял маршрут, не давая сбиться с пути. Лёгкие, в титановом корпусе и с солнечной батареей, корейской сборки «котлы» никогда не вращали больше чем на пару секунд в трое

суток и даже после серьёзной встряски шли, как ни в чём не бывало.

Указанный американцем аутпост разместился в виду какого-то посёлка. Вернее того, что от него осталось после процедуры «санации». Ровная проплешина оплавленной до стеклянной корки земли, вот собственно и всё, что напоминало о живших тут раньше людях.^[8] Судя по характеру разрушений, город обстреляли из установок залпового огня, может быть поработала и ствольная артиллерия. Нечто подобное я уже видел, но тогда это были обычные снаряды, которыми пуляли ГРАДы^[9]

чтобы выкурить духов из села. Тут мощность была просто адская, чтобы так вот оплавить землю, нужно было часов десять лупить. Слышал, что в Афганистане были такие бомбы, ими летуны выкуривали боевиков из горных пещер. Знакомый, что рассказывал о такой бомбёжке, потом долго молчал, видимо впечатления от увиденного были слишком велики. Может и тут авиация поработала, но что-то подсказывало, что это постарались «боги войны» — слишком уж рано ещё для авиации, не развернётся она в такой короткий срок. Ну а вот артуха вполне может быть десантирована с воздуха или

привезена отдельно. А это значит, что у моего маленького отряда уже появился обширный фронт работ. Как только будет исполнена первая часть задуманного, следует наказать мужикам, чтобы особо не усердствовали и дали возможность захватить хотя бы парк пленных. Эти должны будут знать, кто работает по населению и откуда. Но всему своё время.

На случай патрулирования прилегающей местности, мы расположились в пяти километрах от аутпоста наёмников. Лес тут был такой же как и у нас в области, поэтому найти небольшую низинку подальше от звериных троп и

проезжих дорог не составило труда. Пригодился шанцевый инструмент в виде двух складных малых сапёрных лопаток, которые по моему настоянию мы тоже взяли с собой. Примерно в километре от места временной стоянки, я и Михась осторожно рубили молодые деревца и не торопясь таскали их в лагерь. Вскоре получился навес вполне способный удержать дождевую влагу, и в случае чего укрыть нас от наблюдателей с верху и тех, что будут прочёсывать местность. Навес упирался заострёнными кольями в склон оврага, а вход мы затворялся плетёной их прутьев кустарника заслонкой. На плоской крыше,

Варенуха навалил старых сосновых игл и палой листвы, которую мы с Мишкой таскали издалека. В довершение всего, стыки были заложены пластами моха, так что внутри можно будет какое-то время отсидеться. Мужики совсем уж было собрались обустроиться тут надолго, но пришлось разбить их хрустальные мечты заявлением, что тут мы долго сидеть не будем. После планируемого уничтожения базы наёмников, тут может оказаться слишкомлюдно. Но пока ведём наблюдение и присматриваемся, шалаш вполне сойдёт за временную базу. Из глины и прутьев гибкого кустарника удалось соорудить

неплохую вытяжку с замаскированной мохом крышкой. Теперь даже в дождь дым от костра будет стелиться по земле и быстро рассеиваться, а проложка из мха, не даст воздушным разведчикам шанса с ходу засечь источник тепла на общем фоне. Сделав ещё пару мелких приготовлений, необходимых для того, чтобы нас как можно более трудно было искать, я в первый раз вывел отряд на разведку. Сначала решили идти всем вместе, я едва уговорил Варенуху остаться на хозяйстве, чтобы не рисковать всем скопом. Да и он лучше всех из нас троих показал себя как строитель, особенно ловко у водилы получалось

плести что-то из прутьев. А это сейчас было очень важно для осуществления «плана возмездия», общая схема которого уже варилась в собственном соку, приобретая всё более реальные очертания.

Петляя и ступая как можно более широко, чтобы не топтать прямую стёжку к жилью, мы с приятелем вышли к краю леса, примыкавшего прямо к заросшему высокой травой полю. За ним, метрах в пятистах, виднелась искомая база этих самых ассенизаторов. Наблюдать с земли получится не слишком удобно, да и что я там увижу, кроме куска сетчатого железного забора и ворот рядом с

вышкой. Поэтому насбирав по дороге
мха и пучков травы мы с Мишкой как
умели, обмазались землёй и
вывернув рубашки и штаны наизнанку,
серовато—зелёной подкладкой
наружу, унижали куртку и штаны
собранным мусором. Природа не
любит прямых линий, а за
окрестностями наверняка
наблюдают. Да и в лесу такой прикид
будет куда сподручней, чем наш
стрёмный вертухайский колер.
Короче, когда я взобрался на старую с
толстым стволом и ветвями берёзу на
пригорке, с пяти шагов я походил на
лешего. А в кроне кучи зелёных
листьев, меня вообще было не
разглядеть.

Вооружившись

трофейным прицелом я принялся за наблюдения, стараясь как можно меньше двигаться. Для того, чтобы совсем уж быть уверенным в собственной незаметности, ещё в лагере я выпросил у Мишки кусок чёрной изоленды и соорудил что-то вроде колпачка с узкой поперечной прорезью и надел её на окуляр спереди, таким образом, чтобы он закрывал линзу. Такие колпачки одевают на противотуманные фары и ещё на объективы прицелов, чтобы скрыть блики оптики от постороннего наблюдателя. Поле зрения при этом чуть смазывается, но в данном случае чёткости особой и не требовалось. Приятель остался

внизу, Мишка отполз от дерева метров на десять, чтобы в случае чего подстраховать, если вдруг нас не накроют миномётным огнём, а решат взять живьём. Теперь даже если и меня пристрелят, Мишка сможет уйти к Варенухе и они дальше решат как им быть, но это был совершенно уж крайний случай. Как я и говорил ранее, у меня нет уверенности, что армейцы предупредили наёмников о нашем визите или те восприняли его всерьёз.

Прицел давал довольно узкое поле обзора, но способ правильного обращения с монокулярами и прицелами мне давно знаком. Секрет в том, чтобы вести наблюдение

обоими глазами и наводить оптику туда, куда смотришь невооружённым взглядом. Так и устаёшь меньше и картина получается более полная и подробности не проскакивают мимо сознания. База представляла собой огороженный участок, примерно сто пятьдесят на двести метров, почти в чистом поле. Внутри два типовых железных ангара забранных частой масксетью, одна длинная похожая на коровник казарма. Была ещё пара отдельно стоящих щитовых домиков, скорее всего для офицеров или другого начальства. Отдельно у северной стены выходом на ворота, поставили нечто вроде временного гаража. Там стоят три

бронированных джипа, вроде бы их называют «хамви»^[10] и один грузовик с тентованным кузовом. Грузовик, видимо, для перевозки трофеев. А вот на джипах наёмники мотаются на зачистки. Пока всё так, как описывал пленный. С северо-востока к забору подходила небольшая рощица из трёх близко растущих берёз и чахлой пихты. Ограждения стандартные: сетчатый забор в два ряда, внутри этого пространства две вышки ориентированные с юга на север в противоположных концах периметра. Так они перекрывали пространство вокруг базы и в случае нападения вполне способны обеспечить

неслабое огневое прикрытие. На
обеих были смонтированы турели с
пулемётом и автоматическим
гранатомётом. Там постоянно сидело
по три часовых, щупавших местность
оптикой. У единственных ворот
смонтирована стрелковая точка, чуть
дальше метров на сто по дороге
выстроено противоминное
заграждение из бетонных блоков. Это
навело меня на мысль о минных
полях вокруг базы, что чуть позже и
подтвердилось: осматривая
окрестности возле рощицы, я
заметил труп медведя. Косолапый
видимо вышел из леса к людям, как
обычно делают эти наглые звери,
прельщённый запахом помойки. Но

пройти он смог только метров двадцать от крайней берёзы, где и напоролся на мину. Скорее всего амеры засеяли поле чем-то полимерным. Лесной хозяин капканов боится, чует их и будь мины старые, к ограждению бы не сунулся. Получалось довольно кисло, если судить с позиции слабо информированного мстителя. Я же был из другой породы и кое-что об обитателях этого гадюшника было уже известно. Поэтому укрепления разглядывал в основном от скуки, чтобы выяснить то, что реально было необходимо для налёта на базу. Наёмники ждут именно внешнего открытого и наглого нападения или

группы диверсантов. От прямого штурма они отобьются, диверсов возьмут на прохождении «полосы препятствий». Чего парни реально не могут предположить, так это то, что их ожидает та же участь, которую они уготовили жителям окрестных деревень. Мысленно усмехнувшись, снова прикидаю к окуляру прицела. После восьмичасового бдения мы с Мишкой поменялись и я ушёл обратно в лагерь. Теперь получалась эдакая пересменка, когда за базой велось почти что круглосуточное наблюдение и все вроде как были заняты делом. Так мы сидели ещё трое суток, пока на очередном военном совете не было решено, что

пора бы уже пиндосам пустить кровь. Нападение решено провести в два этапа, поскольку штурмовать такое укреплённое место в лоб будет неумной затеей....

Раз—два! Вдох—выдох! Землица не так уж и торопится покидать своё нынешнее жилище и пересыпаться в сложенную на верху широкой траншеи мою запасную рубашку, пожертвованную в фонд обороны. Столько я не копал и не строил вот уже лет пять, с тех пор как помогал бывшей жене на её фамильном дачном участке. Вы спросите, почему и что это я копаю? Да ещё ночью, посреди узкой грунтовой дороги в лесу, а мои партизаны оттаскивают

желтовато—чёрную почву в сторону и волокут в лес. Всё очень просто: согласно решению на последнем совете нашего племени, мы готовим пиндосам засаду. Спорить со мной по поводу как это будет, никто не стал. План получился хороший, вот только очень трудоёмкий и грязный. Всё сводилось к тому, чтобы подстеречь один из джипов, регулярно выезжающих из периметра. Как и отмечалось ранее, что армейцы, что частники не шибко беспокоились тут в тылу, считая, что ни у кого кроме них оружия уже нет и война ушла дальше на восток. Поэтому уничтожая маленькие посёлки и деревни, ассенизаторы

выезжали небольшими группами по четыре—пять человек, то на одном, то на двух машинах. Ездили в одно и то же время по единственной грунтовке, потом сворачивая на просёлки, куда их видимо наводила авиация. Выезжали они ещё затемно, но всё—таки сторожились: на каждом джипе была оборудована турель со всех сторон прикрытая бронешитками. Сам джип тоже имел защиту, поэтому просто стрельнуть в колесо или по стёклам в надежде проколоть — разбить, будет крайне глупо. Но вот устроить подлянку так, чтобы пиндосы вышли из тачки, это оказалось трудной но вполне решаемой проблемой, тем более что

дорога грунтовая. Мишка предлагал повалить поперёк дороги дерево, но я резонно заметил, что на скорости джип бревно просто протаранит и поедет дальше, к тому же у нас нет топора, а ветками внедорожник не остановишь. Но точно рассмешишь водилу, а пулемётчик чесанёт очередью по обочинам и всем партизанам — гарантированная хана. Поэтому решено было поступить хитрее: поперёк дороги. Мы вырыли не широко широкую траншею, положив сверху плетёную из прутьев решётку обмазанную глиной, а потом присыпанную грунтом. Длинна траншеи была ровно из конца в конец дороги, глубина в рост человека, а

шириной примерно в метр двадцать. Чтобы передние колёса машины ушли в неё прочно. Обустройство ловчей ямы заняло у нас часа четыре, с учётом размещения двоих стрелков на обочине слева по направлению от базы и одного справа, за двадцать шагов от первых двух. Мы все трое отрыли себе по индивидуальной ячейке с точно такой же крышкой из плетёнки, с привязанными к ней кускам политого водой травяного дёрна. Таким образом получилась классическая засадная схема с поправкой на местный колорит: двое стрелков с фланга и один в тылу машины.

Передохнуть почти не

получилось, мы только—только расселись по своим местам, как от базы послышалось знакомое урчание мотора. Мысленно я уже видел, как тупоногая, прямоугольная машина с торчащим из люка в крыше пулемётом быстро приближается к нам. Поднимая пыль, «хамви» на скорости проскочил поворот, от которого до нашей ловушки уже было пара минут быстрой езды. Сомнения так изъели мне душу, что от нетерпения хотелось выйти на дорогу и пинками заставить пиносковского водилу ехать быстрее. Всё случилось внезапно, от чего я даже не успел собраться с мыслями: джип промелькнул мимо и.... Грохот

получился знатный, что—то в машине немилосердно скрежетнуло, мотор взревел на высокой ноте и его последний аккорд слился с воплями тех кто находился внутри. Но нам появляться было рано: нужно чтобы кто—то вышел из машины, разблокировав дверь. Сквозь щёлку между крышкой и краем окопа, я видел как сработала наша затея. Машина села в траншею прочно, окунув внутрь передний мост и бампер., от чего зад её задрался на добрых полметра вверх. Послышался раздражённый говор, водительская дверь стала открываться, а за турель поднялся из салона стрелок и провернулся вокруг своей оси,

прикрывая вылезшего водилу. Ждать, сейчас только ждать!...

Вот вылез невысокий мужик неформально одеты в зелёную майку, камуфляжные фасонистые штанцы с небрежно закинутым назад коротким автоматом. Осмотрев траншею, он недоуменно присел на корточки, а стрелок за турелью что-то неразборчиво спросил. Водила пожал плечами и помахал рукой кому-то в салоне, мол выходите оттуда. Задние двери одновременно открылись и оттуда вышло ещё трое парней. Одеты наёмники так же неформально, только оба ещё в разгрузочных жилетах и лёгких, похожих на велосипедные, касках.

Само собой, что все были вооружены, настроены явно как полагается: хоть никто из экипажа оружия на изготовку не взял, а активность проявлял только пулемётчик я сразу смекнул, что деньги парням платят не зря. Оружие они держали стволами вниз. Но каждый настороженно зыркал глазами по сторонам, готовый в любой момент залечь и начать воевать. Будь бой открытым, нам с ними точно не совладать. Ждать, ещё немного нужно обождать! Сжав пистолет в начавшей потеть руке, я мысленно уговариваю мужиков тихо сидеть и ждать моего сигнала.

Вот прошла минута, другая и

наёмники чуть ослабили внимание. Никто не стрелял по ним из кустов, ни тебе криков ни взрывов, просто откуда ни возьмись, возникла дыра в земле. Постепенно четверо включая водилу сгрудились у края траншеи, а пулемётчик свесился за край переднего щитка своего насеста, чтобы лучше разглядеть что там происходит впереди. Вот теперь было пора! Тихо поднимаюсь в своём окопе, отодвинув крышку влево и вскинув пистолет. Совмещаю прицел с башкой пулемётчика и плавно выжимаю спуск. Выстерл получился не таким громким — у ямы наёмники громко что-то обсуждали. Спустя три долгих удара сердца,

слева слышались два резких хлопка, потом ещё и ещё!. Звуки стрельбы смешались с криками боли и недоумения, потом к общей какофонии добавился треск автоматической очереди, кто-то слева громко вскрикнул, один карабин смолк, но потом снова заговорили обе «сайги». Не тратя больше времени, рывком выбираюсь из окопа и перекатом уйдя вправо, в полуприсяде иду к машине. От стрелка, видимо скатившегося в траншею, меня закрывает корпус джипа. Он видит только двоих из нас, может быть даже ранен. Снова слышалась злая короткая очередь чужого автомата, мои партизаны

благоразумно молчат. Патронов увы, уже должно остаться по два—три на ствол. Вот добираюсь до правого борта накренившегося «хамви» и в несколько гусиных шажков достигаю крыла. Так и есть: наёмники кучей лежат на краю траншеи, уцелел скорее всего тот, что стоял дальше всех справа и успел скатиться в траншею и открыть огонь. Вот уже вижу его спину, прикрытую только разгрузкой, да загорелую лысую голову. Наёмник вскинув к плечу автомат, что—то выцеливает у обочины, меня совсем не замечает. Не раздумывая больше ни секунды, прыгаю на него сверху, одновременно нанося удар рукоятью пистолета.

Охнув от неожиданности, иностранец заваливается вперёд, тело его обмякло под моей хваткой. Больше никто не стреляет, вроде управились на пока....

— Тах! Тахх!..

Две пули почти одновременно прилетели со стороны леса. Одна впилась в землю в трёх метрах правее, другая сплюснулась о левое переднее крыло джипа совсем рядом. Весточка как раз оттуда, где сидят Михась и Варенуха. Чёрт, чуть не упустил из вида, что они меня не видят и всё ещё думают, что я где-то в тылу.

— Хорош палить мужики, тут кроме меня уже никого нету! Идите

сюда, а то мне «языка» в одного из траншеи не выдернуть.

Послышались приглушённые голоса и вскоре к машине подбежали запыхавшиеся артельщики. Бегло осмотрев обоих, с облегчением констатирую, что вскрик который я слышал, принадлежал водиле. В щёку под левым глазом, ему угодила солидная щепка, выглядело страшно, но так вообще—то просто царапина. Крикнул начинающий мститель с непривычки, что вполне простительно: кругом стрельба и всё такое и тут тебе адски больно, само собой первое про что успеешь подумать — смертельная и жутко тяжёлая рана. Но на самом деле, я

рад что вроде как никто больше ни ранен, а тем более не убит. Сообща артельщики выволокли уже начинающего приходить в себя наёмника, но Мишка опомниться ему не дал, пристегнув иностранца за обе руки к решётке бампера приготившимися служебными «браслетами». Я тоже пожалел, что свои так и остались в бардачке «пятёрки», да так видно с ней и пропали. Дёрнувшись пару раз, пленный начал ругаться на трескучем языке в котором проскакивали отдалённо знакомые слова. Когда я сам выбрался и немного стряхнул с себя землю, то разобрался, что специалист Мастерс

и тут не соврал — пленный оказался поляком. Это я просёк, как только услышал знакомое и почти родное: «курва матка». Что это точно означает, до сих пор не знаю, но звучит как ругательство, да и громкий голос польского наймита стал резать уши. Подойдя вплотную, от души пробил с ноги в солнечное сплетение и поляк захрипев замолчал. Потом, я заглянул в салон джипа и спустя пару минут нашёл довольно обширную по габаритам аптечку. Названия были не знакомые. Поэтому ориентироваться пришлось на отрывочные слова где имелось сочетание «анти». Так удалось найти порошок, напоминающий по

действию стрептоцид, шовный материал и лейкопластырь. Используя в качестве дезинфекции водку, часть которой я перелил из бутылки в трофейную флягу и таскал на поясе, вымыл руки и принялся целительствовать. Щепка засела в щеке водилы не глубоко, поэтому просто промыл водкой рану, удалив мелкие опилки и щедро присыпав «стрептоцидом», залепил пластырем телесного цвета. Вот ведь гады, всё продумали: даже пластырь не белый как обычно, чтобы в случае чего не выделялся бельмом на общем фоне. Потом пришёл черёд пленного:

— Найдите какую-нибудь тряпку и заткните ему рот — Тихо

обратился я к мужикам теперь деловито шмонавшим трупы наёмников — Это не цивилизованный гегемон Мастерс, придётся допрашивать с пристрастием.

Но получалось плохо: поляк отказывался говорить по-английски или может быть его не знал, хотя верилось слабо. До меня доходили слухи, что в Польше спят и видят себя последним американским штатом в отдельно взятой Европе, поэтому язык новых кумиров и хозяев учат ревностно. Но менталитет — то остался наш, славянский, поэтому пленный понимал, что так или иначе ему не

жить. Потратив на уговоры десять драгоценных минут, пока мужики сбрасывали трупы в нашу же траншею и прикапывали, я уже совсем было собрался поляка заколоть и даже вынул ножик. Однако, заметив мои телодвижения, неожиданно выручил Варенуха. После сеанса полевой хирургии, водила уверовал в мои универсальные качества как полевого командира, поэтому всё время старался выказать мне свою полезность. Вот и теперь, он с деловитым видом подошёл ко мне и отозвав в сторону прошептал:

— Я это, чего сказать хотел... —

На его круглом лице отразилась

внутренняя борьба — Я немного польски знаю.

— А чего молчал — то! Ну так давай, спрашивай, а то я уж совсем из сил выбился. Не знаю, просто этого козла пристрелить или попробовать отрезать ему чего-нибудь уже ненужное, чтобы процесс пошёл. Много не узнаем, но попробуй, нам уже выдвигаться пора. Вы тут беседуйте, а я пойду в багажнике посмотрю, не найдётся ли чего нужного....

Пристрелить поляка очень хотелось, как и всякого попавшегося на глаза оккупанта, но само собой это будет неверный подход. Тупо стрелять и резать это не наш метод.

Поскольку пока нас всего трое, придётся действовать по возможности из засады, то есть подло. Но опять же это как посмотреть, да и угрызений совести я как не старался найти в душе — даже грамма не было. Сейчас заботило только одно: ехали ли эти наймиты просто на прогулку или загрузились с целью потравить ещё одну — другую деревню. В обоих случаях никакой проблемы не было и меня устраивали оба варианта, но второй, как вы в последствии поймёте, будет самым шоколадным. Михась совладал с управлением трофейной машины и ему удалось открыть багажник. Волна облегчения

словно смысла волнение последнего получаса, когда не было секунды, чтобы я не сомневался в том, правильно ли я всё придумал. План захвата аутпоста я построил на том, чтобы дожидаться пока с зачистки вернётся одна бригада и выйдет её смена, тогда в лагере будет наибольшее количество людей. А мы получим в своё пользование полный комплект «ассенизаторов»: костюмы химзащиты и гранатомёты с газовыми выстрелами.

Получилось так, что нам опять улыбнулось военное счастье: джип ехал именно на зачистку. В багажнике мы нашли и вытащили на обочину четыре комплекта защитных

балахонов с чудными противогазами, тоже окрашенными в неприметный серо-буро-непонятный цвет. Балахон имел схожее с нашим армейским ОЗК устройство, только оказался не в пример удобней. Мне и Михасю костюмы подошли сразу, так как я роста совершенно не богатырского — метр семьдесят восемь, а приятель и того на пару сантиметров ниже. С гранатомётами всё получилось ещё проще — четыре коротких ружья, были закреплены в стойке на боковой левой стенке багажного отделения. Вынув один, я примерился и только крякнул — просто, надёжно и удобно. Было похоже на те, что и у наших ментов,

только легче и приклад выдвигной. А под стволом прикручена штурмовая рукоять. [\[11\]](#) Конечно, «калаш» с подствольником был бы много лучше, но пока его нет, и так сойдёт. С номенклатурой было сложнее, поэтому сейчас пригодится Варенухино владение тарабарским наречием., хотя в принципе разобраться будет не так сложно: осколочно—фугасные выстрелы я сразу же узнал и отложил в сторону, их характерный грязно—коричневый обод легко узнаваем. В цинковых кофрах стоявших тут же под стойкой, были ещё маркированные белым с жёлтой полосой, коричнево—жёлтым и белым с красным пояском.

Коричневые с жёлтым, это по-
видимому что-то обычное, как и
белые, скорее всего дымовые.
Тряхнув головой от натуги и
ругнувшись сквозь зубы я направился
к пленному о чём-то оживлённо
беседовавшему с нашим
переводчиком — добровольцем.
Вдруг, Варенуха встал и сначала
негромко, а потом в голос загоготал,
правда быстро спохватившись замолк,
но иногда его всё ещё встряхивало. С
недоумением на водилу смотрел я и
пленник, вид хохочущего мужика в
напыленной на голое тело трофейной
разгрузке и заклеенной
лейкопластырем физиономией это
зрелище довольно комичное.

— Чего весёлого он тебе сообщил, Виталий Семёныч?

— Так они это... — Справившись собой водила сглотнул смех и продолжил — Помнишь, как они вокруг нашей ямы сгрудились, я ещё тогда удивился?

— Ну, помню и что?

— Они тут клад ищут, который Колчак закопал.

— Чего — оо? — Недоумению моему не было предела — Золото в нашей траншее?!

При слове «золото», поляк напрягся и с интересом зыркнул в мою сторону глазами. В одно мгновение, я сообразил, как можно добиться своего, не прибегая к

крайним мерам. С одной стороны, всё действительно выглядело логично: дыра в земле, непонятные мужики с оружием и явно не военные. Сделав серьёзное лицо, я повернулся к Варенухе и тихо со значением приказал:

— Переведи иностранцу, что они правильно догадались: мы живём в этих лесах и охраняем колчаковский клад от большевиков. Переводи.

Варенуха было прыснул в кулак но увидев мои бешеные глаза в совершеннейшем недоумении стал переводить. Лицо поляка просветлело, в глазах загорелся плохо скрываемый огонёк наживы. Быстро

мотая головой в направлении аутпоста, пленный заговорил. Варенуха, всё ещё теряясь в догадках начал переводить:

— Про клад ему рассказал один из наших военнопленных, они сговорились, что за координаты этот вот — Варенуха ткнул пальцем в иностранца — вывезет его на местности показать, а потом отпустит. Но всё сорвалось, американцы забрали всех русских пленных в тот же день и куда-то угнали. Вот они с друзьями по окрестностям и шарят. Вдруг клад где-то недалеко зарыт. Как под землю машина ихняя провалилась, они даже обрадовались. Думали,

может ход подземный....

После всего пережитого, всё услышанное звучало страшно. Мысли о том, что вот ходят по земле ещё и те кто хочет не только жить, а ещё и разбогатеть, банально не приходили в голову. Поборов очередной приступ раздражения, я спокойно кивнул водиле, чтобы перевёл мои слова:

— Семёныч, скажи кладоискателю, что если его всё ещё интересует золото, то я готов ему показать, где оно лежит. Но есть одна проблема: его и тех трёх четверых покойников скоро хватятся на базе. Спроси, хочет ли он делиться с ними?

Переставший уже что-либо

понимать водила, одёрнул вставший дыбом на его внушительном брюхе разгрузочный жилет и перевёл сказанное нейтральным тоном, постоянно мешая русский мат и польские слова. Поляк как-то тревожно глянул на меня но тоже довольно долго что-то объяснял переводчику. Варенуха совсем уже серьёзным тоном начал пересказывать услышанное:

— Он тебе не верит. Говорит, что и тому русскому не поверил. Требуется точно отвести его на место, тогда он про нас никому не расскажет.

— Передай, что это можно устроить — Я сделал озабоченное

лицо и показал рукой на багажник джипа — Скажи, что вместе туда и пойдём, если он сомневается. Только скажи, что кое-что из оружия мы возьмём, но газ нам не нужен, пусть покажет какие гранаты с газом, а какие нормальные. Только предупреди: если вздумает шутить — привяжу его к дереву, а сам в костюме буду одну за другой в его сторону выстреливать.

Как ни странно, условие поляка не напрягло: золото уже считай что в кармане, мёртвому же деньги не нужны. Но думаю, что он держал в запасе какой — т козырь, на случай если мы его захотим убрать уже возле сундуков с сокровищами белого

адмирала... что хотел выкинуть иностранец я так и не узнал, потому как он не колеблясь показал на пропущенный нами цинк серого цвета с трафаретным чёрного колера маркером «VX12C». Это было неожиданно просто, а мы в полумраке салона не обратили на него внимания. Ящик выглядел странно и на обычные «цинки» с патронами не был похож. Открывался он как обычный чемоданчик, выстрелы лежали утопленными в пористый прорезиненный материал вроде резины или латекса. Только колпачки того же что и ящик серого цвета, тускло сверкнули на солнце. Вынимать их я не стал, мало ли что и

аккуратно закрыл «цинк». Кивнув Варенухе на пленника сказал:

— Переведи ему Семёныч, что я сейчас скажу, только старайся точно сказать, лады?

— Дак это как сумею — Водила недобро глянул на иностранца — Уж больно оно мне противно, можно я ему шею сверну, а?

— А это будет зависеть только от него — Это я сказал пристально глядя пленному в глаза — Если не врёт и гранаты газовые, значит его дружки в лагере передохнут и мы его поведём к золоту. Если нет, то ты Семёныч его и удушишь вот прямо тут. И пофигу тогда, что нас из миномёта или ещё чего накроют, ему

тоже не жить. Так ему и переведи.

Варенуха совсем было открыл рот, но иностранец ан сносном русском сказал, чуть коверкая слова, но это даже было удобней:

— Нет необходимошчь убивать, я не обманываю. Это есть газовой гранаты, я не вру, пан офицер.

— Я же говорил, что есть на свете универсальный язык — Отодвинув в сторону оторопевшего Варенуху, я присел напротив иностранца и подмигнул — Сиди тихо, пока мы не закончим дела, с тобой останется мой ординарец. Проверим твои слова и вернёмся, а там и до золота очередь дойдёт. Понял меня?

— Так есть, пан офицер! —
Поляк как-то внутренне подобрался,
в глазах больше не было тревоги —
Но....

Встав, я взял кляп с капота
машины и снова втолкнул его в рот
поляку, одновременно обращаясь к
артельщикам:

— Потом поговорим, дела не
ждут. Виталий Семёныч, ты
останешься с пленным, если через
полтора часа не вернёмся, облей эту
гниду бензином и подожги. Потом
жди ещё час и если снова не
появимся — уходи на восток. Вдоль
дорог не ходи, старайся лесами, так
надёжней. Михась, мы с тобой идём
к базе, бери балахоны и пару

гранатомётов на шею. Я оставшиеся два возьму и ящик с газом. Пошли, пошли, бегом!..

...Оставив водилу присматривать за пленным, мы с приятелем нагруженные словно пара вьючных мулов ринулись к опушке леса, где я загодя наметил место для обстрела. Сложностей было две: подобраться к аутпосту на гарантированно убойное расстояние было невозможно и из такого гранатомёта как этот, ни я ни мишка никогда не стреляли. Но ничего лучше на данный момент не придумывалось, всё что мы делали с первого и по сей день нашей одиссеи, на две трети была авантюра и на

одну треть — везение. Мгновения не проходило, чтобы в голову не лезли мысли о том, что может пойти не так: гранаты могут оказаться фуфлом, одна из них даст течь и мы с Михасём просто врежем дуба. Да много ещё чего может быть. Но если рассуждать то вполне спокойно можно было остаться там, на поле рядом с Ильинским и ждать пока не придут те, кто уже рискнул и им выпал фарт — целая страна почти на блюдечке. Нет больше у нас права на сомнения и варианты, все сроки для гаданий типа «а что если», уже вышли и нужно действовать. Чем наглей тем удачливей всё сложится, а если нет... смерть храбреца бывает

один раз, смертей труса — что воды в море. Всё это я крутил в голове пока мы свалив барахло на траву, лихорадочно но внимательно надевали балахоны на себя. Ремни и застёжки были из кевлара и пластика, а сама ткань очень прочной, в таком костюме можно было воевать и не особо бояться мелких осколков на излёте и даже открытого огня. Зрение сузилось до двух каплевидных окуляров противогоза, стало трудно дышать и все звуки вокруг приглушились но через специальные мембраны, можно было сносно друг друга слышать. Говорю же — удобная штука, хотя всё в мире относительно.

Решено было, что стрелять буду я один, а приятель станет заряжать гранатомёты, так будет даже быстрее. Вчера выяснилось, что из всей артели с подствольником принципиально знаком только я. Остальные слышать слышали, но опыта обращения даже с советским аналогом ни у кого не оказалось. Но это было самое простое: я откинул стойку прицела вверх и вскинув сверился со шкалой расстояний — максимум четыреста метров, а лагерь где-то в трёхстах. Сдвинул собачку предохранителя слева над цевьём и с силой отвёл гофрированную его часть вперёд, потом протянул руку в сторону и Мишка вложил в неё

гранату. Зарядив оружие, обернулся к одетому в точно такой же комбез приятелю. Тот кивнул в знак того, что последовательность запомнил и так мы снарядили один за другим, все оставшиеся стволы. Внимательно приглядевшись к деревьям я понял сто ветер сейчас слабый и газ будет сносить влево. Осторожно, стараясь держать оружие ровнее, я вывел прицел на триста пятьдесят метров и нажал на спуск.

— Боп!

В плечо отдало непривычно сильно, видимо в газовых гранатах был сильный вышибной заряд. Не останавливаясь и не смотря на результат, я взял следующий ствол,

бросив пустой на траву под ноги.

— Боп!

На этот раз я всё же глянул на лагерь и увидел, как мечутся в периметре слабо различные фигурки людей. Не останавливаясь больше, я снова взял заряженный гранатомёт и больше уже не смотрел. Сверяя только прицел, чтобы гранаты ложились веером, накрывая как можно большую площадь. Так продолжалось пока Мишка не дёрнул меня за плечо, показывая на пустой ящик. Руки опустились сами, ствол с глухим теньканьем брякнулся под ноги рядом с остальными. Не снимая костюмов, мы стояли разглядывая сквозь густую листву результат

работы. Издали картина получалась даже скучной: внешне ничего не изменилось, ни тебе пожаров, ни дыма — газ оказался совершенно бесцветным. Неправильным казалось только то, что ворота аутпоста наполовину были отворены и с той стороны в них врезался ещё один джип. Видимо кто-то пытался выбраться из западни, но не успел. Простояв так в общей сложности ещё с полчаса. Мы не снимая костюмов двинулись в обратный путь. Было странно идти по лесу, словно бы отгородившись от него чем-то вроде скафандра. Время шло к полудню и становилось довольно жарко, пот стал заливать глаза и дыхание

сбилося. Когда мы вышли на дорогу где остался Варенуха с пленным, противогазы уже удалось снять, так вот в робах, нагруженные оружием мы и вышли к траншее. Вокруг стояла тишина, прерываемая невнятными глухими стонами. Обойдя машину, я увидел что пленник сидит с неестественно вывернутой шеей, а Варенуха сидит на краю ямы и держит в руках один из трофейных пистолетов вставив его ствол себе в рот. Картина была мне в общих чертах понятна: дождавшись пока мы ушли, водила не выдержал и свернул поляку шею. Но вот зачем он решил застрелиться, ещё предстояло выяснить. Не снимая костюма, я

осторожно шаг за шагом приблизился к рыдающему пожилому мужику и сел рядом на край траншеи.

— Сбежать решил, Виталий Семёныч — говорил я будничным тоном, чтобы немного успокоить водилу и чуток привести его в чувство — Значит, бросишь нас с Мишелем на растерзание так сказать?

— Они... этот.... — Ствол пистолета мешал Варенухе говорить, и он вынул его изо рта, положив на колени но всё ещё крепко сжимая в кулаке.

— Зачем ты его раньше времени грохнул, может пригодился бы ещё. Как мы теперь узнаем, откуда они

города обстреливают?

Судорожно переводя дух и вытерев сопли и слёзы кулак с зажатым в нём пистолетом, водила посмотрел на меня красными от недосыпа и рыданий мутными глазами. Непривычно видеть, когда вот такой крепкий на вид хитрован и явно не дурак выпить, становится таким уязвимым. Но сейчас нужен каждый боец и нет среди них годных и не очень, поэтому я просто сидел и ждал, готовый уговаривать и умолять его встать и продолжать идти вперёд, если это поможет.

— Вы ушли — Начал свой рассказ Варенуха — А этот стал пропаганду разводить: мол войска

наши уже почти разбитые везде, а народ кого не потравили газом и не раскатали бомбами, по дорогам скитается.

— Это война, брат. Сначала они нас, потом мы их. Так всегда бывает.

— Нет! — Водила воздел руку с пистолетом к своему лицу и покрутил стволом — Он ещё казал, что они еду и одежду на колонны беженские сбрасывают. Нарочно вирусами всякими заражённое всё сбрасывают на людей! Антон, это же просто беженцы, люди станут болеть и никого не останется! Совсем никого не будет. А если мои ту еду подберут. Если они уже мертвые все!!...

Понимая, что истерика сейчас новой волной пойдёт на приступ остатков здравого смысла Варенухи, решил действовать быстро. В тоже время, ещё не поняв смысла только что узнанной новости, я выбил пистолет их трясущихся рук. Ствол брякнулся на дно траншеи, мимоходом я отметил, что водила даже снял его с предохранителя — стреляться вполне было можно. Но водила уже не обращал внимания на оружие, его охватила апатия и безразличие. Сложив руки на коленях и опустив голову, он всё повторял и повторял:

— Господи, почему ты допустил, почему оставил меня? Почему

допустил....

Михась тоже был потрясён но вроде пока про самоубийство не заикался. Стянув с себя костюм он сидел на земле рядом с трупом поляка и жадно курил. Пройдя мимо него, я встал чуть в стороне от машины, вынул пистолет и выстрелил в воздух. Артельщики вздрогнули, оба повели себя именно так как я и рассчитывал: Михась залёг, перекатом уйдя под днище джипа, а Варенуха перестав рыдать нырнул в траншею, куда уронил пистолет. Если бы хоть один из них замер на месте или поднял руки, непременно бы сказал такому «до свидания». Апатия это самый

страшный враг солдата, кто поддался ей уже не боец. А нам предстояло много, очень много воевать.

— Мужики, погоревали и хватит — я сказал это громко, чтобы ещё более привести товарищей в чувство — Скоро пиндосы опомнятся и пришлют сюда разведку или нагрянут большими силами. Нужно пошуровать на базе в ангарах с трофеями и быстро сматываться отсюда. Понимаю, вы устали.... Очень устали и хотите есть, спать и домой. Но так вышло, что дома у нас теперь сидят вот такие как этот кладоискатель и их сначала нужно выгнать. Пошли вперёд, мужики. Так вышло, что кроме нас уже никому....

Спустя полчаса, наш небольшой отряд уже пылил по дороге, ведущей к разгромленному аутпосту. Впереди шёл Варенуха, сжимая в руках вверенный ему карабин, следом шагал Михась, щуря хитрые цыганские глаза на высоко стоящее в зените июльское солнце, положив обе руки на ствол такого же карабина висевшего поперёк шеи. Я в пяти метрах позади всех, ощупывая взглядом окрестности и соображая, куда нам податься теперь. Особой перспективы не было, но одно я знал точно: мы будем искать врага и бить его там где встретим. Без пощады, без сожаления.

Глава 3

Россия. 29 июля 2011 года. 12.54 по местному времени. Юго-восточная окраина бывшего посёлка городского типа Тогучин. Внутренний периметр аутпоста охранного агентства «Блэкстоун — Сауз». Бывший сотрудник иркутского ЧОП «Булат», Антон Варламов. Сбор информации и дальнейшие перспективы.

Внутри периметра аутпоста было тихо, только в стоящем на отшибе домике, где как я решил ещё три дня назад, разместилось местное начальство. Там хрипела и свистела статикой помех радиостанция:

слышались постоянно повторяющиеся кодовые фразы, незнакомые формулы позывных. Значит, кто-то либо уже вызвал помощь, либо пытался это сделать. Любой из этих вариантов меня не устраивал, поскольку наверняка у пиндосов налажена система переклички и поняв, что один из «опорников» не отзывается, могут вполне выслать нечто вроде мотоманёвренной группы или что-нибудь летающее. Варенуха, словно стыдясь за проявленную полчаса назад слабость, вообще старался не смотреть мне в глаза, находя малейший повод чтобы как-то проявить себя, доказать, что всё в

норме. Бывший водила, в одиночку отстранив Михася, отодвинул влево до упора застрявшую на полпути створку ворот и первым вошёл внутрь ограды. С любопытством озираясь, он сунул нос внутрь кабины застывшего на выезде джипа и бестрепетно сбросив на землю покойного иностранца сел за руль. Мне стало интересно, что будет дальше и одёрнув Мишку за рукав, принудил приятеля остановиться. Замерев, мы молча ждали, что произойдёт. Из кабины минуты две раздавалось невнятное бормотание, потом к нему добавился звук ворочавшихся рычагов и вот «чудо враждебной техники» завелось, а из

открытой двери высунулась
плешивая башка Варенухи. Деловито
поглядывая назад, он сдал задним
ходом почти без рывков, словно век
управлял импортным авто. Чуть
погодя, он уже соколом смотря в
нашу с приятелем сторону деловито
спросил:

— Ну, куда этот драндулет
ставить?

— Отгони его от ворот — Я
решил вести себя так, будто бы
ничего не произошло, слабости есть
у всех — Сейчас проверим ангары с
трофеями, потом придумаем на чём
отсюда уходить.

Кивнув, водила занялся
агрегатом, а мы с Мишкой уже не

останавливаясь пошли к первому же ангару, чтобы не терять времени зря. Без всякого интереса, оглядываясь по сторонам, оценил результаты нашей «газовой атаки». Большинство гранат упали с недолётом, но у них оказался довольно велик коэффициент рассеивания — наёмники умирали практически мгновенно. Те, что сидели на вышках и в стрелковой ячейке у ворот, вроде как пытались развернуть станковое оружие в поисках точки обстрела, но газ слишком быстро рассеивался, что при полном безветрии сыграло мне на руку. Всего, при беглом осмотре я насчитал восемь покойников внизу, включая одного наблюдателя

упавшего с вышки у ворот. Сколько ещё находилось там, на верхотуре и в строениях считать было некогда. Лица захватчиков не искажала даже тень агонии, словно смерть пришла быстрее, чем они осознали что умирают. Это мне не нравилось: впредь пиндосы так легко не отделаются и будут подыхать как можно более болезненно. В поисках чего-нибудь полезного, я заглянул в казарму, потом в домик. Трупов ни там, ни там не нашлось — видимо все выбежали, чтобы посмотреть что случилось. В командирском доме размещалось двое, об этом говорило наличие пары узких кроватей, аккуратно застеленных одеялами. Тут

нашлась кипа карт района, испещрённая большей частью непонятными мне значками. Удивило наличие в дальнем левом углу у окна целого штабеля больших картонных коробок с сигаретами. Потом вспомнилось, что в Европе вообще на Западе сигареты жутко дорогие, но зачем им наши кишинёвские подделки?.. Не задумываясь над этой пустяковиной, совсем уж было повернулся чтобы уйти, как взгляд зацепился за стоящий на письменном столе справа, бинокль. Миниатюрный, габаритами приближающийся к театральному, но с блямбой встроеного дальногомера. Вещь, однако. На ходу сунул оптику в

карман брюк сразу вздувшийся, и вышел на улицу, больше тут действительно задерживаться не стоит. Возле крыльца, слева, ничком лежал чем-то заинтересовавший меня труп наёмника. Видимо он бежал к навесу с припаркованными машинами, но не повезло. Ну, значит, сегодня твоя очередь. Однако внимание привлёк небольшой, явно очень тяжёлый чемоданчик, прикованный к руке трупа узким стальным браслетом. Наёмник потратил остатки своей жизни на то, чтобы взять кейс, даже под угрозой расстаться с жизнью из-за этого. В два приёма вскрыв чемодан принесённым из инструментального

шкафа «фомичём» и посмотрев на содержимое, я только сплюнул. Иностранец спасал деньги. Ровными пачками в чемодане были уложены новенькие незнакомые мне бумажки с надписью на английском языке. Банкноты были достоинством по сто и пятьдесят тугриков. Более всего они напоминали европейские деньги с созвучным названием, но тут на правом поле был оттиснут голубого цвета американский континент, а в качестве символов было всякое зверьё и бабочки. На пятидесятиамеровой банкноте к примеру — изображена лань, а в левом нижнем углу абривиатура — «50A». Значит доллар умер,

здравствуй новая денюга!.. Ну, вот и реформу под шумок провели и нет ничего нового под солнцем. А наши российские любители тырить импортные дензнаки опять в пролёте. Что за жизнь пошла, никому верить нельзя, а ведь какая гордая была надпись на «зелени»: «Мы верим в Бога».... По виду, это были несомненно американские деньги, но точно не доллары и про религию ни гу — гу. Ссыпав все деньги в заплечный мешок, я ещё раз посмотрел на труп наёмника, не повезло тебе приятель, зарплату уже не потратишь. Убойная штука этот потомок всяких «вэ — иксов», [\[12\]](#) нужно отдать иностранцам должное

— отраву у них получается знатная. С трупами придётся что-то придумать, хотя и не знаю сколько времени у нас есть чтобы как следует тут пошуровать на предмет приодеться и добыть нормального оружия. Сойдя с крыльца и больше не оглядываясь, быстро иду к ангарам. А вот и закрома, что-то тут не так.... Как только отчётливо и в деталях стали видны двустворчатые двери, стало появляться нехорошее чувство, будто военное счастье начинает поворачиваться к нашему летучему отряду уже боком. На дверях был врезной кодовый замок с рядом кнопок и прорезью для пластиковой карточки.

— Бля!.. — Мишка смачно сплюнул в сторону и выругался многоэтажно, дёргая за длинную ручку двери — Закрыто! Как мы тут карточку найдём, хрен знает, у кого она есть.

В чём-то приятель был прав, но видимо постоянный стресс так на мне сказался, что решение проблемы пришло практически мгновенно. Махнув рукой в сторону навеса, где стоял внушительный армейский грузовик в камуфляжных пятнах похожий на грязного бегемота, я знаками позвал туда спешащего к нам Варенуху. Поняв, что мне нужно, водила тоже заспешил к грузовику и не задавая лишних вопросов влез в

кабину. Чихнув стартером, иностранная «полуторка» завелась и дважды мигнула нам фарами. Подойдя к машине, я указал приятелю на инструментальный шкаф притаившийся дальше, заслоняемый бортом грузовика:

— Михась, быстро найди там верхонки, бухту с буксировочным тросом и кидай всё это в кузов. Не хотят открывать по-хорошему, значит церемоний разводить не будем.... Да — Вспомнив, что они с Варенухой народ курящий, киваю на командирский домик — Там у окна целая коробка с куревом, натырили видать из сельских ларьков, бери своей отравы, а то уши опухнут.

— Опа — весёлость снова на миг вернулась к приятелю, глаза заблестели — Значит живём! Семёныч, пошли куревом разживёмся, тут иностранцы угощают!..

Почти галопом оба моих спутника кинулись в указанном направлении и скоро выскочили неся в руках по картонной коробке, на лицах светилась неподдельная радость. Я лишь усмехнулся про себя, осматривая фронт работ. Человек так устроен, что даже в минуты самого паршивого бытия любая приятная мелочь может вернуть его к жизни. Сам в недавнем прошлом заядлый курильщик, прекрасно их понимаю,

пусть хоть что-то будет как прежде, пусть это пока только курево...

...Подогнав машину и развернув её кормой к воротам склада, мы принялись за взлом. Трос был очень удобный с двумя регулируемыми карабинами и защёлкой. Зацепив один его конец за непонятное ушко чуть ниже левой створки складской двери, а другой к крюку под задним бампером грузовика, мы в раскачку взломали сначала первый, а затем и следующий ангары с трофеями. Было это не столько трудно, сколько затратно по времени: раскачивать нужно было аккуратно, чтобы сильной встряской не своротить чего-нибудь сильно взрывчатое

внутри помещения. Оставив Варенуху с Мишкой отцеплять буксир и возиться с полуторкой, я не мешкая приступил к осмотру хранилищ. Войдя в помещение первого вскрытого склада, сразу отметил, что тут собрано обмундирование, которое сердобольный импортный каптёр рассортировал очень скрупулёзно: отдельно сезонное и демисезонное обмундирование, отдельно обувь, головные уборы и даже нижнее бельё. На всём были нашиты аккуратные мультязычные бирки со штрих — кодом, от одежды исходил тонкий аромат какой-то отдушки. Мельком осмотревшись и наметив ряд вещей, которые нужны

будут прямо сейчас, быстро направился в соседний склад, где по здравому разумению должно было находиться самое необходимое сейчас — наше оружие. Тут тоже везде царили контроль и учёт: слева тянулись стеллажи с боеприпасами, справа также высились стойки с отдельными видами «стволов» и складированные в штабеля ящики с оружием. На всём так же виднелись наклейки на английском, немецком и французском языках. Когда шли сюда, в воображении рисовались горы ржавого и битого оружия, несущего на себе следы жестоких побоищ, одежда с пулевыми отверстиями и пятнами крови,

снятая с трупов. Но подспудно, росло и крепло ощущение, что будет всё именно так, как я вижу наяву: холодно, бездушно и прагматично. Неожиданно я понял, что вот уже пару минут просто стою и пялюсь в пространство перед собой, а мои партизаны стоят рядом и уже давно комментируют увиденное.

— Эва, сколь всего нахапали — Варенуха уже где-то добыл себе кусок ветоши и деловито счищал с больших похожих на штыки совковых лопат, рук откуда-то возникшую грязь — Что же, всё у наших отняли?

— Не обязательно отняли — Мишка уже не выглядел подавленным. В голосе приятеля

слышались нотки раздражения —
Смотри, ведь даже ещё советское
есть вот штампы ещё за восемьдесят
девятый год! Может генерал какой
пиндосам подарил, а солдатиков под
ракеты подставил, чтоб не
занашивали казённое! Нет, Антоха,
хоть убей не пойму, как это всё
случилось так быстро?! Есть же и у
нас техника новая. Спутники,
корабли оружие ядерное, мы же были
такие сильные, а?..

Все эти вопросы я уже где-то
слышал и что страшило сейчас
больше всего — точно знал откуда
это «дежавю». В детстве и почти на
протяжении всей своей недолгой
жизни, я любил смотреть фильмы о

войне. Больше всего нравились те, где наши советские солдаты и командиры без колебаний и очень уверенно побеждают хоть и сильного но всё же уступавшего нам почти во всём врага. Те же, где рассказывалось о горьких днях первых месяцев войны, поражениях, отчаянии, особо не жаловал. Распробовал их только после того, как сам побывал на войне настоящей, но с горечью приходилось признать, что с подвигами дедов сравнения нет никакого. Духи, даже хорошо вооружённые и местами грамотно руководимые, с немцами и их отлаженной армейской машиной, на одну доску поставлены быть не

могут. Это не умаляет заслуг тех, кому довелось поучаствовать в обеих чеченских заварухах — дрались хорошо, себя не жалели, стыдно не было ни грамма. Но вот когда против тебя во весь рост поднимается точно такая же армейская машина, движимая чуждой идеологией, с совершенно иным взглядом на то как нужно воевать.... Деды имели за плечами мясорубку гражданской войны, потом мелкие стычки с япошками и тяжёлый опыт белофинской кампании. Но было и ещё кое-что: их вела и поддерживала ИДЕЯ. Вера часто бывает важнее пушек и танков. А что сейчас есть у нас? Только жидкая мешанина из

православия, гнилых идей предателей — диссидентов, да абстрактные призывы к защите Отечества. Когда мы воевали, всех накрепко спаяла ненависть к духам, желание мстить за павших друзей. Про все эти заморочки с возрождением монархии, бития поклонов у икон и вдыхания фимиама никто не заикался. Да ещё терпеть этот власовский флаг^[13] на рукаве... нет, на время службы про нюансы старался забыть, держа в уме родное, серпасто — молоткастое привычное красное знамя бригады. Фиг его знает, что хотели нынешние, а теперь уже бывшие хозяева страны, когда выбирали его как

государственный символ. Вообще, от политики и всяких там ревизий истории всегда держусь как можно дальше: тихо смотрю советские фильмы, залитые на старенький домашний комп и редко включаю телевизор. Этот лживый ящик стоит у меня на холодильнике, там я иногда слушал новости или смотрел какой-нибудь канал где рассказывают про еду или рыбалку. Теперь уже всё это кажется таким далёким, словно и не со мной было.

...С самого первого мгновения там, в отравленной газом деревне, на душе словно наступила зима. Понятное умом истинное положение вещей отторгалось моей

инстинктивной внутренней сутью. В какой-то степени можно считать везением, что лицо досталось от рождения совершенно не выразительное. Мало кто из окружающих мог похвастаться, что вывел меня из себя, развеселил и увидел результат. Даже самому иногда бывает неудобно и приходится специально показывать людям мимикой, что да как. Внутри словно всё замерло, как будто реальный мир от меня отделили прозрачным стеклом. Все чувства спрятались, чтобы выжить пришлось заставлять себя действовать правильно, прикладывая огромные усилия для того, чтобы держать себя в руках и не

завыть от безнадёги и тоски. Когда я был на Кавказе, всегда оставался уголок дома в душе. Непременным было чувство уверенности в том, что когда-нибудь срок службы подойдёт к концу и я окажусь там, где войны уже нет. Но похоже, фигуральное выражение: «каждый солдат приносит войну с собой», обрело реальный, кошмарно — абсурдный смысл. Война жившая внутри проросла, дала всходы и её споры рассеялись по квартире, району, городу и захватили всю страну. Так случилось по жизни, что выбирать профессию особо не пришлось: школа, два курса института, а потом только армия и война. Ничего

другого я не умею и как правильно заметила бывшая супруга — горбатого только могила исправит. Сначала был вынужден учиться, потом просто понравилось. Но всегда и во всём, с раннего детства выработалась привычка до тонкостей знать любимое дело и всегда выходить победителем. Всегда. Так было оба раза во время обеих кавказских войн. Предательство бизнесменов, рулящих армейским начальством не мешало мне и сослуживцам по отдельному разведбатальону Н — ской мотострелковой бригады, до упора разбираться с врагом. Шли в поиск, часто без формального приказа и

честно воевали, заслужив ненависть и даже некоторое уважение тамошних духов. Всё приходило к логическому завершению, всегда явно ощущалась черта, дойдя до которой становилось понятно — мы победили. Сейчас всё было иначе: враг оказался везде и те, кто заступил на службу после нас, либо оказались мертвы, либо метались в кольцо окружения. Слышал, что по «ящичку» народу пели про то, какие у нас мощные ракеты, да как нас боятся американцы и их союзники. В это охотно верю: страх подхлестнул врага вынашивать планы нападения и готовить вторжение. Именно страх и чёрная зависть явились причиной

того, что может быть двух третей российских и не только городов и деревень уже не существует.

Думая обо всём этом, и оглядываясь назад, не представляю как я буду воевать практически в одиночку с целым миром, решившим подзатариться за счёт моей страны. Апатия, паника, страх и ненависть, словно в кривом зеркале пытались оттолкнуть, уничтожить те принципы, которые мне внушали с детства. С самой первой стычки с американцами и до сегодняшнего мгновения я ощущаю себя словно в дурном сне, который никак не хочет кончаться. Водоворот кошмаров кружит и сводит с ума, заставляя

всплывать единственную мысль: надежды нет. Как это ни странно прозвучит, огромный мельничный жернов усталости повис на моей шее с того самого момента, как залп автоматической пушки вражеской БМП заставил вытолкнуть приятеля из машины и вновь взяться за привычное ремесло. Плёнка отчуждения не давала мне почувствовать бой ощутить его бешеный пульс, принять его радость и упоения. На губах был только горький вкус пепла усталости. Как я умудрился выжить и сохранить веру в себя этих людей, видимо, снова повезло. На этот раз воевать мне совсем не хотелось, мирная жизнь,

робкие планы на обустройство домика где-нибудь в таёжной глуши и долгие часы молчания наедине с природой — вот чего желала душа. И уже через силу приходится носиться по буеракам и вновь убивать. Но на этот раз сознание отказывалось видеть ту самую черту, за которой всегда была победа. Пока что есть только клубящийся багровый туман неизвестности, а на долгом пути вперёд, каждый шаг с почти стопроцентной долей вероятности может стать последним. Но как и много раз до этого, вокруг меня снова оказались те, кто не хотел умирать. Путь эти люди не были ни родственниками ни друзьями, пусть

оба они только полуобученный балласт. Но в каждом из них теплился крохотный огонёк надежды, который питали слабо тлеющие угли костра моей души. Но им это не известно: Михась и Варенуха пролили первую кровь, скоро, если всё сложится удачно я смогу их многому научить. А может быть, найдутся и другие, кто так же как и мы не желает покорно принимать уготовленную им захватчиками участь, вдохнув смертельный газ или сгореть заживо.

Страхнув с себя оцепенение, которое длилось только двадцать восемь секунд, я совершенно обычным голосом сказал

обернувшись к артельщикам:

— Мужики, у нас же был уговор про дискуссионные клубы. Или вы хотите, чтобы пока мы тут занимаемся бесполезной болтовнёй и гадаем что да как, пришли те, кто перед расстрелом может быть, всё это нам разъяснит. Лично я не хочу это выяснять наверняка, а вы?

Варенуха сделал вид, что ищет какую-то вещь в кипе обмундирования. Михась один встретился со мной виноватым взглядом и только отрицательно мотнул головой. Я продолжил, не меняя тона:

— Тогда нам нужно разделиться, чтобы быстро собрать самое

необходимое и погрузить на эту полуторку. Взять пока будет негде, поэтому постараемся охватить все наши потребности. Так, нам нужно разделиться. Семёныч, ты подгони к ангару грузовик, так чтобы он встал под загрузку сначала сюда. Сам же пока мы вещички да остальное сортируем, приberi покойников так, чтобы мы их смогли запереть в соседнем ангаре, где оружие. Собери только тех, что на виду и иди нам помогать. И посмотри. Шанцевый инструмент, желательно лом, пару лопат и топор....

— А это — Варенуха замялся —
Размер — то мой ты знаешь?

— Чудак человек — Ожил

Мишка и хлопнул смутившегося водилу по плечу — Склад — то армейский, тут тебе не магазин элитной одежды. Возьмём самый большой, явно по тебе будет тара!

— Михась! — Я одёрнул приятеля, хотя и не слишком строго, атмосферу нужно было разрядить — Ты иди, пока пошукай комбезы, вон стопка подходящая прямо на тебя смотрит.

— Семёныч, — Повернулся я к чуть зардевавшемуся Варенухе — Особые пожелания я постараюсь учесть, но в принципе Мишка прав: ты у нас самый рослый и широкий.

— Ну, — Варенуха чуть оттаял — У меня подъём ноги высокий, мне

б обувь попросторней, а так, вроде верно всё....

— Лады, иди пока покойников сортировать, а мы всё подыщем.

Варенуха благодарно кивнул и быстро исчез из поля зрения, а я принялся помогать Мишке с отбором обмундировки. С виду всё было просто: отбирать нужно демисезонные и зимние вещи из пессимистичного расчёта, что больше такого случая и богатого выбора нам в ближайшей перспективе не видать. Захватчики особо постарались и на склад свезли только то, что так или иначе можно было продать. На эту мысль меня навёл сам ассортимент и наличие

сопроводительных ярлыков. В самом деле, что может быть выгоднее: пусть фабрик где всё это пошито уже нет, но подшефных в разных странах надо во что-то одевать и обувать. А тут даже тратиться особо не пришлось, русские всё уже приготовили и даже упаковали. Как правильно заметил Михась, тут было всё, вплоть до нижнего белья. Предпочтение я отдал новой форме, видимо поступившей совсем недавно, может быть даже солдаты её ещё и не видели. Я прихватил по четыре комплекта на каждого из нас, как зимнего так и летнего обмундирования. Чтобы не терять времени даром, я начал

переодеваться сам и сделал знак приятелю сделать то же самое:

— Михась, нужно переодеться полностью, возьми там у входа пакеты с гигиеническими салфетками, оботрись и начинай облачаться. Бери вот эти куртку и штаны — Я показал на стопку предусмотрительно затушеванного в полиэтилен шмотья — Панаму не забудь, там даже накомарник есть.

Сам тоже стал сбрасывать изрядно пообтрепанное и рваное: униформа превратилась в нечто среднее между джутовым мешком и пёсией подстилкой, с непередаваемым букетом запахов гари, леса и немытого человеческого

тела. Взяв из стопки принесённой приятелем влажную салфетку, начал тщательно обтираться. Потом облачился в удобные, кто бы что не говорил, сатиновые чёрные трусы, сразу вспомнив «учебку» и свой первый комплект «хэ — бэ», только портянок уже не было теперь солдатам выдавали обычные носки. Напялил футболку, чуть тесную и пахнущую чем-то дезинфицирующим. Затем настала очередь верхней одежды. Пуговиц больше нет, вместо них тусклые полимерные кнопки, да молнии. Комплект явно шили не на рядовых, полевая форма оказалась добротной и лёгкой. Рисунок был

многоцветный, смотреть на него долго было неприятно, глаза так и тянуло увести в сторону. По-научному, этот рисунок называется «цифровая флора», на ткань наносят четырёхцветный пятнистый рисунок созданный на компьютере. Само волокно какое-то хитрое, синтетическое, в сочетании с рисунком оно даёт на приборы оптико-электронного наблюдения искажающую картинку, затрудняя опознание силуэта бойца. Куртка с капюшоном, штаны и панама с противомоскитной сеткой сидели словно тут и были. Чего действительно не стал я делать, так это менять свои разношенные

«берцы», поскольку потратив на них целый оклад полгода назад, я выбрал самые лучшие, что были в магазине. Итальянские боты, на гелиевой подошве с антибактериальными стельками и фиксацией голеностопа. Американскую и тем более нашу обувь я никогда не жаловал, первую за пропуск влаги и быстрое намокание, вторую просто потому, что у нас традиционно не умели шить обувь. Михасю пришлось хуже — он выехал из дома в обычных полуботинках, а в последствие снял «берцы» с одного из американских танкистов, но те были ему велики. Сейчас он нашёл нечто по размеру, но лицо скривил недовольное:

— Жмут, падлы! — Приятель ходил взад-вперёд и притопывал ногами в новых ботинках — Неужели нормальных пошить не могли, где справедливость....

Нашлись несколько видов «броников» со сбруей и подсумками. Повезло в том плане, что я наткнулся на десяток совершенно новеньких десантных «шкур» с возможностью подцепить на них разгрузочную упряжь.^[14] Такие комплекты планировалось выдавать всем, включая обычных мотострелков. Но насколько я знаю, солдатам эта роскошь так и не досталась, их таскала только десантура. Сложив всё в кузов, решил

что займусь подгонкой позже, сейчас утащить бы всё скорей. Закончив с облачением, мы за полчаса закинули в кузов по шесть комплектов обмундирования и обуви на брата. Потом раскопали среди прочего походную палатку с портативной железной печкой и четыре спальных мешка. Дин получался лишний, но в него мы сложили всякие полезные мелочи. А также найденную тут же портативную радиостанцию и шесть обычных носимых блоков короткой ларингофонной связи, по три запасных аккумулятора и полевое зарядное устройство. Последняя вещьца вообще была очень кстати, поскольку заряжала любые

аккумуляторы, для чего нужно было только присоединить к ним саму батарею через специальный шнур с разъёмом. Кроме того тут был ещё кабель с обычными контактами — «крокодилами» так что цеплять можно было абсолютно всё с нестандартными разъёмами. Я рассудил, что по пеленгу вполне можно будет определять, работают в округе иностранцы или нет, кроме того радиостанции короткой связи будут необходимы если мы собираемся эффективно партизанить. Кроме того я отыскал большие прорезиненные мешки, чьё истинное назначение я не улавливал, но взял их десяток, предвидя

необходимость закладки тайников. Машина штука не вечная и как только мы смоемся отсюда её рано или поздно придётся оставить.

Чего не оказалось на вещевом складе, так это еды. Иностранцы не позаботились о нас настолько хорошо, а их жратва и особенно похожий на прессованный картон хлеб, были употребимы только в аварийных случаях. Продукты из импортных пайков и даже обычных захваченных в качестве трофеев консервов насыщали только временно. Единственное, что у них оказалось качественное и вкусное, так это шоколад и растворимый кофе. Но последний я пил

исключительно по необходимости, поскольку не жалую этот пахучий напиток. Закончив с вещами, мы уже основательно дёргающиеся из-за вот-вот могущих нагрять карателей двинули в соседний ангар. Тут уже копошился Варенуха, а в дальнем от входа левом углу лежали неровным штабелем трупы наёмников. Наш водила уже выбрал себе оружие по вкусу — на плече его словно игрушечный болтался калашниковский «ручняк», [\[15\]](#) а сам Варенуха словно революционный матрос был опоясан наборными пулемётными лентами. Возле входа уже громоздилось два зелёных ящика, где судя по маркировке были

пулемётные патроны. Сверху на них лежали завернутые в промасленную бумагу шесть сменных стволов к нему же и два подсумка доверху набитые ручными гранатами. Рубчатые бока «эфок» и гладкие обводы наступательных РГД-5, я узнал сразу. Ничего не говоря, чтобы драгоценные минуты зря не тратить мы с приятелем тоже приступили к поискам. Тут всё обстояло много хуже, чем с обмундированием и всякими прибабасами: как не искал, не вышло найти свой любимый «калаш» под надёжный 7.62 мм калибр. Патронов и магазинов к нему нашлось в избытке, но ни одного правильного автомата я

не отыскал. Пришлось скрепя сердце брать обычное «весло»^[16] с лёгким рамочным прикладом и пластиковым цевьём цвета «баклажан». Чтобы отыскать к нему правильные патроны, в просторечии просто «червонцы», пришлось затратить лишних двадцать минут, но иначе это будет не более чем кусок железа. Мишка удивил — отыскав в дальнем конце склада ящик с нелюбимой мной тихой винтовкой, называемой почему-то «Винторез».^[17] Увидев недовольную гримасу на моём лице, он сразу завёлся:

— Чё ты всё волокёшь на мою лапушку, старшой! — Мишка любовно обнял винтовку, прижимая

её к груди, словно любимую жену — Ну нравится мне как она стреляет, учился я, почитай год с омовцами знакомыми на полигон ездил....

— Миша, родной — Я как мог быстро сортировал баклажанного же цвета пластиковые магазины к автомату и кидал их в мешок — Да бери ты чего понравиться, главное помни, что в бою амеры тебя с этим «кара-мультуком» в случае чего жалеть не станут. Чем будешь их тогда отгонять — матюгами, что — ли?

— А вот давай пари заключим — Глаза приятеля азартно сверкнули — Ты со своим «веслом» и я с моей ласточкой, кто больше в следующей

стычке подстрелит.

— Ну — Я намерено отвернулся, будто бы искал что-то на стеллажах — Пари так пари. Я ставлю фляжку свою именную под коньяк, а ты зажигалку. Идёт?

— Э, куда хватил — Приятель прищурился, но не отступил — Ну смотри, слово сказано, Семёныч ты свидетель!

Варенуха понимающе гоготнул и подойдя разбил наши руки. От такого соревнования проиграют только наши враги. Я намеренно спровоцировал приятеля на спор, поскольку винтовку эту невзлюбил ещё с первой своей войны. Тогда мы соседились с каким-то «спецназом»

внутренних войск. Ихний боец всё хвастал перед нашим молчуном ефрейтором Лёшкой Евсеевым, что мол его тихарь легче и без вспышки, а уж про точность вообще молчок. Крот, как мы звали Евсеева, за то, что винтарь ему выдали случайно — зрение у пацана было неважное, но очков он принципиально не носил, предложил «спецназовцу» пари. Тогда в городе царили духовские наёмники — снайперы: отстреливали радиоантенны с «брони», выслеживали командиров и как ни странно поваров. В войсках шло негласное соревнование, кто сможет подстрелить хотябы одного такого наймита и принести его винтовку

или ещё какое—нибудь доказательство смерти. Больше всех пыжились именно «спецы» из подразделений внутренних войск или принадлежащих ментовским структурам: ОМОНам и СОБРа́м. Как правило, они были лучше вооружены и экипированы чем мы — армейцы. Вот один такой служака и не преминул похвалиться специальным «стволом». Видимо, по незнанию он слабо разбирался в том, что ему досталось, либо надеялся на своё везение и мастерство. Но вот забились они с Кротом, что нынче же ночью подстрелят бродящего в округе духа со снайперкой. Обычай у вражеского стрелка был такой: где—

то после трёх пятнадцати утра и до четырёх тридцати, он занимал позицию в развалинах напротив нашего НП и караулил цель. Примерно в это же время, через нас проходили разведчики и просто транзитники готовящиеся к утру идти в центр города. Место у нас было удобное, потому как его регулярно чистили от мин сапёры, которых мы собственно в основном и прикрывали. Дух попался грамотный, выбирал позицию в развалинах оставшихся от старой застройки трёх и четырёх этажных домов. Валил он избирательно: то офицера, то связиста, а один раз подстрелил приехавшего на позиции

журналиста с какого-то знаменитого канала. Писаке повезло и пуля вдребезги разнесла дорогушую видеокамеру, только слегка оцарапав штатскому левую щёку. Шуму было много, но откровенно говоря никто особо не переживал, посторонних война не любит.

Вот минуло три часа и началось диковинное соревнование, оба стрелка вышли со своих позиций, а мы сели наблюдать, хотя ночью — то чего углядишь? Ни зги не видать, а только арбитром мы сообща определили пулемётчика Гену Астраханцева, как имеющего на вооружении ПКМ на станке с ночным прицелом. Толпиться у

пулемёта естественно никто не стал — оторвёшься от окуляра и по засветке тот же дух тебе пулю в лоб и пропишет. Расселись мы кто где и ждём, слушаем. Минут сорок всё было на участке тихо, стреляли где-то в районе Центрального рынка, но это было дальше и северней. С Кротом у нас был уговор, что если мы услышим второй выстрел из его «духобоя», как Лёшка ласково называл свою штатную СВД, сразу идём на два строчных проблеска его фонаря и вместе ищем добычу. Второй выстрел наш снайпер делал специально для подтверждения, что он свою работу сделал. Как будет работать «спецназовец», мы само

собой слышать не могли. Этот куцый «винторез» бьёт совершенно бесшумно: «чих — чих» вот и вся музыка. И вот, когда уже мы было решили, что дух сегодня не придёт, сначала подал голос дух, затем почти сразу же треснули с коротким интервалом два винтовочных выстрела. Генка — пулемётчик свистнул, дав из своего «станкача» короткую очередь трассерами куда-то влево, намечая нам путь. Лёжку Крота мы нашли не сразу, пока он сам не вылез из-под кучи битого кирпича, ругая одного из моих бойцов, что тот кирзачём ему на ногу наступил. Шёпотом Лёшка объяснил, что дух подставился, сверкнув

фонариком и он его приложил почти сразу. Путь в развалины указанного стрелком дома занял ещё минут сорок, потому что поднялась дикая пальба — духи спешили своему снайперу на помощь, но Генка и миномётчики «соседей» их отсекли. Все знали о негласном соревновании и я думаю, что наблюдали кто как мог, может тоже делали ставки. Духа мы нашли на третьем этаже жилого дома, почти полностью разрушенного. Стрелок лежал ничком, винтовка валялась внизу, её оперативно подобрал сам Крот минутой раньше. Традиционным мифом считается что все снайпера это обязательно какие-то

прибалтийские бабы, не знаю, я видел только троих прижмурившихся стрелков с оптикой и все они были мужиками, причём двое самыми что ни на есть русскими, один то ли араб, то ли иорданец. Принесли мы труп на в распоряжение, деньги что при нём были Лёшка частью забрал себе, частью отстегнул в общий котёл. Сигареты и всякие мелочи мы растащили кому что понравилось, мне достался отличный миниатюрный японский фонарик. Вроде всё улеглось, когда через минут этак десять, к нам заявились дружки «спецназовца» и начали предъявлять за пропавшего товарища. То, что их стрелок не вернулся, мы

даже и не подумали: мало ли, может стыдно стало или ранен да свои утащили. Но делать нечего пошли искать. Хоть и было кругом темно как в жопе у негра. Но ничего не вышло — стрелок как сквозь землю провалился. Вмешался наш взводный, приказав ждать до утра. Менты начали было быковать, требуя продолжения поисков, но тут подключилось их собственное командование и ситуацию замяли. При свете в городе было не менее опасно чем ночью, но хоть видно, куда ступаешь. Мы вышли как только забрезжил серый рассвет, в полном составе шарились по развалинам и спустя час когда окончательно

рассвело, нашли мёртвого стрелка. Потом я прикинул, что в темноте мы раза три проходили мимо, но сховался мент грамотно, вот и проглядели. Позицию он выбрал грамотно, даже отработал по цели четыре выстрела. Это — то его и сгубило: рабочая дистанция у его «коротышки» — двести метров, а он стрелял с полных пятиста. Пули ложились на излёте, дух просто его интуитивно вычислил, потом сделал выстрел вслепую. Коллеге Крота перебило позвоночник, и он умирал долго: примерно минут двадцать, может быть с полчасца. Как знать, может я неверно оценил тогда ситуацию, возможно что винтовка

тут совершенно ни причём. Однако Лёшка тогда продемонстрировал как дух вычислил «спецназовца»: воткнул в пробойну оставленную ментовской пулей гвоздь и сделав поправку отработал на одном только инстинкте просто по направлению шляпки. Вот с тех пор я принципиально терпеть не могу этот «ствол» может быть напрасно, но так уж сложилось.

— Патронов на эту редкость найди побольше, раз уж так приглянулась....

Навязывать свой личный опыт не хотелось, тем более, что мы и так слишком долго тут провозились. В кузов было загружено ещё немало

всякого добра, включая и несколько десятков разнотипных мин, две связки одноразовых гранатомётов, две штуки РПГ–7^[18] и две новых «Стрелы». ^[19] Последние лежали почти на самом верху у дальней правой стены, заметил их глазастый Варенуха. В обращении с ними я никакого опыта не имел, но Михась снова показал свою продвинутость и в этом вопросе, заверив, что берём не зря, мол, как два пальца. Свалить какой–нибудь вражеский беспилотник, или паче того десантный вертолёт полный пиндосов, это будет совсем неплохо. Как только все вещи были погружены, мы сообща закрепили

груз, прихватив входной клапан ременной сбруей, чтобы не хлопал от ветра. Чуть отдышавшись, я объяснил артельщикам свой замысел:

— Рано или поздно, пиндосы пришлют сюда кого-нибудь. Одно дело пощипать сапёрную группу и совсем другое — уморить целый «опорник». Нас станут сильно искать, на складах будет работать дознаватель и обнаружит что мы взяли. Более того, они скоро определят нашу примерную численность и места предполагаемой дислокации. Поэтому со следа их нужно сбить. Миша, Семёныч — нужно закатить в ангары по паре бочек горючего.

Желательно если это будет именно бензин.

— А чего — Михась уже освоился с винтовкой и нехотя положил её на тюки с добром — Соляры кругом наплещем, дорожку до ворот проведём и адью....

— Тогда гореть начнёт сразу же и разведка придёт на базу ещё когда мы будем уходить. Есть у меня другой фокус. Будет громко но не сразу, за работу мужики!

Под навесом нашлось шесть бочек с бензином и ещё столько же с обычным дизтопливом. На котором работал наш грузовик. Закинув в кузов несколько вместительных канистр с горючим, мы принялись

вкатывать бочки с бензином в ангары. Получилось по три на каждый склад. После этого, я вынул припасённые заранее две обычных «эфки» и пару эластичных резиновых колец, найденных в инструментальном шкафу. Кольца я плотно надел на корпус гранат так, что они зажимали предохранительный рычаг. После этого, вынув чеку сначала у одной, потом у другой — спустил в бочки, снова плотно завернув крышки. Для гарантии всё вокруг мы облили соляркой, чтобы горело подольше. Расчёт простой — бензин размягчит резину за полчаса и произойдёт взрыв. Способ старый, проверенный,

его применяли ещё во время войны. Думаю, сработает и сейчас в этом я совершенно не сомневался. Отдышавшись и пояснив партизанам как это всё действует, скомандовал «по коням». Мы не мешкая больше ни секунды направились было к машине. Вдруг Мишка окликнул меня и водилу:

— Мужики — В руках у него была какая-то жестянка — глядите, чего нашёл!

Подойдя ближе, я увидел, что в жестянке тусклыми кровавыми каплями и золотом блестели советские и российские знаки различия и кокарды. Были тут парадные, блестящие и тусклые —

защитного колера звёзды и лычки.

— Ну, кто мы теперь будем, мужики?

Внимательно оглядев своё воинство я протянул руку и начал рыться в банке, внимательно наблюдая за людьми. Мишка лукаво глянув в банку только пожал плечами, а Варенуха азартно наметил себе крупные звёзды комсостава.

— Чтобы не превратиться в сброд и дать понять тем, кого мы встретим на пути, что видят они не кучку мародёров, предлагаю надеть знаки различия согласно действительным армейским званиям. Семёныч, ты что, полковником был?

Варенуха засмутился и опустил

крупные звёзды обратно в банку, спрятал лапу в карман новеньких брюк. Смотреть на это было даже забавно:

— Не, я это... я ефрейтором дембельнулся, нам шоферам особо — то званий кто даст.

— Тогда выбери два набора: полевой и повседневный. В парадных после покрасуемся, если доживём, а на форму цепляй зелёные лычки. Михась, ты кем закончил?

— Так помнишь же, мы с тобой оба в старших сержантах ходим, ещё как познакомились ты....

— Не помню — Я махнул рукой и зачерпнул из банки с регалиями — Но это сейчас неважно совсем.

Как только все разобрали фурнитуру и начали было цеплять к форме, я сделал знак обождать. В кулаке у меня было ещё кое-что, взятое из банки втихаря, незаметно от артельщиков.

— Товарищи бойцы — Помимо воли и Мишка и Варенуха подобрались, в глазах появилась дымка, тело припоминало эту интонацию — Старой власти или уже нет, или скоро не станет совсем. Но мы с вами служили и принимали присягу, на верность не людям, но стране. Символ победы для нас — красное знамя, отличительный знак — алая звезда, серп и молот. Будем до последней возможности бить

врага, как делали это наши отцы и деды. И пусть последнее что увидит враг, будут эти красные звёзды. Пусть видят, пусть боятся!

Разжав руку я показал им на ладони три красные звезды. Их я заметил лежащими как бы отдельно от остальных знаков, почти потерявшихся в общем многообразии. Не колеблясь, приятель и водила взяли звёзды и стали прилаживать их на панамы. Скоро символы умершего государства и его непобеждённой армии снова заняли своё законное место — на головных уборах своих новых солдат.

— А теперь, давайте действительно убираться отсюда.

По времени получалось, что на базе мы провели почти час. На душе всё это время было не слишком спокойно, тем более я не знаком с протоколами захватчиков на случай потери связи. Михась сел в кузов, пока ещё оставшись с карабином вместо облюбованной винтовки, а я тоже не стал разоружаться, хотя в магазине «мухобойки» осталось всего три патрона. Приятелю и Варенухе повезло больше — патронов мы нашли в достаточном количестве и у каждого из них было по два снаряженных десятипатронных магазина и несколько десятков патронов россыпью по карманам. Риск

нарваться на отбойную группу
высланную к неожиданно
замолчавшему «опорнику»,
безусловно, оказался огромен, а нам
даже нечем будет ответить. Оружие
было всё ещё в смазке, поскольку
скорее всего было взято прямо со
складов хранения. Очищать и
пристреливать нужно в спокойной
обстановке, а сейчас главной задачей
является скрыться как можно
быстрее. От базы мы съехали на
просёлок, где ещё минут двадцать
ушло на то, чтобы оттащить в
сторону ранее пойманный в яму
джип. В раскачку, нам удалось
вынуть передние колёса и по уже
частично засыпанной траншее

осторожно вырулить на ровное место. Как только мы вновь расселись по местам, со стороны базы раздался сначала один и следом за ним сразу второй взрывы. Толи кольца оказались бракованными, толи бензин слишком качественным, но фейерверк случился немного не вовремя.

— Семёныч, гони вперёд, как только можешь — Высунувшись из окна, я крикнул уже приятелю — Михась, держись за что-нибудь, сейчас будет трясти!..

Мощный мотор взревел на высокой ноте и машина словно прыгнула вперёд. Пыль пошла по обеим бортам словно от пожара и

скоро всё заволокло лёгкой дымкой. Завеса всё более уплотнялась, но Варенуха уверенно крутил баранку, что-то цедя сквозь зубы. Так прошло минут сорок, но ощущение близкой беды не оставляло: словно кто-то большой висит над головой высоко в небе и целится из чего-то очень убойного. Не осознавая, что делаю, я перекрикивая рёв мотора, приказал:

— Сворачивай!.. В лес с дороги быстро!..

Ничего не понимая, Варенуха не снижая скорости крутанул баранку и машина резко пошла вправо. Чудом не сшибив ни одного дерева мы проехали метров двадцать, зарывшись в густые придорожные

заросли. Не дожидаясь, пока грузовик окончательно остановится, рывком выпрыгиваю из кабины и бегу назад, на ходу выкрикивая команды:

— Михась, доставай масксеть, нужно укрыть тачку как можно плотнее. Семёныч, помогай ему, быстро, мужики!

Быстро спешившись, мы втроём натянули лохматое пыльное покрывало на грузовик и разбежались в стороны, укрывшись под кронами разлапистых елей. В глубине души, я очень надеялся, что не зря сдёрнул людей с трассы и чутьё не подвело. С севера, от дороги слышался сначала слабый, а потом

всё более отчётливый гул моторов. По звуку, к нам со стороны трассы приближалась небольшая колонна. По звуку три-четыре легковых машины, вроде того самого джипа, что мы притопили утром. Сделав знак артельщикам оставаться на месте, я осторожно начал продвигаться к обочине. Чтобы припорошить наши следы и заодно глянуть кто это едет. Мы заехали довольно глубоко в лес, но машина была сильно нагружена, колея образовалась, её чётко было видно на жёлтой почве просёлка. Аккуратно срезав ножом хвойную лапу, с пушистым хвостом иголок, я быстро подбежал к нашим следами и как мог

аккуратно и споро запорошил их веткой и присыпал горстями земли, взятой тут же. Шум моторов приблизился совершенно и я еле успел спрятаться за толстым стволом какого-то лиственного дерева, чёрт его знает, как оно зовётся. Получилось вовремя: в сторону базы, проследовала колонна из четырёх бронированных джипов, но маркированы они были не как армейские, это я понял сразу. На водительской дверце у каждой из четырёх машин красовался гербовый треугольный щит красного цвета, внутри которого была нарисована какая-то чёрная скала. На крыше, естественно турели, но вместо

пулемётов я разглядел нечто более серьёзное: каждая тачка была оснащена автоматическим гранатомётом. Это очень плохо, даже деревья от такой артиллерии не спасут. Но всё же это не военные а значит минус танки — пушки — самолёты, минус войсковая операция по прочёсыванию лесного массива и прочие неприятности, которые нам не пережить. Иными словами мои предположения, хотябы частично оказались верны: армейцы на помощь наёмникам не спешили\$7

Мои партизаны притаились и сидели тихо, словно мышь под веником. Снова страшно стало, но вот это мы сейчас и поправим:

— Михась — быстро в кузов, а ты Семёныч становись под разгрузку внизу. Будем маленько шалить.

Приятель вместе с водилой ничего не говоря встали и вскоре три блина противотанковых мин уже лежали на траве, завёрнутые в кусок брезента. Раз американцы поехали на базу, то так или иначе скоро вызовут сюда технику, для разбора развалин и ремонта. Как самый шоколадный вариант — привезут группу пополнения, что для грядущей пакости было весьма кстати. Поедут они не особо опасаясь, поскольку сначала осмотрят окрестности прилегающие к периметру, а мы уже достаточно далеко. Поэтому я решил

заминировать дорогу, раз так и так проезжаю мимо. Это отвлечёт иностранцев на какое-то время, даст нам возможность тихо уйти из района поисков. Завернув мины в брезент и взяв подмышку лопату, я взмахом руки позвал обоих за собой, действовать нужно быстро, пока ещё кто-нибудь не пришёл. Выйдя на обочину, я осмотрел трассу и мы прошли ещё несколько десятков метров вперёд, чтобы минировать отрезок дороги, входящий в поворот. Тут машины вынужденно сбросят скорость и шанс наскочить точно на заряд увеличится. Для пакости я выбрал старые, но всё ещё очень даже годные противоднищевые

«семидесятки».^[20] Не понимаю, зачем пиндосы тащили к себе на склад всё подряд, но конкретно сейчас я был им очень признателен за это. Капризность «семидесяток» сейчас значения не имела, поскольку я специально проверил, что лежит в укупорках и взял только нажимные, более простые детонаторы. Мишка стерёг дорогу а мы с водилой занимались установкой. Ставить «гостинцы» я решил в одного, поскольку опыт, пусть и небольшой но имелся. Процесс этот не сложный, главное правильно посадить мину в грунт и положить под неё гранату, буде кто захочет её снять, а не подорвать дистанционно.

По уму, пиндосы не должны носиться по дорогам сломя голову, а пускать впереди колонны отделение инженерной разведки. Эти-то пакость сразу бы обнаружили, но, как я видел, ничего подобного нет и в помине, караваны катаются словно дома, ничего не опасаясь. Сейчас действовало преимущество ранней стадии оккупации. Когда ничего ещё не подготовлено, быт не налажен и территория изучена слабо. Само собой, есть у них карты, спутники и воздушная разведка, но есть это не везде, в чём мы с артельщиками уже убедились. Ввернув взрыватели и аккуратно ссыпав с брезента сухой, прожаренный солнцем грунт, я

разровнял землю на месте последней закладки и махнул своим, чтобы уходили к машине. В последний раз от обочины осматриваю дорогу: при минировании грунтовок очень важно брать землю именно с того самого места, где копаешь. Это правило помогает запутать сапёра, если он идёт с контактным щупом, без всякой техники. Земля выглядит однородно, грунт одинаковый будто и нет ничего. Мины я расставил через пятнадцать шагов друг от друга, поставив минимальную задержку в тридцать секунд, чтобы на закладку наехало как можно больше машин. Рассчитывая на грузовики и джипы. По прикидкам получалось, что их

разнесёт в клочья. По-хорошему, следовало высадить на обочинах «противопехотки», для спешившегося десанта и паникующих пассажиров, но для неконтролируемой закладки это показалось лишним, мин в запасе не так много.

— Что будем делать, старшой — Михась говорил тихо, хотя вокруг кроме нас не было ни души — Ждать пока обратно поедут?

Резон в словах приятеля безусловно был: обстрелять застопорившуюся колонну, это звучит очень заманчиво. Другое дело, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет: всех так и так не подорвём,

уцелевшие свяжут нас боем, окружают и быстро уничтожат. Три человека против двадцати — расклад не очень верный. Сработает закладка или нет, нам следует уходить и как можно быстрее.

— Нет, пока рано показывать зубы. Сейчас садимся в грузовик и рулим как можно дальше на юг.

— Почему на юг?

Это вступил в разговор водила, уже почувствовавший себя настоящим диверсантом. Это я как раз понимаю: маленько безнаказанности, куча оружия и тотальное невежество. Но выходить из себя и тем более серчать на престарелого мстителя не стал.

Всему своё время, нужно внести ясность.

— Согласно карте конфискованной у наёмников, в районе Кемерово никаких войск пока нет. Город и окрестности разнесли основательно, зацепив и дачные кооперативы. В том районе организовано вахтовое патрулирование, только лёгкие наземные группы и иногда летают вертушки. Там организуем сеть схронов, две—три постоянные базы и вернёмся сюда. К тому времени пройдёт недели две—три, пиндосы успокоятся и перестанут нас активно искать. Сейчас мы скованы грузом, к тому же у нас громоздкая тачка, с

ней особо не повоюешь. А сейчас по коням, время дорого.

Больше не говоря ни слова, мои партизаны снова расселись по местам и мы осторожно выбравшись из леса, снова поехали по просёлку. Повеселели оба, когда я разрешил закурить, в последние сутки это было чаще всего упомянутое артельщиками неудобство. Без происшествий мы проехали ещё километров семьдесят на северо-восток, пока Варенуха не указал на еле видневшуюся в зарослях колею. Не мешкая, мы свернули в чащу и хоть на черепашьей скорости, но стали удаляться в нужном направлении, почти строго на юг.

Россия. 10 августа 2011 года.
18.54 по местному времени. Юго-
западный участок Центрально-
сибирской оккупационной зоны.
200 км на юго-восток от предместий
г. Кемерово. Бывший сотрудник
иркутского ЧОП «Булат», Антон
Варламов. Свободный поиск.

...Последние десять дней были
суровым испытанием для нашего
маленького отряда и всё
произошедшее раньше, можно смело
зачислять в разряд лёгких
туристических прогулок. После
относительно спокойного отхода с
места последней акции на дороге,
удача словно бы отвернулась от нас.

Грузовик плотно сел днищем в глубокую яму через сотню километров после того, как мы съехали с просёла в лес. Хорошей новостью было лишь то, что груз и мы сами отделались только небольшим количеством ушибов и ссадин. После этого пришлось на себе вытаскивать всё снаряжение и растаскивать его по чащобам. Несмотря на поломку, от плана мы не отступили: всего за десять дней было заложено четыре больших схрона, в радиусе двухсот километров. В них мы равномерно распределили всё добытое на базе наёмников, подготовив тайники к длительной консервации, благо всё и

так было в смазке и
влагонепроницаемых оболочках.
Организовали мы и временное
жилище, за основу которого взяли
старую и заброшенную медвежью
берлогу. Небольшую нору удалось
расширить и сделать ещё пару
помещений меньшего размера,
прокопать ещё один запасный выход.
Получилось вполне приемлемое
жильё, которое можно будет
использовать даже зимой. Топтыгин
устроил логово в естественной
пустоте, образовавшейся в результате
разрастания семейства раскидистых
древних кедров. Корнями разрыхлило
землю, раздвинув почву и
образовалась довольно большая

промоина, которую и абонировал под берлогу медведь. Мы очень постарались как можно более бережно копать, чтобы не задевать корней и деревья над нами не погибли бы. Получилось очень органично, с трёх шагов лаз вообще замечен не был. Печную трубу и собранные из бересты маленькие вентиляционные отдушины, Семёныч искусно замаскировал в корнях деревьев. Так что ни угореть, ни провонять особо нам не грозило, даже в случае долгого сидения внутри. Тяжко было без воды. Таскать которую приходилось всегда из трёх разных родников, чтобы не протоптать дорожку к жилью. Но как

мог, я старался поддерживать гигиену, заставлял всех бриться и прожаривать одежду над печкой. Исподнее удавалось стирать, верхнюю одежду тоже наострились кое—как простирывать и сушить. Походная буржуйка была очень кстати, особенно выручило то обстоятельство, что одна из секций печи, оказалась по совместительству семилитровым баком для воды. Артельщики не роптали, да и времени на отдых и вообще не оставалось. Оба моих товарища за полмесяца сбросили вес, в движениях появилась вкрадчивая осторожность. Особых разговоров тоже некогда было разводить, но я

видел, что людям нужно дать, отдых, а в перспективе новое дело. Походная жизнь давалась нам, городским жителям очень непросто. Но угроза со стороны оккупантов, в лесу такая иллюзорная, время от времени проявлялась, давая чёткую мотивацию на продолжение борьбы. Вот уже четыре раза за десять суток, мы прятались от вражеских беспилотных разведчиков и юрких боевых вертушек, сновавших над тайгой с завидной регулярностью. По карте выходило, что их тут быть не должно, поэтому я сделал неутешительный вывод, что мы прячемся тут не одни, пиндосы кого-то ищут. И вполне может сложиться

так, что найдут они именно нас, к чему я пока не был готов. Одно дело нападать самому, и совершенно другой расклад ввязываться в бой с более сильным противником по его правилам. Всеми силами я прокладывал маршруты так, чтобы избегать любых дорог, более—менее оживлённых участков леса, где раньше были лесозаготовки или любые строения могущие привлечь внимание патрулей.

К десятому августа, мы наконец—то утвердились на новом месте и распределив обязанности приступили к разведке местности. Выходить решено было парным дозором, где мне, как самому

опытному обычно досталась роль ведущего. Сегодня я и Михась с самого утра нарезали круги по тайге, постоянно расширяя поисковую спираль. Если амеры ищут кого-то в лесу, то мы как минимум должны постараться их опередить. Слабость захватчиков была в том, что они не любили ходить пешком и лесные массивы прочёсывали только с воздуха. Сколько мы не ходили, а присутствия людей в лесу не ощущалось, кроме назойливого стрёкота вертолётных винтов и тревожного жужжания беспилотников, местную живность больше никто не беспокоил. Дичь ходила непуганой, уже начала

обрастать летним жирком. Позавчера Семёныч почти что случайно завалил средних размеров молодую косулю, которую мы пустили на суп и частью завялили. С провиантом было туго, никаких запасов у нас не вышло создать, особенно ощущается нехватка хлеба. Поэтому наши поиски носили ещё и чисто утилитарный характер, разжиться парой мешков муки, будет очень даже неплохо. Я рассчитывал выйти в район какой-нибудь небольшой воинской части или ещё одного «опорника», где можно будет разжиться продуктами. Для этих целей. Мы искали признаки появления человека, благо следы я

неплохо умею читать, особенно
человечьи. К вечеру, когда мы уже
совсем было собирались сворачивать
поиски, удача наконец-то слегка
улыбнулась нам. Но гримаса эта как
оказалось была с издёвкой....

— Стой!

Я поднял сжатую в кулак руку,
призывая приятеля замереть на
месте. Невнятный проблеск в траве
заставил меня удержать ногу от
следующего шага. Зажав автомат под
левой подмышкой, медленно
опускаюсь на корточки и раздвигаю
высокие стебли травы. Инстинкт не
подвёл: в десяти сантиметрах над
узкой звериной тропкой, была
натянута рыболовная леска. С

паутиной её не спутаешь. Поэтому подсознание вовремя просигналило об опасности. Осторожно лезу в подсумок, где держу всякие полезные мелочи и достаю складной ножик, которым аккуратно веду вдоль лески. Парный заряд из двух оборонительных советских «фенек». Обе примотаны к колышкам по обеим сторонам тропы, корпуса утоплены в пустые консервные банки. «Растяжка», причём совсем свежая, поставлена неделю назад или чуть позже. Обезвредить такую подлянку очень просто — достаточно вставить подходящую по размеру железку в пустующее гнездо предохранительной чеки. В кино

часто показывают, как хитрый «спец» цепляет шнур растяжки за кольцо чеки. Такая растяжка сто пудов не срабатывает, только насторожит противника и подарит ему ещё одну целёхонькую гранату. Если подлянку делает человек знающий, то кольца в гранате уже нет, ну прямо как сейчас. Но трогать я ничего не стал, только показал Михасю знаком, где подлянка стоит и мы осторожно двинулись дальше. Значит, те, кого ищут амеры, были здесь и совсем недавно. А может быть совершили глупость и стали где-нибудь поблизости лагерем. Помимо воли, взяла меня досада и злость на идиотов развешавших

гранаты вокруг своего убежища. У себя мы ничего подобного делать не стали, хотя Михась вроде как предлагал. Я убедил артельщиков в ненужности таких крайних и очень спорных мер. Во-первых, у нас очень мало гранат и мин, чтобы так бестолково тратить их на растяжки вокруг лагеря. Кому надо, тот эти сюрпризы без особого труда обнаружит, потом уже точно уверившись в том, что где-то рядом искомое убежище. Вот примерно как мы сейчас безошибочно определили квадрат, где можно такой лагерь организовать и уже идём туда настороже. Во-вторых, на растяжку может напороться зверьё и свею

смертью привлечь тех же охотников на партизан. Для пущей безопасности, мы ограничились натяжной системой из консервных банок с тонкими проволочными натяжными датчиками. Проволока не слишком прочная и рвётся от первого прикосновения, человек проходит такой датчик и даже не замечает его, а у нас в бункере звякает банка. И в итоге всем хорошо: враг пока что жив и мы точно знаем: кто-то шарится рядом, надо бы поосторожней. Трюк с гранатами используется только в самом пиковом случае, чтобы задержать преследующего противника, для обороны замаскированного убежища

или стоянки такой фокус не годится. Если ищут и бродят неподалёку, лучше затаиться либо тихо уйти, обставив дело так, что лагерь давно заброшен и охотники зря топтали ноги. Но те, кто выставил подлянку на тропе, этого не знали, превратно истолковав какое-то партизанское наставление. Дав Мишке сигнал, продвигаться справа от тропы, с которой мы предусмотрительно сошли, выдерживая параллельное направление, сам я двинулся по левому краю, высматривая любые признаки обиталища наших новых соседей. Пока всё складывалось нормально: лес был так же нетронут, на траве и кустах не было следов

присутствия человека. Так мы шли держась вне зоны видимости друг друга, одолев почти десять километров на север и я уже подумывал о возвращении, когда в наушнике раздался двойной щелчок — сигнал «вижу противника». Рациями учились пользоваться совместно, сегодня был первый раз, когда мы вышли с ними в поиск. Присев за стволом дерева, я вызвал Мишку:

— Медведь — я Рысь, что у тебя?

Мишка отозвался почти сразу, слышно получалось довольно неплохо. Рации этого типа только поступали в войска и найти их на

складе трофеев я не ожидал. Оснащённые ларингофонной гарнитурой, шифратором прыгающей частоты и довольно лёгкие, для нас это просто подарок. Засечь такие переговоры можно, но понять о чём говорят или запеленговать практически бесполезная затея. Поэтому мы пользовались ими без всякого стеснения.

— Здесь Медведь — Голос звучал чисто, чуть приглушённо, приятель говорил шёпотом — Справа тридцать, удаление сто — сто пятьдесят, наблюдаю людей. Вижу палатки, охранение слабое.

Это было уже интересно: люди ставящие палатки, да ещё не

выставившие охранение как положено, наверняка знающие, что их ищут.... Смертники. Другого слова подобрать просто нельзя. Расставляют ловушки, сидят почти открыто и совершенно нагло себя ведут. Любопытно будет взглянуть, но обнаруживать себя мы не станем. Есть шанс, что этих идиотов перебьют не сразу, а могут захватить пару-тройку в плен, для допроса. Тогда они расскажут, что в лесу есть ещё кто-то и нам придётся уходить с только что обустроенного места. Лучше пока не торопиться, поговорить с ними всегда успеем.

— Здесь Рысь, сиди тихо и наблюдай. Себя не обнаруживать,

если что — просто уходи, я подойду ближе. Буду идти в направлении северо-восток, справа сорок пять. Как займёшь подходящую позицию для страховки, дай знать. Приём?

— Принял, Рысь. Занимаю позицию для стрельбы.... Валить будем что — ли?

В голосе приятеля слышалась тревога. Вот так встретить своих за такое долгое время и сразу же начать их убивать, это было бы неправильно. Я понимал его невысказанные возражения и естественно сразу без вопросов открывать пальбу не собирался, но в смутное время, главное это осторожность. Люди сейчас будут

всплывать разные, я хорошо помнил то, что творилось в России после Октябрьской революции: все против всех, банды с оружием и самопровозглашённые правители и диктаторы. Нужно быть крайне осторожным, ведь иногда свои могут оказаться худшими врагами, нежели иностранные захватчики.

— По обстоятельствам. Если будут целить в меня, тогда вали... но старайся не наглухо.

Убивать своих, пусть даже вероятнее всего враждебно настроенных соотечественников не хотелось категорически. Убрав автомат за спину и вооружившись найденным на складе бесшумным

ПБ, [\[21\]](#) я пошёл к окраине лагеря соотечественников, благо до них уже оказалось совершенно рукой подать. Метров за сто, в мою сторону пахнуло запахами человеческого жилья: стиранной одежды, готовящейся пищи и крепкого чая. На душе стало как-то особенно тоскливо в какой-то момент, даже стало завидно. Стиснув зубы, я тихо выдохнул и найдя подходящий пригорок за кустами шиповника, вынул из кармашка трофейный прицел. Конечно, десятикратный бинокль подошёл бы гораздо лучше. Но прицел был первым трофеем, к тому же я безвозмездно пожертвовал сильную оптику Мишке, как новому

штатному снайперу. Ему нужней, а я и так что надо разгляжу. Надо сказать, что для разведки я пошил себе новый костюм, для которого пожертвовал один комплект обмундирования, пару брезентовых мешков и солидный кусок масксети. На животе и руках от запястья до локтя, я вшил брезент, чтобы если что не сразу намокнуть проползая по сырой земле. Куртку и штаны обшил бахромой из лент десятисантиметровой длинны, а капюшон обшил кусками масксети, чтобы скрадывался силуэт головы. Делается это за день—два, зато носится практически вечно, если всё сделано на совесть. Была у меня ещё

маска и матерчатые перчатки, что немаловажно, так как в лесу белые руки и лицо могут с головой выдать и от пули тогда ничего не спасёт. Поэтому ни сверху, ни тем более со стоянки предполагаемых союзников, меня совершенно не было заметно. Приложив к левому глазу прицел, внимательно стал осматривать стоянку. Вопреки моим ожиданиям, лагерь оказался очень большим: три двадцатиметровые каркасные палатки, на тридцать человек каждая и ещё шесть пёстрых туристических четырёх и двухместные. Но внимание моё привлекла хитро укрытая под кронами деревьев ещё одна, совершенно блатного вида штабная

палатка. В своё время, я был внутри одной такой: зона отдыха, личный кабинет, мягкие теплоизолирующие жалюзи, сетка противомоскитная почти во все стены. Там—то скорее всего сидит некто обеспеченный и что—то мне подсказывало весьма опытный в нашем деле кадр. Все палатки прикрыты срезами еловых ветвей, а этот заныкался под прикрытие деревьев и чуть в сторонке от остальных, но не на окраине лагеря. Вполне грамотно, но как—то уж слишком напоказ всё это. По лагерю свободно ходили люди, но вооружённых среди них я не заметил: с виду обычные туристы, только оборванные все уже, глаза

потухшие, никто ни на кого не
глядит. Немного погодя, появилась
группа из шести человек,
привлѣкших моё внимание своим
видом: все одеты в натовский
камуфляж — «цифру», с трофейным
импортным оружием, в разгрузках и
полной амуниции. На левой ляжке у
каждого виднелась грязная узенькая
белая вязочка. Этот прикид мне
знаком, так делают чтобы обозначить
своих и ненароком не подстрелить
своего в ближнем бою. Мода
принятая ещё с конца первой войны,
фишка эта позаимствована у духов.
Штука полезная, даже в темноте
можно разглядеть своих. Но это ещё
ни о чём не говорит: точно такую же

моду переняли всякие любители высокобюджетных игр в войнушку, а оружие вполне может оказаться пневматикой и ребята только понтуются. Хотя зачем им тут таскать пусть и лёгкие, но всё же муляжи, вот это было непонятно и сбивало с толку. Решив, что делать какие-то определённые выводы пока рано, я ещё раз внимательно осмотрел лагерь. При повторном осмотре картина чуть прояснилась. Вторая большая палатка оказалась полевым лазаретом: переменившийся слабый восточный ветерок, донёс до меня запахи дезинфекции и слабый душок гниения. Получается что «туристы»,

как я обозвал про себя найдёнышей, уже так или иначе вошли в контакт с оккупантами и даже успели повоевать. Но возможен и другой вариант, что передо мной простые беженцы, а в палатке те, кому повезло выжить после уничтожения того же Кемерово....

— Рысь, слева пятнадцать, пеший патруль — два «карандаша»!
[\[22\]](#)

Мишка не дремал, вовремя заметив всё—таки имевшееся у «туристов» охранение. Без суеты убираю оптику в карман и приготовив на всякий случай пистоль, укрываюсь капюшоном, плотно приныкая к земле. Теперь, все

видят просто кучу палой листвы, меня можно обнаружить только наступив. Так прошло минут тридцать, в течение которых я слышал как мимо прошли двое. Судя по голосам, это были молодые парни, лет двадцати. Шли они не особо скрываясь, поэтому хоть и не топотали как слоны, но слышно их было за версту:

— ...Шерман сказал, что послезавтра снова пойдём к лесопилке. Попробуем пробиться к линии фронта....

Голос был суть с хрипотцой, но уже устоявшийся, низкий. По-моему, он должен принадлежать парню лет двадцати пяти. Ему отвечал более

молодой «турист», чьи шаги были легче, а голос звучал по-юношески нестройно:

— Ага — Более молодой говорил недоверчиво, в голосе слышалась лёгкая истеричность — Шестерых потеряли в прошлый раз!.. Шерман твой ничерта не знает, обложили нас тут, скоро расстреляют из миномётов и вся недолга. Расходиться нужно, порознь легче будет пробиться к своим....

— Вон как заговорил! — Старший «турист» не на шутку взъярился — А когда Шерман тебя из-под обстрела вытащил...

— Он же на нас тот обстрел и накликал — Раздражённо и как-то

устало возразил молодой — Если бы этот стратег хуев тогда на пиндосов не залупнулся, все бы живы остались. Тиграну вон ногу по колено уже отрезали, заживо гниёт пацан! Маша, Володей и Овчина... Их просто на куски разнесло... а ты тут про войну поёшь. Всё, отвоевались уже.

— Так значит по-твоему — Голос старшего дрожал от ярости — Нужно, выйти и сдаться?!

— Кому сдаться — то? — Молодому уже наскучил разговор, видимо ведущийся не в первый раз, он возражал скорее от скуки — Изничтожают всех под корень. Иначе половина бы уже к ним в полицаи перешла....

— Ах ты гад!

Послышались звуки ударов, потом что-то похожее на стук от упавших двух кулей картошки. Треск сучьев и брань сквозь зубы, вот и всё, что доносилось потом ещё минуты три. Потом снова послышались чьи-то шаги и громкий окрик:

— А ну перестаньте — Голос несомненно принадлежал женщине или может быть девушке — Перестаньте сейчас же!

Снова послышалась возня, сердитое бурчание и наконец нестройные возгласы повздоривших патрульных. Говорил всё больше тот, что помладше, а второй — приверженец войны до победного

конца, только пыхтел и тихо матерился сквозь зубы.

— Лер... мы это.... Случайно всё вышло, сейчас периметр обойдём и в лагерь вернёмся. Ты иди, мы скоро.

— Периметр обойдёте?! Да если вас за версту слышно, орёте как бабы.... И как бабы дерётесь, ещё морды друг дружке расцарапайте! Я долго терплю, но сегодня на совете выскажу вашему Шерману всё, что думаю, так ему и передайте.

В голосе невидимой мне Леры слышался такой накал гнева, что даже за сто мильёнов импортных рублей, я бы не хотел оказаться на месте этих горе — вояк. Потом

послышался шорох травы и удаляющиеся лёгкие шаги. Про себя я отметил, что леера весит килограмм шестьдесят пять, ни как не больше. Голос и рассуждения девушки мне понравились. Всё было вполне здраво. Только вот реакция этого самого Шермана, явно будет не такой, как она рассчитывает. Если я всё правильно понял, тут всем руководит какой-то военный вождь, решивший, что зарница плавно перетёкшая в настоящую войну, это отличный способ самоутвердиться. Такой погонит на пулемёты всех, лишь бы потешить самолюбие, а потом будет громкие речи толкать, пусть даже и в полном одиночестве.

С сожалением пришлось констатировать, что сейчас идти на контакт с «туристами» не следует. Шерман сразу почувствует во мне угрозу собственному авторитету и выйдет банальный базар, в ходе которого мы ни о чём не договоримся. Однако сами засветимся по полной программе и если кого-то из «туристов» возьмут для допроса, наше существование будет вскрыто, а район дислокации базы достаточно точно определён. Дождавшись, когда патрульные вяло переругиваясь свалят, я отполз метров на десять за пригорок и осторожно начал отходить.

— Медведь, уходим. Пока

обошлось без жертв, как завещал Бывалый.

— Принял, Рысь.

Воспоминание о доброй советской комедии «Кавказская пленница», как-то даже согрело душу. Захотелось во чтобы то ни стало пересмотреть смешной фильм, уйти от войны, которая с самого начала вызывала во мне только отстранённое отвращение и усталость. Мотнув головой, отгоняя непрошенную слабость, стараюсь лёгкой трусцой унять приступ хандры. Мы с приятелем практически бесшумно уходим в сторону базы.

... Обратный путь прошёл без

эксцессов и даже иностранцы больше не докучали своим жужжанием. Дойдя до неприметного берёзового пенька, поросшего мхом, я просунув руку между корней нащупал там верёвку и три раза коротко дёрнул. Это была наша сигнализация на случай чтобы никто не нервничал. А так банки в углу большой комнаты дёрнутся и Семёныч будет знать, что мы вернулись. Обычно, должен быть как минимум один «секрет» из двух бойцов в точке встречи, но нас всего трое, поэтому ограничились шнурком и жестянками. Варенуха обрадовался, когда узнал, что у нас объявились соседи. Пока мы

скидывали лохматые накидки и осматривали оружие, он постоянно донимал нас вопросами про то, кого же мы нашли, да что это за люди. Угломонить бывшего водилу удалось только упоминанием об ужине. Хлопнув себя полбу, Семёныч побежал к печи, где уже булькала пшённая каша. Крупу мы взяли по его настоянию, о чём ни разу не пожалели в сочетании с разведённым порошковым молоком и какой-то пищевой приправой, добавляемой из-за соли, каша пока была нашим дежурным блюдом. Рассевшись вокруг поставленных один на другой патронных ящиков, мы стали уплетать варево, запивая горячим

«чаем». На самом деле, это и был чай, только с приставкой «курильский». Отвар из этой травки даёт слабого жёлтого цвета ароматный настой, по вкусу немного напоминающий чай обычный. Штука хорошая, снимает стресс и очень помогает от всяких желудочных инфекций. Как только я откинулся на импровизированном стуле, сделанном из набитого травой мешка, Семёныч снова приступил ко мне с расспросами.

— И много их, туристов этих?

Глаза бывшего водилы посверкивали, да оно и понятно, ведь сидеть в лесной глуши без каких либо особых новостей, да ещё при

таких обстоятельствах вообще тяжко. Но попутно я и сам рассуждал, подводя итог всему, что удалось узнать о наших соседях:

— На вскидку, человек двадцать, может больше. Есть раненые, но гнильём не особо пахло, да и криков я не слышал, значит медикаменты есть и кто-то образованный. Иначе картина была бы другая.

— Ишь ты — Варенуха сцепив руки в замок на коленях даже приободрился — Может, о моих что узнаю?

— Всё может быть, Семёныч. Но только пока мы брататься с ними не пойдём....

Тут я изложил водиле свои

соображения по поводу судьбы «туристов», от чего тот помрачнел и сжав кулаки заелозил на тюфяке. Надежда, было появившаяся теперь вновь меркла и снова становилось тоскливо и муторно. Пришлось успокоить водилу, план у меня уже был:

— Мы хитрее возьмёмся, нужно выдернуть одного из них и допросить....

— Тоха — Это вступил в разговор Михась — Это же пацаны совсем! Чего их захватывать, просто выйдем и побазарим конкретно.

— Да так — то оно так — Мне самому все эти сложности были не по нутру, но всё уже просчитано —

Только пацаны эти с оружием, да и чёрт его знает, какие у них тараканы в башке поселились? Ты же видел: всё ещё в войнушку играют, остановиться не могут. Даже смерть принимают, а ситуации не видят! Нельзя им себя показывать, сгорим вместе с их «зарницей».

— Дак выйдем, предъявим, что мы де военные....

— Миша, родное моё ты сердце! — Тут уже меня взяла тихая злость — Шерман этот ихний, как поймёт, что мы от руля его оттираем, скомандует нас на штыки поднять и все дела.

— Как это — Мишка был обескуражен — Мы же свои,

русские....

— Не. Это те кто слушается для него свои, а мы пришлые и веры нам нету. Повторяю: чёрт его знает, какие бредни он себе придумал, под дальнейшую программу развития. Книжек идиотских начитался. Решит царство своё организовать или ещё какой постапокалипсис замутит. Ты пойми, они в грёзах живут, всех мыслей это про то, что горсть патронов, бутылка водки да ящик тушёнки их от бомб в землянке укроют. Для них это всё ещё игра, а такие люди опаснее обезьяны с гранатой.

— Но там же дети, женщины —
Голос Мишки стал тихим, в нём

сквозило отчаянье — их мы тоже бросим погибать?

Этим вопросом он меня убивал, тут крыть было не чем. Мысль про обычных случайно прибившихся к поклонникам страйкбола людях, не давала мне покоя с того самого момента, как мы ушли от лагеря «туристов». Что делать с ними и как выручить, пока было тайной за семью печатями. А время тем не менее поджимало: вопрос обнаружения лагеря оккупантами это всего лишь вопрос времени.

— Будем думать, Миша. Не всё сразу, дай чутка глаза прикрою. Как придумаю, обсудим. Сейчас давай спать, ещё дежурить сегодня.

Семёныч, твоя вахта первая.

Сон пришёл быстро, но особых картинок я не видел, видения туманными призраками скользили по поверхности сознания, не задевая его запоминающимися деталями. Но было какое-то общее ощущение тепла и безопасности: по мышцам растекалась хорошая, рабочая усталость, ничего не болело. Единственное чего не хотелось, так это просыпаться от того, как кто-то трясёт тебя за плечо, возвращая в душную темень бункера.

— Старшой, рация ожила! Там наши говорят, слышишь?!

Голова со сна ещё была тяжёлой и смысл сказанного приятелем

слишком медленно доходил до сознания. Но как только я осознал, что говорит приятель, сразу же перекатился на колени и тут же очутился возле включенной радиостанции. Не зря, ох не зря взяли с собой и этот ящик!..

— Сначала был треск, как обычно, потом краем зацепил позывные: «Восток Центр». Вот — Мишка снова крутанул вереньер настройки и дал мне наушник:

— Внимание сограждане! К вам обращается генерал-полковник Калачёв, главнокомандующий восточной группировки сухопутных войск Российской Федерации. Граждане России, находящиеся на

оккупированных территориях! Организовывайте отряды самообороны, уходите в леса и бейте захватчиков всеми доступными силами и средствами. Военнослужащие частей и соединений вооружённых сил РФ оказавшиеся в окружении! Пробивайтесь на соединения с регулярными частями войск в направлениях: ОСК «Запад» — ось Белгород — Липецк — Тамбов, ОСК «Центр» — ось Уфа — Ижевск — Екатеринбург, ОСК «Восток» — ось Улан — Удэ — Якутск....

Положение было очень плохим, это я знал и раньше, но теперь становилось очевидно: потерян весь

военно—морской флот и большинство позиционных районов сил сдерживания. Удивительно, как ещё удалось удержать Ижевск, ведь город с его промышленностью должен был оказаться под ударом в первую очередь. Приморье и Владивосток тоже потеряны. Нет больше баз военного подплава, не грозных кораблей Северного флота, а Сахалин даже не упомянут, скорее всего там тоже всё кончено. В таком положении, армия продержится ещё месяца два, может полгода и потом ресурсы при ведении такой масштабной войны будут исчерпаны. В Великую Отечественную можно было откочевать за Урал и прийти в

себя, теперь враз выучил прошлый урок и был практически всюду. Я не стратег, да и образование моё это десять классов и коридор, может бытъя что—то упускаю. Раз по сей день не запустили ракеты, и мы слышим этого генерала, то ядерное оружие никто применить не может. Ведь сигнал идёт через спутник связи, значит собственные космические силы пусть в остаточном варианте но присутствуют. А раз есть они, то ракеты можно нацелить и дать империалистам жару. От напряжённого размышления заломило в висках и я не заметил, как передача после троекратного

повторения одного и того же обращения смолкла. Артельщики притихли, как и я никто не спешил радоваться, все понимали, что положение аховое.

— Ну хоть кто-то всё прояснил — Я сказал это бодро, чем вызвал недоумение на лицах товарищей.

— Чего хорошего — Вступил Мишка — Остатки какие-то загнали по углам и сжимают кольцо. А если надоест людей терять, сровняют всех наших окруженцев с грунтом и всё. Видно, помирать будем...

— Нижнеудинск оставили — Варенуха говорил глухим полным тоски голосом, его мне было жаль больше всех — Там сейчас эти

нелюди... Не судьба значит... не судьба.

Вот так даже радостные вести, что стухли ещё не все подряд подрывают дисциплину в отряде. Что я мог им сказать, как утешить и ободрить? Это ведь не начитавшиеся бредней юнцы, которые ещё только может быть перед смертью поймут, что это не игра. Что сказать двум взрослым отчаявшимся мужикам, для которых война, это как зайцу курево — вредно и не в радость. Собравшись с мыслями, я решил ничего не скрывать, тем более что для себя всё выяснил ещё в самый первый день:

— Мужики, мне надоело ваше

нытьё — Оба с удивлением глянули в мою сторону, этого они не ожидали — Хотите на убой, так не держал и сейчас уговаривать не стану. Вон дверь, идите. Я останусь тут и буду воевать, как задумал.... Мы сейчас сыты, обуты, одеты и хорошо вооружены. Хотите умереть — это можно организовать, но делайте же вы всё как люди: не слюнявя ствол и давясь слезами, а в бою, прихватив с собой пару-тройку пиндосов. Да, мы можем не дожить до того момента, как эту кодлу выставят вон, но приблизить — то этот момент и хоть немного сквитаться, это вполне реально! И плевать мне на то, что сказал какой-то голос по радио.

Армейцы воюют — отлично, Бог им на встречу. А у меня своя война и никакой генерал не заставит меня просто сесть и опустить руки. Я вас предупреждаю в последний раз: уйдите сейчас, потом просто шлёпну как трусов. Ну?!

Последнее я просто выкрикнул, от чего оба артельщика вздрогнули и как-то сразу подобрались. С облегчением, заметил в выражении их лиц стыд. Значит, пришли в чувство и это хорошо. С пацанами было бы проще именно сейчас: в бункере они бы покорно слушали всё, что я скажу, а в бою побросали бы оружие и сбежали. Другое дело люди взрослые, у этих всё наоборот и если

обработал их тут и никто не ушёл, значит в бой можно идти совершенно спокойно — никто не побежит. Больше разговоров по поводу перехваченного сообщения не было. Не факт, что всё успокоилось, но на этот случай было одно универсальное лекарство. Неожиданно план спасения хотябы части прибудных игроков, возник у меня в сознании с предельной чёткостью. Как там говорится у классиков: тот кто нам мешает, тот нам и поможет. Улыбнувшись и взяв прислонённый рядом «калаш», я вышел к люку и выбрался из бункера. Уже начало светать, темень превратилась в серые мутные

сумерки и пришла пора приводить
намеченный план в действие.

Глава 4

Россия. 13 августа 2011 года.
06.15 по местному времени. Юго-
западный участок Центрально-
сибирской оккупационной зоны.
Лесной массив, примерно 5
километров к северу от лагеря
беженцев. Партизан Антон
Варламов. Засада.

... Троп ведущих к лагерю
«туристов» оказалось всего две и обе
скорее всего протоптаны зверьём к
роднику и небольшому ручейку
соответственно. Сейчас я и Семёныч
усиленно стараюсь не пыхтеть
оборудовали яму под будущие отходы
производства. Мины вдоль тропы мы

уже поставили и Мишка оборудовавший себе нечто похожее на гнездо, в кроне могучей пихты наблюдал за узким участком дороги с высоты десяти метров. Крона дерева была столь густой, что разглядеть там нашего снайпера не представлялось возможным. Да и густой подлесок не даст идущим по тропе, что—либо разглядеть относительно чётко. Видимость в такой чащобе составляет от силы метров пять и опасаться следует только каких—нибудь хитрых иностранных приборов могущих видеть тепло. Пока ни что не указывало на такую возможность, позиция снайпера казалась очень

удачной и других опций не предусматривалось. Мы с водилой уже откопали пару ячеек по обеим сторонам тропы слева и в тылу у тех, кто пойдёт к лагерю.

План, о котором я уже упомянул раньше, был основан на возможном любопытстве пиндосов. Может статься, что они вышлют карательный отряд или каких-нибудь «могучих рэйнджеров», чтобы вычистить стоянку. Конечно, был вариант с бомбёжкой, но что-то мне подсказывало, что на сей раз этого не произойдёт. С того времени, как захватчики столкнулись с игроками в пейнтбол — страйкбол, прошло уже довольно много времени. Как

минимум суток трое, может больше. За это время вполне можно было вызвать чего-нибудь гремучее и закидать квадрат «гостинцами», но этого никто не сделал. Следовательно, планировалась операция с привлечением наземных сил. С одной стороны, это было крайне нетипично, но кто знает чужие приказы? Так вот имея такую вероятность, я решил оставить всё как есть и не пугать «туристов» раньше времени. Пусть себе сидят в лагере, пытаются делать вылазки и всячески себя демаскируют. Нам же с артельщиками достаточно было сесть на обе тропы и просто подождать. Сложность заключалась в

нашем неведении относительно точного времени начала карательной операции. Мы вынуждены скрытно сидеть и караулить пиндосов, а это ой как не просто. Караул держали на обеих тропах, которые я условно называл восточной и западной, поскольку они шли почти параллельно друг другу, на расстоянии около пятисот метров. По хорошему, на каждую засаду нужно выделять человека по четыре, большим количеством тут воевать просто негде. Деревья и участки бурелома практически не оставляют места для развёртывания. И мы и пиндосы вынуждены будем вести затяжной бой, а выиграет тот, кто

ударит первым. Нас же всего трое и я решил, что недостаток бойцов возместят мины. Однако, запасы весьма ограничены и пока пополнить их негде. Поэтому плотно заминировали только западную тропу, вернее тот её участок, где решено было подождать карателей. Плотно, это в нашем случае означало подвесить к веткам деревьев над участком тропы три противопехотные «монки». [\[23\]](#) Я учёл, что по земле иностранцы будут шарить качественно и любую растяжку или мины по краям тропки так или иначе могут обнаружить. Поэтому три гостинца мы с Михасём подвесили на подходящих по размеру

и положению ветвях деревьев, замаскировав мины кусками политого водой мха. Три «монки» висели над тропой так, что все кто пройдёт на этом участке, умрут в течение пары мгновений без возможности укрыться. Все ролики, которыми мины начинены, поразят идущих внизу людей сверху, словно стальной дождь. Площадь сплошного поражения, получалась около двадцати метров. Мины стояли чуть под углом, чтобы волна осколков пошла в полтора — двух метрах над землёй. Шансов не будет ни у кого, бронежилеты и каски в нашем случае бесполезны. Но это лишь в том случае, если враг пойдёт именно тут.

Если же пиндосы пойдут восточнее, то тут их встречу я и Семёныч с пулемётом. Недостаток в артиллерии нам обеспечат четыре старые оборонительные «феньки», практически идеальные для работы в лесу. Их только нужно наловчиться кидать с отскоком и тогда есть шанс выйти на нормальный результат даже в лесной чащобе. Были у нас и новые гранаты, но эти взрываются от удара и вот тут весьма вероятен шанс погробиться самим. Поэтому классика в данном случае всё—таки предпочтительней. Правду говорят люди, что нет хуже участи, чем ждать, да догонять. В нашем случае потянулись долгие часы ожидания,

во время которых, каждому из нас удавалось спать лишь урывками. А про всякие малоуместные физиологические надобности я вообще умолчу. Мошки и всякие прочие насекомые на нас не покушались, спасибо репелленту взятому ещё на складе трофеев. Так прошло почти тридцать пять часов, в течение которых только пару раз был намёк на движение, но это была косуля и выводок ежей.

Пока сидели, время тянулось словно резиновое и я припоминал как часто оказывается приходилось слышать про то, что вот сейчас наконец-то случилось. Но версии нападения почему-то сводились либо

к обмену ядерными ударами, либо
тотальному предательству в армии и
правительстве. На худой конец, всех
и вся уничтожали кровожадные
инопланетяне или ожившие
покойники. Не то, чтобы я был
против эротических фантазий
всякого рода предсказателей, в конце
концов каждый развлекается как ему
более всего нравится. Просто версия
с ядерной войной мне, как человеку
военному и знакомому с предметом,
кажется самой бредовой. Зачем
воевать, ежели всё вокруг будет
светиться? Выгоды никакой. С
продажей страны тоже не всё гладко:
ну сдадут они и что станет с ними?
Зная подлую сущность иностранных

граждан в целом, могу с уверенностью сказать, что олигархи и генералы повторяют участь мошенника Бендера при переходе румынской границы. А вопреки общему мнению, я не считаю богатых людей идиотами, ненавижу этих кровососов, это да. Но дальнейшее развитие событий, которое описывали корифеи данной теории, вообще вызывали только мигрень. Население никто не трогает, и все существуют вроде как отдельно: оккупанты сами по себе, обобранные россияне тоже. Красота и мародёрский рай. И всё бы ничего, только вот раз воевали за пространство и ресурсы, набивали

пишки в Афганистане, потов в Ираке и несомненно мониторили наш чеченский опыт, то неужели не сделали выводов? Судя по последним событиям ушами себя по щекам не били, нет — сразу смекнули, что уничтожать надо всех и под корень. А общественное мнение... эх, плевать на него тому, кто держит две трети медийных средств в кулаке. Напуганные и трясущиеся за свой кусок хлеба с маргарином и кредитные кондоминиумы обыватели всё стерпят и когда надо проголосуют, если им пообещать простить часть долгов и пообещать чуток настоящего масла и лишнюю пайку ситного хлебushка.

Плевать они тогда хотели, что ради этого убьют сто, а может быть триста миллионов этих немытых русских. Казахов, белорусов и прочих украинцев. Они все были плохие, да их и за людей — то считать нельзя. Ату, ату русских! Что? Они не совсем русские? Но живут — то рядом... а-а! Какая собственно разница, раз рядом, значит на всякий случай тоже зачистить! Так наверняка сейчас думают в Германии, Испании и Англии. В Америке скорее всего уже забыли, если начался какой-нибудь их дебильный «Суперкубок» по лапте, или ворованному у англичан регби. Но как ни странно, особо мысли о том, что всему

«цивилизованному» миру на нас наплевать, особо не волновали. Как никто другой я понимал, что в своё время прав был Свифт, когда написал историю про то, как сотня лилипутов завалила огромного Гулливера. Когда все ослабшие и больные объединяются против здорового, но такого одинокого гиганта и сговорившись кидаются на него внезапно и со всех сторон, то дни великана сочтены.

Мысли о всяком уже стали навевать неуместную сейчас дрему, нужно встряхнуться. Приподняв крышку из прутьев и дёрна, я выглянул из окопа и осмотрелся. Время было раннее, на траве

блестели бусинки росы, пройди сейчас кто по тропе и соберёт на себя целый дождевой поток. Стало уже заметно холоднее по ночам, часто выпадал густой, молочно—белый туман. Я уже совсем было собрался скомандовать пересменку, как вдруг услышал тревожный сорочий грай. Сороки — очень умные птицы и начинают орать только в том случае, если замечают человека. Кабан или медведь, этих птиц особо не беспокоит, словно они понимают, кто может им повредить а кто просто идёт мимо. Я вылез окончательно и три раза каркнул по—вороньи, поскольку мы заранее решили, что рациями до начала боя

пользоваться не будем. Кто знает, какими хитростями вооружились амеры и какое именно подразделение пошлют на уничтожение лагеря или там на разведку. Воображение рисовало закованных в наноброню призраков с футуристическим оружием, неуязвимых и совершенно смертоносных. Много раз приходилось слышать про всякие секретные разработки, делающие солдат невидимыми, про лёгкую и прочную броню и накачанных стимуляторами киборгов. Проверив, как лежат в отрытой в передней стенке окопа ячейке шесть оборонительных гранат и как можно тише отщёлкнул предохранитель

«калаша». В жопу нанотехнологии. Сколько смогу, столько и успокою, а шум по любому «туристы» услышат, может в суматохе им удастся уйти...

...Так прошло ещё около сорока минут, солнце скрылось за внезапно набежавшими тучками и стал пробрасывать мелкий дождик. Самой влаги до земли не долетело ни капли — кроны деревьев задерживали такую морось без остатка. Я уж думал, что опять никто не появится, и совсем уж было потянулся разогнуть усики на предохранительных кольцах гранат как вдруг справа между деревьями появилось нечто новое. Словно бы часть леса ожила, превратившись в

огромную под два метра высотой, зелёную многоножку. В лесу всегда так: пока объект не двигается или не шумит, можно пройти в двух шагах от медведя и не заметить его, если он сам этого не захочет. Размер тут не имеет особого значения. Приложив к глазам прицел, я увидел что это и есть наши гости. По тропе след в след двигалась вереница людей, численностью ... ого! Да их человек пятнадцать... нет — шестнадцать, теперь точно. Но всё это нормально, если вызовем Мишку с соседней тропы, он сможет зайти им в тыл и тогда....

— Карр — рр! Кар—rrr!

Михась давал сигнал, что у него

тоже гости и звал к себе, но ответить я уже как положено не смогу. Такой вариант мы рассматривали как самый крайний: пиндосы разделились и шли на лагерь с двух сторон. Но сложившаяся ситуация ничего не меняла, бой примем в любом случае. Отжав тангенту рации, дал один длинный тон на общей частоте отряда. Это означало, что всем оставаться на своих местах и действовать по обстоятельствам. За приятеля я особо не волновался, минами прикрит почти двадцатиметровый участок тропы и как только пиндосы зайдут на него, количество целей убавится трети на две. К тому же у него «бесшумка», и

д раскрытия позиции на дереве, Мишка сможет безнаказанно уложить ещё троих как минимум. Фигово было нам с Семёнычем, поскольку реально воевал и стрелял вообще только я один. Пулемёт мы с ним очистили от смазки и под моим присмотром он раз пятьдесят разобрал — собрал оружие, но вот реальный бой...

Тем временем, пиндосы стали втягиваться на пристрелянный участок и можно было их прекрасно рассмотреть. Нанотехнологий пока видно не было, я рассмотрел пусть и хорошо экипированных, но всё же обычных людей, осторожно идущих след в след друг за дружкой.

Бронежилеты противоосколочные каски в чехлах, чтобы на солнце не бликовали, автоматы короткие, обвешанные всякими прибрдами. Всё на солдатах сидело ладно, чувствовалось, что подгоняли тщательно, шли тихо, почти бесшумно. Из необычного заметил только на левом глазу у каждого что-то вроде монокля на ремешке под шлемом, да какую-то прямоугольную штуку на запястье левой руки, с матовым экраном и двумя рядами кнопок. На часы не похоже, но приглядевшись я заметил, что у некоторых амеров эта прибрда пристёгнута к правой руке. Может это и есть нанотехнологии?.. Вдруг

вся колонна замерла, все припали к земле на колени и людская «многоножка» ошестинилась оружейными стволами. Позади меня слышался шорох шагов, кто-то пробежал буквально в десяти метрах от окопа в сторону замерших пиндосов. Осторожно повернув голову, вижу что из леса подошло ещё двое солдат, в лохматых костюмах, почти как у меня. Один был с автоматом, у другого винтовка с длинной трубкой оптического прицела... никак разведку выслали, значит лагерь уже срисовали, но нас не обнаружили. Оба побежали в конец колонны и скрылись из виду. Почему разведка не осталась на

позициях и её отозвали, мне было непонятно. Гораздо удобней будет выйти и пользоваться их знанием обстановки, корректируя план атаки.... «Многоножка» снова ожила, слаженный людской механизм пришёл в движение. Вот цепь растянулась и я уже стал опасаться, что чуть чего, пиндосы рассыплются по лесу и завяжется настоящий бой, в котором нам не выстоять. Но выхода не было, вот шеренга уже поравнялась с окопами, они прошли позицию Варенухи и сейчас шли совсем рядом. Я ощутил их запах, смесь пота смазки и каких-то репеллентов, видел закрытые хитрыми зелёными масками лица,

матовый блеск незамотанных лентой оружейных стволов. Протяни я руку и до каждого уже можно будет дотронуться кончиками пальцев....

Пока пиндосы уходили вперёд, я напряжённо думал о вопиющей нестыковке в поведении разведки. Почему они не остались возле лагеря и просто не подождали подхода своих, что это за приём такой?.. Вариантов возникло сразу множество и все они были тут же отвергнуты почти в тот же миг. Разгадка уже была совсем рядом, когда правильный вариант буквально сам показал мне спину. Как и у нас, командир пиндосов шёл замыкающим и что самое

интересное, был он нагружен солиднее чем все остальные. На шее у него висели массивные наушники с микрофоном, за плечами довольно объёмистый ранец с выступающей из-под верхнего клапана толстой трубой спутниковой штыревой антенны. [\[24\]](#) Чёрт, это же пульт управления беспилотником! Значит вот почему стрелки отошли к основным силам. Теперь либо наведут авиацию, либо расстреляют с птички лагерь но... тогда зачем идти таким гуртом? Времени на дальнейшие размышления просто не осталось, колонна уже удалилась от моей позиции на два десятка шагов и на три от окопа Семёныча. Откинув

крышку, я привстав положил автомат перед собой на край окопа и вынул гранаты из ячейки. Всего «фенек» у меня было шесть штук, на всех должно было хватить. Быстро, как когда-то, я метнул округлую рубчатую смерть так, чтобы гранаты ложились ровной строчкой, накрывая всю колонну от головы до хвоста. И не давая себе передышки, почти тут же рванул автомат с земли к плечу и выцелив командира пиндосов открыл огонь.

— Та-та-та — таа!

Пули пробили рюкзак с пультом и амера кинуло вперёд и вправо. Почти одновременно с этим прозвучали два взрыва и я снова

нырнул в окоп.

— Бум, бу — бум!

Послышались крики боли и какие-то команды, лес ожил и вдалеке справа прозвучало ещё три глухих взрыва, это сработали мины на западной тропе, там бой тоже начался....

— Бум — буммм! Бу — буммм!!!

Это пошли взрывы от остальных гранат, уже совсем близ ко от моего окопа, выкашивая траву и ветки в радиусе десяти метров вокруг. С тропы слышались крики и беспорядочная стрельба, шок от внезапного нападения вот-вот кончится, почему же молчит пулемёт?!

— Тра-та-та-та!

«Ручняк» Варенухи ударил ровно в тот самый момент, когда я стал сомневаться в его хозяине. Снова откинув крышку и сменив расстрелянный магазин, высовываюсь и тут же щёку опалает горячим — рядом прошла чужая пуля. Не теряя времени, одним прыжком выбираюсь прочь и перекатом ухожу за толстый ствол сосны. Кто-то умный вычислил мою позицию, но пока мне везло и пуля только оцарапала щёку. Выглянув из-за укрытия, вижу что амеры рассредоточились вдоль тропы, но осталось их человек шесть-семь. Вот впереди справа ворохнулся буторок и

я не медля дал короткую очередь в том направлении. Две из четырёх пуль достигли цели: человек подскочил на месте и немного погодя заорал от боли. Проклятушая «пятёрка», ити тебя во все дыры! Какая же сволочь был тот конструктор, что придумал эти фуфловые патроны! Иностранец скоро оклемается, но пока... Ага! Вот ещё один....

— Вzzум! Вzzум!..

Только что замеченный мной амер, уже выцелил меня и его короткий автомат выплюнул в мою сторону пару коротких очередей. Присев вниз и откатываясь прочь, ухожу левее и дальше, но пиндос

продолжает вести меня по силуэту и пули кучно ложатся почти рядом с моей головой. Падаю и в перекате достигаю следующего дерева, но что-то мешает поднять правую руку. Не отрывая взгляда от кустов впереди, ощупываю рукав левой ладонью. Кровь, много крови, дырка чуть выше локтевого сгиба. Пуля застряла внутри, но кость вроде не мозжит... аптечка в левом кармане, на ощупь нахожу тюбик с обезболивающим и колю в бедро сквозь одежду. В куртку и штаны вшиты жгуты, поэтому перетянуть рану получается очень быстро, кровь остановилась. Из пустоты между тягами приклада вырываю

перевязочный пакет и разрезав ткань комбеза просовываю его к ране, зафиксировав его жгутом. Тоже ничего особенного: закладываешь между тягами пару индпакетов, а сверху фиксируешь жгутом. В случае чего и уравнивает ствол и перевязку можно быстро соорудить. Дело привычное, у меня есть похожая отметина, только на левой ноге. Рука вновь начинает сгибаться, хотя это только временный эффект и чувствую я её не слишком хорошо, минут сорок ещё повоюю а там.... Повезло, что крови потерял не много. Ну, пора снова воевать....

Пулемёт Семёныча бодро стучит, хотя пока я перевязывался его

пытались выцепить гранатой из подствольника, но вроде обошлось. Пиндосы рассредоточились вдоль западной обочины, судя по перемещению источников огня их осталось уже четверо. Плохо было то, что один из них тоже был вооружён пулемётом. Пока вражеский стрелок не мог занять хорошей позиции и просто вёл беспокоящий огонь то по мне, то по бывшему водиле. Но стоит ему только сместится восточнее и перемахнуть на другую сторону — Варенуху возьмут в клещи. Резко выдохнув пару раз, бегу пригнувшись вдоль тропы, выбрав момент когда Семёныч вновь выпустил короткую очередь по залёгшим иностранцам.

Сразу три ствола огрызнулись в мою сторону, но пули легли в то место, где я только что был, рывок остался незамеченным и я что есть силы вновь рванулся перёд и вправо перескочив узкую полосу тропы и оказавшись с пиндосами на одной стороне. Одновременно с прыжком, я подкинул в сторону противника обычную наступательную «лыску»^[25] и откатился помогая себе локтями и коленями за сросшиеся рогаткой старые осины.

— Бумм!

Разрыв гулко ухнул метрах в десяти справа и два осколка впились в ствол дерева ровно на высоте головы. Послышались крики боли, но

мою сторону никто не стрелял. Откатившись ещё немного, я вышел в полуприясд и двинулся в ту сторону, откуда слышалась редкая стрельба. Голос подавали всего два пиндосских ствола, били они куда-то в сторону Варенухи, но его пулемёта я не слышал. Пройдя метров пять—шесть, я дошёл до небольшой воронки в земле — места разрыва моей гранаты. Чуть в стороне лицом в землю уткнулся амер. Короткий пулемёт лежал тут же с откинутой крышкой ствольной коробке и отсоединённым матерчатым коробом. Взрыв застал пулемётчика за сменой ленты, поэтому он не успел вовремя разглядеть кругляш

«лыски» и принял почти треть осколков в себя. Вдруг кусты впереди расцвели огнём, оглушительно грянула длинная очередь. Дальнейшее происходило очень быстро, но для меня время словно остановилось. Повинуясь выработанному за время войны инстинкту, я начал падать на землю. Это произошло, наверное, в тот самый момент, когда подсознание только зафиксировало какое-то движение впереди. Поэтому в момент когда запоздало пришло понимание, что вот сейчас схвачу свинца полной грудью, тело уже распласталось по земле и откатывалось влево. Пули прошили

только воздух, а я уже лёжа, направил ствол автомата прямо в спящую жуть огненного факела и выжал спуск. Две очереди слились в одну, и заглушили болезненный вскрик. Нет, видимо моё время не пришло. Резко поднявшись, я увидел ещё одного американца, но этот лежал навзничь, три пули попали в правое плечо, шею и левый глаз. Пинком отшвырнув автомат от тела иду дальше, но тут всё было кончено. В небольшом овражке, раскинувшись в разных позах лежало ещё трое, со следами работы «ручняка» Варенухи. Одному бойцу совершенно не повезло: тяжёлая пуля вошла в щёку под углом и вырвала человеку кусок

лица. Вместо носа и верхней челюсти было сплошное кровавое месиво. Как это получилось не пойму, но смерть явно не была быстрой. Автомат бедняги был снабжён подствольником, видимо его цепануло именно в тот момент, когда он перезаряжал свою артиллерию. Возможно дело было не в пуле, а кусках микрофона сделанного из какого-то полимера. Пуля раздробила его и куски пластика вошли в раневой канал, вызвав такие повреждения. Тронув тангенту вызова, я вызвал пулемётчика, поскольку тот исправно огрызнулся уже меня прижав к земле:

— Бобёр, здесь Рысь. Отставить

стрельбу, все клопы уже в минусе. Отставить, повторяю!..

— Е... есть отставить стрельбу.

Голос Варенухи звучал напряжённо, рацией он ещё толком пользоваться не научился. Поднявшись во весь рост, махая автоматом, чтобы обозначить себя. Спустя пару секунд Семёныч был уже рядом, бегло осмотрев водилу, с облегчением замечаю, что с ним вроде обошлось. Увидев повязку у меня на рукаве, он открыл было рот чтобы что-то спросить, но я лишь махнул рукой. Сейчас следовало проверить не осталось ли кого в живых на тропе и возле неё. Разделившись, мы пошли вдоль

тропы вперёд, держа оружие наготове. Постепенно картина боя стала проясняться, обретать смысл. То, что моя позиция находилась под углом к дороге, а сама тропинка имела небольшой изгиб, позволило удачно бросить четыре из шести гранат. Все они легли с интервалом в пять метров, как я и задумывал. А вот две последних улетели в овраг и поэтому осколки пошли только вверх и как по закону подлости на меня. Не укройся я в окопчике, бой Варенуха вывозил бы уже в одиночку. Командира амеровского отряда, я положил сразу и наглухо, а очередью разбило его заплечный пульт, так что беспилотник скорее всего на

автопилоте ушёл обратно. Остальные иностранцы легли без вопросов: одних посекло осколками и они истекли кровью, другие умерли от динамического удара, но таких оказалось всего двое. Но основную работу сделал Варенуха, его «ручняк» словно косой прошёл по неприятельским порядкам. Осматривая бронежилеты покойников, я убедился, что те носили что-то лёгкое, без дополнительных пластин, а их пуля от ПКМ брала совершенно спокойно. Были тела прошитые навылет, одному оторвало руку по локоть. В целом я опять проклял нелюбимый калибр «весла», но пока что имеем с

тем и выступаем. Достреливать никого не пришлось, чему виной были стимуляторы, не дававшие солдатам впасть в беспамятство, они продолжали драться, часто будучи смертельно ранеными. Всего я насчитал семнадцать трупов, не хватало только самого вредного. Из головы у меня не шёл разведчик с винтовкой, в снайпера берут людей ушлых с глазами на затылке. Эта тварь сейчас где-то рядом, но вот вычислить его в лесу это задача совершенно неподъёмная, к тому же Михась ещё молчит, что тревожно. Неожиданно, ожила рация и прозвучал совершенно спокойный голос приятеля:

— Ложись!

Не рассуждая, как и в прошлый раз я просто упал на землю и откатился в кусты. Выстрелов я не слышал, но пуля прошла ровно в том месте, где я только что стоял. Оглядевшись, увидел, что Варенуха тоже слышал Мишкино предупреждение и неловко отползал с тропы, позвякивая пулемётом. Снова послышалось внятное рассерженное гудение и сразу три ветки кустарника упали на шевелящуюся тушу бывшего водителя. Неопытность престарелого партизана превратила его в отличную мишень. Вражеский снайпер стрелял на движение, практически наугад.

Однако скоро он нащупает Варенуху если тот не прекратит ворочаться. В лесу после отгремевшего боя, воцарилась мёртвая тишина, смолкли даже птицы. Громким шёпотом я приказал:

— Семёныч, не шевелись и замри!

Варенуха послушался и неловко замер, чуть скособочившись на правую сторону. Драгоценное время уходит, скоро сюда так или иначе кто-то придёт и нам тут быть не следует. Пока мы лежим, снайперу нужно или сменить позицию или просто вызвать своих, прижимая нас огнём. Вызывая Михася по рации, я уже знал что буду делать:

— Медведь, видишь меня?

— Нет, но засёк куда ты упал —

Голос приятеля звенел от напряжения, он искал своего визави.

— Медведь, я правее пятнадцать. Видишь плохиша?

— Нет, но знаю где он примерно сидит. Дистанция — триста пятьдесят от моей позиции группа высоких сосен и одно лиственное дерево.

— Медведь, я его вытащу, следи! Он нас держит, уделай гада, пока ещё есть время. Без разговоров и рассуждений. Делай!

Оборвав связь, начинаю ровно дышать, приводя организм в нужное для пробежки состояние. Каждая

мышца уже наверняка болит, но сейчас даже без обезболивающего всё глушит адреналин. Накроет уже потом и лучше в это время быть в бункере иначе каюк. Рана уже начинала побаливать, острые злые импульсы пробивались сквозь онемение от лекарства. Ещё примерно минут двадцать и снова надо колоть дурь. Отходняк после такого лекарства очень тяжкий, болеть будет всё, не говоря уже про слабость от кровопотери. Поэтому, пока всё ещё было более—менее нормально, я вскочил и рывком метнулся вдоль тропы, назад к окопу. Пули с коротким интервалом в полмгновения прошли одна за другой

опалив кожу на носу и затылке. В какой-то момент, я неловко поставил ногу, не заметив гнилой коряги припорошённой прошлогодней листвой и выросшей высокой молодой травкой. Нога подвернулась и я со всего маху прынул оземь, успев однако подставить леве плечо и уйти в неряшливый кувырок. Чутко шевелюсь и в то же самое мгновение рядом снова состригла ветку назойливая стальная пчела. Мысленно собираю все маты и перекачиваясь влево снова вскакиваю и бегу что есть силы к огромному стволу поросшей мхом осины. Неожиданно чувство опасности исчезает, будто его

отрезало и только сейчас слышу
вопящего в наушнике Мишку:

— Да стой ты, чертяка! Уже всё,
всё старшой!..

Как вкопанный я
останавливаюсь и тут же слабость и
ломота накрывают с головой. В
глазах темнеет, начинается обычная
постбоевая лихоманка: тело
сотрясает мелкая дрожь, выступает
холодный пот, потом кидает в жар.
Слепо шарю по карманам и найдя
плоскую фляжку со старыми
запасами хорошего армянского
коньяка, делаю два долгих глотка.
Живительное тепло пробегает по
венам, слух и зрение снова
возвращаются, а дрожь отступает.

Медленно осматриваю автомат, выщелкнув «рог» вижу как сигнальный патрон показал своё зелёное рыльце, [\[26\]](#) значит в магазине ещё восемь обычных и четыре «трассера». Повернувшись обратно к тропе иду в сторону откуда только что убегал. Всего удалось промчаться без малого двести метров, время не засекал, но нарезал как спринтер. Варенуха уже на ногах, отряхивает форму и поправляет пулемёт на плече.

— Семёныч — Хлопаю водилу в знак одобрения по спине здоровой рукой — Не убирай бандуру, пора идти к «туристам», нужно предупредить ребят если ещё сами не

сдёрнули....

— Рысь — Снова глазастому Михасю неймётся, к нам он так и не вышел — Лево пятьдесят, вижу новую группу людей. Семь «карандашей», все в прикиде. Похоже пиндосам пришла помощь!

Это было не очень хорошо: боекомплект у нас уже на исходе, у меня осталось два «рога» к автомату плюс уже початый и одна «фенька». Глянув на Семёныча знаком показываю на его «молотилку», поняв жест правильно, водила указывает на примкнутый к пулемёту короб а потом ребром ладони проводит себе по горлу. Сотня патронов, может меньше....

— Медведь, как у тебя с «музыкой»?

— Не густо—Голос Мишки звучал напряжённо, но паники я не чувствовал — Могу сыграть на бис, но зрителей слишком много и все с цветами.

Получалось, что Михась сможет их придержать, но патронов осталось меньше десятка. Пиковый расклад... Решение нужно принимать быстро, ещё пара минут и эти неопознанные будут здесь. Судя по направлению, выходило, что была третья группа, тусовавшая почти у самого лагеря наших потенциальных союзников. Придётся работать вариант с громким отходом. Без особого

сожаления глянув на свой автомат, отсоединяю почти пустой «рог» и поймав выброшенный движением затвора досланный патрон возвращаю его в магазин. Придётся спровоцировать погоню, других вариантов нет.

— Медведь, как только скажу — вали того, кто у зрителей за старшего, потом уходи.

— Понял, приступаю.

Повернувшись к замершему в готовности Варенухе, подмигиваю партизану сквозь маску:

— Семёныч не дрейфь! Занимай позицию в овраге, там получится сектор пошире чем на твоей старой лёжке. Пиндосы побегут прямо на

тебя, я их гранаткой взбодрю. Дай пару коротких очередей и тоже отходи, я вас догоню. Давай, старый в темпе вальса!

Водила только кивнул, на его чумазом от копоти, которой он измазал лицо, блеснули водянистые глазки, старик давил слезу. Ещё раз ободряюще махнув ему рукой, я принялся за последние приготовления. Оглянувшись в поисках подходящего дерева, срезал толстую ветку и быстро строгаю колышек для ловушки — самострела. Есть такая хитрая придумка: автомат с полным магазином заклинивается между подходящей развилкой дерева, в затвор вставляется деревянный

колышек, от него идёт верёвка или проволока, натягиваемая поперёк пути противника. Гады бегут под выстрел и получают свинца от души. Прелесть ловушки в том, что можно завалить одного—двух самых ретивых, включая следопыта. Плюс противник считает, что прижал группу и та приняла последний бой. Пока суть да дело, есть реальный шанс оторваться. Спустя пару минут напряжённых поисков, я вернулся к знакомой мне раздвоенной осине, где и закрепил автомат под углом к тому участку тропы, где пойдут преследователи. Приклад упёр в быстро вырубленную выемку, чтобы не шатался и дослал патрон. Стрелять в автоматическом

режиме он будет не долго, но задержит преследователей, это точно. Привязав автомат, чуть отвожу затворную раму, чтобы в образовавшуюся щёлку прошёл оструганный чуть раньше клинышек и отпустил курок затвора. Куском проволоки приматываю спусковой крючок к пистолетной рукоятке, будто до отказа на него давит мой же собственный палец. Присыпав получившуюся конструкцию срезанными с соседних деревьев ветками и протянув шнур поперёк тропы, мелкой рысью бегу навстречу приближающимся иностранцам. Зайти получилось с левого фланга, теперь я видел, что Михась не

ошибся и это действительно пиндосы: «безухие» шлемы, наколенники — налокотники, короткие автоматы, но немного другие, чему у первых пиндосов. Всё выглядело нормально, но... стоп! Повязки на ляжках, дёрганная походка.... Чёрт, это же те самые горе-вояки из лагеря!

— Медведь, Бобёр — отбой! Это туристы. Повторяю: работе отбой!

— Рысь, у них оружие. Одеты как....

— Да знаю я! Вспоминай, те в лагере, повязки у них на ляжках ходят как придурки, ноги подволакивают!

— Рысь, что делать будем?

— Выйду, поговорю с ними. Ежели начнут дурить, пристрелим одного. Как определяю главаря, попытаюсь пожать ему руку, а ты возьми его на прицел. Если будет выступать — разгрузку поправляю правой рукой, тогда вали его.

— Принял, Рысь. Наглухо валить?

— Медведь — отставить. Дурной, но всё-таки свой. Может в ум войдёт. Руку прострели, чтоб не шибко за оружие хватался. Теперь тихо, они уже рядом.

Туристы шли строем, отдалённо напоминавшем левый уступ, растянувшись в нестройную цепочку, но всё же были опасно близко друг к

другу. Случить мина или как в моём случае — граната, осколками зацепит сразу троих. Главного я определил практически сразу, это был довольно упитанный рослый дядька лет около сорока с небольшим. Обмундирован главарь был в традиционный для «туристов» амеровский лесной камуфляж. Разгрузка с намёком на оригинальность, но совершенно неподходящая для охоты на людей: все подсумки группировались на животе и плюхнись такой «воин» ничком, обязательно схватит пулю в пятую точку. Тёмно-синяя бейсболка на круглой голове смотрелась органично, чего не скажешь про

пижонские тёмные очки для стрельбы. Сочетание большегубого капризного рта с глубокими морщинами идущими от крыльев носа к уголкам полных поджатых губ, говорило, что я верно оценил темперамент вождя страйкболистов. Этот деятель потянет пацанов за собой, будет рисковать их жизнями без колебаний. По тому, как вождь держал короткий автомат — стволом внизу груди — стало ясно, что настоящее оружие есть только у него. В группе было шестеро парней и одна девушка, все от пятнадцати до двадцати пяти лет, самым старшим по возрасту, был этот пижон в дизайнерских очках. Но выхода нет,

нужно договариваться, хотя придётся туго.

Дождавшись, пока «туристы» подойдут к моей позиции за толстой сосной на десять метров, я присел и внятно с расстановкой крикнул:

— Привал, мужики! Дальше ходу нет, давайте поговорим....

Реакция у туристского вождя оказалась неплохой: на вскидку, ориентируясь на мой голос, мужик выпустил две короткие очереди из своей трещотки, что-то одновременно командуя своим. Три пули сбили кору со ствола сосны и зло гудя ушли в сторону и вправо.

— Рысь, цель сопровождаю, могу его чутка подлечить.

Мишка заматерел, уже говорил как его ментовские учителя на полигоне. Но я решил, что сделаю ещё одну попытку:

— Медведь, отставить. Попробую сначала убедить, если что дам отмашку как договорились.

— Принял, Рысь. Жду условного сигнала.

Не двигаясь, поскольку вождь «туристов» мог ещё раз пальнуть или зацелил какой-нибудь сектор как раз на случай моего манёвра, снова подаю голос:

— Эй, солдат! А тебе в голову не приходило, что я тут не один сижу. И пожелай я тебя с молодняком пострелять, уже давно бы

сподобился, а?

Снова стало тихо. Послышались приглушённые возгласы, щёлкнул затвор какого-то оружия. Может менял магазин и высунись я теперь, издырявит нафиг....

— Кто ты такой, выйди и положи оружие на землю.

Голос у вождя оказался властный, настоящий командирский баритон. Глянув на часы. Решил дать этому идиоту минуту на блажь, потом прикажу валить. Отжав тангенту, я включил рацию и запросил Мишку:

— Медведь, здесь Рысь. Что этот клоун делает?

— Здесь Медведь, целит из

автомата в твою сторону.

Вот ведь гад, недоверчивый какой. Спрятав гранату без кольца за пояс, зажимаю предохранитель так, что чуть ослабив давление, «гостинец» вывалится в специально прорезанный для этих целей клапан и вывалится из другой прорези под левой наколенной брезентовой нашивкой. Потом останется только пинком отправить её в сторону противника и убраться с дороги самому. Теперь подняв левую и обозначив поднятие раненой правой руки выхожу на тропинку.

— Не стреляй, мужик. Нам действительно надо поговорить.

Вождь браво выступая впереди,

встал из своего укрытия и сделал знак остальным. Все толпой высыпали на тропу, но вождь прикрикнул на них и ко мне вышел худощавый паренёк в тонких «близоруких» очках. Неумело хлопав мои карманы он всё же забрал ПБ из набедренной кобуры, протянув пистолет вождю. Тот взвесил оружие на руке. Повертел его так и сяк, а потом спрятал в один из больших карманов чудного «лифчика».

— Ну, говори. Только учти, мы уже давно воюем, тебе нас не обдурить.

На меня с интересом смотрело шесть пар глаз, включая

заинтересовавшую меня девушку. Среднего роста, спортивного телосложения. Овальное высокоскулое, лицо с тонкими чертами. Серо—зелёные глаза необычайной выразительности, чуть более пухлый чем нужно рот, упрямый подбородок и ямочки на щеках. Русые волосы зачёсаны назад и собраны в толстую косу, перетянутую чёрной резинкой. Она одна не держала в руках оружия, вместо этого на боку висела объёмистая сумка с красным крестом. Если я не ошибся, это та самая Лера, которая разнимала подравшихся патрульных, которые скорее всего тоже тут.

— Значит такой расклад, уважаемые — Я говорил тихо, к тому же рука уже начала сильно ныть — Мой отряд разгромил две группы иностранных скаутов шедших к вам в гости....

Молодёжь взволнованно зашептала, на их лицах читалась настороженность и тревога. Они подтыкали друг друга локтями, а обыскивавший меня очкарик только кисло ухмыльнулся. Его поза и выражение лица было из разряда: "ну а я что говорил?"» Девушка напротив, решительно вцепившись в ляпку своей докторской торбы, шагнула в мою сторону:

— Руку опустите правую, я

посмотрю....

Вождь тут же среагировал и попытался оттолкнуть девушку назад. Бросив оружие болтаться на ремне он схватил её за руку и дёрнул на себя. Та не подалась ни на сантиметр и как-то ловко освободилась от захвата, одновременно отработав корпусом. Вождь поскользнулся и рухнул на траву, бренча амуницией. Лера с презрением дёрнула уголками губ и снова обратилась ко мне, роясь в сумке:

— Всё нормально, я — военный врач. Пуля внутри застряла?

— Да, сидит падла — Нужно было как-то пошутить, но боль уже была просто на грани

непереносимости.

— Промидол кололи?

Не обращая внимания на поднявшегося с земли вождя девушка уже разматывала жгут и бестрепетно отрывала повязку. Полыхнуло болью, сразу выступила кровь. Надавив мне на плечо, девушка принудила опуститься на землю, прислонив меня к стволу дерева. В её руках замелькали какие-то блестящие инструменты и стало ясно, что меня быстро и профессионально режут. Вождь молчал, недобро глядя на меня и теребя автомат. Дружеским его жаркие взгляды в мой адрес было трудно назвать. Мысленно он уже раз сто меня расстрелял, сварил живьём

и разорвал лошадыми. Врачиха тем временем продолжала копать в моём плече, подрядив ассистировать ей того самого очкарика. Пацан полил ей на руки жидкостью с резким запахом, после чего Лера взялась за хромированные ножички. Чтобы отвлечься от оголяющей нервы боли я отвёл глаза, продолжая говорить обращаясь к остальным «туристам»:

— Времени мало, ваш лагерь засекли с беспилотника и выслали два взвода карателей... Скоро, вероятно через час или два, накроют квадрат артударом. Сворачивайтесь и тихо уходите. Соберите импортное оружие с трупов там, дальше по

тропе, нам оно без надобности....

— Гладко рассказываешь —
Голос вождя приобрёл сварливые,
бабьи интонации — А как это ты
столько «америкэн рэйджерс»
завалил?

— Мне, уважаемый повезло —
Девушка с каким-то особым
садизмом провернула что-то в ране и
боль стала столь чистой и
незамутнённой, что заглушила всё —
У нас в роду, только на бешенное
бычье и есть везение.... Тебя вот
тоже повстречал, обратно свезло....

— Уголовник, наверняка — Едва
сдерживаясь чтобы снова на меня не
кинуться, вождь повернулся к
подростерявшим пиетет соратникам

и показал мой ПБ — Оружие не
стреляное, с трупа снял.

— Шерман, заткнись прошу
тебя. Этот человек ранен не нашей
пулей — Лера показала в пинцете
окровавленный кусок металла —
Американский «гостинец», я из вас
такие же вытаскиваю. Лучше идите
туда куда он говорит....

Незаметно для остальных я два
раза даванул на тангенту
радиостанции. Теперь Семёныч
уйдёт с тропы, пропустит ребят к
трупам пиндосов. Девушка всё же
заметила моё движение, но я только
подмигнул и она упрямо тряхнув
головой ничего не сказала своим.
Звонящим от напряжения голосом я

продолжил:

— На северо-восток от вашего лагеря, есть спуск в заброшенные угольные шахты. Не знаю как там сейчас, но возможно облаву можно пересидеть. Собирайте трофеи, следите чтоб электроники рабочей на них не было и уходите. На земле вас непременно найдут... Доктор, как там рука моя поживает, а?.. Не отрезали часом?

— Зашила уже — Голос девушки был отстранённо вежлив — Антибиотики у вас есть? Как колоть знаете?

— Поищу, обязательно поищу... А покудова прощевайте. Спасибо вам, военный врач Лера.

И воспользовавшись тем, что руку уже сдавливала тугая повязка, а девушка отошла собирая инструменты, я рывком поднявшись ударом ноги выбил из рук расслабившегося вождя автомат. Кольцо в запал гранаты за ремнём я давно уже тайком вставил, поэтому двигался почти без стеснения. Заслонившись от опешивших туристов очкастым ассистентом изумлённо глядящей на меня Леры, я выхватил из—за пояса вопящего от боли Шермана свой пистоль и нырнул в кусты.

Голова кружилась и я понимал, что скоро могу хлопнуться в обморок от шока, но пересиливая себя, бежал

вперёд, попутно проговорив в рацию:

— Группа, здесь Рысь, работаем вариант два.

— Ты циркач, Рысь, принял. Работаю вариант два.

Это Михась еле сдерживая радость, что обошлось без стрельбы и смертоубийства, ворчал совершенно беззлобно. Семёныч неловко сказал «Принято» и отключился. День прошёл почти удачно, но так это или нет, ещё предстоит выяснить. Не останавливаясь я сделал крюк на тропу и осторожно прокравшись к поставленной ловушке, забрал свой автомат. Что ни говори, а ко всему привыкаешь... Сквозь кусты было

видно как «туристы» собирают и сортируют трофейные «стволы» и амуницию. Усмехнувшись про себя ещё снова и опустив на лицо маску тихо ухожу в чащу, чтобы запутать следы. Попутно дал себе слово, что выплусь столько сколько будет возможно, предвидя последствия пусть не такого серьёзного, но всё же неприятного ранения.

Глава 5

Россия. 17 августа 2011 года.
Юго–западный участок Центрально–
сибирской оккупационной зоны.
200 км на юго–восток от предместий
г. Кемерово. Точка постоянного
базирования партизанского отряда.
03.12 по местному времени.
Партизан Антон Варламов.
Стратегический замысел, сны и
воспоминания.

... Жар держался уже третьи
сутки, но слабость под действием
импортных антибиотиков и
заживляющих присыпок почти
прошла. Температура перешла в ту
надоедливую часть симптомов

ранения, которые уже после возвращения к нормальной жизни нет—нет да напомним о нём, то лёгким ознобом, то выступившей на лбу испариной. Приём стимуляторов имеет свою цену и мне очень повезло дойти до базы не потеряв сознания. Но всё равно пришёл последним, Семёныч немного заплутал, однако к исходу суток того же дня, когда мы пострелялись с амерами даже он нашёл бывшую медвежью берлогу быстрее. Я же свалился от усталости и кровопотери и последующие два дня помню лишь урывками: Мишка кормивший с ложки густым бульоном, отрывистое уханье канонады и неистовый рёв чего—то

воздушного там снаружи, ни чем не освещаемой темноты пещеры. Как мне потом доложил Михась, амеры поступили ровно так, как я предсказывал и сровняли место засады и лагерь 'туристов с землёй. Видимо решив не рисковать, пиндосы никого не отправили на помощь своим пропавшим людям. Как ни цинично это выглядит, однако я понял их логику. Оккупанты рассудили верно, решив не умножать возможных потерь. Судя по тому, что кипеж продолжался и по сей день, пиндосы не достигли своих целей полностью и сейчас отрабатывали второстепенный объекты где-то на западе. В нашу сторону никто не

сунулся, после того как тут появился и долго буровил воздух странный летательный аппарат, похожий на лёгкий планер. Мишка сам догадался погасить печь и свести всех по разным отсекам, теперь на тепловизоре, да на трёхметровой глубине, наши тепловые сигналы особо выделяться не будут. Но видимо на разведчике стояла аппаратура, которая засекала только наземные объекты. Потому что после того, как планер улетел, в наш квадрат не прислали ни одного пешего патруля, на бункер не упало ни единого снаряда или мины. Однако я всего этого уже не помню, бредовые видения до сих пор иногда

лёгкими тенями скользят на периферии сознания и приятными их назвать нельзя. Одно из них было таким ярким, что отрывки из него постоянно стояли перед мысленным взором, стоило лишь закрыть глаза.

... Под ногами оказалась тропинка, ведущая вдоль нескошенного луга. Каждый шаг даётся с огромным трудом, воздух такой плотный, что напоминает разогретую до кисельной плотности мутную воду. Очертания предметов расплываются, стоит только лишь подольше остановить на них взгляд. Вода... очень мучает жажда, я иду вдоль по деревенской улице, стучась в каждую калитку. Но никто не

отворяет, а зайти во двор мешает
неодолимая преграда. Я её чувствую,
но описать, что это за препона
решительно не могу....

— Люди, есть кто живой?!

Звук собственного голоса,
словно тонет в кисельно — мутном
мареве и создаётся ощущение, что
никто кроме меня самого, призыва
не слышит. С трудом переставляя
ноги, дохожу до крайнего дома, чьи
ставни выкрашены в весёлый
васильковый цвет. Вообще, это даже
не обычная ходьба, я словно плыву
над землёй и не помню, чтобы ноги
касались твёрдой поверхности
хотябы раз. На окнах колышутся
занавески, слышится залиvistый и

глуховато — дребезжащий собачий лай, затем резко перешедший в тревожный, тоскливый вой. Несмотря на пышущий отовсюду жар, от этого звука пробирает озноб, но жажда берёт своё. Я протягиваю руку, чтобы постучать в калитку, может быть хозяин даст напиться воды....

— Ты кто, дядя?

Детский голос раздаётся за спиной, звучит он необычно чётко, даже звенит. Я вздрагиваю и пытаюсь резко обернуться. Движение получается очень медленное, но визуально тело словно бы мгновенно вывернулось в противоположную сторону, я

оказался лицом к говорящему ребёнку. Это шестилетняя худенькая девочка в светло — голубом сарафанчике, запятнанном красной глиной. Светло — каштановые вьющиеся волосы заплетены в две косички, в которые вплетены розовые ленточки. Босые, измазанные в травяном соке и глинозёме ноги с кое—где ободранными коленками. Если бы не ещё одна странная деталь, вполне обычный ребёнок и всё. Настораживали глаза: огромные и пронзительной синевы, внимательно вглядываются в меня, пронзая словно прожекторными лучами до самого затылка.

— Я... — Горло сдавливает спазм, становится трудно дышать, но слова всё же каким-то образом произносятся — Я заблудился, девочка... вроде был уже у вас в деревне, потом ушёл.... А вот видно снова вернулся.... Воды бы попить, а?

Медленно переведя взгляд мне за спину, незнакомка согласно наклоняет голову и протягивает руку. Узкая ладошка с обломанными ногтями, на которых сохранились облупившиеся фрагменты дешёвого розового лака. Вкладывая свою маленькую ладонь в мою огрубевшую от постоянного рытья земли руку, она тянет за собой:

— Идём.

— Там есть колодец?

— Идём со мной, солдат!

Говорят, что во сне мы не можем ничего чувствовать и тем более удивляться, но теперь я чувствовал страх и что самое странное, меня вдруг посетило чувство жгучего стыда. Жажда всё ещё туманила сознание, стены изб и невысокие заборчики плыли перед глазами, сливаясь в сплошное серое пятно. Но стыд перебил все чувства, заглушил остальные ощущения, я утопал и задыхался в его обжигающих эманациях. Вдруг, всё замерло и мы с девочкой очутились на краю ямы. Там рядами лежали люди, сотни

тысяч глаз смотрели со дна огромной братской могилы прямо на меня. Ров тянулся так далеко, насколько хватало глаз, оттуда вдруг резко пахнуло холодом. Лицо и руки стянуло поразительным по силе морозом, сравнимым по напору с предшествовавшей жарой. Я хотел было моргнуть, но веки словно примёрзли и не слушались. Кто-то будто хотел, чтобы я смотрел именно в зияющую пропасть бездонной ямы. Тела в ней лежали тесно, будто рыбы сбившиеся в плотный косяк и серо-чёрная масса их колыхалась, дыша как единый организм.

— Они ждут, солдат.

Голос девочки, такой тихий и

ласковый стал резким и металлически — неприятным. Он эхом отражался от стен рва и тела покойников начали шевелиться быстрее, чем раньше. Люди словно перешёптывались между собой и кивали друг другу, показывая на меня пальцами и культиями оторванных рук. Шёпот мертвых сливался в монотонное гудение, от которого раскалывалась голова. Страх и дурнота, а более всего жгучий стыд, заставляли меня вырвать руку и бежать от края могилы как можно дальше, зажав уши и зажмурив плотно глаза. Пришло ощущение, что целый мир смотрит прямо в душу. Обнажилась каждая мелочь моего

личного бытия, ничтожного в сравнении с обрушившейся на мой относительно комфортный мирок бедой — это сводило с ума. Не в силах высвободить руку из цепких пальцев странного ребёнка, я упал на колени возле края братской могилы и попытался кричать:

— Я давно уже не солдат, чего вы хотите от меня? Чего вам надо, я никому ничерта не должен, слышите?!.. Или не достаточно уже тех войн где я был?!.. Что я получил за свою войну, вы знаете?! Каждый второй из вас отворачивался когда я с простреленной ногой опираясь на костыль корчился от боли в транспорте, плевал в след с

проклятиями и бранью в очереди за бесплатными лекарствами. Я был так не удобен для всех вас, пока каждого не коснулась Безногая!

— Разве у меня нет носа, солдат?

Девочка уже не казалась такой маленькой, рука её, до этого горячая, вдруг стала обжигать, жар потёк по моим жилам вместо крови, мозг закипел, готовый взорваться... смерть в первый раз показалась мне. Не было холода, леденящего душу, как пишут в пошлых романах, детская фигура пылала белым пламенем, словно состояла из расплавленного серебра.

— Жарко... не вижу.... Мне

идти к ним, в могилу?

— Нет, там нет места, для таких как ты. Солдаты умирают не здесь, этот дом для других жильцов... Но ты задолжал им, солдат. Я пришла чтобы напомнить о твоих обязательствах, о долге.

— Должен — Внезапно источник жгучего стыда определился, защитить людей в могиле я не сумел. Они тут по моей вине — Ты права, действительно должен.

Как только я произнёс последнее слово, давшееся почему-то с невероятной лёгкостью, края могилы затворились и гудящий хор голосов стих. Звонящая тишина и

потоки свежего воздуха обрушились на меня, хватка Смерти ослабла и я рухнул на траву ничком.

— Вставай, солдат. Ты ещё жив и дел среди живых на твой век хватит. Вставай же!

Словно неведомая сила оторвала меня от земли и приподняв, швырнула к ногам Смерти, принявшей облик деревенской девочки из отравленного американцами села. Как это и бывает во сне, самого удара я не почувствовал, только на миг очертания предметов смазались и потеряли форму. В образовавшемся вакууме, потерялись все цвета, исчезли звуки, словно кто-то засунул

меня в огромный стеклянный бак и плотно закрутил крышку. Исчезли все ощущения. Горло сдавил жесточайший спазм, стало нечем дышать, откуда-то пришла мысль, что наверное это и есть трындец. Неожиданно, серая пелена расступилась, звуки и ощущения ворвались в сознание разом, вновь сбив с толку. Губ коснулся холодный мокрый край глиняной керамической кружки, скосив глаза вниз, я различил, что она бирюзово — синего цвета. Кружка была полна чистой, прозрачной воды, источавшей одуряющую свежесть и прохладу. Приникнув губами, забыв про пережитый ужас, жадно и долго

пью, пока посуду не отняли у меня, как сильно я не цеплялся пальцами за прохладные, скользкие бока. Девочка спрятала сосуд, словно бы исчезнувший между её перепачканных рыжей глиной ладошек, чуть заметно шевельнув пальцами с поломанными ногтями. Она торжественно улыбалась, в глазах ангела плескалось расплавленное серебро:

— Ты испил чашу Долга. Иди и отомсти за нас!

Голос Смерти замер на высокой, почти гремющей ноте и в нём слились тысячи и миллионы голосов. Уши заложило и я осознал, что сам кричу, но в общем рёве хора

мертвецов мой голос был совершенно не слышен. Все звуки слились в один мощный зов и что-то стеклянное, будто не выдержав нагрузки, лопнуло с громким дребезжащим звоном. Мощным толчком звуковой волны, меня словно выбило прочь из сновидения....

Жар так и не спал, обливаясь потом, я рывком сел, широко открыв глаза. Кругом была непроглядная темень, в углу ворочался на тюфяке Михась, из соседней каморки раздавался тихий переливистый храп Варенухи. Это был всего лишь кошмарный бредовый сон. Никогда не был силен разбирать всяких

аллюзии грёз и особо в мистику не верил. Видимо в данном случае, смешалось всё напряжение последних недель, отполированное ранением. В углу заворочался Мишка и спустя два коротких чиха, приятель подал голос:

— Здоров ты дрыхнуть, старшой.... Не стонал бы ещё во сне — вааще красота.

Хоть ворчал приятель с явным раздражением, чувствовалось, что Мишка рад моему пробуждению. Глянув на часы, я быстро вычислил, что провалялся в бреду почти сутки. Сухость и мерзкий привкус от лекарственной горечи во рту удалось перебить, на половину осушив

стоящий рядом котелок с холодным уже травяным отваром. Стало легче, даже жар отступил. Размотав повязку, с удовлетворением отметил, что рана не воспалилась, антибиотики помогли и скоро уже можно будет начать нагружать руку. Михась тем временем не унимался:

— Тоха, а вот скажи ты мне откровенно, почему запретил того придурка вальнуть? Он же пристрелил бы тебя, если бы не докторша.

— Скажи, покойники совершают ошибки после смерти?

Голос мой звучал хрипло, но уже не дрожал. Сейчас было трудно собраться с мыслями, в голове всё

ещё стояла муть навеянная лихорадкой. Однако отдохнул я уже и так порядочно. Нужно начинать приходить в норму, враг — то не отдыхает и нам не стоит расслабляться. В неровном свете коптилки, заметил, что приятель отрицательно мотает головой и продолжил:

— Везде важен личный пример, ты это знаешь и этот 'вождь желторотых' тоже прекрасно всё просёк. Убей ты его тогда на тропе и вот уже у нас готовый герой — мученик. А кто мы с тобой будем в этом случае? Правильно — злодеи и пособники оккупантов.

— Чушь — Мишка скептически

фыркнул — Да с какого перепугу мы пособники?! Это он пацанов своих под пули подставляет!

— А с такого, что он уже будет труп и взятки с него гладки. Покойники сраму неймут, всегда так было: ошибки забудут, а подвиги возвеличат. Ну и что, что подставил он их разок—другой. Зато вот от уголовника в моём лице уберёг! Ведь пытался возражать, шпалер отобрал, а мы его пулей, да в умный низенький лоб. Значит, он хороший, да ещё и мёртвый, а мы плохие, хоть и на своих двоих. А что получилось сейчас: он видимо пенял, что оружия мол нету и все беды проистекают от этого. Теперь 'железа' у пацанвы этой

в избытке появилось и оп ля: веди нас умный командир, согласно своим мудрым заветам на врага....

— Мы ж его им на блюдечке принесли — Возмущению приятеля не было конца и края — А этот придурок, выходит, в шоколаде?!

— Не совсем так, погоди кипятиться. Выглядит как шоколад, но таковым не является, знаешь что за субстанция?

Разговор вдруг стал ещё и неким размышлением вслух, обдумыванием стратегии на будущее. Отхлебнув ещё отвара, я откинулся на тюфяк и баюкая простреленную конечность, продолжил:

— Теперь мы убрали

объективную причину для оправданий его же ошибок. Оружие вдруг появилось, можно прикидывать, как пустить его в ход. И вот тут он ошибётся, это сто пудов так и будет.

— Ну а вдруг повезёт этому Герману и он снова на коне?

Азарт спора пришёл и к приятелю, тот всегда был заводной на предмет поспорить, хотя часто горячился и от того упускал инициативу.

— А я и не говорю, что он проиграет бой: мужик по виду если не бывалый, то точно грамотный в нашем деле. Ловушки квалифицировано расставил, жилище

правильно замаскировал. Но вот незадача, всё это слишком на показ и в расчёте только на собственное выживание. Сам смотри: заметят растяжку, разбираться не станут и пока суть да дело — вождь уйдёт. Организует побоище и сам точно спасётся, а зелень положит. И ведь скажет, мол, что жертвы неизбежны. И народ неопытный, каких среди туристов подавляющее большинство — обязательно поведётся.

— А это не так?

— Да так всё, Миша, так. Война идёт и люди гибнут, но тут нужно пацанам постепенно её показывать. Страх нужно учить в себе задавливать... стрелять, ходить и

жить как это живые люди делают. Для всего этого время требуется и сорок сороков размышлений, как самим не умереть, а пиндосам ни жить. Война, это та же горячая похлёбка: если пробовать осторожно — только на пользу,хватишь не остудив и сильно обожжёшься. Вот я вас как могу страхую, берегу, хоть вам на двоих почти сто лет в обед....

— Ага! А сам с простреленной шкурой валяешься.... Стратег, себя не уберёг.

— Всё верно — Помимо воли, машинально поглаживаю ноющую руку — Только вы теперь точно знаете, что я скорее собой рискну, но вас не подставляю, так?

— Ну... вроде так выходит.

— И если случись что со мной, ты бы рискнул ради меня? Не отвечай, брат, это лишнее. Ведь не прикажи я тогда и не подставься, ты бы всех этих молодых на тропе рядом уложил. И сам бы лёг, наш с Семёнычем отход прикрывая, будь это даже не юнцы с палками, а реальные злющие пиндосы с настоящими стволами.

Мишка отчаянно засопел и ничего не возразил, прикидывая поступки на себя. Испытание огнём они оба с водилой прошли и выдержали его с честью. Теперь я мог с уверенностью положиться на обоих, в этом и была задумка. Отпив

из котелка взболтав осадок, я продолжил:

— С оружием и дурным запалом, 'туристы' попытаются чего-нибудь замутить. Зная характер таких вот вождей, спланирует он что-то большое, чтобы прогреметь и закрепить свой авторитет ещё большей кровью. И это нам тоже на руку. Если бомбёжку они пересидят, то спрятались они именно в шахтах, как я им и подсказал....

— На живца будем ловить?

— Можно и так сказать.

В отблесках жёлтого пламени коптилки, я увидел азартно блеснувшие глаза приятеля. Идея ему видимо нравилась, я продолжил

рассуждать:

— В своё время, мне приходилось слышать, про одних ушлых 'грушников'.^[27] Они уходили в поиск, как духи. Жили в горах, оборудовали себе схроны и базы....

— Прямо как мы сейчас!..

— Ну, так я к этому и веду. Работали они так скрытно, что даже ихнее начальство не всегда знало, где они да чего мутят. Дошло даже до такого, что духи стали их принимать за каких-то украинских наёмников воюющих за дудаевцев. 'Грушники' иногда громили одну группировку духов, объединяясь для этого с другой такой же но поплоче. Ходили, пересекались с разведкой частей

федеральной группировки, но себя не обнаруживали и по возможности помогали. Там как было: идёт в поиск разведка наша и духи про неё уже почти всё знают: частоты слушают, маршруты выпасают. Сам может слышал, что сливали нас часто. Только по ящику всё на каких-то абстрактных 'генералов', да 'штабных' валят, но я думаю, всё гораздо выше сдавали. Будь это местное начальство — порешили бы их там же в штабной палатке. На той войне суд короткий был... генералы да офицерье штабное, нас сермягу реально боялись. Если чего и сливали, то не так глобально-мозгов не хватало. Часто планы операций

выглядели реально как подстава, мы никогда по калькам не ходили, иначе гнил бы в яме где — нить в горах по сей день.... Так вот спецы эти ушлые, всё раньше остальных хитро — мудрецов просекли и работали скрытно. И выходило, что всех палят, а этих вроде как и нет вовсе.

— А ну как свои подстрелят?

— Ну — Во рту пересохло, я снова глотнул отвару — Тут без риска никак, да и где они сейчас, эти 'свои'?.. Из потенциально своих, только эти самые 'туристы', в остальных смело можно стрелять и не ошибёшься — будешь прав. И потом, ты не задумывался, Миша, почему как только возникает какая—

нибудь мало-мальски серьёзная заваруха в России, как мы тут же начинаем сперва мочить друг друга. Вот и ты сейчас, разницы между пиндосами и обычной одураченной ушлым проходимцем детворой не увидел. Не след сейчас среди своих врагов и инакомыслящих искать. Вот погоним иностранщину, тогда и разбираться будем, кто из нас больше Родину любит и какой способ самый подходящий. Я вот ментов не люблю, ещё на Кавказе достали они меня понтами своими дешёвыми: сядут на дороге или возле села, натащат стройматериалов, обустроят 'базу' и ну жрать сгущёнку с водярой пополам. Да и чего б не барствовать,

когда везут с собой целые обозы со всякой всячиной. Их в дорогу все городские да областные барыги собирают, оно и понятно — сдриснут 'защитники' в командировку, может там и останутся. Подло, понятное дело, но как говорится, любая медаль имеет две стороны.

— Чего, они плохо воевали?

Мишка повернулся ко мне лицом и даже привстал. Про войну он слушать любил, собирал сборники афганских и потом уже 'чеченских' песен, ставил их когда я приходил к нему домой. Но после настоятельных просьб перестал: я не особый любитель ностальгировать, а тем более слушать неуклюжие завывания

непонятных людей под гитару и синтезатор. Афганские песни, ещё туда—сюда: там тебе и Розенбаум и неизвестные мне, но талантливые ребята, исполняют нечто действительно стоящее. А чеченские мотивы... перепевки тех же афганских песен, только с переставленными для актуальности словами. Некогда было песни писать, даже присесть и послушать не получалось: пожрать бы добыть, а гитара или приёмник, это всё для оседлых. Даже немного подраться приходилось с ментами, которые узнав, что я вроде как где—то поучаствовал, включали то в кабинете то в машине эти самые

песни. Ну не лежит у меня душа слушать про подвиги московского ОМОН, что тут поделаешь. Сейчас был ровно третий раз за все те годы, что мы знакомы с Михасём, когда ему удалось вытащить кусочек засевших больной занозой не слишком весёлых воспоминаний. Само собой, теперь мы уже вместе очутились там, где этой окопной романтики хоть жопой ешь, но человек так устроен, что самое интересное, это то, что так или иначе запрещено. Мысленно смирившись с неприятной для себя темой, нехотя отвечаю:

— Да причём здесь это твоё 'плохо' и 'хорошо'? Ты сам-то, много

по это думал давеча: убивал и хотел чтобы не убили тебя. А как это выглядит со стороны, да что подумает кто-то посторонний ведь уже не особо важно, так или нет?

— Ну, — Мишка заёрзал, сверяясь с ощущениями — Страшно было, потом ... а потом снова страшно. До сих пор иногда колотун потряхивает. Но ведь не любишь ты их за что-то, значит воевали....

— Миша — Меня взяло зло на тупое упорство с виду взрослого мужика — На той войне не было 'хорошо' или 'плохо'. Было только две ипостаси истины: ты жив и значит прав, или ты мёртв и значит кругом обосрался. Когда нас с пацанами

призвали, никто толком не понимал, зачем мы тут очутились. Сначала всё было бессмысленно и даже почти не страшно... тыкались так до первого артобстрела, когда духи севшие на нашу волну навели артиллерию на расположение бригады. Кто как, а я до отказа струсил, увидев горсть потрохов оставшихся от бойца с которым мы от самого Ростова ехали и неплохо общались. Но потом, пришёл в чувство и тупо разозлился. Вот только это и было: страх, злоба и ещё лютая ненависть к духам, генералам и офицерью. Не правда, что мол, все офицеры как один пеклись о солдатах, да берегли нас. Таких едва треть наберётся: чаще

сталкивался с равнодушием и шкурностью — каждый только сам за себя. Потом многие очухались, поняв, что вместе выжить будет проще. Из пяти офицеров которым так или иначе подчинялся мой взвод, только один действительно мотался с нами на боевые, остальные чаще косили, если была возможность. И я их не осуждаю — война настоящая так сказать 'без дураков', это всегда очень тяжёлая и грязная работа. На 'гражданке', даже говно из труб канализационных вычищать и то безопасней, хотя на войне туда мы тоже лазили и помимо риска задохнуться и потонуть, была реальная перспектива напороться на

мину или гранатную растяжку...
'ароматная', блин, смерть. Но были и
те, кому та заваруха в масть попала:
контрактники, менты... последним
краше всех было, в этом я твёрдо
убеждён. Милицейское
'красноармейство' устраивалось
всегда нормально: ходили в сёла на
зачистки, транспорт досматривали.
Нет, сидели они и в Городе, на
'контролях', [\[28\]](#) но толку от них было
чуть — то нас, то 'вованов' регулярно
дёргали на зачистку местности
опричь милицейских блокпостов. Но
опять же, каждый делал то, что
мог... или что прикажут. Так же как
и нас, духи ментов ненавидели,
ловили в засады, рвали фугасами,

похищали. Просто сугубо на мой взгляд им было легче, чем пацанам, только что от титьки оторванным. А то не успел оглядеться, как сразу в горы, в полной снаряге, нагруженный как ломовой конь всякой всячиной, да часто без жратвы и помощи. Тушёнка разогретая на загровке работающего БТР — а это уже пища богов, потому как горячая. У меня во взводе всё так и было — та самая банка 'тушняка', была мне от ребят подарком на 'днюху'. Пацаны те консервы две недели берегли и не было мне дороже подарка по сей день, Миша. Хоть и был я чуть старше остальных хлопцев по годам, но всегда держался на равных И всё

потому, что в бою все на одной доске так или иначе оказывались. Молодым редко кто реальный расклад объясняет, все только орут и требуют. Я этот порядок ещё с сержантов поломал, тесно мы держались, всё поровну хлебали. А тут представь, как выглядят менты со стороны этих замурзанных службой первогодков: взрослые, хорошо прикинутые по шмоткам и оружию мужики. Службу тянут не уставную, почти вольную и ходят по ровной земле, да ещё не ножками, а всё на броне. Никто их особо не напрягает и в случае чего из любого блудняка вызволит, стоит им громко позвать по рации. Опять же в хомячьем логове всякая

деликатесная, по тамошним меркам еда: консервированные фрукты, чай. Всегда есть нормально обустроенный сортир, даже горячая вода и электричество. Письма не раз в три месяца а каждую неделю, да ещё и телефон время от времени удаётся достать — домой звякнуть с роднёй поговорить. А они потом дома ещё ноют, мол новый 'броник' тяжёлый, да воды помыться вовремя не подвезли... тяжело — то как на войне. Спору нет, с непривычки и это тяжело, но это же смотря что с чем сравнивать. Вот и рассуди: война была для всех, но у каждого она разная. С таким гревом, да хорошим, считай офицерским снабжением и

снарягой, чего ж не воевать, да в новую командировку не заехать — милое дело, коли здоровье позволяет и делать ничего другого нет охоты. Я их заслуг не умаляю, но так сложилось по жизни, что уважаю только тех, кто как мы с салобонами из роты хлебнули солдатской каши полной ложкой, да через край, пока донышко не показалось. Знаешь, до точки последней в приказе на дембель.... А теперь давай спать уже, устал я....

Скоро приятель сам, без моих, теперь уже совершенно исторических экскурсов прочувствует эту разницу. Пока никто из нас серьёзно не ранен, в

отрыв от обложившего со всех сторон противника уходить не довелось, сидя по горло в грязи или снегу. Есть вода и кое-какая еда и одежда, но всё это временно. Поэтому — то нам очень нужно пополнение и свобода манёвра. Чего ещё я не сказал Мишке так это своих планов относительно 'туристов'. Сила и влияние в партизанском деле обратно пропорциональны в том числе и количеству бойцов в отряде. Возможности повлиять на оперативную ситуацию в районе у нас были не особо велики. Рано или поздно придётся столкнуться с нехваткой личного состава. Поэтому я рассчитывал, что самые

трезвомыслящие из паствы Шермана захотят присоединиться к тем, кто воюет, но ещё и не собирается тут же героически сдохнуть. Пока у нас всё нормально, однако всё преходяще под солнцем. Даже сейчас мы сидели, полагаясь только лишь на маскировку, а это грубая ошибка и так долго продолжаться не может. Показавшись 'туристам' и засветив свои возможности как некоей скрытно действующей и крайне эффективной группы диверсантов, я рассчитывал на то, что поползут слухи. Шерман — Герман, обязательно допустит потери, а наших трупов никто не видел. Вождь открыто симпатизирует врагу,

восхваляет его, а мы бьёмся и побеждаем, хотя вид имеем не шибко бравый. Поэтому одна—две грамотно проведённые акции и дозированная информация ушедшая в отряд 'туристов' и власть Шермана пошатнётся. С этими мыслями я снова погрузился в сон, на этот раз без сновидений.

... На следующий день, мы все втроём после скудного завтрака сидели над картой и решали что делать дальше. Михась и Семёныч выходили на доразведку местности два раза, за то время, что я валялся с жаром. Они удалялись от бункера каждый раз на сто — сто пятьдесят километров соответственно. Обоим

попадались воронки от мин, Мишка даже видел патруль на джипе, шедший по бездорожью и застрявший на переправе через речку, северо-восточнее бункера. Как рассказал приятель, амеров выручил вертолёт, подцепивший 'хамви' тросами и с ним же улетевший на запад, в район пригородов Кемерово. Это навело меня на идею, выдвинуться в том направлении и посмотреть, какими силами амеры обеспечивают аэродром и какого рода объекты они там разместили. Отметая возражения артельщиков, я стал собираться в первый свой выход после ранения, попутно распределив нехитрые обязанности. Мишка

отправится искать место, куда ушли 'туристы' и будет сообщать Семёнычу всё, что увидит. А я попробую отыскать новую цель, подходящую для акции возмездия 'номер второй'. Сборы не отняли много времени и к вечеру того же дня, я вышел на воздух. В лесу уже было прохладно, вторая половина августа выдалась не слишком тёплой. Злющая мошка, которая пророй гораздо хуже комаров, рассерженно гудела, но держалась в стороне, отпугиваемая запахом репеллента. В теле ещё жила лёгкая слабость. Но энергетические батончики и какие-то белые и кислые витамины найденные в трофейной аптечке, скрадывали

болезненные ощущения. Не случись тогда взять эту сумку и не изучай я английский язык — до сих пор валялся бы с температурой, а может быть даже лишился руки, или помер от такой неприятной штуки как газовая гангрена. Швы ещё держались но случись чего, я смогу снять их самостоятельно, тем более, что рана почти затянулась, превращаясь в лиловато — багровый рубец, проступающий сквозь взявшиеся коркой струпья. К тому же воевать в этот раз я категорически себе запретил, всё должно получиться тихо и после осмотра вражеских объектов следовало уйти безо всякого шума.

До трёх часов ночи, я шёл перескакивая с одной звериной стёжки на другую, пока не наткнулся на непроходимый участок бурелома. Поваленные сухие деревья и колючие заросли шиповника стеной тянулись по крайней мере километров на десять с востока на северо-запад, преграждая мне путь к реке. Не решившись бродить по кустам в такой темноте, я расстелил синтетический коврик и устроил привал. Это — то меня и спасло в конечном итоге, потому что спустя час с небольшим, меня разбудил знакомый зловещий свист, а спустя секунду, противоположный берег реки накрыла волна разрывов.

Видимо в темноте, я пропустил ориентир и свернул западнее переправы. Обстрел продолжался минут пять, потом всё стихло. Какое-то время я лежал неподвижно, вслушиваясь в звуки потревоженной тайги. Несколько раз мне слышалось что-то похожее на человеческие стоны, но это длилось не долго и я решил, что ошибся. Остаток ночи прошёл без происшествий и как только стало светать, я направился вдоль зарослей на восток, чтобы выйти к переправе. Спустя час, удалось зацепиться за небольшую высотку к югу от реки, на противоположном берегу и сориентировавшись по карте, выйти

к переправе. От места обстрела и ночёвки меня отделяло километров двадцать по прямой. После того как прыгая по камням удалось переправиться через узкий участок довольно бурной речки, я пошёл вдоль берега в обратную сторону, чтобы узнать почему пиндосы перемешали с землёй пустой участок тайги.

Обстрел мог означать что угодно, однако следовало осмотреть накрытый артухой квадрат. Пройдя вдоль берега и прячась в зарослях камыша, я прошёл километров с десяток, когда увидел то, что одновременно порадовало и огорчило. Я нашёл застрявший в

ветвях молоденькой пихты кусок ткани, оказавшийся куском нашего. Российского разгрузочного жилета. Ткань вся пропиталась кровью, в одном из двух уцелевших подсумков я нашёл початую завёрнутую в полиэтилен пачку галет и два десятка отечественных же пистолетных патронов. Галеты и патроны не раздумывая присвоил, стараясь теперь идти осторожней, чтобы ничего не пропустить. Спустя ещё час, нашёл оторванную ступню в нашем же обычном 'берце' и кисть левой мужской руки. Находки после осмотра я трогать не стал, пусть лежат как лежат. Повезло мне ещё раз уже когда окончательно рассвело:

в трёхстах метрах от эпицентра точки обстрела, я нашёл почти целый труп. Видимо его отбросило взрывной волной, попутно оторвав обе ноги и боец истёк кровью, скончавшись не приходя в сознание. Тело бросило на ствол сосны, где оно запуталось в нижних редких ветвях, иначе я бы прошёл мимо. Судя по экипировке, это был кто-то из наших, имеется ввиду российских: камуфляж-'цифра', добротный разгрузочный жилет, шапка — маска, тоже пиксельного рисунка. На правом рукаве обнаружилась повязка, скрывавшая под собой знакомую эмблему — кулак, стиснувший за цевьё старый добрый АКСУ, на фоне красной

пятиконечной звезды.^[29] Боец не захотел спороть эмблему, замотав её повязкой, это многое объясняло. В подсумках обнаружилось три пустых 'рога', зажигалка и пара магазинов к пистолету, но самого оружия не нашлось ни возле тела, ни в десятке метров вокруг. Походив между воронок ещё примерно час, я нашёл ещё два пустых подсумка, шесть пальцев и две руки. Стволы либо отбросило очень далеко, но скорее всего оружие подобрали амеры, следов от их ботинок вокруг хватало на человек на пять—шесть. Из всего увиденного складывалась следующая картина: группа от двух до пяти человек, была обнаружена

амеровской разведкой или патрулём
какого-то объекта. Разведчиков
преследовали и в итоге загнали под
миномётный удар. Самой
оптимистичной была мысль, что
кто-то их отправил и этот кто-то
может оказаться совсем рядом. Но с
тем же успехом это могли быть такие
же окруженцы как и мы. Экипировка
говорила, что менты действительно
находились в поиске, от недели до
десяти дней, что происхождения
группы ничуть не проясняло. Одежда
единственного более-менее целого
трупа, ещё не успела толком
провонять костром и потом.
Воодушевившись таким образом, я
ещё раз обойдя место обстрела,

нашёл довольно чёткий след, ведущий на северо-восток. Там, если верить трофейной карте, вообще ничего не было: по неизвестным мне причинам, этот район амеров не интересовал. Наёмников тоже здесь быть не должно, однако вот яркое подтверждение обратного. Раз такую маленькую группу быстро засекли, а потом загнали, тут на лицо признаки режимной зоны. Это выглядело не очень хорошо, настроение моё портилось по мере того, как я шёл по следу. Разведчики бежали сломя голову, их преследователи держались на расстоянии. Но по отметинам на земле и древесных стволах, было ясно, что с воздуха ментов

контролировал либо вертолёт, либо беспилотник, а может и целый АС—130. [\[30\]](#) При воспоминании о том, что представляет из себя эта летающая корова, мне стало дурно: попадись я ей на зубок, спрятаться будет уже негде. Но спустя минут пять хождения по следам ментовской разведгруппы, я определил, что их гоняла обычная 'вертушка', с одним единственным пулемётом и парой блоков неуправляемых ракет под брюхом. Но когда ты на земле, а противник висит над головой, тоже приятного мало.

Ближе к часу дня, наткнулся на самый неприятный сюрприз. В небольшом овраге, за поваленной и

поросшей мхом лесиной, обнаружился ещё один труп. На краю оврага, уставив почерневшее лицо в небо и широко раскинув руки, лежал солдат. Вокруг тела валялись расстрелянные пулемётные ленты и гильзы пистолетных патронов, но оружия опять не нашлось. Следы говорили о том, что парень держался час—полтора, после чего позицию накрыло одной из ракет выпущенных 'вертушкой'. Остальные разрывы веерного залпа снесли несколько деревьев рядом, расщепили поваленный ствол колоды, за которой укрывался разведчик. Обыск трупа ничего не дал: те, кто побывал тут до меня чисто обобрали бойца, срезав

даже несколько пуговиц. Но самым мерзким было отсутствие ушей — их кто-то весьма профессионально отделил от головы острым, зазубренным лезвием. Вглядевшись в почерневшее и начавшее опухать лицо, стараюсь запомнить, на случай если придётся столкнуться с людьми отправившими этого бойца в поиск. После случившегося, мысли приходили в голову одна парадоксальнее другой. Но радости от предполагаемой встречи то ли с регулярными войсками, то ли диверсантами, находка не добавляла. В лучшем случае, попытаются припрять к своим делам, что в мои планы уже не входило. Доверять

людям, которые просрали вторжение, это будет верх глупости с моей стороны. Теперь всё будет только так, как задумаю сам. Генералы и всяческие прочие посконные стратеги идут лесом, наши дорожки отныне идут хоть и к одной цели, но параллельно.

Пройдя по следам преследователей ещё километров пять, я свернул поиск и пошёл строго на северо-запад как намечал до происшествия. Идти в сторону охраняемой территории, да ещё в тот самый момент, когда поиски диверсантов только-только завершились, было рискованно. Что бы там не нарыли менты в своём

поиске, сейчас меня беспокоил только аэродром. Тут открывалась реальная перспектива для диверсий, плюс такой объект под боком будет помехой для проведения крупных акций в дальнейшем. Уже к вечеру вторых суток пути, я вышел к окраине лесного массива. По карте получалось, что сейчас я был на юго-западной окраине бывшего дачного кооператива 'Восход'. Само собой, никаких построек уже не было и в помине: землю покрывала чёрная тонкая стеклянная корка. Почва спеклась от высокотемпературного ожога, что бы не использовали оккупанты для зачистки, штука была страшная. Вспомнился рассказ

знакомомого о применении вакуумных бомб в афганских горах, когда в пыль стирались целые скальные массивы. Может быть он и преувеличил, глаза у парня становились совершенно пустыми, стоило только зацепить болезную тему. Выжженная земля простиралась всюду, насколько хватало глаз. Извиваясь ужом, я пролез сквозь лабиринты бурелома и груд строительного мусора. Видимо никого более не опасаясь, амеры сгребли бульдозерами остатки строений к окраинам леса. Взобравшись на солидный кирпичной стены, вставший дыбом относительно земли под углом тридцать градусов. Я зарылся в

обломки мебели, черепицы и почерневшие ветки плодовых деревьев принялся наблюдать за развернувшейся панорамой базы. Строительство всё ещё продолжалось, но за те две недели, что амеры были тут, их строители успели отлично поработать. Видимо тут намечалось построить большую военную базу, что не согласовывалось со сведениями полученными мной раньше. Но это не настораживало. А скорее вселяло оптимизм: значит не всё так гладко и приходится менять первоначальный план вторжения. По всему выходит, что иностранцы обломились с 'блицкригом' и на этот раз.

База включала в себя два ряда взлётно—посадочных полос: две большие для бомбардировщиков и транспортных бортов и ещё пара более коротких, судя по всему для чего—то более мелкого. С севера на юго—восток тянулись три параллельных линии ангаров, а на юге разделённые ещё одной строчкой сети подъездных путей разместились два бетонных овала, где сгрудилось по десять—пятнадцать машин. Среди них я обнаружил шесть огромных бомберов, похожих на гигантских летучих мышей. Только два самолёта были открыты, остальные скрывали брезентовые полотнища, но силуэты всё же угадывались точно.[\[31\]](#) Ещё я

отметил плоскую крышу длинного склада РАВ^[32] притулившегося отдельной секцией, в шести сотнях метров от взлётно—посадочных полос и судя по всему имевшего заглублённые хранилища боеприпасов. Ещё дальше, сразу за вторым овалом технического отстойника, разместилось наливное топливохранилище, возле которого сновали туда—сюда заправщики и легковые машины. Недалеко от контрольно—диспетчерской башни, где обычно сидит дежурная смена из пяти — семи человек, разместился двухэтажный узел связи с большой спутниковой антенной на плоской крыше. Все здания были выполнены

из типовых сборно—щитовых металлоконструкций, которые возводятся буквально за пару дней. Там и сям сновала строительная техника, работы по обустройству всё ещё продолжались. Всё говорило о том, что аэродром развернули в срочном порядке и раньше тут вообще не планировалось что—либо размещать. Прикрытие объекта осуществляло до батальона охраны, периметр оцеплен двойным кольцом лёгких сетчатых заграждений и более солидных бетонных блоков укреплённых с внутренней стороны, поэтому к стоящим на приколе самолётам никакой наземный транспорт извне прорваться бы не

сумел. На небольшом расстоянии от стен, раскиданы железобетонные надолбы расположенные так, что даже танк попадал под огонь укрытых за колпаками из того же материала противотанкистам. Я насчитал шесть минированных направлений, более десятка огневых наземных точек. Более того, с воздуха аэродром прикрывала эшелонированная система ПВО, где было десять малых зенитных автоматов четыре лёгких ЗРК, плюс три ЗРК средней дальности. Ещё две независимых станции РЛС и дежурное звено перехватчиков. Всё построено по уму и штурмом такое сооружение с ходу не взять. Дозорно

— наблюдательных вышек амеры не ставили, вместо них я заметил сеть тонких шпилей с небольшими круглыми башенками. Это очень нехорошо: аэродром охраняла электронная система в которую входили акустические, обычное видеонаблюдение и тепло — визионные датчики. Часовые при таком раскладе не нужны, сидит пара-тройка операторов где-то, и наблюдает за периметром посменно. И если человек чего пропустит, то компьютер ему подскажет на что обратить внимание, да куда следует выслать патруль для проверки. Скорее всего, так и засекли ментовскую разведгруппу, а те не

обратили внимание на башенки или заметили их слишком поздно....

Что-то заставило меня втянуть голову в плечи и плотней зарыться в щебень. Вовремя: со стороны базы в моём направлении уже пылил 'хаммер' с пулемётом на крыше. Заметили гады, да как быстро — то.

— Тада — таахх! Тадахх!

Стрелок не стал особо разбираться и открыл огонь с предельной дистанции осыпая пулями пространство в двух десятках метров правее моей позиции. Затем повисла короткая пауза, во время которой командир патруля щупал оптикой сектор. Паники не было, ведь дёрнись я сейчас и попытка

сменить позицию будет стоить жизни. Отработать поправку в десять градусов для стрелка такой молотилки как крупнокалиберный пулемёт, это плёвое дело. А вот если буду лежать тихо, может быть низкая кучность 'станкача' будет мне на руку....

— Тад — да — дахх!

Тяжёлые пули веером прошлись всё там же, словно и не замечая вжавшегося в битый кирпич и крошево штукатурки человека. Через мгновение в том месте, куда палил иностранец земля вздыбилась, в воздухе зазвенел пронзительный крик. Рискуя быть обнаруженным, я повернул голову вправо и сердце

сжалось от бессилия и тоски. В развалинах прятался ребёнок, его и засекли наблюдатели с базы. Продолжая дико орать, бесформенный комочек чёрных лохмотьев покатился с полутораметровой высоты мусорной кучи, прямо навстречу охотникам.

— Тад — дах!

Пулемётчик взял правее и чуть ниже, фонтаны земли стали стеной у самых ног ребёнка, хотя с тем же успехом это могла быть и женщина. Тучи пыли и неясные очертания балахона в которые был укутан человек, едва ли не полутора метрового роста — не давала определённости в этом вопросе.

Крик смолк, уступив место тоскливому подвыванию, комок лохмотьев продолжал шустро бежать, вроде даже не обращая внимания на выстрелы. Лавируя в руинах, человек юркнул в какую-то щель в тот самый миг, когда пулемётчик взяв более верный прицел и его оружие выплюнуло новую порцию свинца. Тяжёлые пули дробили кирпич, камень и цемент, подняв ещё большее облако пыли пополам с осколками. Вой стих, ничто более не шевелилось в грудах щебня. Дав ещё пару очередей по мусорным кучам, 'хаммер' лихо развернулся и помчался назад к базе, стремительно набирая скорость. Я тоже полежал

неподвижно ещё какое-то время, пока сердце перестало биться о кадык и унялась нервная дрожь в пальцах. Потом медленно, насколько это вообще было возможно, я отполз назад к опушке леса, где ждал ещё полчаса. Нормальным шагом удалось пойти только спустя час, когда меня уже скрывал вечный лесной полумрак. Обойдя место стычки аборигена с патрулём. Я некоторое время наблюдал за кучами щебня с толстой ветки ели, куда не без труда удалось взобраться. Но всё напрасно: таинственный житель помойки затих надолго, уподобившись грызунам. В то, что амерам удалось убить юркое создание мне определённо верить не

хотелось. Зарисовав план аэродрома и ещё раз сверив ориентиры, я спустился вниз. Пора направился в обратный путь, тут пока больше делать было нечего.

...Переправившись через речку ниже того места, где переходил по камням почти сутки назад уже в сумерках. Заночевал в корнях вывороченной бурей сосны, под прибрежной вымоиной, находившейся метрах в двадцати от воды и десять метров выше уровня реки. Русло давно поменяло направление, сместившись восточнее. Деревья вырывало из рыхлой песчаной почвы довольно легко, хотя ураган видимо случился

не слабый. Случилось это довольно давно и сосновая коряга растопыривши щупальца корней в причудливом беспорядке, успела обзавестись лохмотьями зарослей сорной травы перемежавшихся раскидистыми листьями папоротника. Осторожно раздвинув стебли, я нырнул под корягу почти не потревожив растения. Получилось довольно неплохо: корневища укрывали от возможного дождя, а заросли трав — от наблюдателей вздумавших бродить поблизости. Ужин в походе штука хоть и нужная, но часто приходится обходиться без оного. Помянув добрым словом покойного разведчика, я вынул

галеты и отламывая маленькие кусочки принялся медленно и тщательно пережёвывать пищу. Становилось довольно прохладно и в качестве профилактики, пришлось сделать один глоток из заветной коньячной фляжки. Согревшись таким способом, с удовлетворением обнаружил, что рана больше не ноет, а по всему телу разливается хорошая, походная усталость. Смежив веки и вынув из кобуры пистолет. Я сначала задремал, а потом и вовсе заснул чёрным самым крепким сном.

Пробуждение пришло неожиданно: я сначала почувствовал чьё-то присутствие, а потом унюхал смрад немытого человеческого тела.

Обладатель запаха ходил совсем рядом с моим укрытием, но не обнаружил его, хотя по характеру шагов было ясно, что просто так душистый следопыт не уйдёт. Осторожно раздвинув стволом пистолета кусты закрывающие вход в нору, я всматриваюсь в серую предрассветную синеву. По часам выходило, что на сон пришлось четыре часа, это примерно то количество времени, которое я обычно на сон и трачу. Однако это в обычной, теперь уже закончившейся мирной благополучности. Сейчас, положив руку на кобуру с пистолем, могу со всей убеждённостью признаться, что за последние десять

дней. Приоритеты изменились и спроси кто—нибудь из знакомых, чего мол, хочешь Варламов более всего на свете, без колебаний отвечу: горячую ванну и суток торе коматозного сна в чистой постели. Но... выспимся на том свете, это теперь поговорка про меня без всяких метафор. Тем временем 'ароматный' гость, крутился в трёх метрах вверху от норы и что—то бормотал себе под нос. Голос был скрипучий и невнятный, но через какое—то время, стали понятны отдельные слова, прохожий говорил по—русски:

— Вкусный хлеб... вкус — сный!.. Лёвушка потерял... потерял солдата. Пум — бурум — бум бум!

Хлеб....

Вот голос и шорох кустов приблизился к обрыву и я увидел смутное отражение в текущей воде. Определённо это был мужчина, но невысокого роста или слишком сгорбленный. Сумерки и рябь на воде мешали точно разглядеть подробно, однако голос не мог принадлежать женщине или ребёнку, уж слишком низкий и характерно хрипящий. Потоптавшись на краю обрыва некоторое время, Лёвушка, как это чудо в лохмотьях себя прозывало отступил под своды леса и вскоре я перестал ощущать его запах и слышать характерную дробную поступь. Выждав для верности ещё

минут сорок, я выбрался из норы и под прикрытием берега вышел в сотне метров восточнее, чтобы исключить пересечение с аборигеном. Всё это время не оставляла мысль, что может быть это последний оставшийся в живых человек говорящий по-русски, на сотню километров вокруг. Перед глазами стояли горы щебня, небрежно сдвинутые к границам леса — дома отодвинули за ненадобностью как и их жителей. Весь день я шёл обратно, к базе, пару раз крепко заплутал, но к вечеру уже оказался в знакомых местах, найдя собственноручно оставленные метки. Насторожил запах, где-то

ходил человек с оружием и останавливался на ночлег и разжигал костёр. Нет, тот кто палил костерок был осторожен: запах был лёгкий, но свежий. Идя только на дымный запах, мне удалось ближе к шести часам вечера найти довольно чёткий след. Подсвечивая себе фонариком, у которого есть хитрая бленда делающая луч узким, я определил, что привал устраивали южнее, а это лёжка часового. Сидел он верно, но выбрал неудачное место, срубив ненароком нежные стебли саранки. Растение это хрупкое и чуть тронь его — начинает вянуть. Обувь часового оказалась новой, сорокового или чуть меньшего размера, рост

примерно метр шестьдесят пять — семьдесят сантиметров. Человек нервничал: в нескольких местах с древесного ствола был содран мох, часовой прислонял к нему оружие. Пока ещё было не слишком темно, я вышел на небольшую полянку, где и был устроен привал. Кроме часового, тут было ещё трое, все с оружием и двое из них курящие. Запах в лесу, помогает найти человека не хуже острого зрения, слишком уж сильно мы двуногие пахнем и очень слабо чувствуем сами. Нет, те, кто сидел возле этого костерка ещё сегодня рано утром, вроде всё сделали по учебнику: вырыли ямку, веток не рубили и собирали валежник. Но вот

В книжках почему-то не пишут, какой глубины костровую яму нужно рыть. Эти начитанные граждане сняли дёрн и на этом успокоились, потом слегонца присыпали угли землёй нахлобучив дерновую подушку, обильно полив её водой. Мокрые угольки пахнут по-особому: выпариваются от жара из воды какие-то соли, вот они — то и воняют вступая в реакцию с углем. Поэтому зверьё в лесу этот запах чует и по нему вычисляет, где есть люди. После этого какая уж тут охота, само собой побегаешь по лесу и уйдёшь без добычи. Поэтому рыть ямку нужно глубже, так и от ветра костерок спасёте и дым будет

стелиться по земле. Да и готовить на таком костре удобней — он жар сохраняет. А уж когда уходить пора, то мочить угли не надо, лучше землёй засыпать и только потом дерновищем прикрыть. А от земли ни запаха ни беспокойства, но этого эрудиты не знали. Потому теперь и без воды, да и я их отыщу по следу, раз на стоянку так легко вышел. Пока не стемнело окончательно, удалось пройти по следу непонятных людей километров двадцать и мы уже оказывались в опасной близости от берлоги. Но след свернул на восток, когда до базы оставалось километров сорок по прямой. Встреча в лесу непонятной группы людей особо

меня не тревожила, судя по маршруту и манере поведения, скорее всего это наши старые знакомые — 'туристы' или кто-то очень на них похожий. Амеры вели бы себя иначе: слишком осторожно, если бы я встретил настоящих разведчиков в поиске, либо слишком самоуверенно, попадись мне армейский патруль или каким-то образом забредшие в чащу тыловики. Однако всё, что я видел до сих пор, это та нарочитая книжная премудрость, совершенно нелепо выглядевшая на практике. Поэтому оставив след на время которое я планировал потратить с большей пользой и вздремнуть. В любом случае Михась уже должен был

вычислить новую базу 'туристов', поэтому я продолжал преследование чисто для подстраховки. Если повезёт, можно будет подойти и послушать, о чём говорят.

Следующие шесть часов я провёл на высоте десяти метров, привязавшись к стволу старой лиственницы, укрывшись в нижних ветвях густой кроны дерева. Ночевать на земле было уже не так безопасно, как сутки назад: велика вероятность встречи с настоящим американским патрулём, их появление поблизости от базы я уже не исключал. На этот раз сон вышел без особых тревог и к четырём часам утра следующего дня, я вновь шёл по следу поисковой

группы 'туристов'. Дилетанты неумело путали следы, закладывая слишком большие петли, хотя направление их истинного маршрута вычислялось невооружённым взглядом. Поэтому интуитивно находя наиболее вероятный путь продвижения группы. Уже к полудню, когда стало если не совершенно светло, то по крайней мере не так сумрачно, мне удалось нагнать тыловой дозор 'туристов' в лице уже знакомого мне долговязого парня в прямоугольных очках. Парень ничего не просёк, хотя я на него чуть было не напоролся: услышав мелодичное журчание родника, я забыв про всё уже ринулся вниз, где в

ложбинке под грудой валунов
блестело озерцо ключевой воды.
Сделав три больших шага вниз, я в
последний момент ухватился за
ветку кустарника и опустился к
земле. Добротный камуфляж пацана,
вот что чуть не стоило мне жизни.
Правда, вышло довольно удачно:
положив короткий американский
автомат на землю справа от себя и
сдвинув очки на лоб, парнишка
жадно приник к ямке где скопилась
вода и почни погрузил в неё всё
лицо. Блеснувшие в редком столбике
солнечного света линзы очков, вот
как я заметил 'туриста' томимого
жаждой. Затаив дыхание, я приник к
земле, почти скрывшись за ветвями

кустарника. Парень ничего не подозревая. Вытер пятернёй чумазое лицо и набрав в пластиковую походную фляжку воды, подхватив автомат чуть ли не бегом ринулся прочь треща кустами. Хотя я видел, как сильно он старается не шуметь, получалось у парнишки не слишком хорошо — что ни говори, а в таких делах как правильное передвижение по лесу, самое главное это практика. Пацан старался, но как и все жители 'каменных мешков' где главная почва это ровный асфальт, почти стелил стопу низко над землёй, трамбуя траву словно утюгом. Весь путь ихней поисковой партии напоминал чётко видимую на снегу лыжню,

если мы говорим об образах. Поэтому — то мне и не пришлось слишком напрягаться, пока мы дружной толпой шли всё дальше и дальше на северо-восток. Сверившись с картой, я с удовлетворением отметил, что куда бы ни направлялись горе — разведчики до нашей нынешней встречи, теперь их путь лежал к старым, ещё времён царя Гороха соляным копиям. На карте они были обозначены, но это не беда: снова захватчики, сколь бы не многочисленно было их войско, терялись на просторах России. Место очень глухое и судя по тому, что 'туристам' всё же удалось найти

там убежище — амеры пока что их там не ищут. Но вот как долго последователи Шермана сумеют сохранить маскировку и не спалиться, это вопрос на засыпку. Чем дальше мы уходили от рокового сорокакилометрового рубежа, отделившего поисковиков Шермана от базы моего маленького отряда, тем спокойней становилось на душе. К вечеру двадцатого августа, 'туристы' свернули на заброшенную дорогу ведущую строго на восток и сомнений по поводу выбранного ими места для постоянного базирования не осталось. Соляные копи забросили в середине восемнадцатого года прошлого века,

а после великой Отечественной соль тут уже никто добывать не хотел — не рентабельно было. Основные разработки переместились в район Усолья — Сибирского, а эти выработки и небольшой посёлок вместе с ними оказались заброшенными. Само собой, что наземные постройки обветшали и пришли в негодность. А штольни частью обвалились, либо были затоплены грунтовыми водами. Однако, по опыту знаю, что там есть довольно большие участки лежащих близко к поверхности штолен, где сохранилась допотопная вентиляция, а значит есть вполне пригодное для жилья пространство. Хорошие

предчувствия пересиливавшие
неприятное поскрёбывание кошки
сомнений на душе, мгновенно
испарились, как только 'туристы'
миновали второй поворот тропы
ведущей к копиям. Слева от заросшей
папоротником и лопухами дороги
метрах в пятнадцати у 'туристов'
оказалась дозорная вышка. Вернее,
это были две сосны, сросшиеся
между собой весьма причудливым
образом: на высоте шести с
половиной метров, деревья
раздваивались, образуя в кронах
нечто вроде небольшой площадки.
Вот там—то из старых досок и
срезанных чуть ниже с тех же сосен
веток, обустроили наблюдательный

пост. С виду вроде всё путём: заложились густыми ветвями и сами сидели очень тихо. Но вот тёмное пятно этого вороньего гнезда резало взгляд привычного к лесу человека, сразу заставляя обращать на дерево внимание. Амеры не дураки и среди них наверняка есть настоящие следопыты. И как только мы начнём по-настоящему шалить у них в тылу, этих спецов непременно пришлют по наши души. Добро если бы такое воронье гнездо устроили временно, тогда в затее не было ничего страшного — посидели и ушли. Но вот коли обосновываться надолго, такое строительство, равнозначное вывеске где сообщается как скоро и

где именно сидят партизаны.

Мне часто приходилось обуустраивать вышки для охоты в заказниках, поэтому с точки зрения прикормленных диких свиней или потерявших страх оленей, всё было нормально. Но вот пару раз, я со старыми промысловиками — бурятами ходил на рысь. Дикая кошка слишком расшалилась, были случаи нападения на грибников со смертельным исходом. Рысь — хитрый и очень осторожный хищник, прекрасно видящий в темноте и когда надо не знающий усталости и отчаянный до безумия. Один кот, весом под пятьдесят кило, как-то заборол совершенно взрослого и не

больного сохатого. Кто хоть раз видел взрослого лося, поймёт о чём я говорю: такую махину в пору из пушки бить, а не кидаться с когтями и зубами на развесистые рога и острые словно копья копыта. Рысь не питается падалью, но всё же выбирает дичь более мелкую даже ворон ест, коли нужно. Но есть у этого зверя непонятная повадка: он никогда не прощает обиды, кто не угодил лесной кошке тогда, я не узнал. Штука был а в следующем, нам необходимо было поймать кошку до наступления следующего полнолуния, тогда уже была поздняя осень и темнело очень рано, а в тайге особенно. Пробовали стеречь у

водопоя, ставили капканы, но хитрый зверь словно чуял подвох и всякий раз уходил. Тогда наш старший и самый опытный охотник — Илья Кузнецов, предложил сторожить возле живой приманки, устроив метрах в ста — ста пятидесяти наблюдательную вышку. Сложность при охоте на рысь только одна: лесная кошка любит только живую добычу, мелочь вроде мышей и ворон её интересует только когда совсем жрать нечего, к примеру зимой. Поэтому купили в деревне козу и привязали к дереву на длинной верёвке, повесив ей на шею колокольчик, а сами сели по кругу метров за двести оттуда. Хищник

долго ходил вокруг, чуя подставу, но не понимая откуда исходит угроза — сильно нервничал, оголодал видимо. В конце концов, поорав некоторое время, кот вышел к приманке и прыгая с дерева на дерево упал на козу метров с пяти. Илья Андреич, взобравшийся на сосну ещё с вечера, сделал только один выстрел уложив матёрого кота во время броска, пробив сердце. Кузнецов был из потомственных промысловиков, многие говорили, что Илья Андреич вроде как шаманит на добычу, от того ему прёт удача. Сам он только хитро щурился, но когда пришла пора расставаться, открыл пару промысловых секретов и рассказал

одну изустную бурятскую присказку, приманивающую дичь. Скажу прямо: помогает и коли бы не сложившиеся обстоятельства, лет через пять я уже промышлял бы зверя и жил спокойно... однако возвращаясь к рыси скажу, что вышку Кузнецов строил так, чтобы второй раз на этом месте глаз даже не задержался. Для этого никаких досок, никакого мусора на дерево не носим. Просто нужно подобрать такую лесину, где крона изначально имеет природный изгиб или неправильно растущие ветки, чтобы человек мог прильнуть к стволу и если надо просидеть там суток двое. Даже ремни он брал старые из сыромятной кожи,

которыми привязался к стволу искривлённой сосны и словно бы пропал. Различие между нашей тогдашней вышкой и той, что соорудили 'туристы', было именно в том, что они приспособливали дерево под себя, а меня учили самому приноровиться к дереву. Если природу не принуждать, она поможет и укроет, 'туристы' об этом забыли потому их гнездовище было заметно почти с полукилометровой дистанции....

... За рассуждениями мы с поисковиками 'туристов' миновали ещё два наземных секрета и вошли на территорию шахтоуправления, где всё пребывало в запустении вот уже

почти лет сто. Длинное, одноэтажное здание конторы в десять окон, с провалившейся крышей и выбитыми непогодой стёклами, туристы обживать не стали. Как не позарились и на ещё пару более сохранившихся бревенчатых изб, одна из которых, несомненно была когда-то жилым бараком, а другая ставилась с расчётом на руководящий состав прииска. Мои невольные провожатые миновали развалины домов и по заросшей, но ещё хорошо видимой рельсовой колее, направились к невысокому холму, в основании которого по-видимому и был вход в шахту. Не дойдя до широкого провала в склоне холма

двадцати шагов, люди остановились, из кустов им навстречу вышла уже знакомая мне девушка — хирург и лидер 'туристов' — Шерман собственной персоной. Девушка совершенно не изменилась, только теперь к её обычному костюму добавилось несколько деталей. Если в первую нашу встречу, это были камуфляжная куртка и мешковатые штаны с клапанами у лодыжек, да пара хитрых кроссовок, предназначенных специально для леса и всяких туристических походов. То теперь прибавился зелёный кевларовый пояс с прицепленной к нему открытой кобурой, тоже синтетической с

кармашком для запасного магазина на боковом верхнем шве. И сама кобура и кармашек в ней не пустовали: я заметил чёрную, причудливую рукоять импортного пистолета и толстый затыльник двурядного магазина. Девушка выглядела уставшей, лицо осунулось и посерело, волосы раньше заплетённые в толстую косу теперь коротко обрезаны. Но смена причёски не делала Леру — хирурга похожей даже на пацана. Было во всей фигуре и повороте головы нечто присущее только женщине, кому как, а я бы даже в темноте не обознался. Серые, выразительные глаза смотрели на подошедших

поисковиков изучающее: не ранен ли кто-нибудь, всё ли в порядке. Вот кого нужно было ставить в атаманы, а не...

— С чем пришли, есть информация о караване?

Залюбовавшись стройной, совершенно нескрываемой мешковатой одеждой девичьей фигурой, я совершенно забыл про топтавшегося рядом с ней действующего туристического атамана — мистера Шермана. Этот, напротив, совершенно не изменился. На чуть оплывшем торсе, ладно сидит причудливая сбруя разгрузочного жилета, в руках браво лежит короткий импортный автомат,

только голова повязана банданой из—
под которой виднеется белый лоскут
бинта. Зацепило, значит во время
чехарды, не уберёгся малость.
Блатные очки тоже куда—то
потерялись, видимо они — то и пали
смертью храбрых заслонив телом
покатый упрямый лоб 'предводителя
команчей'. Не тратя времени на
предисловия, вождь потащил только
что вернувшихся поисковиков куда—
то в сторону. Лера раздражённо
дёрнув щекой пошла следом, попутно
расспрашивая о чём—то вполголоса
долговязого очкарика, чуть было не
спалившего меня давеча у родника.
Дождавшись, пока вся компания
скроется в густом подлеске, я в два

длинных рывка пересёк открытое место и пошёл следом, как оказалось совсем недалеко. Знакомая уже по прошлой стоянке штабная палатка Шермана, приткнулась меж двух сосен ловко укрывшись в густых зарослях кустарника. Без труда миновав таращившегося в темноту довольно пожилого, лет пятидесяти, часового и осторожно перешагнув через две растяжки удалось тихо подойти к палатке на расстояние вытянутой руки. Тут я застал самое начало довольно любопытного разговора. Похоже Шерман опять что-то затеял и это снова сулило одни неприятности, как участникам затеи, так и скорее всего нам с

артельщиками:

— ... Вертушками они такой объём грузов на авиабазу не попрут, я видел, как подгоняют грузовики с низким бортом под боеприпасы и крытые фуры, видимо под стройматериалы и жратву. Работают гражданские, военных на станции мало, поезда идут транзитом, а тут остановился по разгрузку только этот состав.

Говорил усталым голосом некто из разведчиков, но кто именно определить было нельзя, поскольку я знал только как гундит тот долговязый очкарик. Судя по докладу, 'туристы' решили взять 'на саблю', какой-то караван идущий от

железнодорожной станции на строящуюся авиабазу. Подходящая станция находилась от неё примерно в пятистах километрах...

— ... Отлично, Володя — Вождь, казалось, искренне рад новостям — Судя по радиоперехвату, колонну не будут сопровождать вертолёты, пойдут два взвода конвойной роты 56-ой бригады 'Черноногих'. Это четыре джипа, по три человека десанта, плюс водитель и стрелок за турелью...

— Что на турелях будет?

Это подал голос мой знакомец — очкарик. Больше в его голосе не слышалось унылых нот, говорил он почти равнодушно. Ему ответил тот

самый Володя:

— 'Черноногие', это чисто оккупационная часть, состоит из резервистов. Оружие у них со складов длительного хранения, но не шибко современное, связь опять же плохая. В каждом отделении радист, приданный командиру, короткой связи солдаты не имеют. Всего колонну сопровождают два мотопехотных отделения. Это восемнадцать — двадцать человек, на четырёх джипах соответственно. Ты куда смотрел, они ж на станцию в обед приехали: три М2 и один 'Маклар'. [\[33\]](#) Ничего серьёзного...

— Точняк, полководец — Голос очкарика звучал с издёвкой, но ровно

и тихо без истерики — Шапками закидаем. Там всего-то двадцать хорошо обученных вояк, мы их в восемь стволов нагнём, да? Кто из вас господа хорошие не зажмурил глаз по живому пиндосу выстрелить сможет... ну кроме тебя... командир.

Последнюю фразу очкарик бросил с такой выразительной саркастической издёвкой, что даже я понял — он по каким-то причинам Шерману открыто не доверяет. Это не осталось без внимания вождя, тон Шермана был резок, видимо очкарик выступал с пораженческими репликами уже не в первый раз:

— Веня, а ты всё ноешь и ноешь! Зачем тогда не вышел к пиндосам, да

лапки бы вверх поднял. Вот вроде воюешь ты неплохо, двоих уже завалил...

— Ты, гость испанский, моих покойников не считай — Голос очкарика был всё так же спокоен — Сколько взял, те все со мной. Лучше вот объясни мне, почему мы каждый раз по твоей милости в жопе оказываемся и людей теряем, а? Молчишь... про то, что лес рубят, а щепки летят уже не канают?..

— Щенок, да я тебя!..

В палатке заметались бледные тени, ткань заходила пузырями, слышались приглушённые крики и возня. Через какое-то время всё успокоилось, Шерман продолжил

говорить дрожащим от напряжения и сдерживаемой ярости голосом:

— Я в командиры не рвался, вы сами меня выбрали. Кто вас научил с оружием обращаться, стрелять нормально, не в белый свет, а по-взрослому? За что гнобите, за паспорт испанский?! Да я год уже в России живу, больше вашего о ней знаю. С грузинами в прошлом году воевать добровольно ехал...

— Так не даром же — Это снова вступил меланхоличный очкарик — Ты сам хвастал, что через контору французскую вербовался. Десять тонн баксов за два месяца и получил...

— Заткнись, сопля — Шерман

уже взял себя в руки и говорил почти спокойно — Не дорос ещё чужие 'бабки' считать. Настоящий воин, просто так не убивает. А что я ещё и заработал, так это мелочь: со своего мебельного цеха в Андалусии я в сто раз больше имею. Обидно стало, что русских притесняют...

— Да где ты там русских — то видел — Это вступил уже знаток амеровской техники Володя — 'Чурки' между собой разбирались, у них там всегда война идёт. Кончайте базар, мужики. Я лично вымотался за эти четыре дня как собака, жрать и спать хочу категорически. Вот пойдём караван брать, тогда и посмотрим, кто из нас больше

Родину любит.

Вслед за этой здоровой по сути речью, последовала вялая перебранка между очкариком Веней и всё ещё что-то доказывающим, с помощью часто вставляемой в речь матерщины, Шерманом. Разговор позволил лучше понять сложившуюся в отряде обстановку, да и про вождя я узнал много нового. Значит, он воевал и в своих предположениях о некотором милитаристическом опыте 'вождя краснокожих' я не ошибся. Походка всегда выдаст человека который кланялся пулям, так и Шерман этот, ходил чуть сутулясь. Но это не то, как если бы за бухгалтерским столом сидеть, солдат обстрелянный

горбится с тем прицелом, чтобы в любой момент на землю упасть, от того и сжимается чутка. Только если он в Абхазию заезжал год назад, то наши и сами абхазы людей через импортные конторы не нанимали. Знаю об этом потому, что как раз в то время приходил ко мне сослуживец, вербанувшийся на наёмничий контракт совершенно легально в военкомате. Война шла месяца полтора, грузины снова полезли через ущелье и Осетию, но теперь их ждали. Однако отбросив противника к старой демаркационной линии, где как ни в чём не бывало спокойно стояли аккуратные домики миссии

международных наблюдателей, российские войска вернулись в расположение военных баз. Осетинские ополченцы и абхазы продолжили наступление самостоятельно, наши поддерживали их только с воздуха. На сей раз грузинским штурмовикам и вертушкам даже не удалось занять свои эшелоны для поддержки войск — все они так или иначе были нейтрализованы появившимися словно бы ниоткуда самолётами без опознавательных знаков. Лишённые связи и прикрытия с воздуха, грузины сразу же начали нести серьёзные потери и остановились. Как только это случилось. С позиций

на территории Абхазии и Осетии ударила ствольная артиллерия, разметавшая передовые ударные части грузин и в прорыв немедленно ринулись мотоманёвренные группы ополченцев. Когда же был разгромлен костяк новой армии вторжения — две вновь сформированные мотомеханизированные бригады, остальные грузинские части не выдержав прямого боестолкновения дрогнули и побежали. Не помогла советническая и техническая помощь американских и немецких советников, которые чуть ли не с сентября 2008 года стали прибывать в Грузию под видом военных

наблюдателей. Отступление не
получилось хоть сколько нибудь
организованным, хотя исполняя
директиву своего
главнокомандующего,
сформированные перед вторжением
сводные полицейские части стреляли
по своим, тщась заставить солдат
остановиться. Бросая технику и
оружие, срывая знаки различия они
бежали, рассеиваясь по домам.
Тбилиси взяли штурмом совместно
абхазы и осетины из сил
самообороны, которым почти
негласно помогли наши вояки.
Приятель говорит, что наши
заматывали эмблемы на рукавах, но
позывные не шифровали — как

всегда новые таблицы запоздали и вступили в действие только когда всё уже закончилось. Грузины сдали свою столицу почти без боя, согласованного сопротивления никто не оказывал. Примечательно, что абхазов и осетин было только человек сто — сто пятьдесят, остальные это и были набранные со всей России вольные стрелки. Одевая полевую форму с нашивками сил самообороны, добровольцы получали обычное, знакомое ещё со службы в армии российское оружие, командовали ими неприметного вида люди, в которых без особого труда можно было узнать российских спецов из военной разведки. Состав

был пёстрый, брали всех кто подходил под нехитрые требования: служба в армии и возраст до сорока пяти лет. Одними из первых, почуяв кровь и наживу подтянулись чеченские духи. Но как и в восьмом году, воевали они сами по себе, без стычек с остальными добровольцами не обходилось. Когда по старой привычке 'чехи' взялись мародёрить в сёлах и городках, никто этого терпеть не стал. Приятель рассказывал, что даже до стрельбы доходило: абхазы уж на что злые на грузин по жизни, так и те вступались за местных сельчан, не давали духам развернуться.

Сценарий прошлой войны не

повторился полностью: амеры дали несколько ракетных залпов со своих кораблей по наступающим колоннам абхазов, но не задели порядки регулярных российских войск. Два американских фрегата и один французский эсминец давно крутились в потийском порту, потом вышли в море и курсировали вдоль берегов, помогая грузинам разведданными. На фрегатах были установлены новые системы залпового огня и били они очень точно. Накрыло два пехотных отделения и прикрывавший их взвод танков. Две машины загорелись от прямых попаданий, третья встала, получив какие-то внутренние

повреждения двигателя, но экипаж спасся. Пехота легла до последнего человека, приятель рассказывал, что даже пепла не собрать так выжгло всё и разметало. Отступавшие грузинские мотострелки сумели уйти, побросав для облегчения бега даже личное оружие и почему-то оставив вполне исправные бронемашины. Потом наши вступились и пригнали какой-то крейсер, пуганули иностранцев. Американцы и француз попятились, поспешив уйти в сторону турецкой границы. Поскольку формально наши кадровые части не понесли потерь в ходе инцидента, тогда разошлись миром, хотя вой поднялся

пуще прежнего. Грузинское правительство бежало в Штаты, но после того, как мы снова откатились в Абхазию, само собой поспешило вернуться. И опять никто из хозяев России не прислушался к робким голосам призывавшим назло Штатам оккупировать этот несчастный клочок земли, чтобы больше не повторять этих ёрзаний туда-сюда. Снова московские правители сочли более правильным вновь пролить ещё чутка туземной и русской крови, чем окончательно ссориться с Западом.

Приятель показывал амеровский короткий автомат, взятый им на складе снабжения во время штурма

какого-то городка. Мы выезжали пару раз за город, опробовать импортное диво, но как-то на душу не легло. Помимо собственных впечатлений. Рассказал приятель и про украинских и чёрт его знает каких ещё наёмников, воевавших на стороне грузин. Те действительно прибывали в зону конфликта кто через Киев и Азербайджан. А некоторые как раз имели визы Евросоюза, в частности испанские и французские. На душе снова стало беспокойно, ситуация принимала другой оборот. Шерман действительно мог воевать в Грузии, только вот в разговорах с приятелями он забыл упомянуть на чьей стороне.

А среди этих доморощенных вояк, откуда взяться людям действительно знающими как вербуют наёмников? Любители обряжаться в камуфляж, знали книжную схему в общих чертах, от того никто из них и не обратил внимания на этот нюанс с французской конторой. Ведь именно в этой европейской державе нашли себе приют вербовочные пункты подавляющего числа контор промышляющих наймом 'романтиков с большой дороги'. Европа, это большая 'коммуналка' где всё рядом: сел в тачку в родной испанской Андалусии и через пару часов ты уже в каком-нибудь Марселе, но уже во Франции. Мысленно я представил

себе, кто это такой: эмигрант, обретший счастье где-то за бугром, любящий пощекотать нервы на человеческом сафари. И вот ностальгируя по прошлому, он прилетает на оставленную когда-то Родину. Но зачем? Хотя это как раз понятно, ну кто он там в своей занюханной Испании? Обычный мелкий коммерс, каких пруд пруди. Никому он не интересен, никто его особо не знает, а за шалости с наёмничеством, вполне могут и посадить. Я слышал, что испанское законодательство очень не любит тех, кто балуется оружием и взрывчаткой, называя таких людей террористами. Особенно если это бывший

иностранец, из тех, что всегда под подозрением уже по факту происхождения. А ведь ехал — то совершенно за другим: достаток и комфорт таким людям быстро надоедают, лишь только им становится ясно, что и то и другое есть у большинства окружающих. Да и соседи с деловыми партнёрами всё ещё смотрят косо, для них он пришлый — забравший сладкий кусок если не с их собственной тарелки, то уж наверняка маисовую лепёшку их детей и внуков. Вот и лезут такие 'доны Педро' обратно в презираемую ими всей душой 'рашу', где их никто не осудит и даже напротив, позавидуют почти всегда

совершенно искренне. Однако Шерман не рассчитывал, что попадёт на настоящую войну. Одно дело мелкие пострелушки в буферном государстве из которых совершенно свободно можно выбраться размахивая иностранной паспортиной. И совершенно иной расклад, когда тебя даже слушать никто не станет и сразу выпишут пулю в выпуклый лобешник. Любитель повышения самооценки оказался в ловушке собственных страстишек, причём без особых перспектив выбраться. Хотя вот тут я точно ошибаюсь, обычно эти эмигранты с 'трудной судьбой', да 'охотой к перемене мест', народ

крайне изобретательный, когда дело касается спасения собственной шкуры и поиска глубоких омутов. Шерман что-то задумал иначе зачем ему так явственно подставлять столько людей, да ещё выводить их против хорошо охраняемого конвоя, обрекая если не на поголовную гибель, то на серьёзные безвозвратные потери.

Пока раздумывал, участники военного совета ещё чуток пошумев и обсудив какие-то насущные проблемы начали расходиться. Тут я снова пожалел, что сунулся к туристам в одиночку: следовало подробнее осмотреть лагерь, да и вождь куда-то намылился, подхватив

свои пожитки и оружие. Решив отложить визит в шахту до следующего раза, двинулся вслед за Шерманом, который явно сторожась кого-то двинул по тропе вон с прииска. По пути удалось вскрыть ещё два 'секрета', вождь не таясь проходил мимо постов, о чём-то начальственно расспрашивая сидевших в карауле бойцов. Миновав уже печально знаменитую наблюдательную вышку, вождь сверился с компасом, прошёл триста метров на восток, и у поваленного бурей довольно давно дерева повернул на северо-восток, к речке. Отпустив предводителя команчей метров на пятьдесят, но так, чтобы

не потерять его из виду, я шёл следом прикидывая, пойдёт ли он на тот берег и что ему вообще тут понадобилось под вечер. Вообще, с водой у 'туристов' получалось гораздо проще: небольшая речушка протекала всего в полукилометре от прииска и совершенно точно в самих штольнях полно бьющих подземных источников. Само собой часть коридоров и особенно нижние уровни, вероятнее всего затопило. Но земля тут изрыта ходами словно кусок сыра, поэтому с размещением в сухих отвалах проблем быть не должно. С угольными шахтами было бы труднее, но нам с артельщиками такой вариант базирования особо не

подходил — слишком мало нас чтобы охранять такую территорию. А вот более многочисленному, вроде этой лиги поклонников страйкбола—таки самое оно. Так мы шли друг за другом почти час, пока Шерман не остановился у кучи замшелых валунов недалеко от берега. Как я и предполагал, переправляться вождь не собирался, однако всё ещё непонятно было зачем он сюда пришёл. Честно говоря, мысли у меня были большей частью левые: мало ли зачем человек решил уединиться. Проторчав наблюдая ещё минут двадцать, я уж было совсем собрался сворачиваться и уходить к своим, на базу, как в кустах справа от

своей позиции заметил ещё одного наблюдателя. Человек пришёл раньше нас с Шерманом и сидел под сосной, в двух десятках метров от груды камней. Наблюдатель ловко маскировался в колючем кустарнике, чьи тёмные заросли скрывали его целиком, мне повезло увидеть слабый блик оптики и то случайно. Вождь то вскакивал с вросшего в землю камня, то снова садился, нервно теребя ремень автомата. Видно было, что он кого-то ждал и предположительно это вполне мог быть тот, чей прицел я только что срисовал. Прошло ещё минут пять, после чего Шерман снова поднялся и повернулся в сторону прииска,

собираясь уходить. Лицо вождя выражало раздражение, смешанное со злобой и страхом. Глубоко посаженные серые глазки обиженно и недобро посверкивали, когда кусты зашевелились и наблюдатель нарочито громко шурша вышел на берег. Это был несомненно амер: военная полевая форма, бронежилет, разгрузка и раскрашенный в камуфляжный колер автомат. Голову американца прикрывала не традиционная панама, а повязанный головной платок, тоже сооружённый из камуфляжной ткани. Вообще, амер производил впечатление скорее не разведчика, более всего он походил на обычного солдата случайно

забредшего в лес. Платок, да может быть ещё смотанные чёрной изолентой магазины, немного диссонировали с привычным обликом уставника. Круглое, поросшее щетиной всё в крапинках веснушек и гладко выбритое лицо, аккуратно подстриженные усы. Карие, больше даже чёрные глаза смотрели на Шермана настороженно, хотя рот кривился в дежурной улыбке. Вождь встрепенулся. Поняв было оружие к плечу, но увидев приветливо махающего руками американца, тоже улыбнулся с явным облегчением и быстро пошёл долгожданному гостю навстречу. Пожав друг другу руки,

мужчины пошли к валунам, Шерман попутно достал карту и начал говорить. Беседа шла на знакомом мне английском, причём оба говорили с акцентом, видимо амер тоже был не совсем амер. Судя по выговору, скорее итальянец. Шум реки иногда мешал расслышать каждое слово, да и болтали они тихонько, но большую часть разобрать удалось довольно хорошо:

— Ник — С нажимом начал иностранец — Я должен был убедиться, что вы будете один. В прошлый раз всё сорвалось именно из-за этого. Поймите правильно — осторожность прежде всего...

— Мистер Матинелли, на

лесопилке всё пошло не совсем так, как мы договаривались. К тому же ваши люди первыми начали стрелять ещё до того, как я завёл русских на мины. Ваш башенный стрелок запаниковал и вызвал артиллерию! Так дела не делаются...

Ни черта не понимаю: получается Шерман всё это время работал в паре вот с этим итальяшкой и планировал сдать всех 'туристов' скопом, но что-то пошло не так. Тогда ещё более непонятным получался план с захватом каравана, кому это было выгодно? Голоса становились громче, Шерман и Матинелли перешли на повышенные тона:

— ... Второго такого шанса уже не представится: новый транш повезут только к Рождеству и тогда уже наладят нормальный периметр и безопасную трассу! А потом проведут коммерческую линию связи, откроют банковский филиал. Деньги станут обменивать и начислят только виртуально. Ник, это почти четверть миллиона амеро в мелких и средних купюрах. Мой приятель в финчасти готов ждать ещё неделю и всё. А если деньги не отмыть, они будут бесполезны. Наши коллеги из Блэк Стоун Нортс' серьёзные люди, я не советую вам Ник, испытывать их терпение. Вы же знаете англичан: когда дело касается

их прибылей, джентльмены превращаются в бесчестных мафиози.

Итальянец энергично затряс сложенными в лодочку ладонями волосатых рук прямо перед носом Шермана. Тот поморщился, но сделав над собой почти видимое усилие, продолжил ровным тоном:

— Мистер Матинелли, Джо! Всё уже готово, мои люди возьмут груз как планировалось, а вы и ваши друзья из агентства просто уберёте выживших. Нападение партизан и удачная операция по их уничтожению. Я укажу точное место, где это можно будет сделать без помех...

Вдруг Шерман осёкся и глаза его очень опасно сверкнули, он поправил ремень автомата. Оружие теперь небрежно болталось у него на шее. Но руки Ник держал так, что в прыжке он сможет без труда срезать итальянца вполне спокойно:

— Мой хакер взломал почтовую сеть одной из ваших частей вчера утром. Записи наших разговоров лежат на одном независимом сервере и если я не пошлю из Барселоны через неделю нужного сигнала — вас ждёт электрический стул или петля! Не пытайтесь избавиться от меня. Вы же знаете: деньги меня не интересуют, я просто хочу оказаться дома... и как можно быстрее.

Матинелли понимающе усмехнулся, но по выражению его лица было понятно, что кидок изначально не планировался, но вот сейчас эмигрант сам того не желая оказал себе плохую услугу. Теперь уже италяшка действительно думал, а нельзя ли будет вообще устроить всё так, что этот странный русский с явно поддельным испанским паспортом ляжет рядом со своими бандитами. Нет, вполне может быть, что изначально он не проболтаться, однако только покойник гарантированно будет помалкивать. Снова улыбнувшись как можно более искренне и дружелюбно, иностранец приложил ладони рук к груди, так

что сверкнули на левом запястье неуставные и явно золотые часы с массивным браслетом:

— Ник, давайте не будем оскорблять друг друга подозрениями. Мы ведь с вами европейцы. Так давайте будем вести себя цивилизованно, как деловые люди....

Матинелли наверняка бы удивился, если бы знал, какое ещё значение слова 'деловой' имеется в русском языке. Но даже его партнёр не уловил аллегории, так сильно Шерман нервничал и хотел домой. Вождь туристов или как его назвал иностранец — Ник, тоже фальшиво, но более умело играя мускулами лица, улыбнулся собеседнику:

— Какие вопросы, Джо! Если сработаем согласно плану, то уже через пять дней не считая этого каждый получит то, что хочет...

В этот самый миг, я по привычке осматриваясь вокруг, уловил в пятидесяти метрах некое трепыхание кустов левее своей позиции. Там были густые заросли полыни и ещё чего-то более яркого, с золотыми головками цветов. Там сидел на корточках ещё кто-то и сейчас наблюдатель поднимал оружие, чтобы выстрелить. Целью несомненно был Шерман и его импортный приятель, допустить такое в мои планы не входило. Вот сейчас, после получения такой

важной информации которую даёт этот импортный жулик, у меня уже в общих чертах сложился способ проникновения на авиабазу, не являющийся полным суицидом. Срастись всё правильно, можно будет устроить пиндосам большую пакость и даже воевать ещё долгое время. Но всё получится только в том случае, если Шерман и его приятель выживут именно сейчас. Для моего плана важно чтобы операция по отъёму денег у американской казны состоялась, по крайней мере в той её части, где конвой везущий новые пендостанские тугрики попадает в засаду устроенную Ником и его ничего не подозревающими бойцами.

Времени на раздумья не новый игрок не оставил. Придётся пожертвовать важной миссией слухача и на короткое время преобразиться в телохранителя. Наблюдатель сидел крайне неудобно: для того чтобы его обойти и подобраться незамеченным придётся оставить теперешнюю свою позицию. Как минимум на перемещение уйдёт минут пять—десять. Осторожно убрав автомат за спину и закрепив оружие чтобы не болталось, я двинулся приставным шагом в сторону позиции наблюдателя так, чтобы видеть его силуэт и потенциальных покойников — Шермана с деловым партнёром. Оба уже успокоились, Ник вынул

карту и увлечённо водил по ней
пулей выщелкнутого из магазина
автомата патрона вместо указки.
Матинелли внимательно следил за
петлями которые выписывал тускло
блестящий кончик пули и казалось
партнёры всецело сосредоточены на
деталях предполагаемой акции.
Проклиная неизвестного за то что по
его милости лишился возможности
подслушать дальнейший разговор, я
броском перебрался на другую
сторону тропы, миновав почти
двухметровый участок совершенно
открытого пространства. Прыжок
вышел удачный, но я провалился в
яму. Приземляясь я не потревожил ни
единой ветки или ветки кустарника,

что стоило резкой, а позже ноющей боли в раненой руке. Только лёгкий шорох издала палая гнилая листва, коей оказалось устлано дно места приземления.

Матинелли беспокойно вскинул голову, повернувшись ровно в то самое место, куда я приземлился. Но присмотревшись и пожав плечами вновь уткнулся в карту, махнув рукой Шерману, мол — показалось что-то, пустяки. Минуты две пришлось сидеть выравнивая дыхание, стиснув зубы привалившись к стенке небольшого оврага, в который я случайно и так некстати угодил. Однако более никаких последствий акробатический этюд более не

возымел, поэтому выбравшись на поверхность из ямы, я продолжил подкрадываться к незнакомцу. Спустя ещё пару долгих мгновений, показался знакомый силуэт: человек уже выставил обмотанный тряпьем импортный автомат, прильнув к короткой трубке четырёхкратного тактического прицела. С удивлением я опознал в стрелке давешнего очкарика Веню, вроде бы направившегося отдыхать, судя по его собственным и довольно громким заявлениям. Вот такой урок на будущее: если пацифист идёт на войну, как минимум он станет параноиком. А это очень выносливые люди, когда дело доходит до их

личных фобий и подозрений. Мне следовало догадаться, что все эти реплики с критикой политики руководства неспроста. Видимо Веня давно что-то подозревал, вот и решил по тихому пристрелить вождя, благо его подозрения вроде бы подтвердились. Не раздумывая более над мотивами очкарика, я вынул пистолет и перехватив его так, чтобы было удобнее бить тыльной стороной рукояти, метнулся к уже отщёлкивавшему предохранитель Вениамину. Удар по не прикрытому ни чем, кроме капюшона и бейсболки одетой козырьком назад, затылку очкарика получился как надо. Без вскрика и метаний Веня

выпустил оружие и обмяк упав ко мне на руки, после чего я сел рядом, чтобы досмотреть самый финал встречи Шермана с его подельником. Собственно пока я занимался любознательным очкариком, всё интересное уже закончилось: пожав друг другу руки, компаньоны разошлись в разные стороны. Матинелли подождав пока его подозрительный подельник скроется вдали, поминутно озираясь взял направление на северо-запад и тоже благополучно свалил. У реки теперь остались только я, да незадачливый мститель Вениамин. Стреножив очкарика его же собственными поясным и ружейным ремнями, я

пару раз легонько хлопнул парня по щекам. Заморгав и выгнувшись дугой, тот открыл глаза и хотел было заорать, но я вовремя всунул в открывшийся рот свёрнутые в клубок перчатки. Легонько хлопнув парня по щеке ещё раз, чтобы унять конвульсии, поднимаюсь и рывком ставлю пленника на ноги. Так, толкая чуть присмирившего Веню впереди себя, я ухожу от места встречи Шермана с иностранцем как можно дальше. Мало ли что взбредёт вождю в голову вернуться или кто другой появится — в любом случае следует забраться как можно дальше в лес. Через полчаса, я дёрнул пленника за полу куртки так, что

парень невольно опустился на пятую точку, уткнувшись правым боком в ствол здоровенной сосны. Мы оказались на небольшой полянке, метрах в трёхстах от речного берега, на мой взгляд это было достаточно далеко от тропы ведущей к броду и не так далеко от тропинки ведущей к соляным шахтам. Раз подвернулась такая возможность, с парнем нужно попробовать поговорить. Может быть я не слишком верно прокачал Веню и на предложение о сотрудничестве тот отреагирует отрицательно. При таком раскладе придётся его грохнуть, хотя этого делать совершенно не хотелось. Вынув изо рта парня перчатки левой рукой, я

правой приложил ствол пистолета к своим губам категорически намекая таким образом на соблюдение тишины. Сбитый с толку пленением и вероятнее всего утомлённый долгим маршем, Вениамин только согласно тряхнул головой, близоруко щурясь. Для наглядности снимаю маску, закатав её на лоб и тихо, чтобы лишний раз не шуметь голосом, начинаю беседу:

— Здравствуй, Вениамин — Парень всё ещё потрясённый резкой сменой декораций помимо воли кивает головой — Вот и свиделись снова... рад, что ты уцелел.... Узнал меня?

— Н — нн....

Замотав головой, очкарик побледнев стал снова пытаться освободить руки, от чего извиваясь хлопнулся на землю потеряв опору. Чертыхнувшись про себя и преодолевая противно мозжащую боль в руке, рывком возвращаю парня в вертикальное положение:

— Не хорошо, Вениамин... я вас про засаду предупредил, кучу железа американского буквально в зубах принёс....

— А наш медик тебе пулю из плеча достал — Наконец очухавшись, Веня снова начал брюзжать — Квитами разошлись, дядя.

— А я особо и не спорю —
Сохраняя нейтрально

доброжелательный тон соглашаюсь с пленником, чтобы не обострять — Обмен равнозначный получился. Но теперь вот ты снова у меня в должниках оказался... во как получилось, парень.

Страх быстро сменившийся удивлением, а потом злостью — вот вся гамма чувств, за пар мгновений промелькнувших на лице очкарика Вени. Набирая в грудь воздух и попутно обдумывая мои слова, парень походил на раздувающего старинный самовар. Щёки его то надувались, то опадали, румянец пятнами залил щёки и лоб, но ни единого звука пленник та и не произнёс. Даже не слишком внятное

шипение вырывалось сквозь его крепко стиснутые зубы с трудом. Успокаивающе похлопав вновь дёрнувшегося собеседника по плечу, я уселся напротив и растирая правый локоть осторожными круговыми движениями продолжил:

— Шерман ваш — не вчера родился. Сто к одному успел бы на землю кинуться, а потом и тебе бы трындец пришёл: двое профи, против одного новичка, это весьма хреновый расклад, парень. Сам бы лёг, а товарищи твои так и пошли бы на убой, как думаешь, я всё верно представил?

— Я бы не промахнулся...

Оправившись от удивления,

парень вновь начал храбриться, но снова я сбил его с толку тихо рассмеявшись. Не понимая Веня снова уставился на меня, окончательно запутавшись. Обычно так оно и бывает: молодые часто теряются, стоит только поколебать их правоту неожиданным поступком или фразой. Отсмеявшись и снова сделав серьёзно лицо, продолжаю:

— Ну убил бы ты их обоих... хорошо, лады: может быть даже иностранца полонил — дальше что? В лагере тебя точно к стенке поставят рядом с этим пленником. Твои выкладки там никому пока в голову не пришли, а Шерман в авторитете. Ты им скажешь, что мол,

Ник предатель, а тебя на смех и снова к стенке. Кто ты и кто для народа он, неужто не взвесил? Так людям ничего не докажешь...

— Ага — Голос парня уже совершенно окреп, появились узнаваемые скептические интонации — А я им распечатку покажу, я лично тот файл с переговорами на швейцарский сервер заливал. Та все переговоры точно были, народ всё услышит и...

— И найдутся сразу те, кто поверит, но более всего будет тех, кто скажет, что Шерман вёл с пиндосами какую-то игру, а сам он чуть ли не Рихард Зорге! И ты снова у стенки, а мёртвый вождь посмеивается над

тобой, выглядывая из-за края чугунного адского котла.

Как говорят на Востоке, кувшин моего терпения стал показывать дно. Однако удача снова была на моей стороне и этот малолетний хакер имел доступ к очень важному ресурсу — каким — то образом ему удалось выйти в Сеть из нашей глуши. Поэтому спорить с Вениамином я готов был чуть ли не до рассвета, кадр попался ценный. Видимо каким-то образом я всё же достучался до дверцы в мозгу парня, за которой скрывались залежи здравого смысла. Лицо его снова стало задумчивым и спустя пару минут гробового молчания, он снова

посмотрел мне в глаза:

— Верно — Голос парня больше не лучился сарказмом — Доказать всем ничего не выйдет, даже Лера скорее всего не поверит... Николай у всех в авторитете. Как же: наёмник, знаток оружия, снайпер. Когда мы в лесу узнали про вторжение, он первый в одиночку пентостанский патруль замочил. Ник на игру свой боевой револьвер привёз, сказал, что с каким-то полковником из разведки скорешился и... крут он, короче. Ты прав, старик-лесовик, наши меня без разговоров бы шлёпнули.

— А отряд, который после этого просуществует дней пять-шесть, назвали бы его именем... к стати как

там его звали?

— Как раньше, до эмиграции не знаю — Веня говорил равнодушно, злость и ершистость уже испарились, похоже он вполне созрел для нормального разговора — Но по паспорту он Николас Рохас, я сам его на игру записывал.

Ого! Может быть, прав в сомнениях италяшка: эмигрант ещё и по фальшивому паспорту сюда приехал. Да кто их ловцов птицы цвета 'ультрамарин' знает, может по приколу фамилию выбрал. Звучит претенциозно и очень смахивает на театральный псевдоним: Николай Красный... а может быть не 'красный', а 'Краснов'. Мои познания

в языке Сервантеса это десяток разрозненных слов и три—четыре фразы, типа 'здрассте — пока'. Выходит с фамилией всё ровно и мотив у эмигранта всего один — свалить на новую родину любой ценой. Понтов страйкболистам он нагнал немеряно, поэтому те действительно пойдут за ним в огонь и в воду. Веню отпускать просто так нельзя, нужно добиться, чтобы он сам предложил свою помощь:

— Вас как в тайгу занесло?

— Говорю же: игра у нас намечалась... со всей страны народ съехался, вон соотечественники из—за бугра подтянулись.

— Володя, который вас в поиск

к станции водил из Израиля?

— А, — На миг лицо Вени осветилось обычной, но чуть грустной улыбкой — Ты тоже повёлся. Не... ни фи́га Вовка не еврей и в армии никогда не служил. Просто зависает на всяких оружейных фору́мах, вот и нахв́атался. Сдвиг у него на пендо́станской, да еврейской военной терминологии, не ты первый его в еврейские воины записал. Бывало как пойдёт терминами сыпать, так его даже те кто там служил за своего принимают. Он мне с кодовыми фразами помогает, когда мы амеров слушаем...

А вот это уже было одной из тех вещей, которые меня интересовали в первую очередь. Сканер взятый на складе наёмников ничего путного не ловил, а если туристы наловчились перехватывать переговоры врага, это в будущем очень пригодится:

— Давно слушаете иностранцев? Почему они переговоры не шифруют?

— Тут просто всё — Веня потёр связанные руки и я одним движением снял путы — Вовка сказал, что они частоту два раза в неделю меняют, но уходят не далеко, чтобы не париться. При этом вечно друг другу про щелчки аппаратные говорят, только успевай записывать.

Потом просто отсчитываешь сколько раз нужно клавишу настройки надавить и всё — снова поймал рабочую частоту. Но это только если с ихней трофейной рацией, на наших дольше возиться нужно. Мы... Шерман в первом же бою такой передатчик взял, а через два дня и ноутбуком разжились. Я институт связи заканчивал... вот недоучился маленько. Короче не особо хитрое дело переговоры тыловигов слушать, а всякий спецназ только на своих выделенных частотах висит, их даже свои не слышат — секретно всё. Но армейцев в округе почти всех ловим. Только бестолку это, убивать — то так и так спецов пошлют. Ты тогда

нас здорово выручил... спас практически.

...Что-то в течение всего нашего разговора не давало мне покоя, слишком гладко всё получалось: деньги, огромную сумму везут вчерашние обыватели, которых на колонну с важным грузом всего ничего выделено. Вертушек и нормальной 'брони' тоже нет, словно вдруг образовался резкий дефицит всего и вся. Это было неправильно и шло вразрез с тактикой захватчиков наблюдавшейся до сих пор. Подвох лежит на видном месте, просто я его ещё не заметил... думай Антон, думай крепко. Попутно высвобождаю спутанные конечности очкарика, но

его оружие как бы невзначай держу возле себя, но парень от чего-то пропускает это мимо внимания. Лицо Вениамина расслаблено, жесты утратили резкость, а голос звучит тихо, с усталыми интонациями, нужно закругляться. Вынимаю из кармашка куртки сложенную вчетверо карту и протягиваю очкарику:

— Где планируете колонну остановить, сможешь показать?

С любопытством посмотрев на трофейную карту и как-то непонятно зыркнув в мою сторону, Веня заскользил грязным пальцем по забранной в целлофановый чехол бумаге:

— В ста сорока километрах к северу от станции, есть небольшой трёхпролётный мост через речку. Река давно обмелела, но спуск там крутой, поэтому объехать никак нельзя. Конвой состоит, примерно, из шести низкобортных грузовиков. В трёх стройматериалы и сантехника, один с продовольствием, два других скорее всего с боеприпасами. Сопровождение будет пятью машинами: одна это лёгкий джип инженерной разведки, эти пойдут впереди, трассу щупать станут...

— Взрывчатку, так понимаю сами изготовили из той, что с угольных шахт умыкнули?

Немного удивлённо очкарик кивнул, на время прекратив объяснения. Долгим взглядом он впился в моё совершенно ничего не выражающее лицо, но повинувшись поощрительной улыбке и кивку, слегка запнувшись продолжил:

— Точняк, притащили три ящика аммонала... ну из тех, что ещё не так опасно переносить. Остальное ветхое всё, побоялись брать — его голос стал на полтона ниже. Снова появились эти непонятные мне интонации — Всё — то ты знаешь, старик-лесовик.

— Догадаться было не трудно, я бы сам взял шашки эти, коли нужда б была...

Мгновенно ухватившись за оброненный кусок фразы, с азартным блеском в глазах Веня кинул встречный вопрос:

— А её нет?

Вот уж эти любознательные пацифисты — конспираторы, везде им мерещится невидимая рука спецслужб. Теперь таинственные взгляды получили объяснение — парень принимал меня за сотрудника какой-то нашей разведки. В другое время, я бы развеселился, но сейчас это может сыграть на пользу делу. Не меняя выражения лица, я просто отрицательно качаю головой:

— Нет, Вениамин, старая промышленная взрывчатка мне пока

без надобности. А вот время дорого, посему продолжай.

— Ну... — Тряхнув головой очкарик заговорил снова — Пропускаем инженеров, ждём, пока задние машины охранения въедут на мост...

— Они могут этого не сделать, слишком явно подставляться никто не станет. Перейдёт сначала прикрытие, потом пройдёт груз и колонна снова сформируется в прежнем порядке уже на том берегу. И это не говоря уже о том, что мост сначала осмотрят на предмет минирования. Пока всё не слишком получается, Вениамин.

Победно усмехнувшись, Веня

глянул на меня с оттенком лёгкого превосходства. Теперь уверенность в моей принадлежности к разведке у него чуть поколебалась:

— А мы опоры рвать не собираемся, заряды перед съездом с моста под плиту заложим. Там стоки проржавевшие есть — заряды как влитые войдут. Они всегда грязью забиты, сапёры тот мост регулярно проверяют, никто в стоки под съезд не заглядывает.

— Ну, допустим — Спорить смысла не было, я только поощряющее кивнул очкарику — Дальше какой расклад?

— Отсекаем фугасами две последние машины охранения и

берём в оборот водителей задних фур, переправа уничтожается. Передние машины остановит вторая закладка, стараемся выбить водителей оставшихся грузовиков....

Понятно: классическая ловушка 'молот и наковальня', [\[34\]](#) только наоборот — первый удар наносит тыловая подгруппа. Смазано как-то всё, сумбурно... да и промежуток между действиями штурмовиков слишком мал охранение не успеет втянуться в бой и перестроиться. В этом случае второй удар придётся не в тыл, а во фланг и существенного вреда не нанесёт. Однако всё зависит от того, смогут ли 'туристы' быстро нейтрализовать головные джипы

прикрытия. Те вероятнее всего попытаются застопорить ход и организовать оборону, вызовут 'вертушки'. На всё про всё у людей Шермана будет не более десяти минут. Если только основной упор не делается на... опа! Вот он подвох, нужно только уточнить у Вени где будет сам Шерман.

— Хорошо придумали, Веня. Шерман с какой из атакующих групп пойдёт?

— Он с наблюдателями будет — Лицо долговязого связиста поморщилось — Руководить будет по рации... слева от дороги, есть горка небольшая. Довольно длинная полоска леса, она метров на

пятнадцать выше уровня переправы. Он, Гриша Комаров — наш сапёр и ... Лера... там будут.

Всё стало на свои места, после слов 'горка'. Возвышенность судя по карте находится на противоположной от позиций штурмовых подгрупп стороне дороги. Все действия обороняющихся, будут ориентированы именно на бестолково шумящих 'туристов'. Засада организована столь сумбурно вполне намеренно: пока Веня и остальные свяжут боем охрану конвоя и оттянут на себя внимание охраны и прибывающие подкрепления. Шерман в это время ликвидирует тех, кто будет рядом и

ждёт своих подельников во главе с Матинелли. Потом они неожиданно бьют с тыла по тем, кто охраняет 'кассу' и уходят в суматохе, а прибывшее на зов подкрепление с авиабазы уничтожает остатки нападавших. Но вот денег — то уже нет, все ринутся искать ушедших с казной 'туристов', а реальные похитители уже вполне легально уходят совершенно в ином направлении. Похоже эпопея Вени и его товарищей по борьбе закончится уже довольно скоро.

— На какой день назначена акция?

Вениамин задумался лишь на какое-то мгновение, смысл моих

вопросов до студента не доходил и целостная картина не складывалась. То, что Шерман их подставил и я вроде бы хочу им помочь парень понимал, но вот могли ли мы оба доверять друг другу, этот вопрос словно стеклянная стена стоял между нами. Однако по характеру ответов и их тону я понял, что хоть полного представления как я смогу перехитрить Шермана у Вени догадаться не получилось, пока что можно было рассчитывать на некоторую откровенность с его стороны. Ковырнув носком кроссовки землю у своих ног, студент ответил:

— Фугасы Комар... ну Гришка

Комаров и его люди, пойдут ставить за день до начала акции. Потом Вовка проинструктирует штурмовые группы и на позиции уйдут наблюдатели. Думаю, что колонна пойдёт через трое суток на четвёртые, не считая сегодняшнего дня.

Идея которую я хотел предложить студенту была очень рискованной для нас обоих: если провалится Веня, то и я попаду в засаду и тогда всем планам хана. Но по иному никак не получится прибыть к месту акции вовремя, чтобы расставить свои фигуры в этой многосторонней партии. Это как раз тот случай, когда в дело вступает

такой случайный фактор как везение. Не важно чьё именно — моё, или этого голенастого параноика. Главное, чтобы наша пруха перемогла отягощённую карму Шермана и его итальянского подельника. Мысленно поплевав через левое плечо, я осторожно предложил то, ради чего вообще затеял наш с Вениамином разговор:

— Скажи мне вот что, студент, ты жить хочешь?

Очкарик сразу же подобрался, съёжившись в тугой комок. Видимо неверно истолковав мои первые слова, поэтому я медленно поднял руки с раскрытыми ладонями на уровень глаз и успокаивающе

продолжил:

— Д а не дёргайся ты, выслушай без нервов. Если бы хотел тебя допросить, а потом грохнуть то не разводил бы дипломатию битый час. Такого как ты, можно за десять минут вытряхнуть, успокойся, парень. Я сейчас о другом: засада ваша, это прямой билет всем вам на тот свет и ты это понимаешь. Но и не идти туда нельзя, поскольку тебе никто из своих не поверит. Поэтому давай поможем друг другу.

Смысл моих слов видимо не сразу дошёл до парня, однако когда через пару минут, после того как я замолчал он перестал елозить ногами, разлепив пересохшие губы

Веня подал голос:

— Это как?

— Всё просто и сложно одновременно — Мысленно я перевёл дух, поскольку не был уверен, что парень согласится даже выслушать — Но если всё выгорит, то лишних смертей не будет. А Шерман получит пулю... ну куда, это сам сможешь выбрать — обещаю.

— Что я должен сделать?

Вопрос прозвучал тихо, но голос очкарика не дрожал и в нём слышалась твёрдая решимость. Я узнал эту интонацию, так говорят когда идут на отчаянный поступок. Меня подобная мотивация вполне устраивала, поэтому я вынул

стреляную пистолетную гильзу и протянул Вениамину.

— Как только сапёры получат сигнал к выдвижению на минирование моста, ты возьмёшь эту гильзу и вынешь пробитый капсюль. Потом дойдёшь до вот этой сосны у которой сидишь сейчас и спрячешь её вот в это маленькое дупло. Иди аккуратно, разыграй понос или чего-нибудь такое, пусть все не слишком обращают на тебя внимание, когда будешь часто отлучаться. Обязательно поверяй, не идёт ли кто следом, а то спалимся оба. Не забудь вложить бумажку с точным временем выхода наблюдателей на позиции. Поясок гильзы не забудь сплющить, чтобы

если дождь пойдёт, цидулька не размокла, лады?

— Я только в кино такое видел...

— Сказка — ложь, да в ней намёк. Если сумеешь отделить одно от другого — будешь всегда в плюсе. Спрячь подальше гильзу Веня и с Богом шурши до своих, а то хватились уже.

Взяв протянутую мной гильзу от ПМ, студент ловко подбросил её в воздух и поймав спрятал в карман куртки. Потом кивнул и мы поднялись с земли, попутно отряхивая одежду от мелкого мусора и хвои. Не следовало демонстрировать парню своё

недоверие, поэтому я не отсоединил магазин его автомата, а просто незаметно передвинул флажок предохранителя в позицию блокировки. Взяв оружие за ремень, Веня закинул его за плечо и взмахнув рукой на прощание тоже пошёл в сторону копей. Постояв разминая затекшие конечности ещё минут двадцать и сориентировавшись по компасу я тоже направился к своей берлоге, контрольный срок уже почти вышел, до его окончания осталось часов десять. Если не вернусь вовремя, то рискую застать базу пустой, артельщики получили чёткий приказ если не вернусь, то в положенный срок они уйдут. И я не

буду знать куда, что очень удобно: в случае захвата, я сначала потяну время, а потом с лёгкой душой отдам пиндосам уже пустую базу. Серьёзный допрос нельзя выдержать, можно только сопротивляться воздействию и весьма ограниченное время. Поэтому — то всегда так важно время за которое сведения извлекаются из документов и тем более из живых 'языков'....

...Сумерки уже переросли в чёрную, без единого огонька таёжную ночь, когда я увидел знакомую сосну с ободранной в одном месте корой. Оголённый ствол дерева я лично притёр землёй так, чтобы остался небольшой, более

светлый участок светло — жёлтого цвета. Такой ориентир хорошо виден в темноте, если идти в нужную сторону, он покажет верное направление.

Немного расслабившись и переведя дух, я осторожно переступил на пять шагов вправо от ориентира и на ощупь отыскал старую корягу под которой были упрятаны сигнальные верёвки. Дёрнув за один шнур два, а за другой четыре раза, я пошёл к берлоге, которая теперь совершенно точно была в каких-то двадцати метрах по прямой. Приятно оказаться дома, как ни странно это прозвучало в данных обстоятельствах, но... теперь это и есть мой настоящий дом.

Глава 6

Россия. 21 августа 2011года.
Юго–западный участок Центрально–
сибирской оккупационной зоны.
200 км на юго–восток от предместий
г. Кемерово. Точка постоянного
базирования партизанского отряда.
06.02 по местному времени.
Партизан Антон Варламов.
Стратегический замысел и боевое
планирование.

В берлоге, которую нам так
любезно уступил косолапый хозяин
тайги, меня ждал горячий чай и
скудный ручеёк новостей. Михась
рассказал о том, что я и так уже
выяснил про новый лагерь

«туристов», а Варенуха пожаловался на подходящие к концу припасы: соль, сахар и крупы даже при урезанном рационе закончатся через месяц. С солью удалось вопрос решить — в шахтах, где мы с Михасём побывали в разное время, сохранились слежавшиеся в комки довольно приличные валуны каменной соли. С припасами выходило сложнее, поскольку из всех заготовок нам удалось только завялить килограмм пятьдесят оленины, пуда два леща и сороги, да разложить по пакетам высушенные корни и травы. Всё это было разделено на четыре части и приготовлено к закладке в тайники,

как неприкосновенный запас. Я лично вызвался отнести последний, самый тяжёлый куль с НЗ, поскольку нужно было на месте определить как примерно будет развиваться бой у моста. Сам план Шермана не вызывал более вопросов, гораздо сложнее выходило то, как нам помешать уничтожению «туристов» и нейтрализовать Шермана. Пока Варенуха собирал мешок, придирчиво осматривая бурые полоски сушёного мяса и перекладывал их сушёной травой, мы с Михасём сели за карту. Попутно, на клочке непонятно как оказавшейся среди трофеев старой газеты на немецком языке, я делал

карандашный набросок. В школе какое-то время я неплохо рисовал, но потом забросил, увлекшись боксом и самбо. Потом дурачился, рисовал карикатуры на друзей, в армии оформлял дембельский альбом, но особых талантов за собой никогда не подозревал. Однако сейчас, необходимо было сделать узнаваемый портрет шерманова подельника, чтобы Мишка его ненароком не пристрелил. Этот тип нужен непременно живым, поскольку именно он может явиться тем ключиком с помощью которого можно будет пробраться на авиабазу. Виденные там «бомберы», ни на миг не оставляли моего воображения, их

смертоносный полёт должен прерваться, я решил, что сделаю для этого всё....

Обсуждение шло трудно, время жёстких приказов ещё не пришло: оба моих товарища, по сути штатские люди, находящиеся под ещё большим гнётом обстоятельств нежели я сам. Война для Варенухи и Михаила стала тем прессом, который в тонкий блин раскатал всю их жизнь и мироощущение. От окончательного нервного срыва обоих удерживают только повседневные, простейшие действия — поесть да поспать. Сколько времени потребуется на то, чтобы окончательно превратить обычных, немолодых уже мужиков в

умелых солдат, я даже приблизительно не могу посчитать. Пролитая кровь своя и чужая, не сделают из водилы или обычного охранника махровых вояк, всё происходит с точностью до наоборот. Рано или поздно они ударятся в меланхолию, а потом дело вполне может дойти и до суицида. Поэтому важно сейчас не требовать и гнуть обоих под себя, а действовать исключительно убеждением. Нужно показывать своим личным примером, что наше дальнейшее существование именно в качестве партизан и солдат, это единственно возможный образ действий в сложившейся ситуации. Знаю, со стороны может показаться,

что это слишком долго и
неэффективно убеждать
доверившихся тебе людей в том, что
нужно идти и рисковать своей
жизнью, ради совершенно
призрачной на их взгляд цели. В
самом деле, гораздо проще было бы
уйти на восток. Где сплошняком
стоят горы и забившись в какую—
нибудь глубокую пещеру, промышляя
охотой коротать там год за годом и
ждать, как всё повернётся. Жить
тихо, коптить небо и спокойно ждать,
что либо наши действительно
победят и тогда можно будет
выползти наружу, либо тихо прожить
сколько получится и помереть от
старости. Выход вполне себе

безопасный, знай делай короткие вылазки за припасами, да посмеивайся над дураками, непонятно за кого льющими свою кровь, сражающихся с заведомо более сильным и многочисленным врагом. Но вот что если все подумают точно также и расползутся по щелям словно паразиты? Значит нет тогда у нас права называться отдельной нацией. И чем бы то ни было кичиться. Те, кто не готов отстаивать честь и свободу, свои дома и тех кто слабее и сам постоять за себя не может — несомненно заслуживают участи уготовленной им любыми агрессивными пришельцами или даже обычными

бандитами из соседней тёмной подворотни. Сейчас Михась и Семёныч это вся моя армия, все солдаты которые должны перестать убегать и начать давать врагу сдачи. Но чтобы любой новый бой не выглядел как акт отчаянья и бессмысленное самоубийство, им нужно дать почувствовать, что мы воюем по плану продуманному на отдалённую перспективу. И в какой-то момент, я почувствовал, что этот перелом в сознании партизан наступает, теперь важно не спугнуть его, дать уйти отчаянью. Пусть на его место придут уверенность и боевой азарт, только так можно будет побороть то чувство безысходности,

которое нет—нет да и проглядывает во взглядах и речах обоих. Поэтому стиснув зубы и закаменев лицом ещё больше, я принялся объяснять. Дело шло туго, сомнения у артельщиков были и не скажу чтобы это были пустые страхи, задача стоявшая перед нами воистину стоит грандиозная.

Приятелю не нравилось то, что я предлагал, он горячился и постоянно вскакивая, выходил курить в отдельную каморку, которую мы отрыли специально для поклонников зелья. Пахучий дым по прокопанной дыре выложенной берестой, уходил от берлоги метров на сорок и стелился по дну небольшого сырого овражка, смешиваясь с гнилостным

смордом палой листвы и осклизлого бурелома. Даже в сухую погоду на дне оврага всегда стояла глубокая лужа, метра три длинной. Вода в ней покрыта маслянистой плёнкой выделяемой гниющей древесиной и листьями, а также дня четыре назад туда попала ворона со сломанным крылом. Наверняка забралась в заросли выискивая ягоды или ещё какую снедь, но просчиталась. Птица не смогла выбраться на поверхность, запутавшись в ветках топляка, уже подгнивших, похожих на ловчую сеть и сейчас её труп премерзко «благоухал». Поэтому никакого запаха я не опасался, а запасы курева хоть и были велики, но все—таки не

безграничны и курильщики нас особо не демаскировали. Зато исчез повод для стресса и вот сейчас, покурив, приятель вернулся уже почти спокойным. Хлопнув пачкой кишинёвской катанки с гордой латинской надписью «Kent» о поверхность оружейного ящика заменившего нам стол, Мишка снова уселся напротив и продолжил спорить:

— Нафига нам влазить в разборку этого ловкача, не пойму. Мы серьёзно подставляем, даже дураку понятно, что амеры отобьются, а вот нам точно не уйти. Сам рассуди: колонна встанет, сопроводилово организует оборону и

вызовет помощь. От кемеровской авиабазы подойдёт группа, со станции тоже кто-то подтянется на огонёк. Это к гадалке не ходи, как ясно!..

— Верно всё, да я особо и не спорю Миша. Так оно и будет, тут ты совершенно прав. Но вот задача у нас другая, нежели у Шермана и тем более у пионеров этих с трофейными «пушками». Если всё получится, как я задумал, то и мы уйдём, да и ребяташек сможем увести.

— Это как — Мишка снова начал горячиться и принялся тыкать заскорузлым пальцем в карту, царапая ламинат — Плащом — невидимкой их укроем, чтоли?! Сам

смотри: после моста идёт ровный прямой километровый участок грунтовки, который амеры укрепили стальной сеткой и там почти что асфальт. По обеим сторонам дороги подлесок вырублен, на десять метров в глубину даже травы нет. Дальше идёт поворот, но не крутой и его можно проскочить на скорости. Фуры у пиндосов мощные с бронёй на кабине, двигатель тож от пуль прикрыт, водилы опытные. Это значит, скорость они будут держать под тридцатку, может чуть меньше. Даже если рвануть фугасы, пулемёты никто не отменял и по наступающим они точно не промажут. В вырубке тоже толком не укрыться — любой

окоп причешут из гранатомётов на турелях и похоронят тех, кто там укроется. Их пушки мощнее наших АГСов, [\[35\]](#) сорок миллиметров против тридцати, это не баран чихнул. Да мало ли чего они ещё с собой тащат, разведка у салаг фиговая, они запросто могли всего не углядеть. Может только рассмешим, но не остановим на долго.

Пряча улыбку, я немного выждал, чтобы приятель остыл и окончательно выговорился. Но Михась, видимо, сказал всё, что хотел и теперь победно глядя на меня с изрядной долей превосходства, молча мял в пальцах очередную сигарету. Всё им сказанное,

несомненно имело место быть. Более того, Мишка не знал, что в своё время мне пришлось озаботиться проблемой организации засад в современных условиях. Повезло мне в том плане, что имея кое-какой личный опыт в непростом деле охраны и охоты на транспортные колонны, я успел завести нужные связи. Нет, в Штаты и всякие там «англии» ездить не доводилось, но вот уехавших на Запад друзей, нашедших «счастье» только на военной службе в тех краях было предостаточно. Друзья эти наезжали в гости, мы вели довольно оживлённую переписку и вот в такой форме, мне удалось получить

довольно полные сведения о том, как принято охранять и нападать на конвой в странах вероятного противника. Многое удалось узнать и о амеровской практике прохода колонн, нужно сказать, что изменилось очень многое, но всё же слабых мест хватало и у них. Придвинув к себе карту и отхлёбывая из чудом выжившей походной эмалированной кружки, я начал излагать суть зародившегося уже довольно давно плана:

— Уж когда ты прав, тогда прав. Но раз нам не дали спланировать всё самим, то давай попробуем определить нашу конкретную задачу и её решение. Прежде всего,

уничтожить конвой хочет Шерман сотоварищи, это их задумка — огрести бабло и подставить «туристов». Согласен, наскокивать на большой конвой в опасной близости от двух крупных скоплений войск противника, это глупо. Но мы и не будем никого уничтожать полностью, этот бой просто нужно прервать вовремя и отойти. Полная победа в подобной заварухе это покуда непозволительная роскошь.

— Мы трое ничего толком предпринять не сможем — Мишка снова беспокойно завертел сигарету в пальцах и подался вперёд — Тоже подставимся и делов — то... прихлопнут парой выстрелов из

гранатомёта.

— Если действовать с умом, то есть отличный шанс стопорнуть подкрепления, заткнуть на какое-то время конвойных «бурлаков»^[36] и быстро уйти. Будем рассчитывать, что «туристов» причешут не сильно и «тяжёлых» раненых, которых потащим, будет не слишком много... меньше всего хочется добивать своих. Смотри сам: вертушки стрелять по нападавшим не станут ни чем крупней пулемёта. Ракетами работать им не с руки — конвой тащит боеприпасы, а дистанция боя предвидится пистолетная, это примерно двадцать — пятьдесят метров. Само собой, пулемёты это

тоже плохо, но шанс уцелеть будет, если вовремя скомандовать отход, а это одна из наших первостепенных задач. Местность нам в помощь, если согласишься внимательней, то укрыться отступающим есть где. Справа — густой лес, а по левую сторону дороги — цепь плоских лесистых холмов. Всё что нам придётся сделать, это по возможности свалить или хотя бы отпугнуть одну «вертушку», заткнуть станковое оружие конвойной группы, да отсечь минной закладкой мангруппу, которая пойдёт только от авиабазы, А поскольку мост будет считаться небезопасным, с той стороны подмогу пускать не

рискнут...

— Одного фугаса мало — С удовлетворением я отметил, что тон приятеля изменился, суть задумки становилась ему ясна — Даже если по обочинам мин накидаем, сапёры закладку могут вскрыть.

— А мы и не будем слишком разоряться — Я окликнул окончившего трамбовать мясо Варенуху, который тоже присел к столу — Семёныч, у нас бензин, что ты с машины сливал ещё остался?

За прошедшие недели, бывший водила похудел телесно и вся его фигура стала поджарой. Щёки ввалились, глаза смотрели с недобрым прищуром, от чего

беззлобный раньше хитрован — дальнобойщик стал похож на заправского вояку. Но стоило ему заговорить с кем-нибудь из нас, как голос снова становился мягким, а морщинки у глаз разглаживались. Сейчас Варенуха с готовностью кивнул указав на один из наших схронов на карте:

— Вот туточки четыре десятилитровых канистры спрятал — Закатив к потолку глаза, водила нехотя добавил — Там ещё масло машинное было в кабине, я тож припрятал... мало ли чего.

Где-то на заднем плане мысль, что водила ободрал брошенный грузовик как липку, всё время

маячила. Поэтому только одобрительно кивнув, привстав я достал из дальнего угла комнаты небольшой кусок алюминиевого лома. Алюминий — ценный металл, когда дело касается взрывчатки, с детства на его основе смастерил не одну самодельную бомбу. И когда мы бросали грузовик, я открутил несколько алюминиевых деталей, благо в машине такого добра навалом, благо они не особо добавили веса в рюкзак. Затем порывшись в вещах извлёк на свет два куса хозяйственного мыла и напильник:

— Будем варить напалм, товарищи...

Артельщики непонимающе уставились на выложенные перед ними предметы, Михась по инерции взял в руки кусок мыла и зачем-то понюхал. Потом поморщившись отложил его в сторону и снова вопросительно уставился на меня. Удивил водила — Семёныч молча взял кусок старой, непонятно как попавшей в берлогу газеты, алюминиевую запчасть и напильник. Ещё через мгновение он уже размеренно крошил белую, тускло поблескивающую стружку на бумагу.

— Миша — Я подвинул к приятелю куски мыла — Бери ножик и начинай распускать мыло на мелкую стружку. Смотри кусков не

оставляй, делаем для хороших людей. Нарекания в случае чего нам свинцом выпишут. А пока расскажу, что делать будем.

Передвинув карту в центр стола, я начал чертить схему, попутно поясняя для артельщиков их задачи. Работа предстояла вообще титаническая: всего в три персоны, нам нужно остановить подкрепление, помочь «туристам» с охраной колонны и самое главное — нейтрализовать предателя в лице того, кому отчаявшиеся люди безоговорочно доверяли. Медленно, тщательно проговаривая слова, я заговорил снова:

— Виталий Семёныч, ты у нас

будешь в засаде сидеть, как бы кругом не стреляли — не высовывайся, себя не обнаруживай. Твоя задача будет остановить подмогу, которая к каравану пойдёт.

— Э... — Варенуха с хрустом почесал бритую наголо голову — А я сумею? Их ведь шибко много придёт. Ну положим даже и с пушкой своей буду, но они ж на броневиках...

— Стрельнуть, конечно, придётся. Но немного, этого должно хватить пары коротких очередей, патронов по пять.

Я скрывая улыбку провёл две параллельные линии вдоль участка дороги начинавшегося сразу за поворотом, после прямого участка

идущего от моста. Судя по карте, раньше с обеих сторон лес подступал к дороге почти вплотную, но после обустройства остались только груды бурелома. Завалы мёртвой древесины и сухого кустарника, высились на выбранном мной участке метра на полтора и тянулись почти на три с половиной сотни метров.

— Ты сядешь справа от дороги, метрах в трёхстах от завалов. Возьми одну из трёх плоских высот на юго-востоке от дороги. Сесть бы тебе чуть далее, но проводов не хватит, придётся рискнуть. Но место там нормальное: в секторе обстрела окажется весь участок с завалами, это почти сто восемьдесят градусов.

Держи связь с Михаилом, у него будут запасные провода от фугаса, радиоподрыв на случай глушения сигнала и прозвона детектором исключаем.

— И как тогда я с дедом свяжусь?

Голос Михася уже не был таким задиристым, ему стало реально интересно, как это всё будет работать заткнув одну сигарету за левое ухо, приятель весь подался вперёд, безотчётно мусоля в пальцах ещё одну.

— Да ни как, если придётся — Я уже не улыбался, этот вариант был на крайний случай — Ты должен сидеть тихо, но позицию выбирай

так, чтобы заметить подходящие подкрепления. Нас всего трое, мужики, придётся изворачиваться, по-другому никак. Миша, твоя основная задача — караулить Шермана и итальяшку. Как только амеры выйдут группе прикрытия в которой будет этот «испанец» в тыл, то вали их наглухо, но шерманова знакомца ни в коем случае не трогай. Можешь его подранить, но чтоб кровью не истекал, он нужен мне живым, это обязательно. Винтарь — то выдержит нормальную работу, не подведёт?

Приятель обиженно засопел, мои подначки касавшиеся «Винтореза», Мишка очень не

любил. Вот и сейчас, он только махнул рукой — мол выдержит, не зудит, но ничего больше не сказал. Отпив из кружки добрый глоток уже остывшего чая, я продолжил:

— Ну, стало быть так и порешим. Значит, задача такая: выпасай наёмников, но и на дорогу поглядывай. Семёныч сам должен фугас подорвать, просто страхуй его. Фугас поставим на вершине пригорка, это пиковая точка спуска. Я загодя норку пророю, травой забью, а землю утащу подальше. Когда досматривать станут, ничего заметить не должны, это я гарантирую.... Машины у амеров идут парами или тройками, с

разрывом в тридцать — пятьдесят метров между такими связками. Как увидишь, что первая тачка минует пригорок — рви. А ты Семёныч под звук взрыва дай две очереди по бурелому, где я ориентиры выставлю. Старайся подгадать, чтобы звук и вспышку засечь не успели, а то чесанут из всех стволов и полетят от тебя клочки. Пару сосёнок срублю, верхушки в бурелом загодя воткну, по ним и чуть ниже бей. Для этого нам напалм и пригодится: ветром дым будет на дорогу сносить, амеры прорваться сквозь огонь не смогут. Пока разберутся, пока тебя будут выцеливать — уйти успеешь. Про места сбора позже поговорим, сейчас

О главном.

— Ловко — Варенуха обхватив заросший щетиной подбородок красно-бурой пятернёй, уставился в карту что-то прикидывая — Пожалуй спекутся оне, духовку ты придумал атаман, пал может в любую сторону пойти. А как тайга загорит, то в суматохе не до нас будет, это точно.

— Может и загорит, а может нет, главное, это то, что «красного петуха» получить никто из караванщиков не ожидает. Парни тут воевали в пустынях, может есть те, кто отметился в Косово...

— А ежели кто в Чечне был, это ты не учёл?

Мишка не преминул вставить свои «пять гривен», но я только отрицательно помотал головой. В принципе, оно конечно может быть и так, однако начальник разведки «туристов» клятвенно заверил, что за провод каравана отвечает кадровая часть. А значит, все спецы имеющие боевой опыт там из «массовиков», то есть тех, кто в российских заварухах участия не принимал. Как максимум это те же ветераны ближневосточных войнушек, последняя из которых всё ещё тлеет — иранские повстанцы, после превращения двух третей собственной страны в радиоактивную пустыню, до сих пор порядочно гадают амерам. Но условия

там радикально отличаются от наших: большие открытые пространства, минимум растительности. Поэтому тут, они наверняка действуют шаблонно и основной упор в мерах безопасности сделан на поиск мин и управляемых фугасов. Но даже тут всё осложняется, поскольку искать мины и фугасы на открытой местности, да ещё песчаной, это совершенно другой коленкор. По материалам, которые мне попадались в мирное время, я вычислил, что огонь, неконтролируемый пожар и прочие природные катаклизмы, это своего рода малоучитываемый фактор при боевой подготовке. Современных

солдат натаскивают только лишь на ситуации чисто военного характера. Огонь их несомненно отвлечёт и дезорганизует, пусть даже на короткое время.

— Если в караване нет наёмников, а их там точно не будет, то шарящих в наших реалиях амеров из регулярных частей можно в расчёт не брать. Солдаты там обученные, но наших условий ещё толком не знают. Тут не город, где они смогут с нами тягаться и не пустыня, тайга кругом.... В любом случае, наш план это предусматривает — шумнём, запалим бурелом, который они ещё не успели убрать и в суматохе уйдём. Это вполне осуществимо, справимся.

Коме того, не забывай — шермановы подельники из частной охранной конторы. Не думаю, что они рискнули бы идти против своих коллег. Их главная забота — анонимность, без риска быть опознанными, они могут напасть только на регулярную часть, прячась за спинами партизан. Ты, главного не забудь: итальяшку насмерть не застрели, помни об этом, Миша.

Мои слова на приятеля особого впечатления не произвели, но возразить было нечего и он тряхнув головой, снова убежал курить в нору, забрав со стола вполне узнаваемый портрет Матинелли. Мы с Варенухой собрали мешки с припасами, один из

которых нести предстояло мне, а два других потащат он и Михась. Предстояло обновить закладки в схронах, а также пополнить запас патронов и гранат. Печь и прочий скарб уже стояли в разобранном состоянии, их предстояло убирать, поскольку после громкой акции на трассе, базу непременно придётся оставить. Я уже присмотрел горный массив юго—восточнее Новосибирска, куда от нашей теперешней базы было идти недели две. Там по моим сведениям встречаются разветвлённые комплексы пещер, сообщающихся между собой посредством длинных галерей и русел подземных рек.

Последнее обстоятельство особенно ценно в виду того, что численность отряда скорее всего сильно увеличится. Немаловажной деталью были некрмбатанты и тяжелораненые. В сложившихся обстоятельствах я не могу позволить бросить даже самых безнадежных из них. Люди вливающиеся в отряд будут внимательно присматриваться и в первую голову нужно успокоить тех, кто будет ходить на боевые. От каждого я буду забирать по максимуму от их физических сил, доводить до предела их психику. Когда смерть косит народ миллионами, нельзя пренебрегать любой помощью, поэтому все они

должны будут помнить, что командир их не бросит, как бы безнадежно ни было положение любого бойца. А воевать, так или иначе я заставлю всех, от мала до велика.

... В лес выйти удалось только спустя час, после того как в мелких деталях расписал план по спасению «туристов» от подставы организованной Шерманом. Теперь, я направился на восток, к тому самому мосту где в скором времени нам предстоял первый серьезный бой, почти открытое столкновение с захватчиками. Нет, само собой ничего чудесного измысливать не пришлось, старые проверенные

способы которые решено было применить сейчас, уже более шестидесяти лет назад применялись нашими предками. Дед много рассказывал про такие штуки, даже показывал кое—что. Ветеран, прошедший сначала финскую войну, затем бывший японцев у маньчжурского озера Хасан, а позже ещё долгих шесть лет воевал сперва с немцами, после вылавливал их последышей в Белоруссии, он многое умел. В своё время, я много интересовался именно живой историей, жадно впитывая крупицы реального опыта добытого ценой немалой крови. Как выяснилось, не зря, запоминал и учился. Хотя в

благополучные и такие щемяще — далёкие советские годы, это казалось атавизмом. Модное слово «напалм» многие знают из газет про американско — вьетнамскую войну, хотя варёво это было известно задолго до тех времён и наши военные и особенно партизаны давно использовали зажигательную смесь с первых месяцев войны. Мне предстояло прокопать две неширокие канавы вдоль неубранных линий бурелома и в последствии залить их горючей смесью. Трофейная складная лопатка для таких дел не годилась, поэтому я в сотый раз поблагодарил Судьбу, за подвернувшуюся на складе

наёмников, нашу малую сапёрную лопатку с деревянной ручкой. Кромки её штыка, правил при каждом удобном случае. Поэтому сам процесс рытья узких но глубоких канав особых проблем не доставит. Смесь тоже готовится за несколько часов, это проделывать тоже не новинку. Тот рецепт, по которому мы будем варить «горючку», сработает даже в сырую погоду, хотя само собой будет больше дыма. Но это тоже неплохо, задымление нам только в плюс, если части из резерва, то дым забьет их устаревшие лазерные указатели на винтовках, искажая перспективу. Мелочь, но всё же приятно. Миновав последнюю

полосу где стояли сигнальные нити, я накинув капюшон куртки превратился в обросшее листьями существо, окончательно потеряв всякое сходство с человеком. Со стороны, больше было похоже на извалявшегося в лиственный—травяной трухе средних размеров медведя, но и это сходство тоже весьма и весьма приблизительно. Стоило ступить под сень поросших мхом огромных лиственниц и достающих до пояса зарослей кустарников и замереть без движения — сразу превращаешься в невидимку. Особая масть на основе кабарожьей струи позволяла обмануть даже чутких к запаху человека зверей, вроде тех же косуль

и мелких грызунов. Смешанная с глиной, такая мазь покрывала открытые участки тела и обувь, тоже перемотанную тряпьем. Это скрывало рисунок протектора ботинок, плюс не отпугивало зверей незнакомым запахом. Поэтому даже опытный следопыт не сразу встанет на мой след, а не слишком опытный вообще пройдёт мимо. Следы же зверей и людские отпечатки ног, я читал словно открытую книгу.... Стоп! В траве мелькнула блестящая узкая ленточка — кто — то спугнул ползшего по своим делам ужа. Замерев на месте и присев на корточки я скрылся под ковром высоких трав словно нырнув на

небольшую глубину. Это не зверь, даже сохатый не спугнёт безобидную змею, коли не мчится сломя голову спасаясь от пожара, а в воздухе гарью совершенно не пахнет. Значит, уж убегает от кого-то крупнее хорька, но мельче медведя, а это может быть только человек. Зверьё обычно ладит между собой, чуют присутствие друг друга и потенциальная добыча тихо уходит с пути охотника загодя. Но если это человек, животные особо не осторожничают, как мы не опасаясь быть понятыми свободно говорим в присутствии иностранцев на родном языке. Звери тоже большей частью полагают, что мы их не понимаем, потому не особо таятся. Присев так,

что над верхушками кустов
виднелись лишь узкие прорезы маски
и макушка увитая бахромой узких
лент и пучками травы, я
присмотрелся к небольшому
просвету меж деревьями справа от
себя. До чёрной прогалины было
метров двадцать и судя по всему там
проходила звериная тропа. Мысленно
сверившись с картой, я прикинул, что
тропинка ведёт вероятнее всего к
речной отмели, где традиционно
находится место водопоя. Раз змея
уползает оттуда, то я уже почти на
месте: звери не торят дорогу к воде,
если до неё меньше чем
полкилометра. Прикинув расстояние,
я понял, что до переправы, где будем

устраивать акцию, было рукой подать. Но всё портил этот непонятный чужак, или несколько, ошивавшихся сейчас совсем недалеко. Чуть привстав, двинулся влево, обходя тропу по неширокой дуге. Миновав небольшую полянку, я нырнул в густую тень отбрасываемую деревьями и перетекая в низкой стойке от дерева к дереву двинулся вдоль речного берега, не пытаясь выяснить кого же испугался уж. Если наши пути не пересекутся, я найду их следы позже, на обратном пути. Сейчас времени не так много, с учётом того, что ещё следует отрыть свою часть компонентов к смеси и до того как стемнеет принести

горючее на базу. В удалении, уже за спиной, я расслышал резкий сорочий крик — пришельцы уходили с тропы и забирали круче на запад, в район расположения авиабазы. Кто бы эти ни был, выучка у них без сомнения имеется: шумели они не как штатские, а скорее как приезжие. Иными словами с лесом люди без сомнений знакомы, но ходили по нему без знания местных условий. Сейчас незнакомцы уже ушли на три сотни шагов и наткнуться друг на друга нам уже не грозит. Распрямившись, я побежал лёгким шагом избегая близко ставить ноги, ширина шагов должна быть больше обычной, чтоб реже задевать стебли

кустарников. Спустя два часа непрерывного бега, пришлось остановиться. Лес резко обрывался, уступая место расчищенной голой полосе выжженной земли. Присев у ствола опалённой искусственным пожаром сосны, я внимательно осмотрел открытый участок дороги. Вынув карту и прикинув расстояние до моста, смекнул, что оказался в полукилометре от завалов, где планировалось поджечь валежник. Река теперь лежала по правую руку, восточней теперешней позиции, значит слева будет дорожная развилка, отстоящая метров на семьсот отсюда. Приглядевшись к покрывавшей обычную грунтовку

металлической сетке, я понял, что тут не было машин уже часов шесть, а может и все десять. Глянув на часы, прикинул время, которое уже потрачено и решил пойти сначала к перекрёстку. Есть у меня одно непреложное правило: если существует возможность, следует хорошо изучить место акции. Сейчас был как раз такой случай, на доразведку удалось выгадать целых сорок минут. День выдался солнечный, по сочной синевы высокому небу ползли белые барашки облаков, солнце уже перевалило полуденный рубеж и висело прямо над головой. Перейдя на лёгкий бег, я через десять минут

оказался у дорожной развилки. Свалив в вырытую под корнями чахлой берёзки основную часть груза, я с облегчением вздохнул: карабкаться на верхотуру с заплечным мешком это уже слишком. Немного поискав глазами подходящее дерево, выбрал высоченную ель, ростом вымахавшую почти с пятиэтажный дом. Примерившись я подтянулся и рывком взобрался на толстый нижний сук. Спустя ещё пару минут, я уже был на уровне крон остальных деревьев и выше подниматься уже не стал: такое высокое дерево — прекрасный ориентир для вражеских наблюдателей. На фоне остальных

верхушек деревьев, мою позицию уже нельзя обнаружить ни с воздуха, ни тем более с земли. Через трофейный прицел местность отчётливо просматривалась в глубину на семьсот метров окрест. Переправа и мост, а также завалы на подъёме грунтовки теперь видны как на ладони: завалы тянулись вдоль обочин дороги, чуть ближе на юго-западе просматривались глубокие колеи, оставленные дорожной техникой. Пошарив прицелом, по иссечённой просеками тайге, самих машин не обнаружил. Скорее всего, всю технику бросили на строительство авиабазы и обустройство инфраструктуры

железнодорожного узла. Обустройство полосы безопасности бросили на середине... может быть что-то не срослось по срокам. Партизан, как первоочередную угрозу похоже никто не рассматривал, что радовало. Дорога оказалась наезженной только по направлению от авиабазы до станции, отвилочек ведущий к кемеровскому отрезку грунтовок был совершенно разбит гусеницами танков и уже довольно давно заброшен. В углублениях дорожной колеи зацвела вода, глинистая почва покрылась сухой коркой, кое-где выступили соляные разводы. Похоже, что оставшееся от города пепелище

никто обустроить не собирается. Я уже совсем было потянул ногу вниз, нащупывая ветку чтобы спускаться на землю, как со стороны станции послышалось некое отдалённое жужжание, постепенно перераставшее в глубокий звук моторов. Замерев на месте и повернувшись корпусом вправо, я внимательно присмотрелся к участку грунтовки откуда доносился звук. Над деревьями поднимался шлейф белёсой дорожной пыли, через пару долгих мгновений у переправы показалась первая машина, а затем ещё и ещё. Вытянувшись многосуставчатой металлической змеей, через мост перевалила

воинская смешанная колонна. Впереди шустро скользили две однотипные трёхосные машины странного вида, привлёкшие моё внимание. У первой был плоский, приземистый кузов, башенка с пулемётной турелью, вместо триплексов только небольшой приплюснутый колпак прикрывающий блок оптико—электронной системы над турелью и ни единого следа бронекапсулы экипажа. У шедшей следом всё было точно так же, за исключением того, что вместо пулемёта, в передней полусфере был смонтирован прямоугольный шестиствольный пусковой ракетный контейнер. Это

были боевые дроны, вроде тех, что появлялись иногда по «ящику». Только машины которые сейчас перескочили через мост были размером чуть меньше обычного «хамви». Они несли на себе помимо навесного вооружения сегменты активной защиты, бугрящейся в наиболее уязвимых точках кузова. Броня закрывала вместилище боекомплекта, двигатель и по-видимому узлы шасси, низкий, короткий силуэт удачно помогал дрону прятаться в складках местности.

Уничтожить такую машину с помощью «мухи» или обычного гранатомёта будет не так уж и

просто. Нужен прямой выстрел с короткой дистанции, лучше сбоку и желательно с возвышенности. В своё время приходилось читать про тактику вскрытия засад с помощью вот таких колёсных роботов. Они не выдержат атаку с воздуха, весь обвес рассчитан именно на нападение с земли. Внимательно рассмотрев оба дрона, когда они достаточно приблизились, я прикинул, что подбить их можно с сотни метров, но это критический максимум. Те, кто пойдёт против роботов, фактически смертники — их расстреляет основное охранение, после первого же залпа. Однако другого способа вывести из игры новую выдумку

вражеских конструкторов, пока просто нет. В любом случае, атаковав такую танкетку, нападавшие вскроют свои позиции для основного охранения, а дрон можно позднее и починить. Пропускать их тоже нельзя, ведь дроны вступят в бой, повинаясь командам операторов, находящихся может быть даже в той же Америке, где-нибудь под защитой десятка метров армированного бетона. Поэтому засаду нужно будет растянуть, выведя группу истребителей дронов в отдельную отстоящую от основных сил боевую единицу. Сделав мысленную поправку в «блокнот диверсанта», я продолжал наблюдать, но более

ничего интересного уже не происходило. За дронами на высокой скорости проскочили ещё два «хамви» с полными экипажами и стрелками в забранных бронещитами турелях они бдительно вертели головами в громоздких шлемах с микрофонами у рта. Чуть медленнее мост миновали три крытых брезентом грузовика, под завязку чем-то загруженных, следом степенно проползли два «абрашки», [\[37\]](#) все в листах активной защиты с задраенными люками, танки напоминали бесхвостых броненосцев. Но всё же, кое-что примечательное я упустил. Окрас всей техники поразил неясным

дрожащим рисунком, расплывчатый узор его, плыл и переливался, от этой чехарды резко заболели глаза. Термооптический камуфляж... так вот ты какой, северный олень! Про подобное покрытие, делающие технику практически невидимой, слышать уже приходилось. Якобы нечто подобное планировали дать неким специальным подразделениям, однако тонкая плёнка состоящая из мельчайших светоотражающих нитей, потребляла ещё слишком много энергии. Плюс теряла свои свойства при попадании пуль и осколков, глючила от близких разрывов снарядов и гранат. В случае с такой машиной как «Абрамс»,

дополнительное энергопитание скорее всего не проблема, вот они и щеголяют новинкой. Следом проскочило ещё два грузовика, но внутри явно были люди, машины не проседали под тяжестью груза, да и поднятая в скатку на крышу горловина брезентового тента, точняк для пехоты. Неожиданность снова подстерегла под конец: приседая на ухабах, за грузовиками пылил ещё один «хамви», но ярко — жёлтого цвет. С хромированной решёткой радиатора и массивным бампером, в том же исполнении. На крыше высился ряд противотуманных жёлтых фар, чередующихся с мощными обычными

осветителями. Тонированные стёкла тускло блестели в ярких лучах солнца, джип словно бы гарцуя на неровностях важно качнувшись съехал с моста на дорогу. Следом шло три обычных армейских машины, смотревшихся бедными родственниками, рядом с тюнингованным по неведомой мне моде жёлтым монстром. Караван величаво проползал мимо, а я думал лишь о том, что против нас всё это время стояла не отдельная страна или даже две. Против России наконец—то открыто выступила вся западная цивилизация. Не хватило у иностранцев терпения обратить в свою веру молодёжь, так неохотно

забывающую родной язык, пусть даже коверкая его, порой до неузнаваемости. Дух поступков «русских», образ их мышления так и остался непостижим и от того сделался ещё более ненавистен новым хозяевам мира. Пусть иногда одетый в пёстрые тряпки и непонятно говорящий подросток казался уже переделанным, «своим» и неопасным. Но стоило такому субъекту на минуту остановиться и задать себе пару важных для любого русского вопроса, как шелуха слетала. Такой «русский» инстинктивно находил верный путь и правильные ответы, либо умирал, но прежним туповато — послушным

уже не становился никогда. Нечто глубинное, запрытанное глубоко в генной памяти поднималось к поверхности, ломая чуждые установки, сминая воздвигнутые хитрыми дизайнерами душ преграды. Уничтожить такого человека, оставив от него горстку праха вот единственный способ победить «русского». Это поняли уже давно и как всегда самую рациональную формулу вывел король Пруссии — Фридрих Великий, сказавший, что русского нужно сначала застрелить, потом проткнуть его сердце штыком и для верности отрубить голову. Якобы король видел, как русские гренадёры с простреленной грудью,

не единожды проткнутые штыками, вставляли и дрались. Конечно же это преувеличение, но судя по нашему небольшому отряду и бестолковым «туристам», не совсем безосновательное. Любое тело движет дух, в данном случае нечто дремучее, словно пришедший из глубины веков мотив непонятной песни. Я часто ощущаю в себе и тех немногих уцелевших, кто прошёл со мной старые, почти забытые сейчас войны, этот бередящий душу мотив. Он похож на музыку без слов... торжественный, басовитый напев, почти неуловимый. Если пытаться осмыслить его рационально — исчезающий совершенно, но

понятный, стоит только идти за мелодией не задумываясь. Мотив звучит как грозовые раскаты: оглушающе и величественно, но вместе с тем слышишь его только ты сам. Он зовёт, берedit душу, заставляя страх смерти на какой-то миг отступить. А после с презрением смотреть на любого врага, каким бы страшным и непобедимым тот ни казался первоначально. Помимо отчаянной злости появляется словно бы невидимый щит и стойкое убеждение, что даже смерть не может быть страшней бесчестья, невозможности если не победить, то по крайней мере поквитаться. Может быть это глубинное родовое начало

хотели истребить агрессоры, тратя миллиарды трупно — зелёного колера денег, с ликами благообразных господ со злыми глазами, надменно вздёрнутыми подбородками в напудренных париках и старомодных костюмах? Нет, иностранцы всегда были излишне прямолинейны, бессознательное и иррациональное в их миропонятии не укладывается. Они просто решили перезаписать целый народ. Глупая, затратная идея, способная сработать ну может быть только на своих, схожих по ментальности. Однако вера в свой метод — великая штука. Сначала, нас пытались заставить забыть,

уничтожая самую сущность родовой памяти, извращая историю, подменяя понятия. Не прав будет тот, кто говорит, будто бы народности с древних времён перемешались и теперь только кавказцы помнят кто они и откуда. Есть ещё нечто более тонкое, сидящее в каждом человеке глубже самого первого детского воспоминания. В моменты опасности, память предков просыпается и тогда любой осознает, именно осознает, потому как память предков это зов крови. Это величина абстрактная, потому аналитики агрессоров её никогда в расчёт не принимали и зря. Когда же выяснилось, что ничего толком не

выходит, решили, что давнишний способ предложенный прусским королём будет намного дешевле по совокупности. И случилось событие, последствия которого я могу наблюдать можно сказать из «губернаторской ложи».

... Хвост колонны миновал участок дороги напротив моего дерева и в довершение абсурдности происходящего, пассажиры жёлтого джипа врубили динамики вмонтированные куда-то в радиатор их машины.

— Ай лайк ту мув ит — мув ит!..
Щи лайк ту мув ит — мув ит!..

Хриплый голос исполнителя с нарочитым ямайским акцентом,

начитывал примитивный текст под жёсткий пульсирующий ритм. Словно вороний похоронный грей, каркающий речитатив эхом разносился по пустынному лесу, замирая где-то в самой глухой чаще превращаясь в неразборчивый хрип. Машины уже скрылись за деревьями, когда я отпустил наконец-то крепко стиснутую до этого момента ветку дерева и уняв нервную дрожь, побежал к схрону. Песня подняла в груди мутную волну с трудом сдерживаемой ярости. Лишь невероятное усилие воли удержало от того, чтобы не пальнуть из «подствольника» в окно пижонской машины. Сами оккупанты не вызвали

такой ярости, как совершенно
обычная, да ещё жутко старая
песенка. Просто после всех
увиденных зверств, мне казался
диким сам факт исполнения мирной
песни. А ещё точнее, пришло
понимание, того, как относятся к
этой войне пришельцы. Они
методично, словно уличные
уборщики вычищают мусор, при
этом занимаясь своими обыденными
делами. Жившие тут люди не
ассоциируются у агрессоров с чем—
то обладающим разумом, пропаганда
низвела нас до некоего подобия
обрывков обёрточной бумаги и
пустых картонных коробок. Вся
чуждоподобность этого была столь

убийственна в своей простоте и функциональности, что я вновь захотел убить всех амеров, до кого смогу дотянуться, не выписывая больше хитрых тактических кренделей. Отчаянье... этого следует избегать любой ценой. Такой шаг враг сам подталкивал нас совершить, исподволь проводя подобную мысль в книгах, фильмах и речах непонятных «бывалых» с просторов интернета. Послушать их, так всё очень просто: враг силён и лучшее что можно сделать, это бросится на единственном истребителе в безрассудный бой, скомандовать остаткам своего взвода броситься в атаку на вражескую мехколонну; Или

ещё того чище: попытаться запустить ядерные ракеты вверенные некоему полку стратегических ракетных войск. Далее по списку: одинокий линкор, одинокая подводная лодка, два—три танка и прочая белиберда. Подобная чушь часто выдаётся её авторами за некий единственно верный во время оккупации шаг. Безусловно, это очень эффектно — броситься в последний бой и дать врагу расстрелять себя издали или потопить. В случае с ядерными ракетами шуму может вообще не произойти — их собьют и довольно быстро. Но даже если и рванёт какой—нибудь город Хьюстон штат Техас заодно с калифорнийской

Санта–Барбарой, ничего
кардинально не изменится. Враг ещё
больше сплотиться вокруг своего
правительства и легко уничтожит
тех, кто своими руками уничтожает
свой единственный шанс на победу.
Я считаю, что вот если
посчастливилось уцелеть самому и
сберечь технику, ну поищи ты таких
же везунчиков, украсьте технику и
подумайте, как следует воевать. И
делать это сколь угодно долго, ведь в
конечном итоге тебя лет пять учили в
институте, потом худо–бедно гоняли
по полигонам. Неужели всё это ради
того, чтоб ты словно загнанный,
ведомый слепым инстинктом зверь
пёр на флажки, прямо под выстрелы

охотников? Да, не спору, это проще и эффектней, тем более не выглядит как поступок малодушного или труса. По-гусарски угробить пару янкесов и наверняка всех тех, над кем тебя Родина поставила командиром, это сто пудов геройский поступок. А главное, всё укладывается в два пути избранных для покорённых народов хитрыми американскими мудрецами. Они исподволь готовят нам развилку, где предполагается что отчаявшаяся часть уцелевших боеспособных частей разбредётся неорганизованной массой и будет уничтожена специально выделенными частями. Другая же,

состоящая из не менее боеспособных
но сугубо гражданских лиц ударится
в мародёрство и попрчется по лесам
и пригородам. Я с удивлением читал
целые трактаты о том, как можно
выжить в лесу, питаюсь подножными
кормами и выделявая одежду из шкур
или прятаться в городских
развалинах, грабя магазины и менее
удачливых товарищей по несчастью.
В обоих случаях — ограниченное
число вариантов поведения и
схематичный набор сопутствующих
действий. А главное, всё это
закладывается в тренинг контингента
оккупационных войск,
просчитываются способы
уничтожения таких вот

счастливи́чиков. Если и встречаются толковые идеи, то они хоронятся под тоннами идиотской чепухи, про путешествия во времена Великой Отечественной войны. Но там героизмовать легко: враг и его действия давно известны, а тактические ошибки наших дедов обсосаны на множестве тематических форумов, даже снято несколько разной степени паршивости фильмов. Авторы этих фантазий забывают, что и без их, порой наивных до смешного, а чаще всего откровенно глупых «советов», наши предки уже победили. Как человек плотно общавшийся с ветеранами той большой войны, я не

рискнул бы им там, в то лихое время что—либо советовать и указывать как нужно бить врага. Они это и так умели, причём как выясняется гораздо лучше, чем почившие сейчас в остеклённых воронках советчики. Их главным оружием были отнюдь не только техника, а в первую очередь неколебимая вера в то, что их правда сильнее правды пришедших незваными агрессоров. Кто из современных теоретиков смог бы высказать ветеранам хоть половину лжи и измышлений, которыми эти всезнайки пробавляются между собой. Вот так встать и глаза в глаза рассказать этим простым рабочим той войны, что они де неправильно

воевали? Уверен, просто не достало бы духу, настолько всё измельчало в душах искалеченных ветрами перемен людей, стыдливо называющих свою великую страну «бывший СССР». Отдав её просто за красивые фантики и стеклянные бусы хитрым иностранцам, они отдали вместе с гербом и знаменем свою свободу, личное достоинство. Пришедший сейчас с оружием наперевес враг, уже тогда наполовину победил, отняв у людей их правду. А без правды нет победы. Никогда эта капризная дама не покоряется тем, кто не верит в то, что он прав. Амеры ловко подсунули ослепшим русским идею

мародёрства. Потакая всему
низменному, а конкретно шкурному
инстинкту, так старательно
вытравливаемому целых семьдесят
лет. Самое главное, это увести людей
от того, что они реально должны
делать, как вести себя. Ни один
«бывалый» не учит своих
последователей как воевать с
захватчиками, мол, это дело
безнадёжное. Пусть де воюют те,
кому не запахло, а мы будем сидеть в
землянках и вшей давить, а потом
выйдем и обдерём то, что оставили
хищники покрупнее. Почему
неглупые, вроде как взрослые
мужики, отслужившие в армии и
имеющие какой—никакой жизненный

опыт, так легко ведутся на эти рассказы? Это так и осталось для меня загадкой, хотя вот он выход: думай головой, откажись умирать и тупо ныкаться по щелям. Взять в руки оружие, дать залезшему в твой дом вору жёсткий отлуп, защитить тех, кто сам этого сделать не может. Но только с умом, пусть на обдумывание и планирование уйдёт время, однако так можно бить врага долго и в конечном итоге сквитаться, а может быть даже и выгнать его с родной земли, как бы избито и пафосно это не звучало. Перед мысленным взором встал старый, опять же военный плакат, где молодая женщина прижимает к себе ребёнка лет двух,

стараясь заслонить его от примкнутого к немецкой винтовке острого штык — ножа, направленного на неё. В её глазах застыли ужас, боль и страх, но художнику удалось показать, что боится она не за себя. Большими буквами внизу было написано: «Воин Красной Армии, спаси!». Нет больше красной армии, но солдаты остались, как наверняка есть ещё и подобные этой женщине люди. Это врагу предстоит твёрдо усвоить. Тряхнув головой, прогоняя не к месту нахлынувшую философичность, откопав мешок с мясом и пристроив его на хребет, я ускорив шаг двинулся дальше.

Пройдя шесть с половиной километров на юго-восток от дороги и потом заложив небольшую петлю, я вышел в район, отстоящий как бы в вершине правильного треугольника между двумя приметными ориентирами — авиабазой и железнодорожной станцией. Тут, в сухой, поросшей кустарником балке, мы с Варенухой устроили один из схронов. Но шестое чувство, в условиях лесной жизни обострившееся невероятно, удержало от очередного шага. Присев в траве на колени и вскинув автомат я осмотрелся по сторонам, примечая потревожившие подсознание несоответствия. На первый взгляд

всё было как обычно, но в общей картине было нечто неправильное. Поводя стволом из стороны в сторону, я на какое-то мгновение задержал взгляд на раскидистых листьях лопуха и нижних ветках деревьев. С кустов и веток были сбиты пыль и остатки росы. Хотя время уже давно перевалило за полдень, в чаще влага держится на траве и листьях ещё очень долго. В лучах солнца, почти не заглядывавшего сюда и заслоняемого кронами старых лиственниц, росяные капли блестят особенно ярко. Но вот был один участок, ведущий прямоком к нашему тайнику, который словно кто-то

вытер сухой тряпкой. Пыль вопреки общему заблуждению городских жителей водится везде. Лес в этом плане не исключение и мельчайшая пыль, это главный индикатор при поиске чужого следа. Осторожно поднявшись, чуть ссутулившись и время от времени осматриваясь вокруг, я двинулся к подозрительному месту и снова присев, раздвинул стебли папоротника. Предчувствие оказалось верным — тут часа два назад прошёл человек. Армейские ботинки, весом под сотню кило ростом примерно с меня... крепкий мужик. Обойдя направление движения незнакомца справой

стороны, я пошёл по чёткому следу к схрону, мысленно опасаясь самого худшего. Этот тайник никто кроме меня не должен был навещать, Варенуха с приятелем шли к укрытиям на севере и юго-западе, поэтому кто бы ни был этот чужак, за одного из партизан его принять невозможно. Туристы резвятся? Это вполне возможно, однако среди них так аккуратно вроде бы никто ходить не умеет. Тем более, что этот пассажир тут пока бродит в полном одиночестве: дно балки очень узкое, склоны отвесные и цепью тут не пройти. След, который я обнаружил — одиночный, человек шёл аккуратно, но быстро и не

останавливался. Будь он с
приятелями, след бы «гулял» в колее,
а этого нет. Так прошло ещё минут
сорок, пока я не увидел
потревоженную землю в том месте,
где мы оборудовали тайник. Нет, на
первый взгляд, всё выглядело
нормально: дёрн на крышке люка
уложен аккуратно, ловушки
незнакомец частью снял, частью
обошёл, а обезвреженные вернул на
прежние места. Пройдя десять шагов
вверх по склону и оказавшись над
крышкой люка, я внимательно всё
осмотрев только покачал головой:
пришелец ничего не взял, но
поставил какой-то хитрый
электронный девайс. Стоило теперь

мне открыть люк, как начнёт работать радиомаяк и даст знать хозяину, что его посетили гости. Значит туристов теперь можно полностью исключить: такие приколы по карману лишь пендостанской спецуре. Ничего больше не трогая, я поднялся вверх по склону и припустил к другому тайнику, где уже должен был побывать Семёныч. В голову почему-то лез старый афоризм: сначала мы жили бедно, а потом нас ограбили. Происшествие уменьшало наши запасы ровно на четверть и жёсткий график подготовки акции летел ко всем чертям. Заняться преследованием хитрого амеровского

следопыта не показалось хорошей идеей. Один на один, мы будем кружить по лесу бесконечно долго, а времени на этот аттракцион совершенно не осталось. Вернувшись немного назад, отойдя от раскрытого тайника на пару километров южнее, я пошёл к тайнику устроенному возле небольшого заболоченного озерца. Это отняло ещё шесть часов драгоценного времени, но так или иначе другого варианта уже не придумать. Всю дорогу я как мог путал следы, на случай если любопытный амер встал на мой след. Но признаков чужого присутствия больше не наблюдалось: кем бы ни был этот спец, но после

обнаружения нашей захоронки, он не проявился. В другое время, я даже обрадовался бы возможности померяться силами с умелым и знающим противником, но сейчас его возможное наличие только раздражало. Добравшись к вечеру того же дня на небольшой островок, где под корягой был устроен схрон, с облегчением отметил, что тут побывал только Михась. След его ботинка я углядел на берегу и осмотрев всё ещё раз, уничтожил его и два попавшихся ранее очень тщательно. Сгрузив мясо и сушёные грибы запаянные в полиэтилен, я вынул две десятилитровые жестяные канистры с бензином. Ёмкости глухо

брякнули, водила наполнил их под пробку, прицепив обе на крепкую палку, отправился в бункер. С повешенным поперёк груди автоматом, палкой — карамыслом на плечах, я наверное стал похож на медведя из сюрреалистичного сна милитариста.

... В бункере уже во всю шёл процесс приготовления ингредиентов для горючей смеси. Две солидные кучки алюминиевых опилок и тонкой мыльной стружки уже высились на двух кусках брезента. В довольно новом ведре, приватизированном Варенухой и половинке автомобильного бензобака, мы соорудили нечто вроде

водяной бани и работа закипела. Печь пришлось собирать заново, но это сейчас уже было не страшно: походная «буржуйка» монтируется и запускается в течение получаса. Михась открыл все заглушки в бункере, так что испарения внутри берлоги не задерживаясь выходили подгоняемые довольно приличной естественной тягой. Помешивая получавшийся бурый «кисель» толстой, сучковатой палкой я поделился с артельщиками постигшим нас горем. Вопреки ожиданиям, особого беспокойства известие не вызвало: когда схроны закладывались, я сразу объяснил, что так или иначе, тайники могут

обнаружить. Не один, так другой схрон вполне можно отыскать, причём вполне вероятно, что это произойдёт совершенно случайно. Михась не замкнулся в себе, движения и речь приятеля потеряли былую неуверенность и нервозность. Оставался лишь мандраж перед боем, но это вполне обычное явление, избавиться от него невозможно, каков бы ни был багаж боевого опыта за плечами. Неожиданный интерес проявил только Варенуха, бывшего дальнобойщика интересовало, кто это такой ушлый добрался до припасов миновав все ловушки.

— Антоша, ты уж не серчай на старика — Когда ему что-то было

нужно, водила прикидывался старым и больным пенсионером — Как же этот гад кубышку — то нашу распечатал?

Вопрос этот не то чтобы особо меня мучил, лишая сна и покоя, но чувство уязвлённого профессионального самолюбия нет—нет да и вызывало лёгкие приступы досады. Помешивая палкой варево, я начал рассуждать вслух:

— Видишь ли Виталий Семёныч, тут трудно так конкретно пальцем показать, мол вот от ворюга и злодей. Что один спрятал, другой завсегда может отыскать, особенно если он сам прятать мастер. А наш тайник именно мастер нашёл....

— Может это кто-то из русских
— Варенуха слегка запнулся, его загорелая лысина покрылась лёгкой испариной от усиленной работы мысли — Ну... наёмник какой-нибудь, который наши места знает?

Такая мысль приходила мне в голову, но поразмыслив пришлось её отложить на дальнюю полку. Будь это кто-то из эмигрантов или бывших советских военспецов подавшихся в наймиты к оккупантам, то железяку он бы на крышку люка не воткнул. Будь это природный таёжник, да даже спец из бывших армейцев или ментов, то так метку оставлять они не обучены. Этот вполне мог оставить ветку, стебель травы, пучок

хвойных иголок — любую природную метку, чтобы хозяин схрона ещё сто раз подумал, прежде чем определить проникновение. Наш спец оставил бы одному ему заметную «контрольку»^[38] и время от времени бы наведывался к тайнику, а поняв, что схроном пользуются организовал возле него засаду. Нет, тут был некто обученный на Западе, только там слепо доверяют электронике, даже в таком тонком деле как ловля диверсантов. Сделав ещё два круга палкой в дошедшей до нужной кондиции смеси, я только отрицательно покачал головой.

— Нет, это янкес... может быть

немец, либо англичанин. Опытный, битый — без вариантов, но не наш, могу что хочешь в заклад ставить. Импортные вояки, оне очень технические примочки уважают, во всём на них полагаясь. Вот и этот «мистер» не исключение: грамотно закладку обнаружил, почти ювелирно подошёл, даже сторожевики наши все снял красиво. А потом всё испортил и «жучка» поставил... не уважает нас враг, совсем не уважает.

Варенуха, подставив мне канистру только крикнул, «горючка» тягучей струёй полилась через воронку в ёмкость. Потом он плотно завинтив крышку пошёл за

следующей и снова спросил:

— Почему не уважает, ты ж сказал всё хитро сделано. И ловушки снял и следы запутал. А что до электроники, то может наука военная теперь этого требует?

— Наука допускает вариации — Я снова наполнил ведро бензином и начал сыпать мыльную стружку и алюминиевые опилки — Тут строгих правил нет. Главное это победить, оказаться хитрее противника. А этот янкес поленился, не захотел ноги топтать и оставил маяк для летунов или артухи. Дёрнем мы за верёвочку, а хитрая машина кому надо просигнализирует и квадрат накроют почти сразу же. Схрон в зоне

базирования крупной армейской группы, наверняка за сектором закреплена миномётная батарея или типа того. Лень им засаду выставлять, не воспринимают пиндосы нас как силу. А кто это был пока не след выяснять, будет время и эту загадку распутаем.

Пар от водяной бани вытягивало довольно шустро, через два часа смесь была расфасована по канистрам. Варенуха убежал наружу, прихватив с собой пачку вонючей «Примы», а мы с Мишкой быстро разбирали печь, укладывая части в небольшие вязанки. Михась неосмотрительно схватился за ещё горячий котёл и зашипев сунул

обожжённый палец в рот. То ли от долгого воздержания, то ли повинуюсь вечному своему чувству противоречия, он глухо проворчал:

— Время, время!.. А ты не много ли обещаешь, напарник? Нас всего трое и может так получиться, что в последний бой идём. Ты можешь поручиться, что у нас будет это самое «потом», а?..

Страх, неуверенность в себе, как опасную инфекцию — лучше задавить в самом начале, иначе своими гнилостными испарениями они отравят разум, заставляя совершать ошибки. Нужно заставить человека посмотреть на предмет их вызывающий как бы со стороны,

убедить найти способ победить противника, прежде всего мысленно. Всё, что так или иначе выводит нас из равновесия, прежде прокручивается в воображении и в зависимости от того, насколько живо можно себе представить что-то, появляется установка на победу или наоборот. Чаще всего, люди думают о поражении, тем более если извне приходит сплошной негатив. В армии, чтобы голова не думала лишнего, тело обеспечивают работой. У нас даже такой подход себя не оправдал, поскольку нет никакой отдушины, кроме как изредка покурить или выспаться. Внимательно всмотревшись в лицо

приятеля, я утвердительно кивнул:

— Время и обстоятельства, взрослый человек может создать сам. У нас есть оружие, есть знания и подходящий по случаю опыт. У меня чуть больше, у вас с Семёнычем может быть чутка пожиже, однако сами под наши пули амеры не подставятся. Мы имеем дело с профессионалами, которые зря денег не получают. Но слабости есть у всех — они думают, что уже победили, посему расслабились, это нам в помощь....

— И долго нам будет везти, ну раз подловим, может быть дважды обдурим, но как долго?

Михась стукнул стиснутыми

кулаками себя по коленям и со странной смесью отчаянья и надежды вскинул на меня блестящие от слёз глаза. Притворившись, что ничего не замечаю, я продолжил:

— Если будем сидеть как нашкодившие пацаны и ждать у моря погоды, то само собой не долго. Но ведь мы же не такие, верно Миша? Враг будет думать, а мы будем думать вместе с ним. Это как в покере: блеф или хороший прикуп ещё не гарантия выигрыша, всё зависти от нас. Можешь помолиться, если веришь во что-то... помочь не поможет, но уж точно не навредит, коли не вслух и не на посту. Не скули больше, надоело.

— Как ты это выдержишь

ТОЛЬКО...

Приятель поднялся с пола и снова начал вязать остывшие уже железные части от печи. Я поднявшись пошёл в дальнюю нору, где было нечто вроде оружейной комнаты. Для амеров я подготовил несколько сюрпризов, которые неплохо зарекомендовали себя ещё на той войне. На пороге оглянувшись на притихшего приятеля, говорю то, чего в принципе не должен был, но достало его нытьё:

— У меня тоже была семья, Миша: сестра, мама.... И как и ты я не знаю живы ли они, что с ними случилось. Однако я твёрдо знаю две вещи: от моей бестолковой гибели

им лучше не станет и второе — чем дольше я буду бить врага, тем больше у них шансов остаться в живых... по крайней мере, я в это очень сильно верю. И знаешь что ещё, приятель? Неплохо бы и тебе во что-то начинать верить, кроме как в близкую и неминуемую смерть. Накличешь, а рядом ещё и те, кто хочет нормально жить.

Приятель вскинул на меня просохшие, снова заблестевшие живым огоньком глаза и неприминул подковырнуть:

— Это у нас — то нормальная жизнь, в норе живём от всех хоронимся!

— Мы на войне, Миша... скоро у

тебя будет с чем сравнивать — Я повернулся было чтобы уйти, но добавил через плечо — И заметь, теперь уже и ты заговорил так, что начинаешь строить планы «на потом». Поздравляю, брат — похоже ты адаптировался.

Ничего больше не слушая, я отправился в «оружейку», предстояло ещё крепко поработать над гостинцами для караванщиков. Мишка больше не гремел запчастями и скоро слышались характерные щелчки и негромкое лязганье, приятель чистил оружие. Пряча улыбку, я достал из ящика гранатомёт и щёлкнул подсветкой прицела, проверяя питание. Я снова победил и

наверное победа над страхами доверившихся тебе людей, это гораздо важнее, чем победа в какой-то реальной заварушке. Батарейки сюда идут стандартные посему я лично заменил их на только что заряженные аккумуляторы, теперь оружие можно без проблем использовать, подсветка работала исправно. Присев на ящик, разложив перед собой моток скотча, три «выстрела» к РПГ-7 и с особой осторожностью вынутые из маленького ящика бруски пластита, я принялся за работу....

Глава 7

Россия. 24 августа 2011года. Юго–западный участок Центрально–сибирской оккупационной зоны. 273 км севернее предместий г. Кемерово. Район речной переправы между железнодорожным узлом «Постниково» и авиабазой «Нью–Нортвуд» 03.35 по местному времени. Партизан Антон Варламов: засада и согласованное отступление.

Место которое я выбрал для своей лёжки оказалось не слишком удобным в плане маскировки. Поскольку план предусматривал как неременное условие хороший обзор, то более всего подошла плоская

горка у самого берега реки, лишённая всякой растительности. Кроме нескольких пучков начавшей уже желтеть травы тут ничего не росло, поэтому пришлось прокапывать несколько неглубоких канав, в дополнение к тем, что часа полтора назад мы с Михасём рыли у завалов, в километре отсюда. Сумка с «выстрелами» к гранатомёту и сама эта довольно громоздкая труба теперь лежали рядом, ожидая своего часа. Перед выходом я ещё раз проверил обмотанные брикетами пластита три «выстрела», им предстояло сыграть роль тяжёлой артиллерии. Знаю, на взгляд мало знакомого с подобными трюками

человека выглядит весьма опасно: граната начинает рыскать в полёте, теряет в дальности но чёрт возьми как она эффективна! Подобные штуки я научился делать давно, переняв это у чеченцев, рушивших целые здания запулив в окна только пару таких «гостинцев». Плюс наш пластик в обращении гораздо дружелюбнее, нежели чешский «сантекс» или пресловутая «С4». Снарядить дополнительным зарядом получилось только три из шести гранат, поэтому целиться придётся очень тщательно. Снова рот наполнился горечью — вспомнился разорённый схрон, где было порядка тридцати мин и десятков брусков

пластита. Желание встретить этого импортного лесовика вновь стало допекать. Ощутимым усилием воли отогнав воспоминание о недавней неудаче, я сконцентрировался на своём секторе дороги. Время уже походило к четырём часам утра, но в конце августа рассвет ещё даже не начал заниматься — кругом царила чернильная ночная синева. Дорогу было заметно благодаря участкам сухой до белизны песчанно — глинистой почвы, неясными пятнами проглядывавшими даже в темноте. Трофейный прицел для наблюдения тут не годился, но сейчас и не было необходимости в подробном осмотре местности. Как рассказал мне при

встрече очкарик Веня, колонна пойдёт по мосту не раньше десяти часов утра, а их отряд подтянется к переправе часам к шести. Поэтому у нас с артельщиками было достаточно времени для подготовки. Мы с Мишкой прорыли две канавы и залили их напалмом, а Семёныч следуя моим указаниям заложил фугас сделанный из 155мм снаряда и небольшого количества пластита. Как это у него вышло, по большому счёту не имело первостепенного значения: колонну стопорнут раньше, чем «бурлаки» дойдут до завалов и смогут принюхаться. Что касается подкрепления, то они вообще полетят сломя голову спасать своих и

интересоваться станут в первую очередь нападавшими. Вообще я ожидаю, что командование амеров к такому повороту событий совершенно не готово, прежде всего морально. Нет, само собой у них были учения, может быть кто-то воевал на Востоке и попытается что-то предпринять. Однако не думаю, что им удастся расшифровать засаду полностью, тем более, что в оценках угрозы они станут опираться на доклады охраны конвоя, а те сообщат только о «туристах». Осмотрев свой арсенал, я проверил, всё ли под рукой и набрал на клавиатуре рации цифры сообщённые мне Очкариком. На рабочей частоте поклонников

страйкбола пока царила тишина, думаю они ещё в дороге, по моим расчётам «туристы» подтянутся в течение часа — полутора. Переключившись на нашу волну, я дал длинный тоновый сигнал, в ответ чуть погодя откликнулись двумя короткими щелчками Михась и Варенуха. Оба уже на местах, пока всё штатно. Надвинув капюшон на глаза, я ещё раз проверил разложенное под руками оружие. Если есть возможность, автомат лучше положить рядом с собой так, чтобы в следующий миг можно было открыть огонь не в белый свет, а точно по противнику. Поскольку работать предстояло так сказать

«соло», я оборудовал две ячейки, с секторами стрельбы. Тот что смотрел направо — более узкий, градусов в тридцать, для стрельбы из РПГ. Как только машина с инкассаторами съедет с моста и будет атакована «туристами», я угощу амеров моей фирменной гранаткой. Бронирование им не поможет, усиленный пластиком «выстрел» рассеет иностранный денежный автомобиль на атомы. Деньги непременно нужно будет уничтожить до того, как подтянется группа охотников за сокровищами, во главе с Матинелли. Иностранцы начнут выяснять отношения с Шерманом и Михась сможет нормально работать, а я

помогу Вене и его незадачливым друзьям чем получится. Для последней задачи и была отрыта вторая ячейка где лежало моё верное «весло» и двенадцать снаряженных магазинов к нему, плюс десять гранат к «подствольнику», ещё четыре «рога» в подсумках на поясе, которые я приготовил для отхода. На случай, если первую нору засекут и накроют огнём раньше, чем я отстреляю все «выстрелы» к РПГ, вторую ячейку я соорудил ближе к склону холма. Теперь если сдетонируют оставшиеся гостинцы меня надёжно укроет от взрыва кубометров сорок землицы. Будучи реалистом, я не исключал, что

выстрелить удастся только пару раз, а может только единожды. Но других компромиссных позиций вокруг не нашлось, хотя на поиски я потратил целых три дня. Обе позиции были удачными только в отношении ширины охвата секторов обстрела: отсюда я смогу бить во фланг идущей колонне, доставая огнём открытый стометровый участок перед мостом на левом берегу реки и более чем трёхсот метровый участок дороги по эту сторону переправы. Ценой была открытость местности и в случае согласованного перекрёстного огня всего двух пулемётов, меня просто прижмут к земле. Надежда только лишь на тотальную занятость,

которую конвойщикам обеспечат своими атаками «туристы». Ещё раз оглядевшись по секторам убедился в бесполезности этого занятия — темень чернильно — синим покрывалом окутала лес и дорогу, даже если кто-то и пойдёт, увидеть это будет невозможно. Ориентироваться в такой ситуации лучше всего на слух, а пока никаких посторонних шумов, кроме отдалённой канонады слышно не было. Интересно, кто бы это мог быть? Но раз шумят, значит кто-то ещё кроме нас не сдался. Устроившись на остывшей за ночь земле как можно удобней, я мысленно вернулся к недавнему

разговору с Вениамином, которого про себя так и продолжал называть Очкариком.

... К заветной сосне я подошёл вчерашним утром, которое выдалось холодным, уже по—осеннему стылым. Густой молочный туман пал на землю, скрывая всё на расстоянии вытянутой руки. Идти пришлось почти на ощупь, аккуратно ставя ноги и проверяя нет ли впереди корня или ямы. Вперёд и по сторонам в такой ситуации лучше особо не смотреть, если нужно осмотреться, приходится останавливаться. Это существенно снижает скорость передвижения и без того невеликую. Поэтому

отключив зрение, я шёл полагаясь только на слух, обоняние и осязание, как это делает медведь. Этот массивный зверь, единственный в лесу по габаритам схож с человеком, его манеру передвигаться, я перенял уже давно и ни разу об этом не пожалел. Сейчас скорость была лишь не на много ниже обычной, шуметь по минимуму удавалось реже, но сейчас в тумане, звуки гасятся и источник по звуку вычислить гораздо сложнее. Было уже шесть пятнадцать, когда я добрался до места, но ещё на подходе понял, что кто-то сидит в кустах, метрах в десяти от сосны где я сказал Вене оставить гильзу. Человек

притаившийся в кустах колючего боярышника всё сделал верно, но от него ощутимо разило кофе и ещё какой-то пахучей гадостью медицинского происхождения. После жизни вдали от цивилизации, нюх мой обострился, да и закрытые глаза помогали сосредоточиться только на доступных чувствах. Это помогло верно определить источник запаха, а потом и услышать сдавленное дыхание курильщика. Человек подготовился и куревом не баловался по крайней мере часа четыре, но хрипловатое, с лёгким присвистом дыхание обычно чуть громче, даже если человек не запыхался и дышит ровно. Осторожно вынув из

кармашка разгрузки удавку и намотав её на кулаки, я стал подбираться к затаившемуся человеку сзади, без труда определив место где тот затаился. Лёгкое колебание сырого воздуха исправно несло волны живого чуждого лесу запаха и я почти видел скорчившуюся на земле фигуру. Вот я уже на расстоянии десяти, потом пяти метров. Руки привычно прижаты локтями к корпусу и расставлены на уровне груди, шнур чуть провисает, готовый вытянуться в струну только на последней стадии броска. Вот цель уже в двух шагах: человек в амеровском лесном камуфляже, повёрнутой козырьком назад

неуставной тёмно-серой кепке
«бейсболке», короткий ствол
импортного автомата замотан
тряпочными ленточками.... В
последний момент мне удалось
удержать руки от броска, человек
слегка сместился влево и из
кармашка его куртки выглянула
дужка очков. Сложив вместе
особенности поведения и
характерный абрис фигуры
незнакомца, я в последний миг узнал
в нём Вениамина. Спрятав удавку и
успокоив чуть сбившееся от напора
адреналина дыхание, я крепко
перехватил пальцами левой руки
кадык парня, правой удерживая его
же палец правой руки от

непроизвольного нажатия на спусковой крючок:

— Тихо Веня, это свои. Не дёргайся, сейчас я тебя отпущу и мы спокойно поговорим, лады?

Парень ещё пару раз слегка дёрнулся, пока смысл сказанного до него доходил. Потом как-то разом обмякнув он согласно мотнул головой, издав некое подобие хриплого «пусти». Резко ослабив хватку, мягко отталкивая парня вперёд и влево от себя, тоже сместившись относительно Очкарика, чтобы тот не сразу увидел где я. Треща кустами, Вениамин приземлившись на руки перекатился на спину и лапнув нагрудный карман

торопливо нацепил очки. Присев напротив суесящегося «туриста» жду, пока тот прекратит возиться. Не понятно зачем он решил прятаться в кустах. Может решил подловить странного лесовика, проверку устроил, а может быть стерёгся своих, это тоже сбрасывать со счетов не следует...

— Извини, что сам пришёл — Очкарик в последний раз поправил снаряжение и тоже устроился напротив, поджав ноги по-турецки — Но гильзу твою я потерял, решил дожждаться и рассказать всё лично.

— Чудак человек — Такого я от пунктуального парнишки не ожидал, но голосом этого не дал понять — Ты

никак целый день решил меня караулить... а коли не дождался бы, как тогда?

— Я, типа, в поиске — Последнее слово парень произнёс весьма значительно, видимо употребление жаргонизмов у них приветствуется — Сейчас вокруг лагеря и вдоль трассы двенадцать скаутов ходит. Я сам вызвался, поэтому подозревать никто не станет.

— Шерман сам вам такое задание дал?

— Да, это его идея. Слушали эфир, потом Шерман сказал, что за сутки до операции нужно прощупать местность. А что не так?

Только покачав головой, я

шевельнул пальцами правой руки в воздухе изобразив схлопывающийся веер. Этот в общем—то неприличный жест всегда означал для меня семиэтажный мат, когда выругаться от души не позволяют приличия, либо обстоятельства. После слов Очкарика, перед глазами встало стадо этих неумех, торящих дороги для групп прочёсывания и дающих явный намёк на своё присутствие охране конвоя. Краснов отлично подстраховался: теперь незадачливых мстителей будет очень просто обнаружить. Сейчас натопчут, пройдут будто стадо баранов вдоль трассы так что и слепой поймёт, что в лесу кто—то в ботинках

интересуется дорогой. Учитывая, что у амеров уже есть первоклассные лесовики, то после акции «туристам» отходить будет просто некуда. Взглянув на удивлённого непонятым жестом Веню, я совершенно ровным тоном продолжил:

— Да всё так, Вениамин, всё так. Скажи, сколько у вас раненых... ну или тех, кто останется в лагере?

— Сейчас семеро неходячих и ещё четверо могут идти, но если недалеко — Его взгляд затуманился, Очкарик загибал пальцы — Кроме того там будет Лера... ну, ты помнишь её, руку тебе бинтовала... потом ещё шестеро в охране на

постах.

— Отлично — Я вынул аккуратно сложены вчетверо обрывок газеты и протянул его Очкарику — Тут я нарисовал как пройти к месту, где после поднявшегося шухера, их не будут искать. Тяни до последнего так, чтобы она не смогла переговорить с Шерманом. Потом любым способом передай ей в руки этот листок с маршрутом и скажи, что через час после того, как все уйдут, она и все кто остаётся, должны собраться и уходить по указанному маршруту. Старайся говорить убедительно... радиосвязь у неё с Шерманом есть?

— Нету, аккумуляторы почти у всех сели, приказано беречь для

разведвыходов и для операции.

— Это хорошо. Она непременно должна тебя послушаться, соври, что сам Шерман и приказал уходить, но это на крайний случай, лучше, если всё выйдет само собой. Сделаешь?

Вениамин какое-то время изучал газету, водя пальцем вдоль линий просвечивавших в тусклом свете утреннего солнца, потом посветлев лицом решительно кивнул и спрятал листок в боковой карман куртки:

— Попробую... она в наших военных делах тоже неплохо разбирается. С Шерманом они сначала спорили, потом Лера на раненых переключилась. Не ладят

они короче, но только между собой разбираются, чтоб в отряде не слышали. План толково нарисован, она тоже предлагала уходить после боя, но Шерман увильнул, мол дождитесь нас, потом все вместе и уйдём. А что это за место такое?

О том, куда лучше уходить после большого шума у дороги, да с преследователями на хвосте, я размышлял давно. В придачу у нас будет обоз с тяжелоранеными и около двух десятков нетренированных городских вояк. Спрятать такую уйму людей даже в тайге, это дело непростое. К счастью, мне в своё время повезло свести дружбу с парнем,

подвизавшемся на ниве обслуживания телевышек и всяких верхолазных работах, требующих серьёзной горной подготовки. В его все звали просто Дядя Фёдор, жилистый невысокий парень с коротко стриженными соломенного цвета волосами. Даже в лютый холод он ходил в лёгкой ветровке и застиранных футболках, сверкая особым «высотным» загаром, какой в солярии не получишь и удивительно весёлыми серыми глазами на круглом довольном всегда и всем лице. Дядя Фёдор попал к нам в охрану случайно, перебиваясь до очередной поездки с такими же как он сам маньяками — скалолазами, в

какие—то горы. Горы это было всё, о чём Дядя Фёдор мог говорить часами, показывая многочисленные фотографии забитые в память дорогого, но уже обшарпанного смартфона. Он с друзьями излазил все Восточные Саяны, отрыл какие—то наскальные рисунки, даже отправил их снимки вместе с координатами в академию наук, но там заявили, что это удачный фотомонтаж. Дядя Фёдор особо виду не показал, но чувствую, что затаил на официальную науку зло, потому что с особой мстительной радостью рассказал мне и половине дежурной смены про свою очередную находку. Оказалось, что они с приятелями

снова совершенно случайно, наткнулись на стоянку древних людей. Один из альпинистов провалился в узкую расселину, откуда попал в систему связанных между собой пещер, одна из которых вела на берег подземной реки. Злорадно ухмыляясь, Дядя Фёдор сказал, что пещеры у новосибирских буквоедов под самым носом — всего каких-то четыре сотни километров на юго-восток от города. Тогда мне помогла особенность характера: я человек чрезвычайно жадный до всяких казусов, особенно исторических. Дядя Фёдор в приватной беседе охотно рассказал и показал на встроенной в его хитрый

телефон карте, где он и его товарищи наткнулись на вход в пещеры. В последствии я сбросил маршрут и фотографии сделанные альпинистами в внутри комплекса на свой старенький домашний компьютер. Кроме того, маршрут намертво отпечатался в тренированной многочисленными промысловыми вылазками памяти. Путь от дороги либо стоянки «туристов», до пещер был не близкий: чтобы добраться туда с учётом всех оговоренных факторов нам предстоит идти дней десять, а потом ещё подниматься на шестисотметровую высоту. Однако в случае успеха, у нас будет горячая

вода и надёжное укрытие с несколькими выходами на поверхность. Про горячую воду я обмолвился не просто так, Дядя Фёдор рассказал, что в одной из пещер бьёт горячий ключ, вода, по словам экстремала, просто чистый кипяток. Это был спорный момент, я знал, что источник окажется скорее всего с какими-то минеральными примесями. Чёрт его знает, можно ли такую воду пить, не опасаясь последствий. Но для того, чтобы решить этот вопрос окончательно, прежде всего нужно будет туда добраться. Короткое время в тайге ещё можно будет скрываться, однако скоро ударят ночные заморозки, а

следом придут обморожения и всякая пневмония, в случае с лежащими ранеными это неизбежная данность. Голода я не опасался — прокормиться в лесу можно даже и с большим количеством народа, навык охоты у меня есть, его хватит на всех. Однако всё это пока только лишь план, скольких мне удастся вывести из расставленной предателем и его сообщниками ловушки. Вениамину пока об этом знать не обязательно: маршрут, который я ему передал, содержал лишь короткий шестидесяти километровый отрезок пути, который приведёт обоз с ранеными в Шишковичское урочище. Там, в практически непроходимой и

не просматривающейся с воздуха чаще, люди окажутся в безопасности на некоторое время, вполне достаточное для того, чтобы мы с остатками отряда смогли их нагнать. Попади карта в чужие руки, амерам и их следопытам это ничего не даст. Большими силами они в Шишковичи не пройдут, а малые группы ничего обнаружить не смогут, поскольку в таком случае нас опять окажется в лучшем случае только трое.

— Это Шишковичское урочище, там можно будет безопасно пересидеть время, необходимое для отхода отряда с места боя. Шерман нарочно отправил вас бродить по округе, это гарантировано приведёт

преследователей к соляной шахте. И если там будет кто-то кроме белок... ну включи воображение и сам всё поймёшь.

Веня вскочил но не удержавшись на затёкших ногах плюхнулся снова на пятую точку. В глазах Очкарика отразилось мгновенное понимание коварного и исключительно тонко придуманного плана его нынешнего командира. Он снова попробовал вскочить, дёрнувшись всем телом вверх. Привстав и ухватив парня за поясной ремень, я снова с усилием принудил того сесть:

— Тихо, паря! Всех сорок в округе поднимешь, нам это не нужно. Остынь и слушай, когда тебе

умные вещи толкуют. Пойми главное: чего бы ваш вождь....

— Он не мой — Перебил горячась, но уже спокойно сидящий на месте Веня — Никогда этой сволочи не верил, даже на игре!

— Ну ладно, договорились — Я лишь с лёгкой досадой поморщился, надоело всех успокаивать, да убалтывать — Чужой вождь, пусть будет вождь краснокожих, если так больше нравится. Ты суть улови, инженер: всё, что Шерман планирует, это пшик, поскольку в его выкладках есть один неучтённый фактор, это ты, я и мои товарищи....

— А сколько вас?

— Мало, Вениамин. Но все, что

характерно вооружены и неплохо обучены. В нынешней операции, количество компенсируется обстоятельствами и манёвром. Сколько нас конкретно, то пока пусть тебя не волнует. На всех хватит, в этом будь спокоен.

Поднявшись, мы попрощались и Веня протянул мне бумажку, хороший такой листок из блокнота. Я даже позавидовал, потому что у нас чистой бумаги с самого начала партизанского движения не было, даже Вене пришлось отдавать план нарисованный на газетном листе. Взяв бумажку, я развернул её, там убористым ровным почерком шли два столбца цифр и слова: " Дрозд»,

«Док», «Кэрри» и «Сопун».

— Это чего такое, Вениамин?

Немного замявшись, Очкарик кивнул на бумажку и сдавленным от волнения голосом пояснил:

— Это позывные штурмовых групп. «Дрозд», это сам Шерман, «Док», это Володя... ну помнишь его?

Я только кивнул, побуждая Веню продолжать. Позывные и рабочая частота это в нашем случае очень ценно. Так я смогу лучше ориентироваться в обстановке.

— ... «Кэрри», это наш шутник Андрей Пахомов, ты его не знаешь, нормальный пацан вроде...

— Поживём — увидим. А кэрри

это значит как комик из ящика, верно я понял?

— Точно — Веня помимо воли усмехнулся, но тут же прогнал улыбку с лица — А «Сопун», это я... ну, прозвище было ещё со школы, я прям на уроке заснул и сопел минут пять...

— Я уже догадался, спасибо Вениамин за доверие. Это ценная информация, может сильно пригодиться. Ну, прощевай, покуда. Ещё увидимся, я надеюсь. Пусть нам обоим завтра немного повезёт, Веня. Бывай!..

Пожав друг другу руки ещё раз, мы разошлись. Никаких чувств, кроме слабого сожаления, по поводу

того, что наши с Веней пути пересеклись я не испытывал. Обычный домашний парень не наигравшийся в войну, вдруг сотоварищи попадает на реальную бойню. Воистину, у богов есть чувство юмора, пусть и весьма своеобразное. Дождавшись, пока нарочито осторожно ступающий Веня — Сопун скроется за деревьями, я тоже задерживаться не стал....

... Из оцепенения вывел треск статики в наушнике, на волне «туристов» возникло сначала неразборчивое бормотание, а потом вполне отчётливые голоса:

— Дрозд всем: выдвигайтесь на

рубеж, как приём?

Его подчинённые отрапортовали незамедлительно, рации у «туристов» были почти на половину разряжены, поэтому голоса звучали тихо и глуховато:

— В канале Док, понял — иду.

— В канале Кэрри, на позиции.

— Дрозд копи, аут!

На какое-то время переговоры стихли, я переключился на частоту артели и тоном дал сигнал, что появились первые игроки. Михась и Семёныч ответили также тоновыми щелчками, что у них пока без изменений. Подняв голову, я всматривался в серое пространство вдоль дороги и впереди и слева по

эту сторону моста заметил какое-то движение. Так, группа Кэрри, должно быть заняла позиции по эту сторону, они должны будут остановить головную машину и отсечь замыкающих караванщиков. Некто Док, сейчас видимо переправляется выше по течению, чтобы занять своё место в тылу колонны и напасть первыми. По крайней мере их переговоры можно расшифровать именно так. Спустя ещё пять минут на той стороне, в каких-то четырёх сотнях метров от моей второй ячейки, за рекой зашевелились кусты на опушке. Там дорога круто поворачивала к мосту, так что невысокий обрыв с густо

растущим там березняком был удобным местом для стрелков, а сам поворот, как нельзя лучше подходил для фугасной закладки. Это было очень тревожно: если я просчитал место возможной засады, то и для пендостанских «бурлаков» это труда не составит. На их месте, я бы обнюхал березняк и поворот так тщательно, как только можно. Шанс на обнаружение только что подскочил до шестидесяти пяти процентов по моей параноидальной шкале. В этот момент, на связь вышел Михась:

— Двойка — Единице.

«Красный» в секторе, плюс три.

Нужно постоянно менять

позывные, почерк выполнения заданий, иначе слушающий эфир противник, очень быстро вычислит группу и локализует район базирования. Поэтому перед выходом, я сменил рабочую частоту и рабочие позывные на более общие, безликие. Как нетрудно догадаться, поскольку нас всего трое, то цифрами обозваться было логичней и проще. Приоритетные цели мы обозвали «красный» и «синий», соответственно Шерман и Матинелли. Михась сидел ровно там, где по словам Очкарика должен был оборудовать свой командный пункт их вождь. Сейчас, он каким-то образом обнаружил себя и Михась

его засёк. Первые фрагменты мозаики моего плана встали на своё место с негромким щелчком. Пока все известные мне игроки всё делают как задумано: рабочие частоты не изменились, диспозиция штурмовых групп и звена управления тоже. Будь у Шермана хоть малейшее подозрение на Вениамина, рисунок бы несколько изменился. Нет, своих подчинённых он бы для достоверности оставил как есть, на людей ему наплевать, а вот сам бы точно позицию сменил. Но раз всё неизменно, остаётся только ждать появления «именинников» в лице американцев и охотников за сокровищами во главе с сеньором

Матинелли. Отжав тангенту несколько раз, я дал тоном сигнал, что всё понял. Какое-то время всё вновь стихло, солнечный свет медленно впитывал в себя остатки сырости и предрассветных стылых сумерек. Судя по заманчиво голубеющей синеве, день сегодня будет ясный, что для нашей затеи не слишком хорошо: видимость отличная, погода лётная. И если уж быть совершенно откровенным, солнышко и голубое небо, это не самые мои любимые погодные условия. Во время первой войны, я попал под осветительную гранату, с тех самых пор яркий свет не переношу совершенно. Это скорее

психологическая проблема, в
госпитале сказали, что зрение
восстановилось почти полностью.
Но с тех пор нет для меня погоды
невыносимей, чем солнечный
погожий денёк. В таких ситуациях,
когда приходится просто ждать, при
этом не ослабляя внимания
оглядываться и примечать любое
изменение обстановки, лучше всего
особо не напрягаться. Если
дёргаешься на каждый шорох, рано
или поздно тебя обнаружат, поэтому
самое лучшее занятие, это контроль
дыхания. Счёт вообще отвлекает и
успокаивает, а вкупе с
созерцательным моментом помогает
концентрации, ты как бы

растворяешься в окружающей тебя среде, не важно что это: квартира, офис или холодная сырая канава на лысом холме, как в моём случае. Так ровно на восемьсот пятьдесят третьем выдохе, я услышал в отдалении далёкое жужжание, а переведя взгляд влево за переправу, заметил лёгкое облачко над невысокими деревьями вдали. Сосредоточившись и приложив к левому глазу трофейный прицел, я успел сделать ещё несколько дыхательных упражнений. Кто бы не ехал вдали, машин больше двух и меньше пятнадцати, скорее всего это наши гости. Отжав тангенту рации, я дал своим сигнал приготовиться.

Порадовало то обстоятельство, что артельщики откликнулись сразу, без задержек. Значит правильно ждать, я их всё-таки немного научил, это обнадеживало. Наши «соседи» пока ещё не подавали голоса, по неведомой мне причине, наблюдатели второй штурмовой группы проигнорировали ясно видимый пыльный след на горизонте.

— ... Док в канале — Статика помех почти до неузнаваемости исказила голос командира левобережной штурмовой группы — Движуха справа пятьдесят, похоже дождали... ау...

Веня был прав, а я слишком

жёстко судил «туристов» за невнимательность: наблюдателей они выставили, только пользовались обычной эстафетой, отсюда задержка в докладе. Шерман ответил, что мол, ждите, на этом снова всё улеглось. Я проверил ещё раз, насколько удобно лежат выстрелы и труба гранатомёта, чтобы просто разогнать кровь по жилам. Минут через десять, с левого берега слышался отчётливый гул моторов и я увидел, что похоже действительно началось. На довольно приличной скорости, из леса появилась окрашенная в тёмно-серый цвет БМП. Это был первый неприятный сюрприз, поскольку даже одна такая танкетка способна

передавить словно кур, всех сидящих сейчас в засаде. Я тоже не рассчитывал тратить усиленные выстрелы на нечто подобное. Кроме того я не уверен, что смогу качественно поджечь «коробку» имеющимися у меня гранатами. Тем временем следом за танкеткой из-за поворота вышло два «хамви», во второй машине я по приметам признал инкассаторов. Видимо колонну усилили в самый последний момент, о чём ни Шерман, ни его подельники просто не могли знать заранее. Отменять акцию Шерман не станет: решив стряхнуть с себя обузу в виде идеалистично настроенных граждан, он скорее смоемся в

суматохе, чем отыграет назад. Осложнялось только наше положение, но я тоже не намерен уходить, однако по совершенно противоположным причинам. Почти всегда рисунок реального боя меняется непредсказуемым образом, ломая спланированную операцию и приходится импровизировать. Об этом знаешь, это учиываешь при разработке операций, до занудства часто говоришь об относительности всякого планирования подчинённым. Однако всякий раз, когда что-то идёт в разнос посещает неистребимое чувство досады на собственную непредусмотрительность и в голове крутится один и тот же глупый по

сути вопрос: ну почему, почему опять косяк?! Дав тоном рации сигнал артельщикам подтверждая боевую готовность, я снова приник к земле, наблюдая за движением каравана. Тем временем на частоте «туристов» царила тихая паника: командиры групп запрашивали инструкций, а вождь их успокаивал, открыто матерясь в эфире.

— Док в канале, у них «коробочка», повторяю у них «броня»! Дрозд, каков будет приказ, нам отходить?..

— Здесь Дрозд, без паники, работаем по плану. Ждём «ленточку», повторяю: ждём «ленту», аут!

— Док в канале... копи... ау...

— Кэрри в канале, продолжаем или как?

— ...Дрозд!.. Задрали уже оба! Всем сидеть на своих позициях, мы сюда пришли воевать, значит вашу мать ёб... су... опез.... Будем воевать!.. Копи, аут!

— Кэрри копи, аут!

Тем временем танкетка перевалила через мост, Оба джипа замерли и на мост не въезжали, стрелки на крышах машин медленно, без нервов осматривались по секторам, башенки шарили вдоль дороги стволами АГСов. Но никакого напряжения я не заметил, похоже усиление не было плановым и

нападения амеры не ждали. БМП урча мотором отъехала от моста метров на сто и встала. Задняя аппарель откинулась и оттуда выбежало шестеро солдат с полноразмерными автоматами, легко узнаваемой конструкции. Похоже это тоже были резервисты, поскольку они вооружены устаревшими автоматами, по-моему это были М16А3. [\[39\]](#) Остальное обмундирование выглядело новым и необмявшимся по фигуре, угловато топорщась кое-где. Осторожно приложив к глазам трофейный прицел, я увидел на нарукавных нашивках шеврон с изображением стилизованной взрывающейся

бомбы. Это были обычные сапёры, в придачу никаких дронов или вертолётной группы сопровождения. Колонне не придали авиации, видимо посчитав, что лёгкой бронетехники будет вполне достаточно, но ещё не вечер. Сапёры добросовестно шарили по дороге миноискателями, один шёл со служебной собакой, это был обычный спаниель. Пёс грамотно нюхал землю, вертел башкой но не лаял. Собака чужа людей, однако тренировали её на другое, иначе веселье бы уже началось. Средних габаритов чернокожий кинолог в паре с ещё одним упитанным светловолосым солдатом со

сдвинутой на затылок каской, обследовали визуально опоры моста и заглянули в забитый листьями и мусором дренаж на правобережном съезде, где «туристы» прикопали фугас. Я внутренне приготовился стрелять, даже потянулся уже к трубе гранатомёта, поскольку собачка вполне могла «спалить» закладку. Пёс нюхал бетонные плиты, местами раскрошившиеся по краям от времени и сырости, потом покопался передними лапами около отверстия дренажной трубы. Видно было, что запахи возбуждают собаку: короткий обрубок хвоста беспокойно мотался из стороны в сторону, морда дёргалась вверх и вперёд. Потом

спаниель громко гавкнул и начал остервенело рыть землю перебежав на правую обочину дороги. Моя правая рука сомкнулась на холодной трубе гранатомёта, мне показалось, что собака вот-вот выкопает провода закладки и придётся начинать воевать. Не отрываясь я следил за собакой и подбежавшему к ней встревоженному хозяину. Негр закинул автомат за спину, освобождая руки и склонился над разрытой его лохматым помощником ямкой. Пёс вёл себя странно: обычно собака обнаружив фугас или мину, просто сидит рядом, а эта псина рылась в яме и не пускала хозяина к находке. С трудом отогнав собаку,

сапёр вскинул руку в верх, жестом приказывая остальным отойти. Я уже защёлкнул фиксатор гранаты и в любую секунду был готов поджарить БМП выстрелив в десантный отсек танкетки. Это вполне могло получиться — по прямой до бронемашины было около двухсот метров, граната разнесёт незащищённое нутро танкетки и та развалится как картонная коробка. Неожиданно, послышался дружный солдатский ржач. Отложив гранатомёт, я пригляделся к гогочущим сапёрам сквозь прицел и помимо воли тоже улыбнулся. Посеребший от напряжения и ярости негр брезгливо держал на остатки

хвоста окоченевший труп какого-то грызуна. Спаниель, прежде всего охотничья собака, с инстинктом не поспоришь: скорее всего труп белки прикопал кто-то из минёров, взяв на ум возможность появления кинолога. Я мысленно пожелал, чтобы этот человек уцелел, грамотный минёр в дальнейшем будет очень кстати. Посмеявшись ещё немного, солдаты запрыгнули в БМП и та тронулась дальше, довольно быстро удаляясь ещё на двести метров. Потом процедура повторилась и вскоре ожили машины замершие за мостом. Взревела многоголосица моторов и первая пара «хамви» перевалила через мост. Следом, урча словно

голодные динозавры, стали подтягиваться четыре тяжёлые фуры с низкими бортами. Одновременно на том берегу из-за поворота выехала вторая пара бронированных джипов и замерла как раз напротив того самого березняка, где расположилась группа Дока. Тяжело груженные фуры медленно перевалили через мост, с опор и покрытия которого в воду осыпались мелкие осколки бетона. Впереди что-то застопорилось и грузовики встали так, что между ними оставался недопустимо маленький зазор, всего каких-нибудь полметра. Замыкающая пара замерла при въезде на мост, но потом водила

заднего «хамви» сдал назад и машины выстроились таким образом, что вся правая сторона дороги, в том числе и мой лысый холм оказались у них в секторе обстрела. Значит, если Док не скомандует своим атаковать как планировалось, мне не дадут даже поднять головы и группа Кэрри окажется один на один с бронемашиной, двумя джипами и солдатами в кабинах грузовиков... чёрт, это почти верная смерть. Однако у амеров диспозиция получилась тоже не самая удачная: БМП и оба «хамви» теперь заперты застопорившимися фурами и лишены возможности маневром и огнём поддержать тыловое охранение.

Через десять минут, показавшиеся мне целой вечностью, сапёр снова забрались в БМП и колонна конвульсивно дёргаясь сдвинулась буквально на пару метров вперёд. Потом замедлившиеся было события словно внезапно отпущенная сжатая до предела тугая пружина, понеслись вперёд с бешеной скоростью.

— Бум — мм — ахх!

Крайняя слева от меня фура дёрнулась вверх и вперёд, медленно заваливаясь на левый бок. Тугая волна сжатого воздуха прокатилась через меня, уши крепко заложило. Что есть силы я вжался в землю, ожидая детонации того, что амеры так щедро накидали в кузов

подорванной «шаланды». [40] Сквозь ватную тишину слышны были крики команд и беспорядочная стрельба, пара пуль клюнула землю в шести метрах справа. Сделав пару глотательных движений, снова протянул правую руку за гранатомётом и не нащупав его сразу оглянулся назад. Труба и подсумок сместились таким образом, что мне пришлось отползать назад на полметра. Видимо боги войны за что-то взяли надомной шефство: как только я сдвинулся с лёжки и прополз перебирая ногами и локтями всего на каких-то полметра назад, в холм угодило сразу две гранаты прилетевшие с того берега.

«Гостинцы» ахнули почти
одновременно, обдав веером
осколков канаву, оставленную мной
несколько секунд назад. Видимо
тыловое охранение обрабатывало
высоту для профилактики, вряд ли
они могли меня так быстро
обнаружить. Я уже подумывал о том,
чтобы сместиться на десяток метров
вправо, чтобы успеть выстрелить
хотя бы пару раз, как ожила рация:

— Второй — Первому —
Поскольку нужда в контроле за
«туристами» уже отпала, я снова
перешёл на нашу волну — Слева
пятьдесят — шорох....

Михась предупреждал, что
некто обходит позицию Шермана по

правому флангу, но принадлежность он точно определить пока не может. Замерев на секунду, я отжал тангенту коротко три раза, это означало — всем работать по собственному усмотрению. В завертевшейся карусели я просто могу не успеть отдать верный приказ, именно для этого и нужен тщательный предварительный инструктаж. Оба моих бойца знали свой манёвр, свои приоритетные и второстепенные цели, а также место сбора. Поэтому сейчас предстояло выяснить, насколько с пользой тратил на них время, объясняя тонкости ремесла так сказать. Стрельба стала плотнее и очаги по интенсивности

сместились метров на триста вперёд и вправо, где штурмовикам Кэрри удалось остановить головное отделение охраны конвоя. Непонятно было молчание БМП, однако о причинах я пока совершенно не задумывался, приоритетной целью сейчас было нейтрализовать тыловой заслон, два АГСa существенно сковали мне возможность маневрирования, это нужно было исправлять. Но пока ничего с ними поделаться не получится: стоит только поднять голову, как меня тут же срисуют стрелки. Подхватив подсумок с гранатами, я перекатился на пару метров ниже вершины холма, чтобы нормально прицелиться по

«бабловозу». Там всё было немного непонятно: БМП замерла метрах в трёхстах впереди, замерев в первой четверти левого разворота, перекрыв остальным машинам колонны путь. Башня на сорок пять градусов была развёрнута также влево, но орудие молчало, а задняя аппарель откинута. На первый взгляд «броня» казалась неповреждённой, но что конкретно произошло, я сходу определить не берусь. Сапёры отстреливались, грамотно и без суеты укрывшись за корпусом БМП. Оба «хамви» головной группы стояли с распахнутыми левосторонними дверьми, а их экипажи палили по укрывшимся в лесу партизанам,

разбившись на две группы, давя плотным огнём любую попытку бойцов Кэрри обойти их с флангов. Положив снаряженную «трубу», я прикинул расстояние до броневиков оглядывая позиции охранников в трофейный прицел. Выбить их оттуда будет непросто, только если кинуть гранату или пальнуть из «подствольника». Однако «туристы» видимо не имели ни того, ни другого, потому что пока перестрелка принимала затяжной характер.

— Двойка — Единице! Контакт, здесь Синий плюс четыре...

Ну наконец-то! Матинелли с дружками уже на подходе, однако раз Михась не дал условного сигнала,

значит Шерман его ещё не видит. Скорее всего наёмники притаились и ждут удобного момента чтобы присоединиться к веселью. Отложив прицел и отжав тангенту рации, я негромко даю отмашку:

— Единица всем номерам: «факел», «факел»!..

Дождавшись двух тоновых сигналов в подтверждение приёма, я наконец-то выдохнул. Вот сейчас я смогу пополнить свой личный счёт! Подтянув заряженный РПГ к плечу, прикинул расстояние и быстро вскочив прильнул к прицелу. В сетке возник и заплясал серый бок головного «хамви» и прижавшийся к нему спиной амер без шлема, но со

сбруей головной радиогарнитуры. Человек воздел ствол короткого автомата вверх и что-то орал в микрофон, рот его перекосился от напряжения, в прищуренных глазах читалось напряжение и ни капли паники. Сделав вдох и стабилизировав гранатомёт я на выдохе, плавно жму на спуск и падаю как раз в тот самый момент, когда реактивная граната со злобным шипением уходит к цели. Мгновения до взрыва растянулись словно в замедленной съёмке. Сразу рой мыслей пронёсся в голове буквально за пару долей одного единственного мгновения: что если граната уйдёт в сторону, что если боевая часть не

сработает и всё обернётся простым пшиком, а меня уже засекли?!..

— Бу — м — ммм!!..

Взрыв получился такой силы, что от сотрясения почвы меня слегка подкинуло вверх. Предусмотрительно открытый рот забило землёй, ударной волной в мою сторону швырнуло целый ураган из камней, веток и прочего мусора. Не теряя зря времени, я почти вслепую нашарил следующую гранату и снова зарядил гранатомёт. Боковым перекатом я ушёл ещё ниже по склону холма и поднялся на колени, чтобы определить следующую цель. Первый мой «гостинец», произвёл тотальное опустошение в рядах конвойщиков:

граната угодила раму задней двери «бабловоза», сила взрыва оказалась столь сильной, что кузов «хамви» разорвало пополам. Часть капота и передний мост, скрученные взрывом в невообразимый клубок, швырнуло вперёд по дороге, так что они вылетели на обочину и сейчас дымили, нелепо вращая чудом не отлетевшим правым колесом с вяло горящей крышкой. Оторванный бампер висел на ветвях придорожной сосны, где-то метрах в тѣх над землѣй. Задняя часть въехала скошенным багажником точно в лобовое стекло следующего броневедомобиля, в свою очередь сильно протаранившего головную

«шаланду». Людей разбросало вдоль дороги, но большей частью я разглядел фрагменты тел. Уцелело только трое сапёров, укрывшихся за скосом лобовой брони БМП. Видимо в момент взрыва, они пытались перегруппироваться, это спасло им жизнь, пусть и на короткое время. Однако имела место серьёзная контузия, поскольку бросив оружие выжившие ползали в дорожной пыли и беззвучно разевали рты. Но бой продолжался: примерно семеро солдат, по-видимому сопровождавших груз засели в дорожной канаве справа, постепенно отползая в сторону моста. Думаю это были водители грузовиков и те, кто

оказался в качестве сопровождающих груз. В организованности им не откажешь: под плотным обстрелом они сумели сосредоточиться на вполне удобной позиции и не давали «туристам» взять себя в кольцо или подойти на бросок гранаты. Не обращая на них внимания, снова вскинув РПГ на плечо и мысленно сосчитав до одного выстрелил в борт фуры, стоявшей в середине колонны. Следующий взрыв по звуку получился слабее предыдущего, распавшись на серию следовавших один за другим одиночных и парных разрывов. Видимо сдетонировали какие-то мощные боеприпасы и уцелевшие до этого машины по эту

сторону моста, раскидало так, что перевёрнутая задняя фура въехала задом на мост, покрытие которого не выдержало и осыпалось в воду градом осколков и крупных кусков бетона. Часть ящиков вывалилась наружу, некоторые лопнули и в их содержимом легко удалось опознать миномётные мины. Тыловое охранение, скованное боем с группой Дока ничем не могло помочь товарищам, «туристы» прижали экипажи броневиков, заставив тех укрыться за машинами, турели не могли помочь амерам — стволы АГСов нельзя было задрать на такую высоту, так что березняк и холм оказался в мёртвой зоне. Среди

бойцов Дока был по крайней мере один неплохой снайпер — сквозь оптику я заметил, что оба стрелка за турелями были убиты выстрелами в лицо. Всего за машинами пряталось человек шесть, ещё двое ничком лежали перед капотом головной машины. Шансов отойти у амеров не осталось, лишившись двух своих основных преимуществ в виде бронемашины и «станкачей», солдаты стали лёгкой добычей для стрелков Дока. Отложив гранатомёт, взобрался во вторую ячейку и осмотрев спрятанное оружие с облегчением убедился, что всё цело. Осколками повредило только один магазин к «калашу», однако ничего

более серьёзного не произошло. Выщелкнув в боковой карман с ветошью уцелевшие патроны, забросил пропоротый осколком «рог» в речку. Не успел я сделать пары шагов по направлению к мосту, как ожила рация:

— Тройка — Первому — Я чуть поморщился, Семёныч иногда косячил с запоминанием позывных — У меня четыре «коробочки» и два пенала карандашей....

— Двойка всем: контакт! Минус четыре....

Доклады пошли почти перекрывая друг друга. Не успел приятель отключиться, как со стороны дороги где планировалось

остановить подкрепление, грохнул взрыв, а следом запылали завалы. Мне немного полегчало, хоть что-то уложилось в схему и пошло более-менее предсказуемо. Напалм, судя по ровному рыжему пламени и клубам чёрного дыма, удался на славу. В полукилометре от места боя за пригорком росла и ширилась сплошная стена огня. Раз август выдался таким засушливым, скоро пал пойдёт следом за набирающим силу ветерком на юго-восток в сторону бывшего города. Жаль, что при планировании я не учёл возможность пожара как средства уничтожения авиабазы. Осмотрев «весло» и отряхнув автомат от песка

и грязи, я опустил флажок переводчика огня и передёрнув затвор присмотрелся сквозь прорезь прицела в направлении левобережья. Один из джипов дымился, амеров осталось всего двое, оба судя по всему серьёзно ранены. Оставив разборки с ними для «туристов», я повесил гранатомёт за спину и стал осторожно спускаться с холма под прикрытием берега к мосту. Фуры горели чадным пламенем, от запаха жжёной резины и вытекшего масла. Вскарabкавшись по осыпающейся кромке обрыва и высунув голову осмотрелся. Обзор перекрыл кузов опрокинутого грузовика, слева громоздились вывалившиеся ящики.

Мельком глянув на маркировку, я опознал крупнокалиберные снаряды для авиапушек и ... в длинных кофрах лежали ракеты «воздух—воздух». Мгновенный импульс ненависти буквально затопил сознание, всё вокруг стало словно на старом негативе, окрасившись всеми оттенками чёрно—белой гаммы. Не глядя нашарив гранатомётный выстрел в подсумке и отложив автомат в сторону, я сполз по откосу и скинув трубу РПГ с плеча снарядил гранатомёт снова. Быстрым, в два прыжка броском, преодолев расстояние до лесополосы я нашёл пологий откос спускавшийся к берегу реки в сотне метров от моста

и прицелившись выпустил гранату в сторону опрокинувшегося грузовика. Взрыв получился в три такта: сначала рванула граната, затем, одна за другой в небо и в стороны брызнули три шлейфа пламени. Ракеты с трескучим визгом рванули, рассыпая вокруг шлейф из искр и осколков. Я поймал себя на том, что даже не пригнулся, такова была жгучая ненависть к этим ракетам, которые везли чтобы сбивать наших летунов и охранять неповоротливые туши бомберов несущих смерть может быть жителям моего родного города. Ни один осколок или капля расплавленного металла не коснулись меня. Заставив тело

двигаться, я услышал настойчивый далёкий голос в наушнике:

— Единица!.. Я Сопун... Ед...

Как это обычно бывало и раньше, от непрекращающихся разрывов у меня заложило уши, да и стресс навалился такой, что большинство звуков и запахов просто были вытеснены, исключены из восприятия. Повесив гранатомёт на плечо, жму на тангенту:

— Здесь Единица, говори Сопун.

— Слышу тебя Единица —

Несмотря на глухоту, я расслышал радость в голосе Вениамина — ... контакт по трём направлениям... остался один...

Обстановка всё сильнее

выходила из-под контроля, похоже что наёмников оказалось не два-три человека и за деньгами пришло несколько отделений, а это бойцов десять-пятнадцать. Я вызвал Мишку, может быть он прояснит картину происходящего:

— Единица — Двойке, как обстановка?

Ответом было только шипение статических помех, приятель не отзывался. Мишка по плану должен был находиться южнее моей нынешней позиции, прямо за холмом и пасти наёмников. Судя по последнему докладу, четверых он положил, а потом всё завертелось и даже если он и звал, вполне могло

случиться, что я не слышал. С этим разберёмся чуть позже, нужно попытаться выручить Веню, мне нужен был его голос в эфире. Шермана так и так буду гасить, но бойцов Дока и Кэрри, кто-то должен будет отозвать и направить в нужную мне сторону на соединение с врачом Лерой. Никто кроме студента этого сделать не сможет, по той простой причине, что более никому в стане «туристов» я не доверял вообще. Оглядевшись и сверившись с наизусть запомненной картой местности, снова вызвал Очкарика:

— Единица — Сопуну, успокойся, обозначь себя ракетой или дымом. Как принял?

— Нету, ничего нету... патроны кончаются!..

Хотелось плюнуть с досады, но в горле уже давно першило от кубов проглоченной копоты, язык присох к нёбу и говорить удавалось с большим трудом. Забытое за годы мирной жизни ощущение постоянной глухоты снова вернулось, как и большинство навыков почти мгновенно. Нащупав на поясе флягу, я отпил глоток отвратительно тёплой, подсолённой воды, машинально ощупав себя на предмет ранений. Поднеся левую руку к глазам крови не заметил. Дрожь из пальцев тоже ушла, как это было много лет назад. В бою я совершенно

успокаиваюсь, как это не странно прозвучит, все нервы остались в мирной жизни, тут же всё привычно и знакомо. Снова стиснув тангенту, я уже нормальным голосом чётко сказал:

— Держись, иду.... И прекрати истерику в эфире, отбой связи!..

Бежать в сторону набиравшей силу разноголосицы вспыхнувшего в лесу боя, оказалось не просто: стресс выпил все силы, снаряга и оружие давили на организм совершенно немилосердно. В лесу было не так жарко, как на открытом всем ветрам и солнцу холме. Однако со стороны дороги несло шлейф удушливой гари от сожжённой

техники, а порывами ветра уже несло искры и плотный сизый дымок от пылающих завалов впереди за пригорком. Пожар уже перекинулся на эту сторону дороги, но по—серьёзному займётся ещё минут через сорок, так или иначе к этому времени бой окончится. Мельком взглянув на часы, я отметил время 9.42 утра, бой идёт каких—то двадцать минут. Что—то произошло с Мишкой, по замыслу он должен был прикрыть Очкарика, но судя по всему опять безупречный план дал трещину. Ориентируясь на звук очередей, я довольно быстро оказался в ложбине между двумя плоскими холмами в двухстах метрах

от места боя. Именно тут Шерман оборудовал свой пункт управления и сюда же должны по уговору подтянуться иностранцы. Вынув лопатку из чехла на левом боку, я быстро вырезал небольшую яму в корнях приметной сосны и сложил туда РПГ и две оставшиеся гранаты к нему. С отсоединённым прицелом и вынутыми элементами питания, да ещё закутанный в плотный слой полиэтилена, дней десять гранатомёт пролежит тут без особого вреда. Для любознательных любителей трофеев, я положил в подсумок зарытый непосредственно под трубой РПГ гранату с вынутым кольцом и размоченным в керосине запалом.

Взрыв произойдет в тот самый миг, когда кладоискатель попробует вынуть тубус из ямы, а следом сдетонируют и «выстрелы». Пару гранат с вымоченным запалом лучше всегда носить с собой если решил, что не желаешь чтобы твои вещи трогали безнаказанно — их следует держать под замком. Конечно, если такой замок есть, всегда отыщется ключ от него, но опять же отсюда не следует, что дверь без замка это лучший вариант. Когда последний кусок дёрна был уложен, я распрямившись вновь перебрал оставшиеся магазины и проверил не потерялось ли чего в суматохе. В процессе, на грани слышимости

появился смутно знакомый звук, не тратя больше времени, я побежал вверх по ложбине, заметив еле заметную в зарослях кустарника тропинку. Мгновением позже я вспомнил, что это был за звук — со стороны авиабазы приближались «вертушки». Пусть сюрпризом их появление назвать нельзя, однако даже предсказанное появление такого грозного противника сулит одни неприятности. Снова оживила рация:

— Тройка — Первому... две картонные коробки... идут к тебе.

Густой подлесок закрывал обзор но я понял, что сквозь завалы и непроходимую тайгу скорее всего

прорвались тяжёлые танки. Забитая дорога отчасти сковывала манёвр техники, а через лес ни джипам, ни БМП не пройти. Только «абраша» сумел бы преодолеть баррикаду получившуюся в результате подрыва фугаса, вряд ли идёт что-то менее существенное. Видимо на то, чтобы столкнуть на обочину повреждённую технику ушло порядочное количество времени. Танки и вертолёты, что может быть хуже? Если через десять—пятнадцать минут мы не начнём отходить, остатки отряда раскатают в тонкий блин. Завал свою задачу выполнил, иначе конвой практически не понеся потерь проследовал бы к базе. Я вызвал

Варенуху. Сейчас бывший водила мог помочь только одним способом. Перед выходом обоим артельщикам был выдан план месторасположения пещер. Тот кто уцелеет должен был отвести туда уцелевших, сейчас это был именно Семёныч, что в конечном итоге я и предаолагал с самого начала.

— Единица — Тройке, отличная работа. Исполняй вариант «тропа», как принял?

— Я... Тройка принял. Вариант «тропа», я всё понял... есть.

До первого очага перестрелки оставалось метров сто пятьдесят. Две группы заняли позиции по склону плоского холма, на вершине которого

и находился командный пункт Шермана. Судя по количеству стволов, в первой группе было двое, а на них с трёх сторон наседали шестеро стрелков. Оборонялись те, кто был выше по склону, поскольку вспышки огня перемешались в пределах пяти—шести метров. Позиция для обороны была удачная: стрелки засели в искусственно расширенной промоине, грамотно обложившись управляемыми минными полями по флангам. Это помогло им сдержать первый натиск нападавших, я заметил пять или шесть трупов между деревьями. Некто подпускал нападавших поближе а потом подрывал

противопехотные мины. В такой ситуации даже от импортных «клейморов»^[41] будет не спастись, что собственно и произошло по крайней мере уже дважды. Мин судя по всему оказалось не так много, допускаю, что штуки по четыре—пять, может быть чуть меньше. Нападавшие стали осторожней, и к тому же у засевших в промоине кончались патроны: их злые длинные очереди перемежались хлопками одиночных выстрелов оборонявшихся и думаю скоро, дело дойдёт до гранат. Замедлив бег, я снова вызвал Очкарика, присев за стволом старой берёзы так, чтобы наступающие не обнаружили раньше времени

сюрприз у себя в тылу.

— Сопун, ответь Единице, обозначь себя как-нибудь!..

— Единица — Голос Очкарика дрожал и почти не был слышен на фоне статики и звуков боя — Есть фальшфейер, зажгу и брошу перед собой за бруствер.

— Слышу тебя Сопун, давай свети!

Больше всего мне не хотелось сейчас ошибиться. Если Веня сейчас на вершине холма, то туда я доберусь только минут через двадцать, когда над холмами уже будут барражировать вертолёт, а дорогу перережут танки. Наперекор моим мрачным мыслям слева взвился в

воздух и упал сноп красного огня, хорошо видимый даже сейчас при свете дня.

— Отлично. Вижу тебя Сопун... кто ещё с тобой?

— Никого — голос Вени дрожал от напряжения — Меняю позиции, остальные мертвы... никто не шевелится, один я.

— Понял тебя, Сопун. Сядь ровно и не отсвечивай больше. Отбой.

Отерев слегка забившийся грязью прицел автомата, я снова осмотрелся в поисках противника. Увидев фальшфейер, они видимо струхнули, но поняв, что вот уже минуты три ничего не происходит,

зашевелились. Слева звонко ударило две коротких пулемётных очереди, фонтанчики земли вскинулись вдоль бруствера окопа, в котором укрылся Веня. Одной пулей зацепило прогоревшую световую шашку и она отлетела в сторону. Следуя моему совету, Очкарик на огонь не ответил. Спустя ещё минуту, зашевелились кусты справа и слева, на расстоянии примерно двадцати метров впереди от того места, где я сидел. Потом показалось три сгорбленных фигуры, быстро перемещавшиеся во фланг позиции Очкарика. Прикинув расстояние, я поднял «весло» и прицелившись в спину замыкающего «тройки», плавно надавил на спуск.

— Та-та — тах!..

Расстояние мизерное для автомата, поэтому все три выстрела легли ровно в середину спины бойца. Без единого вскрика, тот рухнул как и бежал — лицом вперёд. Не мешкая, я перенёс огонь на его коллег, поскольку оба как в замедленной съёмке уже начали падать и уходить из-под огня в перекат.

— Та — тах!.. Та — тах!

Обоих мои пули настигают тоже в движении, но последний противник скорее всего получил пулю в ногу, потому что с проклятиями на непонятном мне языке, ему удалось отстреливаясь из короткого автомата с одной руки

отползти за ствол толстой сосны и залечь там. В тот же миг, я метнулся влево, чтобы обойти раненого амера и избежать ответного огня вражеского пулемётчика. То не заставил себя упрашивать и длинная очередь прошла кустарник в паре метров справа от того места, где я только что был. Затем, словно очнувшись, с той же позиции заговорило ещё два ствола, одним из которых к моему удивлению был автоматический дробовик. Ориентируясь по вспышкам выстрелов, я откинул прицел «подствольника» и навесом послал в ту сторону две осколочных гранаты. Потом я снова перекатился ещё на

десяток метров левее, так что залегший за деревом амер — подранок, оказался словно на открытом месте. Не раздумывая долго, я с колена на вскидку дал по распластавшемуся на земле словно лягушка иностранцу короткую очередь патрона в три—четыре. Две пули попали иностранцу в спину, одна пробив шлем застряла в затылке, последняя ушла рикошетом от толстого прута кустарника и засела в стволе дерева, за которым амер пытался спрятаться. Снова ругнув про себя нелюбимое оружие и сменив магазин, я крикнул:

— Веня!.. Сопун! Отзовись, но не высывайся!

— Я тут, вроде цел...

— Молодец, хорошо!

Всматриваясь в том направлении, куда ушли ВОГи, я вслушивался в прерывистые отдалённые звуки перестрелки слева за холмом. Нужно заканчивать, нужно быстрее бежать на холм, но амеров могло гранатами не убить, так эту ситуацию лучше не оставлять.

— Иду к тебе в гости, не пальни случайно.

— Хорошо....

Пригнувшись, я быстро перебежал пространство отделяющее меня от оврага и скатился в окоп, ноги отпружинили в мягкое. На дне

окопа лежал труп «туриста», лица у него не было совсем, сквозь тёмное месиво отчётливо желтели ошмётки мозга и кусочки костей, видимо постарался гражданин с дробовиком. Веня лежал прислонившись к боковой стенке окопа, зажав в руках американский короткий автомат, ствол которого смотрел вертикально вверх. Глаза парня за линзами очков тускло блестели, он всё ещё не верил, что бой для него закончился. Подойдя к парню вплотную, я взял его автомат за ствол и крепко ухватившись за него тряхнул. Очкарик вздрогнул и дёрнулся, но боёк только сухо щёлкнул — патроны в автомате закончились немного

раньше, чем думал его владелец.

— Спокойно, солдат — Мягко разжав грязные пальцы Очкарика, я отнял у него оружие прислонив его к краю окопа — Пока война закончилась, покури, коли балуешься зельем. Но сначала, вызови своих...

— Не могу — Веня покачал головой, на глазах его навернулись слёзы — Аккумулятору писец пришёл, не вызывать никого.

— Это поправимо — Сорвав свою гарнитуру и вынув собственную радиостанцию из чехла разгрузки. Я протянул всё это Вениамину — Вызывай их обоих, командуй отход к Шишковичам, вертушки уже на подлёте... танки прорвались через...

короче кисло сейчас будет. Зови их, скажи, что Шерман убит и последние его слова были об них.

— А он правда — Веня вскинул на меня удивлённый и чуть растерянный взгляд — Он, что реально....

— Если не конкретно в данный момент, то в ближайшие десять минут точно похолодеет. Разве ты не видел, кто на вас напал?

— Н — нн — нет — Лицо парня застыло, он силился вспомнить как всё началось — Растяжки рванули, потом Саня увидел чужих... ну без повязок и подорвал мины, потом....

— Ну, случилось и случилось — Я снова прислушался, время уходило

— Это наёмники, они подумали, что вождь их подставил, вот они и разозлились. Время дорого, Веня. Зови своих, быстрее. Не ошибись в ориентирах, держи микрофон подальше от рта, чтоб слишком громко не звучало, а то не поверят.

Кивнув, Очкарик поколдовал с настройками рации и забубнил что-то на своей страйкбольной тарабарщине в микрофон. Лицо его разгладилось, но пустота из взгляда всё ещё не ушла, притаившись где-то в глубине глаз. Через какое-то время он выключил рацию и протянул её мне.

— Они идут. Осталось шестнадцать человек, трое

тяжелораненых, зацепило каждого, никто не уберётся. Кэрри серьёзно ранен, похоже лёгкое прострелено его «замок» мне ответил — Семён Скрипников, Паганини его позывной. Док чуть припоздает, из-за разрушенного моста им вновь придётся переправляться вброд... сам он вроде цел. Шерман с ними на связь не выходил, они легко поверили что убили его, мне верят в отряде.

— Отлично. Ты пока тут сиди... на вот, пожуй — Из неприкосновенного запаса, я достал «сникерс», коробку коих реквизировал ещё месяц назад во время зачистки аутпоста.

— Откуда?!

Веня с изумлением принял батончик из моих рук и не отрывая изумлённого взгляда от меня рванул обёртку зубами и впился в шоколад мёртвой хваткой.

— Дед Мороз подарил, это вместо медали тебе будет. Ну, всё: ешь и сиди тихо, я скоро....

Оставив парня в ошеломлённом недоумении, я перекатился через бруствер окопа и пошёл туда, где среди кустов виднелся небольшой просвет пробитый разрывами моих гранат. Присмотревшись, я увидел, что гранаты взорвались в метре друг от друга и мысленно поздравил себя с удачным выстрелом. Прошло уже довольно много времени с тех пор,

как мне приходилось пользоваться «подствольником», видно правду говорят: умеешь однажды — никогда не разучишься всерьёз. Первый труп я обнаружил сразу, как только подобрался к небольшой проплешине в кустах на три метра: пулемётчика накрыло прямым попаданием, оторвав кисть правой руки, осколки порезали ему шею, было очень много крови. Второй стрелок, с массивным ружьём имевшим барабанный магазин, просто лежал опрокинувшись навзничь, но никаких видимых повреждений на его теле видно не было, только выделялось баклажанного цвета кожа на лице. Вынув пистолет, я

выстрелил синюшному амеру в лицо, тот даже не дёрнулся. Похоже, что от близкого взрыва, у него просто остановилось сердце, такое тоже бывает, причём довольно часто. Осмотревшись в поисках третьего, я увидел неширокую борозду примятой травы и кровавый прерывистый след, уходящий вправо от прогалины. Пойдя следом, держась чуть слева вскоре наткнулся и на третий труп. Осколками наёмнику перебило обе ноги, не спасли даже крутые с виду наколенники. Пытаясь ползти, человек истёк кровью. Выстрелив ему в голову для проверки, я подобрал его оружие и вставив в развилку кривой берёзы как мог

согнул ствол, срезав однако подсумки с запасными магазинами к его автомату. Потом вернувшись на место где лежали двое других иностранцев как мог испортил их оружие. Вернувшись к оврагу где пришедший в себя Веня бродил из стороны в сторону, не находя себе места, я бросил ему трофей:

— Заряди свою «железку» — Неловко поймав подсумки, Веня слегка покраснев нырнул в окоп и оттуда раздалось знакомое клацанье затвора — В следующий раз бросишь оружие и будешь бродить просто так, назначу чистить картошку всю войну. Разгильдяям оружие никчему. Бежать за мной сможешь?

Очкарик молча кивнул, на ходу рассовывая магазины по подсумкам собственной разгрузки, где они размещались на уровне груди. Влазит в такоё кармашек по два магазина, плюс, как я заметил, у носимой Веней модели они были подпружинены и вынимать их довольно удобно. Однако стоит размочалить клипсу закрывающего клапана, как удобство превращается в геморрой. Бежал парень громко топая, но в нарастающем шуме боя это уже не было особенно важно. Обогнув холм у подножья таким образом, чтобы зайти нападавшим во фланг мы оказались на месте боя через двадцать долгих минут, когда

звуки перестрелки и глухие хлопки разрывов гранат сместились к вершине поросшей невысокими соснами и колючим кустарником плоской вершине холма. Притянув Веню к земле, заставив парня присесть в высокую траву, я вскинул трофейный прицел к глазам и осмотрелся. Картина боя была немного не ясна: холм штурмовало помимо тех, кого я так удачно приложил внизу, по меньшей мере ещё шестеро наёмников, среди которых я не заметил долговязой фигуры Матинелли. Оборонявшихся было изначально, как и докладывал Мишка, человек пять. Их не застали врасплох, об этом говорило ещё три

труппа лежавших в разных позах так, что по их положению было видно — изначально наёмники предприняли попытку открытого лобового штурма и их отбросили. Однако в команде охотников за сокровищами оказался ощутимый огневой перевес, слышно два «ручняка», а это против редких очередей отвечающих наёмникам с вершины трёх автоматов было уже очень серьёзно. Оборонявшиеся не отходили, поскольку с северо-запада распространившийся пожар закрывал им возможность отступления, кроме того, я слышал доносящийся оттуда характерный стрёкот винтов десантных «вертушек». Амеры тоже локализовали район перестрелки,

может быть связались с наёмниками, поэтому не слышно артиллерии. Но пути к отступлению скорее всего перекрыты почти все, времени для отхода не осталось, даже если мы сейчас переломим ситуацию, американская десантура будет на высоте уже совсем скоро. Кроме того, мне нужно было найти Мишку, без приятеля я уходить не собирался. Тихо передёрнув затвор «весла», я махнул Очкарику рукой вправо:

— Держись справа от меня, дистанция — десять метров. Вали всех, кого видишь впереди. Если заметишь человека с «Винторезом», не убивай его, это свой. Всё понял?

Веня только кивнул и довольно

умело перехватил короткий импортный автомат, поэтому без лишних слов мы двинулись к вершине холма. Первым в прицел ко мне попала сгорбленная спина пулемётчика, азартно поливавшего короткими очередями что-то вперед. До цели оставалось метров семьдесят когда меня заметил обернувшийся зачем-то к пулемётчику его товарищ менявший магазин в автомате. Взяв небольшую поправку я приостановившись дал две короткие очереди слившиеся почти в одну и оба наёмника покатались в траву. Ещё раз проконтролировав место падения, я двинулся дальше, почти не обращая

на Веню внимания. Сейчас уже не было времени вытирать парню сопли, да и откровенно говоря мне подумалось, что он справится. Тем временем иностранцы заметили меня и в немалой степени, этому способствовал голос моего «калаша», диссонировавшего с созвучиями импортных стволов бывших у обеих сторон. Под ногами взметнулись фонтанчики земли, пришлось тут же упасть и с перекатом уходить вправо. Хлопнуло два одиночных выстрела и пулемёт поливавший пространство в том месте, где я только что был, замолчал на полуслове. Поднявшись, мне вовремя удалось поймать в прицел перебегающую в опасной

близости передо мной тёмную фигуру в вислой панаме с израильским автоматом наперевес. Теперь сомнений больше не осталось — оружие у нападавших совершенно точно неуставное, значит стравить подельников мне всё же удалось. Прежде чем я успел выстрелить, наёмник уже падал, его цепанул кто-то справа от меня, наверное это Веня постарался. Короткими перебежками, огрызаясь скуными очередями в сторону оставшихся нападавших, мне удалось продвинуться вперёд метров на сто. Отсюда уже был виден передний край окопов, а точнее индивидуально отрытых ячеек, откуда изредка

постреливали «туристы». По вспышкам и появляющимся время от времени фигурам, оказалось, что высоту обороняло два—три человека. Сам вождь сидел в крайнем правом окопчике, его характерную крупную фигуру я заметил одной из первых. Шерман умело садил одиночными в сторону последнего оставшегося пулемётчика, однако пару раз стрельнул и в мою сторону. Справа, Веня что—то заорал своим и из одного окопа ему ответили. Помогло это тем, что «туристы» перестали палить в нашу сторону, несмотря на злобные выкрики Шермана. Тот продолжал изредка стрелять по нам с Очкариком, перемежая приказы чуть

ли не семиэтажным матом. Однако по непонятным мне пока причинам, его же бойцы не подчинились, сосредоточив огонь на оставшихся в живых наёмниках. Пара пуль вождя прошла в опасной близости от моей головы и пришлось снова залечь. Гул винтов амеровских «вертушек» становился всё ближе, время уходило с поразительной скоростью, счёт уже шёл на секунды. Снарядив «подствольник», я на звук выстрелил в ту сторону, откуда слышался стрёкот пулемёта и снова откатился влево. Хлопок гранаты заткнул пулемёт, слышался громкий тоскливый вой боли. Так иногда случается, если отрывает какую-то

конечность и человек видит что с ним случилось. Потом послышалась непонятная возня, приподнявшись на локтях я увидел, как двое «туристов» подскочили к окопчику Шермана и пытаются разоружить вождя. Однако это у них не выходило: Краснов ещё в первую нашу встречу показался мне хоть и упитанным, но довольно здоровым мужиком. А сейчас он демонстрировал подчинённым знание какого-то единоборства, возя двух ослабевших и явно раненых людей словно полудохлых котят. Веня тоже было бросился в свалку, но прямым встречным ударом под дых, Шерман опрокинул на землю и его. Пока вождь оглядывался в поисках

своего оружия, я успел подойти к нему метров на десять. Заметив, как я держу «весло», Шерман перестал суесться и выпрямившись обратился ко мне с лёгким акцентом, как говорят только эмигранты:

— А, это ты урка! Подстава с грузом это твоя затея?

Побитые «туристы» уже начали отползать в сторону, только Веня схватил выбитый из рук автомат и направил оружие на своего бывшего командира. В глазах за пыльными стёклами очков я читал решимость выстрелить, но не уверен, что тот сможет убить человека глядя тому в глаза, это несравненно сложнее, чем если стреляешь метров со ста. Не

выпуская Краснова из поля зрения, я обратился к Вене:

— Если хочешь что-то сделать, то поторопись, амеры уже поди на холм карабкаются. Заканчивайте со своим Иудой и пошли уже отсюда, граждане, а то все тут останемся.

— Сволочь! — Очкарик тоже смотрел на Шермана, но оружие ходило в его руках, от переизбытка адреналина — Я слышал тебя и того пиндоса! Ты всё время нас подставлял, хотел за бугор смыться в Барселону свою сраную. Ты всех нас продал!..

— Да, очень хотел — На лице Краснова читалась напряжённая работа мысли, глаза шарили вокруг,

даже сейчас он искал способ выкрутиться — Всегда хотел свалить. Сначала из «совка», потом из «раши».... А в Грузии... да там все в десять раз культурнее! Совки вы... серое стадо, быдло немытое! Как вы легко всему верите, как же просто и легко вас обманывать.... Продал, говоришь? Так и купил не дорого: слушали меня разинув рот, как бараны шли на убой. Ненавижу, презираю всех вас!..

Дальнейшие события произошли очень быстро, практически мгновенно следуя друг за другом. Вот Шерман пинком поднимает в нашу сторону облако пыли, уходя влево из-под Вениного «ствола», пытаюсь в

прыжке дотянуться до валяющегося в
паре метров от него автомата. Почти
в тот же миг Очкарик жмёт на спуск,
но промахиваясь привстаёт,
подавшись вслед движению вождя.
Быстрее всех оказался лежащий на
земле ничком один из уцелевших
«туристов» — среднего роста мужик,
с круглым лицом и комплекцией
располневшего, но ходящего в
спортзал менеджера средней руки.
Выпростав из-под себя руку с
экзотическим по нынешним
временам немецким пистолем Р-38,
он четыре раза стреляет в
распластавшегося в прыжке
Шермана. Грузное тело Краснова,
затянутое в модную снарягу, уже

замертво валится на землю, руки в последнем конвульсивном движении впиваются в сухую землю, словно цепляясь за неё напоследок. Для верности, я добавляю контрольную очередь, но тело прошитое ещё и моими четырьмя пулями даже не вздрагивает.

— Ну, теперь пошли отсюда — Я помогаю «менеджеру» подняться — я Антон Варламов, будем знакомы.

— Миронов Сергей — Голос у мужика глубокий, хорошо поставленный — Радиоведущий... бывший, правда. Так это вы помогли нашим у дороги и тогда... ну в лесу?

— Мы, но разговоры потом. Веня отведёт вас с товарищем к

остальным из отряда. Мой боец проводит всех в безопасное место, там будет время для разговоров. Сейчас нужно уходить, ещё раз рад знакомству, Сергей.... Хорошо стреляете, кстати.

Мы ещё раз пожали друг другу руки и я подозвал к себе Вениамина. Того ещё потряхивало от переизбытка адреналина. Оно и понятно: бой, угроза неминуемой смерти и глаза того, кто хоть и оказался врагом, но всё же был живым человеком, а не просто силуэтом в прицеле. По себе знаю, что смерть вынужденно причиняемая под давлением обстоятельств, имеет множество обличий. Некоторые

смерти даются легко, враг безлик, у него нет имени, а часто ты даже не можешь различить его лицо. А иногда, приходится сходиться глаза в глаза, видеть, как жизнь по капле уходит из них и ты точно уверен, что эту жизнь забрал именно сам. И вот тут совсем непросто решиться, особенно в самый первый раз... да и потом не так легко, как об этом пишут или говорят «бывалые». Не важно чем и как убьёшь: ударив ли ножом, выстрелив ли из чего-то огнестрельного. Однако часто смерть вот так же смотрит и в твои глаза, от этого взгляда выстужает душу, сердце черствеет и приходит понимание, что есть только две стороны — либо

позволить убить себя, либо самому отнять чужую жизнь. Этот порядок вещей в своей чудовищности настолько обыденный, что многие не выдерживают, ломаются. Для себя я давно отождествляю войну с жарой: какое-то время её можно переносить, есть силы приспособиться и жить в этом климате довольно долгое время. Однако нет ни минуты чтобы не приходило понимание, что есть предел любому терпению и выносливости, хотя в данной ситуации я понимал и то, что фигурально выражаясь попал на Экватор и вроде как застрял тут совершенно на неопределённый срок.

Теперь следовало привить это терпение окружающим, научить их жить и терпеть эту... жару и всё, что идёт с ней в придачу. Хлопнув парня по плечу, я махнул в сторону пологого северного склона, где сгущался нагоняемый с дороги белёсый дым пожарища:

— Вениамин, отведи своих товарищей в Шишковичское урочище, если получится — ждите меня там три дня, минус те две недели, которые вам понадобится чтобы добраться туда. Может быть, я нагоню вас по дороге... может быть не приду вообще. Ты с Лерой теперь единственная надежда для отряда, мой боец будет вам помогать, чем

сможет. Иди, время поджигает.

Жестом остановив хотевшего что-то возразить Очкарика, я ещё раз попрощался с остальными «туристами» и начал спускаться с холма в ту сторону, откуда раздавался шум вертолётных винтов. Там была позиция выбранная Мишкой для стрельбы, там может быть лежит подстреленный но живой Матинелли. Единственное о чём я мог думать в тот момент, это серые тела бомберов, похожих на разжиревших летучих мышей — мутантов. Бегом спускаясь с холма, я поудобнее перехватил автомат и нырнул в заросли лопухов, голоса не таящихся амеров слышались впереди

и справа, нужно было спешить.

Глава 8

Россия. 24 августа 2011года. Юго–западный участок Центрально–сибирской оккупационной зоны. 273 км севернее предместий г. Кемерово. Район речной переправы между железнодорожным узлом «Постниково» и авиабазой «Нью–Нортвуд», 10.54 по местному времени. Партизан Антон Варламов: вербовочная беседа и отрыв.

... Если кто–нибудь вам расскажет, что может сохранять ровное дыхание после выматывающего шестичасового ожидания в стылой земле и короткой, но интенсивной огневой сшибки с

превосходящим по численности противником — он либо врун, либо киборг из будущего. Но всё равно приходится бежать и чаще всего, когда дыхание может выдать, лучше сделать его ровным и неслышимым иначе ты труп. Однако сейчас важнее всего именно скорость. Мне в помощь было то обстоятельство, что с горки пришлось сбегать, а не вновь карабкаться на неё. Все мысли занимало непонятное Мишкино молчание и отсутствие среди трупов на высотке так необходимого мне человечка — итальяшки Матинелли. Американцы сработали оперативно и выбросили четыре—пять поисковых групп десантников, которые шустро

заблокировали все известные им подходы к высоте и отрезку трассы где произошло нападение на конвой. Но мне особо это не мешает: лёжка Михася была восточнее очага событий, оттуда же, согласно докладу приятеля пришли и наёмники. Сложность сейчас была только в том, удастся ли преодолеть открытое пространство от подножья холма к лесу, не будучи обнаруженным с воздуха или десантниками из группы прочёсывания. Хотя и бежал я уже почти что налегке, усталость и ноющая боль в едва зажившей руке не помогали грациозным прыжкам с почти двадцатикилограммовой

полезной нагрузкой. На первый взгляд, разумным шагом было затаиться и попробовать пропустить противника через себя, однако в данном случае речь не идёт о спасении собственной жизни, мне необходимо первым отыскать Мишку и если он жив, узнать что случилось с итальянцем. Поэтому пригнувшись но не сбавляя скорости, я почти по прямолинейной траектории бежал в сторону леса, аж ветер посвистывал в ушах. Справа, в опасной близости раздавались команды, кто-то стреливал, но думаю, это был просто беспокоящий огонь — амеры после тотальной расслабухи теперь так сказать дули на воду, паля заведёв

любой подозрительный пень или слыша непривычный звук. На моё счастье, рассыпавшиеся цепью десантники шли чуть правее, нас разделяло около пятидесяти метров, а густая растительность ограничивала видимость местами до расстояния вытянутой руки. Взятый в начале темп становилось всё труднее выдерживать по мере того, как почва под ногами становилась менее пологой. Трава, вымахавшая местами почти по пояс взрослого человека, сковывала движения, а главное, я теперь довольно сильно шумел. Мысленно надеясь, что достичь спасительной темноты леса, маячившей почти рядом — кажется

уже рукой дотянуться можно, я удвоил скорость, но оступился и угодив ступнёй левой ноги в небольшую ямку, начал падать вперёд. От громогласного треска сучьев и возможного перелома лодыжки, спасло умение падать. Сгруппировавшись удалось войти в кувырок через правое плечо, но вот тут везение кончилось — я угодил прямиком в заросли шиповника. Не будь на мне маски и перчаток, вполне велика была вероятность остаться без глаза и солидных лоскутов кожи. Однако теперь ушло ещё пара драгоценных минут на то, чтобы по возможности снять с веток оторвавшиеся клочки нашитых на

костюм ленточек, что в конечном итоге привело к встрече с двумя амерами, сначала услышавших треск кустов, а потом заметивших барахтавшуюся там непонятную бесформенную фигуру. Видимо приняв меня за медведя, американцы сразу стрелять не стали, один из них даже залихватски свистнул, надеясь напугать незадачливого зверя. Решение было принято мной мгновенно, однако же целый ряд вариантов ещё быстрее промелькнул в мыслях, обгоняя конечное действие на немислимо короткий отрезок мгновения. Амеров двое, но мой самопальный камуфляж сбив их с толку, подарил редкую возможность

первого действия, нужно ещё больше их запутать. Зарычав словно настоящий топтыгин, я как мог скрывая автомат висящий на шее, ринулся влево от застывших в изумлении солдат, треща кустами ещё сильнее нежели при падении. Придержав автомат правой рукой, левой я уже вынимал пистолет из набедренной кобуры. Десантники были на предельной для пистолета дистанции, нас разделяло около пятнадцати — двадцати метров, однако иные варианты могли неработать. Сериями по два выстрела, я выпустил по приближавшимся фигурам все девять патронов и отщелкнув мгновенно

затерявшийся в траве пустой магазин снова перезарядив ПБ пошёл вперёд и влево, обходя так и не выстреливших ни разу американцев по дуге. Ещё по службе, когда приходилось использовать этот специально переделанный под глушитель «макаров», я знал, что особой кучности на таком расстоянии, да ещё и в движении не добьёшься. Этот пистоль бил наверняка только с десяти метров, дальше случались всякие чудеса, но инструктор показал, что коли придётся вести огонь именно из «макарки», главное тут, это скорость с которой ты сможешь опустошить магазин в направлении цели. Так

случилось и сейчас: американец бывший чуть левее и ближе получил две пули в бронежилет и одну прямо в подбородок, пройдя по инерции ещё шага три, он выпустил автомат из рук и схватившись за лицо осел в траву. Его напарник поняв, что происходив и опознав по характерному силуэту человека с оружием уже поднимал свой короткий автомат, но получил одну пулю в предплечье, попавшую между стяжкой плечевой кевларовой накладки прямо в мягкие ткани. Это замедлило его движение, а ещё одна пуля скользнула по левой скуле, сняв довольно приличный кусок кожи и мяса. Шок и ранения на дол

мгновения затормозила действия американцев, дав мне возможность приблизиться ещё на пять метров и сменив магазин довершить начатое: Не доверяя возможностям «макарки» пробивать современные «броники», я стараясь бить по открытым участкам тела выстрелил пару раз в лицо замершему от болевого шока первому десантнику и опустошая магазин до конца, выпустил оставшиеся шесть пуль по силуэту уже вытащившего свой пистолет здоровой рукой второго десантника. Ещё пара вещей произошла одновременно: второй амер упал навзничь треща кустами и затворная рама моего пистоля тихо лязгнула, встав в заднее положение.

Вернув рамку наместо, я спрятал пистолет в кобуру и вынув нож с удвоенной прытью ринулся к упавшим. Приходилось слышать, что им перед боем колют какие-то стимуляторы и вот сейчас любой их амеров может встать и хотябы подать сигнал своим выстрелив в воздух. В прыжке достигнув тела первого врага, я слева направо рубанул по закрытому зелёным накомарником горлу, ткань скрученная в жгут словно бы нехотя расползлась, брызнула чёрная кровь и где-то в глубине разреза показалась розово-белая кость позвоночника. Не останавливаясь больше, я подбежав к перекатившемуся на левый бок

второму амеру, рывком взяв того за переднюю кромку обтянутого камуфляжным чехлом шлема и оттянув голову амера назад, также слева на право махнул ножом, но немного не рассчитав сил, почти отрубил ему голову. Сразу же разжав кулак, я выпустил нечаянный трофей и свисая на лоскуте кожи та упала рядом с телом, помедлив скатившись труп к коленям. Получилось так, словно амер замерший в позе эмбриона баюкал голову на руках. Замерев над трупами и прислушавшись, я понял, что цепь пошла вперёд и вправо, видимо пока не хватившись отставших, настолько быстрой вышла наша сшибка. Отерев

лезвие об одежду покойного иностранца и успокаивая серьёзно сбившееся дыхание, я быстро обыскал обоих, забрав лишь оружие и уложив обоих ничком, в паре метров друг от друга, сунув каждому за поясной ремень по наступательной гранате из их же подсумков. Может повезёт и их товарищи не проверят трупы на предмет «подлянки» и на свой счёт можно будет записать ещё пару-тройку супостатов. Оглядевшись кругом и снова сверившись с ориентирами, я прислушался: ПБ это не совсем бесшумное оружие, а если стрелять без перерыва, то звук получается довольно громким. Само

собой с автоматной трескотнёй не сравнить но... однако же сейчас в мою сторону никто не спешил, звуки погони и отрывистые частые хлопки импортного оружия слышались всё дальше позади и слева — амеры уже должны быть на вершине холма. Прибавив шаг, я свернул на северо-восток, к приметной старой берёзе, откуда недалеко было до выбранной Михасём лёжки. Оттуда следовало начинать поиски приятеля и по возможности выяснить, что же с ним произошло. Сухая трава неприятно шуршала под ногами, после грома перестрелки у моста слух стал постепенно возвращаться, однако неприятный писк всё ещё стоял в

ушах, мешая слушать лес. Заложив две крутые петли и промучившись с зарослями обобранного медведем уже довольно давно малинника, я вышел к засохшему дереву спустя ещё полчаса. Всматриваясь в окружающие плотной стеной небольшую полянку деревья и прикинув место откуда удобнее всего было пасти подходы к наблюдательному пункту покойного ныне Шермана, я нашёл группу деревьев, вполне подходящих для этого. Ближе всего была средней высоты сосёнка, крона которой отлично могла скрыть стрелка от посторонних взглядов. Однако после тщательного осмотра, никаких

следов Мишкиного присутствия не нашлось. Взяв левее на восток, у замшелой старой пихты я нашёл то, что искал: да десятка стреляных гильз от «винтореза» и с десятков вполне чётких отпечатков его следов. «Говнодавы» приятеля оставили вполне подходящий автограф на земле и стволе дерева, содрав мох и оставив ошмётки грязи. Прикинув направление стрельбы по отброшенным гильзам, я направился на север, отмерив двести метров, куда нелюбимое мной оружие приятеля без напряжения могло дострелить. Пройдя положенное расстояние увидел и результат работы Михася: четыре трупа лежали

в разных позах таким образом, что стало ясно — их подстрелили сзади, никто не попытался укрыться и вряд ли понял, что вообще происходит. Но пройдя ещё десяток метров дальше от первых покойников, стало ясно, что везение снайпера на этом закончилось. В команде наёмников нашлось два Мишкиных конкурента. Один с М-25^[42] и другой с полноразмерной SR-25 с глушителем^[43] — обе снайперки сильно превосходили «винторез» по точности и дальности прямого выстрела, однако местность была на стороне отечественного военпрома. В условиях ограниченной видимости, когда лучше иметь под

рукой скорее автомат с «тихарём», Мишке удалось выиграть дуэль у своих иностранных визави. Хотя неприятности они ему доставили, но короткий ствол «винтореза», мощный патрон и главное отсутствие засветки и звука от выстрела — стали той совокупностью мелочей, которые помогли одиночке — полупрофи, победить крепко сыгранный коллектив. Однако всё имеет свою цену и судя по всему, Мишка расплатился сполна. Чуть раньше, среди прочих следов на стволе дерева я заметил бурые пятна крови, хотя количество их и не было большим, однако без автографа нашего «паганини» на этот раз не

отпустили. Но оба остались лежать тут же, снайперов разделяло небольшое расстояние: один мешковатой грудой валялся у корней старой сосны, откуда его свалил приятель выстрелом точно в лоб; второй видимо менял позицию и ничком зарылся с головой в кучу палых листьев скрывавших небольшой сухой овражек. Ему досталось три пули в висок, плечо и шею, первое попадание было уже смертельным, но выброс адреналина не дал наёмнику умереть мгновенно, отсюда и две следующие дырки....

Пока снайпера мерялись длинной инструментов ремесла и степенью выучки, основная группа

наёмников прикрываемая огнём своих стрелков отходила к холму. Их следы я заметил пройдя ещё десятка три метров на северо-восток от трупов вражеских стрелков. Оружие ломать было грех и я взял обе винтовки с собой, обобрав трупы наёмников и сняв с них всё, что умелый стрелок берёт с собой на охоту. Тащить всё это я решил недалеко, поэтому взял всё, что пришло на ум. Тут были походные наборы для чистки, два дальномера и десятка четыре патронов разной номенклатуры россыпью, плююсь по шесть обычных магазинов притороченных в подсумках приличных разгрузочных жилетках.

Оружие и боеприпасы это то, что в скором времени нам очень пригодиться, тем более такое ухоженное и дорогое как вполне приличные снайперские ружья. К счастью, через сотню метров мне попался огромных размеров муравейник и отмерив от нег десять шагов я вырыл не слишком глубокий схрон, куда и сложил добычу. Разбирать винтовки я особо не умел, но опыт общения с одним уехавшим в Канаду другом, часто наезжавшим в Иркутск по делам, позволил мне довольно точно выполнить неполную разборку обоих стволов. Глянув на часы, я снова мысленно сплюнул с досады, на быстро утекающие

минутки, однако продолжил работу. Разложив части оружия на полиэтиленовой плёнке, я применил старый фокус помогающий от барсуков, лис и особенно чужих собак. Подойдя к муравейнику и сняв перчатки, похлопал пятернёй по горячим от солнца муравьям сновавшим в куче по своим делам. Естественно лесные трудяги кинулись на защиту своего дома и спустя каких-то пару мгновений, обе мои ладони были покрыты кусачими красными мурашами — солдатами. Укусы их, довольно болезненные, на огрубевшие от рытья окопов ладони почти не оказывали того эффекта какой я испытывал в детстве.

Растерев муравьёв по рукам, я пошёл к оружию и стал натирать железки получившейся пахучей сочной шелухой. Так, мысленно прося у трудолюбивых муравьёв прощения, пришлось несколько раз внести опустошение в их популяцию. Война, пусть и опосредованно, коснулась и совершенно неимевших к людской суете отношения. Подавив прилив снова начавшей подниматься в душе волны отчаянья, я тщательно упаковав оружие и боеприпасы уложил дёрн над ямой схрона. Теперь найти его можно будет только с помощью миноискателя, собаки почуют только муравьиный резкий дух, отлично перебивающий

большинство других запахов. А наличие рядом отличного ориентира в виде муравейника, снимет вопросы у большинства следопытов. Лишь бы среди них не оказалось того ушлого амера, так неудачно подломившего мою захоронку, остальным же моя хитрость просто не по уму. Вернувшись обратно к дереву, где сидел Михась, я пошёл по его следам: чутьё не подвело и скоро удалось обнаружить его след, приятель шёл по следам наёмников, среди которых вероятно был и Матинелли. В какой-то момент присев на корточки, чтобы точнее определить направление погони, я почувствовал резкую кинжальной

остроты боль в левой стороне груди, левая рука тоже онемела от плеча до самого локтя, дыхание перехватило и пришлось сесть, прислонившись к тонкому стволу молодой осины, сейчас некоторое время лучше не двигаться....

... Дорога во двор дома в котором я последние пару лет снимаю квартиру только одна: под арку в девятиэтажном доме нужно пройти скача через лужи вечно скапливающейся даже в сильную жару грязной воды. Непонятно, откуда эта бурая, пахнувшая тухлятиной жидкость вечно просачивается, но она всегда на своём месте — ровно посередке

растрескавшегося тротуара. Два антрацитово — блестящих озёрца затаившись в сумраке арки ждали очередную невнимательную жертву. Обычно, опытные жильцы сразу сбавляют ход перед самым арочным проёмом и по стеночке пробираются на другой конец арки, в тысячный раз проклиная коммунальщиков и страну в целом. Но тут же забывают про неудобства, стоит им только выбраться под скудный желтоватый свет дворовых фонарей, проблем кроме удачно форсированного препятствия по жизни и так хватает. Так случилось, что лично мне в тот вечер было совершенно наплевать на лужу, поскольку на ногах я имел

равнодушные к любой грязи, разношенные и чрезвычайно удобные кирзовые сапоги с обрезанными на треть голенищами. Да и вообще, вся остальная одежда выдавала во мне скорее слесаря — работягу, припозднившегося после трудного рабочего дня, идущего по своим делам удивительно ровной для представителя данной профессии походкой. Нащупав привычным жестом в кармане штормовки пакетик с сухариками, я забросил пару крепко подсолённых кубиков на язык и блаженно вдохнул сырой вечерний воздух. Всё тело приятно гудело от хорошей рабочей усталости, даже залеченная три года

назад рана не болела сильно. Боевая отметина тихо ныла, как бы по-приятельски напоминая, что я поступаю с ней нехорошо. В нагрудном кармане грел душу аванс, полученный от хозяйки продуктовой палатки Анны Семёновны, женщины приятной и молодящейся. Так, пребывая в полном ладу с собой и миром вообще, я миновал «шведскую стенку» всю отполированную сотнями рук и ног местной детворы и впереди показался торец пятиэтажного панельного дома, где я собственно и проживаю. Осень, самое любимое мной время года, уже сорвала с деревьев последние листья и в шорохе голых веток яблонь и

тополей, слышался сонный шёпот — деревья уже погружались в спячку, от них веяло небывалым покоем....

— ... Портфель давай, сука!..

Идиллию осенней сказки разрушил уверенный молодой голос, которому вторили ещё два, менее разборчивых, но полностью согласных с требованиями первого говорившего. Нехотя выныривая из ощущений внутреннего комфорта, я не ускоряя шага всматриваюсь в желтоватые сумерки перед первым подъездом «пятиэтажки». Картина вышла привычная и уже практически обыденная в своей неприглядности: на спинке скамейки перед подъездом сидела фигура в мешковатой одежде,

а из-за высокой стойки чёрной кожанки выглядывала коротко стриженная, шишковатая макушка. Ещё два персонажа перегораживали подступы к железной подъездной двери, испещрённой пятнами оборванных объявлений. Оба были словно близнецы похожи на своего восседавшего на спинке скамьи вожака, с той только разницей, что у того что справа от входа вместо куртки был одет короткий красный пуховик, а грязные засаленные волосы, короткими стрелами торчали во все стороны. Третий пассажир как две капли воды походил на главаря маленькой стаи, только ростом чуть пониже и куртка явно пошита из

дерматинового заменителя. Общим для всех троих была вихляющая походка и угрюмо — глумливое выражение обветренных лиц. Однако все они не были особо пьяны, кайфовой развинченности в них тоже заметно не было. Скорее всего сейчас они разводят мужика на бабки, с целью добыть средств на приятное проведение сегодняшнего вечера. Парней я узнал, поскольку часто проходя мимо первого подъезда видел всю троицу оккупировавшую многострадальную лавку. Один раз тот, что сейчас требовал портфель попросил закурить, но услышав мой короткий отказ больше не приставал. Мы словно стали незаметными друг

для друга, выпав из сферы общих интересов, перестав существовать вообще. Жертвой троицы оказался худощавый мужчина, за спину которого сейчас прятался мальчик лет шести, прижимающий к груди большой пластмассовый самосвал ярко-оранжевого цвета. Мельком глянув на часы и поймав циферблатом свет фонаря, я смекнул, что мужик забирал ребёнка из детского сада. Решив повременить с вмешательством, я замер в тени отбрасываемой стеной дома и стал наблюдать. Мужик в сером дорогом пальто, хороших туфлях и с дорогим портфелем для бумаг выглядел благополучным служащим средней

руки, ребёнок в синей куртке, шапке с опущенными «ушастыми» клапанами, синих джинсах и высоких осенних кроссовках с высоким берцем, тоже признаков бедности не выказывал. Обычные люди, в меру ухоженные и даже благополучные, явно местные, только вот сталкиваться с ними не приходилось. Вообще, вмешиваться в данном случае было чревато: вдруг один из хулиганов окажется сынком этого самого дяденьки и я буду крайний если заступлюсь. Поэтому, я продолжая наблюдать, тихо подошёл как можно ближе, не обнаруживая себя, да и вряд ли кто-то меня заметил бы подойдя я даже открыто.

Все торе были заняты новым развлечением — травлей беззащитного. Сидящий на лавке вожак, не меняя тона продолжил:

— Раз «заяву» забирать не хочешь, будешь отвечать за каждый день. Для начала, метнёшься сейчас до хаты, сорок «штук» мне принесёшь, пока пацан твой тут с нами посидит. Ментам не звони, ты же видел, нас отпустили, да ещё извинились. Неси деньги за ущерб, а лучше съезжай из нашего дома, профессор. Не серди меня, мужик — хуже будет.

На лице мужчины с портфелем отразилась целая гамма чувств: видно было, что боится он только за

ребёнка и вполне себе хочет вступить с хулиганами в спор на их языке. Однако вид округлившихся глаз мальчика не оставил ему выбора: кивнув головой, он успокаивающе похлопал сына по плечу и пошёл к двери:

— Аркаша, ничего не бойся, я сейчас вернусь....

Поняв, что шпана мужику не родственники и я стал свидетелем обычного разбоя, на душе стало немного легче. Окна квартир всего первого этажа, забранные решётками были темны. Неясный свет лился на площадку перед домом только с третьего этажа, люди попрятались, никто не хотел вмешиваться,

государство отучило делать добрые дела. Помочь или нет, вопросом не было: как стало ясно из разговора, конфликт имел затяжной характер. Дальнейшая судьба отца с сыном выглядела незавидной. Думаю, что забрав деньги они мужика серьёзно покалечат, могут даже забить насмерть, случаи были. Дождавшись, когда мужчина скроется в подъезде, я шагнул за спину к сидящему на спинке скамьи жожаку и без замаха, коротко пробил правой в затылок. Без единого вскрика, как и положено, жожак сполз на широкое ложе скамейки и затих. Двое его приятелей никак не успели среагировать на случившееся,

поскольку со стороны выглядело, что их приятель просто потерял сознание. Очнувшись оба кинулись с вожаку но тут я вышел из тени слева, обойдя скамейку но всё ещё оставаясь невидимым для встревожившихся хулиганов. Тот, что в красном пуховике, отбросил прочь так и стоявшего возле скамейки мальчика с такой силой, что ребёнок кубарем покатился в грязь, выпустив игрушку из рук. Оранжевая машинка неловко кувыркнувшись уткнулась в первую ступеньку крыльца, завалившись на левый бок. Снова, как и в первом случае действовать пришлось быстро: угостил стоящего ко мне ближе всего гопника ребром

ладони по кадыку. Тот сипя осел на асфальт, обмякшей бесформенной грудой, потеряв сознание. Третий хулиган, отбросивший мальчика, был слишком далеко для удара рукой, поэтому для начала получил носком сапога под колено, а когда от боли он инстинктивно подался вперёд, то дошагнув до «красного пуховика» я ударом кулака в основание черепа, уложил на землю и его. Не теряя времени, снова оказался рядом с уже приходящим в себя главарём и обыскав его карманы, нашёл довольно солидный арсенал: перестроенный под боевой патрон газовый пистолет и аккуратный «финский» нож в ножнах за поясом

брюк. Ребята оказались не совсем простые, мне повезло застать их врасплох, иначе вполне мог схватить ещё одну лишнюю дыру в шкуре. Забрав пистолет и выщелкнув магазин, насчитал в нём пять патронов... однако круто для начала. Вернув магазин обратно и положив пока «ствол» в карман штормовки, на какой-то момент задумался о дальнейших действиях, благо все хулиганье лежало смирно. Выход виделся только один, добавив шевельнувшись главарю ещё немного сна пережав хватом руки сонную артерию, я подошёл к сидящему на ступеньках мальчику. Тот снова прижимал игрушечный

самосвал к груди, невидящим взглядом уставившись прямо на меня. Присев перед ним на корточки, краем глаза следя за поверженной троицей, чётко, но не громко спрашиваю:

— Аркаша, ты меня слышишь?

Мальчик рассеянно кивнул головой, в больших карих глазах застыл страх и удивление. Он не понимал, откуда взялся плотный, невысокого роста, коротко стриженный и почти полностью седой парень. С недельной щетиной на обветренном круглом лице и совершенно чёрными неподвижными глазами, он мало чем отличался от лежащих на асфальте злых людей,

угрожавших его отцу. Осторожно подняв пацана на ноги и сделав два шага вверх по крыльцу, я открыл дверь подъезда и подтолкнул мальчишку в неожиданно ярко освещённый лампой дневного света тамбур.

— Иди домой. Скажи своему папе, что парни передумали, им больше ничего от вас не нужно. Ты меня хорошо понял?

Мальчик заторможено кивнул и сначала медленно, а потом всё быстрее припустил вверх по лестнице. Тихо закрыв дверь на сильной пружине, чтоб не грохотала, я вернулся к скамейке и вынул трофейный пистолет из кармана. Я

не народный мститель, но эта ситуация так не уйдёт: отморозки очнутся и не найдя меня снова переключатся на этого незнакомого мне в сущности «профессора». Став рядом с тихо лежавшим на лавке главарём, я стал ждать. Наконец, «дерматин» и «красная куртка» очнулись, шатаясь поднялись на ноги и оба с недоумением уставились на меня. Пистолета они пока не заметили, молча кинувшись на новую жертву, без всяких вопросов. Каждому досталось по две девятимиллиметровых пули в грудь, парни словно наткнувшись на невидимую преграду осели на асфальт всего в паре шагов от своего

прошлого «аэродрома». Стрелял я наверняка, оба гопника скорее всего умерли почти мгновенно. В магазине «газовика» оставался ещё один патрон, поэтому взяв руку безвольно лежащего рядом на лавке парня, я прикинул, какая рука у него рабочая. Хват ножа, и расположение наплечной кобуры верно подсказали, что сюрпризов нет, парень правша. Взяв его рабочую руку так, чтобы он довольно крепко ухватил вложенное ему в ладонь оружие, я снова став у бесчувственного гопника за спиной, прицелился его рукой в окно точно за спинами трупов и выстрелил, мгновенно отшагнув в темноту. Звон стекла, сонные голоса разбуженных

жильцов, всё это я слышал и видел уже издали, отбежав от дома на приличное расстояние и укрывшись под аркой. Начавший приходить в себя главарь недоумённо глядел на свой пистолет зажатый в руке и трупы приятелей. Весь первый этаж осветился огнями зажжённого в комнатах света. Минут через десять вдалеке завывла милицейская сирена, а очнувшийся главарь бросив оружие припустил в мою сторону. Ничего не оставалось как поставить пролетавшему мимо бандиту подножку и тот рухнул в самую середину лужи. Не ожидая приезда ментов, я снова отшагнул назад, оказавшись там, откуда начал свой

путь всего полчаса тому. Быстро миновав по тёмным буеракам расстояние до своего подъезда, я открыл металлическую дверь и тут меня скрутил приступ острой боли. Сердце жгло как огнём, левая рука словно чужая повисла плетью вдоль туловища. Наш первый этаж был тёмным, лампочку там постоянно воровали, либо били, поэтому местные обитатели все поголовно ходили с ручными фонариками. Преодолевая резкие приступы мутящей сознания боли, я кое—как преодолев три этажа держась за стены почти ввалился в квартиру, с огромным трудом различив затуманенным болью взглядом

замочную скважину и судорожно справившись с замками. Потерять сознание мешало только упрямство, но боль оказалась сильнее, поэтому последнее, что осталось в памяти это уходящая вверх стена тесного пространства прихожей....

... Тогда это был первый серьёзный привет от пережитого на войне — доктора говорили, что стресс, нагрузки и все дела. В принципе, ничего особенного не случилось: курить я бросил за два года до этого, а нервы... ну с этим придётся жить. Фокус в том, что было подозрение на инфаркт, но я сбежал тогда из больницы не дожидаясь пока доктора возьмутся за

меня всерьёз. Потом приятель привёз из Китая настойку толи из женьшеня, толи из тигровых костей, но пропив её год, до настоящего времени приступов даже после серьёзных нагрузок не было. История же, после которой проявилась новая болячка продолжения не имела. Через неделю, «профессор», оказавшийся довольно успешным банковским служащим средней руки, съехал из нашего дома. Гопник больше не появлялся во дворе, ни один ни с компанией, всё снова успокоилось. Это и был самый лучший для меня выход, парнишка ничего лишнего отцу и ментам не сболтнул. Аккуратно поднявшись на ноги и

приведя дыхание в порядок я снова побежал по следу, мысленно надеясь, что хоть со стороны собственного организма предательства больше не будет.

След Михася обрывался у невысокой горки, поднявшись на которую я обнаружил с десятков стреляных гильз от его винтовки и следы борьбы. Глянув вниз, где открывался участок тропы ведущей к вершине холма, я заметил четыре лежащих рядом друг с другом неподвижных фигуры. Судя по неестественным позам, все они были мертвы. Скорее всего, один из наёмников отстал от своих проверяя тыл, а Михась в это самое время

уложил ещё четверых его приятелей. Уж не знаю чем, но Мишка себя выдал и они с амером схватились врукопашную. Не ясно пока, насколько был крут противник приятеля, однозначно считаю, что шансов против Мишки в рукопашной схватке у него было не много. Михась сколько его помню, не вылезал с тренировок и спаррингов, а как-то раз при мне вырубил почти одномоментно сразу троих, довольно умелых самбистов. Спустившись по пологому склону холма и миновав широкий пролом оставленный в зарослях шиповника, я вышел на небольшую полянку где обнаружил приятеля и брыкающегося изо всех

сил, связанного наёмника. Иностранца Мишка спеленал грамотно: развязаться самостоятельно у того бы не получилось, а рот наёмника стягивала обычная в таких случаях «уздечка». Такая вот вставленная между зубов палка, не даст человеку кричать, но и не позволит задохнуться. Приятель сделал всё, чтобы пленник не остался калекой, однако сам он не подавал признаков жизни. Бледное лицо, изрезанные руки и зажимаемая ножевая рана в левом боку — такова была цена заплаченная Михасём за уткнувшегося в корни старой сосны пленника. Разрезав куртку в месте

пореза и ощупав рану, я понял, что смертельный удар противника Мишка отвёл, но скользя по рёбрам нож глубоко ушёл в мягкие ткани. Стреножив противника, приятель быстро терял силы, пока не отключился. Вынув флягу с водой, я побрызгал Мишке в лицо, веки его затрепетали, глаза открылись и сфокусировав на моём лице взгляд, он попытался что-то сказать, но я не дал:

— Молчи, крови ты много потерял, но сейчас уже всё нормально. Тихо лежи, напарник, скоро домой пойдём.

Походя пнув всё ещё дёргавшегося иностранца в грудь, я

срезал два молодых деревца, смастерив нечто вроде волокуши. Устроив на ней раненого, занялся пленным. Это вне сомнения был Матинелли собственной персоной, только подрастерявший былой шик и сильно помятый во время драки с Михасём. Показав ему нож и приложив лезвие к его губам, я дал понять, что любой звук будет наказуем. Пленный кивнул в знак понимания и даже слегка успокоился. Во время драки он уже понял, что убивать его не собираются и видимо был настроен торговаться, держась очень уверенно. Вынув «уздечку», я указал на волокушу и лежащего на ней приятеля:

— После того, как ты порезал моего друга, цена твоей жизни сильно упала, итальянец. Кивни, если понял.

Говорил я на вполне сноском английском, поэтому слегка опешивший Матинелли только согласно замотал головой, перспектива быть зарезанным в отместку за смерть непонятного русского его явно впечатлила, он поверил, что это непременно произойдёт. Убедившись, что эффект достигнут, я продолжил:

— Сейчас, ты поработаешь лошадью, нам нужно уйти подальше отсюда, а потом поговорим о твоей жизни. Запомни, я про тебя знаю

больше, чем ты про меня. Молись тому, в кого веришь, чтобы всё так и осталось иначе сам попросишь, чтобы тебя пристрелили. Расклад такой: тащи носилки, не пытайся бежать и может быть наша встреча даже послужит к обоюдной выгоде. Согласен?

Скосив взгляд в сторону бледного Михася и облизнув потрескавшиеся, в кровавых коростах губы, итальянец попробовал меня прокачать:

— Гарантии, что если твой друг умрёт....

Я не сильно без замаха, ударил пленного по щеке тыльной стороной ладони, времени на игры уже не

было, Михася нужно вытаскивать.

— Сделка была в другом, но если ты будешь и дальше юлить — сдеру с тебя кожу заживо, даю слово.

Снова побледнев, Матинелли ослабил напор, поняв, что имеет дело не с новичком и потянуть время не получится. С другой стороны, он смекнул, что есть реальный шанс сохранить себе жизнь, поэтому согласно наклонив голову попытался даже раздвинуть губы в улыбке, коряво сказав по-русски:

— Хараше, я сделать по-твойму.

— Ну, тогда пошли....

Указав пленному нужное направление и развязав ему ноги, я повесил верхний конец волокуши

ему на шею, предварительно обмотав её оторванной полкой его же куртки. Получилось нечто вроде лошадиного хомута, чтобы шею не натирало. Дав чуть размять итальянцу ноги и спустя минуту хлопнув его по плечу, дал таким способом сигнал трогаться. Мне тоже пришлось обзавестись дополнительным багажом: пришлось тащить на себе Мишкин «винторез» и его же пояс с подсумками. Своё «весло», перевесил на шею, чтобы в случае чего сразу выйти в боевое положение. Амеры хоть и шныряли уже довольно далеко, однако в воздухе я уже слышал стрекотание беспилотников, вертушки утюжили

небо севернее, ближе к дороге и месту засады. Увидят нас, без обязательных в таком случае маячков «свой—чужой» на одежде, сразу опознают в наёмнике пленного и сориентируют поисковиков на перехват. Не знаю, есть ли такие приборчики у Матинелли с приятелями, однако сейчас нас могло спасти только быстрое, насколько это возможно, движение вперёд, к тропе ведущей в Шишковичское урочище. Из-за Мишки, я сделал большой крюк в обратную сторону и сейчас мы находились в каких-то трёхстах метрах восточнее горы, где сейчас уже почти наверняка сомкнулось кольцо оцепления. Узкая,

почти незаметная в траве стёжка звериной тропки вела нас на северо-восток, прочь от дороги. Однако враг имел преимущество — назойливый и зудящий шум низколетающего беспилотника был отчётливо различим. Хитрая птичка пока что висела над верхушками деревьев в сотне метров позади нас, но передислоцироваться ближе ей ни что не мешает. Итальянец шустро семенил впереди и правее, опустив голову и ничего вокруг не замечал. Про себя я довольно усмехнулся: не находя вариантов немедленного спасения, он выжидал, в надежде на удобный случай. Так бы поступил и я сам, оказавшись в плену: иногда

сразу спастись не получается, но если противник дал тебе время и не убил сразу после первого допроса, то вместе с ним подарил время и шанс на свободу....

— Под дерево, быстро! Сядь и замри!..

Курсом с востока, на нас заходил боевой вертолёт, днём амеры используют обычную оптику, «вертушка» шла слишком высоко над деревьями но быстро приближалась. Матинелли прошипел что-то на своём цветистом, как и русский язык, наречии и увеличив ширину шага, рывком метнулся под раскидистую ель. Я тоже затаился под деревом в пяти метрах от

пленника и его груза, замерев, прижавшись к терпко пахнущему смолой и пылью стволу такой же ёлки. Хищное, узкое тело вертолѐта пронеслось над нами в следующее мгновение, я разглядел только пилоны с подвесным вооружением и отблеск стекла пилотской кабины. На несколько долгих мгновений заложило уши, потом шум стал стихать, но не ушёл насовсем. Вертолѐт по спирали нарезал круги над тем местом, где мы были ещё полчаса назад. Зависнув там на какое-то время, он улетел в сторону дороги, изящно развернувшись с дифферентом на нос. Матинелли оказался не так прост: каким-то

образом, итальянец пометил место, где лежал до того, как я отыскал их и сейчас на наш след встанут поисковики. Восточнее начинается зона ответственности охранных частей авиабазы, местность тамошние солдаты знают неплохо и им не составит труда отсечь нас от дороги ведущей к спасению. Стиснув зубы, я поднялся и как будто ничего не заметив, подтолкнул итальянца — мол, давай, двигай вперёд. Однако прикинув расстояние, свернул чуть севернее, туда направились Веня и его товарищи. Если получится, их можно будет догнать даже с нашим грузом и тогда я смогу закончить с Матинелли до того, как нас возьмут в

кольцо. Потом, в одного, мне скорее всего удастся выйти из окружения, одного будет не так легко искать. Иностранец ничего не заметил, думая, что я всего лишь петляю или к его вящей радости сбился с дороги. Лес стал напоминать сплошную коричнево—зелёную массу, перед глазами время от времени всплывали цветные круги, но я продолжал бежать сам, подгоняя и пленного. Деревья подступали совсем близко, местами и без того узкая тропка становилась совершенно невидимой. Даже свежий, с нерастраченными силами лесовик, и то сбился бы с дороги, однако какая—то непонятная мне сила, не давала мне потерять ту

интуитивную путеводную нить, что всякий раз вот уже пару часов к ряду выводила нас с пленником в верном направлении. Постепенно, дневной свет стал меркнуть, густые кроны деревьев и стволы молодых тоненьких ёлочек, становились всё плотнее друг к другу. Каждый шаг давался с огромным трудом, удерживало на ногах и в более—менее вменяемом состоянии, пожалуй только упрямство и жгучая, словно концентрированная кислота злость. Вопросы, которые постоянно мусолили между собой артельщики, тоже не давали мне покоя, просто на них я ответил гораздо раньше, ещё там, на Кавказе. Правильный,

справедливый поступок, требует от человека много усилий, поскольку жизнь — штука не совсем однозначная. Подлость и всякие непотребства, на мой взгляд совершать проще, потому напасть на беззащитного, отнять у слабого, это быстрый способ пожить весело, причём здесь и сейчас. Изменился масштаб подлости, как это периодически бывает в истории, опьянённый безнаказанностью бандит размножился до размеров целой цивилизации и эти урки скопом навалились на больного, но не бедного соседа, частично впавшего в маразм. Пусть прозвучит это излишне просто, однако когда

живёшь в земляной яме, а вокруг свистят пули, на сложные умозаключения отвлечённого характера вовсе не тянет. Стало совершенно темно, спину ссутулившегося пленника различить удавалось с большим трудом. Мы ушли из района активного прочёсывания, впереди был преимущественно хвойный участок вечнозелёного леса, на карте помеченный как непроходимый. Это означало, что не слишком приспособленные к лесной жизни «туристы», вряд ли ушли слишком далеко, даже с учётом предоставленной нами невольной помощью примерно в три–четыре часа.

Приостановившись, я глянул на компас и слегка перевёл дух — вроде идём верно. Впереди маячил небольшой овраг, за ним журчал ручеёк, совершенно скрытый высокой травой и кустарником. Мелькнула мысль, что возле воды вполне можно устроить привал и «туристы» вполне могут быть совсем рядом. Догнав Матинелли, я перевесив автомат за спину подхватил задний край волокуши и вдвоём мы преодолели овраг и вброд перешли почти пересохшее от жары последних дней русло ручья. Углубившись снова в чащу, я отпустил волокушу и всмотрелся в лицо раненого, приятель вполне

может умереть, есть вероятность что не донесём. Мишка был совсем плох: бледное лицо, посиневшие губы, но от покойника в нём пока было только две трети, бросать товарища я не собирался. Сделав короткий перерыв и оправив одежду, мы снова двинулись в путь, от усталости я случайно зацепил носком ботинка свалывшийся в комок прочных словно леска травяных стеблей и чуть не упал вперёд. Потеряв равновесие, в последний момент перед падением удалось ухватиться за сук ёлки, может это и спасло.... Сухо треснул одиночный выстрел, я на рефлексах и остатках выносливости упал на землю почти сипя:

— Веня, свои!..

Чуйка не подвела и «туристов» мы нагнали уже спустя три с четвертью часа, после встречи с вертолётom. Однако из-за шума, который производила волокуша да журчавшая вода, нас слышали и организовали нечто вроде засады. Ко мне, стоящему на коленях, с вытянутыми вперёд руками, подбежал сам Очкарик, пелена нагнетаемая кровяным давлением мешала мне чётко его видеть, но несомненно это был мой знакомый студент. Странно было видеть, что кто-то кроме тебя самого может забраться в такую глушь, да ещё имея горящие вниманием и восторгом

глаза. Веня, может быть по молодости, а может из-за стресса, видимо не до конца осознавал всю мерзость нашей ситуации. Для него и большей половины «туристов», окончательное прозрение наступит немного позже. Главное, чтобы это случилось не вовремя очередной стычки с амерами, нужно ещё многому их учить... время... как его сейчас недостаёт! Его приятели затаились в кустах по правую руку от меня, перехватив и так уже ошеломлённого итальянца, повалив пленного на землю. Увидев, что тот связан и тащит на себе ещё одного, на их взгляд совершенного покойника, оба «туриста» в

недоумении глядели на Вениамина. Тот жестом велел им оставаться на месте, приблизился ко мне и только теперь узнав, кинулся помогать. Взяв его руку, я поднялся, снял маску и слабо хлопнув его по плечу, сразу заговорил. Голос стал хриплым, порой, я сам себя почти не слышал:

— Слушай... внимательно... студент. Мой товарищ потерял много крови, со мной ценный пленник.... Это подельник Шермана. Поверь, он нужен нам живым и невредимым. Сейчас нет времени объяснять, но я всё тебе расскажу, обещаю. Берите раненого — Я протянул Очкарику «винторез» и Мишкину сбрую с подсумками — И бегите дальше, я с

иностранцем прогуляюсь и уведу погоню от вас. Потом... потом как карта ляжет, но я постараюсь выйти в место встречи с остальными. Если не приду, ты и остальные... постарайтесь уничтожить авиабазу... там «бомберы», там смерть нашим городам, они не должны взлетать! Ты всё понял?

Азарт в глазах студента затухал по мере того, как смысл сказанного доходил до его сознания. Так обычно и бывает: кажется вот он, всё знает, всё умеет и пули этого непонятного лесовика не берут. А тут моя загадочная личность возьми да и обернись совершенно иной гранью. Кого сейчас этот в сущности совсем

ещё «зелёный» пацан узрел? Невысокого, потрёпанного мужика в заляпанной грязью самопальной лохматой накидке с упрямым выражением чёрных, злых глаз на удивительно невыразительном круглом лице, заросшем седой трехдневной щетиной. Мягко скажем, сочетание получилось не героическое, однако сил на спокойный тон и всякие психологические этюды же не то чтобы не осталось вовсе, похоже было, что я беру у кого-то невидимого взаймы сил и соображалку. По моим ощущениям личные резервы обоих этих качеств, закончились ещё во время сшибки у

моста. Совершенно не представляю, откуда силы берутся теперь... а шут его знает, лишь бы пружина не закончила разворачиваться раньше времени, лишь бы этот эфемерный «завод» не иссяк теперь, когда комбинация почти завершена! Веня с некой оторопью воззрился на меня, казалось, что вокруг нас двоих образовался некий вакуум: его товарищи хлопотали над раненым, с интересом расспрашивая о чём-то пленника, на нас они не обращали никакого внимания. Очкарик, как только первое изумление прошло, чуть дрогнувшим голосом спросил:

— Лесовик, ты говорил, что вас мало, но все эти нападения, разгром

колонны.... Почему не приходят остальные... почему вас только двое?

Идиот, или менее уставший человек, на моём месте скорее всего стал бы безумно хохотать или промолчал совсем, рывкнув что-то в приказном тоне. Всего этого я никогда себе не позволяю, поскольку истеричный смех, выдаёт бессилие, а бессмысленный приказ для пока ещё не слишком доверяющего мне человека, вызовет ещё большее неприятие, я сказал то, что должен — правду.

— Нас всего трое, Вениамин. Это я, мой напарник который скоро отбросит коньки и лежит вон там на волокуше, мы — обычные

охранники... чуть круче тех, что ходят между прилавками в супермаркетах. Ну, знаешь: лицензия, почти настоящее оружие и никаких прав случись чего.... Ещё с нами бывший водитель — дальнобойщик, который сейчас идёт в Шишковичи, чтобы помочь вашим раненым найти новое убежище. Вот и вся наша артель.

Взгляд Очкарика выражал полное замешательство, руки дёргали поясной ремень, точно отражая разброд мыслей своего хозяина. Ему было непонятно, то ли я настолько недоверчив, что скрываю от него таинственных могучих союзников, то ли просто тихо тронулся умом. В

воспитательную беседу уже совсем не осталось. Случаются моменты, когда правду нужно сказать без прикрас и всякой утайки. Она страшит, однако она же может придать сил, когда услышавший её человек поймёт, что есть работа которую кроме него никто делать не станет. Услышав слова, что вот он, последний солдат, последняя стена, за которой только пропасть и небытие, даже у робких и слабых может случиться прозрение... катарсис если угодно.

— Все мы надеялись на кого-то другого, Веня. Прости, если скажу банальность и если сказанное прозвучит снисходительно, но никто

кроме нас драться не будет. Армия... не знаю где она и что делает, в сущности мне это безразлично. Время, когда можно было сидеть и надеяться на других прошли, в глубине души ты это уже знаешь. Вместе мы сумели одолеть врага, он был силён, но мы победили.... Посмотри мне в глаза Вениамин и скажи, так это или может я обманулся и горящие машины на переправе это мираж?!

Голос мой хрипел, но последние слова я почти прошипел, от чего глаза собеседника на короткий миг наполнились иррациональным ужасом и он отвернулся. Однако опомнившись, возразил с некоторым

ВЫЗОВОМ:

— Это мелочь, комариный укус! Нас разыщут и уничтожат.... Раз нет поддержки, нет армии — всё это бессмысленно и глупо.

— Верно — Боль во всём теле стала невыносимой, но я подавил даже гримасу и остался спокоен, пусть только внешне — Если думаешь как жертва и человек посторонний. Оглянись вокруг: это наша земля, другой уже нет и не будет, бежать некуда. Если ты русский, так и так тебе не жить. Длительную агонию, прятаться... это твой выбор?

— Может, удастся пробиться к тем, кто сражается....

— И ждать, что снова за тебя пойдёт воевать кто-то другой, да? А если нет больше «своих», кроме тех, что сейчас во-о — он там — Я указал пальцем на возящихся с раненым радиоведущего и незнакомого мне парня лет тридцати — Они тоже не герои... но думаю, что герои к этому времени уже закончились. Есть только мы всё.

Веня вспыхнул, подавляя уязвлённое самолюбие, руки его снова пришли в движение, не оставляя в покое ремень. Звуки погони и шум вертолётных винтов сместились в нашу сторону, погоня уже близко, я начал подниматься с земли, как можно более небрежно

оправляя снаряжение. От шага прочь, Очкарик удержал меня, заступив дорогу, снова глядя мне прямо в глаза, страха и отчаянья там уже не было. Когда русскому человеку, показать реальную цель, дать смысл к служению, убедить его в том что кроме него дело никто не осилит и даже у многих отчаявшихся открывается второе дыхание. Очкарик был готов драться, поскольку иллюзий по поводу поддержки больше не осталось, а мы с артельщиками в его понимании совершили почти что подвиг. Не спорю, толика отчаянья всегда сопутствует тем, кто малым числом стоит против многих, однако песня

предков уже зазвучала в его крови. Голоса тех, кто уже вот так же поколения назад поворачивался лицом к врагу, чтобы стоять и может быть даже умереть на этом же самом месте, уже говорили с ним, шептали слова ободрения, вселяя мужество в сердце. Проходят поколения, время течёт, меняя внешний облик людей живущих на земле зовущейся Россией, однако ни что не заставит утихнуть голоса её защитников. Пусть часто они сами не подозревают о том, на что способны, всё открывается каждому в свой час, это я знаю по себе. Враг, даже самый сильный и коварный, всегда ассоциируется у меня с

химерического вида четвероногим зверем, способным убивать только лишь одним взглядом налитых безумной злобой и жаждой насыщения красных глаз. Подобно шакалу он кругами ходит вокруг ослабевшей жертвы, воем и оскалом пасти полной жёлтых длинных клыков, подбадривая себя и сородичей мерзким воем. Такой зверь не охотится в одиночку, но пока вожак не кинется на жертву, его сородичи поджав хвосты держатся в стороне. Если достало смелости один раз взглянуть в глаза бешеного зверя, изготовившегося к прыжку, не отвести глаз, совладать с ужасом и слабостью в конечностях — ты уже

наполовину победил. Оружие любого хищника, это страх его жертв, усталость и отчаянье обречённого стать добычей. Но когда удаётся всё это обернуть против него самого, зверь убежит или промахнётся в решающей броске, а его сородичи отступят. Руки Вени уже не теребили пояс, они крепко сжимали трофейный автомат, его внутренний зверь только что пролетел мимо, зло клацнув зубами впустую:

— Нет, думаю, мы пойдём вместе. Ведь вместе, не так страшно, правда, Лесовик?

— Страшно бывает всегда, если ты не слабоумный или не обдолбыш — Я заставил рот скривиться в

некоем подобии улыбки, но вряд ли получилось что-то кроме волчьего оскала — Просто есть вещи сильнее страха, вижу, ты это уже понял. Время поджигает, поторопись... да и мне пора.

— Ты должен вернуться, мы будем ждать, сколько понадобится, я....

— Чем я лучше тебя, или любого из... выживших? Нет особенных, теперь каждый кто решил воевать а не мародёрить или прятаться — вроде как избранный из этих идиотских фантастических фильмов. Нет нужды никого дожидаться — Я говорил уже через плечо идя к поднимающемуся с земли пленному,

имевшему совсем беспечный вид — Коли уцелею, то сам вас найду. А если нет....Теперь прежде всего умей рассчитывать только на свои силы, тогда любая помощь со стороны будет приятным сюрпризом, без которой вполне можно обойтись. Ты почти всё можешь сам, раз остался цел, то воюй. Бывай, студент.

... Всё, что я видел впереди, это спина и связанные руки Матинелли. После короткой встречи с Веней и его двумя товарищами, мне удалось хоть немного облегчить свою задачу и теперь можно будет привести в действие следующий этап плана по уничтожению бомбардировщиков. Шли мы по дуге от последней точки

встречи с «туристами», на север. Получалось так, что новый маршрут уходил влево и назад относительно проторенного волокушей следа. Теперь, преследователи вынуждены будут сместить сеть облавы и я надеюсь, что Очкарик с друзьями и раненым Мишкой смогут проскочить незамеченными. Безусловно, «туристов» больше и подменяя друг друга, они будут двигаться быстрее, чем мы часом раньше. Зная, как проводится подобный поиск, я предположил, что пойдут по следу оставляемому наёмником, а за «туристами» отрядят что-нибудь воздушное. Так это или нет, но мы сейчас двигались навстречу

поисковым группам, заходя им во фланг.

Увидев небольшой овраг с покатыми стенами и кучками валежника на дне, я остановился на краю и подсёк ногу пленника так, что тот покатился на дно ямы. Чертыхаясь по-английски, перемежая бедные английские слова цветистыми оборотами из родного языка, итальянец кубарем скатился на дно оврага. Попытавшись встать, он только собрал на себя кучу листьев и повернулся на бок. Я обошёл яму и сел на край оврага так. Чтобы иностранец видел моё лицо. Немного подождав, пока тот успокоится, я положив автомат на

колени начал разговор:

— Извини, нет времени выбирать место для беседы. Для начала, держи вот это.

Я метнул нож так, что он вошёл в землю в двух сантиметрах от лица наёмника. Тот вздрогнул всем телом подавшись назад, но упёрся в стену оврага. Нужно отдать ему должное, итальянец не испугался, просто своими действиями я спутал его карты. Он — то ожидал, что его поведут в лагерь, будут допрашивать, а потом brave американские морпехи его обязательно выручат. Однако, увидев нож, в его глазах загорелась искра понимания, он принял меня за преемника Краснова.

Пока всё шло именно так как планировалось, главное — зацепить Матинелли на крючок и заинтересовать наёмника. Не отрывая взгляда от ножа, итальянец замер, ожидая какого-то действия с моей стороны. С востока послышался резкий свистящий шум и над тайгой в сторону авиабазы прошла пара самолётов, судя по всему, это были штурмовики. Звуков бомбёжки я ни разу не слышал, значит не найдя для целей, самолёты ушли домой. Времени до того момента, как нас обнаружат поисковые группы, осталось от силы час, может быть полтора. Чуть наклонившись вперёд, я

поощрительно кивнул головой в сторону рукоятки ножа:

— Чего застыл, итальянец? Нож твой, к тому моменту, как мы закончим, ты уже сможешь освободиться, начинай.

Сплюнув набившуюся в рот грязь и мусор, Матинелли без звука начал ворочаться и в какой-то момент ему удалось сесть и перебросить руки вперёд, я специально не стал связывать пленника сильно. Руки наёмника судорожно вцепились в рукоять его же собственного клинка, который я забрал у Мишки. Приятелю удалось обезоружить противника, но это стоило ему дырки в боку и полулитра

крови. Сейчас важно было с одной стороны показать своё превосходство над пленным, а другой же напротив — оставить лазейку для возможного торга за его свободу. Нож даст Матинелли шанс, теперь в руках знакомое, пусть и почти бесполезное против моего автомата оружие. Мы оба соизмеряли свои возможности и после неожиданного манёвра пару часов назад, итальянец уже не был так уверен в том, что я задумал. Теперь вольно или нет, он вынужден слушать то, что я предложу. Пока иностранец пытался перехватить нож выскальзывающий из ослабевших и затёкших пальцев, я начал говорить:

— Верёвки ты перепилишь

через десять минут, ещё спустя минут сорок, здесь будут твои коллеги и ты вернёшься к своим. Правда, после рейда к мосту их осталось не так много, верно?

— Я всегда говорил, что русские очень коварный народ. Не следовало доверять Рохо....

Голос наёмника дрожал от напряжения, ему наконец-то удалось зажать нож между колен. Его клинок представлял собой одну из недешёвых копий американского десантного ножа «кей — бар».[\[44\]](#) Спорная штука, хоть и красивая. Я без сожаления вернул трофей иностранцу, поскольку свой выбор сделал ещё в армии, где совершенно

случайно мне достался отличный кинжал — НРС-2.^[45] К сожалению, патроны которыми стрелял «нож разведчика», достать было практически невозможно. Поэтому всё, что касалось стрельбы я знал только в теории. Но что касается базовой техники фехтования на ножах, то я выигрывал четыре учебные схватки из пяти. Приходилось изворачиваться и таскать учителю — майору из какого-то крутого армейского «спецназа» марочный коньяк, который в свою очередь приходилось выменивать у знакомого армянина — контрактника на обмундирование и жратву. Мы часто ходя в поиск

натыкаясь на «духовские» схроны и не сильно разорённые дома, таскали много всякого барахла, даже импортные телевизоры попадались, не говоря уже про ковры и гражданскую одежду. Майор занимался со мной три месяца, пока наши части соседствовали и вроде как даже выполняли похожие задачи. Что тут скажешь, иногда жизнь бывает щедра на полезные встречи — нож и твёрдо запомнившиеся уроки несколько раз в последствии спасли мне жизнь. Вопреки непонятым мне книжным байкам, майор к себе в спецтуру не звал, хотя за успехи хвалил вполне искренне. Да и не знаю, смог бы я служить там,

поскольку все мысли в те времена были только про дембель и о карьере военного совершенно не мечталось. Ощущение сожаления, что сам не попросился, пришло уже гораздо позже, когда пришло понимание своего места в жизни. Промыкавшись на «гражданке» где-то год и встретив приятеля от безысходности вербовавшегося на новую войну с «чехами», я не раздумывая согласился, поняв, что ремесло воина, это в моём случае уже судьба... или даже диагноз.

Иностранец распилил верёвки за то время, что я вновь провалился мысленно в прошлое и сейчас уже стоял на ногах, разминая конечности.

Нож он вернул в ножны
скомбинированные с пустой сейчас
тактической кобурой на правом
бедре. Было заметно, что фиксатор
застёжки в обычное время
обнимавший рукоять под гардой
клинка сейчас расстёгнут. Я только
чуть передвинул автомат правой
рукой так, чтобы Матинелли
зафиксировал это движение, в то же
время положив закрытую от глаз
пленника кисть левой руки так,
чтобы воспользоваться пистолетом.
Шум привлечёт ненужное внимание,
которого в моём нынешнем
физическом состоянии я могу просто
не пережить. Если ничего не выйдет,
пусть итальянец сдохнет тихо. В

следующий миг, я заговорил снова:

— Метнуть нож ты не сможешь, но умрёшь пытаясь, это наверняка.

— Выстрелы услышат — Матинелли устало и зло оскалился опуская руку к бедру — Так и так тебе тоже не жить.

Я убрал руку со спускового крючка, прихлопнув ею по земле рядом, это сбilo иностранца с толку и он отдёрнул свою руку от рукояти ножа. Похоже, его мозги плавились от попыток прокачать меня.

— Скажи итальянец, зачем ты приехал сюда в Россию, да ещё забрался в такую глушь как Сибирь? Я спрашиваю без подвоха, мне правда интересно.

Видимо сначала, Матинелли хотел что-то быстро ответить, выдать дежурную заготовку, но мой покойный и почти безразличный тон снова сбил Матинелли с толку и итальянец коротко ответил:

— Работы дома нет, а тут платят хорошие деньги.... Американцы сказали, что вариант беспроегрышный: русские — Он слегка запнулся но увидев что я его внимательно слушаю быстро поправился — Что вы не готовы к войне. Я шесть лет отслужил на флоте, но место было только на суше. До встречи с Рохо, всё было спокойно: контракт шёл, деньги капали на счёт в банке. А потом этот

соблазн сорвать куш и не продлевать контракт ещё на два года... уехать домой.

— Хорошо, когда есть дом, это ты верно сказал. Кстати, а сколько ты получаешь в месяц... ну там жалование и надбавки, сколько это максимально в новой валюте?

Опешив от такого обыденного вопроса, иностранец просто сел на землю и уставившись на меня с явным недоумением, ответил дрожащим голосом. Совершенно не понимая сути беседы, он просто отвечал на вопросы, окончательно уступив инициативу мне:

— Четыре сотни амеро, минус налоги и процент по кредитам... я

строю дом, женился в прошлом году. С учётом нынешнего курса один новый амеро за три тысячи старых долларов, это неплохо.

— Не плохо, жить можно — Я буднично кивнул в подтверждение правоты иностранца — А Шерман... ну, этот «испанский гость» наш... сколько бы тебе обломилось после делёжки с ним и твоими приятелями?

— Пятьдесят... нет тридцать пять тысяч — Итальянец уже просто следовал нити разговора, я задел его за живое — Но там пришлось бы ждать, пока....

— О, подробности схемы меня не интересуют — Я махнул рукой,

выражая пренебрежение к деталям — Сейчас — то ты так и так на мели, верно?

Во взгляде и всей осанке пленника что-то изменилось, он интуитивно чувствовал, что впереди его ждёт нечто интересное. В минуты опасности, интуиция любого человека обостряется, Матинелли не чувствовал с моей стороны прямой угрозы. Напротив, ему стало понятно, что в своих первоначальных выводах он не ошибся, по крайней мере, сейчас ему так казалось.

— Нет, просто всё вернулось в первоначальную точку: сейчас я не разбогател, но зато жив и....

Тут он напряг слух, в надежде,

что вот сейчас brave морпехи выскочат из-за кустов и странному разговору придёт конец. Но ничего не произошло, поэтому итальянец оборвал себя на полуслове, снова выжидательно глядя мне прямо в глаза. Медленно, чтобы не вызвать ненужных ассоциаций у иностранца, я двумя пальцами правой руки вынул из кармана куртки затянутую в полиэтилен пачку иностранных денег и бросил её под ноги пленного. Описав короткую дугу, свёрток плюхнулся рядом с рукой не шелохнувшегося Матинелли. Я поощряющее кивнул на свёрток:

— Возьми, там десять тысяч амеро, купюрами по двадцать и

пятьдесят монет. Раз ты приехал заработать, вот твой шанс не просто вылезти из долгов, но реально разбогатеть. По-настоящему разбогатеть. Ты хочешь этого, иностранец?

Чуть помедлив и не спуская с меня настороженного взгляда, наёмник схватил свёрток и разорвав полиэтилен упаковки принялся проверять купюры. По живому блеску глаз я понял, что его всё устроило. Когда он снова посмотрел мне в глаза, там был только лихорадочный азарт, парень спёкся. Поощрительно улыбаясь, я продолжил:

— Эти деньги, ты можешь взять

без всяких условий, как компенсацию за плен и неудачную сделку с недобросовестным партнёром. Шерман ведь так или иначе хотел вас обмануть.

— А ты нет?

Потеряв всякую осторожность, Матинелли стал смелеть прямо на глазах, ему показалось, что он уловил суть сделки, но тут я его обломил:

— Каждый человек, чего-то хочет от жизни и других людей. Чего хочешь ты, мы выяснили, чего хочу я, тебе знать не обязательно. Не загружай мозги ненужными деталями: ты хочешь свой дом, яхту, машину и денег больше, чем сможешь потратить, я дам тебе

возможность это всё осуществить.

— Похоже на сделку с Эль Дьябло....

Голос итальянца чуть похолодел руки перестали хвататься за купюры и он снова настороженно посмотрел мне в глаза.

— Ну, это вряд ли. Ты хочешь заработать, я хочу воевать. А война требует информации и припасов. Деньги которые я захвачу — твои, мне их в тайге не потратить. Но только с припасами и живой я смогу обеспечить их поступление к тебе. Не торопись, подумай: ты останешься жив, заработаешь и отправишься на Родину и забудешь всё как страшный сон. Американцы

нас разобьют, ты так и так ничего не теряешь. Но со мной есть шанс богатым и здоровым вернуться домой, а вот без меня.... Да я даже убивать тебя не буду, но ты сам пожалеешь что отказался, потому что будут другие пленные и среди них найдётся тот, кто согласится. Ловить нас будут долго, ищейки которых ты пустил по своему следу ничего не найдут, потому что тут я хозяин, а вы только незваные гости. На банковской ленте написана рабочая частота. Я буду на волне каждый вторник и четверг, с тринадцати до пятнадцати часов. Позови, если надумаешь согласиться, а сейчас — прощай итальянец.

Матинелли подобрал ленточку с цифрами и спрятал её в незаметный потайной кармашек возле локтевой заплатки на левом рукаве. Грамотно рассовав по карманам деньги, он ловко цепляясь за выпирающие из стен оврага корни деревьев и пучки травы взобрался наверх. Я тоже поднялся, переместив руку так, что и из этого положения можно будет выстрелить из пистолета от бедра. Но опасения оказались напрасны: итальянец только кивнул мне на прощание и не оглядываясь больше, пошёл в сторону откуда слышались звуки приближающейся облавы. Подождав, пока он скроется из вида, я пошёл следом, чтобы ещё больше

запутать тех, кто придёт сюда уже через каких-то десять минут. Пройдя таким манером метров сто, я свернул сначала на юго-восток, а потом развернулся и забирая всё восточнее, через час с небольшим снова вышел на маршрут ведущий в Шишковичи. Звуки погони снова отдалились, но чувство беспокойства где-то на периферии сознания тонким голоском нудело о близкой опасности. Сбавив темп, я выбрал небольшую щель в корнях старой сосны и замаскировавшись присел выжидая, нет ли кого поблизости, попутно анализируя наш с наёмником разговор. Думаю, что вербовка прошла удачно и

иностранец, ощущая хорошие деньги в кармане, полученные, как он поймёт позже практически без всякого риска. Прикинув все шансы и просчитав выгоды от долгосрочной работы на меня, Матинелли непременно решит, что вынул счастливый билет. Ведь в его понимании то, что изначально казалось провальной затеей и чуть было не обернулось катастрофой, неожиданно принесло неплохой барыш. К тому же, теперь отпала необходимость с кем-либо делиться. Деньги польются рекой буквально с неба, поскольку если речь зашла об оружии, то увидев мою экипировку иностранец подумал ровно о том же

что и я: трофейное имущество большей частью уничтожается и именно наёмники решают, что отправить на склад, а что уничтожить как негодный хлам. Позже, если всё пойдёт как я задумал, можно будет расширить сотрудничество, поскольку размеры отряда увеличились и это не последнее пополнение, особенно остро встанет вопрос продовольствия, медикаментов и одежды. Обдери я даже всех зверей в лесу, обшить такую ораву не удастся. Поэтому каждый получит то, что хочет в этом я иностранцу не солгал....

Время шло к вечеру, сумерки

превратились в практически непроглядную темень и находиться на земле стало ещё опасней нежели днём. Матинелли скорее всего расскажет, что его захватили но он сбежал утаив нож при не совсем тщательном обыске. Поэтому меня станут искать особенно тщательно, однако с наступлением темноты, амеры спустят на меня свой главный резерв — малые досмотровые группы, охотников на диверсантов. Я понял это как только шум производимый обычными поисковиками стих, но шум вертолётных моторов не исчез, а сместившись правее на восток стал периодически стихать и

возвращаться вновь. Сейчас они высадились не далее чем в трёх десятках километров отсюда, разбились по командам и поделив сектора ищут мой след. Около двух лет назад, я слышал о подразделениях призванных именно охотиться на партизан. Опыт малых групп, частично утерянный после Вьетнама, был возрождён, как только амеры влезли в другой капкан — афганский. После вывода войск, многие такие спецы ушли в частные фирмы, но то, что случилось со хроном три дня назад, наводит на мысль, что сейчас кто-то из этих парней резвится тут. Кривая усмешка невольно стала растягивать губы под

маской: ирония ситуации в том, что я получил то, о чём невольно просил Судьбу. Теперь, нравится мне это или нет, но скоро человек десять—пятнадцать таких «профи», будут оспаривать друг у друга первенство за право добыть мой скальп. Матинелли скорее всего не станет слишком врать своим, он поймёт, что во время поисков по следам разберутся сколько было русских. Само собой, в Шишковичах они след потеряют, места там нехоженые и даже в советское время там часто пропадали люди и их не могли найти. Поэтому часть охотников реально ушла следом за Веней и я могу только надеяться, что студент

сотоварищи получил достаточную фору по времени, пока я таскаю основные силы преследователей за собой. Не стоит обольщаться надеждой на то, что враг глупее чем я, мой план изначально предусматривал и самый худший сценарий. И худшее случилось: кто-то среди охотников сложил два и два, решив выменять труднодоступного журавля в лице группы Очкарика, на вполне уловимую в кулак синицу в моём лице. Поэтому, прекратив крупномасштабную облаву, они решили воспользоваться услугами тех, кто раньше так или иначе оказывался на моём месте, а значит имеет больше всех шансов на успех.

Поднявшись с земли и размяв несколько затёкшие конечности я снова рванул трусцой вперёд, взяв курс на юго-запад в сторону заболоченного участка тайги. Конечно, в сухом лесу я получаю больше пространства для манёвра, но именно там противник сможет реализовать своё численное преимущество. В болоте легче спрятаться, легче попробовать выйти с амерами один против двоих, или даже один на один. Хотят они или нет, но зная тактику поиска, я знал, что спецам придётся разделить свои силы и действовать в двух направлениях. Одни, думаю, что меньшая их часть пойдёт на юго—

восток, отрезая мне путь к Шишковичскому массиву, а другая ринется по горячему следу к болотам, дабы успеть перекрыть мне все выходы из него или перехватить чуть раньше. Сложности у нас с иностранцами практически одни и те же: ночь, знакомая только по картам местность, отсутствие информации о возможностях друг друга. Однако, мне безусловно чуть проще, поскольку я иду один, а след в темноте может отыскать только очень опытный поисковик, да и то не так быстро, как днём или в сумерках. Кроме того, амеры пойдут по петле, которую я им оставил, так или иначе им придётся следовать, а у

догоняющего перед убегающим слишком мало преимуществ в сложившихся условиях. В болото за мной полезет максимум человек шесть, да и то, скорее всего они будут ждать до утра.

Низко пригибаясь, чтобы реже задевать ветки деревьев, я как мог быстро, бежал в сторону болот, до которых было ещё очень далеко, а оппоненты уже дышат в затылок, это я чувствую почти физически. Их желание выследить, кажется прощупывает темноту леса словно лучи радара. Беспилотники пока ушли, однако это вряд ли надолго и скоро придётся прятаться ещё и от них. Шум производимый

загонщиками уже давно стих, но лес молчал, его жители затаились убираясь пути более опасного соперника. Когда люди воюют, звери, даже самые опасные, непременно уходят с их дороги. Именно эта мёртвая тишина, в которой даже голоса комаров и мошкар не звучали громче воя ветра запутавшегося в верхних ветвях деревьев. Вот, сорока вспорхнула и заголосила так громко, что эхо её крика многократно разнеслось по округе. Судя по этому единственному предупреждению, кто-то был совсем рядом, метрах в двухстах впереди и слева, преграждая мне путь к звериной тропе ведущей к болоту.

Мгновением позже, я уже падал
влекомый на землю вопящим во весь
голос предчувствием близкой
опасности. Короткая, в три патрона
автоматная очередь прорезала мрак
чуть правее того места, где я только
что стоял. Звук от выстрелов был еле
различим, а пули со злым визгом
ушли в рикошет. Уже лёжа ничком в
корнях огромной сосны, я сообразил,
что устроивший мне засаду амер был
пока один, иначе стреляли бы с
нескольких сторон. Оружие с
глушителем говорило о правильности
моих предположений — против меня
сейчас играли «профи», которые
следуют только своим правилам.
Сейчас важно определить, что есть у

противника: про «тихарь» я уже знаю, теперь нужно выяснить, есть ли у него ноктовизор или только ночной прицел на автомате. Зная «спецов», я уверен, что это скорее всего что-то одно, в поиске важен каждый лишний грамм носимого груза. Думать о том, что кто-то их амеров оказался шустрей меня не хотелось, однако сейчас рассуждать было некогда. Оглядевшись вокруг, я заметил узкий просвет в деревьях и рывком поднявшись рванул к новому укрытию, до которого оставалось метров десять. Чувство опасности просто вопило, сводя с ума надорванное сердце, вдобавок потемнело в глазах и инстинктивно

уйдя в кувырок на последнем отрезке броска, я краем уха услышал шорох и вой близко пролетевших пуль. Уже приземлившись и больно треснувшись головой о ствол сосны, прищемив верхушку ушной раковины. Сдержав невольный вскрик, я что есть сил вжался в землю, мелькнула только мысль, что у противника есть и прицел и ноктовизор, видимо он сэкономил на чём-то ещё. Когда имеешь дело с профессионалом и у него есть облегчающие работу приборы, ветошью лучше не прикидываться: даже в хорошей маскировке и в темноте, он сможет вычислить человека и прежде чем подойти, обязательно выстрелит. Но

обмануть его можно, все мы люди, все ошибаемся. Стараясь двигаться как можно более тихо, я отстегнул лямки походного «сидора» и прикинув, куда бы перебежал в следующий раз, метнул рюкзак по низкой дуге, чтобы было похоже на перебежку. «Сидор» очень натурально изобразил меня, шурша стеблями травы и ветками кустов шиповника — улетел метров на десять вперёд. Одновременно с броском, я откатился назад, уперевшись спиной через пару мгновений в ствол другого дерева. Выстрелы прозвучали чуть громче, видимо сепаратор «тихаря» уже потихоньку стал забиваться

пороховой гарью и частичками рвущейся, менее прочной внутренней оплётки. Стрельба очередями из «глушенного» оружия, это всегда риск, каким бы совершенным не казалась конструкция специального патрона или самого «тихаря»....

... Амер засел слева и впереди, на невысоком холмике, вот почему пули ложились как бы сверху. Видимость практически нулевая и я думал, что импортный спец сидит метрах в трёхстах отсюда, а он почти что рядом — до холма не более сорока метров по прямой. Выстрелил он в рюкзак, по мне не отработал, значит вроде как повёлся, значит скоро пойдёт проверять. Напрягая

слух, закрыв глаза, я весь превратился в одно большое ухо. Увидеть противника не стоит даже и пытаться, а вот услышать, как бы тихо он не шагал, это вполне доступно, учитывая попрятавшееся зверье и стихший уже какое-то время ветер. Произошедшее спустя долгих пять минут, которые я провёл в ожидании амера, можно назвать закономерной случайностью. В полной тишине слышалось сначала, шуршание, потом сдавленный вскрик и громкий треск сучьев и веток кустарника. Амер неловко ступил на землю, видимо попав ногой в ямку или нору грызуна. Не удержавшись на ногах,

иностранец кубарем скатился с холма, не выпуская однако оружия из рук. Это я понял после двух коротких очередей, выпущенных спецом для профилактики после того, как он довольно быстро вскочил на ноги. Такой подарок Судьбы нельзя было упустить, быстро встав я в низкой стойке, боком стал заходить за холм, обходя смутно виднеющуюся характерную фигуру так, чтобы оказаться у амера за спиной. Однако фокус не удался: каким-то образом он почувствовал моё движение и снова выстрелил, но теперь мы с ним сравнились, видимо от падения что-то случилось с его ноктовизором. Пули досадливо пели слева от меня,

рикошета от стволов деревьев, срезая ветки кустов. Вдруг, что-то сухо щёлкнуло и стрельба прекратилась. Кончились патроны? Но судя по интенсивности огня, противник и так использовал какой-то очень вместительный магазин, может быть «спарку» — скрепленные специальным зажимом два магазина обычной ёмкости. Уловка? Нет, не похоже: слишком уж всё спонтанно произошло. Вынув ПБ, я медленно и осторожно стал обходить холм справа, когда на меня откуда-то сверху обрушилось что-то тяжёлое и большое. Быстро мелькнула мысль, что решив захватить меня живьём, амеры устроили ловушку, в которую я

благополучно угодил. Упавший сверху спец, был тяжелее килограмм на сто, однако падая, он немного промахнулся, только сбив с ног — придавить меня всей туше к земле у него не вышло. Тренировки помогли и пистолет из рук я не выпустил, однако же с ощутимым трудом освободившись от болевого захвата. Свалившийся сверху человек, был реально здоровенным — таких «обломов» и используют для захвата, чтобы враг смог давать информацию, хотя бы день или два. Откатившись на полметра, я выстрелил три раза в шевелящуюся рядом тушу. С характерным чмоканьем все три пули вошли в тело, промахнуться на такой

дистанции невозможно, но амер
прямо с земли прыгнул в мою
сторону. Снова откатываясь и уже в
движении, я ещё трижды нажал на
спуск. Изрыгая приглушённые
проклятья, тело иностранного
«волкодава» плюхнулось справа, в
опасной близости, он заелозил по
траве, пытаюсь встать. Не тратя
оставшиеся три патрона на
сомнительную по результатам
стрельбу, я правой рукой вынул из
кармана брюк нож, освободив
собачку фиксатора лезвия и
вытряхнув хорошо отточенный
клинок из его естественного рогового
футляра. Перехватив пистолет за
ствол, я шагнул к пытавшемуся встать

противнику и с размаху опустил рукоять туда, где на мгновение блеснули белки глаз. Видимо, попал в переносицу или челюсть, потому что после удара раздался характерный хруст. Что-то помешало мне добить затихшего здоровенного как лось амера, заставив качнуться с вышагом влево. Второй амер пришёл на выручку товарищу, видимо он давно целился, но любая техника имеет предел совершенства — он не стрелял боясь задеть напарника. Когда же мы разделились, стрелок промахнулся только из-за моих обострившихся инстинктов, которые теперь руководили мной почти помимо сознания. Жажда жизни, а

отнюдь не желание победы и дикий стресс, вот кажется всё, что в данное мгновение помогло остаться на ногах. Снова шагнув вперёд и оказавшись за стволом дерева, я не задумываясь дважды выстрелил туда, где как шептала чуйка стоял второй амер. Одна пуля прошла мимо, тенькнув о ветку она ушла куда-то влево и вниз. Вторая напротив, достигла цели, заставив иностранца слабо вскрикнуть. Спрятав пистолет в кобуру, я потянулся за спину, где закреплён автомат, сняв оружие с плеча и разложив приклад, вскинул «весло» к плечу, поймал иностранного «спеца» в прорезь прицела. Но что-то то чувство, что

берегло меня словно бы удерживало палец на спуске, не давая сделать выстрел. Амер всё ещё возился со своей винтовкой, потом забросив её за спину вынул пистолет и стал водить удлиненным за счёт «тихаря» стволом из стороны в сторону, пытаясь определить, где я спрятался. Устроить «пиф-паф» на пистолетах уже не получится — патроны к «макарке» вышли все и отвечать иностранцу нечем. Истекающее секундами время, почти физически капало на нервы раскалённой кислотой нетерпения. Разум говорил плюнуть на всё и пристрелить иностранца, но нечто подсознательное всё ещё умоляло

воздержаться от шума. Неожиданно, амер опустил пистолет, спрятал его обратно в кобуру вытянув обе руки сначала в стороны, а потом вынул нечто из-за спины и зажав это в кулаке, поднял правую вверх. Уже какое-то время светила луна, но её свет едва-едва пробивался сквозь кроны деревьев. Ветер снова задул с востока, но силы его хватало только на то, чтобы едва-едва шевелить самые тонкие ветви сосен и пихт. Однако лёгкого блика на миг осветившего фигуру американца было достаточно — в кулаке он зажал нож. Иностранец предлагал бой без огнестрела, что вовсе не так уж безрассудно, я слышал, что

«профи» часто презируют
огнестрельное оружие, ценя прежде
всего вот такую резню. Я понимал
причину по которой противник
предложил себя как приманку:
скорее всего у них был жёсткий
приказ, захватить кого-нибудь из
устроивших налёт на колонну
живьём. Так же амер понимал, что
теперь, без напарника он не сможет
гарантированно меня захватить, всё,
что у него осталось это тянуть время
до подхода своих. На раздумья не
осталось времени и я опустив
автомат вышел за спиной
иностранца, держа автомат стволом
вниз. Реакция у спеца оказалась
отменной, он тут же обернулся, но

увидев автомат у меня в руках замер на полушаге. В мерцающем бликами скудном лунном свете трудно что-либо разглядеть, даже если учился этому, однако когда твоё начальство постоянно зажимает батарейки для фонаря, ещё и не к такому привыкнешь. Ростом амер был на полголовы выше меня, одет в добротный камуфляж, странно мерцавший когда на ткань попадали пятна света. Сделав поправку на объём экипировки, я определил вес незнакомца до ста двадцати килограмм и рост — метр девяносто. Его лицо, как и моё скрывала маска, в прорезях поблескивали белки глаз. Нож иностранец держал в правой

руке, режущей кромкой наружу. Классика — он рассчитывает разделать меня как кролика и не занимайся я армейским фехтованием дольше, чем ножевым боем, он вполне может победить, причём расправа обещает быть скорой. Сжавшись, расставив длинные руки, янкес молча ждал. Я демонстративно вытянул оружие зажав автомат в правой руке показывая, что стрелять не собираюсь. Амер ошибся в другом: отсоединив магазин и сунув «рог» в подсумок на бедре, я передёрнул затвор выбросив патрон из ствола, поймав его на лету и отправив в карман. Потом снова перехватив автомат двумя руками

направил ствол вперёд и вверх для тычкового удара, он стал неким подобием короткой пики. Хорошо, что у меня нет штык — ножа, иначе амер не стал бы рисковать и непременно начал бы палить из пистолета. Приказ приказом, но жить хочется всем. Амеры отлично бьются на ножах, равного боя мне не выдержать — после напряжённых скачек по лесу, да ещё в темноте и с едва зажившей рукой, я не собирался испытывать удачу подобным образом. Чего янкесы не знают хорошо, так это штыковой бой, армейское фехтование — мой главный козырь на данный момент. Их само собой учили раньше, но с приходом в

армию слабо развитых физически новобранцев и принятия на вооружение компактного личного оружия, штыковой бой изъяли из программ подготовки. Иностранец подумал, что русский спятил и будет биться автоматом как дубиной, потому ринулся вперёд, проводя серию из двух колющих и одного режущего удара по корпусу, стараясь сократить дистанцию. Стволom отведя руку с клинком, я отшагнув влево углом приклада ударил амера в плечо, шагнув ему за спину. Тот мгновенно обернувшись перехватом бросил клинок в левую руку, но я снова блокировал её прикладом, обратным движением выводя ствол

автомата в тычковый удар по кадыку. Янкес в последний миг отвёл удар, стремясь поймать ствол за компенсатор, но я чуть подправив траекторию, отшагнул вправо назад и потянул автомат на себя. Противник невольно нырнул корпусом вперёд, сделав широкий оборонительный мах клинком перед собой. Но тут же подставился сначала под удар по вооружённой руке, по которой я тут же ударил прикладом и нож глухо звякнув выпал из раздробленной кисти. От резкой боли он ещё этого не почувствовал, силясь распрямиться, воспользовавшись моментом и шагнув ему за спину, я освободил зацепленный за

пистолетную рукоять автомата ремень, всегда сложенный в петлю. В два движения накинув удавку на шею амера, резко потянул влево помогая себе корпусом, чуть согнув ноги в коленях. Раздался короткий всхлип и следом глухой хруст шейных позвонков — пытаюсь освободиться, амер сам помог мне сломать его же собственную шею.

На осмотр тел не осталось времени, так или иначе, но эти двое пусть и частично, но свою задачу выполнили: сразу с двух сторон слышался треск птичьих крыльев, это подоспевшие к месту засады остальные преследователи вспугнули рябчиков. Одновременно, с востока и

юга слышалось характерное гудение моторов беспилотников. «Запятнавший» меня амер, успел-таки вызвать подмогу и теперь даже болото может оказаться лишь глубокой могилой которую не нужно рыть. Не таясь особо, я вынул «рог» из-за пояса и вставив недостающий патрон — примкнул магазин к автомату, тихо передёрнув затвор. Закинув «весло» за спину, закрепив его лямкой с карабином на ремне справа, я снова побежал в сторону болота. Гнилостный, сырой запах и редкие голоса лягушек были уже совсем рядом. То, что предстояло сейчас я буду проделывать в первый и, если всё сорвётся, то последний

раз в жизни. Пожалуй, это теперь единственный способ уйти от погони, другим вариантом будет только героическая смерть, которой очень хотелось бы избежать. Привычно чуть ссутулившись и наклонив голову вниз, а корпусом подавшись чуть вперёд, снова начинаю монотонный забег до близкого уже края где начинается топкая болотная земля. Если описывать собственные ощущения человеку со стороны, то сейчас я практически ничего уже не чувствовал. Дело даже не в стимуляторах, которых у меня нет или особом «геройском» складе характера, страха тоже не осталось.

Человек так устроен, что когда работает некий резерв, организм отключает все мешающие выжить ощущения и какое-то время так можно делать практически что угодно. В мозгу как правило в такие мгновения пусто, а побуждающие к действию мысли возникают как бы вспышками и тело выполняет их не рассуждая. Однако бежать стало трудно, даже в таком состоянии: зверьё к болоту тут не ходило, даже узкой стёжки ведущей сквозь кустарник не протоптано. Продираясь сквозь нижние ветки деревьев и плотные заросли особо густой в насыщенной влагой почве, высоченной травы, я потратил почти

час. Преследователи уже вышли на место моего столкновения с их товарищами, оттуда слышались окрики, между деревьями мелькал жёлтый свет фонарей. Шум моторов в воздухе сместился вправо, один вражеский аппарат висел практически у меня над головой. Сейчас всё решит только случай: если трюк удастся, то погоня сместится южнее и закончится ничем. Особо не мудря с выбором, я срезал подходящее по размеру тонкое деревце и уже стоя по пояс в холодной воде, очистил её от веток, полился двухметровый щуп или попростому — слега. Осторожно, но как можно более быстро, я пошёл

вперёд прощупывая доходящую уже до подбородка гнилостно воняющую жижу. Под ногами колыхался зыбкий торфяной ковёр идти по которому следовало теперь совсем медленно. Темнота сомкнулась вокруг, ступни ног слегка засасывало, иногда попадались непонятные толи брёвна, толи камни. Позади от берега слышались приглушённые голоса и всполохи сильных фонарей. Неожиданно сверху ударил крупнокалиберный пулемёт, причём самого выстрела почти не было слышно. Целая стена из ошмётков травы, ила и грязной воды вздыбилась в каких-то десяти метрах впереди и справа от меня. Не

дожидаясь, пока оператор беспилотника возьмёт более верный прицел, я без всплеска сел на корточки, оставив слегу над водой чуть в наклоненном состоянии. Необструганная верхушка, сохранившая несколько коротких веточек — вот и всё что осталось на поверхности. Задержка дыхания нужна мне только на пару минут, пока не получится вынуть из бокового шва слева на поясе, кусок резинового полого шланга, полукольцом охватывавший талию под ремнём, за который держался тремя проволочными прихватами. Звуки не исчезли полностью, пули шлёпали по воде, ощутимо дрожала

зыбкая почва под ногами, в царящей вокруг темноте, я мог полагаться только на осязание и память. Нащупав карман, я расстегнул сторожок застёжки и вытянул кончик шланга потянув за скрепляющий его узел, который тут же поддался. На одном конце трубки, я прикрутил вынутое из другого кармашка проволочное кольцо в широком крючком, который имея большую степень свободы, не будет цепляться за сучки на палке. В разных подсумках «разгрузки» и кармашках куртки, у меня всегда есть всякие полезные мелочи: болтики, куски проволоки и прочий, вроде бы бесполезный хлам, но без него не

выжить. Диаметр слеги я всегда выбираю на ощупь, чтобы крепко держалась в руке, поэтому и крючок вполне пришёлся впору. Трубка заскользив вверх, через несколько долгих мгновений вытянулась вдоль шеста на всю свою длину. Прильнув к получившейся отдушине губами так плотно, как только представлялось возможным, я коротко дунул, вытесняя остатками воздуха в лёгких скопившуюся внутри шланга воду. Её там скапливалось немного, поскольку верхний раструб я специально долгое время держал жёстко согнутым, что и помешало попутному потоку воды и грязи вообще, попасть внутрь. То, что

верхний конец трубки всё ещё может оказаться под водой, я почти не опасался — размер трубки был подобран точно и составлял один метр и десять сантиметров. И вот на последних остатках силы воли я делаю первый осторожный вдох. Сырой, влажный воздух просочившийся в лёгкие, стал достойной наградой за почти три минуты работы вслепую, без надежды на положительный результат. Сделав ровно два вдоха — выдоха, я снова задержал дыхание и приготовился ждать, сместившись вместе с шестом на шесть метров вправо. Звуки погони сместились чуть вперёд, шума винтов

беспилотников я больше не слышал. Идти дальше теперь нельзя — сейчас охотники ищут тело, предположительно порезанное пулемётной очередью. Темнота им с такими сильными прожекторами особо не мешает, однако в болоте всегда есть шанс попасть в цепкий вязкий капкан трясины, когда вот только сейчас стоял на относительно надёжном, пусть и покачивающемся словно надувной матрас травяном ковре. Участки вроде того, где я сейчас поднырнул, любое руководство по выживанию отнесёт к непригодным для прохода или остановки. Обычно, это действительно так и есть, но только

не там, где подолгу дрейфуют кувшинки^[46] — болотные цветы, в этих местах есть участки относительно стабильных торфяных пластов. Корни блуждающих цветов цепляются за всякий мусор который лежит на дне и поэтому долго стоят на месте, образуя вокруг себя слой ряски. Листья кувшинок ржаво—красного цвета, их можно различить в темноте довольно легко по характерной форме листьев отдалённо напоминающих сердечко. Самое главное, это не стоять на одном месте очень долго — вязкий ил постепенно засасывает всё, что давит на поверхность более—менее постоянно. Холод, темнота и

гнетущее чувство неизвестности, это всё тоже давило на психику побуждая вскочить, глотнуть свежего воздуха. В подобной ситуации я уже оказывался раз или два. Но тогда вокруг не было трясины — только тёмный подвал трёхэтажного разрушенного дома, да куча сваленных друг на друга пристывших на морозе трупов вокруг. Тогда удалось не сойти сума, спасли полустёртые временем детские воспоминания: колхозный луг, залитый ласковым августовским солнцем. Мне лет пять или семь, две незнакомые городские девчонки, почти девушки, сидят чуть поодаль. Одна заплетает подруге длинные русые волосы в толстую косу, а та в

свою очередь плетёт пышный венок из полевых цветов. Сейчас уже плохо помню, как я оказался в деревне, уверен только, что ездил туда, как и эти девчонки погостить, но вот к кому?.. Волна покоя и тепла пробежала по телу, ритм сердца стал спокойнее, окружающая темнота перестала давить, паника совершенно исчезла. Медленно ступая, ощупывая зыбкий ил слегой передвигаюсь на три метра влево и снова замираю. Теперь или амеры перестанут искать тут, или я загнусь от переохлаждения. Пока в моём распоряжении час, может быть полтора....

...Способ, который пока меня

выручил, я узнал опять же от деда, который в свою очередь слышал рассказ одного из своих бойцов, бежавшего из лагеря для военнопленных в Белоруссии. Боец этот попал в плен после тяжёлой контузии и большую часть времени проведённого в лагере помнил смутно. Его несколько раз пытались выводить на какие-то работы, однако не в силах стоять на ногах солдат очень скоро оказался в яме, куда сваливали больных и умирающих. Не считая нужным тратить на них патроны, немцы просто ждали, пока яма заполнится телами на две трети и умирающие перестанут стонать и шевелиться. Потом тела грузили на

телеги и вывозили за пределы лагеря, где сваливали в широкие, вырытые может быть теми же самыми заключёнными, рвы и кое—как закапывали. Боец, краем сознания понимал, что откопаться из братской могилы он не сможет из—за простреленной руки. Рана гноилась, жар может быть и заставлял человека на короткие промежутки времени приходить в себя, но больше всего он хотел жить. Поэтому по пути ко рву, собрав последние силы, он скатился с телеги и побежал в лес. Конвоировавшие заключённых, призванных закапывать могилу двое немцев не погнались за ожившим «покойником», настолько сильно

было их изумление. Однако очнувшись, послали одного из своих пособников — владельца подводы, обратно в лагерь. Фора у беглеца вышла часа в три, однако его загнали в болото, но вместо резиновой трубки у него был полый внутри сухой стебель какого-то растения. По себе знаю, что лихорадка вызванная ранением может на короткое время обострять соображалку, такое не редкость. Немцы обыскивали берега, кидали гранаты наугад и стреляли по камышовым зарослям, но в трясину не полезли. Питаясь лягушками, сырыми грибами и мхом, пленнику повезло наткнуться на партизанский отряд, где мой дед с ним и

познакомился. Дед неплохо, как
впрочем и я сам, умел рисовать, как—
то раз он показал групповой портрет,
где среди четверых вполне обычных
молодых и не очень парней,
выделялся один, совершенно лысый
человек с пронзительным, давящим к
земле взглядом. Дед пояснил, что
после того как этот уникум попал к
ним в отряд, у парня вылезли все
волосы на голове, даже брови стали
редкими, клочковатыми. По первому
впечатлению, он тут был старше всех:
глубокие складки морщин, тонкий,
почти безгубый рот и сломанный
кривой вислый нос. Звали этого
человека Андрей Ропша, родом
откуда-то из Черниговской области.

В армию попал за семь месяцев до начала войны, был простым пехотинцем — стрелком. Дед сказал, что это и есть тот самый беглец и когда дед не поверил, что пленный отсиделся в болоте таким вот образом, Ропша предложил показать, как он это делает, благо болот в расположении хватало. Три часа, Ропша сидел в казалось бы совершенно гиблой трясине, а потом вышел и совершенно отстранённо показал, как нужно ступать и какое место лучше выбрать для укрытия. Больше Андрею никто вопросов не задавал, до сорок седьмого года он воевал вместе с дедом, пока не погиб в сшибке с украинскими

националистами. Каким-то чудом, сержант Ропша почувствовал засаду и отвлекая огонь замаскированного в трёх метрах от дороги пулемёта был перерублен очередью практически пополам. Дед говорил, что Андрея отметила Смерть и он сам говорил, что с того самого момента, как оказался завален телами умирающих живым себя уже не ощущал....

— А-а — хх! Вум — м — м!

Вечер воспоминаний прервал близкий разрыв, мощной волной меня и всю конструкцию опрокинуло и понесло куда-то влево и вниз. Рот забился грязью, воздуха в лёгких совершенно не осталось — тугая взрывная волна выбила его прочь

казалось вместе со всеми
внутренностями.

— Вум — м — м!

По глазам резануло яркая
вспышка белого света, с новой силой
меня швырнуло вперёд. Ломая кусты
и тонкие болотные деревья, я
пролетев метров пять, плашмя ухнул
в растревоженную миномётным
обстрелом болотную грязь. В том,
что это работают тяжёлые миномёты
я не сомневался, пусть даже и
оглохший, но голос ротной
артиллерии я знаю хорошо.
Свистопляска продолжалась ещё
около получаса, осколки визжа и
подвывая косили деревца и кусты
почище комбайна, чувство

пространства я утратил совершенно. В состоянии, когда отсутствуют пространственные координаты, тем более не понятно, жив ли ещё или это просто бестелесную душу мою носит над болотом волнами возмущённого воздуха. Наконец, сознание не выдержав нагрузки взяло тайм аут и я перестал что-либо ощущать и чувствовать — всё поглотила вязкая, звенящая тишина....

...Первым и главным ощущением, которое видимо и заставило сознание вернуться на свой пост, стал отвратительный солёный привкус во рту. Потом медленно вернулась тупая

пульсирующая боль в висках и сквозь корку засохшей спёкшейся грязи, я увидел тусклый свет, пробивающийся сквозь серый плотный туман. Осторожно начав шевелить конечностями я вскоре выяснил, что так или иначе но руки—ноги меня слушаются. Судорожное ощупывание показало, что раны поверхностные и осколков мин удалось каким—то чудом избежать. Спустя ещё час, когда туман почти рассеялся, мне удалось встать на четвереньки и осмотреться. Кругом было всё то же болото, однако сейчас я непонятным образом очутился в самом центре трясины, а не утоп только потому, что взрывами видимо подняло

торфяной пласт и я оказался на небольшом пятачке оплавленной взрывом земли, словно бы вмурованным в него. Прейдя в себя уже настолько, чтобы сесть, я стал осматривать снарягу и обнаружил, что оторвался задний подсумок с гранатами и четырьмя запасными магазинами к автомату. Теперь боекомплект сократился ровно на половину, так как в боковом подсумке слева на поясе осталось четыре полных «рога», фляги с водой, и ещё двух правых подсумков тоже не было. В набедренной кобуре, вместо шомпола я держу тонкую алюминиевую трубку с плотно притёртой пробкой — там ружейное

масло, помимо комплекта который как раз и лежал в заднем большом подсумке. Любой «калаш» будет стрелять и без чистки, но экстрим без необходимости я не практикую. Поэтому сняв всю одежду выбрал футболку, как самый чистый из имеющихся элементов гардероба, разложив детали автомата на мокрой куртке и стоя на коленях принялся пластать майку на полосы. Можно не есть и не пить самому, но оружие должно получить уход прежде всего остального, поскольку я без жратвы и питья смогу перебиться, а вот техника — вряд ли. Благодаря дополнительному креплению, автомат остался на месте, а после

полной разборки и чистки «весло» снова было готово к работе. Пистолет уцелел, но с единственным патроном пока почти бесполезен. Порадовало и то, что чехол с ножом и трофейный прицел тоже остались со мной и оба не пострадали, ни от ударов о землю, ни тем паче от осколков. Если сменного комплекта белья нет, то нужно как можно более тщательно отжать все детали костюма, вплоть до трусов и следующие несколько часов передвигаться исключительно бегом. Но сейчас, лучше заняться ранами, пока есть время и возможность. Кругом стояла звенящая тишина, амеры потеряв меня в болоте и

отбомбив по квадратам местность, скорее всего переключились на Шишковичский массив, но там их ждёт облом, тут без вариантов. При поверхностном осмотре выяснилось, что кроме трёх довольно болезненных рассечений на левой руке, левом же бедре и кисти правой руки, я серьёзно не пострадал. Последние граммы драгоценного коньяка из плоской фляжки, лежавшей в нагрудном кармане куртки ушли на промывку ссадин. Зашив рану на бедре и предплечье левой руки, перебинтовал их примотанным к прикладу бинтом, запаянный в водонепроницаемую стерильную обёртку, он в очередной

раз спас мне жизнь. Часы тоже уцелели, но это благодаря кожаному чехлу, который прикрывал корпус сверху. Его я смастерил сам из куска прочной свиной кожи, сейчас почти чёрной от времени. Одевшись во влажную, стоявшую коробом от ощутимого утреннего холодка одежду и притопнув ногами в словно чужих ботинках, я наметил направление — нужно готовиться покинуть, таки укрывшее от супостатов, болото. Срубив чахлое деревце и обрубив ножом листья, я медленно двинулся на восток, предстоял ещё долгий путь сквозь почти непролазную трясиину. Однако это уже не пугало, ведь я у себя дома.

Глава 9

Россия. 7 сентября 2011года.
Южный участок Центрально-
сибирской оккупационной зоны.
459 км восточнее г. Бердск.
Шишковичский лесной массив, 17.
35 по местному времени. Партизан
Антон Варламов: переговоры и
поиск новой точки постоянного
базирования. Заключение.

Парочка сидевшая в «секрете»
явно хотела, чтобы их кто-нибудь
заметил: парень что-то шептал
девице на ухо и пытался украдкой
залезть её под мешковатую куртку, а
она без особого рвения отводя его
руки сдавленно хихикала. Мысленно

выругавшись, я убрал трофейный прицел в карман куртки и осторожно двинулся дальше, обходя беспечных влюблённых по дну довольно длинного оврага, ведущего как раз к тому самому месту, которое определил для артельщиков как место сбора, кажется целую вечность назад. Спустя ещё полчаса, я увидел знакомую «штабную» палатку и пять других разного размера, в том числе и длинную, которая несомненно отведена под лазарет. Выйдя из кустов и держа автомат на спущенном ремне в вытянутых руках перед собой, я не таясь пошёл к лагерю. Одна из главных целей достигнута: мне удалось помочь

остаткам отряда Шермана спастись, удалось уцелеть самому и так или иначе вывести из под удара свою группу в полном составе. Пусть Мишка ранен и может склеить ласты... это вполне могло случиться за то время, что я таскал за собой амеровских охотников по тайге. Но тут всё же есть надежда, что в общем—то не чужой мне человек и давний знакомый всё же вытянет. За прошедшие недели этой огромной, непривычной для меня войны, чьи границы до сих пор пугают меня, появилось робкое, но удивительно тёплое чувство надежды. И хоть я гоню этот страх прочь, давя его нещадно, где—то глубоко в душе всё

больше крепнет уверенность, даже фанатическая убеждённость в том, что победить врага можно. Что послужило основой для этой слепой веры: грязные палатки с каждым шагом всё более и более отчётливо видимые в лесном полумраке, или глаза людей, выскакивавших кажется отовсюду, сжимавших в руках оружие. В момент, когда меня сбили с ног и принялись вязать пластиковыми американскими наручниками, я понял что этим чувством было выражение глаз людей. Они все готовы драться, нет страха, только усталость и злость. Нам всем уже давно пора разозлиться... давно пора.

...Путь к границам урочища занял полных десять дней, не считая суток проведённых в блужданиях по болотам. Кордоны, выставленные американцами по периметру болота, удалось обойти только со второй попытки. Выбираясь я зацепил проволоку электронной «сигналки» и даже не заметил этого. Все-таки усталость и постоянное напряжение дали о себе знать — ноги заплетались, а глаза иногда закрывала серая пелена, словно на голову кто-то накидывал полиэтиленовый пакет. Преследователей заметил слишком поздно: окружив меня с трёх сторон они просто начали стрелять. Было

раннее утро и густой молочно-белый туман отчасти искажал перспективу, пули прошли чуть выше головы, срезая ветки и с глухим чваканьем впиваясь в стволы деревьев. Когда ситуация повторяется с завидным постоянством, тело реагирует практически мгновенно. Упав на землю ничком, я со всей возможной скоростью пополз обратно в болото. Есть главное правило в смертельной игре, называемой «пятнашки»: никогда не выбирай путём отхода дорогу, которой пришёл. Холодная, вонючая жижа приняла меня метрах в трёхстах от того места, где как мне казалось я больше никогда не окажусь. Участок оказался трудный

— я сразу же провалился по пояс, вязкая, обманчиво податливая жижа стала с неумолимой жадностью затягивать, сантиметр за сантиметром. Раскинув руки в стороны я замер и осмотрелся, метрах в десяти справа виднелось два участка сухой травы — кочки. Медленно расстегнув молнию на воротнике куртки, я извлёк рулон прочного капронового шнура со специально утяжелённым карабином. Направленный на карабин свинец позволяет дальше бросить свободно ходящую в хромированном ушке крепления верёвку, образующую петлю. Вода постоянно подмывает основания

кочек, корни травы гниют, образуется нечто вроде швартовочных кнехтов. От берега слышались голоса охотников, амеры снова начали стрелять, обрушив в укутанную редующим молочным покрывалом трясину шквал огня. Пули ложились в двух десятках метров слева и позади, бились о воду, злобно гудели рикошета от веток кустарника. В моменты, когда смерть поселяется на загривке, некоторые её трюки уже перестают пугать. Организм устаёт бояться и появляется нечто вроде безразличия к собственной судьбе. Вот и я сейчас, совершенно спокойно метал петлю, хотя рядом стоял грохот от стрельбы, многократно

дублируемый эхом отражающемся в тумане. Кроме того, жадное болото уже почти по самые подмышки затянуло, пронизывая всё тело иглами промозглого холода. Удался только шестой по счёту бросок, когда петля наконец-то обняла нечто твёрдое и не вернулась ко мне с обрывками стеблей травы облепленных склизкой тиной. Подавшись корпусом чуть вперёд и сомкнув руки на натянутом словно гитарная струна шнуре, я медленно перебирая затянутыми в отсыревшие перчатки руками, начал вытягивать себя из болотного плена. Амеры перенесли огонь на тридцать градусов вправо и пули зароились

уже вокруг меня. Сжав зубы до хруста в челюстях, я продолжал медленно тянуть за шнур. Шальная пуля перебила шнур в тот самый момент, когда с противным чваканьем освободилась левая ступня. Быстро отпустив верёвку, я раскинул руки в стороны и медленно начал сгибать левую ногу в колене ища хоть малую точку опоры. Уйдя в зыбкую почву на треть, подошва упёрлась в нечто твёрдое и спустя ещё долгих три минуты, мне удалось освободить ступню правой ноги. Ползком, превратившись в огромную улитку иногда захлёбываясь в грязи, через два часа и совершенно лишившись остатков даже тех крох

сил что откуда-то брались всё это время я добрался до заветной кочки намертво вцепившись в неё обеими руками. Снова, как и во время боя у дороги, ни одна вражеская пуля не коснулась меня, но как и тогда, мне это везение уже было почти безразлично. Прележав в болоте ещё сутки, совершенно не чувствуя тела и практически ничего не соображая, я так же ползком выбрался на берег и таким манером, словно крот полз в темноте до тех пор пока не сознание не выключилось....

... Рывком поставив меня на ноги и подхватив под руки, двое «туристов» поволокли меня к штабной палатке. Мне уже было

плевать на происходящее, тело стало подобием резиновой куклы без костей. Пыхтя и ругаясь, как я отметил мельком, тоже раненые конвоиры почти волокли меня по вытоптанной траве. Помочь им не было сил, как и не удалось разжать челюсти, чтобы представиться или даже захрипеть. Наконец, тряска закончилась, опустив меня на землю, конвоиры разделились: один скрылся в палатке, а другой присел рядом и вынув из кармана камуфляжных штанов пачку сигарет и добыв огонь из блестящей серебряной зажигалки закурил глубоко затягиваясь. Сигаретный дым будоражил обоняние, я всё ещё скучал по давно

заброшенной привычке, но сейчас запах табака вызвал только приступ тошноты. Последние трое суток я ничего не ел кроме ягод и горстки зажаренных на костре грибов. Всё это переварилось и наружу вышли только сгустки желудочной желчи. Для конвоира это оказалось такой неожиданностью, что человек вскочил на ноги уронив сигарету на штаны. Махая руками, чтобы стряхнуть «чинарик» и не прожечь одежду конвоир спиной стал отступать прямо на выходивших из палатки людей. В получившейся свалке мелькали руки, слышалась брань, но приступ рвоты ослабил меня настолько, что уронив голову

так, чтобы не упасть в блевотину я толком ничего не расслышал. Наконец, кто-то подошёл ко мне вплотную, пластиковый обод сковывавший мне руки вдруг ослаб и исчез. Одновременно, ещё две пары рук подняли меня, пытаюсь усадить. К губам прижался край алюминиевого котелка и в рот полилась холодная, даже сладкая на вкус вода. Потом снова всё потемнело и пришла темнота....

... Ползти пришлось долго, но возможно это меня и уберегло от ненужных встреч с наводнившими тайгу патрулями. Амеры не теряли времени даром: в воздухе беспрестанно слышался гул

вертолёт, а если он стихал, то место массивных туш «Апачей», занимали юркие беспилотники Два или три раза, мимо меня проходили пешие патрули, судя по голосам поиски велись на совесть, в каждой группе было по пять—шесть человек но собак я не слышал, что довольно необычно. На третьи сутки удалось найти относительно сухую промоину, заросшую кустами дикой смородины. Ягоды уже созрели и где-то час я аккуратно, чтобы не было колик, собирал ягоды в пригоршни и по одой медленно жевал сочные кисло—сладкие ягоды. Вообще, дни стояли жаркие, лишь по ночам приближающаяся осень давала о себе

знать лёгким предутренним
холодком, но иногда выпадал и
туман.

Двигаясь почти всё время на
юго—восток, я убедился, что
нападение на колонну амеры
восприняли чрезвычайно
болезненно. Видимо в тылу они не
часто сталкивались с подобным
проявлением сопротивления,
поэтому обходя вражеские патрули и
прячась от постоянно висящих в небе
беспилотников и вертолётов, я
сделал неутешительный вывод о том,
что Шишковичи не так безопасны,
как мне думалось ранее. Нанося на
карту стационарные кордоны на
тропах и приблизительные маршруты

наземных патрулей, я на шестые сутки пути сделал ещё одно неприятное открытие: амеры не собирались входить в Шишковичи и терять людей, его обносили сетью опорных пунктов таким образом, чтобы никого не выпустить оттуда. Наверняка со стороны гор лес тоже попытаются отрезать, однако это ещё более сложная задача нежели блокировка почти непроходимой чащобы. Но было несколько светлых пятен — пока что лагерь не обнаружен иначе посты уже начали сворачивать. И раз все сторожа ещё тут, значит разработчики операции по уничтожению партизан исключают возможность его прорыва

в сторону гор. Я шёл осторожно, однако силы с каждым сделанным шагом таяли. Люди распугали всю мелкую дичь, которую можно было ловить в самодельные силки, а крупного зверя ножом так просто не добыть, не в моём состоянии это точно. Ягоды, редкие в пору такой засухи грибы, вот и всё, что удавалось время от времени добыть. Родник попался только один раз, да и тот обмелел настолько, что едва удалось напиться и наполнить пару имевшихся в запасе презервативов. Спасали насекомые и небольшая стопка полиэтиленовых пакетиков подсолнечного масла оставшегося от коробок с лапшой быстрого

приготовления. Шесть штук герметично запаянных доз лежало на дне моего «всячного» кармана. Не знаю почему, но по выработавшейся привычке я их не выбросил месяца три назад, да так и переложил в подсумок вместе с остальными полезными мелочами. Найдя муравейник, я наловил муравьёв и давя их прямо на руках счищал получающуюся массу на кусок жёсткого полиэтилена в который до этого были сложены карта и несколько обрывков газет с зарисовками маршрутов патрулей. Когда масса образовала достаточно внушительный комок, я полил его маслом из трёх пакетиков и с

удовольствием съел. Способ отнюдь неварварский, поскольку муравейник я не разорял. Муравьи — известное медвежье лакомство, на вкус не ахти, однако после того, как «колобок» был съеден чувство тотальной сытости, словно мешок с мукой придавило меня к земле часа на три. Потом, правда, большую часть съеденного я выблевал, однако начало было положено — после сидения в болоте хот такая еда, это всё же лучше, чем ничего. Это был единственный раз, когда удалось найти муравьиную кучу и спокойно посидеть без движения. Силы реально убывали с каждым шагом, но выбора особого не оставалось,

поэтому я продолжал идти вперёд, пока не наткнулся на эту влюблённую парочку в «секрете». К тому времени я ещё дважды чудом избежал обнаружения с воздуха и ища укрытие чуть не попался на глаза пешего патруля. Запас везения явно уже показывал дно, когда лагерь «туристов» обнаружился столь неприятно удивившим меня образом....

... Резкий нашатырный запах заставил даже не открыть, а буквально выпучить глаза, так глубоко я вдохнул этой гадости из поднесённого к лицу пластикового флакона. Одновременно чьи-то сильные пальцы рванули рукав

куртки послышался неохотный треск ткани. Потом прохлада и спиртовой запах, затем резкая, но уже ожидаемая боль от жала медицинской иглы. Ещё через пару мгновений в голове стало проясняться, от макушки до пят прошла сильная жаркая волна, тело вновь обрело подвижность и я открыл глаза. За время отключки меня втащили в штабную палатку и разметили на настоящей раскладушке. Знакомо блеснули за стёклами очков серые глаза, рядом сидел Веня. Повернув голову влево, я увидел, что у небольшого раскладного столика покрытого масштабной картой придавленной

старым керосиновым фонарём сидят ещё двое — Лера и знакомый мне по прошлым встречам Володя, который так хорошо разбирается в иностранной военной технике. Вид у всех троих был потрёпанный, но отдохнувшими выглядели только Веня с товарищем, Лера же напротив, словно бы состарилась лет на десять и мы смотрелись совершенными ровесниками. Однако последнее замечание спорно, судя по тому, как таращились на меня мужики, выглядел я неважно, что учитывая и так вполне заурядную и невыразительную от рождения внешность, положения с харизмой не исправляло. Теперь девушку удалось

рассмотреть более внимательно: овальное с тонкими правильными чертами лица, прямой нос высокий, чуть выпуклый лоб с ранними поперечными морщинками и внимательные, с чуть приподнятыми вверх уголками серо—зелёные глаза. Свет лампы падал неровными бликами, резко очерчивая высокие скулы, тени играли на светло — русых волосах коротко обрезанных «под мальчишку» и глубокая тень укрывала ямку у основания длинной тонкой шеи. Однако, один взгляд в эти глаза разрушал первое впечатление беззащитности и хрупкой податливости. Лера смотрела прямо на меня холодно и

оценивающе. Так может смотреть только тот, кто действительно часто бывал на настоящей войне. Полевые врачи, в особенности хирурги — народ редкой храбрости и мужества вне зависимости от пола. Их профессия подразумевает не столько сохранение собственной жизни, сколько спасение тех, кого они оперируют в таких условиях, что в пору говорить о чудотворном наложении рук но ни как не скальпеля. Под пулями, по колено в грязи, без нормального света и анестезии, иногда без воды. Женщины даже порой собраннее и хладнокровней своих коллег — мужчин, это я знал наверняка.

Пошевелив конечностями и сделав усилие, я сел, спустив босые ноги на пол. Оглядевшись вокруг, я заметил, что моя снаряга и оружие лежат на ещё одном раскладном стуле, в ногах раскладушки. Тут же стояли кроссовки с высоким берцем, моих ботинок и лично пошитого костюма не наблюдалось. Однако тут же лежал комплект собранный по-видимому с бору по сосенке: куртка, штаны и нижнее бельё. Оно и понятно — моя одежда, скорее всего пришла в полную негодность, а боты ... чёрт, боты должны выдержать. Но это сейчас не так важно, про шмотки потом, главное, что мне судя по всему доверяют. Сразу же, как только

я начал шевелиться все трое сидевших за столом пристально смотрели, провожая глазами каждое моё движение, словно я какое-то чудо природы. Наконец, заговорил Веня:

— Я сам видел, как американцы бомбили лес в той стороне куда ты пошёл....

— Повезло.... — Я не чинясь скинул относительно чистое полотенце, заменявшее мне трусы и начал одеваться — Где мои люди, что с Михаилом.... Ну с раненым которого я с тобой оставил?

Мы находились во втором отсеке, отделённым от второго помещения непрозрачной

переборкой. Наружная стена тоже была затемнена — клапан с внешней стороны предусмотрительно наглухо задраен. Как средство светомаскировки вполне разумно, однако в палатке стоял относительно спёртый воздух. Запахи немытых тел, медикаментов и горелого керосина придавали воздуху некое подобие плотности. Снаружи слышался свист нарастающего ветра, погода медленно менялась, от чего становилось ещё темнее и рассеянный жёлтый свет лампы только усиливал полумрак, делая тени ещё глубже. Одежда представляла собой однотонные фрагменты охотничьего комплекта

расцветки «осень» и была добротно пошита. На груди и спине слева я заметил свежие заплатки того же цвета, приняхавшись я ощутил запах антисептиков, крови и знакомый сладковато-гнилостный «аромат». Одежда раньше принадлежала покойнику, но особых комплексов по этому поводу я не испытывал, только мысленно поблагодарил незнакомца за добротную одежду. Почему они тянут с ответом, неужели Мишке конец?..

— Он потерял много крови, но выжил, поправляется. Так всё-таки кто ты такой?

Это вступила в разговор Лера, её, как я впрочем и предполагал, не

смutila моя голая «корма», что по сути верно. В голосе её не было особого доверия, однако я понял, что это скорее привычка, нежели что-то имеющее отношение персонально ко мне. Облачившись в пришедшиеся на удивление впору шмотки, я принялся шнуровать кроссовки, реально оказавшиеся по ноге. Встав и притопнув о землю ногами, я преодолевая лёгкое головокружение принялся осматривать оружие и цеплять «разгрузку», попутно отвечая на вопрос девушки:

— Ничего особо таинственного: я и раненый — обычные охранники.... Семёныч с вами?

— Лысый старик с

пулемётом? — В голосе Леры слышалась лёгкая ирония — Да, он пришёл с нами, нагнал по дороге сюда. Всё рвался идти в горы, говорил о тебе, как о провидце или что-то вроде того. Похоже, что он спятил.

— А кто сейчас в здравом уме? Я умников ещё не встречал... вымерли все наверное или свалили лет двадцать назад. Мы — обычные российские блаженные... ну, поскольку всё ещё здесь. А Семёныч... не трогайте его, человек всё о семье горюет, но я с ним и в разведку и ещё куда похуже. Горем его пришибло, в его возрасте труднее пережить смерть близких, особенно

тех, кто моложе. Виталий Семёныч — водитель одной из грузовых фур, которые мы сопровождали. Сначала нас было больше, но осталось только трое. Выжили, стали партизанить, потом наткнулись на вас.

— Короткий рассказ....

Я сунул пистоль в кобуру, а автомат прислонил к краю раскладушки и опят осторожно присел на край. Ситуация требовала очередного дипломатического финта ушами, подняв ладонь правой руки вверх, призывая всех к молчанию. Девушка слегка опешила, но всё-таки пересилив протест выжидательно посмотрела, мол — говори.

— Про меня и прочее можно будет поговорить потом, если получится. Сейчас важно как можно быстрее сворачивать лагерь и уходить в горы. Теперь это уже не так далеко, за неделю дойдём. Американцы перекрыли все пути на север и северо-запад. Судя по голосам артиллерии, на востоке уже прифронтовая зона, там в сторону прорыва обязательно развернут резервные боевые части. Шишковичи блокированы, думаю распылят газ или рванут той штукой, которой они жгут города. Лес пока нас укрывает, но это ненадолго, плюс ваши дозорные себя сильно демаскируют.

— Эй, — Тут подал голос

Володя, судя по всему сам отбиравший людей в караул — Там нормальные ребята, все не на одной игре были, в бою не прятались. Это Таня и Вадик. Они молодожёны, второй год с нами. А вот кто ты такой....

— Ладно, «командир», не горячись — Обострять я не стал, для споров явно момент вышел не подходящий — Но вот я их спалил, потому как некоторые у тебя в «секрете» любовь крутят. Игра, это хорошо: побегали по лесу, сыграли в войнушку, потом костёр — гитара и пиво. Это отдых, как бы вы это между собой не называли, сейчас мы на войне, тут ничего переиграть не

получится. Что касается «не прятались»... не соглашусь, что это достойное качество, снова извиняй.

Володя осёкся на полуслове, Очкарик прыснул в кулак, а Лера склонилась к столу, тоже пряча улыбку. Покраснев как рак, эрудит сел на место и только что-то бормотал про себя. Плотный, но с собранными в короткий хвостик соломенного цвета волосами, открытым круглым лицом и курносым носом, Володя напомнил мне одного знакомого сварщика. Тот так же щурил покрасневшие от сварки голубые глаза, от чего напоминал запойного алкоголика. Однако сходство было лишь

отдалённое, глаза эрудит имел светло — карие и был заметно выше ростом. Дав собеседникам прийти в себя, я продолжил оправляя снаряжение. Подсумки и ремни чуть скукожились, из них кто-то всё вытряхнул, поэтому раскладывая всякое по своим местам, я с удовлетворением отметил, что ничего не пропало. Придвинув освободившийся раскладной стул я отсоединил магазин, вынул его собратьев из подсумков и взяв с пола полотенце начал выщёлкивать на него патроны. Веня, ничего не говоря вынул из кармашка своего импортного тактического пояса баллончик с силиконовой летней

смазкой. На общий обиход оружия у меня уходит ровно час, если делаю это в спокойной обстановке. Дома это только «мухобойка» и мосинский карабин, а тут пришлось возиться с более требовательными в данном плане «веслом» и ПБ. Однако, когда надо приходится обойтись без медитации и любимой песни про чёрного ворона, так подходящей для неспешной возни с любимым «железом». Быстро вылуцив пять магазинов я принялся как можно более споро разбираться с местами тронутыми лёгкой ржой деталями оружия, попутно объясняя обстановку встревоженным «туристам». Назидательность в

разговоре с взвинченными людьми не лучший способ быть услышанным, поэтому я старался говорить без упора на некую личную исключительность:

— Отрава, это наиболее доступный для противника способ кардинально решить проблему с партизанами. Другое дело, сто скорее всего они не имеют такого количества в одном месте. Вероятно задержка только в погоде и том времени, которое им понадобится, чтобы привезти достаточное количество яда и выбрать способ доставки....

— Почему артиллерия не работает по лагерю, раз ты говоришь,

что нас вычислили?

Володя был из того сорта людей, которые будучи однажды уязвлены даже по делу, начинают изводить оппонентов мелкими придирками. Но я не принял вызова, продолжая удалять грязь с затвора:

— Думаю, что хотят сберечь лес. Это сырьё, ради которого они вообще всё это затеяли. Иначе, я застал бы тут только воронки и ошмётки тел. Вы отправили кого-нибудь в горы, по маршруту который я передал?

Бородатый эрудит хотел что-то сказать но его перебила до этого замолкшая Лера. Девушка задумчиво чертила какие-то линии на карте, но после моего вопроса подняла глаза

чтобы встретиться взглядами со мной. Обтерев затвор и вернув его на законное место, я открыто посмотрел на девушку, скрывать мне было нечего. Она заговорила, чуть быстрее, чем до этого, что выдавало внутреннее волнение:

— Твой старик и ещё трое ушли почти сразу же, как мы разбили лагерь здесь. С ним ещё шестеро наших, кто имеет опыт скалолазания. Есть пара альпинистов со стажем, если пещеры там, где указано — они их отыщут. И на заметку... Лесовик, я никогда не поверю, что это план Краснова как меня пытался убедить Вениамин. Ты с самого начала знал, что Шерман нас подставляет, так?

— Опять не о том спрашиваешь, военврач Лера — Начиная терять терпение, я поставил крышку ствольной коробки на место, казалось, фиксатор тоже щёлкнул с нетерпением — Сейчас важнее не кто виноват, а что делать. Ты отпустила ребят с Семёнычем это отлично, теперь нужно собирать пожитки, снимать посты и выставив заслон начать отходить в горы. Нужно отправить кого-то шустрого для связи, пусть сообщит поисковикам, что мы выдвигаемся....

— А ты — Снова вступил Володя недвусмысленно дотрагиваясь до брезентовой кобуры на поясе — Куда пойдёшь? С

Шерманом уже опыт есть....

— Заткнись, Вовка — Это уже не выдержавший напряжения Веня вскочил со стула — Ты первый Шерману подпевал, да восхищался какой он умный да опытный. Я видел, как этот лесовик умеет воевать и если бы не он....

— Да-да, мы все это уже тысячу раз слышали — Володя тоже вскочил, опрокинув стул и сжав кулаки — Он и его....

— Да утихните вы оба!

Это вступила в разговор Лера, до этого она болезненно морщась массировала виски. Тени у неё под глазами стали ещё резче, от чего стало казаться, что внутри глазниц

горят ярко — зелёные огоньки. В свою очередь поднявшись из-за стола, девушка вклинилась между спорщиками. Как я и предполагал, главнокомандующим после Шермана стала именно она. Но это и к лучшему — девушка — врач производила благоприятное впечатление и демонстрировала достаточную твёрдость характера своим поведением. Я тем временем уложил четыре оставшиеся магазина в боковые подсумки и принялся за чистку пистолета. Встревать в ругань не хотелось, по сути я тут всего лишь гость, доверие этих людей ещё предстоит заслужить. Спорщики ворча сели, а Лера ещё чуть

дрожащим от гнева усталым голосом негромко спросила обернувшись снова ко мне:

— Вовка у нас известный почитатель талантов Краснова, не обращай внимания... Вениамин сказал, что не знает твоего имени, а старик его назвать отказался. Не очень вежливо, как мне тебя называть?

Тут я немного призадумался, моё имя сейчас не имело особого значения, всё связанное с ним осталось там, в довоенной жизни. На ум пришла фамилия дедова сослуживца, чья судьба стала вдруг мне так понятна и близка.

— Ропша.

— Это имя или фамилия?

— Это как хотите, мне уже всё равно — Сетка глушителя оказалась более прочной чем я рассчитывал, загнав сетчатый валик на место, я только подмигнул девушке — Думаю, это теперь просто Судьба. После войны будем имена вспоминать, сейчас оно вернее будет, чем то, что в паспорте.

— Ладно.... Ропша, так Ропша. Пусть будет это имя... в одном ты прав, сейчас не до любезностей. Так или иначе, но я склонна верить Вениамину, а он доверяет тебе. Как думаешь, сколько у нас есть времени на сборы?

Быстро закончив с пистолетом, я

поднялся и ещё раз подвигавшись на месте из стороны в сторону вращая корпусом, чтобы проверить подгонку снаряжения и как сидят на мне чужие шмотки шагнул к столу с картой. Даже хорошо, что всё ношеное и обмялось — бывший владелец явно был одного со мной роста и приблизительно схожей комплекции, правда за последнее время веса во мне поубавилось. Маршрут столько раз обдуманый и можно сказать выстраданный снова во всех деталях всплыл в памяти. Вход в пещеры расположен к северу от нашего текущего местоположения и идти туда с нашими возможностями получится дня через

три—четыре. Там будет вход ущелье, тянущееся с юга, на юго—восток. Урочище и подошву довольно высокой горной гряды разделяет метров триста открытого пространства, покрытого валунами и щебнем. Лишь восточнее есть небольшая рощица, где вроде бы можно укрыться. Она подходит для временного сосредоточения, отсюда можно перебежками попасть под прикрытие восточного же склона ущелья и оттуда нужно пройти ещё около восьмисот метров на юг. Потом предстояло подняться на двухсотметровую высоту и там найти расщелину напоминающую двузубую вилку. К входу придётся подниматься

сначала по неширокой тропе, а потом взбираться на узкий карниз, значит раненых придётся поднимать со дна ущелья в два этапа на тросах. Слишком много людей... амеры наверняка будут присматривать за ущельем, как одним из вероятных мест выхода из лесного массива. Взяв карандаш лежащий возле стиснутой в кулак руки девушки я начал размечать маршрут. Карта была наша, ещё советских времён, довольно подробная.

— Время ценно само по себе, учитывая наличие у противника ночной оптики и возможное подключение к поискам спутниковой группировки, не имеет значения

когда выступать. День или ночь — амеры оперативно нас обнаружат и смогут так или иначе уничтожить....

— Но ты раньше говорил, что в горах можно спастись, а вместо этого завёл нас в ещё одну ловушку, как Краснов!

Володя возвысил голос и вскочив, отшагнул от стола на два шага, выхватив пистолет. В глазах эрудита блеснула искорка торжества, ему важнее было, по старой привычке сиюминутно уязвить оппонента, наплевав на последствия. Веня и Лера тоже чуть привстав отодвинулись, но их волновала не моя мнимая виновность а заряженное оружие в руках

товарища. Пора было это прекращать, поэтому я оторвавшись от карты посмотрел паникёру прямо в глаза и сказал:

— Эй, «командир», опусти ствол и дай мне закончить. Даже если предположить, что ты прав и я вас продал, то бежать мне так и так некуда — тайга кругом. Времени мало, обожди с разоблачениями пять минут, потом делайте со мной что хотите, лады?

Лера и Очкарик выжидательно смотрели на паникёра, выражение их лиц ничего хорошего тому не сулило: Веня уже готов был выстрелить и поднял автомат на уровень груди, девушка тоже что-то задумала, но её

намерения не были так очевидны. Огонёк в глазах Володи постепенно затух, он опустил пистолет и снова приблизился к столу:

— Говори, но я глаз с тебя не спущу... и помни: пристрелю не задумываясь.

Веня было дёрнулся, чтобы начать очередную свару, но тут уже я удержал его положив ладонь на ствол его автомата и с силой принудив опустить ствол. Все снова сели к столу, Лера едва заметно с благодарностью кивнула, когда на какое-то мгновение наши взгляды пересеклись.

— Как я уже сказал, нет особой разницы когда выступать. Нас

слишком много и скрытно преодолеть такое большое расстояние не выйдет.

— Но у тебя снова есть план — Это опять Лера первой заговорила со мной, видимо между нами проскочили какие-то флюиды понимания — Так не тяни, поделись.

— Я думал о таком варианте развития событий, но он предусматривался как самый пиковый и нежелательный. Нужны добровольцы, четверо человек включая меня самого....

Реакция всех троих была показательна: Вова криво с недоверием ухмыльнулся и снова поднялся, Очкарик смотрел

умоляюще, желая идти вместе со мной, Лера коротко глянула с непонятым сожалением. Эрудит желчным тоном бросил очередное обвинение:

— Скажи прямо: смертники. Там полно американцев, пункт управления хорошо охраняется, это верная смерть. Сам сдохнешь и ребят погубишь!

Что тут поделаешь, человек стал рабом привычки, но я всё же решил разъяснить свою позицию до конца. Продолжив вычерчивать схему нового маршрута, вновь ровным и спокойным голосом принялся объяснять:

— Я умирать не собираюсь, как

и вести людей на верную гибель не хочу. Если получится выполнить задачу и выжить, мы непременно выживем. Однако как я уже говорил, мы на войне. А тут, прости за банальность «командир», реально могут убить. Смирись с этим и не мешай, время действительно уходит впустую. Продолжим, однако. И так, самое слабое место в амеровской системе управления это связь. Все подразделения связаны в единую сеть, скорее всего замкнутую на передвижной командный центр в одном из секторов блокирующего периметра. Командно—штабная машина и оперативный штаб, могут находится только на северо—западе, в

ста тридцати километрах от границ Шишковичей....

— Это ещё откуда... — Володя снова попытался меня прервать, но на этот раз помощь пришла с самой неожиданной стороны.

— Там единственная грунтовая дорога, идиот! Техника дальше просто не сможет пройти, иногда полезно изучать местность Саблин — Лера буквально пригвоздила взглядом эрудита, оказывается имевшего столь воинственную фамилию — Я согласна с Ропшей, оперативный центр скорее всего где-то в том районе.

— Верно, спасибо за догадку...
Валерия.

— Ой, хватит — Девушка устало махнула рукой — Сам же сказал, что без церемоний, зови как все — Лера, мне так удобнее.

— Отлично, взорвём «оп — центр» — Это не унимался Саблин — Они через час всё восстановят, если не раньше. Ты их технику видел? Подразделения связаны через «блю форс»,⁽⁴³⁾ управление перехватят, есть протоколы на этот случай, я читал!

— Я тоже, командир — В разговоре с эрудитами важно оставаться как можно более спокойным, их это раздражает — И читал и слышал. Только ты скорее всего в интернете это нарыл, а я

общался с... короче пользователи «блю форса» были среди моих знакомых. Поэтому связь они восстановят, это ты верно сказал, но будет это сделано часа через четыре— пять никак не раньше. Плюс эта штука сама по себе не слишком надёжная, работает со сбоями. Нападение на штаб это просто гарантия успеха для тех, кто полезет в горы — подстраховка. И раз уж ты мне не доверяешь, пошли со мной, в случае чего, будет возможности пристрелить меня, подлого предателя. Только имей ввиду, сначала придётся посоветоваться с амерами, они тоже захотят это проделать.

— Это глупо, пойду снимать посты, раз вы и так всё решите но я....

— Только посмей открыть рот за пределами палатки Саблин и рассказать о плане хоть одной живой душе — Лера без угрозы но с совершенно явным намереньем повернулась к поднявшемуся из-за стола Вове — Я терплю твои выходки пока это никому не вредит, не более того, растреплешь что-нибудь — прирежу и оставлю тут. И это не угроза, ты меня знаешь. Иди.

Эрудит почти бегом выскочил наружу, даже не запахнув входной клапан, который словно парус тут же захлопал на крепчающем холодном

ветру. Поднявшись и в свою очередь пройдя к выходу, Лера поймала полы завесы и снова закрепила их. Потом войдя в круг света лампы согласно наклонила голову и в свою очередь спросила:

— Допустим, ты нашёл узел управления и уничтожил его, что это даст нам?

— Время, чтобы подняться к пещере и укрыться до того, как амеры восстановят связь с поисковыми группами и подключат системы наблюдения. Четыре—пять часов чтобы поднять раненых и может быть ещё час—полтора, пока они будут гоняться за нами. Других вариантов я не вижу, извини.

— Это хороший план — Опять она странно смотрела, я слишком устал и не мог разобраться что это было за чувство — Отчаянный, но хороший. Но вижу это ещё не всё, да?

— Верно — Взяв исчерканный листок бумаги и с удивлением обнаружив, что он чист с другой стороны я принялся снова чертить — Амеры ждут, что вы пойдёте вдоль сухого русла ручья на юго-востоке отсюда, там они будут плотно всё пасти. Поэтому, возьмите чуть левее, там труднопроходимый ельник, но пройти реально, плюс этот маршрут на треть короче, хотя по времени выиграть не получится, слишком медленно придётся идти. Однако так

вас труднее будет засечь с воздуха, но думаю что и на земле особых проблем кроме бурелома не будет, главное, чётко выдерживать направление. Разбейтесь на небольшие группы по четыре человека — трое несут груз, третий прикрывает. Вооружить лучше всех, кто так или иначе может воевать, даже легкораненых. Группы не должны терять визуального контакта друг с другом, лучше если в каждой будет компас и все будут знать общее направление движения. Пока всё понятно?

— Вполне — Девушка что-то писала сверяясь со схемами которые я чертил — Как быть с

передвижением ночью я знаю, у нас у всех есть нашивки на головных уборах.

— Хорошо, это пока подойдёт. Теперь дальше, на выдвижение у вас будет ровно пять суток. За это время, вы должны сосредоточиться у входа в ущелье. В ноль часов тринадцатого числа, я... мы с добровольцами начнём портить амерам связь. После этого у вас будет от трёх до пяти часов чтобы пройти к точке подъёма к пещере.

— Понятно... ну, тогда приступим. Там в углу есть консервы: тушёнка, овощное рагу.... Ты пока ешь, тошнота пройдёт, это последствия контузии. Мы с Веней

поговорим с теми кто сможет пойти с тобой. Отдохни часа два, раньше так и так не получится всё утрясти.

— Спасибо, еда это хорошо... а чай у вас есть?

Первый раз за время нашего знакомства, я увидел как Лера улыбнулась. И сразу пропал тот лишний десяток лет навешенный войной. Ей от силы было лет двадцать пять — двадцать семь... девчонка по сути. Чуть лукаво усмехаясь девушка ответила:

— Только без заварки, но горячий.

Консервы действительно лежали там, куда указала девушка: в дальнем правом углу второго отсека палатки,

служившего спальней и основным жилым помещением для шести человек, стояло три рюкзака на жёстких рамах. Открыв горловину одного из них я взял первую попавшуюся банку, это оказалась перловка со свининой в быстроразогреваемой квадратной банке. Там же, к удивлению моему обнаружилась упаковка тёплого пива, в которой оставалось три банки. Взяв консервы и одну пивную жестянку, я вернулся в соседний отсек и присев к столу заставил себя поесть. Ветер за закрытым окном крепчал, играя тканью палатки, даже внутри стало ощутимо холоднее. Прикончив четверть жестянки с кашей и выпив

полбанки слегка ударившего в голову пива, глянул на чуть светящийся синим циферблат часов — на всё про всё ушло десять минут. Добравшись до раскладушки стоявшей у самого входа в отсек и передвинув её подальше от выхода в тень, я не разуваясь лёг на спину и почти сразу же уснул, думалось ровно до того момента как голова коснулась свёрнутого в рулон походного коврика, бывшего вместо подушки. Однако уснуть удалось только на короткий промежуток времени, подспудно вертевшиеся в голове детали предстоящей акции вытесняли усталость. К тому же, мою карту слегка подмочило водой

проникшей сквозь небольшую щель в полиэтилене. Вынув уже подсохшую кальку из футляра, я примерил свою карту к расстеленной на столе и принялся восстанавливать утерянные, утратившие чёткость участки. Попутно отметил, что один из наших артельных тайников как раз находился в пятидесяти восьми километрах восточнее границ Шишковичей. Его закладывали одним из последних во время моего отсутствия, однако Варенуха чётко сообщил мне приметы на местности, поэтому найти вроде бы не составит труда. «Туристы» все вооружены трофейным оружием, а мне позарез нужно было запастись патронами к

пистолету и прихватить то, без чего рейд к командному пункту американцев становился ещё более самоубийственной затеей. В схроне, помимо прочего лежало четыре одноразовых гранатомёта, которые могут существенно увеличить наши шансы на успех. Поколдовав с верной «офицерской» линейкой над вновь восстановленной картой мне удалось проложить маршрут таким образом, чтобы он пролегал не более чем в двухстах метрах от тайника. На всё про всё у меня ушло минут сорок, Лера вернулась в тот момент, когда я уже вновь запаивал карту накалившимся над лампой обухом ножа. С ней в палатку вошло двое

парней не старше двадцати пяти лет и одна девушка совсем маленького роста, но со снайперским импортным карабином, чей мудрёный обвес говорил о том, что хозяйка до тонкостей знает своё оружие и явно умеет с ним обращаться. Следом вошёл Веня и я только обречённо вздохнул, с тем, что Очкарика придётся взять с собой я уже внутренне смирился. Коротко представив всех вновь прибывших, Лера ещё раз кивнула мне на прощание и вышла, сославшись на занятость. Я подошёл к столу и оглядев тех, кто вызвался идти особенно пристально. Ни один из молодых не опустил глаз, а девушка

недвусмысленно показала мне приклад своего карабина — на его опорной «щеке» было восемь палочек сгруппированных в два ряда по четыре и перечёркнутых по диагонали с лева на право. Винтовку я узнал: это была та самая «шушлайка» из которой меня чуть не приложил амеровский снайпер во время первой большой засады, на отряд шедший громить первый лагерь «туристов». Иностранного стрелка подловил Михась, а вот трофеями побрезговал — слишком ненадёжно выглядел этот аппарат: дырчатый кожух длинного цевья, короткий выступ рифлёного ствола, причудливо изогнутая пистолетная

рукоять и необычной формы складной приклад с кучей всяких колёсиков и подвижных частей. Про этот агрегат слышать приходилось, короткий ствол не помеха стрельбе на две тысячи метров, поскольку рассчитан карабин на очень мощный целевой боеприпас. Необычный вид объяснялся тем, что винтовка по сути была сборным конструктором из которого можно собрать три разных ружья, включая антиснайперский «слонобой». [\[47\]](#) Не знаю, где девушка брала патроны к этому чуду враждебной техники, но если она действительно умеет с ним обращаться, тогда я смело могу записать на её счёт троих стрелков из

конвоя в бою у моста. Раны были слишком характерные, выходные отверстия с чайное блюдце... точно она. Приглядевшись внимательнее, я заметил, что девушке не больше восемнадцати лет, она довольно плотного телосложения, а на круглом бледном лице выделяются удивительной черноты брови и такие же чёрные глаза. Глядя в них, создавалось впечатление, будто смотришь в дуло винтовки лежащей у девушки на коленях, настолько холодными и бездонными они казались. Волосы девушки, тоже чёрные и густые, практично обрезаны, однако с левого виска на грудь спускалась длинная узенькая

косичка с выпущенными кисточкой кончиками. В неё было вплетено несколько мелких бирюзовых бусин, от чего казалось, что по виску на грудь девушке сползает змейка вроде ужа. Небольшая россыпь веснушек также немного оживляла общий, довольно мрачный облик снайперши. Поймав мой взгляд, она кивнула и представилась:

— Ира — Потом с понятной только другому снайперу или воину нежностью коснулась рифлёного цевья карабина — Это «Вдоводел», мы всегда вместе, куда я туда и он.

Кивнув, я посмотрел на ничем не примечательного парня, сидевшего по правую руку от Иры.

Ростом он был выше девушки и даже меня, худоба проступала даже через мешковатый камуфляж, но одного взгляда на его невероятно красивые кисти рук было достаточно, чтобы понять кто передо мной. Вооружён парень довольно стандартно, но умело: короткий автомат выкрашенный в камуфляжные «лесные» цвета, шесть магазинов забитые в хитро расположенные слева и справа по бокам так что грудь оставалась свободной. Светлые волосы коротко, почти под «ноль» стрижены, остался только небольшой чуб с торчащими в разные стороны кончиками волос. Высокие скулы, спокойное расслабленное лицо и

внимательные светло—серые, водянистые глаза. Кивнув и чуть улыбнувшись уголками полногубого, широкого рта парень представился:

— Алекс, я спец по всему что зовётся «бада — бум», ещё связь знаю — работал монтёром в сотовой компании... ну и стреляю неплохо.

— Дохлая белка рядом с закладкой на мосту, твоя работа?

Алекс только ещё раз улыбнулся и снова кивнул. Я в свою очередь тоже наклонил голову, признавая мастерство не только хорошего взрывотехника, но и тонкого психолога, что для диверсанта и в особенности подрывника очень важно. Умение поставить себя на

место противника, это уже на одну треть победа над ним. Следующим был одного со мной роста, кряжистый крепыш, с изуродованным химическим ожогом лицом. Совершенно седые короткие волосы, ранние морщины и перебитый курносый нос, вот первое, что бросалось в глаза. Карие глаза из-за ожогов скрывались за узкими щёлками прищуренных навсегда век, лишённых ресниц. Они смотрели пристально и оценивающе, возле стола слева красноречиво примостился трофейный пулемёт с примкнутым жестяным коробом на двести патронов и прикреплённой к цевью штурмовой рукоятью, я без

слов понял какое у парня хобби, что тот подтвердил:

— Сергей... я вроде как самый тут сильный. Тоже стреляю нормально... ещё, могу одним ударом кулака в лоб бычка трёхлетку убить. Ну... — Парень смутился и покраснел — Не то, чтобы это нравится, но было дело по молодости.

Пожелать удачи может каждый, но самым дорогим лично для меня был этот может быть и прощальный подарок необычайно сильной духом девушки — хирурга. Познакомившись с добровольцами стало совершенно очевидно, что в помощь мне Лера отобрала самых

опытных и толковых ребят, но при этом более не сказали ни одного лишнего слова ободрения. Когда понимаешь, что друг или просто хороший приятель выкупил своеобразный билет в один конец, удачи желать глупо и опасно. Тем сильнее я был благодарен девушке за помощь и именно за молчаливое понимание ситуации. «Туристы» обрели дельного вождя, теперь их шансы на выживание существенно увеличатся, даже если мой маленький отряд потерпит неудачу. Пройдя на место Леры во главе стола, я ещё раз оглядев собравшихся кивнул и сказал то, что в принципе они знали и так:

— Меня зовут Ропша, я ваш новый командир. Мы пойдём к камерам в тыл и ослепим их на то время, которое остальные смогут использовать, чтобы укрыться в горах. Будет трудно выполнить задание и ещё труднее уцелеть.... Сделаю всё, чтобы все тут сидящие выполнили поставленную перед нами задачу и сделаю ещё больше для того, чтобы мы все выжили. Однако важно только задание и раз вы все вызвались добровольно, то наверняка уже догадались об этом. Всем вернуться будет непросто, но мы попытаемся. Вот мой план....

... Путь до места предполагаемого пункта размещения

амеровского оперативного центра занял четверо суток из отведённых пяти. И были это не просто девяносто с небольшим часов без сна, с короткими пятиминутными остановками и мучительно тянувшимися мгновениями, когда несколько раз нас чуть не обнаружили вражеские патрули. Или стылое ощущение неотвратимого страха когда Веня, всё же вязавшийся за мной вопреки увещеваниям, попал на хитро расставленное амеровскими сапёрами минное поле. Нет, самым трудным было для меня и тех четверых парней и одной девушки осознавать практическую неминуемость собственной гибели.

Однако было и нечто сыгравшее в нашу пользу, хотя везением это трудно назвать. Во-первых, все четыре дня погода словно бы опомнившись и навёрстывая упущенное за первые несколько дней календарной осени, не баловала нас солнечным светом и теплом. Холодный, то крупный, то вдруг едва морозящий дождик стал нашим постоянным спутником и помощником, сбивая с травы и деревьев пыль, затирая наши следы. Во-вторых и это я считаю самым существенным сопутствующим фактовым обстоятельством, амеры не смогли слишком плотно перекрыть Шишковичи. А в

расписании патрулей оказалось много мелких дыр, сквозь которые не пройти большому отряду, но в них вполне смог просочиться наш маленький и уже весьма сплочённый коллектив. Будь наша тайга похожа на издырявленные просеками и тропинками леса западных областей России, той относительной свободы нам не видать. По дорогам и хоженным тропам, амеры живо бы наладили прочёсывание массива по небольшим секторам и тогда любое движение внутри периметра стало бы совершенно невозможным. С подобными трудностями сталкивались советские диверсанты во время той далёкой уже войны.

Тогда в лесах Восточной Пруссии было совершенно невозможно укрыться более чем на сутки, так плотно контролировали его фашисты. К исходу третьих суток, когда силы всех без исключения были на той грани за которой уже только цепенящая усталость и безразличие, мы вышли к аварийному схрону о котором я ничего не сообщал своим добровольным помощникам, но они особо не протестовали. Скомандовав привал и обозначив границы периметра, я взял с собой к тайнику только Сергея, поскольку Пёстрый, как его звали в отряде, держался на марше лучше всех, а груз предстояло

тащить не лёгкий.

Тайник к моему величайшему облегчению раскрыт не был: все «контрольки» остались на месте, а следы говорили лишь о присутствии тут медведицы с парой довольно взрослых детёнышей не далее как сутки тому назад. Кора с деревьев была ободрана, кусты дикой смородины словно бы обсосаны и тут же лежало несколько куч помёта с характерными вкраплениями глины. Медведи готовились залечь в берлогу, поэтому начинали есть глину, чтобы во время спячки насекомые их не тревожили. Однако сам схрон оказался цел. Любопытные звери его не тронули, поскольку там не

было ничего съестного, а запах железа скорее даже отпугнул ставших осторожными лесных хозяев. Сняв мины и откинув крышку обсаженную дёрном, я начал вооружаться. Перво—наперво вскрыл коробку с пистолетными патронами и снарядил шесть магазинов к ПБ. Добавил три новых подсумка из НЗ, в которые предстояло переложить частьхлама лежавшего сейчас рассованные по карманам полезные мелочи. Взял десяток гранат к подствольнику и шесть магазинов к автомату, хапнув также и патронов россыпью. Чего мне очень не хватало, так это нормальной фляги под воду, вроде той, что потерялась на болоте. Из

дальнего угла вынул связку гранатомётов и передал их Сергею. Мой новый знакомый если и удивился таким запасам но виду не подавал, после подробного инструктажа в лагере, мы с ребятами обменивались только короткими деловыми фразами, больше общаясь жестами. Взяв каждый по два тубуса мы замаскировали тайник и вернулись к месту привала. Не было в периметре только Ирины, девушка отличалась редким упорством и выпросила право уйти вперёд по маршруту. Дожидаясь её, мы разобрали «границы» и я снова вздохнул с облегчением, поскольку и этот этап операции прошёл как

положено. К слову сказать, план был не особо мудрёный, что означает его крайнюю опасность для непосредственных исполнителей. Гранатомёты которые я взял в схроне это всё больше старые советские «трубы», но спокоен я был только за одну из четырёх. Остальные призваны будут отвлечь внимание, вызвать на себя первый удар активной защиты бронемашины не более того. Учитывая характер местности, я знал что скорее всего пункт управления и связи смонтирован на гусеничной платформе от «абраши», поскольку лёгкие танкетки типа «Брэдли» по той раздолбанной грунтовке пройти

просто не смогут. Такие машины хорошо берегут, поэтому перво-наперво, нам предстоит тихо пройти в охраняемый периметр и выйти на дистанцию не более ста метров. Потом, ударить по тяжело бронированному тягачу с трёх сторон. Причём сделать это нужно последовательно в два залпа и в одно и то же место. Три из имеющихся у нас четырёх «труб», это довольно слабые РПГ-26 или просто «олень». [\[48\]](#) Так мы их называли за слабый бронепробивающий эффект и прихотливую траекторию полёта гранаты. Но жемчужиной моей коллекции была «Таволга», [\[49\]](#) на которой строился основной расчет.

Три первых выстрела примет на себя активная защита тягача, но финальную точку поставит именно тяжёлый РПГ-27. Он сожжёт машину, поскольку на имеющейся у нас гранате белым по чёрному было напечатано — 64мм. Гранаты из «олешков» чуть быстрее, поэтому у главного калибра будут необходимые несколько секунд для постановки на боевой взвод, главное, это не промахнуться. Знаю, со стороны может показаться излишней такая осторожность, но только не в случае когда нужен стопроцентный результат. В своё время, пришлось наблюдать как из «оленя» не смогли пробить в борт учебного танка, на

которых «чехи» в первую чеченскую войну иногда разъезжали — граната лихо ушла вверх «облизав» бок танковой башни. Позже произошло несколько похожих случаев, поэтому к «оленьям» я отношусь можно сказать предвзято.

...Спустя три часа, мы подошли к границам Шишковичей как раз в полутора десятке километров от того места, где обозначенная на карте грунтовая дорога переходила в заросшую молодой порослью тонких ещё сосёнок и густыми зарослями кустарника старую вырубку. Для короткого привала, я выбрал участок леса, заваленный сухим буреломом. Это обуславливалось тем

обстоятельством, что с воздуха этот квадрат не просматривался совершенно, а передвигаться можно было только ползком или в полуприсяде. Однако, между ветками и полусгнившими стволами деревьев образовалось множество своеобразных извилистых тоннелей, по которым при определённой осторожности можно продвинуться к заброшенной делянке лесозаготовителей почти вплотную. Ползком, преодолевая небольшие озёрца стоялой вонючей воды, пару раз спугнув юрких ужей, наш маленький отряд к трём часам дня преодолел расстояние около пяти километров. Но выйти из этого

импровизированного лабиринта помешало предупреждение нашего постоянного передового дозорного — Ирины. Девушка снова первой выбралась на небольшую полянку заросшую кустами боярышника. Её спасло предчувствие как она сказала потом: в голове словно кто-то крикнул не высовываться и так замерев она увидела замаскированную на противоположном от себя краю поляны оптико-акустическое дозорное устройство. С одной стороны это было хорошо — появление приборов напоминающих треноги с несколькими параболическими антеннами,

ориентированными вовне охраняемого периметра означало, что мы совсем рядом с целью. Такие устройства выставляются во внешнем кольце охранного периметра, мобильных ракетных пусковых установок, а также полевых пунктов связи и управления. У нас в российской армии, дальше сидело бы два отделения в «секретах», а амеры по-прежнему полагались на пешие патрули и спутники. Ира вернулась обратно в нору и объяснила ситуацию. Чего-то подобного я ожидал, поэтому пришлось положиться на смекалку. Заняв место девушки, под длинным, выбеленным словно слоновая кость стволом

поваленного дерева, я осмотрев местность вынул из кармана завёрнутый в несколько слоёв полиэтилена кусок протухшего мяса, лелеемый от самого лагеря «туристов». Развернув плёнку, я нарезал расползающийся ломоть оленины на три части и броском отправил тухлятину как раз меж ферм треноги и снова затаился. В тайге такой закон: если есть люди, то обязательно где-то рядом бродят медведи. Шум и общая суматоха не слишком пугают этих обычно наглых зверей, но перед запахом падали и отходов они устоять не могут, оружие их совершенно не пугает. Ждать пришлось не долго и через час у

треноги появился неряшливого вида мишка, весь в клочках рыжей, свалявшейся шерсти. Не в силах сдвинуть конструкцию с первого раза, зверь после нескольких неудачных попыток разозлился и со всей дури саданул прибор лапой. Американский патруль появился через двадцать минут, сразу же открыв по медведю огонь. Испугавшись, мишка дал дёру пули чиркали по веткам деревьев не причинив зверю видимого вреда. Амеры долго стояли возле скособолившейся треноги, вызвав по рации техников. Те прибыли спустя ещё полчаса и переругиваясь с патрульными, установили прибор

заново. Один особенно въедливый
белобрысый и склонный к полноте
патрульный повёдя носом обнаружил
кусок падали и объяснил старшему
наряда, что собственно привлекло
медведя. Но особых последствий это
не возымело, американцы убрались
восвояси. Выждав ещё час, я снова
вынул кусок мяса и опять забросил
его между ферм треноги. Медведь
появился снова совсем скоро, словно
караулил где-то поблизости. Судя по
свалявшейся шерсти и рваной
походке, зверь был болен или может
быть ранен довольно
продолжительное время назад. Учуяв
мясо, он опять приступив к датчику
попытался запустить лапу меж

фермами треноги, но пространства не хватало и с досадой рыкнув, мишка принялся рыть подкоп. Так продолжалось следующие полчаса, пока те же самые патрульные не явились вновь, предварив своё появление как и в прошлый раз беспорядочной стрельбой. Медведь всё-таки своротив треногу и добравшись до мяса дал дёру, но американцы погнались за ним следом никого не оставив возле опрокинутого прибора. Вызвав техников все четверо солдат не дожидаясь повторного прихода ремонтников ринулись по свежему медвежьему следу, путь в периметр был открыт.

Наученный прошлым опытом, я повёл группу точно по следу американского патруля, что помогло нам пройти оставшиеся двенадцать с небольшим километров до делянки необнаруженными. Местность до предела насыщенная вражескими патрулями, сильно затруднила наши передвижения и на исходный рубеж нам удалось выйти только за пятьдесят минут до условленного срока. Пункт управления, как я и предполагал, оказался тягачом с усилено бронированным кунгом, на покатой крыше которого размещалось с десятков штыревых антенн различной длины. На небольшом удалении располагался

ещё один тягач с силовой установкой, от которого в нескольких направлениях шли полосы свежезакопанных коммуникационных траншей. Трава внутри обнесённого сетчатым забором неровного прямоугольника периметра оказалась добросовестно выжжена на участках размещения техники и трёх дозорных вышек. Очевидно, часть материалов забрасывалась воздушным путём, что ещё больше подчёркивало всю серьёзность с которой оккупанты взялись за партизан. Машины были плотно прикрыты шестью наземными огневыми точками обложенными мешками с землёй,

каждая держала под прицелом сектора тайги наиболее удобные для внезапного нападения. Воздух стерегли три «хамви» со смонтированными на них пусковыми комплексами ЗРК. Это говорило о том, что с неба янкесы неприятностей не ожидали. На вышках не было людей — с высоты четырёх с небольшим метров подходы к пункту управления стерегли спаренные автоматические турели, с шестиствольными роторными пушками.

Местность и обстоятельства не позволили нам занять нечто даже отдалённо похожее на возвышенность, поскольку делянка

располагалась на дне плоской как стол котловины. Пришлось искать точки, с которых борт машины управления откроется для прямого выстрела. Таких позиций оказалось только две и расстояние получалось критическим — около ста пятидесяти метров, ещё две были спорными, поэтому я дал приказ Сергею и Ирине выбрать своими целями второй тягач и накрытый масксетью стальной поддон с двумя рядами бочек с дизельным топливом. Их позиции оказались на расстоянии восьмидесяти двух метров, что существенно повышало их шансы на успех. Таким образом, если двумя выстрелами уничтожить машину не

удастся, можно рассчитывать на то, что получится вывести из строя силовую установку или под прикрытием пожара попробовать прорваться в периметр и проникнуть внутрь штабной машины. Со мной в паре работал Алекс, чей выстрел должен был послужить сигналом для остальных. Раций у нас не было, поскольку большинство имевшихся у «туристов» радиостанций разрядились, а моя так же была утеряна на болоте. Поэтому план действий и пути отхода были оговорены заранее, когда мы буквально за двадцать минут до назначенного срока вышли на рубеж атаки. Снова заморосил холодный

дождь, Луна скрылась за толстой
низко нависшей над головой
огромной хмурой тучей. Лагерь
американцев засветился
приглушёнными огнями, чей свет
скрадывался накинутыми на машины
и стрелковые ячейки масксетями.
Турели на вышках мерно
поворачивались из стороны в
сторону, пробегая по полосе деревьев
на границе делянки лучами то
гаснущих, то снова вспыхивавших с
невероятной яркостью лучей
прожекторов. Как я обнаружил, в
стрелковых ячейках тоже стояли
автоматические турели, люди вообще
появились только один или два раза,
перебегая от тягача к

оборудованному за цистерной с горючим биотуалету. Нас пока не обнаружили за счёт того, что мы передвигались только ползком и на каждом громоздилось по несколько килограмм травы и всякого лесного мусора. К тому же грязь и непрестанно льющий дождь пропитали каждого насквозь. Я с силой стискивал зубы чтобы не стучали, холод казалось проник в каждую клеточку организма превратив его в мокрый кусок грязи. Не думаю, чтобы и остальным было лучше, однако никто не жаловался, все продолжали с завидным упорством выполнять приказы, за что я ещё раз мысленно поблагодарил

Леру. Ребята подобрались толковые, схватывавшие команды с полунамёка, что приятно удивляло, я ожидал много худшего. Застыв с разложенной трубой «Таволги» под рукой, готовый в любой момент вскочить, я застыл не сводя с циферблата часов взгляда, где последние секунды отсчитывали мгновения до назначенного времени «Ч». Перед выходом, мы синхронизировали часы, хотя всё это было в большей степени условностью — ни я ни Лера не могли знать точного времени, сигналы атомных московских часов замолчали кажется навсегда.

... 53 секунды — прожектор качнулся лево, столб синевато-белого

света прошёл ровно над головой, пальцы онемели стиснув трубу гранатомёта.... 55 секунд — холодные капли дождя струятся по лицу, скапливаясь в уголках глаз, стекают по заросшему щетиной подбородку и исчезают в выцветшей, а теперь совсем чёрной траве.... 59 секунд и холм справа метрах в пятнадцати шевелится и скользя параллельно стволу мёртвой сосны на короткое мгновение замирает, его силуэт вытягивается в стороны, это Алекс уже ловит в прицел борт тягача.... 0 — яркая короткая зарница озаряет силуэт напарника и я уже машинально выполняю заложенные кажется целую вечность

назад движения: на плечо, совмещение с целью метки прицела... теперь пуск!..

Трассы наших с Алексом гранат в какой-то момент идут одна за другой, потом происходят сразу несколько взрывов слившихся в один. Следом гремят ещё несколько разрывов слева и справа в глубине лагеря и все огни там почти мгновенно гаснут, однако это уже не важно, поскольку всё перекрыл взрыв бочек с горючим, там нашла цель ракета Сергея. Вскинув ладонь к глазам, заслоняясь от непривычно яркого пламени пожара, я увидел, что в борту командно-штабной машины появилась аккуратная дырка с

небольшое яблоко величиной, а
сквозь закрытые бронешитками
смотровые иллюминаторы
пробивается белёсый дым. Видимо
активная защита всё же поймала
одну из наших гранат, но как и
задумывалось, не смогла справиться с
идушей следом. Зафиксировав
попадание я очнулся от хлопка по
плечу, Алекс что-то говорил, но за
гулом стоявшим в ушах я ничего не
слышал, поняв лишь жест напарника,
который говорил — «уходим».
Пригнувшись мы уже не слишком
скрываясь двинули на север, чтобы
снова войти в Шишковичи с этой
стороны, поскольку всё южное
направление было плотно

перекрыто. Неожиданно легко стало бежать, словно и не было этих долгих мыканий по лесам и беспокойных дней наполненных бесконечной чередой смертей. В какое-то мгновение до меня дошло, что лёгкость эта, пришла от того, что меня тащат подхватив под руки Сергей и Ирина. Плечо девушки оказалось удивительно твёрдым, а хватка рук сильной и уверенной. Веня бежал чуть впереди, его отрывистое дыхание напоминало всхлипы дырявых мехом аккордеона, такие же протяжные и тоскливые. Ему «трубы» не досталось, по моему наказу он негласно берёт Ирину, хотя та вроде как обиделась, но это было

единственное, чем я мог облегчить свою совесть. Война это не женское дело, они слишком страстно отдаются ей, вырастают в военный быт глубже мужчин. С этим никогда не могу смириться. Не выходит совместить красоту и смерть в одно понятие. Позади, слышался только шум пожара и отдалённый шум вертолётных винтов — янкесам шла подмога. Придя в себя, я высвободился из крепких объятий товарищей и почти сразу смог бежать наравне со всеми. Так поддерживая того, кто казался наиболее ослабевшим, мы прошли почти сорок километров на север, в сторону авиабазы. Казалось, этот проклятый

клочок земли и я навечно связаны и если один отдаляется, то другой так или иначе находит способ снова сойтись вместе. На рассвете я скомандовал привал и мы не чинясь повалились на сырую от росы и прошедшего дождя траву. Оглядев своих новых друзей я увидел грязные, запятнанные кровью и измазанные чадной копотью фигуры, лежащие на мокрой, серой совершенно лишённой цвета траве. Скорее всего нас ищут и может быть в этот самый момент идут по следу, может быть даже через час или два амеры смогут загнать нас как диких зверей или не чинясь обрушат с небес грады воющей огненной смерти, стерев каждую

молекулу наших тел. Нас уже может быть нет, не должно быть вообще, согласно формулам новой военной стратегии нас просто не приняли в расчёт. Ошибка как и всегда в истории нашей многострадальной Родины будет стоить захватчикам их жизни, их собственной земли. Так повелось издревле: можно убить многих, но нельзя покорить или уничтожить всех. Поднеся дрожащую руку к глазам отгибаю край куртки и смотрю на циферблат часов: семь часов после начала акции... Лера и остальные должны уже быть в безопасности. И нам пора выдвигаться, снова испытать военное счастье. Оперевшись на автомат, я

поднялся сначала на колени, потом встал в полный рост. Следом встали и не подававшие признаков жизни усталые и измождённые бойцы новой, ещё невиданной войны, которую умные стратеги захватчиков почему-то называют «ассиметричной».

— В колонну по одному — становись! — Голос мой даже не хрипит, говорю на севших связках, почти шёпотом но все понимают — Алекс, ты в «голову», я замыкаю. Направление северо-северо запад, ориентир — высота 3412, дистанция пять метров. Марш!

... Мы идём тихо, скрадывая звук шагов, стремясь раствориться в

серых вечерних сумерках как это делали наши деды и прадеды. Предстоит много пройти и ещё больше придётся вынести и пережить, поскольку у всех нас как опять же повелось только одна Победа, одна на всех и за неё мы уже выразили готовность заплатить самую высокую цену.

Главный противник

...Война точно бой
гладиаторов в цирке,
Кровь смочит песок и
теперь, как тогда.
Кого тянет в сети кровавый
и прыткий?
Чья гибель коварством и
злостью горда?..

*Мишель Де
Нотрдам
(Нострадамус)*

Россия. 15 сентября 2011 года.
Юго-западный участок Центрально-

сибирской оккупационной зоны. 164 км севернее предместий г. Кемерово. Авиабазы ВВС США «Нью–Нортвуд», 07.05 по местному времени. Лейтенант Зак «Фрости» МакАдамс, командир отряда SOCOM «Варлок». Срочный вызов, сомнения и воспоминания.

...Лицо Кори осунулось, под глазами залегли тёмные тени от недосыпания: маленький Адам не давал ей покоя, что поделаешь — когда режутся зубки, матери покоя не видать. Связь была отличной, картинка на маленьком мониторе ноутбука не дрожала, и я жадно впитывал каждую чёрточку лица жены, которое казалось ещё

прекраснее, чем восемь лет назад, в тот день, когда мы познакомились на свадьбе её младшего брата Майкла. Чёрт возьми, прорва времени пронеслась как один день, а словно вчера это было. Она за что-то отчитывала распорядителя – юркого манерного паренька в дорогом синем костюме-тройке, лаковых туфлях, с деланным французским акцентом. Волосы распорядителя были чем-то смазаны и размётаны по маленькой голове, словно там взорвалась петарда. Кори резко отчитывала этого мужчинку, стиснув в руке программку с номерами столов, она даже раз или два в раздражении топнула ногой. В памяти остались

белые, с открытым носком туфли на высоченных «шпильках», загорелые стройные ноги и кремово-белое платье со скромным вырезом и открытыми плечами. Резко повернувшись спиной к человечку в блестящем костюме, она, бормоча нечто сердитое, пошла мне навстречу и, сделав три шага, оступилась на ровном месте. Помню тепло её тела и дразнящий цветочный запах духов, когда Кори оказалась у меня в объятиях. Тогда мы с Майклом только-только вернулись из Басры, где налаживали контакты с местными сочувствующими Коалиции племенными вождями. Жара и пыль так резко

контрастировали с дождливой погодой и минусовой температурой тут, в Анкоридже, что я даже слегка приболел...

— Оп! Держу вас! Осторожней, мэм!

— Спасибо... Зак, верно? Майкл мне много про вас рассказывал. Вы вместе воевали с террористами, а ещё — вы его командир.

Её карие глаза на загорелом лице с усыпанным конопушками, слегка вздёрнутым носом и чуть приподнятыми, словно в удивлении бровями, да еще, пожалуй, глубокий грудной голос сразу же выбили меня из седла, так сказать. Отпустив девушку, я, немного смущаясь, только

и мог промямлить в ответ нечто глупое.

– Майк наверняка опять что-то приврал, мы всё время занимались переговорами с тамошними шейхами, я и стрелял-то только раз или два...

Лёгкая тень на секунду стёрла с лица девушки всё веселье, но она быстро взяла себя в руки и, протянув мне узкую ладошку, с приязнью посмотрела прямо и открыто:

– Майкл всегда говорит о вас с уважением. Я долго упрашивала его познакомить меня со знаменитым Закари МакАдамсом – грозой этих ужасных иракских террористов. Пойдёмте, я покажу столик, за

которым мы будем сидеть вместе. Майкл и Рэйчел будут совсем рядом, ну не бойтесь, лейтенант, я не кусаюсь!..

Мы поженились через год, а ещё через полтора у нас родилась Сэнди, которая теперь так похожа на мать. И вот теперь – Адам, сын. Это так непривычно, но каждый привет из дома наполняет меня неопишуемой гордостью. Если бы не служба... если бы не эта непонятная война. Придвинувшись к монитору, жена с тревогой ждёт, что я скажу. Оно и понятно: рождения сына я не видел, нас сорвали по тревоге и с тех пор вот уже пять месяцев я безотрывно разъезжаю по России. Кори всегда с

пониманием относилась к тому, что часто не знала, куда отправился её муж на этот раз. Но с рождением сына она всё болезненнее переносит разлуку, в каждой её фразе, вне зависимости от содержания, я слышу один и тот же подтекст: «Когда ты вернёшься?». Даже после того, как четыре месяца назад нам увеличили денежное содержание и бонусы составили вчетверо против того, что я получал в Ираке и чуть раньше в Афганистане, тревожиться жена не перестала.

— Зак, папа зовёт нас к себе. Предлагает мне пожить с ним и мамой до Рождества.

Отец Кори — владелец сети

минимаркетов, почти монополист у себя в округе. Мы нормально общались, но чувствовалось, что выбор дочери он не одобрял, хотя ни слова упрёка я от него ни разу не слышал. Склонный к полноте, он всегда напоминал мне ворчливого гнома из мультфильма про Белоснежку. Вот и сейчас Альберт Барнс спешил увезти любимую дочурку подальше от странного зятя, которого, как я догадываюсь, он немного побаивался из-за его непонятной профессии.

— Детка, — я позволяю себе ободряюще улыбнуться, — тогда мы даже перезваниваться не сможем. Ты же знаешь правила: связь только

через радиоузел базы, а письма сюда идут довольно долго.

— Знаю, я сама не очень-то хочу ехать. — Жена оглянулась куда-то влево, потом снова с облегчением перевела взгляд на экран ноутбука. — Но мама поможет присмотреть за Адамом, а Сэнди наконец-то оторвётся от этой странной Морин Стокс. Все эти чёрные одежды и агрессивная музыка... Зак, поездка может пойти нам на пользу. Хорошо ещё, что наша дочь пошла характером в тебя и не ходит хвостом за другими. Я буду скучать, Сэнди просила передать, что тоже очень соскучилась по тебе и дяде Майклу. Как там мой непутёвый братец?

Рэйчел жалуется, что он ей совсем не звонит.

Майкл уволился, как только началась война, и нанялся на службу к частным подрядчикам. Его уговорил какой-то приятель, оставшийся ещё со школьных времён, соблазнив жирным окладом, который нам, в армии дяди Сэма, даже не снился. Мне стыдно было говорить жене, что её брат стал карателем и получает деньги за то, что травит газом местных крестьян и беженцев прячущихся в лесах. Все они: «Марсден и Ко», «Юнайтед Секьюрити» и «Блэкстоун» – словно свора голодных шакалов, шли вслед за армией, подбирая трофеи, не

гнушаясь даже товарами из сельских магазинов. В странах бывшего Варшавского договора и республик Советов скауты контракторов вербовали всякую мразь, готовую за лишний грош передавить голыми руками всю собственную родню, не говоря уже про каких-то русских. Тем более, что наёмники из Польши, Венгрии, Литвы и Чехословакии ненавидели их особенно люто, как бывший раб своего потерявшего силу и лишённого способности дать сдачи господина. Майкл стал заниматься тем, чему я его так долго учил: натаскивал головорезов «Блэкстоун» на поиск и уничтожение любого, кого можно назвать террористом. Другое

дело, что чаще всего это были беженцы, либо непонятного вида люди с гладкоствольным оружием, прячущиеся в пригородных лесопосадках иногда целыми комьюнити по две—три семьи, — они попадались в сети чистильщиков одними из первых. Наёмники пользовались нашими картами и специально разработанными наставлениями по контрпартизанской борьбе. После развала Союза был запущен план, согласно которому некоторые идеи подспудно внедрялись в сознание людей на постсоветском пространстве. С целью посеять межнациональную и религиозную

рознѣ ЦРУ финансировало националистов и религиозных сектантов. Программа называлась «Данайские дары», в её рамках среди населения в странах вероятного противника наряду с религиозной и экстремистской литературой распространялись и различные пособия по выживанию. В последние намеренно встраивались схемы опосредованного поиска, могущие облегчить обнаружение и уничтожение тех, кто решит оказать организованное сопротивление в случае вторжения. Главной мыслью подспудно проводилась идея индивидуализма, высмеивались идеи товарищества и взаимопомощи,

поскольку мелкие группы, враждующие друг с другом, легче найти и уничтожить поочерёдно. Брат жены в этом преуспел, тренированные им команды охотников успешно работали по всему району Средней полосы России. Сам же он сейчас, по слухам, где-то в Средней Азии, помогает местным князькам уничтожать оставшихся там русских военных. После того, как два месяца назад я узнал правду, мы с Майком поспорили и потом подрались. Но позднее пришли к соглашению, по которому я молчу о том, что знаю о его новой работе, а он держится от меня так далеко, как может. Рэйчел

всегда была практичнее, чем моя жена, возможно, ей вообще плевать, как её муж зарабатывает на жизнь. Майк был отличным бойцом, только годы, проведённые в университетской футбольной команде, сделали его излишне самоуверенным. Однако я не думал, что женитьба на амбициозной и, на мой вкус, слишком расчетливой Рэйчел сделает из моего лучшего ученика обычного мясника, забывшего, что такое долг солдата. И вот с тех пор мы с братом Кори не разговариваем. Да, я никогда не смогу пожать руку тому, кто перестал быть воином, забыл о чести защитника Родины.

— Я давно не видел Майка, родная. Через приятелей передам ему твой нагоняй, ты же знаешь, как он любит тебя и своих племянницу и племянника.

В комнату заглянул сержант-майор Иверс и виновато-просительно стал жестикулировать руками, помогая даже своему шоколадному лицу складываться в довольно смешные гримасы. Видимо, полковник Трентон — комиссар особой зоны «Нортвуд» — уже изволит гневаться по поводу моего отсутствия. Кори, видимо, что-то уловила в моём изменившемся выражении лица, потому что со вздохом махнула рукой и грустно

улыбнулась:

— Ладно, идите и спасайте Америку от террористов, лейтенант МакАдамс. Мы с вашими детьми будем надоедать вам звонками время от времени и... я люблю тебя, Зак!

— Я тебя больше, гораздо больше, родная. — Сухой комок встал у меня в горле, глаза предательски защипало. — Мне вас всех очень сильно не хватает...

Монитор моргнул, и окошко, в котором секунду назад была печальная Кори, стал серым — мои десять минут истекли. Чёртова война! Как же сильно я скучаю по дому. А ведь как всё легко начиналось: заброска в район

Светлогорска прошла словно по учебнику, части особого района остались без единственного крупного арсенала и основного топливохранилища ровно за шесть часов до начала вторжения. Все войска и флот калининградского анклава лишились девяноста процентов боеприпасов и сорока процентов топливных ресурсов. Группы «морских котиков» высадились со стороны Светлогорска и под селом Донское сработали тоже чисто, захватив штаб группировки РЭБ и заглублённый командный пункт в районе местечка Красноторовка. Не знаю точно, кто вывел из строя дивизион мобильных

береговых батарей на севере, но высадка передовых частей второй ударной группы войск Альянса – «Северо–запад» прошла без единого выстрела. Русские совершенно не ожидали нападения, даже в расположении отдельного полка РВСН только у трёх офицеров хватило реакции оказать нам сопротивление. Боя с охраной тоже не получилось – часовые оказались не готовы к тому, что их пришли убивать. Вся караульная смена оказалась перебита в течение пяти минут. За каких–то полчаса командование полка и две трети пусковых комплексов были надёжно выведены из строя, а остальные

накрыло ракетным ударом с базирующихся в литовской Клайпеде эсминцев НАТО. Мы шли впереди наступающих войск, резали только кабели спецсвязи, оставляя нетронутыми гражданские ретрансляторы сотовых компаний — их трогать было запрещено. Ещё несколько серьёзных стычек случилось в местечке под странным названием Ладушкин^[50], но там оперативно сработала группа тактической поддержки, и русских накрыли сразу с моря и с воздуха. По нашим данным, часть расквартированных тут частей войск охраны и обеспечения попала под сокращение и, может быть, поэтому

организованного сопротивления не оказали. Хотя тут же пошёл счёт первых потерь: мангруппа сержанта Деверо попала в засаду во время зачистки территорий, прилегающих к акватории калининградского порта, и была полностью уничтожена, так же, как и пришедший им на помощь взвод лёгкой пехоты из четвёртой бригады «Страйкер», находившейся в числе наступающих частей первого эшелона ударной группировки «Северо–запад». По разрозненным данным космической и воздушной разведки, нам противостояли части разгромленной Второй бригады СпН^[51] и около сотни моряков с военных русских кораблей, не

успевших выйти из порта на большую воду. С боями они отступили и ушли в сторону эстонской границы, откуда им удалось прорваться к Петербургу. К сожалению, с собой они увели часть, на вооружении которой стояли уже довольно устаревшие дальнобойные артустановки безбашенного типа. Несмотря на все наши усилия, русские ценой собственных жизней задержали наступавших им на пятки ребят из Второй мотопехотной роты той же Четвёртой бригады, дополнительно усиленной тяжёлыми танками из частей оперативного резерва[\[52\]](#). Тогда моей группе не удалось встретиться в бою с

русскими коллегами, о чём я сожалел первые двое суток с начала вторжения. Но всё скоро изменилось. Теперь я с тревогой думаю: когда же всё стало катиться в тартарары? Может быть, это случилось уже под Выборгом, когда я увидел «зачищенные» новыми соратниками брата жены обычные кемпинги и пригородные посёлки? Но, может быть, понимание какой-то неправильности происходящего пришло ещё тогда, в порту? Мы отправляли останки Деверо и его парней в Германию, я, как начальник оперативной группы, заполнял посмертные списки. Нет, потери на войне — это нормально. Как бы дико

это ни звучало для штатских, но смерть товарищей хоть и тяжела, но ты знаешь, что произойти может всякое, и на их месте можешь оказаться сам. Такова наша работа, главное знать, что всё это ради страны... короче, не напрасно и не зря. Но вот именно в Выборге пришла нотка сомнения, всё чаще беспокойно зудя, она как назойливая муха постоянно лезет в мысли, мешает сосредоточиться. А под Выборгом мы застряли на долгие два месяца, выкуривая упрямых русских из городской канализации и оплавленных развалин. Дрались они неплохо, но многие оказались фактически безоружными, поэтому

часто мы просто расставляли мины-ловушки и пускали слезоточивый газ. Впрочем, иногда потери были неожиданно велики: противник всего два раза пытался сдаться в плен. Скрепя сердце приходилось убивать всех без исключения. Этого я до сих пор не понимаю, но приказ есть приказ. Хотя приходилось разбирать случаи, когда бойцы отказывались расстреливать пленных. Оно и понятно, горожане, это просто гражданские — раненые и контуженные в страшных язвах ожогов после обработки города новыми боеприпасами на основе смесей, по действию похожих на напалм. Я наблюдал такой обстрел на

тактическом дисплее «Брэдли», приданной нам на время операции: облако ярко-рыжего огня накрывало огромное пространство в десятке километров впереди. Сплошная стена огня держалась минут тридцать, пока, словно по мановению волшебной палочки, в считанные мгновения не сходила на нет. Сплавленная в стеклянную корку земля и серый пепел – вот и всё, что оставляли после себя новые боеприпасы, прозванные «Плащ Сатаны». Однако человек – очень живучая тварь, всё чаще в тылу стихийно возникали очаги сопротивления, из руин выползали полумёртвые русские и старались

дотянуться до нас хотя бы зубами. Потом было поражение под Волоколамском, где остаткам русских частей удалось организовать оборону на подступах и в самом городе. Помогло то, что у русских не оказалось ни одного самолёта, но зато они сумели из остатков разбитых частей ПВО создать сводное подразделение, почти две недели сдерживавшее попытки тактических ударных авиагрупп прорваться к позициям сухопутных войск противника. Запомнились отчаянные рейды группы русских танков с позывным «Волга-53». Русские буквально за сутки нарушили порядки наступающей

бригады полковника Кэйли, чьи легкобронированные «страйкеры» не смогли ничего противопоставить юрким Т-85. Помогло только наличие штурмовых вертолётов и слаженная работа приданного артдивизиона тяжёлых гаубиц – от «вертушек» русские танки не смогли защититься, и вертолётов у них оказалось всего три или четыре звена. Они тоже яростно атаковали где только возможно, однако у них не было достаточно боеприпасов и, главное, горючего. Вплоть до Урала всё шло неплохо: большинство стационарных пусковых установок было уничтожено в первые двое суток после вторжения, мобильные

комплексы частью успели произвести пуски, частью также уничтожены превентивно. Поэтому по прямой специальности поработать всё не удавалось. Нужно отдать стратегам в Вашингтоне должное – время для нападения было выбрано крайне удачно. Документы, захваченные в ходе боёв, свидетельствовали о том, что большинство частей находилось на стадии переформирования, а в ракетных войсках часто наблюдалось прямое нарушение инструкций. По разным оценкам, не менее чем с тридцати процентов ракет оказались сняты блоки наведения, часто отсутствовало должное сервисное

обслуживание комплексов. Но, откровенно говоря, это русским не сильно бы помогло: в то время как они только начинали восстанавливать свой ядерный потенциал и налаживали почти с нуля систему прикрытия позиционных районов системами ПВО, Коалиция уже находилась на пике готовности. С помощью мобильных ракетных установок, под предлогом учений подтянутых к самым границам России, удалось в считанные часы расколоть её основательно проржавевший «ядерный щит». Удары следовали одновременно со всех сторон: воздух, суша и море обрушили на ничего так

и не понявших русских море огня. Однако ни одной ядерной боеголовки мы не применили, только обычное, «чистое» оружие. В попытке отомстить русские смогли выпустить порядка двенадцати ядерных ракет, однако из-за того, что боеголовок с разделяющимися частями на них не оказалось, вред смогли нанести только две из них. Одна обратила в руины город Хьюстон, другая уничтожила запасное правительственное убежище в районе Великих озёр. Потери действительно были велики, однако восемьдесят больших и малых городов на юге, в центральной России и на северо-западе оказались

стёрты с лица земли. В первые две недели два из четырёх округов стратегического командования — Западный и Центральный — перестали существовать. Дальше всё пошло не так гладко, русских спасли их огромные расстояния. Восточный и Южный округа существовали только на бумаге, поэтому силы вторжения лишь частично достигли поставленных перед ними задачи. Однако часть флота и основные военные базы в Северодвинске и Владивостоке оказались уничтожены. Войска русских удалось рассечь на три части, но полностью уничтожить или дезорганизовать их не вышло. Остатки 37-й воздушной

армии верховного командования составляющей стратегический резерв, часть инфраструктуры космических войск и некоторые ракетные части русские удержали. Помогло неожиданное молчаливое невмешательство Китая, которое в Вашингтоне никто не смог просчитать: китайцы придвинули к своим границам войска, но от аннексии русских территорий отказались. Также они закрыли границу с Россией, не пуская к себе беженцев. Несмотря на давление со стороны денежных и промышленных «тузов» с Уолл–Стрит, китайцы не разрешили силам Коалиции использовать свою морскую

сорокамильную зону для блокады Сахалина, и тем более воздушное пространство. Я не стратег, но сейчас совершенно очевидно, почему Китай остался в стороне. Хитрые азиаты посчитали, что лучше не ввязываться в бой с остатками русских войск, бросив силы, прикрывающие страну с юго-востока и тем самым открываясь для возможной агрессии наших союзников. Самураи непременно воспользовались бы ситуацией и попытались бы аннексировать Маньчжурию. Самое поганое, что, как союзники, мы вынуждены будем их поддержать, чтобы по-прежнему пользоваться инфраструктурой на той же Окинаве.

Частично я оказался прав, японцы без согласования с нами в первый же день попытались вторгнуться для начала на Сахалин, но крепко получили по зубам. Ядро их авианосного соединения, гордость сил самообороны, лёгкий авианосец «Хайюга»^[53] был потоплен непонятно как появившимся на острове дивизионом береговых мобильных ракетных установок «Редут»^[54]. А десант, высадившийся в Корсакове, через три часа после начала вторжения был сброшен русскими морскими пехотинцами обратно в море. Неудачной оказалась и попытка японских парашютистов после длительного обстрела

высадиться на спорных островах Южных Курил: русские взорвали спорные острова заложенными там, видимо, совсем недавно малыми ядерными фугасами. Все высадившиеся на острова десантники просто испарились. Затонули и корабли поддержки, торпедированные скорее всего теми же русскими. Оба острова – Хабамаи и Шикотан – стали весело «фонить», вопрос «спорных территорий» решился сам собой. После этого японцы вообще перестали выходить в море самостоятельно, ограничившись блокадой Сахалина. Поняв, что русские могут применить ядерное оружие, командующий

соединением кораблей Коалиции контр-адмирал Хансен приказал на Сахалин пока не соваться. Директива Пентагона была ясна и однозначна: только обычное оружие и недопущение применения «ядерной дубины» противником. Однако бои в районе Видяево и под Уссурийском складывались тяжело, перерасход новых боеприпасов превысил разрядку в два, а местами в четыре раза. Через две недели на Окинаву прибудет транспортный конвой, а до тех пор корабли и подлодки коалиционных сил окружили непокорный остров плотным тройным кольцом...

— Так я могу рассчитывать на

перевод в Дармштадт, сэр? А то Кейти совсем замордовала в письмах, я молчу уже про эти долбанные сеансы связи, на бумаге ей-ей безопаснее.

За размышлениями я совсем забыл про своего заместителя. Иверс шёл слева, отставая на полшага, и в который уже раз полоскал мне мозги по поводу своей старшей дочери, которая работала в финчасти базы ВВС, но в безопасной Германии. Барнаби Иверс с самого начала вторжения в Россию просил о переводе. Понять его можно: в армии он почти сорок лет, три ранения и куча застарелых болячек. Есть такая болезнь у ломовых лошадей — нечто

вроде нарколепсии: конь начинает засыпать на ходу, пока в один прекрасный день не умирает под упряжью. Это всё потому, что лошадь не умеет говорить и тем более строчить рапорты о переводе. Замены Иверсу у меня пока не было, да и, если совсем откровенно, лучшего квартирмейстера я за все пятнадцать лет службы в первом разведбате родной 525-й не помню^[55]. Старик брал меня измором, но ни разу не обратился с рапортом через мою голову, за что я его ещё больше ценю. Гравий мелко хрустел под подошвами.

Мы миновали вторую линию КПШ, отделявшего типовые

одноэтажные домики строений штаба шестой оперативной бригады «Страйкер» от собственно офиса комиссариата сектора «Нортвуд». Длинное, прямоугольное строение казённого белого цвета, с крытой коричневой металлочерепицей крышей, вмещало весь аппарат комиссара и его личный кабинет. Полковник Трентон был довольно общительным человеком, я несколько раз встречался с ним во время приёмов в нашем представительстве в Брюсселе. Тогда он держался просто, не чинясь, говорил откровенно, без традиционного тяжеловесного апломба чинуш его ранга, чем,

собственно, и вызвал мою искреннюю симпатию. Внешне он напоминал усталого слона с постоянно моргающими слезящимися глазами и морщинистой, в глубоких складках, кожей. Ростом Трентон был под стать присвоенному ему тотему: два метра ростом, мощный торс бывшего боксёра—тяжеловеса, зычный голос и неистребимый акцент жителя Южного Бронкса. За глаза все подчинённые, от офицеров до рядовых, уважительно звали Трентона просто «Дядюшка Тэдди». И было за что: ни разу Тэд Трентон не подставил подчинённых под удар, часто из личного жалования помогал

семьям погибших, пробивал страховые премии и стипендии для детей и близких родственников своих солдат и офицеров. Это было редкостью, поэтому служить под началом Дядюшки Тэда было не только почётно, но и престижно: при переводе или выходе в отставку служба под началом Трентона автоматически означала приём на службу без собеседования.

— Хорошо, Барни, давай разделаемся с нашей нынешней проблемой, и я похлопочу перед Дядюшкой о переводе в Германию, даю тебе слово. Такой вариант устроит?

Совсем уж было решивший, что

я его не слушаю, Иверс мотнул шишковатой головой, от чего его стриженная под бобрик курчавая шевелюра даже сверкнула, отразив скупой рассеянный свет пасмурного утра. Сверкнув широкой улыбкой, в которой проглядывала старомодная сталь протезов, сержант удовлетворённо крикнул, и мы, предъявив карточки допуска, попали в приёмную Трентона, где нас встретил сухим кивком усталый секретарь полковника – бледнокожий и вечно сосредоточенный на экранах трёх настольных мониторов капитан Лиман. Указав нам с на пластиковую, под цвет морёного дуба, дверь кабинета полковника, он

неожиданно сильным баритоном, слегка растягивая слова, пригласил нас проходить:

— Лейтенант МакАдамс, сержант-майор Иверс, комиссар ждёт вас, проходите.

Кабинет представлял собой вытянутую, словно пенал, каморку, забитую офисными шкафами, в каких хранят личные и бухгалтерские файлы. Остаток пространства вытеснял массивный письменный стол, где, как всегда, царил образцовый порядок. На зелёном сукне столешницы стояли старинные настольные часы в форме миниатюрной статуи солдат, водружающих американский флаг на

Иводзиме. Ровными рядами на столе лежали папки с документами, а на стене висела испещрённая личными пометками Трентона подробная карта Сибири. Полковник склонился над какой-то компьютерной распечаткой, которую он уже успел исчеркать острым грифельным карандашом. Комиссар не жаловал компьютеры, для чего и держал вот уже двадцать с лишним лет молчаливого и исполнительного зануду Лимана. Увидев, что мы вошли, Трентон поднял голову, и в его маленьких голубых глазках мелькнуло облегчение. Жестом указав нам на пару металлических раскладных стульев напротив стола,

он привстал и крепко потрянул мне и Иверсу руки, игнорируя уставной рапорт, который я попытался отдать:

— Зак, Барни, я рад что именно вы прибыли в ответ на моё представление в штаб корпуса. Лучшей помощи они не могли мне оказать, учитывая непростую ситуацию на фронтах...

— Фронтах, сэр? — Я был крайне удивлён, поэтому бестактно перебил полковника. — Ещё вчера русские были окружены и не выступали единым фронтом... даже одним.

— А, совсем забыл, что вас трое суток мурыжили на перевалочных базах и последних новостей вы не знаете. Джентльмены, по последним

данным, русские готовят полномасштабную войсковую операцию, цель которой очевидна: они хотят прорвать блокаду своей Северо–Западной группы, наших Второго и Четвёртого ударных корпусов на линии Екатеринбург – Тюмень и выйти к Новосибирску, где им навстречу ударят три войсковых соединения русских из состава так называемой Юго–Восточной освободительной армии. Силами до двух полноценных мотострелковых полков и одной танковой бригады они выходят в районы сосредоточения на линии Горно–Алтайск – Абакан – Красноярск. Точные сроки пока не известны,

поэтому мы и форсировали строительство этой базы и ещё двух в Омске и Оренбурге.

— По-вашему, угроза соединения русских окружённых частей реальна? Ведь у них мало солдат и почти нет боеприпасов. Плюс мы господствуем в воздухе...

— Зак, — Трентон досадливо поморщился, — будь моя воля, я бы стёр русских тремя ядерными залпами и вообще вывел бы наших парней отсюда. Но все мы имеем начальство, и те, на кого мы с тобой работаем, решили заполучить незаражённую землю и сотни кубов сибирских лесов. Ты слышал, что стало с генералом Пауэллом

после того, как он проворонил русские гаубицы с ядерными боеприпасами под Петербургом?

– Трибунал, сэр. Шестая бригада «Страйкер» уничтожена полностью, Выборг и окрестности сейчас – это радиоактивная пустыня. Русские выслали корректировщиков в районы сосредоточения наступающих сил, те вызвали огонь на себя. И поскольку мы глушили их обычные частоты, русские использовали открытый канал связи, они говорили открытым текстом. Мужественный поступок, но мы всё равно возьмём Петербург, это вопрос двух–трёх дней, не больше. Европейцам сильно досталось: прибалты, Франция,

Польша и Германия получили свою долю радиоактивных осадков. Я слышал, был международный скандал и дошло до того, что французы даже пригрозили выходом из Коалиции.

Полковник утвердительно кивнул и, неожиданно хлопнув по столу раскрытой ладонью правой руки, возвысил и без того не тихий голос, отчего узкое пространство кабинета загудело:

— Верно, лейтенант! Проклятые трусы опять дают задний ход, мы тянем этих дармоедов уже третью войну. Однако без их ресурсов и инфраструктуры действия всей армии вторжения обречены.

Ситуация очень непростая, господа. Обстоятельства складываются не в нашу пользу, поскольку завершить разгром двух самых опасных группировок русских нужно до наступления холодов. А тут ещё этот непонятный инцидент с базой трофейщиков. Я уже боюсь заикаться про разгром конвоя с боеприпасами. Контракторы воют, спустили на меня всех собак в штабе армии. Вдобавок у меня на шее сидит сенатор Граймс и его ручной подкомитет Конгресса по расследованию военных злоупотреблений. Они думают, что я вместе с военными контракторами продаю трофейное имущество в Таиланд, откуда оно попадает чуть

ли не в Мексику! В партизан они не верят, потому что новый министр обороны Кейнс, со своими хитрыми компьютерными презентациями, отснятыми в Голливуде на деньги налогоплательщиков, убедил всю Америку и, само собой, президента Оруэлла в эффективности ассиметричных ударов. Я сам видел, как эта черно... простите Иверс, но я не имел ввиду всех афроамериканцев, эта сволочь Кейнс меня совершенно выводит из себя!

– Ничего, мистер Трентон, сэр, – Иверс совершенно искренне махнул рукой в знак того, что не обиделся. – Я сам не в восторге от тех сказок, которые адмирал Кейнс плетёт

президенту.

— Так вот, — голос Дядюшки Тэдди зазвучал тише, полковник снова сел и откинулся на спинку кресла с резной высокой спинкой, — вы и ваши парни, Зак, покончите с теми, кого полковнику Карверу и его недотёпам из Третьей бригады «Страйкер» не удалось уничтожить. Этот старый задавака положил целый взвод тактической разведки на подступах к лагерю русских. Более того, он и сам едва не погиб: русские поджарили двух его заместителей и в придачу четверых офицеров связи в штабной машине...

— Я слышал, что диверсанты пробрались сквозь заслоны почти к

самому штабу бригады. Это так, сэр?

— Да, к сожалению. — Красное от загара лицо полковника стало бледным, голубые глазки под набрякшими веками недобро сверкнули. — Чистая работа, ни одного тела найти не удалось, и загонщики, оставшись без связи, упустили и диверсантов, и основной отряд русских. Судя по всему, партизанами руководит кто-то очень опытный, может быть, мы имеем дело с остатками тех диверсионных групп, что забрасывались для разведки подходов к авиабазе месяц назад.

— Думаю, они не ушли далеко, скорее всего у них есть база в горах,

её следует разыскать, сэр.

Трентон встал из-за стола и, выхватив жёлтый карандаш из-за левого уха, подошёл к карте. Остро заточенное грифельное жало упёрлось в изображение горного рельефа:

— Это проще сказать, чем сделать: там куча непроходимых ущелий и, что ещё хуже, под этим плоскогорьем, согласно данным георазведки, разветвлённая сеть пещер, целые подземные реки. Их можно ловить там годами и, в лучшем случае, уничтожить обитающих в пещерах летучих мышей. Нет, нужно брать русских, когда они выползут, и вот это—то и

станет твоей основной задачей, Зак. Но есть пара неприятных моментов, прости, что говорю это в последний момент, я и сам узнал только час назад и...

Дверь в кабинет негромко хлопнула, и на пороге появился человек в полевой форме неуставного образца. Поверхность куртки и штанов мерцала, пока не подстроилась под полумрак и бело-коричнево-серую гамму кабинета. Это был адаптивный нанокамуфляж, армия от него отказалась из-за дороговизны, однако частные охранные фирмы закупали его большими партиями для своих элитных отрядов. Скауты наёмников

не жалели денег, чтобы заполучить в свои ряды лучших армейских специалистов, предлагая им такие деньги, что генералам впору наниматься к такому счастливчику в дворецкие. «Разгрузка» незнакомца состояла из двух рядов подсумков по бокам, удобно наклонённых вверх под углом — так на порядок сокращается время, нужное для перезарядки винтовки или пистолета. На левом рукаве матово бликовал тактический боевой компьютер. Эта хитрая штука имела видимую только в инфракрасном диапазоне виртуальную клавиатуру. Её экран выводит изображение в небольшой, размером со стекло

очков, экран прямо перед левым глазом владельца. Незнакомец снял лёгкий шлем, оставшись, однако, со сбруей, удерживающей экран на его голове прямо перед левым глазом. В руках наемник держал короткий штурмовой автомат «ремингтон», под новый специальный шестимиллиметровый патрон^[56]. В отличие от наших штатных SCAR^[57], эти новые, более лёгкие «пушки» били дальше и точнее. В разведке главное – мобильность и вес оружия. В среднем я мог утащить на себе десяток снаряженных магазинов к автомату и шесть пистолетных, а этот пижон вполне сможет нести на треть больше без увеличения веса.

При этом эффективность огня у него выше, а вспышки и звука даже без глушителя почти нет. Чёрт, неудобно, право слово. В гнезде «разгрузки» слева, у плеча, приторочен небольшой передатчик, дальность работы которого перекрывала наши рабочие «болталки» раза в два. Небрежно кивнув полковнику, незнакомец вышел в круг света настольной лампы и приветливо улыбнулся. Мне показалось, что только изумление помешало дать наёмнику в зубы. Ничуть не смущаясь, этот наглец заговорил:

— Доброе утро, полковник. Извините за опоздание, погода нелётная, и ваши диспетчеры не

торопились дать нам высший приоритет при заходе на посадку. Мы болтались в воздухе лишних двадцать минут. Привет, родственничек, — наёмник притворно вежливо отсалютовал мне, приложив сложенную лодочкой правую руку к виску. — Давно не виделись, Зак.

— Зак, не кипятись, — повысил голос Трентон. — Господа, это Майкл Барнс, он начальник службы силового контроля компании «Блэкстоун Сауз» и, по совместительству, наш координатор от консорциума независимых подрядчиков «Октагон». Я имею чёткий приказ начальника штаба армии наладить взаимодействие с

группами службы безопасности «Блэкстоун Сауз». Лейтенант, надеюсь, проблем не будет?

Вот верно говорит поговорка: помяни дьявола, он тут как тут! Мне было почти физически больно, когда я процедил сквозь зубы:

— Так точно, сэр, никаких проблем.

Майк только ухмыльнулся и ещё раз отсалютовал. Полковник почувствовал напряжение между нами, глянув на часы, вмонтированные в статуэтку письменного прибора, снова поднялся и подошел к карте.

— Господа, согласно соглашению, взвод лейтенанта

МакАдамса берёт на себя сектора с двенадцатого по двадцать первый. Это районы, прилегающие непосредственно к авиабазе, а точнее, к двадцатимильной зоне перед секторами ответственности охранных частей. Вам же, мистер Барнс, достаётся зона с восьмого по одиннадцатый сектора – это район железнодорожного узла. Предгорья вы делите сами, это общие охотничьи угодья. Таблицы для связи и вызова поддержки вы оба получите у моего адъютанта – мистера Лимана. Есть вопросы, джентльмены?

– Только один, господин комиссар, – голос Майка звучал крайне самоуверенно, что меня ещё

больше раздражало. – Вам сообщили сроки, которые желательны директорату «Октагона»? Я получил только общие указания, а от сроков зависит, в том числе, и оплата наших услуг.

– Вы должны уложиться в две недели, – Трентон снова сел за стол и из-под опущенных белёсых ресниц сверлил Майка недобрым взглядом. – Иначе вас отзовут и операцию передадут армейским частям. Мне приказано сжечь всё вокруг базы дотла, и если ваши хвалёные коммандос обосрут, мис-с-стер Барнс...

Последние слова Дядюшка Тэд буквально выплюнул в сторону

потерявшего всякий пиетет к бывшему командиру наймита. Видимо, сейчас Трентон жалел о том, что Майк когда-то был одним из нас. Однако моего родственника тон полковника ничуть не смутил, он хохотнул и, согласно наклонив голову, весело произнёс:

— Мы уложимся в срок, господин полковник, это не первый крысиный выводок, который мне с ребятами придётся вышпарить из их норы.

— Всех благ, советник Барнс, не смею задерживать.

Майк чуть кивнул мне на прощание и, игнорируя исходящего ядом комиссара, вышел в приёмную, где сразу же пошёл к столу Лимана.

Махнув рукой, полковник отпустили нас, но когда мы с Иверсом уже выходили, Трентон задержал меня, снова пригласив к столу. Жестом дав заместителю приказ дожидаться в приёмной, я вновь прошёл в кабинет и сел на свой ещё не остывший стул. Сцепив красные, в белёсых волосках, пальцы в «замок», Дядюшка Тэд, постукивая образовавшейся конструкцией по потемневшей от времени столешнице, снова начал издавека:

— Зак, партизаны в лесах — наш шанс прищемить «Октагону» их длинный клюв. Но сейчас я прошу тебя помочь этой продажной сволочи Барнсу, как бы ни хотелось макнуть

его мордой в его же собственное дерьмо. Русские зашевелились тут не просто так: они будут пытаться если не уничтожить базу, то, по крайней мере, помешать нашим парням выполнять их работу в небе. Ты сходи, навести Роджера, пока его не отправили под Москву, он единственный видел этих странных русских... Поговори с ним, а потом вылови этих тварей и принеси мне их уши раньше, чем это сделает Барнс. Теперь ты подчиняешься только мне и докладываешь тоже лично мне в любое время суток. Я обеспечу твоих парней всем, что есть, и постараюсь достать всё, чего не хватает, но за это уж и ты води

себя соответственно. Мы поняли друг друга?

А ведь всё так хорошо начиналось. Опять внутренняя политическая возня и интриги будут в довесок к непонятным проблемам с таинственными русскими диверсантами. Драться с врагом и при этом постоянно оглядываться назад – это уже становится скверной традицией. Но никто не говорил, что будет легко. Я кивнул и поднялся на ноги:

– Да, сэр. Всё более чем понятно. Разрешите выполнять, сэр?

– Иди. Лиман отдаст тебе всё, что у нас есть по диверснтам, но обязательно поговори с Роджером,

чувствую, ему есть что рассказать. — Полковник, расцепив руки, с силой потёр ими лицо, от чего стал слышен скрип щетины о ладони. — Есть там куча странностей, думаю, твой родственничек их просто проигнорирует. Ну, иди—иди.

Я снова кивнул и, выйдя в приёмную, молча забрал у помощника Дядюшки Тэда плоскую коробочку блока данных. С некоторых пор всё было завязано на портативные планшеты ноутбуков, а карты стали выпускать на плоских гибких квадратных листах, тоже подключаемых к компьютеру. Такая карта автоматически обновлялась через специальный интерфейс, и

потом её сколько угодно можно носить с собой. Плюс никто кроме меня не сможет её прочитать, поскольку она реагирует только на мой код ДНК. Однако в поле я предпочитал брать обычные планшеты с бумажными картами: наученный горьким афганским опытом, не слишком доверяю электронике. По прибытии в отведённые нам под казарму два пустующих сейчас склада, придётся переносить данные с электронной карты на обычные. Но это уже привычка, заодно вникну в обстановку, подумаю, с чего начинать поиск. Иверса я отправил в казарму налаживать быт, а сам направился в

развёрнутый через два квартала
мобильный госпиталь, чтобы
повидать своего бывшего наставника
ещё со времён службы в форте Брэгг
Роджера Клиза, по прозвищу Кодьяк.
Роджер был самым лучшим мастером
охоты на людей, каких я только знал.
Службу он начинал ещё при
покойном Рейгане в девяностом году,
побывал в Африке, воевал в
Югославии и, само собой, мотался с
нами в Афганистан и Ирак. Однако
после поистине молниеносного
иранского блицкрига полгода назад
он пропал. О том, что он здесь, в
России, и тяжело ранен в стычке с
партизанами, я узнал три дня назад,
когда получил назначение в

«Нортвуд».

Идти оказалось чуть дальше, чем я рассчитывал, несколько раз приходилось обходить скопления рабочих, возводящих недостроенные ангары и какое-то длинное прямоугольное строение, похожее на полевую ремонтную мастерскую. Проходя мимо блока офицерских коттеджей, у одного из них я заметил ярко-жёлтый «хаммер». В памяти мелькнуло что-то знакомое, как будто приходилось слышать совсем недавно про эту машину и её владельца, а вернее, владелицу. Всё разъяснилось уже после того, как я вышел на аллею, ведущую к госпиталю. Сзади слышались

сварливые женские крики и я узнал голос: Кенди Восс, звезда экрана и певица, совершала турне по базам Альянса и, видимо, добралась и сюда. Но времени любоваться на заезжую знаменитость уже не было, поэтому я с сожалением вошёл в здание госпиталя и уже через пару минут сидел у кровати, на которой с трудом помещался Роджер, весь обмотанный бинтами, с выглядывавшим из-за повязки единственным целым голубым глазом. Подумать только: простреленное лёгкое, пуля возле сердца, а также сломанная челюсть и выбитый левый глаз. Роджера вовремя успели эвакуировать сюда.

Его напарнику – мастер–сержанту Перкинсу, по прозвищу Лягушонок, повезло меньше: русский, который покалечил Роджера, сумел переиграть лучшего во всём корпусе мастера ножевого боя и просто сломал Лягушонку шею. Клиз был в сознании и уже мог шёпотом говорить. Хотя кроме крепчайших ругательств я от него ничего пока не услышал. Наконец, спустя пару минут, чуть успокоившись, он сжал мою руку здоровой левой «клешнёй», и я смог начать расспросы:

– Здорово тебе досталось, брат. Выглядишь, как та мумия в комиксах, только очень упитанная и говорливая.

– Херня... – Роджер выплёвывал каждое слово и голос его дребезжал как плохо смазанная телега, но всё было вполне понятно. – Так это тебя прислали доделывать нашу с Лягушонком работу, да, Фрости?

– Как видишь, старый плут, ты опять откосил от работы. – Сохранять шутливый тон, глядя на изувеченное тело друга, было непросто. – Расскажи, как он тебя подловил?

Роджер замолчал на долгих пять минут, и когда я уже заворочался на неудобном стуле и осмотрел все углы палаты, куда поместили друга, он наконец заговорил, и услышанное с каждым словом мне всё больше и

больше не нравилось.

— Зак, мы с тобой бывали в разных местах, ты знаешь, брали и вонючих духов в Афганистане, гоняли «песчаных ниггеров» в долбанном Ираке, но тут я даже не знаю, с кем тебе предстоит иметь дело.

— Не понимаю тебя. Ты определил, кто это: русские коллеги, может быть, дилетанты, которые прячутся по лесам?

Роджер глубоко вздохнул и со свистом выпустил воздух, так, что показалось, будто свистит спущенный скат. Мой наставник был в тупике, а это уже ой как странно! Кодьяк знал повадки колумбийских

наркоторговцев, боснийских и югославских вояк, с русскими он тоже успел повоевать еще раньше, поэтому опыта и сноровки ему было не занимать. Но чтобы Роджер оказался в таком смятении, это плохой знак.

— Те, что напали на конвой, без всяких сомнений дилетанты: трофейное оружие, никакой выучки. Они быстро дрогнули и в какой-то момент готовы были отступить. Конвой вёл Джордж Сенье, он сейчас работает на «Блэкстоун». Ты его должен помнить, он был в Сомали, служил в «Дельте».

— Помню. — В памяти всплыл образ мрачного крепыша с

необычайно светлой кожей и пронзительными чёрными глазами. — Майор Сенье, вы работали вместе в Иране...

— Точно. — Роджер захрипел, голос стал ниже, и слова зазвучали менее отчётливо. — Так вот, его парни прижали русских. Он успел вызвать вертушки и оперативную группу с базы. И вдруг сначала этот гранатомётчик, а потом напалмовая жаровня на подъёме у места стычки! Говорю тебе, парень: Сенье провели как мальчишку, обычная спасательная операция обернулась войсковой операцией.

— Почему не удалось взять пленных? В отчётах говорится, что

нашли только трупы и ещё непонятно как появившегося наёмника... Какого-то итальянца из наёмников, так?

— Не знаю... Нас выбросили уже позже, когда вроде как удалось прижать возле болот этого гранатомётчика и его приятелей в секторе «Матильда». Лягушонок сел у пригорка, я залез на сосну — русским некуда было деваться, путь к болоту там был только один. Перкинс выманил русских на себя, но...

Натужный кашель сотряс всё тело моего наставника, а с ним и высокий ложемент больничной койки. Монитор сердито пискнул и

смолк. Прибежавший медбрат, сердито бурча, возился ещё минут пять, за которые я пытался составить целостную картину боя, но ничего не вышло. Слишком уж много белых пятен пока. Наконец Кодьяк продолжил рассказ:

— Зак, я готов ставить свой месячный оклад против дырявого мокасины, что русский был всего один. Этот хитрый ублюдок водил за нос не только нас, но и Бада Лахмана, а ты знаешь, какой это следопыт.

— Значит, вы ждали группу, а в силки пришёл только один?

— Точно. Потом плохо помню: он ловко выворачивался из захвата...

Распадался как слизь под руками. А потом будто... чёрт, парень! Потом я будто дрался с настоящим медведем. Лягушонок даже сначала принял этого русского за настоящего шатуна. Сейчас из-за войны их тут много развелось. Если бы не пули, я бы поверил, что встретил Сасквотча^[58], о котором мне рассказывал отец в детстве. Он видел его раз или два, однажды даже, обознавшись, принял за человека и окликнул. До сих пор, вспоминая этот случай, папа тянется к дробовику: взгляд Сасквотча тяжкий... словно он на расстоянии выстуживает тебе мозг. Папаша пытался в него стрелять, старался выследить, однако проклятый лесной

дьявол завёл его в горы, и отец, поморозившись, едва живой, вернулся только через десять дней. До прошлой недели я думал, что старый пердун врёт и ищет повод выпить задарма – туристы, городские журналюги его спецом подпаивали, заставляя болтать. Сейчас я уже не уверен, может, лесной дух и взаправду есть...

– Бигфут?.. Ты это серьезно, брат?

– Теперь даже не знаю, Фрости... Посмотри: меня словно кто-то пожевал и выплюнул!.. Те, кто меня откачивал, сказали, что Лягушонку свернули шею одним движением, а он не хлюпик и хват по

части «рукопашки». А может быть, их и впрямь было двое? Эйба Перкинса один на один никто не мог одолеть. Проклятое место. Тебе будет трудно. Хочешь совет?

— За тем и пришёл, брат.

Роджер заворочался, отчего койка, жалобно скрипя, даже чуток накренилась на бок. Единственный глаз наставника, не мигая, уставился мне в переносицу, и тем же хриплым шёпотом раненый быстро, словно его кто-то торопил, начал излагать. В тишине, среди резких запахов дезинфекции, лекарств и мочи пополам с дерьмом, монолог товарища звучал особенно зловеще. Впитывая каждое слово, я старался

уловить полезные сведения, едва разбирая его прерывистый хрип:

– Заведи глаза на затылке, Зак. И не доверяй никому: ни этим новомодным примочкам, ни даже нашему распрекрасному командующему – полковнику Трентону. Все эти спутники и роботы – полная херня, а люди после этой чехарды с долларами и фантиками со зверьём, что теперь вместо честных денег, тоже сильно изменились. Все вдруг вспомнили про свою задницу, лелеют её пуще Моисеевых заповедей. Родину с некоторых пор уже не так сильно принято любить, лейтенант. Сам слышал, как капитан Сайкс, ну главный интендант базы,

хвастался, что прикупил сотню акров здешних лесов. Рано, ох, рано они делят добычу, Фрости. Чем дольше я тут, тем сильнее хочу обратно в Афганистан, там, ей-ей, привычней. Русских можно переиграть, если научишься думать, как они. Только так!.. После того, что было под Петербургом, я ни на минуту не расстаюсь со «стволом», но всё одно тревожно и беспокойно. Афганцы и вот теперь русские, только вместо тамошних лысых гор теперь непролазные лесные дебри. Если отбросить мистику, пару зацепок я тебе всё же дам. Первое: это был не совсем профессионал, но и не дилетант... Уворачивался и стрелял

грамотно, но классическую ловушку не распознал. Второе: думаю, что подготовленных бойцов у этих партизан вообще немного, пять, может шесть человек. И самое главное: у организатора засады точно был свой человек тут, на базе или среди наёмников. Они заранее готовились, про конвой знало хоть и много народу, но утечь могло только от того, кто знал все детали. Количество охраны, время конвоя, а особенно про деньги, которые везли люди Сенье. Слышал, что это уже второй случай, когда пропадает касса, только на этот раз что-то пошло не так. Чем чёрт не шутит, может быть, какой-то ухарь сколотил

банду и втихаря громит фургоны с деньгами, а партизаны – это так, дымовая завеса. Проверь лагеря для военнопленных, порасспрашивай наёмников из охранных частей. Знаю, пленных держат в карантине всего трое суток, но всех биометрируют, а допросы пишут на видео. Сравни с найденными трупами, может, что и проявится. Эту загадку решать тебе, а сейчас иди, я вроде как спать хочу.

...Выйдя от Роджера, который почти сразу после последнего монолога отключился и захрапел, я направился в отведённую нам казарму, где, как ожидается, есть отдельная комната и душ. Машину

для перемещения по базе я отпустил ещё на лётном поле: не люблю колёса, предпочитаю ходить пешком, так легче думается. Роджер сказал многое из того, о чём я уже знал. Однако ниточки, ведущие к наёмникам, обрывались почти сразу: единственный спасшийся из пришедших на помощь конвою сотрудников «Блэкстоун» — Матинелли — был уже откомандирован на усиление опорного пункта в районе бывшего города Болотное. Поговорить с ним не представлялось возможным, а его рапорт непосредственному командиру отдельного батальона санации я изучил до последней

запятой. Наёмник излагал гладко: был взят в бою после лёгкой контузии, вследствие потери сознания и последующих провалов в памяти ничего не помнит. Вырвался только после того, как раненый русский, ослабив внимание, не заметил спрятанного у него за голенищем ботинка ножа. Матинелли, развязавшись, просто удрал. Командир отделения роты десантников, высланной для преследования партизан по горячим следам, рассказ Матинелли частично подтвердил. Скорее всего, Майк уже выжал из итальяшки все соки и наверняка готовится к ночному рейду. Русские вряд ли отпустили бы

того, кто их видел, добровольно, тут вполне может случиться, что «макароннику» действительно повезло убежать. А может быть, наёмник и темнит, но сейчас до него не дотянуться, это, увы, гнусная реальность. И смотаться в Болотное не выйдет, поскольку поток пленных иссяк и фильтрационный пункт сворачивают, а вместе с ним убывают в немецкий Штеттин все архивы. Надо бы отправить запрос, но это опять две—три недели перезвона с тамошним начальством. Нужно работать тут и обязательно выехать на место боестолкновения, это более продуктивно.

Так, гоняя информацию в

голове, я добрался до казармы — длинного одноэтажного типового здания. Ничего особенного: шесть комнат для офицеров, три сержантских «люкса» на четыре человека каждый, арсенал и интендантский склад. Всё, как я и просил, разместили с максимальным комфортом. Во всех офицерских комнатах есть душевая кабинка и санузел, для сержантов предусмотрены общая душевая и такой же сортир «четыре очка», есть даже закуток с тренажёрами, но это заведение — вотчина Иверса. Офицерам можно посещать вполне приличный «джим». Через два блока на северо-восточной окраине

военного городка есть супермаркет и оздоровительный центр для членов семей. Ответив на приветствие дневального, я прошёл к себе и с трудом втиснулся в душевую кабину. Напор воды оказался на удивление сильным, и после пятнадцати минут блаженства я словно заново родился. Надев тренировочный форменный костюм, сел за небольшой выдвижной столик и разложив портативный компьютер, вошёл в сеть оперативно—стратегического управления спецопераций. Обновлений по общей обстановке за последние шесть часов было не так много: поиски продолжались у юго—восточной подошвы горного массива,

где видели партизан, однако ничего существенного обнаружить пока не удалось. Все следы разметало после приказа накрыть артогнём из всех имеющихся стволов, ребята из 42-й артбригады душу вложили. Подключились и летуны, так что там сейчас сам чёрт ногу сломит. Нет, кто бы ни устроил засаду на конвой, он уже заслужил право для более серьезного подхода к его поимке. Роджер сказал – Сасквотч?.. Ладно, пусть будет называться так, прозвище подходящее. Майор Кейн – начальник Четвертого отдельного пехотного батальона, который сейчас отвечает за обеспечение зоны безопасности района авиабазы и всего южного

сектора, зря гоняет своих людей по камням. Сасквотч затаился, но если Роджер прав, то его основная цель — авиабаза, и если он заброшен с известной нам целью, то очень скоро объявится сам, нужно только понять, где именно его ждать. Щёлкнув клавишей, я переключился на общешфронтовую сводку, хотелось узнать, что там с Витебском, но тут же загорелся предупреждающий баннер: «Доступ ограничен». Странно, последнее время я не мог получить сводки из-под Петербурга, закрыто вообще всё северо-западное направление. А теперь ещё и Белоруссия стала подцензурной зоной. Это направление было одним

из самых спокойных: после путча, устроенного сторонниками оппозиции полгода назад, ровно за два месяца до начала войсковой операции против России и ввода в республику объединённого германо-французского контингента НАТО, единственный союзник русских не оказал организованного сопротивления. Правители России не вмешались во время начала массовых беспорядков, устроенных местными при активной поддержке агентства ЦРУ. В крупных городах республики начались волнения, постепенно переросшие в перестрелки с применением лёгкого стрелкового оружия, контрабандным путём

доставленного из Болгарии и той же России. Московиты решили вмешаться только тогда, когда из захваченного при поддержке агентов нашей минской резидентуры телецентра прозвучало обращение лидеров оппозиции к Евросоюзу. И когда русские решились двинуть войска на помощь отчаянно сопротивлявшимся немногочисленным остаткам верных белорусскому диктатору частей, контроль над основными городами был уже в руках польско-немецкого контингента Коалиции. Обошлось без больших жертв, не считая разбиравшихся между собой аборигенов, немцы и поляки

потеряли десять единиц
бронетехники и до сорока человек
убитыми и ранеными. Новое
руководство республики выразило
намерение вступления своей
освобождённой страны в блок НАТО.
Однако ключевые города – Минск и
Витебск – всё же были подвергнуты
процедуре санации, коренных
жителей республики уничтожали
десятками тысяч. Особо
усердствовали польские
полицейские части, но и немцы тоже
особой гуманностью не отличались.
Спустя пять недель Белоруссия
оказалась под полным контролем сил
Коалиции, однако, судя по всему,
победные репортажи были

преждевременными, иначе зачем это ограничение. Бывший президент и его свита по одним сведениям сбежали в Россию, по другим — уничтожены точечным бомбовым ударом по наводке польского спецназа. Закрыв крышку ноутбука и потянувшись до хруста в костях, я плюхнулся на довольно удобную кровать и включил небольшой телевизор, подвешенный на стене в изножии. Выбрав новостной канал, транслируемый прямым из Штатов, я попал как раз на одиннадцатичасовой вечерний выпуск CNN. Говорила звезда вечернего эфира — симпатичная метиска Джоан Мэй, её чёрные

волосы, уложенные в безупречную высокую причёску, мне всегда нравились своим натуральным блеском, а улыбка была искренней и доброй. Девушка умела улыбаться так, будто каждый по ту сторону экрана – её старый хороший знакомый. Но сейчас Джоан никак не могла выдавить хотя бы дежурную улыбку, а тон голоса был тревожным. Я прибавил громкости и вслушался в сообщение:

— ...Губернатор Техаса, достопочтенный Джордж М. Ли заявил на заседании комиссии по размещению перемещённых лиц, что заключённые в изоляционных лагерях враги государства могут быть

привлечены для работ по
дезактивации окрестностей
Хьюстона...

На экране появилось красное
лицо губернатора Ли, облачённого в
строгий тёмно-коричневый костюм-
тройку. Ли стоял на ступенях
недавно отстроенного Дворца
правосудия в Остине – столице
штата. Воротник белой рубашки и
традиционный галстук-шнурок с
массивной застёжкой едва
сдерживали напор могучей шеи
губернатора. Ли трубным басом
вещал в протянутые микрофоны
журналистов, прижав чёрную
широкополую шляпу к широкой, но
рыхлой груди:

– Эти шпионы приехали в нашу страну под видом политических беженцев! Они отняли у нас, коренных американцев, рабочие места, купили на уворованные в своей дремучей Московии деньги шикарные особняки и земли! А откуда взялись эти деньги?! Мы! Мы с вами много лет подряд давали русским вынутые из наших с вами карманов честно заработанные гроши и отправляли бедным, как нам говорили содомиты и коммунисты из Вашингтона, людям. Нас убеждали, что в России хотят построить демократию, и мы верили!..

Толпа, собравшаяся перед Дворцом Правосудия, поддержала

оратора одобрительными выкриками, слышались дружные аплодисменты. Щурясь от бликов фотовспышек, Ли, всё более распаляясь, продолжал, местами его голос срывался на истерику:

– И что теперь?! Они первые напали на нас, я сам выписывал пособия и продление медицинских страховок для наших парней, принявших на себя первый удар русских в Польше. Потом эта страшная трагедия национального масштаба: Хьюстон обращён в пепел, на месте чудесного города, построенного нашими предками, сейчас радиоактивная пустыня! А что же эти шпионы, наводнившие

нашу Землю обетованную, словно тифозные вши? Они жируют на ворованные деньги, пьют чистую воду и дорогие вина, едят деликатесную пищу в ресторанах этого рассадника греха – Нью-Йорка, блудят в калифорнийских вертепах Лос-Анджелеса, швыряют на ветер миллионы в ласвегасских казино! При виде всего этого Господь наш обратил бы в соляные столбы тамошних блудниц и менял!..

Толпа вновь взорвалась восторженными криками, оператор дал панораму митинга, я, на глаз прикинув количество собравшихся, подумал, что старого маразматика слушает тысячи три людей. Между

тем камера снова вернулась к фигуре оратора:

— Американский народ дал мне право быть его заступником перед любой бедой, и я не подведу вас, братья и сёстры! — Театральным жестом Ли выдернул бумагу, всё это время скрытую широкими полями шляпы, и потряс тонкой кипой набранных убористым машинописным текстом листов бумаги над головой.

— ...Сегодня я подписал закон, одобренный представителями округов. Вот он, День Гнева, вот она, кара для лицемеров и лжецов, прокравшихся в нашу благословенную страну, словно

ночные воры!!! Теперь шпионы, заключённые в трёх лагерях, размещённых возле Форт Уорт и Армадилло, будут разбирать завалы на пепелище порушенного их сообщниками великого Божьего града! Также я обратился к президенту с предложением, чтобы все шпионы из всех подобных лагерей по всей стране направлялись к нам, работы хватит на всех!

Картинка сменилась, на экране снова была студия и прелестное смуглое лицо Джоан, слегка побледневшее. В раскосых зелёных глазах отразилось смятение. Однако девушка быстро справилась с волнением и продолжила:

– Губернатор Ли был одним из авторов закона о поражении в правах бывших выходцев из СССР, а также членов их семей и близких родственников^[59]. Более двух миллионов натурализовавшихся россиян и их родственников сейчас находятся в карантинных зонах на территории США и Канады, которая с января 2012 года присоединится к договору о Единении и станет полноправным гособразованием в составе Соединённых Штатов. Среди бывших граждан оказались довольно влиятельные бизнесмены и знаменитости, в числе которых известный инвестиционный банкир Воловой, бывший член совета

директоров нефтяной компании «СОРМА Трейд» — Валерий Николаенко и известная фотомодель и актриса Нина Сингер, чьё настоящее имя — Анастасия Фадеева. Все счета неблагонадёжных граждан арестованы, а имущество конфисковано фискальной службой национального казначейства.

Камера взяла общий план, и в кадре появился лощёный брюнет с правильными чертами лица. Это был Грэг Престон, которому из-за умения строить серьёзную мину понимающего эксперта доверяли читать хоть и важные, но менее значимые сообщения. Скупой улыбнувшись, ведущий заговорил

хорошо поставленным баритоном, перехватив эстафету у коллеги:

– С вами снова Грэг Престон, последние новости о положении на международной космической станции.

На экране появилось изображение МКС, но так, словно камера находилась на приличном расстоянии от станции. Внешне всё было как обычно, и никаких изменений, на мой взгляд, дилетанта в астронавтике визуально не наблюдалось. Голос Грэга за кадром начал комментировать статичную картинку мерцающей габаритными огнями громадины, мерно, словно гигантский осьминог, плывущей над

Землѣй:

— Очередной неудачей закончилась попытка переговоров со сменой русских астронавтов. После событий двадцать шестого июля, когда трое русских выдворили американского и французского членов экипажа, силой принудив тех к эвакуации в спасательном аппарате, с МКС нет связи. Постоянно транслируется только предупреждение на английском, французском и немецком языках о том, что любая попытка стыковки приведёт к уничтожению станции. Представитель НАСА Стив Баллард заявил в связи с инцидентом, что если в течение последующих двух

недель не будет найдено приемлемого решения, МКС будет уничтожена...

Дальше я слушать не стал, переключившись на трансляцию записей старых футбольных матчей, для чего, собственно, и врубил телевизор. Астронавты скоро сдадутся, поскольку им там уже наверняка нечем дышать, не говоря уже про всякие припасы вроде еды и воды. Что касается бывших богатеев с русскими корнями, то их подвела излишняя самоуверенность: они мыслили стереотипами своей же коммунистической пропаганды, где говорилось, что частная собственность и деньги для

американцев священная корова. Они ничего не поняли, уж я—то точно знаю, что главное — не то, сколько у тебя денег, а то, кого на данный момент объявят врагом государства. Такой человек или группа людей автоматически становятся неприкасаемыми в самом худшем смысле этого слова. Русских не спасли даже деньги, я сам видел, как перед вторжением военная полиция выводила арестованных офицеров и солдат, чьи родственники оказались выходцами из России. Тогда «Билль о благонадёжных» ещё существовал в качестве секретной директивы, и не было никакой истерики, поскольку в войсках чистка уже давно

проводилась, а неудобные брались на карандаш. Русских и так теснили по службе, стараясь не допускать на командные посты, но после директивы от них избавились в течение двух суток. У нас в отряде максимум кого можно встретить, это чёрного или мекса, русских брали только в пехоту и во всякие вспомогательные части, так я слышал. На экране закончилась нарезка из игр прошлогодней серии, я выключил «ящик», подоткнул подушку и прикрыл глаза. Нужно обязательно выспаться и отдохнуть, после приземления я ни разу не присел, если не считать брифинг у Трентона, а потом садиться за

планирование первого боевого выхода. Основное оборудование и часть припасов прибудут только завтра, поэтому потеряем как минимум сутки—двое на развёртывание, налаживание взаимодействия с ротой охраны и размещённой тут же на базе десантурой. Командир последних, капитан Райли, был мне знаком ещё по первым дням войны. Толковый, но слишком прямолинейно мыслящий офицер, он может помочь и поддержать, когда придёт время, но на большее рассчитывать нельзя. Снова придётся полагаться только на самого себя... Ах, как не вовремя Кодьяк слёг на больничку, совсем не

вовремя!...

Россия, 27 сентября 2011 года.
12.35 по местному времени. Юго-
восточный Салаир, реликтовый
пещерный комплекс в районе горы
Пихтовой. Примерно 638 километров
от ближайшего населённого пункта и
около 580 метров над уровнем моря.
Район постоянного базирования
партизанского отряда. Антон
«Ропша» Варламов. Новое задание,
старые друзья и таинственный
незнакомец.

...Удивительная штука чувство —
личного комфорта: сейчас тебе
кажется недостаточно мягким кресло
с ортопедической спинкой и

подогревом, ну не сидится в нём удобно, как ни ёрзай. И вот спустя всего пару месяцев в грязи, под пулями да с лишней парой дырок вдобавок к уже имеющимся в организме от природы условия жизни кардинально влияют на систему ценностей. Горячая вода и кусок хозяйственного мыла кажутся верхом цивилизации и действительно способствуют улучшению настроения. Вода была очень горячей, однако избитое и продрогшее тело требовало именно тепла. Жаркого, поглощающего всё существо живого тепла. Может быть, оно выгонит стужу, ощущение которой наравне с иссушающей

жаждой были и остались моими главными спутниками на войне. Эту разновидность озноба и жажды не излечить, настолько глубоко они въедаются в тело, вплоть до костного мозга. Скорее всего это не физические, а психологические симптомы особого военного невроза. На уровне сознания ты уже ничего толком не ощущаешь, даже такое сильное чувство, как страх смерти, кажется, уходит. Остаются только жажда и озноб, природу не обманешь.

Зажмурившись, я оттолкнулся от отполированного проточным течением края просторной каменной чаши и, присев на корточки,

погрузился в исходящую паром воду. Снова звуки стали гулко отдаваться в ушах, тёплая темень в который раз вызвала прилив тихой радости. И на данный момент действительно повод был: живым до подгорных пещер добрался отряд Леры, потеряв четверых бойцов, что для совершенно пикового расклада было хоть и горько, но приемлемо. Также благодаря почти фанатичной вере в мой военный гений Варенуха, торчавший у подошвы горы почти неделю без смены, навёл нашу сбившуюся с дороги группу на второй вход в катакомбы. Мы, таким образом, не блуждали в поисках точки входа, рискуя или нарваться на

американцев, или быть обстрелянными своими. Это было фантастическое везение, однако я не обольщался удачей, которая, как известно, дама капризная.

Столь удачному стечению обстоятельств способствовала, как мне думается, общая неготовность амеров к тому, что у них в тылу оказался способный к сопротивлению отряд. Плюс выбранный мной район как нельзя лучше подходил для укрытия, в придачу про пещеры никому из официальных властей даже в мирное время известно не было. Район Салаира – это старые, рыхлые горы, изрытые заброшенными

выработками, тоннелями без начала и конца, в которых затеряется любое количество людей: как небольшой отряд беглых страйкболистов, так и хоть целый полк, посланный на их поиски. Выходов на поверхность существует масса, однако все они в такой чашобе, что найти дыру в земле или трещину в скальной породе очень маловероятно, даже если знаешь, что вход где-то поблизости. Подошва и склоны Салаира — сплошняком чернолесье, густой частокол из деревьев и кустарника, войдя в который, можно остаться там навсегда.

...После отчаянного налёта на КП амеровской части нас на

удивление вяло преследовали. Пару дней разрозненные поисковые группы выходили на наш след, но мы, всякий раз уклоняясь от их попыток завязать бой, уходили. Наконец на шестые сутки безостановочного бега мы вышли к неглубокой ложине ведущей к юго—восточному склону горного хребта. Мы остановились, укротив мерный темп бега, и почти сутки, сменяя друг друга, отсиживались в отвалах старой породы, заросшей кустарником и сосняком. Отдежурив свои три часа перед самым рассветом, я тогда забылся тяжёлым, чутким сном, который пришёл тотчас, как только голова коснулась нарубленных

Алексом пихтовых веток, служивших нам постелью. Спальники и многое другое я приказал схоронить до лучших времён ещё перед самым началом акции, чтобы уходить налегке. И если быть откровенным до конца, не особо верилось, что получится вырваться из вражеского логова живым. Мы все страдали от промозглой погоды, а из еды были только коренья и грибы, да однажды мне удалось поймать в силки двух рябчиков, которых мы съели практически сырыми. Усталость как ощущение уже давно существовала где-то отдельно: все мы представляли собой компанию грязных, отощавших существ, с

неотвратимым упорством двигавшихся к одной, известной только нам, цели. Ирину мы подкармливали ягодами, которые удавалось собирать на ходу. Но девушка хоть и принимала знаки заботы о себе, однако тайком делилась с тем из нас, кто оступался и падал, ослаб сильнее остальных. Такого приходилось подхватывать под руки и тащить на себе какое-то время, но в целом выдержали все. Поэтому на седьмые сутки группа уже потеряла остатки боеготовности, и случись напороться на реального противника, думаю, что всё решилось бы не в нашу пользу и в довольно короткий срок.

В сон вкрался запах сырой одежды, пота и оружейной смазки, кто-то тянул руку, чтобы потормозить меня за плечо, однако рефлекс оказался сильнее усталости и я поймал за узкое запястье осторожно подползшую ко мне Ирину. Та вздрогнула от неожиданности, но прежде чем девушка попыталась освободиться, я уже разжал пальцы и, глядя ей в глаза вопросительно, мотнул подбородком. Знаками девушка дала понять, что впереди есть кто-то чужой. Осторожно, чтобы не делать лишнего шума, я перекатился на живот и, сгруппировавшись в полуприседе, поманил Иру, чтобы поговорить.

Присев и склонившись головами почти лоб в лоб, мы наконец смогли начать перешёптываться:

— Командир, — голос девушки звучал с шипящими интонациями: простуда, как и у всех нас, — впереди чужой. Идёт по сухому руслу, вооружён, но «ствол» не американский. Идёт осторожно... Всё время смотрит по сторонам, похоже, что—то ищет.

Чтобы окончательно отогнать сон, я провёл ладонью по росшим вокруг низким кустам, собирая повисшие на стеблях и круглых листьях холодные капли дождевой воды. Из—за постоянного ощущения холода кожа лица совершенно

задубела, и холодная вода только слегка обожгла веки, но в голове немного прояснилось, и я кивнул девушке, предлагая вместе идти на облюбованный ею передовой НП. Это была груда замшелых камней на правом, северном склоне лощины, к которой со стороны места, избранного нами под стоянку, вела неглубокая извилистая промоина, поросшая кустарником, совершенно не видимая с противоположной стороны той части русла, откуда только и можно было пройти со стороны гор в лес. Поэтому мы незамеченными пробрались на позицию Ирины, и она жестами указала на еле заметную

невооружённым глазом едва перемещающуюся серо—зелёную точку среди валунов и невысоких деревьев которыми было усеяно сухое речное русло. Мой трофейный прицел тут снова был бесполезен, поэтому девушка осторожно передала мне свою винтовку. Оптика, конечно, была отменная: приблизив глаз к обрезиненному окуляру, я увидел в сетке прицела слегка неуклюже скачущую по камням крупную фигуру в знакомом самодельном костюме, вроде того, что в своё время я шил для себя и обоих артельщиков. Но от приветственного крика удержало то, что Семёныч, а это без всяких

сомнений был он, шёл не один. Следом за бывшим дальнобойщиком, на расстоянии десятка метров шустро прыгал по камням невысокий мужичок в вылинявшем дождевике с полноразмерной мосинской «трёхлинейкой» на плече, грамотно повёрнутой стволом вниз^[60]. Человек имел загорелые до черна лицо и руки, короткая, ухоженная седая борода и такие же усы скрывали лицо до половины. Волос не было видно из-за надвинутой на глаза серой кепки, а дождевик скрывал фигуру почти до пят. Про себя я отметил, что лет человеку может быть не так уж и мало, скорее всего пенсионер — шестьдесят, может,

шестьдесят пять годков. Уж слишком шустро этот гражданин поспешал за нашим пятидесятилетним партизаном. Появления Семеныча совершенно не ожидал и был искренне рад увидеть знакомое лицо. Неожиданно случилось то, чего никак нельзя было ожидать: «пыльник», как я про себя окрестил спутника Варенухи, остановился и негромко что-то сказав тоже замершему почти мгновенно Семёнычу, снял с головы кепку и помахал ею над головой, словно бы смотря прямо на меня. Мысль о засаде пришла в голову почти сразу же, поэтому, наклонившись к девушке вплотную и передав ей

винтовку, я тихо приказал:

— Ира, тот старый гриб-боровик наверняка нас не заметил, однако присутствие людей каким-то образом почувствовал. Иди в лагерь, буди ребят — пусть займут оборону с вектором прорыва на северо-восток. Там длинный овраг, он идёт в сторону двух низких сопок, в тайге легче будет затеряться. Сама возвращайся обратно, осматривайся по секторам, когда я выйду им навстречу. Если это ловушка, противник так или иначе себя выдаст...

— Без тебя мы не уйдём.

— Отставить! — Я, пусть и шёпотом, но чутка надавил

голосом. – Просто прикрывай меня, сколько сможешь. Но только после того, как я упаду и начну палить. Если всё будет ровно и дед этот безвредный, откину капюшон и подтягивайтесь сюда.

Девушка упрямо мотнула головой, но послушалась. С дисциплиной у бывших поклонников импортного аналога «Зарницы» всё же получше, чем в нашем невеликом отряде народных мстителей. Костюм, доставшийся мне в наследство от некоего покойного «туриста», уже притёрся по фигуре и почти не стеснял движений. Однако за время, проведённое в «секрете», роса и мелкий морозящий дождик сделали

ткань сырой и тяжёлой. Проверив, как вынимается из левой нарукавной петли нож, и расстегнув кобуру, чтобы в случае чего сразу выйти на парную серию из двух выстрелов, я пристегнул автомат карабином к поясу сзади и поднялся из укрытия, держа руки чуть расставленными в стороны. Дед уловил мое движение в тот же миг, когда я только ворохнулся, что говорило об отменном зрении и реакции престарелого аборигена. Он, ещё раз помахав кепкой, ринулся мне навстречу, даже обогнав Варенуху, и совсем уже было разогнался, но Семёныч, увидев меня, удержал старика на месте и сам вприпрыжку

поскакал по камням в мою сторону. По мере приближения водилы я понял, что старик каким-то образом сумел завоевать его доверие: Семёныч своего спутника нисколько не опасался. Я шёл навстречу, осматривая попутно скаты узкой, заросшей кустарником теснины. Сиясь разглядеть движение за низкорослыми стволами деревьев или в зарослях боярышника, обшарил всё, но ничего не уловил. Чувства молчали, и теперь уже трудно было различить причину этой немоты. Тут одно из двух: или всё реально чисто, или я настолько загнал организм, что кроме навязчивой паранойи ничего вообще ощущать не способен, покуда

не выплусь и не отогреюсь...

— Командир!.. — Варенуха добежал—таки первым, но, видя моё напускное спокойствие, замер в трёх метрах — Мы... я... Лера сказала, чтобы я искал, она отправила ещё три группы. А я... мы с Андрей Иванычем... Он сказал...

Продолжая осматриваться, я только кивнул, не убирая рук далеко от пистолета и ножа. Кругом было обычное туманное утро, пахло сыростью и над всем стоял особый запах мокрого замшелого камня, который ни с чем не спутаешь. Подстава или нет, но придётся рискнуть. Опустив руки и расслабившись, я шагнул навстречу

бывшему водиле, и мы крепко, до костяного хруста обнялись.

– Здоров, Виталий Семёныч!..

Голос мой проскрежетал с непривычки особенно громко, так что я не узнал сам себя. Во время рейда всё больше говорили шёпотом и знаками, ловя звуки окружающего нас леса, слушая, не проявится ли жужжание беспилотника или стрёкот мощных винтов вражеского вертолёта. Варенуха жестом позвал стоявшего чуть поодаль старика:

– Там, в лесу, в самой чащобе, я на заимку лесническую набрёл. Вот, командир, знакомься: это местный егерь Чернов Андрей Иванович. Местные леса как свои пять

пальцев... Он мне и подсказал, где искать вас.

Неожиданно Варенуха присел на ближайший валун и, сняв шапку—маску, уткнулся в неё лицом глухо простонал:

— Все вернулись ни с чем... Говорили, что ты и остальные погибли... Я один искал... не верил... Знал, просто знал, что ты живой, и всё.

После этих слов у меня словно что—то оттаяло внутри. Скинув капюшон, я присел рядом с бывшим водилой и, приобняв его обширную тушу в свалявшейся мохнатой накидке, только и смог произнести:

— Нет пока моей пули ни у

кого... Ждёт, не торопится. Ты не ошибся, поживём пока что.

– Хорошо, что девке своей не сказал стрелять, – подал голос старик Чернов. – Перетрухал я маленько, когда она оптикой меня щупала. Грамотно спряталась, не сразу найдёшь. А вон и твои архаровцы бегут...

Встав с камня, я увидел, что старик показывает мне за спину и повернул голову так, чтобы всё же не упускать нового человека из виду. Бросив взгляд через плечо, обнаружил, что вся группа уже в полном составе цепочкой движется по левому скату лощины в нашем направлении. Дождавшись, пока

заметно отдохнувшие и набравшиеся сил ребята дойдут, я внимательно рассматривал старика. К ранее увиденному мало что добавилось: одежда удобная, ношенная, сапоги шитые на заказ из твёрдой кожи на толстой резиновой подошве, скорее всего с подшипниковыми набойками, чтобы не скользить на камнях и по льду. Оружие ухоженное, прицел импортный, переменной кратности, не из дешёвых. На стволе у дульного среза характерный крепёж — винтовка специальная, на неё можно поставить ещё и «тихарь». А судя по свежим царапинам, старик такое приспособление имеет и по крайней мере с неделю назад им пользовался.

Когда все подтянулись, я отдал команду построиться, следуя указанному стариком направлению на юго-запад, где узкие скаты лощины расступались, переходя в густой лес, где, по словам нового проводника, есть неприметная тропка, ведущая «аккурат туда». Под этими словами Чернов подразумевал вход в пещерный лабиринт, откуда можно было пройти за трое-четверо суток к тем пещерам, где сейчас находился базовый лагерь отряда Леры.

Отправив знавшего маршрут Варенуху в голову колонны на пару с Ириной, я сам пошёл в хвосте, чтобы получше присмотреться к леснику,

ненавязчиво пригласив его пойти рядом. Только идиот стал бы говорить на марше, тем более в лесу, где любой звук может быть услышан тем, кто умеет это делать. Поэтому следующие десять часов пути мы просто шли вперёд, пока к вечеру не вступили в лес. Всё это время только пару раз на севере и северо-востоке слышалась отдалённая канонада. Вертолётов и беспилотников ни разу засечь не вышло, думаю, оккупанты все силы бросили на усиление охраны железнодорожного узла и авиабазы. Если поиски всё ещё ведутся, то южнее. Иными словами, не там, где потеряли, а там, где светло. Чёрная тайга встретила нас

сухим полумраком и запахами готовящегося к спячке леса: хвойных иголок и коры, палых листьев и усыхающего кустарника, а также тонким ароматом грибов да перезревающих ягод. Тут было не так сыро, как у подошвы рыхлой плоской горы, сказывалась плотность смешанной лиственно-хвойной поросли. В таком лесу можно не бояться обычного осмотра с воздуха, но, учитывая шагнувшую вдаль технику, я особо не расслаблялся сам и предупредил по цепочке остальных, чтобы в случае чего расходились под прикрытие самых больших сосен или пихт, чьи кроны может быть смогут затруднить

визуальное опознание в нас людей. Когда мы прошли по петляющей звериной тропке километра два, Чернов показал мне спрятавшуюся в поросли молодых сосен замшелую скалу, в которой время высверлило довольно широкую выемку, образующую глубокую нишу с высоким трёхметровым потолком. Собрав немного хвороста, мы разбили лагерь. Выставив в охранение Алекса и Ирину, как самых опытных, я присел к костру на собранные в кучу палые листья, коих в нише оказалось вполне достаточно, чтобы всем нам зарыться в них с головой. Собранные в стороне от маршрута грибы уже нанизаны на

тонкие прутья и, сбрызнутые солёной водой, подрумяниваются на небольшом, но дающем ровное тепло костерке. Старик сел рядом, прислонив винтовку с зачехлённым прицелом к стене ниши, чтобы в случае чего сразу взять оружие. Оптика была пристроена таким образом, чтобы как можно меньше увеличивать силуэт стрелка, поэтому рамка крепёжной планки была хитро изогнута, и сделано это несомненно вручную. Вообще, «трёхлинейка» производила впечатление гораздо более сильное, нежели снайперская «раскладушка» Ирины. В ней чувствовалась некая солидность, ощущалось количество вложенного

владельцем труда и в какой-то мере, конечно же, денег. Тёмное, ореховое ложе, воронёный ствол и рычаг затвора с машинной гравировкой... Нет, непростой это дед с непростой винтовкой. Разгадывание шарад и кроссвордов — как раз тот вид деятельности, который я более всего не жалую. С одной стороны, Чернов ведёт нас уверенно, даже когда я два раза произвольно менял маршрут, чтобы проверить, как поведёт себя старик на местности. Не моргнув глазом, новый знакомец Варенухи выбирал всякий раз самую удобную дорогу, только хитровато шурился, украдкой глядя в мою сторону. С другой стороны, ложе из орешника, в

то время как наши отечественные «трёхлинейки» и карабины все из сосны и берёзы. Опять же гравировка на рычаге и хитрая планка под прицел — всё говорило о том, что винтовочка дорабатывалась в заводских условиях. Американский агент, из тех, что внедрялись заранее? Но тогда подгорная база тоже была бы раскрыта, и довольно давно. Варенуха из тех, кого можно обмануть, однако запугать человека, потерявшего всю семью... Есть идея! Встав от костра, я сделал успокаивающий жест востроенным лицом Чернову:

— Пойду, перекинусь парой слов с боевым товарищем, не виделись

давно, вы уж извините, Андрей Иванович.

Старик кивнул и на удивление спокойно улыбнулся в бороду, показав прокуренные жёлтые зубы:

— Ничего, я пока тут посижу, кости погрею.

Варенуха, до того с каким-то одержимым тщанием чистивший пулемёт, быстро собрал оружие и отошёл со мной метров на десять от костра. Я повёл бывшего водилу за южный выступ ниши, чтобы ветер не относил слова в сторону сидевшего к нам спиной Чернова. Семёныч сильно изменился: движения стали более скупыми и расчетливыми, взгляд настороженным. Пулемёт он

теперь держал более уверенно, видно, что привык к оружию, полюбил его. Но стоило нам заговорить, как я узнал прежнего, немного растерянного гражданского водилу, придавленного навалившимся вдруг грузом обстоятельств. Присев на корточки и пригласив артельщика сесть напротив, я спросил:

— Виталий Семёныч, расскажи, как добрались, как устроился на новом месте?

— Да нормально... ну почти так: три больших зала, есть спуск к речке подземной и даже горячий ключ прямо из—под земли бьёт...

Варенуха, сначала сбивчиво, а по мере продолжения расспросов всё

более последовательно и спокойно, рассказал про новый лагерь отряда. До описанного мной спуска в пещеру отряд добрался без помех, поскольку дезориентированные преследователи изначально отвели основные силы восточнее, сконцентрировав усилия на поисках в наиболее слабо проходимой части Шиковичей. Тактически это было верно — место глухое, для укрытия самое оно. Миновав открытое пространство и держась правой, северо-восточной стороны ущелья, отряд за три часа быстрого марша сумел достичь подошвы довольно высокой горы. Группа, в которую входил и Варенуха, поднявшись на почти

стометровую отметку, обнаружила неширокую террасу, с которой приметная расселина в виде трезубца оказалась доступна для спуска. Ещё спустя два часа трое добровольцев спустились по узкому проходу на дно расселины, где, к вящей их радости, действительно обнаружился искомый проход в целый подземный город. Подъём и последующий спуск раненых и наиболее выбившихся из сил членов отряда занял ещё порядка пяти часов. Амеры опомнились только к вечеру, а вернее, к шести часам пополудни. В тот самый момент, когда последняя партия уже заканчивала подъём на карниз, по ущелью начала работать ствольная

артиллерия, миномёты и авиация. Из
шедших последними бойцов во главе
с раненым Кэрри накрыло шестерых.
Двоим удалось укрыться в складках
расселины и спуститься ближе к
полуночи. Сам Кэрри погиб одним из
первых: спасая висящих на частично
оборванной страховочной связке
товарищей, он хладнокровно обрезал
трос и упал вниз. Остальных
накрыло уже после того, как первая
пара начала спуск в расселину: люди
оказались на открытом месте, чем
воспользовался ведущий амеровской
вертолётной пары и расстрелял
«туристов» из курсового пулемёта. В
общей сложности выжило двадцать
восемь человек из изначально

составлявших отряд. Из этого числа две трети – раненые и даже трое, детей от шести до тринадцати лет. Однако спасшимся повезло: пещеры, служившие стойбищем для древних людей, оказались вполне пригодными для жилья, на местах старых костровищ люди вновь, как и тысячи лет назад развели огонь. Горячий источник, о котором я уже упомянул, оказался каскадным комплексом сообщающихся озёр, образующих три огромных, неправильной формы чаши, до трёх метров глубиной в самой нижней точке. Горячей, бурлящим крутым кипятком, вода была только в озере, расположенном на уступе выше двух

остальных, в нижние озёра вода стекала, когда переполнялся верхний резервуар, и поэтому в среднем температура воды достигала приемлемой, градусов до сорока по Цельсию. На вкус, по словам водилы, вода была чуть солоноватой, отдающей тухлятиной. Однако питьевую воду вскоре нашли ниже: несколько тоннелей вели к берегам подземной реки с довольно быстрым течением, там вода была совершенно чистая. Некоторые даже видели рыбу, но пока никто не ловил её. Получалась довольно интересная картина: три больших зала на уровне двухсот–трёхсот метров сообщались между собой сетью узких и не очень

коридоров. Как оказалось, гора, словно кусок сыра, была пронизана извилистыми коридорами, которые пробили здесь некогда речные потоки. Часто такие ходы никуда не вели, однако спустя несколько дней высланные на разведку поисковые группы обнаружили три выхода наружу. Так в лагере появилось топливо, которого первоначально сильно не хватало. Во время одной из таких вылазок Варенуха и встретил старика Чернова. Бывший дальнобойщик поделился соображением, что старик выследил их точку входа, поскольку народ в отряде соблюдал осторожность довольно своеобразно, и опытному

следопыту обнаружить, откуда приходят заготовители валежника, было проще простого. Нужно, однако, отдать «туристам» должное — сначала лесовику никто не поверил, однако тот пошёл с ними, не сопротивляясь, отдал винтовку и позволил завязать себе глаза. Но Варенуха снова высказался в том смысле, что старик даже в пещерах вёл себя так, будто находился тут не впервые. Когда я спросил, какова же была реакция Леры на пленника, то Семёныч, выказывая явное благоволение девушке, с плохо скрываемым восхищением сказал, что Лера поверила Чернову только после долгой, двухчасовой беседы с

глазу на глаз. Это меня несколько отрезвило, ибо, во-первых, я сам доверял чутью нового командира отряда и, во-вторых, Чернов действительно хоть и выглядел подозрительно, однако я не чувствовал в нём угрозы. Кроме того, было и одно практическое соображение: раз лесник так ловко ориентируется не только в труднопроходимом чернолесье, но и бывал в пещерах, у него много раз уже была возможность дать сигнал тем, кто нас так тщетно, но усердно разыскивал. Как я уже заметил ранее, амеры очень сильно полагаются на всякие технические приспособления, и будь Чернов их креатурой, то

церемониться с обнаруженными беглецами никто бы не стал. Американцы без колебаний пожертвуют даже ценным агентом, коли возникнет хоть малейший риск упустить партизан. Пещеры бы уже выжгли, а прилегающую к горе местность накрыли плотным артогнём. Всё указывает на простой вывод, сделанный оккупантами: прозевали незначительный отряд недобитков, поэтому давайте быстро решим эту мелкую проблемку самым простым способом. Пока нас действительно держат за дурачка в чужом преферансе, на которого и так потрачено много лишних сил и средств. Громоздкая, пусть и

современная, но всё же в целом неповоротливая армейская машина, что тот слон, просто покуда ещё не ощущала нашего мелкого укуса. Но всё изменится, стоит нам выжить и приспособиться, тогда в игру вступят совершенно иные силы, но пока что удача, а главное — время всё же на стороне слабейшего. Как бы то ни было, покуда информации к размышлению было вполне достаточно. Прокачку старика Чернова придётся отложить на некоторое время, если он друг — попрошу прощения, если засланец... Ну тогда будем надеяться, что обезвредить его удастся прежде, чем он успеет причинить существенный

вред отряду. Поднявшись и размяв начавшие неметь ноги, я вместе с Варенухой вернулся к костру и снова сел рядом со стариком. Семёныч же, напротив, отошёл от огня и, завернувшись в накидку, заснул, отвернувшись к стене. Чернов за время нашего с артельщиком отсутствия, казалось, ни разу не переменил позы, только глаза время от времени щурил, когда смотрел поверх пламени в темноту перед собой. Ночь тут была абсолютно чёрной, неба, как и везде в чащобе, видно не было. Ветер гудел в верхушках деревьев, трепал ветки, вдали опять слышалась канонада, по звуку на юго-востоке работали

тяжёлые миномёты. Теперь война была везде, от безмятежности первых недель ничего не осталось, скоро в любой глухомани будет небезопасно. Неожиданно захотелось закурить, да так сильно, что свело скулы.

— У меня табак есть, коли свой весь извёл. Будешь?

В руках старика оказался раскрытый золотой портсигар, украшенный богатой гравировкой, изображавшей сцены каких-то греческих побоищ. Вот и ещё один сюрприз: золото отливало кроваво-красным оттенком, а клеймо на внутренней стороне верхней крышки говорило об авторской работе.

Иными словами, вещь была опять с закавыкой, как и мудрёный «винтарь». Внутри лежали папиросы, но без заводского клейма, видимо, старик набивал их сам, что в принципе для такой глуши нормально – таким многие балуются, когда табак проще вырастить самому, чем покупать. Я не удержался и, втянув носом одуряющий аромат терпкого «зелья», с сожалением отказался:

– Благодарю, но, раз бросил, то более не начну.

– Разумно. – Спрятав диковинный портсигар, старик снова уставился в огонь. – А я вот не могу избавиться. Как в тринадцать лет

пристрастился, так до сих пор и смолю. Ты, если чего спросить хочешь, то спрашивай, не дичись.

Вызов на откровенный разговор тоже может быть ловушкой: излагать легенду очень удобно, когда инициатива в твоих руках и контроль над нитью беседы перехватить очень сложно. Однако вариантов как баран чихнул, поэтому я только поощрительно кивнул:

— Хорошо, тогда расскажите, как и зачем вышли на контакт с отрядом, ведь с таким знанием местности и припасами вы вполне могли просидеть тут сколь угодно долго.

— Просиде—е—еть! — Чернов с горечью мотнул головой и, снова

вынув портсигар, выудил из него папиросу, сунул незажжённой в рот. — Вот именно, что просидеть! Все вокруг заладили: моя хата с краю, ничего не знаю. Я раньше по Амуру баржи водил, потом золото мыл, всякое видел. Сам знаешь, народ там рискованный да разный. Убивцы, жульё — всех видел, но хоть шкурного было много, такого, как теперь, не припомню. Бывало, возьмётся пал лесной или вода высоко подымется — все свои распри забудут и вместе спасаются. А сейчас... тьфу, вспомнить противно! Я сам-то на заимке живу, радио на батарейках, да и ловит погано из-за сопки этих. Аккурат в воскресенье,

двадцать восьмого... ну августа то есть, пошёл в посёлок Выриково, это вёрст триста отсюда, если по прямой. Прихожу, а посёлок пустой стоит, никого нету, и даже ни одна собака из-за забора не брешет.

— Каратели?

— Они, они самые. — Глаза Чернова превратились в узкие щёлочки, и меня передёрнуло, до чего тёмным огнём они сверкнули. — Только я сначала не понял ничего, пока за околицей костёр не запалили...

— Закапывать не стали?

— А чем они будут копать, коли тракторов всего два, и те без соляры ещё с весны? Продали соляру-то.

Техника вся у фирмы, которая лес заготавливает, а это не ближний свет, почитай вёрст сто от посёлка, да и посёлок наш — одно название, десяток дворов и вся недолга. Так думаю, что оттуда ради трупов бульдозер никто не погонит.

Разгильдяйство оказалось и на сей раз на руку выжившим. Я уже догадывался, что услышу дальше, но не перебивал. Хотелось понять, почему Лера поверила старику так скоро, ведь история пока повода не давала. Перекинув пожёванную папиросу в левый угол рта, Чернов с тихой яростью в голосе продолжил:

— Свалили всех в кучу за околицей в овраг, завалили дровами

из пленниц да подожгли. А сами стоят возле ямы и добро их, выпотрошенное из изб, перебирают. Ясное дело, ценности искали. Да только чего там ценного у старух да пьяни, что в город не сбёгла? Ну пока оне там ёрзали, я обратно в сторожку – приспособа у меня к винтовке есть, чтобы без шума стрелять. Да знаешь, поди учёный, а я медвежью шкуру да флягу мёда за неё одному умельцу отдал... Как знал, что не только для охоты сгодится.

Пока всё было похоже на моё первое знакомство с карателями, но, видимо, старик сделал нечто такое, отчего Лера сняла с него все подозрения, и я подтолкнул

замолчавшего деда уточняющим вопросом:

— Андрей Иванович, а как вы поняли, что это не простые бандиты? Ведь край глухой, всякое может быть.

Чернов, не отрывая взгляда от пламени костра, кивнул и, разлушив ветку валежника на мелкие щепки, подкормил затухающий огонь.

— Опять твоя правда, солдат. Отморози всякой теперь не в пример прежним годам больше стало. Могли прийти, наехать по беспределу, это верно, даже пожечь всех тоже могли, и никакая власть их не остановила бы. Оне теперь, — старик споткнулся на слове и, сощурившись, поправился, — до войны, то есть, и

были настоящая наша власть. Как волки среди овец рыскали... да только волк это зверь, он такой жестокости над добычей, как человек, измыслить не может. Но эти всё чище делали: в посёлке три бабы—молодухи, да мужики, хоть и пьющие, но все с оружием — стрельба бы получилась, начни бандиты беспредел. А я бы услышал, чай, не оглох ещё. Но тихо всё было: баб никто не трогал, стрельбы и криков тож не слышать. Химией какой—то пахло, и запах незнакомый, потравили, точно крыс, я так мыслю. Не будь огня за околицей, то и мы с тобой бы сейчас не беседовали.

Пока всё выглядело логично, я

помаленьку начинал верить в рассказ лесника. Рассказ его, полный шероховатостей и мелких нестыковок — это именно то, что в реале называется правдой. Множество специфических слов неожиданно прояснило для меня возможное происхождение винтовки и портсигара: старик, скорее всего, долгое время был на золотоносных приисках, но не сидел, это совершенно точно. Старатели — народ по большей части авантюрного склада характера, с морем тёмных пятен в биографии, но не обязательно это криминал, часто просто какая-то личная драма или склонность к приключениям. Лера

тоже не вчера родилась – увидела атрибуты «вольного старателя» и, может быть, с этого и началось доверие. Тем временем Чернов продолжал, рассказ его выглядел всё интереснее и интереснее:

– Не стал я мешкать и назад, на заимку побежал. Душегубы эти на машинах приехали, а я короткую дорогу знаю, что вокруг грунтовки идёт. И хоть они на колёсах, да я их быстрее буду. Да и Белка... ну, кобылка у меня есть, по тропе быстрее пройдёт, а я как на грех пешком в посёлок отправился.

– Догнали?

– А то как же, – старик впервые беззлобно, даже с гордостью

улыбнулся в бороду. — Подловил их, когда оне через ручей переправлялись. Гать там, с тех пор как мост смыло, вот и застряли ироды. Одна—то было переехала, да, видно, растрясли гать, и вторая машина прям у берега и встряла в грязюку. Оне, правда, быстро лебёдку наладили, но, видно, нагрузили барахла грабленного, плохо дело спорилось. Я Белку привязал, приспособу на винтовку прикрутил и на скалу залез — тут часто камень старый, что те гнилые зубы из земли прут.

Момент с грабежом зачищаемых деревень меня заинтересовал, вспомнились коробки с куревом,

сваленные в командирской «бытовке» на аутпосте наёмников. До сих пор трудно взять в голову, зачем они это делают, поэтому я уточнил:

— Значит, ограбили магазин и сгрузили всё во вторую машину. Но зачем им палёная водка и консервы да катаное курево?

— А чёрт его разберёт, — Чернов вынул папиросу с размочаленным мундштуком изо рта и заложил за козырёк кепки. — Но вторая машина точно для барахла была приспособлена, думаю оне не впервой так поступают. Подобрали всякую рухлядь: два самовара старых, иконы и ковров штуки три. Всё это

помимо водки, сигарет и консервов. Да сноровисто так упаковали, я даже удивился.

Этот непонятный факт я оставил на потом, хотя вряд ли это что-то значимо меняет в общей схеме. Ну предположим, пристрастились оккупанты к нашей водяре и консервированным говяжьим хрящам, ну и что тут особенного? От ботулизма они вряд ли перемерут, ведь это наёмники — могут быть перебои со снабжением, кадровых частей это скорее всего не касается. Тем временем лесник продолжал рассказ:

— Машины у них больно хитрые, что твой броневик: через стекло

такой не взять, да, на моё счастье, прочности гати оне не знали, иначе так бы не нагрузились. А я помню, что по той тропке только порожняк пройтить может, гружёная машина в объезд ходит в посёлок. Да только оне—то эту заморочку не знали, вот и въехали в грязь по самое брюхо. Ну и... порешил я их всех.

— Лихо, — я подбросил в огонь пару толстых сучьев, ловя реакцию деда. — Шесть человек с автоматами так просто дали себя застрелить?

Чернов лишь шумно вздохнул, полез в карман, вынул оттуда семь «собачьих жетонов» — так амеры и вообще люди в Забугорье называют медальоны с личным номером. Зажав

их в кулаке, чтобы не звенели, лесник передал их мне, глядя мне в глаза:

— Главная ваша тоже не поверила, только ей, помимо этих побрякушек, потом ещё и головы предъявил. А что до мастерства... Я белку голыми руками ловлю, могу к сохатому на вытянутую руку подойти. Нешто каких-то живодёров из ружья с приспособой бесшумной убить не смогу? Ну бегали оне сначала, потом стрелять взялись, а меня-то не видать, да не слышать! Машины встали, антенну на крыше я отстрелил, короткая связь у нас не берёт далеко. Двое их осталось, сутки оне в кабине сидели, помощи

ждали.

— И что, так никто и не появился?

— Отчего ж никто? — дед снова усмехнулся. — Приехал грузовик аккуратно следующим днём, в нём ещё один водила. Только я его раньше энтих иродов услышал, да встретил. Оне-то не знали, что я отлучился: сидят в машине и носа наружу не кажут! А я вокруг обошёл и прямо на просеку вышел, откуда шум слышал. Сел у съезда на тропку, что к переправе вела, да и подкараулил машину. День жаркий выдался, гад этот смотровую щель в водительской двери открытой держал. А там поворот больно незаметный —

скорость нужно сбросить... Ну я его и подстрелил.

— А не было мысли, Андрей Иванович, что в машине народу много?

Снова вздохнув, старик приоткрыл полы плаща и показал длинный чехол из коричневой кожи, притороченный справа у пояса. Потом отстегнул широкую кожаную лямку—фиксатор, вынул и передал мне грамотно укороченный обрез охотничьего ружья — «вертикалки». Двенадцатый калибр, скорее всего какой—нибудь особо заковыристый боеприпас вроде «гусянки». При умелом обращении, да на дистанции метров пятнадцать — это как карманная мортира. Чуть

опомнившись, я спросил:

— Чем начинаете это... ЭТО?

— Порох бездымный, да по десять картечин, на гитарную струну нанизанные. Поди, сам догадался?

Признаюсь, покуда не появился у меня нарезной карабин, в хозяйстве я имел обрез найденного в тайге одноствольного ружья, снаряженный подобным «гостинцем». Применять на живом материале, слава богу, не приходилось, однако при испытаниях в ключья порвало старую самодельную боксёрскую грушу, созданную на базе пары матрасов и соснового чурбака. Шесть таких патронов и обрез я всегда носил в походах за орехово-ягодным житом,

поскольку в тайге уроды тоже попадают. Без слов вернув оружие владельцу, спросил:

— Как думаете, почему один всего приехал?

— Ну, — кряхтя, старик пристроил обрез в самопальную кобуру и задумался, — ихних уставов я не знаю, может, и положено гуртом ездить, но сам знаешь: человек существо странное. Может, лень было остальным в такую даль тащиться, может, перепились все водярой краденой. Точно тебе никто не расскажет. Смекнул я, что энти черти ещё долго в машине просидеть смогут, потому отогнал грузовик в кусты да пошарил в нём маненько.

Нашёл канистру пустую. Слил бензина, сколько унести смог, и пошёл обратно к переправе. Душегубцы всё в кабине сидят, да помощи ждут. Ну... вытряхнул из полиэтиленовых пакетов жратву, что оставалась, наполнил их бензином, на верёвку приладил да изловчился и на крышу машины забросил. Те, что в кабине, сразу ничего не поняли, только когда бензином запахло, из машины наружу полезли. Ну и они это затеяли одного, что спереди, на пассажирском сиденье сидел, я сразу убил, а второму обе ноги перебить изловчился.

— Допрос что-то прояснил?

— А чего там яснить-то? —

огладив бороду правой морщинистой ладонью, Чернов усмехнулся. — Сказал он про войну, что, мол, нету больше державы, а есть Сибирский протекторат. А нас, ну то есть русских, оне все в расход определили. Он красиво как-то сказал, но смысл я ухватил. Стаскал я всех в кучу, машина уже догорала тогда, да и дело к вечеру клонилось, и пожар трупы и энтого, говоруна.

— Живьём?

Старик, сверкнув чёрными глазами, рубанул ладонью по горлу, показывая, что сделал с пленным. Этот интернациональный жест был понятен и так, но Чернов тихо добавил:

— Мы не они, хоть глотку я ему и перерезал. Само собой, бить это зверьё надо жёстко. Однако мыслю так, что им уподобляться не следует. Вижу, ты не согласен, но скоро и ты всё поймёшь, оно с возрастом приходит. Чую, нахлебаемся кровушки и своей немало прольём, но когда есть возможность, лучше без жести.

Тут я ничего старику не сказал, спорить не хотелось, тем более, что со вторым тезисом, о кровавой похлёбке, он был совершенно прав. Но знал я и другое: когда умирает сразу столько близких тебе людей, умираешь и ты сам. Вместе с погибшими уходит из души что-то

важное, и гаснет часть светлого огня в душе. Остаются только щемящая боль утраты и злость. Нельзя забыть, нельзя простить. Кого-то лечит время, встречал я и такое, однако на личном примере могу сказать, что по-настоящему можно заставить боль утихнуть, только если устранишь пускай даже косвенную причину в лице пары-тройки «духов». Я не умею прощать убийц, грабителей, насильников и дураков. Возможно, по этой причине до сих пор боль не стихает, злыми толчками она гонит вперёд, на поиски первопричины, и вот с мыслью, что эти поиски будут длиться весь остаток жизни, мне худо-бедно

удалось примириться. Сыпанув на тлеющие угли земли, принесённой загодя, я пошёл к стене и, оглянувшись к старику, подвёл черту под бесполезным для нас обоим спором:

— Вот что я вам скажу, Андрей Иванович, — дед вскинул голову и выжидательно посмотрел мне в глаза, открыто, с искренним интересом, — пока что у нас нет выбора. Гуманно поступают победители, поскольку поверженный враг им уже не слишком опасен. Расклад не тот для гуманизма, нужно заставить их бояться, пробудить желание уйти... побежать, поджав хвост. А для этого жестокость —

самый подходящий инструмент, поэтому если я увижу, что вы миндальничаете с врагом или, не дай бог, помогаете ему – зарою в землю живьём, своими собственными руками. Сейчас у вас есть выбор: идти с нами, но тогда расклад простой – подчиняться мне и командиру отряда, или вы тихо, прямо сейчас уходите и нам на глаза никогда не попадаетесь. Так как оно будет?

Чернов досадливо крякнул и пошёл в противоположный угол пещеры, где и зарылся в листву. Лишь когда я, закрывая глаза, приказал себе уснуть и свернулся у стены, услышал тихий ответ:

— У каждого своя правда, но вражинам—то плевать. Не поняли мы друг друга, но время ещё будет. Я два раза не выбираю — будем воевать по—твоему, лишь бы сквитаться, лишь бы одолеть...

...Лёгкие ожгло от большой задержки дыхания, я вынырнул и встал в чаше горячего источника, глотнул прохладный сухой воздух. Осторожно ступая по неровному дну и вытирая распаренное лицо пятернёй, выбрался наверх и стал одеваться. Свет самодельной коптилки неровными бликами освещал стены пещеры, расписанные сценами охоты. Один рисунок притягивал взор помимо воли: трое

схематично нарисованных людей с палками затаились в кустах, пропуская идущего вальяжной походкой саблезубого тигра. Старый рисунок, потускневшие краски, но что удивительно — художник с анатомической точностью нарисовал прильнувшего мордой к земле тигра. Чем дольше я смотрел на картинку, тем явственней представлял нервно раздувающиеся ноздри хищной кошки, пытавшейся унюхать так внезапно сбежавшую добычу. В позе зверя чувствовалась сила и мощь уверенного в себе охотника, но вот сейчас слабой и лёгкой добыче в лице троих людей, вооружённых лишь обожжёнными на костре

палками, удалось его обмануть. С досадой хлеща себя по бокам длинным хвостом, саблезубый готов среагировать на любой шорох, малейшее движение. Но страх и желание выжить спасли людей по прихоти Судьбы из охотников ставших чьей-то добычей. Оторвав взгляд от картины и быстро одевшись, я спустился по полустёртым ступеням вниз, прихватив с собой коптилку. Как и людям на картинке, мне и выжившим по прихоти той же Судьбы людям в который раз предстояло пройти испытание на право жить, и что гораздо важнее — заманить сильного и уверенного в себе врага в ловушку.

Россия. 3 октября 2011 года.
Юго–западный участок Центрально–
сибирской оккупационной зоны.
319 км юго–восточнее предместий г.
Кемерово. Участок Шишковичского
лесного массива, 16.37 по местному
времени. Лейтенант Зак «Фрости»
МакАдамс, командир отряда SOCOM
«Варлок». Превратности войны, или
Что такое ирландская удача.

...Земля, вымоченная
зарядившим пару недель назад
дождём, не сохранила чётких следов
пресловутого Сасквотча и его
спутников. Наш единственный
потомственный проводник – Джош

Хардин, от которого не уходили даже матёрые афганские моджахеды, зло матерился сквозь зубы. Хардин попал к нам из армейских рейнджеров, где выделился именно своим исключительным чутьём, за что его так и прозвали – Нюх. Везде, будь то иракский песок или лысые афганские горы, Нюх отыскивал вражеский след. Джош приводил группу ровно к тому самому месту, где скрывался враг – словно бы по запаху, как это делает хорошая гончая. Но в данный момент сержант Хардин вот уже шестые сутки кряду кружил меж трёх плоских холмов, поросших огромными соснами и колючим кустарником, так и не

найдя ни единой зацепки. Ровно в сорока километрах южнее начиналась совершенно непроходимая чаща, которую жившие тут русские называли «тэйг» или «тайгие», я пока ещё не слишком вник в эти тонкости. Взобравшись на подходящее дерево, я осмотрелся сначала просто так, а потом внимательно оглядел всё вокруг через двадцатикратную оптику. В левом углу дисплея постоянно мигала тревожная надпись «ошибка подключения», но я уже привык. Вся техника была заточена под новый стандарт, согласно которому бинокль, электронный гибкий карта-планшет и тактический компьютер

объединялись в одну сеть, быстро показывая офицеру, в каком точно районе он находится, и по нажатию кнопки на небольшой боковой панели бинокля можно пометить позиции наблюдаемых вражеских войск и техники. По идее, это всё должно отобразиться на карте и через спутник попасть в штаб армии. Так любой штабной мудака, имеющий доступ к нашим операциям, сможет в реальном времени увидеть то, что вижу я. Но на практике система барахлит и если сейчас подключить всё как положено, то через пару секунд на нашего полковника посыплются тревожные запросы, почему с секретным подразделением

потеряна связь и нет чёткой картинки. Но бинокль всё же отличный, а компьютер таки нужен для управления беспилотником и для вызова артиллерии и «вертушек» в случае чего, поэтому мы их пользуем отдельно, так гораздо меньше суеты и проблем с начальством. Хуже всего обычной пехоте и прочим уставникам — они вынуждены работать с этой пока ещё далёкой от совершенства системой как положено. Однако все знают, что чаще всего офицеры пользуются обычными бумажными картами, предпочитая новомодным гаджетам старую добрую радиосвязь...

Лес вокруг простирался, словно

бескрайний океан, из которого мощными громадами выступали части заросшего лесом горного хребта, именуемого Салеи-ир или как-то так. Плёнка дождевой мороси свинцовой дымкой окутывала всё в радиусе трёх километров окрест, сплюнув про себя от досады и определив направление нового маршрута, я быстро спустился на землю. На общий вызов по рации отозвались все, кто осматривал окрестности, спустя двадцать минут группа, кроме троих бойцов охранения собрались на крошечной полянке, где едва-едва хватило места, чтобы расположиться на привал. Осмотрев вновь прибывших,

я заметил, что не хватает ещё и Сэма Прескотта по прозвищу Фонарщик. Сэм у нас в группе был лучшим снайпером и по совместительству слыл знатоком всего русского. И если Нюх мог по запаху учуять врага, то Фонарщик, пожалуй, единственный, кого я знаю, кто сможет его подстрелить даже в глухую безлунную полночь. Сэм наверняка забрался дальше всех и сейчас спешит как может. Остальные бойцы имели уставший вид, в глазах и движениях сквозило раздражение: пошли седьмые сутки безрезультатных поисков. Все сроки, отпущенные Трентоном, вышли ещё позавчера, у Майка и его головорезов

судя по сводкам дела обстояли не лучше. Бигфут затаился, это ясно. Ставя себя на его место, мне виделось не так много вариантов его поведения. Скорее всего, всё это время ушло на перегруппировку, и в лесу находятся лишь передовые малочисленные дозоры. Если это так, и район базирования мы определили верно, то, даже вскрыв позицию наблюдателей, мы ничего не добьёмся. Единственный вариант, при котором есть реальный шанс уничтожить партизан, это выявить объект их оперативного интереса и взять в момент выхода к нему. Воздушная разведка пока молчит, что косвенно подтверждает мою

гипотезу. Но штабным начальникам этого не объяснить. Трентон единственный, кто воспринял мои аргументы как профессионал, однако его голос тоже не решающий. От нас требуют скальпы партизан... я даже подозреваю, что сгодятся любые, лишь бы быстро доложить в мюнхенский оперативный центр о победе. Диверсионный отряд, наносящий реальный, пусть пока и незначительный ущерб, это ЧП вне концепции «ассиметричной войны». Поэтому кто-то решил, что двух недель на устранение угрозы будет вполне достаточно, и теперь сучит ножками, когда всё повернулось иначе. Само собой, район никто

выжигать не станет – слишком много ценной древесины пойдёт в распыл, слишком большие деньги уже вложены в эту землю.

Преодолевая усталость, я всматриваюсь в карту и попутно слушаю Гарри Чеймберса, прозванного просто – Крюк. Прозвище он получил из-за своего страстного увлечения боксом: едва не уволился, чтобы уйти в профессиональный спорт, но я уговорил его остаться. Гарри у нас классный сапёр, а его способность распутывать чужие «подлянки» уже стала легендой в войсках. Сейчас он с таинственным видом отмалчивался, и я несколько

оживился, зная дурацкую привычку Крюка огорошить какой-нибудь новостью в последний момент. Жестом прервав вяло бубнившего сержанта Паркера, киваю Крюку и, поняв, что тот опять затеял прикол, оборачиваются к сапёру:

– Крюк, что у тебя на уме? Не томи, поделись впечатлениями.

– Хе! – Чеймберс поелозил на корточках и ухмыльнулся. – Обломал, Фрости, обломал! Смотри-ка, какие фрукты растут в этом лесу...

На траву, прямо мне под ноги, выкатилось два рубчатых кругляша. Две русские оборонительные гранаты, кажется, называются «филька»... Нет – «фенька», да,

точно так. Крюк не в первый раз выкидывал такой трюк с обезвреженными гранатами, а однажды это была оболочка миномётной мины, с вынутыми потрохами. Её Гарри положил в бак с уже почти сварившимися кукурузными початками и поставил на костёр. И всё бы ничего, однако в то время комроты со своими ближними выборочно инспектировал подразделения и увидел, как в баке варится 122-миллиметровая «чушка». Было шумное разбирательство, мне еле-еле удалось уговорить красного как рак капитана Мастерса ограничиться взысканием. Сейчас никто из парней

даже не привстал, настолько приколом сапёра всех достал своей банальностью. Взяв в руки скользкий от дождевой влаги рубчатый кругляш, я вопросительно посмотрел на разочарованного сапёра:

— Гарри, твои шутки уже приелись. Хочешь успеха у публики, тогда работай над репертуаром. — Под тихие смешки парней Крюк с вытянувшимся от досады лицом как-то съёжился. — Больше спецэффектов, можно секса добавить.

Тут народ оживился, слышались экстравагантные предложения, обстановку удалось разрядить. Крюк, умоляюще глядя на

меня, поднял руки, обращаясь уже ко всем:

– Ой, да я вас ещё так приколю!..
Элти, это было жестоко, босс!

– Гарри, давай уже по делу, – я жестом остановил разгоравшееся веселье. – Где ты снял эти «фрукты»?

Согнав разочарованную гримасу с раскрашенной в чёрно–зелёный цвет физиономии, Крюк развернул свой планшет и кончиком узкого кинжала указал место:

– Северо–восточный квадрат сектора «Матильда», босс. «Растяжки» свежие, им не больше семи дней, ставил дилетант, но замаскировано всё тщательно. Думаю, что не при отходе ставили,

слишком уж долго возились. Как вы и приказали, я снял «сюрпризы» и оставил наши сигналки, но дальше по сектору не продвигался. А потом была команда на общий сбор, но место я запомнил, маскировку вернул на место. Для отличия поставил красные и зелёные «сигналки», русским понравится.

Это было первое стоящее сообщение за две недели бесплодных рысканий по непролазной чаще. Сверившись с ориентирами, указанными сапёром, я чуть было не хлопнул себя по колену — это в сорока километрах от входа в узкую ложину, ведущую к горному кряжу. Раз закладки сделаны не для

прикрытия отхода отступающей группы, значит, где-то там сторожевой аутпост, или, как говорят русские – «секрет». Теперь осталось только дать заявку на спутниковое наблюдение, беспилотники туда посылать ни в коем случае нельзя, враг, нащупанный с таким трудом, может улизнуть, однако кое-какие меры принять следует. Тронув переключатель рации, я тихо приказал:

– Нюх, Фонарщик – здесь Фрости, сворачивайтесь. Ситуация шесть-три один, код красный. На приёме...

Наушник мурлыкнул тоном входящего отклика, слышались

отдалённые голоса оперативников:

– Фонарщик принял шесть–три–один, «красный»... иду.

Чуть погода раздался совсем близкий флегматичный, до зевоты бас Джоша. Этого увальня никогда толком не поймёшь, слишком уж он заиклен на своей работе. Сутками может сидеть в засаде и караулить добычу, словно паук.

– Нюх принял шесть–три–один, «красный»... уже в пути.

Глянув на часы и прикинув расчетное время подхода отстающих, я прикинул, как удобнее будет начать поиски. Развернул свой командирский «ровер»^[61] и включил оперативный канал обмена данными.

Вызвал на небольшой, четырнадцатидюймовый экран карту района. Засветились значки курсирующих на северо—востоке двух вертолётных, облетающих дорогу от базы к станции. Появились иконки нашего отряда, а также медленно ползущей по дороге на станцию транспортной колонны. Теперь все грузы сопровождали усиленные бронегруппы из состава охранной роты базы или железнодорожного узла. Светло—голубыми, в отличие от армейских тёмно—синих, обозначались многочисленные подразделения контракторов. Они также шарили где—то на северо—востоке, где было оборудовано

несколько новых аутпостов «Блэкстоун Сауз». Квадрат, обозначенный плавающей красной штрихованной линией, охватывающей весь юг района, обозначал примерную зону нашего поиска. Место, где Крюк снял «растяжки», было почти на самом краю зоны, дальше начиналась территория головорезов Майка. Введя поправку, я увидел, что идти до места примерно шесть часов, а начать плотное прочёсывание получится только завтра, к рассвету.

— Эл—Ти, мы в часе ходу от вашей позиции, ждём указаний.

Я выключил «ровер» и ответил Фонарщику, чтобы остались на

месте. Компьютер чётко показал их положение, считывая информацию с индивидуальных маяков слежения. Не всегда они работают как надо, однако лучше, когда они есть. Сделав знак парням выдвигаться, я двинулся вперёд, чтобы встать замыкающим. По еле видимой тропе мы колонной по одному стали спускаться с поросшего высоким кустарником склона холма, чтобы выйти как раз в точку, где уже ждали нас Фонарщик и Нюх. Сейчас важно незаметно подойти к «секрету русских и проследить время смены поста. Не надеясь на скоро входящий в нашу зону ответственности спутник, я всё же предпочитал увидеть русских

своими глазами, чтобы потом организовать выходящим на акцию диверсантам достойный приём.

Лес тут, в Сибири, совершенно не такой, как даже в центре подготовки на Аляске: деревья стоят плотно, трава и кустарник на треть больше своих ближайших родственников, и заросли местами совсем непроходимы. Несмотря на постоянно льющий дождь, воздух не такой влажный, это с непривычки напрягает. Трижды нам пришлось менять маршрут, потому как злобно шипящий от досады Нюх терял направление, и даже навигационные приборы помогали не особо: погода портилась, шквалистый ветер гнул

верхушки деревьев, данные наручных приборов GPS обновлялись как-то неохотно, пришлось ориентироваться исключительно по обычному, магнитному. Но тут возникла ещё одна трудность — вблизи горного кряжа стрелка самого простого и надёжного компаса вертелась как сумасшедшая. Выручало то, что Нюх загодя определил ориентиры и теперь вёл группу исключительно по оставленным приметам. Местность пошла под уклон, группа перестроилась левым уступом, бойцы разошлись на рабочую дистанцию. Оставалось надеяться, что в эти три-четыре часа нам удастся обнаружить русский патруль

и не засветиться самим. Лес неожиданно поредел, почва стала сухой и каменистой, уровень маскировки существенно снизился, теперь вражеский наблюдатель имел шанс засечь нас по движению. Неделю назад полученные комплекты лесного камуфляжа, обшитые нитяной бахромой с цифровым пиксельным общим фоном, подходили идеально для местных условий. Однако, побегав в них на полигоне в окрестностях базы, я убедился, что движение и силуэт он маскирует пусть и хорошо, но три раза из пяти я находил бойцов на любой дистанции. То обстоятельство, что против нас будут

играть в основном неумелые дилетанты, как фактор преимущества над противником, я отмёл сразу. Противника лучше переоценить, нежели вести себя небрежно с загнанными в угол людьми. Каратели часто несли потери именно потому, что с презрением относились к беженцам, прятавшимся по лесам в странных, вырытых, похоже, очень давно бункерах. Порой те преподносили ученикам Майка неприятные сюрпризы в виде ловчих ям с кольями на дне, либо неуправляемых минных полей, состоящих из самодельных фугасов, развешенных на деревьях и прикопанных в грунте.

Нередко поисковые группы гибли в полном составе, но всё же это были скорее исключительные эпизоды. Однако я никогда не позволяю себе с небрежностью относиться к своим людям, ведь, недооценивая врага, я прежде всего ставлю под удар именно их. Помню, капитан Макнайт, мой первый командир заставил меня побывать вместе с ним у вдовы его подчинённого, человека, мне совершенно не знакомого. Лицо побледневшей, небогато одетой пожилой латиноамериканки – матери погибшего, я никогда не забуду.

Наконец, когда сумерки вынудили отдать приказ об использовании приборов ночного

видения, Джош вызвал меня по короткой связи.

– Фрости, здесь Нюх, есть визуальный контакт на два часа, удаление сорок метров.

Момент встречи, даже если ты к ней готовишься, это всегда неожиданность. Доклад Джоша вызвал эхо нервной дрожи, пробегавшей по телу в тот первый раз, когда я ещё неопытным новобранцем в первый раз наткнулся на сидящего в засаде серба. Тогда адреналин затопил сознание, глуша вбитые на тренировках инстинкты, хотелось просто рефлекторно выстрелить... Сейчас – только эхо того волнения, но азарт остался.

Плавню вскинун автмат, провожу слева направо по сектору перед собой... Ага, вот овраг и скрючившиеся тела русских. Они почти не шевелятся: один прислонился к дальней стенке окопа, голова опущена на грудь... дремлет. Второй – девушка или подросток – замер в противоположном углу окопа, смотрит в темноту через оптику оружия... Идиот включил активный режим, вот как Нюх его нашёл!

– Фрости всем игрокам: предельное внимание. – Говорю шёпотом, но ларингофон рации чётко ловит каждое слово. – Рассредоточиться, работать мягко...

Дистанция до игрового стола — восемь щелчков. Ждём новую раздачу, потом работаем выбывших игроков. Нюх, постарайся вычислить дилера, он нужен обязательно.

Теперь мы дождёмся пересменки, и часть группы пойдёт за уставшими часовыми, чтобы проследить их маршрут, а оставшиеся после первого доклада новой смены о том, что всё спокойно, берёт и их. У одного из дозорных я заметил радиостанцию, значит, это старший. Среди вновь прибывших тоже будет кто-то подобный, кого-то из них обязательно нужно взять живым. Пока что группа рассредоточилась по

склонам оврага, нас от наблюдательного поста русских отделяет метров восемьдесят. Место для такой чащобы почти открытое: просветы между хилыми деревцами достигают пяти—шести метров. Кругом заросшее кустами каменное основание, деревья растут плохо, но вокруг море колючего кустарника, иногда полутораметровой высоты. Но это в идеале. Пока мы не выясним способ связи с основным отрядом, русских трогать нельзя, чтобы не спугнуть. Присев возле ствола старой сосны, я осторожно пристроил автомат в развилку нижней ветви и, ещё раз глянув на русский «секрет», замер в ожидании.

Лежать неподвижно любой, даже прошедший тренировку разведчик сможет не больше пары часов, это целое искусство — двигаться так, чтобы сохранять внешнюю статику и в то же время разминать мышцы. Враг не будет ждать, пока ты разотрёшь затекшую конечность или разработаешь одеревеневший от напряжения палец. Само собой, есть препараты, помогающие снять усталость, двигаться плавно даже спустя шесть—восемь часов неподвижного сидения в засаде, но после таких пилюль или уколов резко садится зрение. Лично у меня потом пару дней жутко ноют почки. Поэтому я сам и все парни из

отряда тренируемся в «змеиной гимнастике». Поочерёдно напрягая и расслабляя разные группы мышц и меняя опорные точки раз в два часа, можно сохранять внешнюю неподвижность почти сутки. Мой личный рекорд составил восемнадцать часов, после чего, как обычно, прохождение полосы препятствий, стрельба и спарринг рукопашную. Парни в отряде отличные, группу я подбирал пять лет, уверен в каждом на пятьдесят процентов (поскольку даже на себя смогу положиться только на пятьдесят один). Ветер уже стих, дождь всё ещё накрапывал капли оседали на ветках деревьев и листьях

кустарника тяжёлыми, тускло поблескивающими в неярком лунном свете бусинами. Глянув в прицел винтовки, я ещё раз всмотрелся в хорошо различимую позицию русских. Там всё было спокойно, один задремал, зарывшись в накидку, какие у нас выдают армейским рейнджерам... чёрт, так это она и есть! Видимо обдирая трупы, эти твари забирали всё, чему они смогли найти применение. Второй русский что-то жевал, перерываясь на затяжки из мундштука заплечной фляги — «ме дузы», тоже, скорее всего, трофеейной. Нет, полковник прав: этих так просто не взять, подобная экипировка была только у

исчезнувшего на севере отряда разведчиков, каждый там не новичок — завалить сорок человек так, чтобы остаться в плюсе, это не может оказаться простым везением. Решено: как только приходит смена, живьём нужно брать только двоих, для этих, что в овраге, я сам не пожалею пули. Неожиданно ожила рация, последовал доклад от тылового охранения, там сидело двое: Нэд Кахил, по прозвищу Кабан и Райли Дэвис, которого все звали Напёрсток за пристрастие к игре в три золотника. Райли был мастером — виртуозно вертел напёрстки, благодаря его умениям и азарту помощника интенданта базы мы

теперь имеем годовой запас душистого мыла и мягчайшей туалетной бумаги.

— Фрости, новые игроки на шесть часов. Три клика от твоей позиции, прошу подтверждение по протоколу опознания...

Кабан, как и его реальный звериный прототип, отличался острейшим слухом и мог засечь даже комариный пердёж на расстоянии полумили. Нет сомнений, что раз он говорит, то засёк гостей ещё задолго до того, как те покажутся в оцепленной зоне. По правилам, сейчас я должен запросить оперативный центр в Нортвуде, чтобы определить, кто это тут

шарится. Но все эти новомодные штуки опять же хреново работают, плюс это могут быть наёмники, ничего про нашу операцию не знающие. Отношения с контрактниками натянутые: они не сообщают ничего нам, а мы, как можем, ставим наймитам палки в колёса при любом удобном случае. Сейчас эти сволочи реально срывают нам операцию, а запроси я всё по протоколу — новички непременно тут же узнают, что в квадрате работает армия. Русские улизнут, и вся работа пойдёт псу под хвост.

— Отставить протокол, если полезут в ваш сектор — срубите их по-тихому, но не наглухо. Напёрсток,

твоя волшебная дубинка ещё не обтрепалась?

Райли у нас отличался способностью вырубить противника любой комплекции с одного удара. Для этой цели ирландец применяет фамильную карманную дубинку из лиственницы, в сердцевину которой помещен свинцовый шар. Шар мягко и совершенно бесшумно перекачивается в выдолбленной внутри дубины полости во время удара, усиливая его. Напёрсток говорил, что это орудие досталось ему в наследство от прадеда— конокрада, который в свою очередь получил его от отца, главаря уличной банды где-то в Нью-Йорке.

Семейная реликвия носила прозвище «Кормилица», что, надо сказать вполне оправдано: две трети взятых живыми врагов на счету отряда, это работа Райли и его семейного орудия труда. Должно быть, в оные времена предки мастер-сержанта Дэвиса обобрали не один десяток подгулявших прохожих и не слишком трезвых бизнесменов средней руки.

— Копи... — Голос Напёрстка радостно дрожал от предвкушения — Эл-Ти, их всего трое, сработаем в лучшем виде, босс...

То, что случилось в ту же секунду, как прозвучала последняя фраза доклада, никакими словами описать нельзя, поскольку всё

произошло чертовски быстро. В доклад вклинился тревожный шёпот Нэда:

– Эл–Ти, воздух! Групповая цель точно над нами: высота четыреста метров, скорость!..

Спустя ещё доли мгновения весь эфир забил треск жёстко наведённых помех, я не успел толком среагировать, как всё вокруг озарилось серией белых вспышек. Последнее, что я успел различить сквозь гаснущий ноктовизор, это как русские пытаются выскочить из окопа, но что–то тёмное стремительно накрывает обоих... Может быть, это ловчая сеть.

– А–а–ах! А–а–ах–х!..

Щиток «ночника» сработал чётко, и действие светозвуковых гранат особого вреда зрению не нанесло. Реле вырубilo режим ночного видения, на пару мгновений наступила полная темнота. Но это пустяки, такой вариант всегда отрабатывался на учениях, я просто откатился метра на три вправо и резко опустил подбородок к груди. Ноктовизор тут же сполз вниз, зрение больше ничто не блокировало. Однако на какое-то время меня поразила полная глухота, та её мерзкая разновидность, при которой, кроме отвратительного писка, вообще ни черта не слышать. Ещё спустя пару секунд над окопом

русских взвилась осветительная ракета, и всё в радиусе двух десятков метров словно бы отделилось от окружающей темноты куполом бело-жёлтого мерцающего света. В наушнике по-прежнему тревожно пищал тоновым сигналом передатчик, давая знать, что рабочее и аварийная частоты накрылись или их кто-то плотно глушит. Я начал осторожно отползать назад и влево, чтобы оказаться за толстым стволом старой сосны, когда от позиции русских послышался вскрик, а затем звук падения чего-то тяжёлого. Писк радиации неожиданно стих, и в наушнике отчётливо прозвучал голос Майка:

– Варлок старший, здесь Синяя Борода!.. Отзови своих парней, Зак, и прикажи своему бешеному ирландцу отпустить моих людей. Одно дело делаем, парни, не надо бодаться!..

Родственничек нарисовался, да в придачу обозвался своим старым позывным!.. После секундного ошеломления пришла злость: само собой, этот ублюдок использовал нас как гончих собак. Я слышал, что у контракторов своя служба радиоразведки и они, словно обычное радио, слушают наши кодированные переговоры. Этот гад дождался, пока мы всё разнюхаем, и вот решил снять все сливки! Поднявшись из укрытия, я тронул

переключатель передатчика, тут же, перебивая друг друга, отозвались мои парни. Райли и Нэд спеленали троих наёмников и, судя по отборной брани Напёрстка, он собирался порезать на ремни наиболее приглянувшегося из них. Нюх, занявший господствующую по высоте позицию на одном из деревьев, в третий раз вызывая меня, докладывал, что он из своего «ремингтона» приложил одного из наёмников, высадившихся очень кучно в районе позиции русских. Уже спускаясь на дно оврага и отряхивая палую листву, я отдал группе приказ:

– Всем игрокам – пас, дилер пьян. Фонарщик, Кабан и Напёрсток

— держите внешний периметр, шулеров отпустить. Остальные ко мне, я подхожу к столу. В игре свои, карты на стол.

С явной неохотой парни доложились о том, что выполняют. Я же не спеша подошел к месту где располагался секрет русских. Догадка оказалась верной: люди Майка прыгали с «Призрака» — так ещё с времён иракской компании называют борт поддержки АС-130. Он же и обстрелял место высадки светозвуковыми гранатами из бортового станкового гранатомёта. Одновременно наймитам ворожил самолёт радиоразведки, отрубившей нам связь... Шикарный план, что и

говорить. Свет от ракеты потускнел и погас, но кто-то из людей моего шурина тут же запустил новый фонарь. Двое наёмников оттаскивали от края окопа русских одного из своих, это был тот, о ком докладывал Нюх. Зрение меня не подвело, ещё двое бойцов Майка в непривычно мерцающих мешковатых комбинезонах выволакивали из оврага обоих запутавшихся в ловчей сети. Такую используют в полицейском спецназе — волокна, из которых такая сеть состоит, сотканы из прочной нити, которую невозможно разрезать или разорвать. Жертва запутывается, пытаясь освободиться, сетка еще сильнее

опутывает брыкающуюся добычу. Армейский нож вполне сможет распороть сеть, но для этого нужна сила и, что самое главное – время. Русские, однако, уже не сопротивлялись, только один из них, тот, что выглядел покрупнее, вяло разводил руками. Сеть тут же выволокли на открытое место и подвесили над землёй, перекинув через толстый сук старой лиственницы. Странного вида кокон повис в полутора метрах над землёй, я остановился, ожидая когда вниз спустятся мои люди, родственничку придётся многое объяснить, просто так я ему свою добычу не отдам. Майк встал рядом с коконом, из

зарослей позади вышло ещё трое его людей. Слов нет, своих шакалов частники снабжают очень хорошо: полевые комбезы прошиты термооптическим волокном, лёгкие карабины «ремингтон» покрыты каким-то поглощающим тепло составом, полимерные шлемы и новые приборы ночного видения почти таких же габаритов, как обычные тактические очки. Почти одновременно рядом со мной нарисовались Нюх с Крюком, а почти из-под ног наёмников вынырнул, не потревожив ни один лист, наш док Лем Питерсон. По штату Лем у нас полевой врач, однако больше, чем пластать чью-нибудь задницу

скальпелем, док любит прятаться. Но от клейма профессии не уйдёшь, и его так и так прозвали Дулиттлом в честь чудаковатого ветеринара из фильма, который понимает язык всякого зверья. Отсалютовав немного напрягшимся наёмникам, Лем подбежал к нам. Теперь все были в сборе и следовало начать говорить, поскольку шанс выследить партизан безнадёжно упущен, следует отстоять своё право на добычу. Майк двинулся мне навстречу, я успел только раз шагнуть вперёд, что, в конечном итоге, и решило всё впоследствии.

— Вышел бардак, родственничек... — Голос шурина так и сочился самодовольством. — Но

приз наш! Думаю, спишем всё на партизан, я не хочу разборок между армией и моими...

— Ты сука, Майк. — Я как мог сдерживался, но раздражение прорвалось наружу. — Мы выслеживали русских две недели. Теперь они затаятся, а потом снова вылезут там, где их не ждут. Ты перепутал своих неумелых фермеров, вооружённых дробовиками, с солдатами, эти люди скорее всего хорошо проинструктированы, и простой допрос ничего толком не даст... Две недели работы, ублюдок!

— И это ровно на две недели больше того срока, который нам озвучил полковник. Зак, очнись!

Майк, резко развернувшись, пошёл к сети и, набрав комбинацию на видимой только ему сквозь наглазный визор виртуальной клавиатуре, освободил замок сетки, в которой уже затихли пленники. Эта сеть имеет свой аккумулятор, замыкающий звенья по принципу электромагнита. После подачи управляющего импульса сеть расправляется, подаётся разряд тока, жертва парализуется на то время, которое нужно, чтобы сковать её наручниками. Оба пленника вывалились и упали на землю, словно два мешка с кукурузными початками. Ракета, висевшая над нами, стала прогорать, но, видимо, у

команды моего родственника
процедура была уже отработана,
потому что в тот момент, когда яркий
белый свет, льющийся сверху,
потускнел, на пленниках
скрестились лучи мощных фонарей,
закреплённых на поясах двух
стоявших на противостоящих
склонах оврага наёмников.
Практически в тот же миг те двое,
что встали рядом с Майком,
бросились на парализованных
людей, ловко их обыскивая, попутно
сортируя трофеи в две небольших
кучи. Отдельно положили оружие,
которое я решил рассмотреть
поближе. Не спрашивая одобрения
всё ещё пыжившегося от

самодовольства шурина, присел на корточки в паре метров от источников света. В темноте я вижу плоховато, поэтому по старой привычке взял в зубы маленький светодиодный фонарик — «карандаш», дававший узкий, но довольно чёткий конус света. Оружие опять оказалось нашим: парашютных рейнджерских карабинов Mk.18 CQBR^[62], два девятимиллиметровых P226^[63]. Были ещё два ножа, но эти, скорее всего, принадлежали русским изначально, слишком дёшево для рейнджеров, плохая сталь, в руке лежат неудобно. Всё оружие в комплектации для ближнего боя в лесу — карабины с

коротким стволом, пистолеты с резьбой под глушитель, зелёно-коричневое теплопоглощающее напыление на карабинах. Чтобы окончательно убедиться в верности собственных предположений, я взял один М-4 и отогнул ткань кевларовой вставки на ремне возле самого крепления к кольцу антабки. Так и есть: на зелёной ткани несмываемым маркером выведено прозвище – «Бобёр». На втором тоже обнаружилась метка с инициалами: по крайней мере, теперь точно известно, куда делось оружие. Отдавать русских наёмников точно нельзя, всё оказалось куда сложнее, чем кажется Майку. Неприятный

холодок пробежал по спине, словно кто-то прошёлся по моей могиле в подкованных сапогах. Поднявшись на ноги, я пошёл к кучкам снаряжения, снятого с пленных. Теперь без помех можно их разглядеть: оба одеты в обтрёпанные охотничьи полувоенные костюмы расцветки «осень», разгрузочные жилеты, сложенные в отдельную кучу, при ближайшем осмотре – явно снятые с убитых рейнджеров. Я различил бурые пятна засохшей крови, в некоторых местах видны следы починки. На магазинах к карабинам видны личные метки бывших владельцев.

– Видишь, Зак, эти вонючие крысы замесили наших братьев,

ободрали их трупы и бросили гнить в этих лесах...

Громкое восклицание Майка оторвало меня от работы, а смысл сказанного только усилил раздражение. Присутствие брата жены становилось непереносимым. Сквозь стиснутые зубы я только и смог проговорить:

— Солдат никогда не назовёт братом продажную шкуру вроде тебя, Майкл. Этот разговор опять приведёт к тому, что я надеру твою прыщавую жопу, и ты побежишь жаловаться Кори. Эти парни погибли в бою, а ты со своей бандой трупоедов, словно шакал, травишь газом гражданских да режешь плохо обученных

фермеров и детей, не знающих, как правильно держать в руках оружие!..

В следующий миг произошло сразу несколько событий, сменявших друг друга со столь поразительной быстротой, что я едва успел отреагировать лишь на одно из них. Майк, как и положено, завёлся с полоборота и ринулся на меня. Оба его бойца отвлеклись от обыска пленных, что и стало для одного из них, что был поменьше, поводом, чтобы попытаться сбежать. Пленный сдвоенным ударом ещё не связанных ног ударил отвернувшегося наёмника в лицо, отчего тот ослабил хватку и откатился вбок. Юркий парнишка поднялся и что есть духу припустил

вдоль дна оврага, туда, где начинались густые заросли кустарника. Майк среагировал мгновенно: шурин вскинул автомат и стрекотнул короткой очередью вслед беглецу. Три пули попали парнишке в середину спины и шею, а одна вгрызлась в затылок и вышла из левого глаза. Беглец упал на землю нелепым комочком тряпья уже мёртвым. Майк уже опускал автомат, когда какая-то неведомая сила заставила моего родственника выпустить оружие и, нелепо откинув голову, осесть в шаге от меня на землю. Следом раздался булькающий звук у меня за спиной. Уже падая и перекатываясь в небольшую

промоину рядом, я успел заметить, что у второго пленника разворочена шея, и чёрная кровь сильными толчками бьёт наружу, заливая русскому всю грудь. Потом началась пальба, люди Майка, видимо, полагаясь на баллистические вычислители, встроенные в их шлемы, били короткими очередями в том направлении, откуда, как им подсказывал компьютер, вёлся огонь. Не обращая внимания на наёмников, я сдал тангенту общего вызова:

– Всем: Зверобой! Зверобой в секторе!..

Это было как раз то, чего я опасался: где-то с фланга наблюдательный пост стерегла

снайперская пара. Выстрелы прозвучали с минимальным разрывом, стрелков определённо двое. Сейчас дело за малым: мои парни или наёмники без труда засекут направление через спутник, Фонарщик не мог зевнуть стрелков...

– Эл–Ти, здесь Фонарщик! Всё по нулям, я его не вижу!.. Нет засветки, спутниковое сканирование тоже мимо, вызываю «погремушку» в сектор два–шестьдесят, два–шестьдесят три и три–пятьдесят один.

Чёрт! Я не мог ошибиться: входное отверстие от обычной пули. Если бы у стрелков был пятидесяти калибр, голова Майка лопнула бы как

тыква, а русскому просто оторвало бы голову. Значит, стрелки где-то на северном склоне горы, но Фонарщик не дурак, да и наёмники палят куда-то в чашу в совершенно противоположном направлении.

— Варлок главный, здесь Ассассин старший! — в наушнике отозвался голос с позывными звена штурмовиков прикрывающего. — Подтвердите заказ на обработку.

Выхода нет, если с земли мы снайпера не видим, то, скорее всего, позиция пристреляна. Но увидел он нас только после начала иллюминации, устроенной наёмниками. У него нет прибора ночного видения!..

– Вз–зз–ум!

Звук пули, пролетевшей рядом, я точно узнаю, когда его слышу. Нет, значит, дело не в прицеле...

– Вз–зз–ум! Вз–зз–ум!

Ещё пара пришла откуда-то с северо-востока: одна вошла в землю всего в паре сантиметров над правым плечом, вторая ушла левее и отщепила кору дерева, за которым я укрылся. Тянуть дальше было нельзя, охота теперь безнадёжно испорчена, и мы все превратились в дичь. Охрипшим от напряжения голосом я проговорил:

– Старший Ассассин, здесь Варлок главный! Заказ подтверждаю, работайте по указанным

координатам. Заказ подтверждаю!..

...Спустя полчаса начало рассветать, синие сумерки сменились серым тусклым утренним светом. Туман осел в складках оврага и не мешал ориентироваться. До точки эвакуации мы шли двумя группами, наёмники Майка ушли на восток, забрав его и тело убитого им русского с собой. Второго взяли мы, как и снятое с него снаряжение и оружие. После того, как штурмовики отбомбились по склонам сопки, обстрел нашей группы прекратился, однако Фонащик и Нюх всё ещё бродили впереди и в тылу, то и дело щупая местность оптикой винтовок. По нервному возбуждению и

отрывистости докладов я понял, что в смерть русских стрелков от бомб они не верят ни на грамм. Спустя ещё час мы добрались до лысой вершины плоского холма, и я включил навигационный маяк. Транспортная «вертушка» пришла в сопровождении пары «апачей» через двадцать минут и осторожно опустилась на небольшой участок ровной каменистой почвы, отошла аппарель, и бортстрелок лихорадочно замахал свободной рукой, мол, быстро внутрь. Похожие на голодных пресноводных акул, штурмовые вертолёты описывали круги вокруг приземлившегося транспортника, от волны разгоняемого «вертушками»

сырого холодного воздуха деревья вокруг гнулись к земле. Я ждал, пока все зайдут внутрь, и вошёл в гулкое нутро транспортного последним. Смерть шурина всё ещё тяжёлым грузом лежала на сердце. Кори и особенно его практичной жене, скорее всего, сообщат через неделю, когда юристы нанимавшей его конторы составят все бумаги. Всё упрётся в страховой бонус, но жена Майка своего не упустит, тут я спокоен. Лишь бы Кори не слишком заиклилась на том, что случилось. Всё же брат есть брат, но я—то знаю, что теперь она прежде всего будет думать обо мне. У ног лежал завёрнутый в брезент труп русского,

край ткани трепал восходящий поток воздуха, покуда аппаратель не захлопнулась, Райли сидящий напротив с автоматом, зажатым между колен, что-то сказал, но из-за шума винтов я его не расслышал и наклонился вперёд, чтобы переспросить.

— Нас сегодня посетила ирландская удача, Эл-Ти, — Райли криво усмехнулся показав пальцем на труп партизана. — Вроде как при своих, но главный банк сорвал кто-то другой... Паршиво, босс!..

Я кивнул в ответ, в сжатом до хруста кулаке лежала русская пуля, вынутая из ствола сосны. Какие-то доли дюйма отделяли меня от

смерти, стрелок промахнулся и смерть только показала зубы. Этакое напоминание о том, что в следующий раз может выйти совершенно иначе, и в брезенте будет лежать мой собственный труп. Мигнули лампы дежурного освещения, вертолёт тряхнуло, когда он входил в разворот. Мы возвращались в Нортвуд, однако больше чувства потери, я ощущал изматывающую усталость, какая бывает только после того, как точно знаешь, что кропотливо проделанная работа пошла прахом.

Россия, 3 октября 2011 г.
Приблизительно 200 км от г.
Углегорск. 06.23 по местному
времени. Штабной ЗКП 182-го
гвардейского тяжёлого
бомбардировочного авиаполка.
Временный командный центр юго-
восточного фронта. Бывший
командующий Восточного ОСК,
ныне действующий командующий
фронтом генерал армии Алексей
Макарович Широков.
Стратегический замысел и
воспоминания.

...Жёлтый свет лампы
аварийного освещения уже не

раздражал, чай в выщербленном гранёном стакане остыл, осталась где-то треть. Тесное помещение комнаты в глубине подземного бункера, где разместились все службы штаба, теперь стали моим домом. Странно, однако: о том, что стало с нашей городской квартирой в разорённом теперь Хабаровске, думалось без боли, словно отчаянье и злость первых трёх суток после нападения кто-то ампутировал. Ассоциация тут же вызвала боль настоящую – отрезанная под коленом левая нога ныла... Почему-то болел большой палец, хотя на его месте сейчас пустота. Нужно занять себя работой, не думать о себе, люди

равняются по тому, как уверенно я держусь с ними, каким голосом отдаю приказы. Им кажется, что я один знаю какой-то секрет, чудесный способ спасения остатков войск округа и тех, кому удалось с боями отойти от Владивостока, или вырваться из Мурманского котла. Некоторые части имели до четверти личного состава, от других осталось лишь несколько офицеров. Без документов, часто даже без знаков различия, остатки разгромленной армии шли к нам почти по наитию. Адова работа для особых отделов и фильтрационных комендатур. Люди работали на пределе, развёрнутых полевых госпиталей и просто

городских и сельских больниц не хватало: пока не так холодно, дополнительно было развёрнуто шестнадцать полевых лагерей, в которых размещали раненых. Американцы к нам не совались после организованных на юго-западном и юго-восточном направлениях нескольких контрударов. Как только противник терял взаимодействие с прикрывающим его наступление артиллерией и авиацией, он сразу же отступал, не ввязываясь в сколько-нибудь серьёзные перестрелки. Общими усилиями на данный момент фронт удалось стабилизировать, все должна была

решить операция по освобождению Видяево. Там сейчас всё разгромлено, авиация и ракетчики противника постарались на славу, но часть кораблей 67-й дивизии стратегических подводных ракетных крейсеров и остатки флота успели выйти из владивостокской и мурманской баз. Экипажи вместе с местными жителями и персоналом местной базы подплава Порт-Владимир, а также остатками разбитых сухопутных частей организовали оборону. Американцы два раза пытались применять новое оружие, но тамошний новый командующий контр-адмирал Никифоров отдал приказ отработать

по окинавской авиабазе ракетой с ядерной БЧ. Ракету сбили, однако продвижение вражеских войск было остановлено. База заблокирована со всех сторон, и, думаю, что у нас есть дня два, пока американцы не подтянут своё новое оружие, запасы которого, по данным разведки, вышли во время августовской операции. Тогда земля и воздух буквально горели, американцы высадились на оплавленную до стеклянной корки землю и продвинулись вглубь местами на сотни километров. Спасло нас только то, что части округа находились в движении к новым пунктам дислокации, большая группа

войск так же вышла из—под удара — проводила совместные тактические учения и боевые стрельбы. Наши потери были несопоставимо меньше тех, которые понесли ОСК «Запад» и «Юг». В последнем случае войска бывшего Северокавказского округа оказались расчленены согласованными ударами регулярной турецкой армии, развить успех которой в немалой степени помогли хорошо обученные боевики, скрывающиеся в горах а также в городах и сёлах национальных республик.

Свет ещё раз мигнул, видимо подключился новый резервуар от которой питалось всё оборудование

КП. Скоро должны прибыть командир пограничной зоны полковник Басаргин, начштаба и командиры вновь созданных ударных армий. Эх, только бы лекарство от боли не перестало действовать ещё часа два, проклятая ступня, которой нет, всё так же ноет!.. Боль в ноге стала нарастающими волнами отдавать сначала в поясницу, потом огненной стрелой врезалась в мозг, сразу же пришли воспоминания того первого дня, когда стало понятно, что нас всех ожидает...

... — Товарищ генерал, подъезжаем, вы просили перед КП разбудить!

Чёрт, опять задремал, эти

поездки в последнее время стали порядком надоедать. Лес кончился, впереди слева виднелись плиты бетонного забора, чуть дальше я увидел покатые крыши каких-то ангаров. База была на удалении трёх сотен километров от космодрома, добраться сюда, по словам моего нового начштаба, было всегда проблемой. Дорога ухабистая, асфальт давно распался на неряшливые пласты, штабной «УАЗ», или, в просторечье, «козёл», трясло, но я привык и к этому. На авиабазе я планировал просить у комполка вертушку, чтобы подбросил в Норск, где предстояло принимать поступающие боеприпасы, которые

свозили в том числе и на местные артсклады. С момента преобразования Дальневосточного округа в трескучий, на американский манер ОСК, пока что лишь тыловики справлялись лучше остальных. Но, по старой русской традиции, всё же случались накладки: что-то могло потеряться по дороге или сгореть при очень туманных обстоятельствах, поэтому я и спешил проконтролировать процесс лично. Так и так своруют, но, может статься, поймаю кого за руку, пугану маленько — и то хлеб. А что: нагнать официоза, взять сейчас у полковника Шевардина транспортный самолёт, прихватить половину штаба в

качестве свиты. Само собой, взять японский джип, вроде как положенный мне по должности... Но мягкий велюр салона напоминал о последней московской командировке за назначением. Звание обязывало либо увольнять, либо дать соответствующее место в той новой структуре, которую штатский министр лепил словно по образу хилого банковского филиала. Не раз высказываемое мной неприятие его методов сыграло свою роль: после присвоения звания пришёл приказ прибыть из Выборга в Москву, пред светлые очи, так сказать. Столицу никогда особо не любил, даже во времена учёбы во «Фрунзенке»,

слишком тут много интриг да особо утончённого столичного хамства. Но прибыл в срок — ничего не поделаешь. Уровень безразличия и цинизма коллег в Генштабе всё же поразил, некоторых открытым текстом приходилось посылать по известному адресу за сделанные в полный голос предложения о купле—продаже техники, горючего и обмундирования. Видимо, зная мой характер, полагая совершеннейшим солдафоном, решили действовать прямо, но обломались. А потом — это назначение, фактически — ссылка неугодного в самую глушь, за Уральский хребет. Дальневосточный округ всегда был именно таким

местом, тут до меня перебывали все, кто чем-то не угодил генштабистским чинушам. А могли и на пенсию, возраст уже позволяет, в декабре стукнет шестьдесят пять. Но что-то помешало убрать меня насовсем, видимо, боялись скандала в прессе, а может быть, не решались повторить вариант с командующим Северокавказским округом: того сначала тоже отстранили, потом выперли взащей, а тут и грузины полезли восстанавливать «государственную целостность». Новый командующий, по слухам, близкий родственник нового «партикулярного» министра обороны, обосрался и всё ждал, пока

из Москвы скажут, что делать. А грузины тем временем уже входили в разрушенный Цхинвал, убивая любого, кто попадался им на пути. Тогда-то парламентёры из свиты министра, «реформатора», и кинулись на поклон к Старику. Тот поступил благородно, пожалел солдат и вновь взял дело в свои руки. В последний момент удалось перехватить инициативу, сбить темп наступления врага и опрокинуть его передовые части. Было много ошибок, но тогда удалось показать и самим грузинам, а также тем, кто стоял у них за спиной, что мы по-прежнему умеем правильно воевать. Потом было много разговоров, что

организации не было, связь отключили и вся победа свелась к простому численному преимуществу. Но это лишь болтовня тех, кто рассчитывает на слабо разбирающихся в ситуации обывателей. Я, как и многие, кто вынужден был наблюдать за ситуацией со стороны, видел, что, будь дело в количестве, война с Грузией продлилась бы ещё минимум месяца три. Маленький театр военных действий, ничтожные для маневрирования расстояния — всё это не позволяет реализовать численное преимущество, в таких условиях нужны навык и опыт. Так и вышло: не подготовленные к столкновению с

равным по силе противником, выдрессированные для новой, бесконтактной войны, грузины бежали. Но урок наши чиновные хапуги вызубрили, поняв, что кроме отставки есть множество других способов убрать пока что не нужную переменную из уравнения. Видимо, моя ссылка и явилась таким своеобразным компромиссом: неугодного генерала убирают в шкаф, пересыпают нафталином, а в случае чего – пожалуйста бриться. Умно, по-иезуитски коварно...

Машина скрипнула тормозами и встала, Костя Ларионов, – мой бессменный адъютант, обернулся ко мне с переднего сиденья. Обычно

спокойное, чуть ироничное выражение сменилось на его лице озабоченной гримасой, отчего смешливые серые глаза словно подёрнулись ледяной корочкой:

— Товарищ генерал, Алексей Макарович, на КПШ шлагбаум снесён, дорогу перегородила бортовая машина, по виду — продуктовая... стёкла в караулке выбиты. Дежурного не вижу, бойцов из наряда дежурной смены тоже нет на посту. Похоже, в части ЧП, вы останьтесь в машине с сержантом, я пойду всё узнаю.

После случаев нападения на военные части в любой штабной машине есть оружие, я сам никогда

без лично отобранного на складе и пристрелянного ПМ на инспекцию не выезжаю. Само собой, можно делать как принято: блестящий джип, шитая на заказ форма с золотым шитьём и лампасами, но я не ряженный попугай, хотя гордиться есть чем. Всегда одевался запросто и удобно, поэтому узнавали всегда не сразу, что и есть самое главное в нелёгком деле поддержания репутации эдакого всевидящего Ока.

— Добро, только далеко не ходи, попробуй вызвать дежурного по внутренней связи из караулки. И возьми автомат на всякий случай — мало ли что случилось.

Вглядываясь

через

запорошённое пылью лобовое
стекло, я увидел только раскрытые
ворота КПП, а чуть дальше
действительно виднелся кунг
продуктовой машины.
Автоматически, следуя старой
привычке, я глянул на чёрный
циферблат старых «командирских»
часов: без четверти одиннадцать.
Машину остановили для досмотра
и... А что же потом: могли какие—
нибудь забубённые террористы
вломиться в часть? Бред, всё, что
можно, они сейчас покупают, порой
за фальшивые деньги. Значит,
остаётся: пьяный водитель,
ударивший со всей хмельной удали
по педали «газ», попутав её с точно

такой же, но с другим названием – «тормоз». Допустим, но тогда откуда выбитые стёкла в окошке помещения КПШ и дырки от пуль в стенах «караулки»? Да и по машине стреляли – правый задний скат продуктового «ниссана» пробит, машина осела набок. Нет, нужно на всякий случай осмотреться самому. Вынув пистолет, сдвинул флажок предохранителя и привычным движением передёрнул затвор. Ободряюще улыбнулся встрепенувшемуся было на знакомый звук молодому белобрысому водителю:

– Сержант, сиди в кабине, грей мотор, оружие достань, положи

рядом...

Договорить мне не дал звук перестрелки. Сначала раздался звонкий треск костинного АКСУ [\[64\]](#), ему ответил незнакомый глуховатый лающий голос оружия, которого я не узнал. Потом включилось ещё несколько похожих «незнакомцев», один из которых точно был ручным пулемётом, судя по частоте стрельбы. Потом снова заговорил костин «чебурашка», но второй короткой очереди вдруг осёкся, а дальше я уже не слушал, на ходу приказав вцепившемуся в руль побелевшими от напряжения пальцами водителю:

— Из машины не выходи, сдай назад и развернись, будь готов

газануть, как только мы с капитаном в машину залезем.

— Това... товарищ генерал, — парнишка растерялся, его светлые, округлившиеся от страха глаза были одним немым вопросом. — А что...

— Отставить! Соберись, сержант, выполнять приказ!

Часто только так можно привести людей в чувства. Не люблю брать на голос, но в данном случае другого выхода просто не было. Ситуация непонятная, и что-то мне подсказывало, что дальше вопросов только прибавится. Окрик на водителя подействовал как надо: ощутив себя в знакомой стихии, когда есть приказ и понятно что делать,

паренёк очень грамотно сдал назад и с ювелирной точностью развернул «козла» на дороге. Выпрыгнув на недавно положенный асфальт (видимо, кто-то всё же знал, что едет начальство — подсуетились), я побежал к дверям караульного помещения. Боковая дверь была сорвана с петель. Помянув недобрым словом прошедшие на штабной работе годы, я резко выглянул из-за угла, чуть присев при этом. У дальней стены, за перевёрнутым на бок столом я заметил то, что сначала показалось кучей тряпья. Встав в полный рост и не выпуская из поля зрения дверной проём комнаты, ведущий в узкий коридор проходной,

присматриваюсь к непонятному предмету — и по спине бежит неприятный холодок. Дежурный офицер и трое солдат свалены в кучу, друг на друга, видимо, двоих застрелили снаружи, капитана с повязкой дежурного по части застрелили тут, когда он вставал из-за стола. Третьего солдата убили в коридоре, когда тот вошёл в комнату, может быть, он вошёл на звуки выстрелов. От осмотра меня отвлекла новая серия выстрелов снаружи: огрызнулся автомат адъютанта, а ему ответили сразу три «ствола», чьих голосов я так и не смог распознать. Выручило то обстоятельство, что нападавшие

торопились и не обыскали помещения тщательно: автомат солдата валялся на полу в коридоре. Обычный АК74 лежал стволом к выходу, я случайно заметил фрагмент ремня и краешек приклада с того места, где стоял. Сунув пистолет в кобуру и подобрав «калашников», я быстро проверил, чем теперь располагаю. Подсумков ни у кого из трупов не оказалось, но «рог» трофейного автомата был набит патронами полностью. Присоединив магазин и переведя оружие в режим полуавтоматической стрельбы, я прислушался к звукам перестрелки снаружи, и через какое-то время картина прояснилась. Костя стрелял

от крыльца помещения комендатуры, что в сорока метрах от КПП, дальше ему пройти не удалось. Бандиты сидели метров на сто далее, в двухэтажном кирпичном здании, их позицию я украдкой разглядел через проём окна второй комнаты «караулки», оно выходило на дорогу, ведущую к гаражным боксам, судя по высоте ворот. Дальше и правее виднелся бетонный забор, за которым, как я точно знал, располагались топлиохранилище и ремонтные мастерские. Согнувшись и матерясь сквозь зубы, я подкрался ко второму разбитому окну и прикладом автомата выбил непрочную деревянную раму с

остатками стекла. Не мешкая прыгнул следом и не слишком удачно приземлился на поваленный стенд с каким-то плакатом из истории части. Шуму было достаточно, поэтому, несмотря на резкую боль в левом колене, я откатился вбок и вправо. Острая каменная крошка, которой тут посыпают дороги, вгрызлась в щеку и затылок. На грани слышимости прозвучал звук, который я узнал — так шипит струя реактивной гранаты, а спустя ещё пару мгновений за спиной раздался глухой взрыв. Жаркая волна ударила по ушам, но давний набор навыков заставил вскочить и короткими перебежками метнуться влево, где

стоял припаркованный на небольшой заасфальтированной площадке грузовой ГАЗ–66. Пара коротких пулемётных очередей вздыбила каменное крошево перед грузовиком, пули отбили длинную щепу от его борта, однако мой адъютант не упустил момент — два выстрела заставили пулемёт захлебнуться на полуслове. Тут же второй этаж огрызнулся сразу из четырёх стволов, пули выщербили кирпич из кладки крыльца, от чего образовалось целое облако пыли. Рельеф вокруг нам не благоприятствовал: особняк, где засели бандиты, расположен на возвышенности, возле плаца, обсаженного высокими елями, к

тому же левее располагалось длинное трёхэтажное здание штаба части, займи бандиты и его — нам уже ничто не поможет. Окна штаба тоже большей частью оказались разбиты, первые этажи носили следы недавнего пожара, кое—где всё ещё струился дым, но выглядело всё так, будто бой шёл тут часов шесть назад, то есть ранним утром. Стрельба снова прекратилась, я воспользовавшись передышкой, перебежал вперёд, укрывшись за бетонной тумбой постамента, на котором крепилась мемориальная плита с именами погибших во время Великой отечественной войны. Теперь от крыльца комендатуры меня

отделяло каких-то десять метров. Как я и предполагал, адъютант был ранен в ногу, от мгновенной смерти его спас только случай: Костя успел откатиться за крыльцо, но тут его и прижали. Шёпотом я окликнул Ларионова, он с обычной своей укоризной проговорил в полголоса:

— Алексей Макарович, нужно было вам уезжать, тут чёрт-те что творится...

Иногда Ларионов перегибает с опекой, но за десять лет совместной службы мы почти срослись, я относился к капитану как к родному сыну, своих детей нам с женой Бог не дал. Поэтому я тоже вполголоса шикнул на адъютанта:

– Но–но, раскомандовался! Кто из нас двоих генерал, а, Константин, ты или я? Вот сейчас выберемся. Я до штаба дозвонюсь и выясню, что тут творится...

Неожиданно слева раздался какой–то скрежет, и следом я услышал совершенно знакомый звук:

– Ба–ум–м!..

Стена белого домика, откуда в нас стреляли, окуталась клубами белого дыма, дрогнула, затем, словно бы нехотя, стала оседать вниз. Дом повело, и перекрытия обоих этажей, устремившись в одну точку где–то по центру здания, обрушились вниз, образовав почти идеальный прямой угол. Из–за левого угла здания

погоревшего штаба резво выскочил на
плац запылённый «восемьдесят
пятый» [\[65\]](#) и, чуть скорректировав
поворотом гусениц корпус с башней,
стал методично обрабатывать
развалины из пулемёта—спарки.
Улучив момент, я как мог резво
вскочил и перебежал к Косте, присел
с ним рядом. Руки сами собой
рванулись к рукаву куртки, рефлексy
снова не подвели: мотнув ткань возле
шва, мне удалось оторвать его почти
целиком. Не обращая внимание на
протесты адъютанта, я наложил жгут
выше раны, кровь из дырки в ляжке
перестала сочиться. Оставив
раненого, осторожно выглядываю из—
за укрытия. Тут продолжает

твориться что-то непонятное. Из крайнего левого окна первого этажа пустого, как мне казалось раньше, здания штаба стали неуклюже выпрыгивать солдаты. Судя по форме, это были бойцы роты охраны и сопровождения, или, может быть, «комендачи»: все в тяжёлых общевойсковых бронежилетах старого образца [\[66\]](#), их я узнал по нашитым спереди подсумкам и зелёному цвету капронового чехла. Вооружены все полноразмерными «калашами», обтянутые брезентовыми чехлами круглые шлемы падающие на глаза... наверняка «срочники». Они скопились возле левого борта танка,

укрываясь за ним построившись в колонну по два, и замерли. Немного погодя из окна выпрыгнул офицер в изорванной офицерской «повседневке», без фуражки, голова замотана серо—чёрными от копоти и пыли бинтами. Поверх кителя у офицера был довольно умело натянут разгрузочный жилет с подсумками, в левой руке он держал такой же, как и у моего адъютанта, «чебуран». Рваные брюки, форменные ботинки. Это явно был кто—то из офицеров штаба, погоны скрывали широкие лямки «разгрузки», но, судя по резвым движениям, это точно не комполка, того я бы и с такого расстояния узнал. Офицер,

полусогнувшись и то и дело оскальзываясь на щебне, подбежал к танку и два раза грохнул откинутым прикладом автомата по броне. Люк мехвода открылся, и после каких-то переговоров танк двинулся к порушенному дому, а трое бойцов и офицер отделились от основной группы, бежавшей следом за рычащей машиной и направились в нашу сторону. Подняв прислонённый к крыльцу автомат, я тихо сказал адъютанту:

— Костя, кажется, всё закончилось. Вон к нам кто-то из штабных бежит...

Но говорил я в пустоту, Ларионов потерял сознание, лицо его

побелело, и голова свесилась набок. Приспустив ремень автомата так, чтобы оружие было на уровне пояса, я повесил его себе на шею, автомат адъютанта повесил на плечо. Потормошив Костю и поняв, что тот прочно отключился, я взвалил его на загривок и кряхтя поднял. По весу стало понятно — парень выживет, мертвецы столько не весят. Непонятно, кто были эти бойцы с офицером. Ларионова следовало отнести в машину и связаться со штабом в Хабаровске, я уже предвидел толпы чинуш из Генштаба, комиссии и прочие последствия непонятного инцидента, самым меньшим из которых будет

возмещение ущерба, нанесённого части. Сделать мне удалось только пару шагов – прыткий перевязанный офицер уже был рядом, как и трое запыхавшихся бойцов, чьи лица наполовину скрывали ниспадающие на глаза шлемы, а вся амуниция сидела как-то криво. Остановившись в трёх шагах от меня, офицер доложил:

— Товарищ командующий округом, разрешите обратиться! Майор Павлов, замначальника особого отдела гвардейского сто восемьдесят второго авиаполка. Силами сводной роты нападение вражеского десанта по всей территории отбито, остаточные

очаги сопротивления в районе складов РАВ локализованы... Комполка полковник Шевардин убит, командование принял начштаба полка подполковник Ярцев...

Всё сказанное офицером показалось мне каким-то бредом. Возможно, парень повредился умом от контузии, смысл его короткого рапорта заставил всё внутри похолодеть, сердце комком подступило к горлу. Опустив раненого Костю на руки подоспевшим бойцам, я только и смог произнести:

— Какой ещё десант, майор? Вы что, учения затеяли?!

Все вокруг, даже солдаты

замерли, один поправил шлем, съезжающий на глаза, и я увидел пару серых испуганных глаз, неестественно блестящих белками на чумазом молодом лице. Форма и оружие у всех бойцов носили следы многочасового боя: каждый был легко ранен, кто в руку, кто в ногу, у одного были туго перебинтованы шея и обе руки. Все они были щедро присыпаны кирпичной пылью, отчего казались ожившими каменными барельефами. Майор, чьё лицо всё в кроваво—чёрных бинтах было не разглядеть, тихо, но твёрдо ответил:

— Никак нет, товарищ генерал армии, нету учений... Война

началась, уже двадцать часов, как десант выбросили. Танковый взвод и рота охраны... ещё комендантский взвод и офицеры штаба... Сначала порознь бились, потом очухались и вломили америкосам как положено. Есть пленные, они подтвердили, что являются военнослужащими какой-то Коалиции, двое американцы-десантники, один офицер связи из какой-то канадской особой роты егерей. Мои следователи сейчас с ними работают. Связи с Хабаровском нет, на уровень Генштаба или ОСК «Запад» по спецсвязи тоже выйти не удалось, пока мы отрезаны. Периодически удаётся связаться по радиоэфирным каналам с

отдельными частями округа, все связаны боем, подвергаются интенсивным налётам вражеской авиации и ракетным обстрелам, скорее всего с кораблей... Пойдёмте на КП, у меня приказ доставить вас, как только отыщу, там всё узнаете подробнее.

Я был в смятении: майор не походил на шутника, а пуля, которой был ранен Костя, точно самая настоящая. Ещё раз внимательно присмотревшись, я увидел, что Павлов обожжён, китель и брюки местами сильно истлели, из дыр проглядывают запylённые повязки. Ещё кисть левой руки майор неловко прятал, она вся почернела, ребро

ладони обуглилось, белела кость. Молча кивнув ему, я пошёл следом, каждый шаг давался мне с невероятным трудом, в происходящее вокруг сознание отказывалось верить, однако лицом тогда и теперь я никогда старался не выказывать неуверенности, хотя только постоянными усилиями воли удаётся отгонять желание заглянуть за край открывшейся бездны...

...Тяжёлая бронеплита двери бесшумно ушла в стену, и в комнату вошёл осунувшийся за последние недели Костя. Адъютант мотался вместе с начальником штаба фронта полковником Пашутой по участкам формирования частей, но про

внешний вид не забывал: всегда подтянут и гладко выбрит, вот только руки, обветренные, с парой сорванных ногтей, выдавали характер повседневных занятий. Обозначив стойку «смирно», как это умеют только опытные ординарцы, Ларионов доложил:

— Товарищ командующий, прибыли командир особого маньчжурского погранокруга полковник Басаргин, начштаба фронта генерал-майор Пашута и командующие спешным порядком формируемых армейских корпусов генерал-майор Греков и генерал-лейтенант Афанасьев. С ними прибыли командир первой

воздушной армии генерал-майор
Примак и двое штатских, вроде
учёные...

Я, с трудом расцепив челюсти и,
подавляя болевые импульсы, кивнул,
давая знак впустить участников
совещания. То, что мы собирались
обсуждать, можно называть по-
разному: жестом отчаяния,
судорогами и агонией. Так сказал бы
человек штатский, раздавленный тем
тотальным ужасом, который гнал
людей на пулемёты китайских
пограничных кордонов. Но я и те
офицеры, которые сейчас собирались
в тесном бункере с низким потолком
и сырыми стенами, назвали это
контрнаступлением. Долгие годы

учёбы и теоретических штабных игр наконец—то обрели практическое воплощение. Страшное, почти катастрофическое положение предстоит обернуть победой, об ином исходе ситуации я запрещал себе даже думать. Те же, кто сдался, скорее всего поголовно мертвы. Враг боится и презирает нас до такой степени, что не принял в расчёт возможность капитуляции. Американцы невольно оказали нам услугу своими действиями, лишив даже завязтых интеллигентов и пацифистов иллюзий на свой счёт. Одним из центральных вопросов была проблема беженцев, коих в приграничной зоне скопилось почти

полторы сотни тысяч человек. Люди, а это большей частью жители области и небольшое количество выживших из Приморья, шли на любые уловки, чтобы пробраться в сопредельный Китай. Сначала соседи просто передавали беженцев нашим пограницам, но теперь ситуация обострилась: в приграничье появились вооружённые банды непонятных граждан, они нападали на пограничников, грабили и убивали беженцев. Сводная дивизия внутренних войск, сформированная две недели спустя, уже начала развёртывание в приграничной двухсоткилометровой зоне. На линии Благовещенск —

Биробиджан — Хабаровск уже налаживалась режимная зона, выставлялись блокпосты, вдоль границы налажено совместное с нашими пограничниками и китайцами патрулирование территории, но положение всё ещё сложное. Основной реальной силой была 38-я сретенская мотострелковая бригада. Гвардейцы, перебазированные под Тынду три месяца назад, взяли на себя обеспечение порядка в городе и окрестностях, как только дали дёру почти вся местная администрация в полном составе. Неприглядную роль повсеместно играла реорганизованная в начале года милиция. Сотрудники райотделов

занимались открытым грабежом населения, убивали тех, кто пытался оказать сопротивление. Однако нельзя сказать, что вся милиция—полиция оказалась совершенно бесполезной: части отрядов особого назначения — бывшие ОМОН и СОБР — в подавляющей массе подчинились военным и оказали помощь в нейтрализации действий своих бывших коллег. Комбригом мотострелков и командиром сводного отряда милицейского спецназа была разработана очень действенная схема работы с подозреваемыми в условиях военного положения. Всех полицейских и сотрудников автоинспекции

фотографировали, снимали
отпечатки пальцев, поскольку
документация и компьютерная база
данных старого образца уже была
недоступна. Их предупреждали, что в
случае задержания за нарушение
режима зоны ЧП они будут
расстреляны на месте. Более того,
ввиду крайней неблагонадёжности
новое положение запрещало бывшим
сотрудникам вступать в ряды
ополчения, иметь огнестрельное
оружие. Меры, не скрою, очень
жёсткие, но до их принятия были
повсеместные случаи появления
организованных полицейскими
вооружённых банд, грабивших
беженцев, шедших к границе,

совершавших налёты на продовольственные и вещевые склады. То же самое в полной мере коснулось и сотрудников частных охранных фирм с лицензией на огнестрел, однако, ввиду наличия в их рядах бывших кадровых военнослужащих, там были некоторые послабления, не затронувшие только бывших сотрудников МВД и системы исполнения наказаний. Отдельной головной болью стали исправительно—трудовые колонии, городские тюрьмы и изоляторы временного содержания. Полиция, а также сотрудники внутренней охраны изоляторов временного

содержания и внутренних тюрем, повсеместно бросали свои служебные обязанности, вскрывали оружейные комнаты и шли грабить банки, продовольственные магазины и автосалоны. Некоторые шли грабить военные части, но за редким исключением такие попытки жёстко пресекались. Часто между такими бандами возникали конфликты, следствием которых были ожесточённые перестрелки. В Биробиджане и Благовещенске так выгорело до сорока процентов городских построек: возникающие пожары некому было тушить, пожарные расчёты, прибывающие на вызов, и врачи службы «скорой

помощи» гибли от пуль
конкурирующих банд. Мотострелкам
и бойцам спецназа удалось
переломить ситуацию в Тынде и
близлежащих населённых пунктах
только спустя две недели после
начала войны. В Биробиджане и
других крупных городах это удалось
сделать чуть быстрее — помогла
близость действующих военных
частей и оперативно развёрнутые
комендатуры. Уголовный элемент,
вопреки ожиданиям, больших
неприятностей не доставил, так как
основные колонии и поселения
находились на северо-востоке — в
Якутии и Байкальском регионе. Там
эту проблему решили довольно

радикально: после того как сотрудники охраны лагерей стали разбегаться, на отлов вырвавшихся на волю преступников бросили специально обученные части внутренних войск и вертолёты с навесным вооружением. Согласно закону о ЧП, беглых расстреливали на месте. Ну, а тех, кто не сбежал и сдался военным патрулям, отрядили на восстановительные работы в городах, так что нехватки в рабочих руках не было. Кроме того, преступники носили старую лагерную форму, под страхом немедленного расстрела им запрещалось переодеваться в гражданскую одежду. Для тех, кто не

желал подчиняться, грань между жизнью и смертью предельно истончилась. А получившее известность изобретение тындинских коллег помогло повсеместно: бандиты и мародёры постепенно вытеснялись из наспунктов, где, совместно с полевыми частями их, как правило, уничтожали с воздуха, либо накрывали артогнём. Огромную помощь оказывают отряды народного ополчения, костяк которых составляют не способные к воинской службе мужчины, женщины и даже подростки. К моему удивлению, там же оказывались те из бывших полицейских, которые хоть и

подпадали под положение ЧП, однако были честными, порядочными людьми. Впрочем, таких были единицы. Переименование не пошло на пользу: криминальные замашки активно культивировались ещё в учебных заведениях, и из стен академий выходили часто не только сотрудники правоохраны, но иногда и профессионально подкованные уголовники.

Плохо то, что в формируемых частях дивизии менее трети личного состава оказалось из контрактников — людей с опытом. Пока их было всего около восьми тысяч человек, штатное недоукомплектование —

почти четырнадцать тысяч по нашим потребностям. Однако сейчас это общая проблема: все части понесли серьёзные потери, плюс две трети в них — только что прошедшие «учебку» новобранцы и те, кто прошёл проверку особого отдела и вышел из окружения без ранений, мешающих возвращению в строй. Общая численность войск, собранных из остатков разрозненных частей округа, доходит до сорока девяти тысяч человек, и это без учёта формируемых частей ударных корпусов, на которые ляжет основная задача по прорыву американской блокады на северо-западном направлении. Если удастся

освободить Ванино, а с ним часть северо-восточного побережья Охотского моря, то вторым ударом следует выйти на южное направление и обеспечить флоту отставленные ранее базы, с выходом в Татарский пролив. Сахалин пока держится, но, согласно данным со спутника и отрывочным сведениям авиаразведки, через трое суток в Окинаву прибудет транспортный конвой с новыми боеприпасами, и американцы не станут больше медлить. Если так, то сахалинский плацдарм мы точно потеряем, и нужно спешить.

Дверь снова открылась, и в комнату парами и по одному стали

входить люди, комната заполнилась новыми запахами и приглушёнными разговорами. Все вновь прибывшие имели усталый вид, Басаргин так вообще был чёрен лицом от усталости, его зелёные, кошачьи глаза словно два негасимых светильника поблёскивали в рассеянном свете ламп. Все расселись за столом, я обратил внимание на двух относительно молодых людей, лишённых армейской выправки, оба были одеты как городские жители, выехавшие на природу: короткие тёплые куртки сине—красной расцветки, тёплые штаны с большими накладными карманами, матерчатые кепки—

бейсболки с непонятными логотипами. Тому, что помоложе, можно было дать не более сорока лет: короткая стрижка, каштановые с проседью волосы, обветренное узкое лицо, умные карие глаза за стёклами бифокальных очков в тонкой стальной оправе. Вторым вполне мог быть на десяток лет старше своего коллеги, имел совершенно невыразительное круглое лицо никакой растительности на голове. Казалось, что все волосы эмигрировали ему на подбородок и щёки: штатский носил окладистую роскошную курчавую с проседью бороду, доходившую ему до середины груди. Однако стоило взглянуть в его

угольно—чёрные глаза и первое впечатление некой серости пропадало, таким умом и лукавством светились они. Костя сказал, что они пришли с Примаком. Пётр Николаевич или, как его прозвали за глаза подчинённые — Пётр Первый, слыл человеком дельным и вникавшим во все новации, касающиеся его рода войск. Помню, как он лично ругался с одним из младореформаторов, который подсунул тогдашнему президенту на подпись законопроект о ликвидации стратегической авиации и продаже всего парка Ту-160 на Ближний Восток. Видимо, этих Пётр Первый привёл не просто так, нужно будет

его послушать, но сначала следует отпустить пограничника, уж слишком не нравится мне его состояние. К тому же сейчас мне очень нужны его ухорезы – пожалуй, лучшие разведчики, которых я смогу найти. Поздоровавшись, я кивнул Басаргину, чтобы тот начинал. Пограничник подошёл к развёрнутой на стенде электронной карте, несколько таких планшетов установили за месяц перед войной, штука оказалась крайне полезной. Специальной указкой полковник ткнул в заштрихованный синим хэнганский выступ на стыке 48–го и 49–го пограничных отрядов^[67], изображение поплыло и

укрупнилось:

— На данных участках налажено тесное взаимодействие с китайскими товарищами. Работают временные фильтрационные и контрольно—пропускные пункты. Активность вооружённых бандгрупп снизилась после размещения тут двух рот полка внутренних войск МВД. Территория охвачена сетью блокпостов и комендатур, налажено регулярное совместное патрулирование.

Голос пограничника звучит глухо, но вполне чётко. За скупыми фразами доклада я чувствую, какая работа проделана им менее чем за четырнадцать дней. Но всё же нужно уточнить кое—что:

— Андрей Емельяныч, как обстоит дело с китайскими колонистами?

— После того, как вы дали советнику Чжану свои личные гарантии стабильности, нарушения границы китайскими гражданами прекратились, — Басаргин позволил себе довольно усмехнуться уголками рта. — Налажено снабжение наших частей продовольствием, китайцы берут расписки, определяем цены в юанях, по вполне умеренному курсу, всё идёт как в мирное время. Начальник тыла, генерал-лейтенант Леонов говорит, что в принципе ситуация в прифронтовой зоне и большинстве наспунктов в тылу

нормализовалась: после введения карточной системы и особого режима, показательных расстрелов спекулянтов и мародёров обстановка в Комсомольске—на—Амуре и уцелевших предместьях Хабаровска нормализовалась, в остальные поселения стали возвращаться беженцы. Сам Никита Олегович сейчас застрял в Комсомольске, туда стекаются беженцы из прибрежных областей, городская комендатура не справляется.

Генерал Леонов был до недавнего времени подполковником одной из ракетных частей. Находясь по делам в Благовещенске, оказался в центре возникшего бедлама, но не

растерялся и, собрав вокруг себя сотрудников нескольких районных комиссариатов и приданных им солдат срочной службы, организовал охрану размещённых в городской черте складов госрезерва. Поначалу лично отпускал интендантам новых частей и гражданским продовольствие и медикаменты, которые по его приказу свозили на территорию складов со всех частных аптечных пунктов, чтобы пресечь спекуляцию. Я не задумываясь подписал приказ о присвоении ему генеральского чина, так как понял, что по суворовской традиции на полгода его честности должно с избытком хватить. Война стала

другой, теперь нет времени на выстраивание многокилометровых линий обороны, всё решает серия быстрых ударов маневренных бронегрупп при поддержке авиации и артиллерии, и каждый такой удар должен быть смертельным, иначе противник тут же воспользуется твоей ошибкой и контратакует. Современный бой превратился в некое подобие боксёрского матча, где победит не столько самый выносливый, сколько тот, кто вовремя угадает момент для одного—единственного удара, способного отправить противника в нокаут. С китайцами мы быстро нашли точки соприкосновения: в сложившейся

ситуации они, словно канатоходец на проволоке, могут идти только вперёд. Если они решатся перейти границу, то получают проблемы с нашей пусть и ослабленной, но всё же современной армией. А если пойдут против американцев — те без лишних сантиментов спустят с поводка своих японских коллег и слабых, но чрезвычайно обидчивых южно-корейских подшефных. И вот тогда и появился невозмутимый товарищ Чжан, с которым мы встретились неделю назад в пограничной Кяхте. Он прямо, на вполне сносном русском языке, озвучил условия пока что тайного соглашения, которое он от имени китайского правительства

заклучал со мной, как с единственным представителем власти в России. Отчасти китайский чиновник был прав: северо–западная группировка, состоящая из частей ОСК «Центр», «Запад» и её нынешний командир – генерал–полковник Самарин, признали меня верховным главнокомандующим, а гражданская власть фактически самоустранилась. Были попытки некоторых губернских владык начать переговоры, они присылали своих гонцов в Читу. Однако на такой шаг я пойти не мог, люди слишком озлоблены на тех, кто допустил врага в страну. Население пусть и с опаской, но доверяло нам, и с

каждым днём доверие крепло, поскольку армия защищала людей, дала работу и еду. В города пришёл жёсткий, но совершенно чёткий порядок военного положения. В пропаганде не было необходимости, каждый второй на себе испытал ужасы войны и знал, что оккупанты несут только смерть. Как это ни парадоксально, но после более чем четверти века хаоса и неопределённости появился чёткий ориентир — все хотели выгнать незваных гостей, подавляющее большинство готово было рвать захватчиков зубами. Вновь позвать вороватых чинуш и поставить их над собой означало убить надежду на

перемены, на саму возможность победы. Поэтому при сохранении внешней атрибутики решено было обходиться без гражданской власти, и пока схема сбоев не даёт. Китайский эмиссар всё это прекрасно знал, поэтому было заключено несколько тайных соглашений, по которым они поставляют российской армии обмундирование, некоторое количество технического оборудования, станки, также помогают нам с продовольствием и снабжают разведданными. Однако это всё, на что Китай сейчас мог пойти, избегая прямой конфронтации с силами Коалиции. В дальнейшем Чжан упомянул о более

тесном сотрудничестве, при этом как бы невзначай коснувшись дужкой снятых очков в тонкой золочёной оправе контура Тайваня. И в тот самый миг я ещё больше уверился в существующей возможности переломить американский сценарий компании. Тогда же зародился план прорыва на Запад, к осуществлению которого мы сейчас и приступали.

Басаргин закончил доклад и теперь вот уже долгих тридцать секунд выжидательно и с тревогой ищет мой взгляд. Нужно собраться, не подавать виду, что мне больно. Прячу взгляд и отхлёбываю чуть тёплый чай из железной эмалированной кружки:

– Хорошо, я рад, что моё слово так дорого стоит, Андрей Емельяныч. Однако звал я вас, полковник, не только поэтому. Сколько у вас в подчинении подразделений специальной разведки?

– Батальон, если собрать вместе подразделения, приданные погранотрядам. Ещё само собой ОГСР «Сигма», это кадрированная часть [\[68\]](#), но сейчас они задействованы...

– Знаю, Андрей Емельяныч. Но всё же прошу выделить в распоряжение Ставки группу из двенадцати человек. Подберите самых толковых, опытных и... везучих. Для того, что мы собираемся

им поручить, одного профессионализма недостаточно, многое будет зависеть именно от везения. Есть у вас в подчинении везучие, полковник?

— Только майор Раскатов, товарищ командующий. Он самый отчаянный и, как вы точно подметили, один из тех, кому боги войны ворожат.

— Вот и договорились. — Я жестом разрешил Басаргину садиться, приглашая комкора—один к планшету. — Василий Палыч, доложи план операции по деблокаде побережья.

От стола поднялся генерал—майор Греков, тяжело ступая, прошёл

к планшету. Если брать чисто внешние данные, то комкор—один более всего подходил под те клише, которые ещё со времён Салтыкова—Щедрина укоренились в народном сознании: дородный, с венчиком белых седых волос, окружавшим словно бы редким частоколом, блестящую от перманентной испарины плешь. Круглое лицо, вислые брылья щёк и маленькие голубые глазки, почти скрытые под набрякшими мясистыми веками. Однако за внешней флегматичностью скрывался холодный и коварный ум. Когда—то Греков преподавал в Новосибирском военном институте, а ещё раньше долгое время был

военным советником в разных дружественных СССР странах. После перестройки его задвинули преподавать. Война застала старого вояку в Иркутске, где он гостил у внучки и её семьи. Несмотря на возраст, он сразу же явился в военный комиссариат. На командную должность я назначил Грекова не задумываясь, слишком уж хорошо помнились разработанные этим несуразным на вид стариком методические пособия по теории применения оперативно-тактических соединений. Планы, которые рождались в его голове, отличались коварством и неожиданными решениями. Дерзость

и способность удивить противника – только эти два качества могут помочь в очередном стратегическом цейтноте, в котором Россия в очередной раз очутилась.

– Деблокирование портов и баз на направлении Гроссевичи – Нельма – Ванино возможна при условии нанесения отвлекающего удара на северо–восток по вектору Пивань – Гурское – Высокогорный.

Короткий красный палец докладчика описал дугу и упёрся в точку на карте, изображение вновь приблизилось. Шагнув немного вправо, Греков ткнул пальцем в левый нижний угол планшета, и поверх карты появились таблицы и

изображения техники, сделанной явно обычным цифровым фотоаппаратом довольно посредственного качества. Третью экрана заняли изображения новых боевых машин пехоты и уже знакомые низкие силуэты танков, одетых в угловатую броню навесной активной защиты. Потом докладчик снова произвёл нужные манипуляции, и появилось масштабное изображение стокилометрового участка, где красные стрелы дерзко устремились к исчерченным синим оккупированным портам и городам.

— ...Нанесение главного удара я планирую поручить 149-й

мотострелковой бригаде полковника Нефёдова, она полностью сформирована и имеет в своём составе две усиленные танковые роты. Броне—группы при поддержке штурмовой авиации выйдут группировке противника во фланг. Отвлекающий удар в районе Ванино и Совгавань будет наносить вновь сформированная 164—я танковая бригада корпусного подчинения, в её состав включены новые основные машины Т—90 и модернизированные Т—85. Командовать будет подполковник Чернов, он местный, родом из—под Кемерово, вышел из окружения под Новосибирском с шестью танками, сохранил знамя

батальона, достойный храбрый офицер. Одновременно мы опробуем новую систему управления войсками, чьи элементы мы внедряем уже на стадии формирования всех частей и соединений фронта.

— Ванино и Советская гавань сейчас хорошо укреплены, Василий Палыч.

Вспомнился приказ о присвоении внеочередного звания некоему капитану Чернову и те весьма лестные рекомендации, которые Греков дал этому двадцатилетнему офицеру. Однако это пришло мимолётно, усилием воли я постарался сосредоточиться на докладе. Теперь

замысел операции хоть и прояснялся, однако нюансы всё ещё туманны, американцев ждёт сюрприз, в предвкушении все даже слегка подались вперёд. Моё замечание заставило докладчика дёрнуть щекой, но флегму старика было не пробить столь слабым аргументом, Греков лишь едва кивнул и продолжил:

— Шестиуровневая эшелонированная оборона, товарищ командующий. Плюс — с моря район прикрывает авианосная группировка, ядром которой являются флагман второго флота США «Нимиц» и ракетный крейсер «Айова». В случае угрозы нападения они постараются реализовать численное и

техническое преимущество. Однако это при условии, что нет угрозы ракетной атаки, которую мы сможем продемонстрировать с помощью капитана второго ранга Синельникова и его дивизиона мобильных «Редутов». Боеприпасы они расстреляли во время нападения месяц назад, однако с помощью наших подводников удалось переправить на Сахалин две противокорабельных ракеты. Этого должно хватить, чтобы вывести из строя «Нимиц», остальная группа в ходе нарастающего темпа нашего наступления скорее всего выйдет из боя. С потерей авианосца американцы останутся в

меньшинстве и под угрозой блокады в проливе, к тому же не зная количества боеприпасов береговых батарей, они будут ждать угрозы и с этой стороны. Поэтому, без всяких сомнений, выйти из боя и устремиться под прикрытие береговых укреплений архипелага — их единственный шанс избежать разгрома. Когда же завершится фаза операции по деблокаде Нельмы, наступление поддержит группа кораблей контр-адмирала Никифорова, которой выйти на оперативный простор мешают мобильные противокорабельные комплексы, дислоцированные в Ванино и той же Нельме. Это

комплексная задача, и её решение большей частью ляжет на диверсионные подразделения. Одновременно с развёртыванием ударных групп в тылу американцев, а конкретно — в районе Ванино и Нельмы будут действовать две группы боевых пловцов 311-го отдельного противодиверсионного батальона и два разведвзвода приданной нам сводной бригады морской пехоты. В задачу спецназа входит захват и выведение из строя командного пункта управления обороной ПВО и уничтожение штаба двенадцатой бригады «Страйкер», части которой и составляют костяк обороны. По моим подсчётам,

боевые пловцы в течение часа после утверждения плана операции смогут высадиться на берег и через два часа выйдут на исходный рубеж для атаки. К подходу основных сил передовой ударной группы американцы гарантированно окажутся без связи и зенитного прикрытия, что позволит существенно снизить сопротивление в узловых точках первого и второго эшелонов обороны противника. Если авиация сработает как договорились, то наши потери в ходе наступления будут ниже обычного два к одному.

— Товарищ командующий, — подал голос Комкор—Два, Афанасьев, — разрешите вопрос к товарищу генерал—лейтенанту?

Генерал-майор Афанасьев не то чтобы был противоположностью нескладному внешне Грекову, однако по стилю командования и личностным качествам это точно две противоположности. Афанасьев из более молодых, звание получил всего пару лет назад и ничего особо выдающегося я за этим человеком не помню. После академии Генштаба был на административных должностях в Ленинградском военном округе, потом чем-то не угодил заместителю нового министра обороны и был сослан ко мне в хозяйство и всё это время исполнял функции заместителя начальника штаба округа. Для офицера в таком

чине должность более чем скромная, однако пока ОСК только формировался, и в дальнейшем я планировал доверить Афанасьеву курирование окружных учебных центров. В свои сорок семь лет он выглядел неплохо: сухощав и высок ростом, но уже начинал грузнеть на сидячей должности. Комкора—два отличали глубокий, хорошо поставленный баритон и весьма недурная внешность. Говорил он толково, часто демонстрируя неординарное тактическое мышление, это и сыграло решающую роль в его теперешнем назначении. Вот и сейчас Александр Александрович что-то заметил и

вклинился, но я разрешил высказаться. Глянув на Грекова и увидев, что старый хрыч только рад приземлить очередного выскочку, я молча кивнул в знак согласия. Боль снова резкими злыми толчками оккупировала мозг, усилием воли удалось подавить стон, готовый прорваться сквозь стиснутые зубы. Но вот темнота отступила, я снова увидел, как комкор—два встаёт и немного рисуясь начинает говорить:

— Сахалин непрерывно бомбят, пункты обороны, занимаемые частями 465-го мотострелкового полка и 33-й мотострелковой дивизией, находятся под непрерывным обстрелом, в том

числе и дальнобойными орудиями, дислоцированными на Окинаве. Новая ракетная атака вызовет немедленную реакцию кораблей авианосного соединения и той же окинавской сухопутной группировки противника. По позициям ракетчиков и по острову в целом совершенно очевидно будет нанесён интенсивный бомбово-штурмовой удар. Даже если удастся произвести пуск ракет, силам обороны Сахалина будет причинён уничтожающих размеров ущерб. Мы рискуем раскачать положение: американцы потеряв боевую единицу такой величины, как «Нимиц», наверняка забудут про едущие морем

боеприпасы и ударят по Сахалину всем, что у них будет в тот момент под рукой. А потом высадят десант, не считаясь с возможными потерями, и островная группировка будет сбита со своих позиций однозначно. Если целью избрать именно авианосец, то мы со всей очевидностью лишимся сахалинского плацдарма в дальнейшем.

Афанасьев замолчал, выжидательно глядя на вытиравшего лысину клетчатым носовым платком оппонента, который, в свою очередь, неопределённо хрюкнул и пожал плечами. Потом Греков выждал ещё пару секунд и поняв, что жертва увязла и готова для последнего

заклания, прочистил горло и вновь принялся объяснять, вода по планшету зажатым в пухлом кулаке огрызком карандаша:

— Это было бы верно, товарищ генерал-майор, — старик особо ядовито выделил голосом звание Афанасьева, — если бы не то обстоятельство, что противник не ожидает от нас каких-либо активных действий в течение как минимум шестидесяти часов. К моменту, когда они решат нанести ответный удар, в Татарский пролив уже войдут корабли контр-адмирала Никифорова. Это ракетный крейсер, два больших противолодочных корабля и пять эсминцев.

Фактически это все боеспособные корабли, которые есть в нашем распоряжении. Однако, как я уже и говорил, с потерей авианосца перевес окажется на нашей стороне. Безусловно, риск быть опрокинутыми есть: на флоте, как, впрочем, и у нас, серьёзный недокомплект экипажей, нехватка горючего и запчастей. Эскадра сформирована и оснащена на пределе возможностей. И всё же я не предполагаю нанесения немедленного контрудара, а только он способен изменить картину боя. Если американцы не ударят тотчас же, в дальнейшем их усилия будут напрасны: с эскадрой тихоокеанцев

идут два транспорта с боеприпасами, и отдельный корабль доставит на Сахалин дивизион новых «Триумфов»^[69] из резерва обороны космодрома Свободный, а также сводную бригаду войск ПВО. Кроме того мы планируем придать зенитчикам десять истребителей и семь ударных вертолётов Ми-24. Таким образом, остров станет американцам не по зубам, его взятие дорого встанет янки, не думаю что они решатся на контрнаступление. Слава богу, есть и у нас немного удачи и надо её использовать. Единственное, в чём мы и моряки не испытываем стеснения, это боеприпасы: в распоряжении фронта

одиннадцать арсеналов и хранилищ
разного назначения. Есть и весьма
новые боеприпасы, американцев
подвела их видимая
осведомлённость о передислокации
наших войск и баз снабжения. Вся
мощь первых ударов пришлась по
местам предполагаемого размещения
матчасти и обеспечения, в то время
как действительное положение
большинства хранилищ и арсеналов
осталось прежним. Разгильдяйство
тыловигов сработало в нашу пользу,
подобно тому, как сломанные часы
хотя бы два раза в сутки показывают
точное время. С юго—востока выйдет
группа атомных подводных
крейсеров и нанесёт упреждающий

ракетный удар по Окинаве. Думаю, что церемониться особо не стоит, ударим тем, что есть в закромах. Да и синоптики говорят, что роза ветров благоприятна, выхлоп пойдёт в сторону японских островов... это должно ещё больше затруднить положение японского военного кабинета. Предвидя ваши новые возражения, Александр Александрович, замечу, что у нас есть ещё один туз в рукаве, но эту часть изложит более подробно уважаемый Пётр Николаевич и его... э, сотрудники. У меня всё, Алексей Макарович, прошу дать слово для доклада генерал-майору авиации Примаку, его летуны сыграют одну из

главных партий в предстоящем представлении.

«Пётр Первый» стремительно поднялся и, едва дождавшись моего разрешительного кивка, устремился к планшету, попутно дав что-то дежурному офицеру-планшетисту. На экране вновь сменилась картинка, и теперь треть экрана заняло изображение самолёта с хищными обводами, он чем-то напоминал мне сокола, кидающегося на добычу. Само собой, раньше приходилось видеть прототипы на полигоне, но Примак был не тем человеком, который бы стал делать доклад о новинках в своём хозяйстве без веских на то причин. Изображение

пропало, и, слегка качнув совершенно седой шевелюрой, лётчик заговорил хрипловатым басом:

— Товарищ командующий, разрешите представить вам наш козырной туз — истребитель пятого поколения Т-50^[70]. Так получилось, что в нашем распоряжении на данный момент четыре машины, полностью укомплектованные оборудованием, сменными экипажами и даже некоторыми видами экспериментального вооружения. На Светогорском авиаполигоне опытные образцы проходили лётные испытания, двадцать четвёртого июля их должны

были перегонять в Новосибирск. Но по метеоусловиям отправку решено было перенести, что, как теперь выясняется, только на пользу. Американцы думали, что машины базируются в районе Владивостока, тамошняя авиабаза была атакована силами спецназа морской пехоты США. Сотрудники секретной части, сопровождавшие учёных и самолёты, смогли вывезти пилотов и документацию, которая оставалась на базе. Ангары, где стояли старые, подлежащие списанию МиГ-21, секретчики взорвали. Пока нет достоверных данных о том, поверили американцы в уничтожение машин или нет, однако конструкторская

группа и экипажи перебазировались на Афанасьевский полигон под Светлогорском ещё в первых числах июля...

Вот он, сюрприз! Однако мне трудно представить, как четыре, пусть и новейших самолёта смогут кардинально помочь победе над противником, у которого таких машин в десять раз больше. Безусловно, сейчас Примак расскажет, как он использует выпавший на его долю шанс сразиться с американцами практически на равных. Вопрос вертелся на языке, но я сдержался и, как потом выяснилось, не зря. Лётчик с горящими боевым азартом

глазами увлечённо продолжил, обветренное лицо его с крупными выразительными чертами словно засветилось изнутри:

— Товарищ командующий, в продолжение слов Василия Павловича хотелось бы сказать, что танкистов Чернова будут поддерживать штурмовики Су-25 и две вертолётных пары Ка-50. По итогам последних боёв на северо-западе и под Кемерово, я могу уверить вас: в данном случае группировка воздушного прикрытия атакующей группы войск имеет паритет с наличными воздушными средствами противника. В первой фазе операции мы сумеем

нейтрализовать имеющиеся в распоряжении янки штурмовики А-10 и вертолёты «Апач». На случай подключения палубной авиации с «Нимица» я выделил ещё четыре истребителя МиГ-29 и два Су-27. Но это всё, чем мы располагаем на данный момент, остальные машины задействованы на направлении главного удара...

Пока план выглядел слишком рискованным, американцы, с учётом морской авиации и базирующихся на Окинаве сил, имели над атакующими более чем трёхкратное превосходство. Однако, зная авторов задуманного, с каждым словом Примака у меня крепло чувство, что

и это учтено. Поскольку козыри уже лежали на столе, я догадывался, на что именно делают ставку старый лис и этот последователь греческого Икара, но решил не портить людям сюрприз. Тем временем Примак переключил планшет, и на экране возникла трёхмерная карта побережья, где синими пятнами отражались скопления вражеских войск. Словно невиданная чужеродная плесень, пятна покрывали землю, затопив названия прибрежных городов.

— ...Нами сформировано ударное оперативно—тактическое соединение, ядром которого являются два истребителя Т—50, один

самолёт дальней радиоэлектронной разведки и управления А-50^[71]. В качестве прикрытия, из личного резерва я планирую выделить эскадрилью Су-27. На данный момент в подразделении десять самолётов, все они полностью довооружены и укомплектованы самыми современными средствами ведения боя. Пилоты опытные – большинство с боями вышло из окружения под Новосибирском, есть лётчики-испытатели, в частности – с иркутского авиазавода. Главной задачей для Су-27 является прикрытие Т-50 и самолёта управления. После получения сигнала от диверсионных групп о

захвате вражеских пунктов управления и нейтрализации зенитного прикрытия в районе нас пунктов Гроссевичи – Нельма – Ванино группа занимает эшелоны для прикрытия наступления мотострелков полковника Нефёдова и морской эскадры контр-адмирала Никифорова. А-50 устанавливает связь с одним из имеющихся в нашем распоряжении спутников шестого эшелона ГЛОНАСС. Возможности космической группировки – лишь тридцать процентов от расчётной, подавлять американские командные радиочастоты мы сможем лишь около сорока минут. Но на первоначальном этапе это должно

создать видимость традиционной схемы атаки, к которой противник совершенно готов. Всё это время Т-50 и группа истребителей прикрытия держится вне зоны действия американских систем дальнего обнаружения, пока наземные войска не преодолеют первый и второй рубежи обороны и не выйдут на восточную окраину Нельмы. После подтверждения преодоления ударными группами наземных войск первой линии обороны звено Т-50 оставляет истребители прикрытия и выходит на позицию для атаки, по полученным с самолёта управления координатам производят пуски противоспутниковых ракет. По

данным разведки, управление войсками обеспечивают всего шесть спутников, два из которых являются основным звеном коммуникационной цепочки. Задача специалистов РЭБ – отследить их траекторию полёта и передать координаты истребителям. Ракеты, которыми оснащены Т-50, имеют маскирующее антирадарное покрытие, собственно, как и сами истребители. Основная задумка в том, чтобы уничтожение спутников как можно дольше осталось для американцев загадкой. В последующем мы планируем скрывать наличие новых истребителей всеми силами. Думаю,

что нам на руку сходство следа Т-50 и Су-27, по которому противник классифицирует воздушные цели. Без прямой утечки информации американцы ещё долго не разберутся, кто и как заставил их ослепнуть...

Дерзость плана поразила даже меня. Применить в реальном бою слабо опробованную систему управления войсками Т-3^[72] и экспериментальные истребители в совокупности с опять же чисто теоретической тактической схемой — это огромный риск. Про ракеты, способные сбивать спутники, я знал давно, только не знал, что есть возможность перевооружения ими такой новинки как Т-50. Тем

временем Примака пригласил к планшету своих штатских спутников. Бородатый производил впечатление типичного кабинетного работника — он всё время характерно щурил глаза и сутулился. Его более молодой коллега выглядел спортивно: шёл широким пружинистым шагом, спина прямая, плечи расправлены. Лётчик представил обоих, указав широкой «клешнёй» на каждого:

— Товарищи, перед вами ведущий конструктор Т-50 Валентин Петрович Поповских и главный инженер системы управления «Созвездие» Роман Фокич Ландышев. Если есть вопросы относительно их разработок —

задавайте. От себя скажу только, что я лично возглавляю координацию воздушной составляющей операции с борта А-50.

Я перевёл взгляд на худощавого учёного в бифокальных очках, со спортивной походкой – Ландышева. Насколько я понял, именно с ним я разговаривал по поводу выделения для испытаний мотострелковой роты и батальона ПВО. Было это прошлой весной, но на удивление всё обставлялось без обычной помпы: отсутствовали тележурналисты, газетчиков тоже не пригласили. Как мне докладывали позднее, система пусть и с оговорками, но показала себя хорошо. Однако нужно выяснить

что и как.

— Роман Фокич, мы с вами говорили по поводу вашей системы полгода назад...

Глаза за стёклами очков блеснули удивлённо, видимо, учёный не привык к подобному отношению человека в чинах, он скрипучим от волнения голосом уточнил:

— Это было тринадцатого апреля, товарищ командующий... Спасибо, что помогли тогда.

— Рад, что так случилось. — Я предупреждающим жестом не дал Константину поправить учёного. — Тогда мы лично не встречались, но с результатами испытаний я знаком. Что изменилось на данный момент?

Ландышев начал было открывать папку, которую всё это время держал в руках, но, передумав, положил её на стол, подошёл к планшету и принялся объяснять:

— На данный момент мы устранили основные проблемы в программном обеспечении, а возникающие проблемы устраним в процессе работы «Паутины»... ну, мы называем всю систему «паутиной», ведь по сути так оно и есть. Проблема только одна: нехватка индивидуальных комплектов и промежуточных командно-управляющих станций, а также недостаточные навыки солдат и офицеров при обращении с ними. Те

четырнадцать дней, которые нам были отпущены... Нет полной уверенности, что навык отдельно взятого пользователя достаточен для уверенного обращения с комплексом.

— С нехваткой, думаю, придётся обождать, — вклинился Примаков. — В Биробиджане и Чите, при содействии китайских товарищей, развёрнуты цеха по производству индкомплектов Т-3 «Паутина» и некоторых компонентов ракетного вооружения. Производство максимально секретим, но, сами, понимаете когда своих квалифицированных рабочих кадров нет...

— Я думаю что опыт придёт, — Ландышев поправил очки и

улыбнулся краешками губ. – Сейчас мы в таком положении, что опасно лишь бездействие.

Тут пришлось согласиться с обоими: страну двадцать лет отучали работать, кроме спекулятивной торговли и сутяжничества новые поколения ничего не умели. Со временем это пройдёт, но пока... чёрт! Скажи мне кто, что в новой войне крепкий тыл нам будут обеспечивать китайские рабочие и инженеры, дал бы в морду. Однако вот оно, реальное положение вещей: мы едва-едва живы, а китайцы нас кормят и почти что вооружают. Ландышев и его коллега-авиатор ещё некоторое время рассказывали, как

им удалось буквально на пустом месте создать действующую и полностью управляемую группировку войск, связанных единой сетью управления. По сути, сейчас, при нехватке всего и вся, ценой огромных потерь возникает та армия, которая сможет воевать с агрессором на равных. Нас опять спасла наша Родина, своими полями, лесами и океанами прикрыла беспечных сыновей от окончательного уничтожения купив несколько драгоценных месяцев времени. Враг всё—таки растёкся по просторам, увлёкся грабежом и отяжелел от сытости.

Дождавшись, пока Греков снова

займёт место возле планшета, я обратился к нему с последним вопросом:

– Василий Палыч, план ваш я утверждаю. Общее руководство осуществляете непосредственно вы, при поддержке контр-адмирала Никифорова и генерал-майора Примака. Части ПВО и фронтовая разведка также передаются под ваше командование на всё время проведения операции. Остался только один вопрос: как мы назовём наше первое серьёзное знакомство с главным противником?

Греков, хрюкнув с совершенно простецким выражением лица, положил передо мной на стол

расчерченную кальку карты, на которой красными трафаретными буквами было написано: «ОПЕРАЦИЯ «СНЕГОПАД»».

– Почему «снегопад», Василий Палыч?

Чуть пожевав губами и прищулив водянистые, в красных прожилках, глазки, Греков только пожал плечами и буднично пояснил:

– Осень, хошь и календарная, а кости ломит... снегу быть на днях. Вот как всыплем америкашкам, так он и зарядит. Сами знаете, товариш командующий, первый снег – это всегда неожиданность. Кому приятная, а кто и взвоет.

Снова со своего места поднялся

«Пётр Первый» и, немного смущаясь, но совершенно твёрдым голосом попросил:

— Товарищ командующий, у меня как командира воздушной армии есть просьба. В масштабах происходящего, может быть, и не слишком важная, однако более чем своевременная...

Зная, каким прямолинейным может быть этот крупный, богатырского сложения человек, я кивнул, поскольку так и так выслушать Примака следовало — за пустяком он бы не стал обращаться под самый занавес. Дождавшись моего одобрения, лётчик продолжил:

— Согласно последним

предвоенным установкам, опознавательные знаки на боевых машинах были окрашены в цвет... — Секунду Примак боролся с крепким словцом, отчего на скулах его вспухли желваки. — В триколор приказали окрасить. В повседневности трёхцветная звезда часто похожа на опознавательный знак противника... сливается всё. Товарищ командующий, я от лица всех лётчиков прошу...

Закончить фразу я Примаку не дал, Костя, повинувшись моему знаку, вывел на планшет только что свёрстанную таблицу знаков отличия подразделений. Все встретили увиденное по—своему: ученые

переглянулись и, пожав плечами, углубились в какие-то свои расчёты, генерал Греков одобрительно хрюкнул и одобрительно замотал головой, генерал Афанасьев, раздражённо наклонив голову, спрятал взгляд, в котором я без сомнений прочёл бы горячее возражение. Этот карьерист новой волны, подозреваю, искренне верил в реформы, проводимые бывшим партикулярным министром обороны. Однако же в личных командирских качествах комкора—два до сих пор сомневаться не приходилось, и, покуда армии формируются, ещё будет время проверить, чего он стоит как полководец. Примак, впившись в

планшет взглядом, тоже кивнул и сказал:

— Спасибо, товарищ командующий. Думаю, эти изменения солдаты оценят.

Как только лётчик сел на своё место, я, преодолевая боль и опираясь на костыль, поднялся из-за стола. На какое-то мгновение в глазах потемнело, но, загнав боль куда-то внутрь, я ровным голосом пояснил:

— Победы царской армии остались в далёком прошлом. Их было не много и большинство результатов войн спорны в плане выгод для России. Однако безоговорочная победа Красной

армии над фашистами жива в памяти даже тех, кто родился много позже. Современная молодёжь считает чудом то, что явилось лишь суммой личного мужества и веры в идею, ради которой не жаль отдать жизнь. Многие как были, так и остались атеистами, крестить солдат, идущих в бой сейчас, бессмысленно. Следуя примеру руководства Советского Союза, я отдаю приказ о возвращении красных знамён старого образца, благо они есть в наличии. Также на крылья наших самолётов, на броню танков и штандарты боевых кораблей возвращаются красные звёзды, а особо отличившимся подразделениям будут присваиваться

гвардейские знаки отличия. Также возвращается вся номенклатура советских военных орденов и медалей, кроме памятных — за взятие вражеских городов будем награждать отдельно...

Боль снова вернулась, вся левая половина тела онемела. Не чувствовал я и левой руки с костылём, на который приходилось опираться. Но, собравшись с силами, я продолжил, хотя голос стал предательски подрагивать:

— Красное знамя по-прежнему ассоциируется с чудом, современным солдатам пока что трудно понять, почему их предки победили самую сильную армию мира почти семь

десятков лет назад. Но знамя — это всегда символ, а знамёна победившей армии — священная реликвия, и никак иначе. Им и нам с вами, товарищи полководцы и учёные, нужна пока только надежда на победу. Сейчас этого будет вполне достаточно. С первой победой придёт и вера в то, что за ней придёт следующая. Пусть кровь из капель которой состоят знамёна победы, святая кровь победителей поможет и нам в этот трудный для Родины час. Пока надежда и упорство — это наши главные козыри в бою. Война не закончится завтра, товарищи, но в наших силах закончить её как можно быстрее и одолеть врага.

...Когда все разошлись, я едва смог доковылять с помощью Константина до походной раскладушки, стоявшей тут же в комнате за ширмой. Американцы время от времени щупали оборону вокруг авиабазы, два раза вылавливали и диверсантов. Поэтому теперь всё время приходилось сидеть в бункере. Через полчаса ушёл вызванный адъютантом врач, сделавший сразу два болючих укола, боль мало—помалу стихла. Странно, но после упомянутой Грековым особенности местного климата мне вдруг ясно увиделся журавлиный клин, вытянувшийся на десяток—другой метров в осеннем небе. Это

было давно, ещё в детстве. Отец тогда только—только перевёз нас с мамой на новое место службы, под Кишинёв. Журавли летели на юг, но совершенно молча. Тогда самой большой тайной было именно это величавое молчание, которого я до сего дня так и не смог разгадать.

Россия. 4 октября 2011 г. 22.34 по местному времени. Центральный участок Сибирской оккупационной зоны. Юго–восточный Салаир, реликтовый пещерный комплекс в районе горы Пихтовой. Примерно 638 километров от ближайшего населённого пункта и около 580 метров над уровнем моря. Район постоянного базирования партизанского отряда. Антон «Ропша» Варламов. Опасная рутина и старые знакомые.

...Солнечный свет стал каким–то тусклым, утренний туман, рассеявшись, забрал с собой всю

серость с неба, и оно опять стало бледно—голубым. Северовосточный ветер принёс уже ставший привычным запах гари, это амеры выжигали участки тайги, сгоняли к предместьям Кемерово строительную технику. Видимо, помимо базы собирались строить ещё что—то, но без разведки пока трудно сказать что—либо конкретно. Заготовки пищи шли трудно: пуганое частыми артобстрелами зверьё разбегалось, сети, привезённые Черновым, часто приходили из глубоких проток полупустыми. Обычно скапливавшаяся там сонная рыба, словно оправдывая поговорку, уходила под коряги, не желая

попадать в котёл к людям. За последние десять дней умерло шестеро тяжелораненых, но все они были из эвакуированных, пока на новом месте удалось обойтись без боевых потерь. Лесник оказался действительно очень полезным бойцом. С его знанием местности, всяких лечебных и съедобных трав да корней от верной смерти Лера и её помощницы Аня и Вера поставили на ноги троих вполне толковых ребят. Теперь потери, понесённые в результате памятного рывка в нынешнее укрывалище отряда удалось хоть отчасти компенсировать. Всего мне удалось сформировать три боевых группы не

считая моей, так хорошо показавшей себя во время налёта на командный центр управления американцев. Страйкбольная дурь и всякие вредные идейки, проросшие ещё со времён начальствования Краснова, мало по малу изживём, но времени для нанесения удара по авиабазе совершенно не хватало. С каждым часом американцы укрепляют оборону, осваиваются на новом месте и привыкают к местным условиям. Нанести внезапный удар имеющимися силами и так будет непросто, а ещё через месяц и вообще невозможно, даже если пойти на полный отказ от вариантов отхода с места акции. Всего в боевых

группах сейчас по пять бойцов, но реально я всё ещё могу в какой-то степени спокойно положиться лишь на тех, с кем громил амеровский штаб. Налёт на базу хоть и стал чем-то вроде идеи фикс, но не затмил другие нужды, не менее важные для выживания и работы отряда. Две из трёх групп я по согласованию с Лерой ориентировал строго на должны́е начаться уже завтра рейды за медикаментами и обмундированием. Грядущие холода вполне способны парализовать работу отряда, поэтому первая группа, состоящая из ребят более молодых и выносливых, сейчас щупала восточные отроги Салаира, с

тем, чтобы выйти на маршруты снабжения наёмничьих аутпостов. Также по отрывочным данным радиоперехвата удалось нащупать примерную структуру передовых баз, как амеры называют небольшие укреплённые пункты, по своим боевым свойствам и функциям идентичные нашим блокпостам. Всего нам известно о трёх крупных аутпостах: Джинджер Альфа — на севере, этот разместился на месте турбазы в районе горы Золотой; второй Джинджер Браво — южные предместья уничтоженного ныне Новокузнецка и самый новый Джинджер Чарли — он северо-восточнее новой переправы через

Томь. Амеры навели собственную переправу, сейчас строят дорогу. Наёмники там появились только после известных событий. Видимо новые хозяева опасаясь за свои инвестиции решили подстраховаться. Думаю, что не стоит с нашими возможностями соваться непосредственно на один из трёх означенных блокпостов. Местность связана вполне сносной дорожной инфраструктурой, и напади мы там на какой-то конвой — раздавят. По опыту знаю, что сеть крупных блокпостов обеспечивается несколькими более мелкими временно-постоянными кордонами. Думаю, это до полувзвода наёмников

с лёгким стрелковым оружием и несколькими джипами оборудованных чем-то потяжелее. Как правило это единый либо крупнокалиберный пулемёт, может быть автоматический гранатомёт. Вот тут вполне можно будет реализоваться и может быть кормиться так некоторое время. Но без информации, когда и что повезут, есть серьёзный риск с боем взять на саблю, скажем, груз фаянсовых изделий или железного профиля. Ах, как некстати молчит Матинелли!.. Неожиданно мой взгляд зацепился за мерно колышущуюся не в такт ветру еловую ветку. Руки уже подносили автомат к плечу, когда я невольно

прервал движение и снова замер. Под деревом стоял молодой, уже подросший за лето оленёнок. Голенастость почти полностью ушла, но глаза всё ещё блестели любопытством. Перебирая губами зверь жевал листья кустарника, прядая нервно ухом, от чего слегка задевал колючую ветку дерева. Раз тут этот пугливый телок, то людей рядом точно нет: я сижу неподвижно уже почти двадцать минут, и за это время ветер переменялся два раза. Зверь бы точно почуял человека, даже самого осторожного. Меня олень не чувствовал только потому, что ход в толщу горы уходил почти вертикально вниз, сужаясь до такой

степени, что метров пять приходилось ползти, а потом снова карабкаться по естественным выступам в породе. Воздух из пещер не выходил тут наружу, в норе всегда пахло сырым камнем и гнилыми листьями, случайно заносимыми ветром. На этом фоне человеческий запах ощущался не так сильно. Не случайно я завёл традицию, чтобы замыкающий всегда дежурил у входа, через который группа вошла с поверхности. Если враг идет по пятам, то непременно проявит себя, захочет проверить лаз или расставить метки, или, может быть, какие-то датчики слежения. Пока эта мера предосторожности не дала

результатов, что, по моему убеждению, тоже хорошо. Однако по поводу подготовки «туристов» я никогда иллюзий не питал: играть в войну это далеко не то же самое, что реально воевать. Вспомнилась первая неделя после того, как мы с ребятами и лесником Черновым вернулись в новую базу отряда. Старик тогда сразу же ушёл в лес, взяв в помощники двоих совсем ещё молоденьких девушек. Они, видимо, попали в отряд случайно, поехав за компанию со своими молодыми людьми, так сказать, отдохнуть на природе. Можно сказать, что им очень сильно везло: сначала они выжили в первые дни войны и в

последующее непростое время, когда в отряде верховодил предатель Краснов; потом Лера привлекла их к уходу за ранеными и в боях им участвовать не довелось. И вот теперь опять удача: старик брал девушек с собой в качестве заготовителей провизии и всяких лечебных корешков. Я только радовался такому повороту событий, всегда стремясь оградить детей и особенно девушек от участия в боях. Нет, это не по причине моей жалостливости к слабым и беззащитным, просто в случае с девушками им легче всего ожесточиться, потерять чувство меры. Из опыта я знаю, что женщины

и подростки чаще воюют лучше зрелых мужиков, они жёстче, изобретательней в острых ситуациях, но у этих качеств есть и неприятный довесок. Раз попробовав на вкус убийство врага, женщины и дети уже не могут остановиться, отсюда проистекает боевая истерия, психоз. Поэтому я старался, чтобы эта часть личного состава входила в боевые действия постепенно, чтобы пролитая собственноручно кровь, отнятая в бою жизнь не легли на психику тяжким грузом. Само собой, было много обид, когда, вопреки ходатайствам Вовки Саблина, я снял с боевого дежурства всех, кто был моложе шестнадцати или имел

сиськи. Редкое исключение сделал лишь для Ирины и девушки с красивым именем Нинель. Последняя, несмотря на экзотическое имя, была с виду совершенно славянского типа, в противоположность смуглокожей миниатюрной черноволосой Ире. О себе девушка рассказывала, что имя досталось ей в наследство от какой-то бабушки с материнской стороны. И впрямь, глядя на коротко обрезанные светло-русые волосы, курносый нос, высокие крупные скулы и удивительно тёмного колера голубые глаза, мне скорее приходило на ум что-то простое, типа Дарья или Ольга. Ничем выдающимся

Нинель не владела, однако обладала отличными бойцовскими качествами: она хорошо знала пять систем автоматов, включая наш «калаш», американские винтовки SCAR и M-16, а также германские MP-5 и G-36, хорошо разбиралась в пулемётах и на зубок цитировала российские военные наставления вплоть до устава гарнизонно-караульной службы. Вообще, оказалось, что неожиданно для себя я обрёл ещё одного, или точнее одну вменяемую помощницу. В довольно долгой беседе по душам девушка рассказала, что долгое время работала в каком-то частном новосибирском тире, там и

набралась. Я не особо поверил, однако в душу лезть не стал, слишком уж ценными навыками обладала Нинель как солдат. Поэтому в тот же день она получила звание сержанта и должность инструктора по боевой подготовке. От «боевых» её всё же пришлось на время отстранить, и я с удовольствием отметил, что девушка не проявила ожидаемого раздражения. Как только из общей массы оборванных и усталых людей, ещё толком не осознавших, что они спаслись, нам с Лерой удалось сформировать некое подобие организованного воинского подразделения, я поручил Нинель занятия с новобранцами. Всё как

будто было сотню лет назад, время в осаде тянется словно патока...

...Каменная крошка жёстко скрежетнула под подошвой вновь обрётённых итальянских берцев. Их сохранил Семёныч, преподнеся их вместе с комплектом демисезонной камки, вырученной предприимчивым водилой прямо из артельного схрона. Вообще, переодеться в свежее, не пахнущее мертвяком, весьма приятно. Боты, вопреки моим опасениям, сильно от болотной воды не пострадали, водила сумел их правильно высушить, и теперь они вновь сидели на мне, как домашние тапочки. Сейчас передо мной стояла первая группа новичков, отобранная

мной лично за совокупность физических данных и кое—какого боевого опыта. Всего пять человек, которых наравне со своими артельщиками я планировал натаскивать на главную акцию — диверсию на вражеской авиабазе. Это были парни среднего роста, но крепкие физически, умеющие стрелять и не так сильно топтать во время движения в колонне. Кроме того все они побывали в ближнем бою, на что я сделал особый упор во время личной беседы с каждым. Это означало, что кандидаты убили хотя бы одного противника голыми руками, ножом или любым подручным средством. В искусстве

побеждать не числом, а умением
часто важно видеть глаза врага,
суметь не спасовать перед
необходимостью отнять чужую
жизнь без применения огнестрела.
Пистолет, автомат, а тем более
снайперская винтовка делают этот
процесс обезличенным, реакция на
смерть другого человека, пускай и
врага, приходит спустя долгое время.
Но обстановка диктует
необходимость скрытного, подлого
боя. И вот тогда каждому придётся
не раз и не два посмотреть, как нож
входит в такое по-особому
податливое мягкое тело, и как жизнь
утекает со дна чужих глаз вместе с
ненавистью, страхом и удивлением.

Поэтому важно было отобрать именно тех, кто уже видел это и не сломался. Отбор был жёстким, пытались хитрить и бахвалиться, но когда я предлагал поединок, многие отказывались, двоим даже пришлось оставить зарубку на память. И только эти пятеро так или иначе подходили, их можно будет отпустить и поставить вполне реальную боевую задачу.

— Товарищи бойцы, — я говорил, глядя в глаза новобранцев, ловя каждое лишнее движение, — с этого момента все вы являетесь частью боевого подразделения в составе отряда вооружённых сил России. После прохождения курсов

специальной подготовки вы принесёте воинскую присягу, получите личное оружие, воинское звание и учётную боевую специальность. Как только это произойдёт, любая ваша деятельность в бою и повседневной жизни будет строго регламентирована уставами и приказами командиров. А так как мы на войне, то за тяжкую провинность, за трусость или предательство наказание будет только одно — расстрел. Могу лишь обещать, что просто так пулю тратить никто на провинившегося не станет. Будем разбираться и самосуд не допустим. Запомните это, потому что за ваши

проступки отвечать придётся также вашим товарищам и друзьям. И опять же из-за особенностей нашего положения ваш проступок будет для них означать только смерть или увечье. Помните об этом при сдаче нормативов, помните об этом в бою и в карауле...

Чему можно научить человека за две недели? Только азам воинской науки и дисциплины, остальное придётся постигать в бою. Это обстоятельство бесит, часто я еле сдерживаюсь, чтобы не делать за ребят их работу. Старая форма, доставшаяся мне от мертвеца, вся истрепалась в процессе беспрестанного лазанья по

тактическому лабиринту, сооружённому в одной из небольших боковых пещер. К концу шестых суток парни уже не шатались толпой, более—менее научились правильно реагировать на учебные ситуации. Надо отдать молодёжи должное: никто особо не роптал, в мирное время всё было бы иначе. Однако в этом нет ничего особенного, так обычно на войне и бывает — люди меняются, обретая внутреннюю собранность, легче воспринимают приказы, управление ими упрощается. Когда есть внешняя угроза, большинство разногласий, а порой и смертельная вражда часто уступают место крепкой дружбе.

После окончания двухнедельного курса подготовки мы стали выходить в разведывательные рейды, где я, Алекс или Ирина выполняли роль инструкторов. Новички учились изживать свой страх перед врагом, и я чувствовал, как к парням приходит уверенность в собственных силах. Однако тут возникала другая крайность: уверовав в свои силы, легко ошибиться насчёт противника. Именно на этот случай я наказывал ребятам внимательно следить за новичками и в случае чего страховать.

И вот пришёл «день выпуска». В главной пещере были зажжены факелы и большой костёр, горевший

ровно на том самом месте, где древние люди поддерживали его десятками, а может быть, сотнями лет. Все, кто не был ранен или не находился в карауле, вышли на общее построение. Всего их было шестнадцать человек, включая жён, детей и приятелей тех, кто сейчас стоял перед строем, замерев в трёх отдельных шеренгах. Тусклый оранжевый свет бросал на осунувшиеся лица людей багровые блики. Перед «выпускниками» стояли я Лера и ещё несколько человек, назначенных ею начальниками подразделений. Не было только Ани с Верой, госпиталь не оставлял им ни капли свободного

времени. Отсутствовал и Саблин, который теперь вызвался руководить внутренним гарнизоном. Пока бывший бизнесмен неплохо справлялся, однако ввиду возникшей между нами стойкой неприязни, он взял себе за правило игнорировать мои рекомендации. Но сейчас это отошло на второй план, принятие присяги превратилось в праздник, пускай поводом служило обычное в армии событие. Люди отчаянно желали передышки, чего-то светлого, позволяющего на короткое время закрыть перед войной дверь, оставить её ужасы и собственные личные трагедии в стороне. Никто из нас не питал иллюзий по поводу

судьбы родных и близких, радиосводка и редкие слабые передачи из Хабаровска через спутник оптимизма не внушали. И всё же, вглядываясь в лица людей, я не видел отчаяния, а только лишь усталость и даже улыбки – напротив в строю замерли чьи-то мужья, братья или друзья. Заминка у нас была только со знаменем, однако Чернов, хитро улыбаясь в бороду, заверил, что не надо кроить его из лоскутов, он-де кое-то имеет в запасе. И таки принёс нечто длинное, завёрнутое в вылинявший брезент. Когда мы с Лерой увидели, что это было, я с чувством пожал старику руку и обнял. Такая находка

по нынешним временам — действительно настоящее чудо.

Перед строем чеканным шагом шли трое: Ирина, Алекс и Сергей. Выбор мой пал на них не случайно, все трое показали себя в экстремальных обстоятельствах с лучшей стороны. Я не без удовольствия отметил, как трепет когда за час до церемонии вызвал их в штабную палатку и Лера озвучила решение доверить им быть в почётном карауле, а Ирине стать знаменосцем. В постсоветские времена обязанность эта осталась почётной лишь в боевых армейских частях, где принцип «Цело знамя — живо и подразделение» понимали

очень хорошо. В народе же отношение к государственной символике нынче более чем равнодушное. И сейчас развёрнутое боевое красное знамя не произвело сколько-нибудь заметного эффекта. Лица людей в общем строю не дрогнули, в глазах большинства застыло непонимание и всё та же тоска, которые я примечал ещё в начале знакомства. Все просто ждали, когда закончится официальная часть, чтобы завалиться спать или заняться чем-нибудь ещё. И пока это вполне нормально, я и не ожидал мгновенного преобразования обычных обывателей в идейных борцов с оккупантами. Сейчас важно

внедрить в их сознание некие императивы, которые дадут всходы постепенно. Знамя, как и любая реликвия, должно явить чудо, в нашем случае даровать ощутимую победу. Вперёд выступила Лера и, преодолевая хрипоту от недавней простуды громко заговорила:

— Друзья! Мы через многое прошли, однако впереди ещё очень длинный путь. Враг силён, его армия хорошо обучена и вооружена. Мы же, напротив, разрозненны и практически ничего, кроме отчаянного желания выжить, не имеем. Нас мало, оружия, патронов и всего прочего почти нет. Однако это не новость, что враг застал нас

врасплох и на первых порах, упиваясь безнаказанностью, грабит и убивает. Так уже бывало раньше, и тогда наши предки нашли в себе силы провести черту, дальше которой враг не прошёл. Мы все разные и можем спорить о том, что лучше: монархия, демократия или коммунизм. Однако теперь совершенно точно мы с вами знаем одно: лучше спорить об этом в свободной от захватчиков стране. Почти семьдесят лет назад было так же... Некоторые ещё верили в приход царя. Многие желали западных демократических свобод, а большинство поверило во всеобщее равенство и справедливость. Однако враг решил, что не даст нам свободно

выбирать, как жить, вычеркнет само наше существование из истории, засыплет солью руины наших городов!...

Лёгкий ропот пронёсся по рядам собравшихся, но строй никто не нарушил, дисциплина уже пустила первые здоровые побеги, превращая компанию случайных людей в некое подобие настоящих солдат. Лера откашлялась и, глотнув воды из протянутой ей Черновым фляжки, заговорила снова:

– ...Все забыли прошлые распри и стали под знамёна, которые имеют цвет крови. Теперь вы знаете, почему этот цвет олицетворяет победу – кровь проливают за право выбора, за

возможность говорить на родном языке, трудиться и воспитывать своих детей. Красный – это цвет свободы. Предки заплатили за нее и счастливую жизнь своими жизнями и здоровьем. Они умерли надеясь что мы оценим их подвиг, их жертву... Но память поколений слаба, мы забыли о пролитой за нас крови, и вот сейчас враг об этом напомнил вновь. Но наши предки сквозь время протягивают нам руку помощи – вот знамя 133-й стрелковой дивизии [\[73\]](#). Наши предки пришли из Сибири под Москву и пинками погнали врага назад, в его логово! И я верю... и вы должны верить, что под тем же знаменем мы сможем повторить это

ещё раз. Сегодня знамя несут лучшие из нас, это право они заслужили, пролив кровь врага. Так пусть каждый подойдёт и причастится, ведь предки доказали своим примером, что главное наше оружие – это не только пушки и танки. Главное – это вера в то, ради чего мы рискуем жизнью – наша свобода. Достойным памяти победителей может быть только тот, кто находит в себе мужество самому стать им. Пусть бойцы, прошедшие курс подготовки, произнесут слова присяги. Мы докажем, что в России ещё достанет свободных людей!

Я вынул заранее заготовленный лист бумаги, на котором по памяти

мы вместе с выздоравливающим Михасём и другими служившими в армии составили воинскую присягу. Получилось довольно близко к тексту, хотя слова «Российская Федерация» мы заменили на просто «Россия». Старого государства уже нет, однако Родина во все времена называлась одинаково. Голос у меня не особо громкий, однако слова присяги эхом отражаясь от сводов пещеры звучали отчётливо. Нестройным хором, но очень старательно новобранцы повторяли за мной:

– Я, гражданин России, Махов Андрей... Карпенко Николай... Ромашин Олег... – свои имена

новобранцы произносили
разборчиво, каждое из них
впечатывалось в мою память
навсегда, — поступая на службу в
ряды российских Вооружённых сил
приношу торжественную клятву
верности...

Пускай слова мы произносили
не совсем так, как положено, а
сказанное Лерой чуть раньше кому-
то покажется высокопарным и
напыщенным, но что ещё нужно
сказать людям, потерявшим почти
всё и которых, может быть, завтра
лишат ещё большего? Сказать:
вперёд, нас ждут вооружённые до
зубов янки, большинство из нас
умрёт, но выжившие нажрутсся до

отвала трофейного шоколада и мясных консервов? Или так: вперёд, зароемся поглубже, а как только стемнеет, пойдём грабить трупы тех мудаков, кто всё—таки решился дать амерам прикурить? Нет, с такими установками в бой не идут. Как по мне, то лучше сказать молодым и тем что постарше, правду. Я скажу этим сильно напуганным и уставшим людям, что их жизнь — не разменная монета в какой—то большой игре. Что всё ими сделанное имеет смысл и по—настоящему высокую цель. Любой свободный человек имеет обострённое чувство собственного достоинства. Однако за прошедшие годы многие стали забывать об этом.

Большинство «туристов» – люди, чьё детство и юность прошли во время «перестроечной» вакханалии, когда осмеянию подвергалось всё: дружба, любовь, бескорыстие и альтруизм. Потоки лжи, изливающиеся на россиян со всех сторон, почти стёрли из их памяти знание о том, кто они. И предки, выигравшие ту большую войну, кажутся им былинными героями, сокрушившими самую мощную армию мира с помощью непонятной магии. Ведь после стольких лет трудно поверить, что люд, верившие в такие «глупости», как всеобщее счастье и справедливость, вообще жили на свете. Хотя вот они, заводы, фабрики,

промышленность, построенная не для вороватого олигарха, а для потомков, чтобы те жили лучше, дольше и счастливее. Поэтому всё пришедшее из той эпохи, тем более в тот момент, когда всё рухнуло, обретает свойства средневековых реликвий. Позже, если удастся одолеть амеров и тех, кто им помогает, выжившие поймут, в чём истинная сила боевого знамени или простой бескорыстной взаимопомощи. Но сейчас пусть лучше поверят в легенду, для начала и это неплохо. А злоба, отчаяние и показной цинизм редко помогают выжить в бою и тем более победить. Всегда человеком движет что-то

светлое, пусть и не каждый в этом потом признаётся даже самому себе.

После церемонии я ещё раз вглядывался в лица расходившихся по своим постам и палаткам людей. Угрюмых лиц не убавилось, однако во взглядах исчезла тоска обречённых, её место заняло исконное российское упрямство. Чернов рассказал нам с Лерой, что знамя он нашёл в разграбленном коттедже лет пять тому назад. Тогда обычный летний пал затронул посёлок элитных коттеджей. Щурясь и недобро ухмыляясь в бороду, старик рассказывал:

— Про этот посёлок много всяких слухов ходило: то баб из

города привезут целый табун и голыми скачут под музыку днями напролёт, то охоту затеют с вертолётов не в сезон. Нам туды соваться ни боже мой! Кодлу с автоматами, ну охрану то есть, привезуть и кусок гектаров в двадцать оцепят. А потом травят дичь неокрепшую, да бывало, тут же и бросают убоину, возиться не хотят. Был там один... Кореш губернаторский, говорят, пять автомобильных рынков в Новосибирске держал. Забил он кучу всякого зверья, а главное, молодняк валил почём зря: ну какое мясо с двухнедельного телёнка? Нет, валит супостат оленуху с приплодом,

голову отпилит с копытами, а туши в ручей кинет! Но есть справедливость на белом свете: в ту пору пал не краем пошёл, а на усадьбы богатейские. Я тогда пожарным помогал, тропы короткие показывал, места, где вертолёт посадить можно. И вот дёргают по рации командира нашей «вертушки», мол, забери из посёлка людей, а то погорят все. Тот бы и рад, но подвоз воды на нас возложен, опять же своих надо высадить, а огонь—то рядом почти. Однако нас с пожарными высадил, да и полетел. Часа три прошло, огонь нас на сопку загнал, старшина расчёта матом в эфир кроет: забирайте нас, а то зажаримся.

Короче, возвернулся наш летун, а потом всю дорогу оне с пожарником перебранивались. Мастера были оба ругаться — аж слезу вышибало. Так вот, из разговора ихнего я и узнал, что опасности—то никакой и не было, просто этот барыга губернатору позвонил, а тот на эмчезсовское начальство нажал, вот вертолёт за ним и отправили. Как обычно, «олигарх» этот машинный пяток баб прихватил, да ещё двух приятелей. Перепились, само собой, дым не скоро заметили. Еле—еле их всех погрузили, а попутно в хоромах осмотрелись. Гад этот коллекционером оказался, оружие всякое старинное собирал, ордена

разные и вот знамя это. Хвастался, что выкупил его в музее, а те в опись копию занесли. Не стерпел я тогда, обидно стало. Отец мой с братьевьями фашиста гонял, а этот упырь будет под боевым знаменем шлюх пользоваться. Сказался я больным и с аврала слинял. А сам вывел лошадку свою и в обход пала в усадьбу вернулся. Пал только через пять часов на участок этого барыги подошёл, можно было и на машине выехать, но струхнул, видать, «капитан бизнеса». Охрана вся тоже в город подалась, они даже дверь толком не заперли. Нашёл я знамя, гад этот над кроватью его повесил, вся спальня в шашках, оружие разное

на полках и стенах висит. Но только я ничего трогать не стал: железо это мне без надобности. Знамя снял, да под рубахой и спрятал, чтобы огнём не испортило, ежели что. Когда из дома выходил, свернул пук сухостоя и, подпалив, на крышу закинул. Ветер так и так искры носит, вдруг да не загорятся хоромы воровские?

Рассказ деда я помню так же хорошо, как и день, в который его услышал. Шедший рядом бледный ещё Михась спросил тогда старого лесника:

— И зачем ты дом поджёг, старый? Знаю я этот посёлок, его часто «Рублёвка—мини» звали. Ну ладно, хозяева первостатейное ворьё,

но там же по соседству персонал живёт, они—то не при делах!

Чернов упрямо мотнул головой, видно, о посторонних он тоже думал. Однако всё же в голосе его не было ни капли сомнения:

— Никого там не было, я участок проверил в оптику ещё издали. Сбежали все...

Старик, ускорив шаг, заторопился к выходу, таким образом прекращая неприятный для себя разговор. Однако уже на пороге второй пещеры, откуда вёл ход на поверхность, обернулся и добавил, глядя почему—то только на меня:

— Холуй, он не лучше своего хозяина, раз за «бабки» проданся, то

считай уже покойник. Без совести, да без души жить тошно. Но на мне невинной крови нету...

Глядя старику в глаза, я кивнул, но что-то заставило тогда сказать:

– Это всё до поры, старик... У Судьбы скверное чувство юмора.

У каждого из нас своя правда по жизни, мы до последней крайности отстаиваем её, даже когда подспудно понимаем, что в какой-то момент нас заносит. Вот и в тот раз мы разошлись, оставшись при своих...

...Опустив ветку, закрывшую щель между камнем и стеной лаза, я, пятясь, вышел в галерею, ведущую в небольшую засечную пещеру. Этот приём мне показал один старый

приятель, долгое время служивший в Таджикистане. Там «духи» часто устраивают базы в горных пещерах, где их очень трудно достать. Обычно в сети пещер выбирается одна главная, где живут люди, и еще три поменьше под разного рода склады и хранилища. Входов в главный зал несколько, как правило три—четыре, и все проходят пещеры поменьше, где «духи» устраивают навалы из камней, держащиеся на каменных же или плетёных из камыша подпорках. Никакой взрывчатки, никакой электроники — максимум есть стальная проволока на «растяжках». Такую западню не учует собака, натренированная на мины, сапёру не

обезвредить, поскольку он слишком поздно понимает, что к чему. Если кто-то и обнаруживает отряд, то всегда есть шанс уйти, похоронив преследователей под завалами. Похожие ловушки мы наладили и тут, тем более, что шанс быть обнаруженными сохраняется постоянно. Работа занимала большую часть времени тех, кто по разным причинам оказывался не занят в караулах или на учениях. Даже малолетние ребяташки помогали нам с устройством прачечной: пуская кораблики, они обнаружили что подземная река выходит на поверхность достаточно далеко от стоянки, и мыльная пена

рассеивается настолько, что вряд ли по подобного рода следам можно будет определить наше местоположение. Миновав

последнюю проволочную растяжку, я поднялся по вырубленным в скале ступенькам на естественную галерею, ведущую во второй из основных залов. Попутно я не забыл мигнуть фонариком влево, где под грудой валунов размещался пулемётный расчёт. Секрет необходим на тот случай, если враг каким-то образом минует каменную ловушку или кто-то сумеет выбраться из-под обвала. Глянув на подсвеченный дисплей наручных часов и поприветствовав дозорных, я

пошёл дальше. Пройдя ещё метров двадцать по расширившейся галерее и уже привычно ведя рукой по стене, чтобы не пропустить поворот, я оказался в общем зале. Тут размещались спальные места, госпиталь и небольшой тренажёрный зал с огороженной мешками с песком площадкой борцовского ринга, где проводились занятия по рукопашному бою, а по воскресеньям устраивались бои между подразделениями. Призы мы делали сами, чаще всего это была вяленая рыба и редкое нынче баночное пиво. Вообще, в качестве поощрения мы с Лерой старались выставлять нечто редкое, чтобы у

людей был достаточный стимул к победе. Штанги, гантели и гири заменили камни, коих вокруг было в изобилии. Немного постояв возле ринга, где сейчас пыхтел Веня и один из его сменщиков, свободный от дежурства у радиостанции, я направился в лазарет. Это были две палатки, одна из которых выполняла роль больничной палаты и процедурной, а во второй, круглой, но достаточно высокой и вместительной, четырёхместной, теперь были операционная и реанимация. Тихо урчал электродвигатель, от которого тянулись провода к обеим палаткам, пожалуй, это было единственное

место, где практически всегда горел свет. Лесник помог распотрошить освещение на брошенной теперь пушной ферме, где нашлись несколько метров электропровода, лампы накаливания и небольшой электрогенератор, который мы запитали от оригинальной конструкции, придуманной Вениамином и его приятелем Марком Красовским. Веня заметил, что в верхних узких галереях постоянно сильный сквозняк. Ветер дул независимо от погоды снаружи, причём тяга оказалась довольно приличной. Из обломков и всякого алюминиевого хлама парни собрали нечто вроде воздушной турбины,

лепестки которой вращались с большой скоростью. Закреплённые в четырёх узких сквозных коридорах, эти турбины давали достаточно тяги, чтобы постоянно горело шесть шестидесятиватных лампочек и станция по зарядке аккумуляторных батарей. Теперь у нас всегда была связь, а Лера как врач имела пусть тусклый, но надёжный и безопасный источник света. Однако стерилизовать инструменты всё ещё приходилось на костре, вода из горячего источника Лерой как полностью безопасная не принималась. Пройдя мимо маленького складного стульчика, на котором дремала Таня — одна из

помощник нашего командира, я пробрался в дальний угол палатки для обычных больных. Там на раскладушке, уткнув слабый лучик карманного фонаря в какую-то тонкую брошюру, лежал Михась. Напарник осунулся, похудел. Лицо его, раньше всегда светившееся румянцем, теперь было бледным, щёки ввалились, а глаза лихорадочно блестели. Увидев меня, он улыбнулся, отчего стал похож на узника концлагеря в последней стадии измождения. Скользя взглядом по обложке, я заметил, что это наставление по применению противотранспортных мин. Несколько штук мы перенесли сюда

во время тренировочной вылазки с новичками, это были вполне надёжные, но уже устаревшие «вербы»^[74]. Михась восполнял пробелы в образовании, хотя раньше я часто находил его просто глядевшим в потолок, либо спящим. Раненые всегда ведут себя примерно одинаково: сначала радуются, что остались живы, потом переживают, что не сразу могут вернуться к нормальной жизни, а на последней стадии ищут компромиссы со своими болячками. Мишка уже смирился с мыслью, что он еще нескоро будет скакать по лесам и играть с амерами в пятнашки. Теперь он вместе с Нинель натаскивал молодняк в

перерывах между перевязками. В нем проснулся талант наставника, что в сложившемся положении было лучше для всех нас. Я взял стульчик от соседней койки, где в бреду метался парень, один из тех, кто недавно спасся во время рывка к пещерам, и присел возле кровати приятеля.

– А–а!.. Вернулись без потерь, я слышал уже.

Михась захлопнул брошюру, положив фонарик так, чтобы было немного светлее. В палатке царил полумрак, электричество горело только в процедурном отсеке. На одном из нескольких уцелевших ноутбуков проснувшаяся Таня заполняла медкарты больных.

– Три раза стукни по дереву, брат, вроде не наследили. Вот принёс тебе презент из леса.

Я вынул из похудевшего за время рейда «сидора» котелок и пересыпал в пластмассовую чашку, стоявшую на плоском камне у изголовья, несколько горстей брусники. Крупные тёмно-бордовые ягоды удалось собрать в распадке за два десятка километров от подошвы горы. Выход получился тем более удачным, что удалось засечь время доставки на небольшой блокпост наёмников запасы пресной воды и ещё каких-то хозяйственных грузов. Мишка поднёс тарелку к носу, шумно втянул ноздрями запах ягод и

блаженно прищурился.

— Ух, хороша!..

Взяв несколько ягод, он снова поставил тарелку на камень и, жмурясь от удовольствия, закинул их на язык. Осенняя ягода, схваченная заморозками, очень сладкая, до войны я часто делал довольно забористую наливку как раз из таких поздних ягод. Нужно только не выкидывать мелкие листья и веточки, тогда настой получается особенно приятным на вкус и после такой наливки не бывает похмелья.

— Завтра начнём готовить акцию. Амеры на блокпосту получили запасы на месяц, может, найдём обмундирование зимнее. Самая пора

пришла их пощупать за вымя. Как там новобранцы, хочу взять двоих на обкатку. Кого посоветуешь?

Мишка мгновенно стал серьёзным, рука его потянулась к изголовью, где лежала довольно толстая тетрадь с пожелтевшими страницами. Чернов указал нам несколько заброшенных участков, где, к нашему удивлению, нашлось довольно большое количество конторских книг. Многие отсырели и сгнили, но некоторое количество писчей бумаги удалось высушить и приспособить для разных нужд. Шелестя страницами, с зажатым в зубах фонариком, приятель уточнил:

— Тебе кто нужен?

— На этот раз подрывник и стрелок. Нужно как можно быстрее навести шухер, а потом всё заминировать. Пусть разбираются, что сгорело, а что нужно унести как можно дальше. К тому же, людям не хватает реального боевого опыта. Учиться надо, пусть даже и по ходу дела.

Михась назвал имена двух ребят, которых я знал не слишком хорошо, однако приятель за них поручился, охарактеризовав обоих как подающих определённые надежды. Уточнив насчет кандидатов ещё несколько незначительных мелочей, я уже собрался уходить, но Мишка удержал меня, тронув за рукав куртки.

— Антон, погоди. Я... Короче, наболело за время, пока валялся. Ты меня за тот наш разговор на старой базе прости. Растерялся, да и страх постоянно давил. Жить очень хотелось, а кругом пиковая масть выпадала.

Я снова присел у кровати и слушал не перебивая. Очень трудно порой бывает признаться в такой вещи, как страх или трусость. Однако, когда это наконец происходит, чаще всего человек уже принял решение, как ему жить дальше. Многие признаются, чтобы потом продолжать лелеять свою слабость, но есть и такие, кто перемог страх. Михась несомненно

относился к последней категории — сегодня был единственный раз за всё время его пребывания на больничной койке, когда он не просил меня взять его в настоящий рейд. Даже психовал попервости.

— Выздоровливай, брат. — Я крепко пожал ещё слабую руку приятеля. — Мне и Семёнычу будет спокойнее, если именно ты будешь прикрывать нас из своей берданки. Бывай.

Мишка оборвал свои путанные словоизлияния на полуслове и только чуть крепче, чем обычно, сжал мою ладонь. Есть вещи, о которых нет смысла долго говорить. Для меня—то всё стало ясно ещё в тот момент,

когда я увидел связанного итальянца и Мишку, синюшного от кровопотери. Трус бы просто сбежал, не в силах бороться за свою жизнь. Только настоящий боец выжил бы после того памятного забега по тайге и многочасовой операции при свете карманных фонарей. В таких обстоятельствах говорить ничего не нужно, после правильного поступка слова только мешают. Я все же собрался ещё что-то сказать, но клапан палатки распахнулся и в проёме показалась взъерошенная голова Вени. Заметив меня, студент, округлив глаза, громко зашептал:

— Ропша, там Саблин командира в заложники взял, пистолем махает,

из палатки не выходит. Ребята внутрь не заходят, все вас ждут!

Михась было дёрнулся, чтобы подняться, но я удержал его на кровати. Саблин выпросил для себя должность коменданта базы и, надо сказать, я с самого начала был против.

Не лишённый организаторской смекалки, Саблин всё же слишком часто поступал опрометчиво.

Девизом новоиспечённого коменданта было выражение «Крутые времена требуют крутых решений». С трудом мне удалось ввести систему боевых дозоров и утвердить численный состав взвода охраны. Первое время Саблин порывался лично проводить

занятия по боевой подготовке, однако, увидев, чему и как он учит бойцов, я отстранил его. Вспыльчивый характер, лёгкое отношение к мелочам и куча мусорных знаний, почерпнутых из интернета и перенятых у Краснова, могли привести к плачевным последствиям. Однако взять Леру в заложники... Наш Вовочка, должно быть, окончательно спятил.

— Лежи, Миша. Отдыхай пока. Завтра работаем по намеченному плану. С крикуном мы сейчас всё разруем.

Махнув рукой Вене, я вышел следом, покинув душное нутро госпитальной палатки. Даже

присутствие приятеля, с которым пережито так много, не помогало: больничка не то место, которое хочется посещать даже изредка. Люди, которых мы встречали по пути к второй по величине пещере, где размещались склады, арсенал и штаб отряда, выглядели обеспокоенными. Я ловил на себе их настороженные взгляды, но вопросов никто не задавал. Идти оставалось минут десять, поэтому я решил пока расспросить студента о причине очередной истерики нашего начитанного коменданта.

— Какая муха на сей раз тяпнула Вовку под хвост, к чему весь этот аттракцион с заложниками?

Веня удивлённо сверкнул очками в мою сторону и, выдавив из себя кислую улыбку, махнул рукой:

— Ты с рейда ещё сводку у дежурного не получал?

— Нет, ребят отправил отсыпаться, а сам зашёл к Михаилу, повидаться, чтобы не кис. А что, есть повод для бунта?

Студент глубже засунул руки в карманы штанов и, опустив голову, начал тихо излагать новости.

— У нас двое убитых, американцами вскрыт передовой наблюдательный пост на юго-восточной тропе.

Неприятный холодок пробежал по спине, кишки сжались в тугой

комок. Юго–восточная тропа вела к американской базе, и именно по ней я планировал выдвинуть две группы наблюдателей к её периметру. В голове сразу запустился механизм анализа, но пока информации для прокачки было маловато. Между тем Веня продолжал рассказывать, голос его дрожал от волнения, он явно чего–то опасался:

– Там Костя Аниканов и Валя Седых были. Уже под конец вахты, вчера ночью их вычислила американская разведка. Дед Андрей говорит, что их недавно обнаружили.

– Чернов тоже там был?

Это выглядело уже интересно: лесник ушёл вместе с нашей

группой, взяв с собой Ирину. На развилке мы разделились, старик хотел показать Ирине местность, научить чему-то. Видимо, в какой-то момент пути американцев и двух наших лучших снайперов пересеклись. Кивнув, я попросил Веню продолжать.

— Дед говорит, что сначала заметил следы, но они шли сначала к посту, а потом обратно. Он решил не демаскировать ребят, к тому же связи у них не было. Но на всякий случай они с Иркой поднялись по склону чуть выше и решили понаблюдать за постом. Сидели до сумерек, всё было тихо, и решили уходить. А ещё через час-полтора увидели вспышки,

стрельба поднялась. Чернов решил вернуться, а там уже амеров как мурашей... наших обоих повязали какой-то сетью, ракеты осветительные повесили над постом. Дед вальнул ихнего главного, потом Аниканыча, Валька побежал, а Ирине пришлось... ну, это она Валю, чтобы живым в руки амерам не дался, но там что-то не так пошло. Ну и...

Дальше можно было не слушать. Лесник в конце концов получил урок непростого выбора, когда так и так гибнут свои и размен один к одному уже не выглядит как разумный тактический ход. С этими людьми он сидел у костра, делил пищу, нажать

на спуск после такого ой как непросто. Ясно, почему так взъелся Саблин: для него гибель ребят от рук своих же это вредительство, он решил арестовать деда и Ирину, но Лера его послала. Однако показательного расстрела лучше избежать. Пусть и съехавший с катушек, но Саблин свой, людей катастрофически не хватает.

– Веня, убери людей от штабной палатки, я сам поговорю с бывшим комендантом. Главное сейчас – быстро замять ситуацию. Будем разбираться, почему секрет вскрыли. Ошибка и двое погибших это большие потери в нашей ситуации.

– Да чё тут разбираться,

командир, – Веня скрипнул зубами. – Саблин запретил колпаки из веток ладить, велел опять подходы к наблюдательной позиции растяжками заминировать.

Несмотря на полумрак в тоннеле, у меня основательно потемнело в глазах от ярости. Теперь всё становилось понятно и без разбирательства: амеры вскрыли расположение поста, скорее всего, обнаружив растяжки, а потом визуально выделили людей в открытом овраге. Я изначально настаивал на оборудовании защитных колпаков, чтобы амеры даже с двух шагов не могли обнаружить «секрет». Человек, даже

очень хорошо тренированный, в засаде не может сидеть, сохраняя полную неподвижность. Кроме того нужно время от времени менять сектора наблюдения, отдыхать. Для этого есть вполне пригодное средство — колпак, сплетенный из толстых прутьев, обмазанных сверху глиной, обшитый дёрном, который крепится на проволоке или гибких тонких веточках кустарника. Можно даже дерево сверху посадить. Такой холмик со смотровыми щелями на четыре стороны света накрывает овраг или вырытый окоп, позволяя наблюдателям незаметно сменять друг друга и с относительным комфортом какое-то время скрытно

вести наблюдение. На наиболее опасных направлениях, то есть севере и юго-западе, такие колпаки мы поставили сразу, но потом комендантом стал Саблин и, видимо, дело так и осталось незавершённым. Само собой, он психанул, когда задним умом сообразил, что его халатность вскрыется. В таких случаях поднять бучу — лучший способ отвести беду от себя на короткое время. На что рассчитывал бывший владелец продуктовых магазинов, я пока не понимал.

Мы наконец подошли к штабной палатке, которая тёмным пятном выделялась на фоне двух разожженных костров, возле которых

стояли трое вооружённых бойцов из взвода охраны, а также четверо женщин, прибежавших на крики. Я кивнул старшему наряда и приказал убрать всех от палатки, а сам, отдав оружие Вене, двинулся к палатке. Когда до поднятого вверх входного клапана оставалось три шага, из глубины отсека треснул одиночный выстрел, пуля выбила искры и каменную крошку возле моей правой ноги. Остановившись и вытянув вперёд руки с раскрытыми ладонями, я начал разговор:

— Это ты напрасно, приятель. Так и так придётся сдаться, но тогда уже разговор будет другой. Брось ствол и выходи, останешься цел.

– Дайте мне уйти, я так больше не могу!.. Хочу туда, где свет!..

Говорил Саблин довольно громко, однако голос его звучал монотонно, видимо, психоз назревал давно. Другое дело, что теперь его поведение непредсказуемо, человек с потёкшим шифером вместо мозгов никого не слушает. Сейчас Саблин спокойно может пристрелить девушку и вышибить себе мозги. Я сделал ещё один шаг вперёд и сумел разглядеть в темноте тускло блеснувший ствол пистолета и глаза коменданта. Лера, судя по смутному силуэту, стояла на коленях в дальнем левом углу жилого отсека, а Саблин, прикрывшись ею, опирался спиной о

стену пещеры. Важно было подойти как можно ближе, чтобы обезоружить психа. Когда-то в прошлой жизни мне пришлось в почти такой же ситуации вязать одного наркошу, устроившего шоу в торговом зале, который наша фирма охраняла. Благодаря своей плюшкинской натуре, я таскаю в карманах много всякой всячины, среди которой есть несколько свинцовых картечин, болтиков и гаек. Брось несколько таких железок в лицо противнику, и вот у тебя уже есть мгновение—другое для рывка на дистанцию удара ногой или рукой. Важно только правильно научиться зажимать картечины или гайки

между пальцами, но ладони лучше держать открытыми – сжатый кулак настораживает. Медленно я приблизился к входу в палатку ещё на шаг, при этом продолжая говорить.

– И куда же я тебя отпущу, Вова? Амеры тебя отловят, и ты нас всех сдашь...

– А мне плевать, – голос Саблина сорвался на крик. – Я устал от войны, пусть поймают... может быть, пощадят, если я вас сдам, а, лесовик?! Шерман говорил, что мы с ним оба уйдём...

– Сука! – Это сзади выкрикнул кто-то из бойцов. – Так они вместе нас вломить хотели!

Ситуация приняла неожиданный

оборот: о том, что у Краснова могут быть сообщники, я не подумал, однако это теперь казалось более чем логичным. В одиночку план по сдаче целого отряда действительно проверить трудновато. Однако следовало перехватить инициативу, ребята вполне могли броситься на предателя и тогда всё мог решить случай. Пovyсив голос и одновременно делая ещё один шаг вперёд я приказал:

— Тихо! Всем оставаться на месте. Вова хочет поговорить, правда, Вова?

— Да нахрен разговоры, лесовик! — Саблин почти визжал. — Дай мне припасов, и я уйду, а эту

правильную сучку забирайте тогда! Сниметесь и уйдёте в какой-нибудь другой вонючий угол, а я снова буду жить как человек!..

Дистанция для броска уже была подходящей. Белки глаз предателя отчётливо поблёскивали в неровном свете костра. Медленно отведя кисть, я без замаха швырнул ему в лицо три картечины и одну солидную гайку. Свинец не блеснит. Но вот гайка сверкнула в воздухе на короткий миг, Саблин непроизвольно перевёл на неё взгляд, и в этот момент я прыгнул вперёд.левой рукой мне удалось попасть точно в лицо предателя, а правой перехватить пистолет, просунув большой палец

под уже спускаемый курок. Резкая боль обожгла палец, но я не дал ей завладеть сознанием и, найдя пальцами левой руки нижнюю губу под жёсткой путаницей бороды Саблина, зажал её и дёрнул на себя. Предатель завыл, хватка его на пистолете ослабла в тот момент, когда мы уже валились влево на пол. Вырвав оружие, я продолжил движение, рукоять пистолета попала тыльным углом точно в висок противника. Хрустнула кость, Саблин дёрнулся подо мной несколько раз и затих. Через мгновение время обрело свой обычный ритм, вокруг вспыхнуло сразу несколько сильных фонарей,

палатка наполнилась людьми. Двое бойцов уже оттаскивали Саблина прочь из палатки, но я знал, что теперь он никого не побеспокоит: проломленный череп и оторванная нижняя губа — это не те раны, с которыми можно выжить. Я отмахнулся от Вени, пытавшегося помочь мне встать, и отполз к стене, переводя дух. Палец саднило, мясо под ногтем почернело, сочилась кровь. Однако прихват получился как на тренировке, поэтому полностью спуска предатель сделать не успел. На какое-то время я отключился, закрыв глаза, шум и блики синеватого света словно звучали откуда-то издалека. Очнуться заставило

прикосновение к плечу чьих-то лёгких пальцев, потом я услышал голос Леры:

– Все ушли, дай посмотрю, что с рукой.

Через пару минут я сидел на раскладном стуле, а в воздухе резко пахло антисептиком. Руку ожгло холодом, боль притупилась. Я посмотрел на девушку, проверяя, всё ли с ней в порядке. На левой щеке неглубокая ссадина, волосы растрёпаны, а ворот куртки свисает длинным лоскутом с левого плеча. Видимо, без борьбы дело не обошлось. Однако против пистолета едва ли можно было что-то сделать, если не учился этому. Девушка

обрезала края пластыря и отстранившись, посмотрев на собственную работу, удовлетворённо кивнула:

— Кость цела, заживёт через неделю. Давно вернулся?

Девушка отошла за ширму, сделанную из куска ткани, раньше несомненно бывшего бортом палатки. Пока численность отряда только уменьшалась, поэтому несколько повреждённых взрывами двухместных палаток разобрали для разных нужд. Я подвинул стул ближе к поставленным друг на друга тарным ящикам, выполнявшим роль стола. Тусклая электрическая лампочка давала рассеянный жёлтый

свет, длинные тени отбрасывали даже разбросанные бумаги и выключенный сейчас ноутбук с откинутой крышкой–экраном. Через силу разлепив спёкшиеся от сухого воздуха губы, я ответил:

– Только что. Ребята пошли вперёд, я вот чуток задержался. Завтра вечером опять возьму новую группу из фуражиров, пощиплем наёмников. Судя по движухе, им завезли припасы, да и оружие собрать надо.

Лера вышла и, сев напротив, щёлкнула какой–то клавишей, экран компьютера замерцал и осветил её лицо белым неживым светом. С того момента, как я стал начальником

разведки, мы почти не виделись, однако помимо воли я часто украдкой разглядывал девушку. Она поймала мой неосторожный взгляд и тень лёгкой улыбки помимо её воли тронула губы. Через мгновение улыбка исчезла, лицо и глаза снова стали непроницаемо холодными.

— Не гляди на меня так, Ропша. — Голос Леры дрожал от напряжения. — Саблин взбесился после того, как Чернов вернулся и всё рассказал. Я на играх только как врач была, до этого в ханкалинском госпитале два года, вот и вся моя война! Ранения, операции... В ваших военных делах я многого не понимаю. Как уследить было?

Мой пристальный взгляд девушка поняла неверно, поэтому пришлось откашляться, чтобы прервать ее оправдания. За всем действительно не уследишь, новые жертвы стали следствием компромисса, и виноват в этом был только я один. Но вслух сказал другое:

— Лера, виноваты амеры... Войну не мы затеяли. Вовка спятил и потому стал искать пятый угол, потянув нас за собой. Трудно сохранить трезвую голову, когда из хороших новостей только тёмная пещера и отсутствие бомбёжек. Дурак этот убил двоих хороших парней, а не ты и не я. Оборону

поправим, вместо Саблина назначим кого-то другого. Но главное сейчас — показать остальным, что мы с тобой точно знаем, что делать и как выжить.

— А мы знаем?! Ропша... или как тебя там, ты знаешь, как нам быть дальше? Я вижу только эту тёмную нору и новые трупы. Люди пока ещё не ворчат, но...

В такие моменты нужно подбодрить, если человек всего лишь устал. Отчаяние — это совсем другое, но в то, что Лера поддалась, панике я не верю. Отчего-то вспомнились читанные от нечего делать книжки, в которых некие личности попадают то во времена Гражданской войны, а

чаще всего их заносит на Великую отечественную. С разной степенью умения авторы, описывающие приключения своих героев, сходились в одном: зная, как по шпаргалке, что и как случится, вполне можно играючи переломить ход истории или, по крайней мере, неплохо устроиться среди предков. От чего—то предки всегда выставлены глупыми, необразованными и неумелыми, не видящими дальше своего носа. По себе знаю, что воевать без шпаргалок непросто, но по—иному бывает только в книжках. Конкретно сейчас я бы не отказался узнать хотя бы примерный расклад по обстановке, так сказать, из первых

рук. Ну, так, с цифрами, номерами частей, схемами осенне—зимней компании. Однако чудес не бывает и прозорливые всезнайки пока на огонёк к нам не забредают. Придётся, как дед и его братья, воевать и побеждать с тем, что умеем. Каждый неверный шаг, любая оплошность станут роковыми, если подведёт чутьё, изменит военная удача. Опыт, накопленная сумма знаний и все прошлые победы проверяются на прочность всякий раз, когда я вот так делаю морду кирпичом и веду за собой тех, кто менее успешно скрывает собственную слабость. На войне страх поселяется в каждом, просто у некоторых не получается с

ним договориться. Если люди соглашаются идти за тобой, то происходит малоприятное превращение: вместо одной жизни ты отвечаешь сразу за три, четыре или сотню и вместе с ответственностью теряется право на слабость, сомнение, случайный промах. На данный же момент нужно просто успокоить храбрую, но очень уставшую от войны девушку. Утвердительно наклонив голову, я сказал:

— Да, я точно знаю, что и как нужно сделать. И ты это тоже отлично знаешь, просто этот бородатый прыщ тебя немного смутил своей выходкой. У нас есть

чёткий план, мы обязательно выживем. Но это только в том случае, если будем воевать, а не просто прятаться. Ты хирург, военный врач, так?

Слова я произносил уверенным тоном, открыто смотря девушке в глаза. Стресс, накрывший её, постепенно сходил на нет. Лера утвердительно наклонила голову, соглашаясь. Значит, аргументы подействовали, и она действительно слушает то, что я ей говорю.

— Бывает так, что оперируешь, но в успех не веришь?

— Всегда есть надежда. — Девушка видимо что-то вспомнила, быстро возражая мне. — Есть опыт,

кто-то подскажет, я же там не одна режу... Тьфу на тебя, лесовик, опять разводишь! Но от фокусов твоих не легче, мы без боя троих потеряли.

— Двоих, Лера. Правда твоя, повоевать им не пришлось. Однако прежде, чем стрелять, нужно оглядеться, чтобы ударить наверняка. Я в курсе, что время поджигает и каждую минуту, пока мы тут, с базы амеров вылетают два, три бомбера и гибнут люди. Поэтому нужно подготовиться и потом помешать амерам ещё и ещё раз. Аэродром ведь восстановят, самолёты и боекомплект подвезут другие. И когда это случится, мы должны оказаться там, и снова взорвём их к

чертям. Ладно, займёмся рутиной. Ты поищи кандидатуру на вакантную должность, а я пойду натаскивать новичков. Мы не великаны и шагаем не по семь миль за раз. Пойдём потихоньку, ага?

Я поднялся со стула и, подхватив левой рукой сбрую, а правой автомат, повернулся к выходу. Девушка во время разговора отошла в дальний угол, я на неё не смотрел. Но сейчас в свете лампочки я заметил, что Лера отвернулась к стене, и плечи её мелко подрагивают. Любой, даже очень сильный человек время от времени ищет опору, когда приходит край. Я снова положил сбрую и оружие на стол, шагнул к девушке и

крепко обнял её за плечи. От прикосновения она сначала вздрогнула, потом повернулась и, спрятав лицо у меня на груди, беззвучно заплакала. Я бережно, но крепко держал её, не разжимая рук. Так мы стояли довольно долго, пока она не высвободилась и не скрылась за ширмой. Не помню, как я очутился снаружи, вещи и оружие потом нёс, прижимая к груди, до самого закутка в помещении общей казармы разведчиков. Это была довольно просторная ниша в восточном углу первой пещеры. Рядом разместились каптёрка, арсенал и вещевой склад. Вход в нишу завесили куском палаточного оранжевого синтетика,

эта штука шуршала от малейшего сквозняка. Я вошёл, когда все уже спали, только Алекс, чья койка была возле самого входа, напротив моей, протирал мягкой ветошью затвор своего автомата. Сапёр щурился, свет маленького налобного фонаря придавал его лицу мрачный вид.

– Хлопцы отдыхают, командир. Я вот дневалю, а чё за шум был у штаба? Очкастый сказал, что Вов ка Саблин чуть атаманшу не застрелил. Он чего, мухоморов переел?

Я решил тоже заняться оружием и снарягой. Усевшись на свою раскладушку, на которой вместо матраса был спальник, я расстелил на полу походный коврик и стал

вынимать из подсумков разгрузки автоматные магазины, бережно выложил две гранаты и, повесив сбрую в изголовье на альпинистский штифт, служивший вешалкой, начал разбирать автомат.

— Саблин психанул из-за того, что подстава у него не вышла. Они с Шерманом, оказывается, заодно были...

Как мог я рассказал Алексу обо всём, что случилось, кроме последнего эпизода, конечно. Тот слушал внимательно, время от времени хмурясь. Однако ловкие его руки бестрепетно собирали оружие, и к концу моего короткого рассказа он отставил автомат, прислонив его

стволом к стене. Обтерев руки сухой тряпкой и навинтив колпачок на баллончик со смазкой, сапёр тихо выругался.

— Опять небоевые потери. Амерам скоро не придётся даже патроны тратить, мы сами себя перестреляем!

— И что ты предлагаешь?

Алекс погасил фонарь, и его угол погрузился во мрак. Скрипнула раскладушка, и спустя пару долгих мгновений раздался тихий шёпот:

— Спать давай. Толкни, вон, Серого, его вахта до ноль шести.

Потом вдруг кровать снова скрипнула, и сапёр, выступив из темноты, оказался возле моей

кровати. Поза была не угрожающей, но с опытным бойцом всегда нужно быть начеку. Внутренне я уже смирился с ещё одним силовым эпизодом, на этот раз твёрдо пообещав себе не выходить за рамки. Алекс хороший сапёр, и в рейдах я бы предпочёл, чтобы он шёл рядом.

— Ты толковый командир, Ропша, ребята тебе теперь верят, я тоже... Не обмани нас, сам же сказал как-то — война идёт. Что там задумал Саблин, теперь уже не важно, у мёртвого не спросишь.

— Не, пока есть чем заняться, а ты дави на массу, дело хорошее.

Я с облегчением в свою очередь отёр ветошью руки и принялся за

иглу, чтобы подновить разгрузку. Саблин, безусловно, невовремя устроил концерт, однако благодаря ему я теперь знал меру доверия бойцов, и это была хорошая новость. К тому же, запах волос девушки и её близость в такой неподходящей обстановке всё ещё не отпускали, в голову лезли какие-то левые мысли, которые удалось прогнать только большим усилием воли. Спустя ещё час я вышел из казармы, чтобы немного отдохнуть от чужого сапа и дыхания. Люблю время от времени оказаться в полной тишине, чтобы мысли перестали бестолково роиться. Когда же внутренняя чехарда успокаивается, есть шанс

найти некую светлую идейку, хотя на этот раз всё было просто: налетаем между ноль двумя и ноль тремя часами, когда наёмники будут наиболее рассеянными, собираем всё, что можно унести, и уходим в лес...

– Накаркал ты, паря.

Лесник подошёл совсем неслышно, но мне удалось не выказать удивления. Впрочем, старик и не хотел никого пугать, просто ходил так в силу привычки. Чтобы не будоражить людей, я пошёл в сторону тропинки, ведущей к развилке. В это время суток тут мало кто ходил, можно было спокойно поговорить. Мы присели на большой плоский

выступ стены, который немного походил на скамью. Дед уселся чуть поодаль, снял кепку в серо-чёрную крупную клетку и отерев пятернёй лицо продолжил:

– Сколько лет по грани ходил, а худого обычным людям ни разу не сделал. Браконьер там, даже медведь-подранок – всех без смертоубийства, миром или хитростью, а тут свой. Аниканов этот мне сети чинить помогал, такие песни пел задушевные! Всё говорил, что жена его в Австрии картины реставрирует, жива, наверное, детишки там же. Радовался мужик, что семья не страдает... Боялся воевать, но не скулил, службу нёс, а я

ему как отплатил!

— Тогда зачем стрелял, Андрей Иванович? Думаешь, амеры его пожалели бы?

— Они—то бы точно не спустили, но это они, не я! Пойми ты, нельзя по своим!..

Старик коротко и с силой ударил крепко стиснутыми кулаками себя в грудь. Что можно сказать человеку, который сам определил меру собственной вины и будет казнить себя до конца жизни? Слова утешения его распалят ещё больше, заставив осуждать свой якобы неверный поступок, однако же и промолчать с тем, чтобы остаться в стороне, тоже не получится. Поэтому

я ответил так, как думал, а уж верно или нет... иногда лучше не копать глубоко.

— Не выстрели ты тогда, Костю бы пытали, он точно раскололся бы и наверняка уже сейчас амеры бомбили бы кряж. А потом травили нас газом, добивали выживших окрест с вертолётот. Костя рассказал бы амерам ещё и про жену с детьми тоже. Думаю, австрийцы без проволочек выдали бы их на расправу. А так он мёртв, и спрашивать его никто не может. Целы мы, возможно, не бедствуют и его родные. Это, само собой, не идеальное решение, но... Банальную мультку про два неравных зла

помнишь? Так это как раз наш случай: вместо «отвратительно» вышло просто «плохо». К сожалению, на войне это обычный расклад, чудеса случаются редко. Можешь принять как должное и воевать дальше, либо искать смерти. Никто тут чистеньким не останется, просто у нас есть выбор: ставить всё на победу, либо выйти и дать себя убить. Но если выберешь второе, не тяни с собой ребят, Иваныч. Ладно, я спать, а ты... выбирай сам, как поступить, но помни, что последствия и так и так не ахти. Просто помни, что теперь ты не один.

Чернов молча выслушал, но с

места не тронулся. В полумраке его фигура казалась частью стены, я поднялся и пошел в казарму, до подъёма оставалось минут сорок, и их хотелось провести исключительно наедине с пахнущим потом и дымом спальным мешком. Старика лучше не трогать, пусть сам решит, как жить дальше. Меня такие вопросы уже давно не беспокоят, наверное, привык, да и устал мучить себя бесполезными, по сути, обвинениями. Это цена, которую платит любой солдат, когда ему приходится делать работу, ради которой, собственно, его и готовят.

...После ночного дождя и резкого похолодания тропу окутал

такой плотный туман, что едва-едва можно было разглядеть спину идущих впереди. Местность всё ещё незнакомая, пришлось сбавить обычный темп, группа двигалась с черепашьей скоростью, выбиваясь из намеченного графика почти на шесть часов. На этот раз акция планировалась почти наверняка: расположение строений внутри периметра аванпоста наёмников удалось зарисовать весьма подробно ещё трое суток тому назад. Последние тридцать часов я провёл в приготовлениях, инцидент с Саблиным лишь немного отсрочил время выхода. Новым комендантом базы Лера назначила уже знакомого

мне бывшего радиоведущего — Миронова Сергея. Мужик он оказался совершенно штатский, однако с нормальным чувством обстановки. Он пришел было ко мне, да толком поговорить не вышло, поэтому я перенаправил его к Чернову. После событий у наблюдательного поста дед осунулся, отвечал односложно или вообще отмалчивался. В таких случаях нужно ломать ситуацию делом, поэтому я попросил его помочь новому коменданту с обустройством наблюдательных постов, и это в какой-то мере нарушило угрюмое самоедство нашего старожилы. Весь вчерашний день мы готовились к

акции, я проверил обоих присланных напарником ребят. Спору нет, Михась сделал всё, что мог, и показал азы работы с оружием и взрывчаткой, однако теперь всё решит именно первый бой. В рейд отправились двумя группами. Я с Алексом, Сергеем, Ириной и новичками Олегом и Николаем штурмуем аванпост. А вторая группа, состоящая из легкораненых и женщин с подростками, ждёт нас у северо-западного склона Пихтовой. Старшим напросился Михась, я разрешил, потому что работа второй группы будет состоять только в том, чтобы разгрузить с машин привезённое нами добро и перенести

его в пещеру. Вокруг сопки тайга непроходима, поэтому работа предстоит тяжёлая. Риск имелся. Однако с учётом того, что гарнизон противника ожидается рыл в пять—десять и вертолёты вряд ли отправят в течение суток, то есть все шансы повернуть дело относительно тихо. Маршрут я прокладывал самостоятельно, места на северо—западе за кряжем ещё совсем недавно были довольно обжитыми. Для акции был намечен аванпост, прикрывающий базу Джинджер Чарли компании «Блэкстоун Сауз». База прикрывала новый мост и переправу через Томь, гарнизон такого объекта никак не менее роты,

то есть около ста пятидесяти человек. Судя по данным радиоперехвата, которые мы как могли разбирали с Веней и теми, кто владел амеровскими кодовыми фразами, гарнизон имел на вооружении легкобронированную технику и два вертолёт-разведчика. Ещё имелись в распоряжении две миномётных батареи и от шести беспилотников, но последнее только на грани предположений и догадок. Контингент был пёстрым: поляки, венгры, румыны. Однако соблюдался неизменный корпоративный принцип, и комендантом базы был англичанин Берс. Вообще, все командиры взводов, группа

управления и снабженцы были либо американцами, либо англичанами. Всё это мы узнали благодаря тому, что наёмники часто трепались в эфире, часто забывая об осторожности, и использовали простейшие и общедоступные кодовые фразы и обозначения. Намеченный нами в качестве основной цели дорожный блокпост позволял контролировать основную дорогу, по которой с железнодорожной станции и иногда с авиабазы наёмникам шло снабжение. Грузы обычно сопровождались именно до «блока», откуда конвой принимало охранение с Джинджер Чарли — четыре

бронеавтомобиля и до трёх отделений пехоты. Вооружение более чем солидное: станковые гранатомёты и крупнокалиберные «браунинги» на турелях броневи́ков, каждое отделение пехоты имеет в своём составе одного пулемётчика, как правило, вооружённого единым армейским SAW^[75]. Наёмники лучше тренированы и имеют большой боевой опыт, поэтому нам придётся действовать крайне быстро, чтобы враг не смог реализовать свои преимущества. Даже внезапность атаки не гарантирует нас от потерь, а в первый раз очень важно обойтись совсем без них.

Я чуть приотстал и, вынуж

планшет, сверился с кар той: тропа шла по дну узкой расселины, пробитой в своё время ушедшим реликтовым ледником. Салаир изрыт такими трещинами, однако как правило две из трёх оканчиваются глухой отвесной стеной. В нашем случае помогли знания Чернова – лесник безошибочно показал тропку, ведущую напрямик к безымянному урочищу по ту сторону кряжа.

– Леший, я Кудряш! Впереди развилка. Два – три – семь!..

Ожила рация, в наушнике голос Михася звучал чётко, но отстранённо. Согласно выработанной новой кодовой таблице, он сообщал, что его группа

вышла на маршрут и через двое суток должна достигнуть района ожидания. С напарником пошли все, кто так или иначе мог помочь с переноской груза, на базе и на двух наблюдательных постах осталось всего шесть человек. Их задача заключалась в том, чтобы предупредить нас по короткой связи, если амеры всё же вычислят расположение основной базы. Тогда отряд перебазировается на север, там, в лесостепных районах Кузнецкой котловины, полно старых шахтных выработок, Чернов рассказывал о нескольких пригодных для запасной базы местах. Точки встречи были доведены до каждого из командиров

отделений, поэтому амеры, скорее всего, получают лишь очередной головняк и, если повезёт, то десятка три–четыре трупов в придачу при попытке сунуться в пещеры. Там осталось только четверо тяжелораненых, которые находились в бессознательном состоянии, оставить их пришлось прежде всего потому, что нового перемещения ни один из них не выдержит. Перед акцией мы с Алексом и Михасём заминировали обе пещеры, однако взрывчатки было мало, не использовать же древний аммонал, который неизвестно как поведёт себя при подрыве. Я отжал тангенту три раза, что означало «принял». За

последние три часа пришлось уже сделать пару остановок из-за пролетающих амеровских беспилотников. Принадлежность их мы, само собой, определить не смогли, но на долгих полчаса всем пришлось укрыться под низким и длинным каменным выступом, который тянулся вдоль всей правой стены расселины. Из-за каменистой почвы. Деревья с кустарником не росли на самом дне, только благодаря этой особенности мы и шли вперёд, со страшно медленной скоростью. Скоро бледное осеннее небо опять скрылось, его заслонили резко сомкнувшиеся стены расселины, поросшие сверху

старыми кривыми соснами.

Впереди шёл Алекс, его способности сапёра сейчас пригодятся в первую очередь. Наёмники окружили блокпост несколькими контурами минных заграждений смешанного типа. Опасаясь диверсантов, они выставили только противопехотки, частью наши, трофейные, частью те, что привезли с собой. Подозреваю, что такой подход вызван как всегда мелким воровством: кто-то заложил в смету нормальный боекомплект, однако две трети его скорее всего даже не отгрузили со склада. Однако же беречься тоже надо, а трофейные боеприпасы воровать легче – сколько

заявил, столько и есть в наличии. В прошлое посещение окрестностей блокпоста я лично обнаружил закладку, целиком состоящую из наших советско–российских «гостинцев». Мы обнаружили обычные МОНки^[76], которые в обиходе называются «плюха» или «девятка». Мины эти обычно ставятся при оборудовании заграждений на большом пространстве, так как убойная сила в них очень большая. Ролики, которыми они начинены, разлетаются плотным роем почти на две сотни метров от эпицентра, при взрыве вполне могло достать и наёмников у насыпной стены. Само

собой, сразу никто мины снимать не стал, однако сейчас Алекс повел нас вглубь плотно засаженного минами пространства, поэтому—то обратная дорога и оказалась такой долгой. Так мы прошли большую часть утра, на днёвку остановились всего раз и основательно перекусили, укрывшись под низким каменным карнизом. Тут ничего не росло, вода стекала мелкими ручейками, вымывая почву. Правда, сейчас было относительно сухо, к тому же пару раз мы слышали близкий шум винтов. Но меня больше волновало, как мы будем уходить от погони, если бой затянется. Резкий восточный ветер налетал порывами, деревья

гнулись, в скалах слышался низкий гул, словно сами они переговаривались меж собой. Я проглотил последний кусок вяленой кабанятины, хотя аппетита не было уже давно, ел абсолютно машинально, не чувствуя вкуса. Снова ожила рация, в левое ухо ворвался шёпот Ирины:

– Леший, здесь Коса. Три–три, «зелёный»... наблюдаю.

Ирина вышла вперёд и сейчас находилась метрах в двухстах впереди по маршруту. Оттуда, если найти подходящее дерево, уже можно разглядеть блокпост. Доклад снайпера означал, что один из трёх патрулей наёмников только что

вошёл в охраняемый периметр «блока», закончив обход своей зоны ответственности. Пока всё было так, как и три дня тому назад: график патрулирования не изменился, и девушка не заметила усиления постов охраны. Это первый признак, что наёмники не обнаружили наших следов, хотя это станет ясно, только когда мы нападём. Вполне может случиться и так, что это засада, однако вероятность такого развития событий не слишком велика. Я отжал тангенту дважды, пусть наблюдает пока мы не подошли. Осторожно выкатившись из-под карниза, я тронул за плечо одного из новичков, которого пока держал рядом для

страховки, и жестом отдал команду, которую он, кивнув, передал дальше по цепочке. Все четверо тоже выкатились наружу и, построившись в колонну по одному, вновь двинулись вперёд. Скоро проход снова стал сужаться и последние сто метров нам уже пришлось протискиваться между стенами расселины боком. Новичок впереди вскинул руку, призывая остановиться, это означало, что мы добрались до противоположного края расселины. Я машинально глянул на циферблат, отметив, что до спуска мы прошли за десять с четвертью часов, лишь на полчаса отставая от графика. Расселина выходила на

противоположную от базы отряда сторону Салаира, на высоте двух десятков метров от земли. Однако благодаря высоким старым соснам, стоящим к скале практически вплотную, мы по очереди спустились до уровня средних ветвей кроны поросшей мхом раскидистой сосны и без страховки спустились на землю, не оставив слишком явных следов. Конечно, опытный следопыт всё поймёт, однако, как показала практика столкновений с противником, будь то наёмники или крепкие профи из армейского спецназа, они довольно небрежны, поскольку не воспринимают нас всерьёз. К тому же местные условия

резко отличались от всего, что им известно, поэтому пока преимущество в скрытном передвижении оставалось за нами. Я спустился последним, земля мягко спружинила под подошвами. Густой кустарник скрывал нас. Осмотревшись, я дал отмашку и, построившись «ёлочкой»^[77], наш маленький отряд пошёл по еле видимой среди почти непроходимого подлеска звериной стёжке. Тропинка закончилась через сотню метров склоном в овраг, на дне которого журчал хилый ручеёк. Алекс поднял руку, давая сигнал, что нашёл первый «гостинец». Сапёр склонился над небольшой кочкой, я жестом

приказал остальным отойти на десять метров и присесть. Наушник снова отозвался тихим голосом Ирины:

— Здесь Коса. Четыре коробки, двенадцать карандашей и две избушки. По секторам «зелёный». Как принял Леший?

Снайпер из девушки получился знатный, причем амеров Ира истребляла с особой жестокостью. Ещё в бою у моста я отметил, что двое стрелков, убитых ею, умерли от ран не сразу, всё исполнено было так, чтобы жертва испытала перед смертью сильную боль. Однако пока её злость на врага не мешает работе, я готов с этим мириться, тем более

что квалифицированных стрелков у нас только трое — дед Андрей, Мишка и она. Наёмников в периметре блокпоста двенадцать душ, четверо из которых сидят в укреплённых ДЗОТах^[78], в наличии имеются четыре автомобиля. Блокпост окружён насыпным земляным валом и трёхметровой стеной, состоящей из армированной сетки, бетонных блоков, проложенных в два—три слоя мешками с землёй или щебнем. При необходимости такое укрепление выдержит миномётный обстрел, однако против припасённых нами усиленных реактивных гранат скорее всего не устоит. Огневые точки

стерегут грунтовую дорогу, по которой идёт снабжение от железнодорожного узла к большому опорному пункту Джинджер, и участок тайги на северо-востоке. Тайга в том направлении существенно прорежена строительной техникой, однако постоянной охраны там нет и в случае чего есть угроза для дороги, ведущей к аутпосту Джинджер. Поэтому второй ДЗОТ оборудован автоматическим гранатомётом и с той стороны штурмовать «блок» невыгодно. С юго-запада, откуда подходим мы, наёмники выставили плотные минные заграждения, кроме того воздух стерегут лёгкие

вертолёты с автоматическими пушками на подвеске. Однако пролетают они раз в три часа, а мины выставлены пусть и густо, но только лишь в двух сотнях метров от стен блокпоста. Ближе к подножью кряжа минами прикрыты только условно проходимые для пехоты участки тайги. Тропинку, по которой мы шли, амеры не знают, патрули их так далеко не заходили всё то время, что мы за ними наблюдали. Выбранный маршрут предполагает выход к стенам периметра именно через два контура таких минных полей. Передний край одного из них мы как раз сейчас и зацепили. Отжав тангенту, я тихо ответил:

– Здесь Леший, принял. Два, три, ноль.

На снятие десятка обычных противопехоток уходит от двух до пяти часов, Алекс сказал, что управится за два с половиной. В сумерках я увидел, как он уже поднял вверх кругляш обезвреженной пластиковой ПМНки^[79]. Мины эти лёгкие, нажимного действия, часто их подкладывают под днище более тяжёлого «гостинца», чтобы сделать сапёру гадость, но, бывает, и раскидывают без довеска. Убить такая пакостница не убьёт, но покалечит капитально. Раз Алекс её снял, значит эта конкретная «плюха» имеет механический взрыватель,

мины с электроникой нам предстоит обходить дальней стёжкой. Механические тоже не фонтан, однако даже с поставленной на неизвлечение можно найти общий язык. Её достаточно нащупать и правильно окопать, чтобы снять бесшумно. Мне приходилось сталкиваться с такими закладками, но снимать тихо случалось только пару раз. Если такая хитрая заморочка попалась, лучше ее обойти или на крайний случай сдёрнуть с помощью верёвки с крюком. Подождав, когда сапёр углубился на десяток метров, я дал отмашку, и группа осторожно двинулась следом за Алексом. Ветер тем временем

крепчал, в верхушках деревьев поднялся низкий свист переходящий в завывание. Время от времени тучи закрывали тянувшееся на закат солнце, и тогда колонна замирала, поскольку идти в сумерках для плохо подготовленного человека тяжело, а по минному полю тем более. Я присел и осторожно поворошил палую листву под ногами, забрав в горсть немного бурой, с примесью песка земли. Почва пахла сыростью и немного озоном, дух шёл ровный и прохладный. Растерев комки между пальцами, я аккуратно стряхнул грязь подальше в кусты, чтобы не бросалась в глаза. Самое позднее через сутки пойдёт снег, причём,

скорее всего, ветер переменится и задувать будет с севера. Долго такая погода не продержится, однако внутренне я порадовался верно выбранному времени для реализации наших планов относительно блокпоста. Ко мне придвинулся новичок и знаками указал туда, где на склоне невысокого холмика копошился Алекс. Что-то у него пошло не так, как, впрочем, это всегда и бывает. Отмахнув парню сектора, в которые ему смотреть, я в полуприсяде пошёл вперёд и довольно быстро оказался в голове колонны. Алекс сидел на корточках, глаза его под маской были совершенно белыми от ужаса. На

вытянутых руках, в стиснутых ладонях сапёр держал побелевшими пальцами свинченный на треть взрыватель «ананаса»^[80]. Мина эта очень надёжная и применяется аж с конца тридцатых годов, один из немногих её недостатков – массивная чугунная «рубашка» с шипастой насечкой и быстро ржавеющий спуск пружины детонатора. Механизм там простой, как у обычной ручной гранаты, однако если пружина даст слабинку или заржавеет, то взрыв случится самопроизвольно либо мина вообще промолчит. Найти «ананас» просто, корпус на миноискатель у неё очень отзывчивый, но вот извлечь

правильно выходит далеко не всегда. Скорее всего, рука сапёра дёрнулась, и пружина лопнула, однако накола капсуля не произошло — боёк застрял. Дёрнуть сейчас детонатор или раскочевать означает получить в лицо граммов триста тяжёлых осколков. Я быстро огляделся и, пошарив вокруг, аккуратно сломил веточку с куста, попутно вынув нож.

— Алекс, сиди как сидишь... — Я говорил шёпотом, хотя из-за воя ветра нас вряд ли кто услышит. — Пружина сорвалась?

Парень услышал и только утвердительно кивнул. Остругав несколько кусков ветки до толщины зубочистки и расщепив их, я

подступил к сапёру, вырезав квадратный кусок дерна, начал рыхлить почву, пока не выкопал небольшую лунку глубиной сантиметров тридцать. Всё это время ошкуренные плашки гонял из одного угла рта в другой, пока они не стали скользкими. Фокус состоял в том, чтобы на пару мгновений заклинить пружину и вывинтить взрыватель. Отложив автомат в сторону, я лёг рядом с сапёром и внимательно присмотрелся: корпус мины основательно тронут ржавчиной, взрыватель вывинчен из стакана на треть, а пружина бойка лопнула, но каким-то чудом застопорилась, не дав ему наколоть капсюль. Вынув изо

рта плашки, я осторожно просунул их одну за другой в узкую щель механизма взрывателя. Скользкие веточки с трудом проходили и в какой-то момент пружина дрогнула, издав оглушительный, как мне показалось, щелчок. Алекс вздрогнул всем телом, кончик плашки в моих пальцах прогнулся, но выдержал, взрыва не произошло. Теперь следовало действовать быстро. Нежно и вместе с тем крепко обхватив взрыватель пальцами правой руки, я в одно движение крутанул кистью, потянув его вверх. Что-то снова хрустнуло, слышалось шипение, но я уже откатывался к вырытой лунке с

зажатым в руке взрывателем и кинул его на дно, прихлопнув дерном. Приглушённо пшикнул запал, прогорел заряд детонатора, и из-под моих рук вырвалось несколько струек белёсого дыма. Рядом рухнул ничком Алекс, так и не выпустивший из рук чугунную болванку корпуса неопасной теперь мины. Я поднялся на колени и, легонько похлопав парня по плечу, показал ему глазами, мол, двигай вперёд, а потом выразительно ткнул пальцем в своё левое запястье, где под клапаном рукава скрывались часы. Алекс мелко затряс головой и, положив тронутую ржавчиной шипастую чушку мины в сумку на поясе, спустился с

пригорка, дав сигнал следовать за ним.

До кустарника, которым внезапно оканчивался лес, мы дошли через час с небольшим после инцидента с вредным «гостинцем». Тайга была вырублена широким полукругом, за которым открывалось пространство, тоже поросшее кустарником и сорной травой. Кустарник никто выкорчевать не потрудился, что правильно: мины в такой мешанине из колючих ветвей и жухлой листвы обнаружить очень сложно. Дав бойцам возможность перевести дух, я пошёл вперёд, чтобы доразведать обстановку. Вынув из чехла счастливый трофейный

моноккуляр и взобравшись на
небольшой холмик, осмотрелся.
Чехол я самолично сшил из куска
непромокаемой палаточной ткани с
простеганным куском мягкого
войлока. Со временем я притерпелся
к импортной гляделке, так и не
подобрав себе бинокля по душе.
Отчего-то возникла уверенность, что
если если осмотреть поле боя из
трофейного прицела, то всё пройдёт
гладко. В сгустившихся сумерках
блокпост казался островком
цивилизации: кое-где в блиндажах
горел свет, время от времени
вырываясь наружу и короткими
всполохами освещая полумрак. От
жилья тянуло дизельной гарью,

отходами и кухонными ароматами
вперемешку с вонью пищевых
отходов. Стена, напротив которой мы
теперь оказались, почти не
охранялась, только часовой на
единственной дозорной вышке,
стоящей от стены на расстоянии
пятнадцати метров, время от
времени поворачивался, чтобы
оглядеть поле перед оградой. Я
тронул тангенту рации, дал один
длинный тон в эфир, потом произнёс
шёпотом:

— Коса, здесь Леший. Один,
один, ноль. Приём... Ирина
отозвалась почти сразу: связь вблизи
блокпоста дело рискованное. Однако
вероятность частого сканирования,

да ещё во время ужина, почти равна нулю.

– Здесь Коса. Принято, отбой.

Теперь девушка знала, что мы добрались без потерь, и в силу вступает чётко разработанный план операции. В течение следующих двадцати минут бойцы разойдутся по заранее присмотренным позициям. Сергей со своим пулемётом отправится на левый фланг, чтобы взять под прицел участки открытых траншей, ведущих к ДЗОТам и стрелковым ячейкам на севере и северо-западе периметра. Олег и Николай с гранатомётами, снабжёнными усиленными выстрелами, пойдут на правый фланг.

Их задача проста — сдвоенным выстрелом проделать в стене достаточную брешь и детонировать участок минзага под стеной, чтобы мы с Алексом смогли пройти внутрь периметра. Ирина работает по своему усмотрению, с её «соло» и начнётся наше выступление. Ветер взвыл на высокой ноте, и в тот же миг пошёл дождь, скрывший тонкой дымкой все строения в периметре «блока». Ещё раз тронув тангенту радиостанции, я выжал переключатель, отчего на рабочей волне прошёл длинный непрерывный тоновый сигнал. Пора было выдвигаться.

Алекс откатился на десять

метров влево, остальные тоже задвигались, но я не отрывался больше от монокуляра, пристально наблюдая за перемещениями наёмников внутри периметра блокпоста. Как только пошёл дождь, все они разбежались по блиндажам. Я особо отметил землянку чуть ниже остальных: там, скорее всего, узел связи и управления, люди туда не заходили чаще трёх раз в сутки за всё время, что мы вели наблюдение. Кроме того, от него шло сразу четыре хода сообщения, в то время как от казарм гарнизона тянулись только две глубоких траншеи. Да и низкая посадка говорила о том, что бункер укреплён сильнее, чем остальные

помещения. Склады собраны из щитовых металлоконструкций, и там всё время торчит часовой. Оба вагончика забраны масксетью, для часового оборудован лёгкий навес. Я немного откатился на левый бок и отстегнул тесьму, освободив тем самым привязанный к спине одноразовый гранатомёт, последний из того запаса, который мы берегли как зеницу ока с самого начала войны. Гранатомёт «муха» имеет только одно достоинство — его не так неудобно таскать на хребте, в остальном это крайне своенравное оружие, требующее большого терпения и сноровки. Вынув предохранительную чеку и разложив

тубус, я положил «граник» справа под руку. В узкий дверной проём блиндажа я, конечно, не попаду, сто двадцать метров для «мухи» — это уже предел мечтаний, однако лишить наёмников связи можно и без особого героизма. Блокпост этот временный, поэтому рацию сняли с одной из бронемашин, а антенну вывели наружу, явно не далее пяти метров от блиндажа. Достаточно, чтобы граната разорвалась у входа в землянку, давления взрывной волны хватит, чтобы на короткое время дезориентировать тех, кто будет внутри. Выстрел у «мухи» кумулятивный, поэтому много осколков не даст, но озадачить

вполне способен, потому я и решился стрелять. Ирине задачу на поиск антенны не ставил, её позиция слишком уязвима для подавляющего огня. Южная возвышенность в шестистах метрах от стены находится в секторе обстрела пулемёта, стерегущего подходы к дороге. Амеры так и так через пару часов всё увидят, когда вертушки полетят через кряж обратно. Минут сорок на то, чтобы прихватить что-то полезное, у нас всё равно есть. Снова в наушнике слышались короткие тоновые щелчки, ребята вышли на исходные позиции вовремя. Отжав тангенту с короткими перерывами четыре раза подряд, я дал таким образом сигнал к

атаке. Ветер бесновался в верхушках сосен, тучи, нагоняемые из-за гор, быстро двигались в нашу сторону, и в какой-то момент стало совсем темно. Я взял в руки тубус гранатомёта, до рези в глазах всматриваясь в неподвижную фигуру часового на наблюдательной вышке. Вдруг из туч раздался низкий громовой раскат, и в ту же секунду часового словно порывом ветра бросило на боковое ограждение, и он обмяк, свесив руки. Не мешкая, я поднялся на колени и вскинул гранатомёт на плечо, уверенно ловя в узкую прорезь прицела едва видную в густых сумерках дверь низкого блиндажа. Отдачей привычно

дёрнуло назад и вправо, я отбросил тубус и, взявшись за автомат, откатился на три метра вправо.

— Умб—ах—х!

Взрыв прозвучал глухо, почти неслышно за раскатами грома, однако в следующий момент к музыке природы прибавилась рукотворная: мощный сдвоенный разрыв потряс почву подо мной. Уши заложило, поэтому я уже не расслышал, как почти одновременно сработали потревоженные мины перед стеной. Сверкнула вспышка, небо раскрылось от мощного электрического разряда, и я уже на бегу увидел дымящиеся кусты и большую, метра три в поперечнике,

дыру в стене впереди. Алекс, обгоняя меня, уже стрелял в кого-то. Не обращая внимания на глухоту, я сдавил тангенту рации и проорал, перекрывая рёв огня и раскаты грома:

— Леший всем! Работаем по схеме «три», вперёд!

Судорожно сглотнув сухой комок, застрявший в горле, я услышал что отозвались все пятеро. Мы с Алексом миновали размётанные взрывами кусты и, подобравшись к стене, почти одновременно кинули вперёд две наступательные гранаты. Разрывов я не слышал, однако по ушам всё равно давануло, через ткань маски ощутимо

щёлкнуло по лицу куском щебня. Алекс первым вскарабкался по разорванным мешкам наверх и сразу же прыгнул вперёд, дав две короткие очереди, поводя влево стволом автомата. В тот же миг в наушнике раздался его искажённый помехами голос:

– Волшебник, минус один!..

Не мешкая, я тоже взобрался следом, но, неудачно оступившись, покатился вперёд и вниз, вовремя сгруппировавшись почти у самой земли. Поднявшись, я увидел, как сапёр прыгнул в траншею, ведущую к одной из землянок. Я побежал в противоположную сторону, чтобы зайти по правой стороне ко второй из

трёх землянок. Краем глаза увидел, что со стены уже спрыгнули Олег и Коля. Эти двое были из новичков, которых рекомендовал Михась. Увидев меня, они на короткий миг остановились, но тренировки даром не прошли – знакомый силуэт они опознали почти без заминки. Я знаками показал бойцам разделиться, Олег пошёл по брустверу левой траншеи, Коля спрыгнул в правую, а я пошёл в трёх метрах позади, страхуя его сверху.

– Леший, на двенадцать часов!..

Голос Ирины и выскочившего прямо под выстрел наёмника я воспринял одновременно. Амер выбежал из узкой щели хода

сообщения, ведущего к ДЗОТу, который прикрывал дорогу. По всем правилам этого делать нельзя, поэтому уважения к наёмникам сильно убавилось.

– Та–та–тахх!..

Тёмная фигура дёрнулась, сквозь прорезь своего прицела я отчётливо увидел, как он вскинул руки и осел обратно в траншею. Не останавливаясь, иду вперёд по изгибающемуся ходу сообщения, силуэт напарника и пространство впереди уже не так хорошо видны. Холодный дождь сменила барабанная дробь мелких градин, крупинки льда лезут в глаза, заслоняя обзор. Отжав тангенту рации и не отрывая взгляда

от спины Николая, я бросил в пространство:

– Принял, минус один.

Глухота то отступала, то вновь окутывала всё вокруг ватным одеялом, придавая окружающей обстановке немного нереальный облик. Слева слышались слабые звуки перестрелки, а потом глухо бахнул взрыв. Чуток погода, когда мы с Николаем остановились в шести метрах от хода в блиндаж, снова ожила рация, хриплый голос Алекса слегка дрожал:

– Леший, здесь Волшебник! У меня чисто, минус четыре...

– Леший принял, Новик – стучи, пусть откроют!..

Коля поднял руку с тремя пальцами и в следующий миг, как на тренировке, с броском вперёд и влево закинул в проём двери блиндажа «эфку». Я присел, отклоняясь вправо, но не выпуская проём из вида. Также глухо рванул взрыв, белёсый кислый дым вырвался наружу, стелясь по дну траншеи. Коля ринулся вперёд, приседая и выставив автомат на уровне головы. Так сохраняется видимость ростовой фигуры, любой контуженый взрывом непременно начинает стрелять в верхнюю треть ростовой фигуры, даже тренированные бойцы с большим опытом нередко совершают эту же ошибку. Изнутри раздалась

короткая очередь, и в проёме снова показался Николай.

– Новик минус три.

Дав отмашку продолжать движение, я пошёл вперёд и вправо, огибая землянку, а Коля, опять заняв место лидера пошёл по ходу сообщения, ведущему к пункту связи, от которого ещё поднималась еле видимая в непрекращающемся потоке дождя струйка дыма. Слева боковым зрением я увидел Олега, идущего почти вровень со мной. Если сохраним темп, то, как и запланировано, встретимся у ворот «блока» через пять минут. Мысленно я подсчитал актив: пятеро за Алексом, один мой, троих положил

Николай, часовой на вышке, итого — девять рыл. Я переместился за штабель железного профиля, укрытый брезентом и масксетью, теперь между мной и воротами каких-то пятнадцать метров. Снова тронув тангенту рации и не опуская автомата, затребовал доклад:

— Леший всем — доклад по секторам!

Ледяная крупа стала немного реже сыпать, видимость немного улучшилась. Впереди и справа темнел прямоугольник одностворчатых ворот, из привратного ДЗОТа никто не показывался. Зашипела статика, первой отозвалась Ирина:

— Коса — чисто, веду наблюдение... Из «теремков» никто не выходил.

Я присел и, снова осторожно выглянув из-за угла, окинул взглядом пространство перед собой. Затаиться и выжидать не в привычках опытных вояк, какими были наёмники. Пока идёт стрельба, они уже попытались бы вырваться с территории блокпоста, на худой конец попробовали бы взять машину из-под навеса, так удачно скрытого трейлерами, выполнявшими роль складских помещений. Там сейчас Алекс с Олегом...

— Леший... — рация говорила голосом неуверенного Алекса, что

уже странно. — Тут ситуация... Похоже, недостающие «грибники» тут.

По нервам, натянутым до предела, словно кто-то полоснул острой бритвой, я три раза отжал тангенту рации, делая большие перерывы между каждой строчкой. Это означало, что все остальные должны перейти на резервную частоту, голос сапёра мне не понравился. Как только все доложились, я снова запросил доклад, но никто не замечал ничего подозрительного. Мельком глянув на часы и отметив, что вертолёты будут тут уже через час и двадцать минут, запросил Ирину и Сергея, которые,

сидя вне периметра, теперь вместе прикрывали штурмовую группу со склона невысокой сопки по правому флангу:

— Бык, Коса — внимание на мой сектор, после засветки начинаю движение, остальным оставаться на позициях. Отбой связи.

Мигнув в сторону сопки карманным фонариком, я дождался отзывов от ребят и двинулся вперёд и влево, обходя ДЗОТ и стоящего возле входа Алекса по широкой дуге. Утрамбованная и проложенная сеткой земля по ногам почти не чавкала, градины начали таять, образуя большие лужи вокруг. Стараясь не плескать водой, я

аккуратно приблизился к ходу сообщения, но вокруг никого не было, кроме нацелившего автомат в дверной проём Алекса. Тихо, но отчётливо окликнув сапёра, махнул ему стволом автомата, чтобы лез наверх. Парень не сразу отреагировал, так велико было его изумление. Не мешкая больше, я спрыгнул в траншею и ворвался внутрь ДЗОТа, сразу охватив взглядом всё помещение и невольно сам опустил автомат. В залитом тусклым синеватым светом лампы помещении стоял, подняв руки в гору, наёмник. Возле станка с гранатомётом лежали два трупа, ещё одного покойника я заметил слева у

входа, под ним растекалась лужа крови. Стоявший в центре помещения человек опустил руки и, повернувшись в мою сторону, снял с головы чёрную шапочку, закрывавшую его лицо.

— Бона сера, эль Дьябло! Тоборий вече! — И продолжил уже по-английски: — Тебя не так трудно было найти, если знать кого ищешь!

Пьетро Матинелли собственной персоной стоял передо мной, дружелюбно, но всё же несколько напряжённо всматриваясь в моё закрытое зелёной тряпичной маской лицо. Он не уверен, что это я, однако сказал так, будто не сомневался, кого встретит. Не выпуская итальянца из

виду, я отдал приказ группе:

— Здесь Леший, три ноля один.
Повторяю: три ноля один!

По выданной на той же запасной волне кодовой фразе все должны спуститься в лагерь и начать досмотр помещений на предмет трофеев. Опустив автомат, я поднял маску с лица и кивнул наёмнику нейтрально, словно тоже ожидал его тут встретить.

— Бонжур, капиталист проклятый. Почему молчал так долго, а?

Матинелли, всё ещё держа руки на виду, сбросил одного из покойников на пол и уселся на стул-вертушку, ввинченный в настланные

поверх земляного пола плотно пригнанные доски. Я примостился напротив таким образом, чтобы дверь и итальянец были всё время на виду. Не спрашивая моего разрешения, Матинелли закурил, сладковатый ментоловый дух поплыл по комнате. Вспомнилось, что ментоловые сигареты у нас обычно курят исключительно шлюхи среднего пошиба, однако вслух я этого, само собой, не сказал. Между тем наёмник стал говорить, не скрывая радости от того, что нашёл меня.

— Были проверки, сначала от фирмы, затем трясла американская разведка. Прошёл карантин, и через

неделю после повторного опроса отделом внутренней безопасности снова вернули в строй. Я ведь был в плену, но история вышла правдоподобная – отстали. Но людей не хватает, теперь дома даже самый последний пропойца не желает ехать в Россию. И даже за очень хорошие деньги... Скоро начнут заключённых вербовать.

Иностранец говорил это не просто так, в голосе его слышались тревожные нотки. Видимо, всё пошло не совсем так, как планировалось, и у многих появились определённые сомнения.

– Большие потери?

– О, нет, вернее, не совсем это

слово. Нам говорили, что русских войск уже нигде нет, а они появляются как будто бы из ниоткуда. Люди рассчитывали, что просто поедут охранять пустые земли и подбирать трофеи. Сначала так и было, но...

– Всегда есть риск ошибиться, приятель. Почему не вышел на связь, как договаривались?

Итальянец раздражённо мотнул головой, словно прогоняя назойливого слепня. Потом, медленно подбирая слова, объяснил:

– За мной следили американцы, поэтому, как только представилась возможность, я от всего избавился. Но потом решил, что если буду рядом

с тем местом, куда ты стремился, то рано или поздно случай представится. Пьетро, сказал я себе, если русский не дурак и не трус, он ещё появится. Всё, что нужно было сделать, это подумать, где ты можешь появиться. Я подал рапорт начальнику службы снабжения, он за определённую плату организовал мой перевод в службу грузоперевозок. Мотаюсь, слушаю людей и смотрю в оба...

— Похоже на легенду, иностранец. Спасает тебя только то, что среди моих людей нет предателя и о нападении ты ничего заранее знать не мог. Думаю, что ты нас продал, потому и жив, а курсируешь

тут по заданию американцев. Я не дурак, тут ты всё верно смекнул.

Лицо Матинелли стало белым. На щеках выступили бисеринки крупного пота. Не похоже, что играет, хотя проверить возможности всё равно нет. Вообще, с нашей последней встречи он не сильно изменился, разве что теперь был одет с большей тщательностью: форменные брюки, куртка подходящей по сезону осенней расцветки, кепи с коротким широким козырьком, на груди выточка с сержантскими нашивками, правый рукав куртки украшен круглой эмблемой «Блэкстоун». Автомата при нём не было, только у правого бедра

пристёгнута пустая сейчас
тактическая кобура, совмещённая с
ножами. Пистолет и уже знакомый
мне клинок аккуратно лежат на
небольшом откидном столике у
дальней стены комнаты.
Предусмотрительный наёмник
заранее разоружился, настолько был
уверен в том, что его не станут
убивать. Своих он ловко обманул: как
только начался кипеш, он побежал
следом за старшим наряда, прирезал
его, убрал дежурную смену двумя
точными выстрелами, а потом стал
ждать нас. Под моим
внимательным взглядом Матинелли
чуть поёжился, но всё же страха не
обнаруживал слишком явно. Он

быстро заговорил, отчего я стал хуже его понимать.

— Поверить трудно... я понимаю, — итальянец глубоко затянулся и выпустил вонючий дым в пол. — Но ещё бы пара дней, и поиски перестали бы быть актуальны, эль Дьябло. Поверь, Пьетро Матинелли предпочитает быть не таким богатым, но живым. Разъезжая по этому дикому лесу, я очень рискую, но ставки с момента нашей последней встречи возросли.

Совокупность жестов, выражение глаз и мимика лица говорили, что парень либо отличный актёр, либо действительно нуждался в разговоре. Я неопределённо кивнул,

всем своим видом показывая полное безразличие и крайнюю степень недоверия:

— Значит опять большие деньги... Где-то я уже это слышал. Цена вопроса?

— Девять миллионов «амеров», транш для погашения задолженности перед всеми службами тылового обеспечения центральной оккупационной зоны. Туда входят премии и проценты по выслуге лет. Всем наёмникам платят наличными, ты же помнишь. Ещё прибавь сюда премии тем бедолагам, что сейчас гниют на передовой, их тоже не забыли.

Сумму он назвал и впрямь

серьезную, однако у меня не было желания рисковать людьми из-за американских денег или светлого будущего отдельно взятого итальянского прощелыги. Деньги надежно охраняют, и второй раз фокус с налётом на инкассаторов не получится. Амеры увеличили довольствие наёмникам, отказались от кредиток... Странно. Может быть, среди оккупантов начинаются первые признаки паники, хотя лично я никакого повода для неё не вижу: они побеждают, наша армия пока только огрызается, и не факт, что у уцелевших получится достойно ответить. На базу необходимо проникнуть, но денежный самолёт

привлечёт слишком много внимания. Поэтому, скорее всего, придётся закончить наше сотрудничество и убрать иностранца прямо тут. Я уже примеривался, как быстро смогу, вставая, дать итальянцу в кадык, а когда он упадёт, просто пристрелю. Важно ударить именно рукой, подсознательно противник всегда в первую очередь следит за оружием.

— Ну не знаю, не знаю, — я уже начал подниматься, готовясь ударить. — Слишком это всё расплывчато.

— Груз с деньгами прибудет на авиабазу десятого октября, поздно вечером, я...

Иностранец точно родился в

рубашке. Когда Матинелли торопливо произнёс волшебное слово «авиабаза», я едва сдержался, чтобы сохранить естественность движений. Встав, я намеренно повернулся к наёмнику спиной, чтобы унять радостную дрожь. Когда я снова заговорил, голос мой снова звучал ровно:

— Это всё равно походит на ловушку, однако излагай, что привлекательного есть в этой сделке лично для меня. Сам понимаешь, авиабаза — это не то место, где можно вот так просто взять полный самолёт бабла и спокойно уйти.

Сказать, что иностранец обрадовался, значит приуменьшить

всю гамму позитива отразившуюся на его лице, а от блеска его светлых глаз меня даже замутило. Но впервые за долгие месяцы бегства и гнетущего чувства безысходности я понял, что боги войны услышали мои искренние, хоть и зачастую нецензурные молитвы.

Россия, 4 октября 2011 г.
Приблизительно 200 километров от г.
Углегорск. 08.01 по местному
времени. Штабной ЗКП 182-го
гвардейского тяжёлого
бомбардировочного авиаполка.
Временный командный центр Юго-
восточного фронта. Командир
ударно-тактического отряда
фронтowego подчинения «Вихрь»
ОСК «Восток» – майор Андрей
Раскатов. Особое задание, или
Почему диверсант не задаёт лишних
вопросов начальству.

...Вот уже целые сутки перед
глазами стоит закопченный котёл,

примостившийся на сложенном из почерневших кирпичей очаге. В нём булькает наваристая густая похлёбка. После месяца непрерывных бросков за линию фронта понятие «еда» превратилось чуть ли не в миф. Все о ней говорят, многие даже чуют запах, однако никто уже давно ничего более съедобного, чем амеровский трофейный сухпай, состоящий из безвкусной синтетики, не пробовал. Нет, с голодухи бойцы не пухнут, однако поесть нормальной горячей пищи из настоящего мяса и не сушёных, а нормальных свежих овощей никто бы не отказался. Два часа тому назад мы снимали с себя промокшее шмотьё, ребята с

чёрными от усталости лицами с усилием заставляли себя осмотреть и обиходить оружие, снаряжение, сменную пару сухой обуви. Группу уже третий раз за месяц забрасывали к побережью, в район небольшого городка Нельма. В нем амеры развернули ремонтную базу для своих кораблей, однако там пока только ещё велось строительство, судя по всему закладывался большой терминал взамен разрушенного и заражённого радиацией владивостокского. Мы подошли со стороны китайского берега, по договорённости китайские коллеги пропустили нашу группу, даже дали сопровождение и прикрыли высадку,

отвлекая нервных американских
воjak, выславших наперерез
китайскому пограничному катеру
целый фрегат. Китайские погранцы
без разговоров развернули на амеров
башенку автоматической носовой
пушки, те тоже чего-то
продемонстрировали, однако же на
этом всё и закончилось. Американцы
ушли в нейтральные воды, а мы во
время суматохи незамеченными
высадились на песчаную отмель, с
которой под прикрытием
прибрежных скал высадились в
сорока километрах от городка.
Собственно, самого города уже не
было — на его месте теперь
оплавленная до стеклянной корки

пустыня. В первые дни войны, когда амеры ещё на каждый пистолетный выстрел отвечали ракетным залпом, Нельма и соседние с ней Гроссевичи были накрыты сразу и с воздуха, и с моря. Жители не успели даже понять откуда пришла их смерть, удары следовали один за другим с промежутком в доли секунды, настолько точно был рассчитан первый удар захватчиков. Однако теперь всё было иначе: потеряв Владивосток и не взяв с ходу Сахалин, агрессоры нуждались в морских портах, которые теперь им придётся строить и, соответственно, охранять. Сплошной линии оборонительных сооружений они не

строили, оседлав укрепрайонами четыре стратегически выгодных высоты. Подступы засеяли минами, а танкоопасные направления и воздух прикрывали две усиленные реактивными установками залпового огня артбригады...

– Товарищ майор, «воздух» по закрытому каналу.

Домовой, или по документам старший лейтенант Кузьмин – наш радист, потормошил меня за плечо и протянул узкую полосу бумажной ленты с коротким набором цифр и слов. Чтобы не мешать ребятам отсыпаться, я вышел из комнаты и встал у окна. По привычке расположился так, чтобы света было

довольно, но в проёме силуэт не слишком заметен. Всмотревшись в чёрные строчки шифровки, с трудом подавил острый приступ зевоты. Приказ звучал совершенно недвусмысленно: в течение двух часов прибыть в распоряжение штаба фронта, отобрав предварительно десяток человек для выполнения задачи особой значимости. С минуты на минуту за мной должны были прислать транспорт, поэтому следовало шевелиться. Вернувшись в комнату, я стал собираться в дорогу. Шифровку отдал обратно Кузьмину.

— Старлей, подшей приказ к остальной канцелярии, я один поеду. Фоме скажешь, что он за старшего.

Пока нет других приказов, отсыпайтесь.

Накинув поверх «броника» сбрую с подсумками и прихватив с раскинутого прямо под окном спального мешка автомат, я, стараясь не шуметь, вышел на лестничную площадку и опять же без особого топота спустился к подъезду. Машинально пробежался левой пятерней по клапанам боковых подсумков: часто перешитые вместо громкой на разрыв «липучки» пуговицы начинают хлябать в петлях. С упряжью всегда проблема: где прохудится, где обтреплется, того и гляди останешься без какой-нибудь полезной в деле штуки. Ветер, уже

по-осеннему прохладный, обдувал
лицо, солнце так и не появилось,
утро выдалось хмурым и туманным.
Непроизвольно проведя по
короткому «ёжику» волос, зацепил
пятернёй почти зажившую болячку,
которая снова начала неприятно
саднить. Ветер выл, гуляя в пустых
проемах окон пятиэтажного
панельного дома, в котором
разместилось всё моё
немногочисленное хозяйство:
пятьдесят три человека — всё, что
осталось от полнокровной роты,
отобранной поимённо со всего
округа. Война началась неправильно:
нас, как потенциально самых
подготовленных, перебрасывали на

самые горячие участки фронта. Часто мы работали как обычная «махра», без поддержки, и нередко в полном окружении, отсюда и потери... невозполнимые потери уникальных специалистов. В покинутом жителями доме на окраине небольшого городка Харитоновка, скорее всего, когда-то бывшего деревней, теперь располагалась наша оперативная база. Однако штаб фактически состоял из трёх человек, а сам командир в моём лице мотался по американским тылам наравне с подчинёнными. Вот и сейчас от меня требовали представить десять бойцов, когда в наличии было всего шестеро, вместе со мной. От дороги,

чей поворот к дому скрывали буйно разросшиеся берёзы и яблони дикого парка с разломанной песочницей и кривой перекладиной, оставшейся от качелей, в мою сторону вывернул пыльный БТР. Его продолговатый силуэт тенью чиркнул сначала по полуобнажённым кронам деревьев, потом на мгновение скрылся в низине и вынырнул уже почти рядом с домом. Машина резво взяла невысокую горку и, вписавшись в раздолбанную асфальтовую колею, тормознула в паре метров от того места, где я стоял. Бортовой люк откинулся, и наружу высунулся сумрачный командир экипажа в сдвинутом на затылок шлеме. Подняв

на меня усталые воспалённые глаза, он спросил:

— Вы Раскатов из 24-й отдельной? Я капитан Лузгин из штаба фронта. Садитесь, товарищ майор...

Всю дорогу я провёл в полудрёме, навёрстывая мгновения упущенного сна. Я никогда снов не вижу или, точнее будет сказать, не помню их содержания, просто проваливаюсь и снова открываю глаза, когда надо проснуться. Сейчас я проснулся, когда звук двигателя стал ниже, это означало, что мы проходим в охраняемую зону и скоро будем на месте. Пользуясь случаем, я собрал все факты и события

последних четырнадцати дней. Получалось, что за вызовом последует нечто масштабное. Мысли крутились вокруг последних докладов, поступивших от групп в районе Гроссевичей и Ванино, похоже, начальство не зря гоняет ребят и игра в прятки скоро закончится. Набор задач, которые перед нами ставят в последние две недели, говорит о подготовке чего-то крупного, однако десяток бойцов я им дать не смогу. БТР резко затормозил, капитан откинул бортовой люк, и я оказался у длинной гравийной дорожки, ведущей во внутренний двор трёхэтажного серого здания из

красного кирпича. Капитан проводил меня до узкой арки, за которой нас ждал ещё один пост охраны, где внимательный лейтенант с автоматом на шее проверил наши документы, потом, связавшись с кем-то по телефону, нажал не видимую мне кнопку, и впереди, за отъехавшей вбок толстой бронеплитой, открылась слабо освещённая лестничная площадка. Минут десять мы спускались вниз, пока не оказались на десять метров ниже подвального этажа здания штаба. Потом было ещё два поста охраны и две бронированные двери. Наконец мы вошли в небольшую комнату с ещё одной дверью, возле которой за

обычным канцелярским столом сидел офицер, с которым мы находились в одном звании. На спинке вертящегося стула у штабного висел новенький, но уже побывавший в бою «чебурашка» – АКСУ. Майор зло стучал по клавишам переносного ноутбука, соединённого с какой-то локальной сетью, что было видно по путанице проводов идущих от компьютера куда-то под стол. Услышав шум наших шагов, майор поднял голову от экрана, кивнул и, отпустив моего сопровождающего, сказал:

– Здравствуйте, товарищ майор! Я майор Ларионов, адъютант командующего. Он попросил вызвать

вас для личной беседы и примет вас через минуту, подождите пока.

Напротив стола адъютанта, вплотную к стене, стояла вделанная в пол широкая скамья с обтянутым тёмно-вишнёвой искусственной кожей сиденьем. Я присел, с непривычки не зная, куда деть руки, оставшиеся без оружия, изъятого у меня на первом из трёх внутренних пропускных пунктов бункера. Ровно через пять минут дверь справа от стола адъютанта отъехала влево, и вошли двое — женщина лет пятидесяти и молоденькая девушка, обе в белых халатах, надетых поверх обычной полевой формы нового образца. Судя по манере держаться,

это были военный врач и медсестра. Старшая женщина хотела что-то сказать, но, увидев меня, осеклась и, кивнув Ларионову, вышла в коридор, увлекая молодую девушку следом. Ожил белый телефон внутренней связи. Подержав трубку у уха буквально пару мгновений, адъютант пригласил меня войти. Дверь снова отъехала влево ровно на треть, и я, поднявшись с не успевшей согреться скамейки, вошёл внутрь.

Помещение командного оперативного центра не выглядело просторным: в центре два обычных канцелярских стола, состыкованные в один. Конструкция накрыта тусклым красным сукном, два

подноса со стеклянными стаканами и графинами, наполненными водой более, чем на треть каждый. Слева от входа разместились штабисты, пристально следящие за обстановкой, отображаемой в большом цифровом планшете. Однако же что и как видно не было, так как с той стороны, откуда я смотрел, хитрая доска была матово-белой. Всё помещение освещали плафоны отбрасывающие на предметы тусклый, иногда мигающий, жёлтый свет, скупо льющийся с низкого потолка комнаты.

– Майор Раскатов?

Меня окликнули справа, где

небольшой угол был отгорожен белой
больничной ширмой. Оттуда вышел,
тяжело опираясь на зажатый под
мышкой костыль, невысокий
полноватый человек с коротко
стриженными каштановыми
волосами и пронзительным взглядом
тёмно-карих глаз на бледном
безбородом лице. С неким
волнением я узнал командующего.
Генерала Широкова недавно
назначили на должность, поэтому
ничего особенного я про него сказать
не мог. Бесконечные метания по
американским тылам не давали
времени на то, чтобы как следует
вникнуть в оперативную обстановку
по всей линии фронта. Хотя в то

время никто уже не сомневался, что остатки войск округа дерутся в полном окружении, и лишь китайцы помогают нам, однако я лично восточным соседям верить не привык. Слишком уж неочевидны и мало предсказуемы их возможные действия, если нас снова погонят, сжимая кольцо вокруг полуразрушенного Хабаровска. Размышления, навеянные тотальной бессонницей и вынужденным ожиданием в приёмной, не помешали мне чётко доложить по форме. Широков кивнул и, указав свободной от костыля рукой на стул, предложил сесть. Сам он тоже, с той плавной осторожностью, какая

характерна для только что начавших вставать выздоравливающих, сел рядом, через два стула. Матовая доска планшета оказалась напротив нас. Командующий прислонил костыль к краю стола и, разминая кисть, спросил:

— Майор, понимаю всю крайность вашего положения. Знаю, что и людей немного... чёрт, уверен, что их просто катастрофически не хватает. Однако речь пойдёт о задании, выполнить которое можете только вы. Пограничники во все времена первыми встречали врага, первыми пускали ему кровь, а ваши бойцы так и вообще идут в бой впереди самых первых. Поэтому мне

важно было побеседовать с вами, рассказать, что поставлено на карту...

Понятно, нас посылают в такое пекло, откуда вернуться будет непросто. Однако чувство опасности критически притупилось, так бывает, когда постоянно таскаешься из огня да в полымя. Поэтому полученный приказ я воспринял совершенно спокойно, хотя отлично понимал, что это билет только в одну сторону. Широков говорил глухим хриплым голосом, его терзала сильнейшая боль, о чём свидетельствовали мелкие капельки пота над верхней губой, у висков и общая бледность лица. Я понял, смотря в его горящие

мрачным огнём глаза, что этот человек с радостью пошёл бы в бой вместе со мной, он хочет и не страшится.

— ...Майор, что вы знаете об «атомных» поездах?

— Это мобильные пусковые установки, курсировали по строго определённым железнодорожным магистралям с усиленной колеёй. После перестройки поезда стояли в точках постоянной дислокации, сняты с вооружения.

Генерал кивнул, потом, вынув из кармана небольшой пульт управления, направил его на матовую поверхность планшета, и на быстро осветившемся экране появилась

масштабная карта местности. По обозначениям я понял, что это какой-то железнодорожный узел, а спустя ещё мгновение узнал окрестности уничтоженного американцами в самом начале войны сибирского города Кемерово. Командующий ещё раз что-то переключил на пульте, и изображение приблизилось ещё больше отобразив участок местности в двадцать квадратных километров. В самом центре появился железнодорожный терминал с ничем особо не примечательным названием «Постниково».

— Поезда всё ещё на ходу, майор, — командующий вытёр

клетчатым платком пот с лица. — Однако нас сейчас интересуют не они, а подъездная инфраструктура, под них созданная. Постниковский транспортный узел — это не просто грузовой терминал, а объект двойного назначения. Американцы используют только уцелевшие развязки и склады, северо-восточная часть узла уничтожена во время очаговых боёв с остатками 539-го железнодорожного полка. Янкесы не смогли выдержать ближнего боя и просто разбомбили укрепившихся на территории терминала железнодорожников. Мы знаем это наверняка, контрразведчики снимали показания с вышедших из окружения,

отсюда и подробности.

— Значит, речь пойдёт о сервисных тоннелях, я правильно увидел задачу, товарищ командующий?

— Верно мыслишь, разведка.

Впервые голос Широкова зазвучал чуть веселее, он даже попытался улыбнуться, но вышло не слишком похоже. Боль оказалась сильнее и генерал только и смог, что растянуть губы в подобие усмешки. Быстро взяв себя в руки, он продолжил тем же глухим напряжённым голосом:

— Но нас интересуют не только тоннели, но и очень важный груз, который прибудет на станцию через

несколько дней. Это те самые страшные компоненты, которые янки зовут «Плащ Сатаны»...

Мне вспомнилась обугленная стеклянная корка и вплавленный в неё намертво фрагмент детского черепа с остатками чёрных длинных волос. Сапёр Костя Михайловский минуту катался по земле, мы втроём навалились на небольшого, но жилистого старлея. Амеры были в двух десятках метров, мы еле смогли его утихомирить. Тремя днями раньше он узнал от кого-то из выживших, что во Владивостоке заживо сгорели его молодая жена и две дочки—близняшки Тася и Маша. С тех пор Костя редко говорил подряд

хотя бы три длинных слова, если это не было по делу, а в рейде сорвался. Скрепя сердце пришлось его отстранить, он не обиделся, а теперь ушёл к мотострелкам: наша работа нервов не терпит. Короче, что такое этот «плащ», я знаю очень хорошо. Задание с каждой секундой обретало некую особую привлекательность. Взорвать целый состав этой дряни и всех амеров в округе, это доброе дело. Генерал тем временем продолжал говорить, водя лазерной указкой по карте. Красная точка бежала вдоль сплошного ковра тайги уже южнее станции.

— Ваша задача будет заключаться в следующем, майор. Через десять

часов после нашей беседы вы с группой тщательно отобранных специалистов прибудете на аэродром подскока в Рамне, это сорок километров на восток от аэродрома авиаполка. Там вас будет ждать особый транспорт, который доставит вас в квадрат 23'49, это южнее Постниково. Там есть доступ в сервисный тоннель, который ведёт от станции в затопленные сейчас коммуникации резервного пункта космической связи. Его не достроили и в 89-м взорвали, однако подходы сохранились, и из этого места к станции теоретически можно пройти под землёй. После того, как вы проникнете в периметр станции,

ваша задача наблюдать за развязками, ведущими с северо-западного направления. Петербург американцам с ходу взять не удалось, боеприпасы перебрасывают в том числе и оттуда. Вагоны спецсостава будут иметь литерную сигнатуру VN90, окрашены вагоны в тёмно-серый цвет, литеры предположительно белые или тёмно-жёлтые. Американцы про двойное назначение станции могут догадываться. Несмотря на то, что про тоннель им скорее всего не известно, идите осторожно. В случайные стычки категорически не вступать, основная цель слишком важна. Дополнительно по

возможности выясните подходы к авиабазе под Кемерово, но это только второстепенная цель, главное — это состав с боеприпасами. Вы получите доступ ко всем имеющимся в распоряжении ставки ресурсам, потребным для операции, любую консультацию по имеющимся у нас данным о «Плаще Сатаны». Этот состав непременно надо уничтожить, майор. Сигнал о выполнении задачи пошлите в эфир незамедлительно. До точки эвакуации необходимо будет добраться в течение трёх часов после сигнала об исполнении задания. Всё должно случиться не позже десятого октября, иначе... Слишком много зависит от того, взорвёте вы эти

треклятые вагоны или нет. Не приказываю, понимаю, что задача трудная, однако никто, кроме ваших ребят, тут не управится. Сможете?

— Мы выполним приказ, товарищ командующий. Так или иначе, состав под разгрузку не встанет.

Когда диверсант получает приказ, он не сомневается, такова наша работа. Генерал только кивнул, лихорадочный блеск в его глазах только усилился, дав понять, что разговор окончен. Он с видимым усилием поднялся из-за стола, я встал следом. Командующий протянул мне руку, мы обменялись рукопожатием. Генеральская ладонь

была крепкой и удивительно сухой и горячей. Напоследок он тихо проговорил, словно прошептал молитву:

— Сделай, майор... не могу ничего сказать более того, что ты уже знаешь. Но поверь, не только за себя прошу. Сделай, как солдат солдата прошу тебя...

...Холод сквозь плотную резиновую прокладку кислородной маски вообще не ощущался. Вокруг царили зелёные сумерки, какие бывают при включенном в пассивном режиме приборе ночного видения. Напротив меня в позе эмбриона сидит опутанный амортизационной сбруей капитан

Попов, слева — все остальные, кого удалось собрать. Всего шестеро бойцов, как я и предсказывал ещё тогда, десять часов назад. Аэродром оказался заброшенным отрезком скоростной магистрали, начинавшейся посреди поредевшего от вырубки участка тайги, но главный сюрприз ожидал нас в начале этой импровизированной взлётной полосы. Ребята даже приостановились, настолько всех нас поразило увиденное. На взлёте, свистя двигателями, стоял «белый лебедь»^[81], хотя теперь от белизны ничего не осталось: весь корпус самолёта был окрашен в тускло-серый цвет, причём поверхность в

лучах заходящего солнца словно бы дрожала, становясь то темнее, то светлей, когда её касались лучи солнца. Нас провели к длинному контейнеру, более всего напоминавшему раскрытую капсулу. Обе половины имели два противостоящих ряда ложементов с системой привязных ремней. Немногословный техник в чёрном комбинезоне без знаков различия указал нам на стоящий у самой опушки леса грузовик с бронированным кунгом. Возле машины в охране стояли в разной степени готовности десять тяжелооружённых бойцов охраны. Ребята охранявшие грузовик, были

прикинуты так, что даже я позавидовал: редкие даже в мирное время бронекастюмы «ратник»^[82], новейшие автоматы АЕК с интегрированным обвесом, у троих удобные ковровские ручняки «Барсук»^[83]. В случае чего десять таких бойцов смогут противостоять полуроте американцев, а при соответствующей поддержке погонят и полную сотню. Трое вышли нам навстречу, и старший в шестой раз проверил сопроводительные документы. Бумажки я далеко не убирал, потому что всё вокруг после встречи с командующим напоминало фантасмагорический сон. Изначально я приготовился к

длительному рейду на перекладных к
линии соприкосновения с
американскими передовыми
частями. Поскольку наши летуны
редко появлялись в небе и амеры
чувствовали себя весьма вольготно,
переброска по воздуху стала большой
редкостью. Впервые за два месяца
войны мы получили полное
снабжение по снаряге и выбор
оружия, пусть и не слишком богатый.
А теперь ещё и такой шикарный
транспорт. Мне было дано задание
разработать только ту часть акции,
которая касалась действий группы
после заброски в оперативную зону,
та же часть, что касалась заброски,
по понятным теперь причинам

держалась в секрете. Не мешкая, мы прошли внутрь кунга, где ещё двое техников помогли нам надеть поверх нашей собственной одежды тонкие, похожие на автомобильные чехлы балахоны из серой прорезиненной ткани. После этого нас снова повели к самолёту, где уже ждал ещё один человек в тёмно-синей лётной форме, но опять-таки без знаков различия. Это был смуглый, коротко стриженный мужик средних лет, с совершенно седой шевелюрой. Единственной запоминающейся чертой можно считать весёлые, с прищуром серые глаза. Крепко пожав мне руку, крепыш сказал:

— Майор, я координатор

операции от разведуправления фронта. Зовите меня полковник Маевский. Понимаю, удивлены и всё такое... Не надо беспокоиться, Андрей Романович, всё учтено. Доставка, сброс и планирование в квадрате высадки происходит автоматически, так что ничего дёргать и нажимать вам не надо. Американцы высадки не увидят и не услышат, квадрат десантирования будет пуст, наши линейные части произведут отвлекающий манёвр, противник будет связан боем на другом участке фронта. Контейнеры с припасами снабжены радиомаяками, работающими на шифрованной частоте ваших

индивидуальных коммуникационных станций...

Помолчав немного, Маевский жёстко глянул, и глаза его перестали улыбаться. Снова сжав мою руку, при прощании он добавил:

— Вы наша единственная возможность, майор. Отдали вам всё, поделились последним. Поезд не должен встать под разгрузку, никак нельзя этого допустить, Андрей...

...В плохих фильмах принято сообщать зрителю, что раз начальство просит, а не отдаёт приказ, матерясь через слово, то дело скорее всего гиблое. Солдат обречён, награда только посмертно и всё в таком духе. Наверняка для людей, не

особо вникающих в нашу работу, так оно и есть: пойдя к чёрту в зубы и сотвори чудо. Однако разочарую — это не совсем так, вернее совершенно не так. Дело в том, что специфика разведки такова, что любое задание с точки зрения людей несведущих выглядит как попытка самоубийства или нечто неправдоподобное, чего в природе быть не может. Поэтому к возможной собственной гибели всегда отношусь спокойно, хотя умирать, само собой, не предел мечтаний. Но гораздо страшнее, когда ты жив, а нужный мост не взорван, вражеская ракета успешно стартовала или какой-то американец или там француз в

высоком чине продолжает отдавать приказы. Тогда гибнут те, кто в противном случае скорее всего выжил бы. Армия вполне может победить и без нас, однако всё упирается в цену, которую она за это заплатит. Страшнее смерти для разведчика невыполненное или проваленное задание, потому что это означает бесчестье.

— Десанту — трёхсекундная готовность! — Голос в наушнике прозвучал глухо и отстранённо. — Три, два, один, сброс!...

Никакого рывка, капсула плавно вышла из бомболюка, вздрогнула и начала спуск по спирали. Зашипела кислородная смесь, губы пересохли,

голова слегка закружилась, уши заложило. Минут пять—семь ничего не происходило, потом капсулу дёрнуло вверх и влево, это раскрылись тормозные парашюты. Спустя ещё пару мгновений корпус капсулы сотряс резкий удар, привязные ремни вдавило в грудь, однако тут же сработала автоматика, гася инерцию удара, и замок сам расстегнулся. Вся упряжь опала куда—то вниз, а потолок над головой раскрылся, и в зеленоватом свете «ночника» стала видна узкая полоска неба с яркими точками предрассветных звёзд. Свою «раскладушку» я снял с крепёжной стойки слева от кресла, балахон

расползся сам, стоило только провести указательным пальцем по продольному шву на груди, как показал техник во время краткого инструктажа. Кислородная маска тоже легко отошла, упав куда-то под ноги. Теперь я и мои архаровцы остались в том же прикиде, как и при выходе с базы. Для такой акции всегда следует одеться легко, но, учитывая предстоящий штурм, я допустил определённые компромиссы: все надели «броники» — «тройки», поверх шапок-масок — шлемы с радиогарнитурой короткой связи, кроме того, Клещ тащил на себе комплекс спутниковой радиосвязи. Штука эта полезная,

например в момент прохождения над нашим квадратом одного из немногочисленных наших спутников, наша коробка обменивалась с ним коротким пакетным сигналом. И тут же у меня на специальном дисплее тактического коммуникатора с ладошку величиной можно посмотреть все имеющиеся данные по перемещениям амеров в нашем районе. Дисплей монохромный, изображение схематичное, однако штука вполне надёжная: однажды задней бронированной крышкой мой блок словил осколок мины и даже не поморщился, не говоря уже о том, что железяка не проделала во мне дырку. Ребята уже построились,

поэтому я дал отмашку по направлению и все пятеро быстро пошли прочь от раскрытого нутра капсулы. Остался последний штрих. Найдя прямоугольную панель в корпусе капсулы слева под сиденьем моего кресла, я подковырнул её остриём ножа и, нащупав внутри небольшую кнопку, вдавил её вниз до щёлчка, после чего побежал следом за скрывшейся из виду колонной. Бойцы взяли хороший темп, поэтому догнать их получилось только через десять минут быстрого бега. Не утерпев я всё же глянул назад. За деревьями в зелёном свете «ночника» возникло яркое белое свечение и, продержавшись

несколько секунд, так же неожиданно погасло. Осталось только гадать, какой хитрый механизм применили инженеры, чтобы уничтожить такую махину, рассчитанную на двенадцать здоровых, обвешанных оружием мужиков...

...Света от костра, разложенного в неглубокой ямке посреди землянки, почти не прибавилось. Я сделал из кружки длинный глоток, сладкая вода тонкой огненной змейкой пробежав по пищеводу, протекла в желудок, где и успокоилась. Чай, кофе и прочие роскошества в рейде лучше себе не позволять. Запах может указать не только, где враг, но

и подсказать ему, откуда так вкусно тянет напитком, который пьют исключительно человеки. Отсидев три часа в секрете возле тропы, ведущей к заброшенной лет двести назад старообрядческой деревне, я на короткие сорок минут решил позволить себе заснуть. Однако ничего у меня не вышло, поиск подходов к платформе номер двадцать, куда, как мы выяснили, прибудет литерный поезд, прочно занял все мысли. До прибытия смертоносного груза нужно точно знать, как мы провернём акцию. Вот уже четверо суток прошло после высадки, мы излазили весь юго-западный квадрат в поисках

альтернативного доступа к терминалу. Все направления оказались надёжно перекрыты, и зона безопасности вокруг станции составляла в среднем до двадцати километров в глубину. Юго-запад изобиловал старыми полузатопленными выработками, небольшими озёрами и набухшими от постоянных дождей ручьями. Над всем этим высились поросшие чёрной тайгой плоские холмы, патрулировать которые эффективно невозможно. Поэтому мы решили во что бы то ни стало искать подход в периметр именно отсюда, даже если тоннель найти не получится. Пути отхода продуманы, сюрпризы для

амеров тоже заготовлены, им точно понравится, однако главная задача осталась решённой лишь частично: вход в тоннель, ведущий на станцию, всё ещё не обнаружен. А в том месте что указал окруженец—железнодорожник, теперь было глубокое озерцо, образовавшееся после разрыва американской полутонной авиабомбы. Запрос новых планов, возможно, и помог бы, но, по правилам задания, после прибытия в оперативный район шёл только односторонний поток разведанных со спутника, и мы могли передать только условленный сигнал о провале или выполнении задания. Вот уже вторые сутки мы

осторожно обнюхивали по сантиметру каждый камень в округе, однако ничего, похожего на горловину вентиляционной шахты или сервисного тоннеля, так и не нашли. Мы даже ныряли в воронку, но всё без толку: здешние края пронизаны подземными реками и старыми шахтными выработками, бомба угодила в какой-то подземный каменный мешок и теперь на месте выхода — провал, уходящий на более чем стометровую глубину.

Вдруг пламя резко заколебалось, хотя никакого ветра я не почувствовал, сухой холодный воздух стоял в комнате недвижимо. Привычно потянул автомат к себе,

одновременно начав привставать, я двинулся влево, чтобы погасить костёр и выйти из землянки через узкий запасной лаз, прорытый в тот день, когда мы решили сделать деревню своей основной базой. Однако мгновением позже кусок брезента у притолоки основного входа в землянку приподнялся, и в комнату скользнула тень. Рефлекс не подвёл, и в следующее мгновение мой палец уже выжал спусковой крючок. Кто бы не вошёл в неурочный час, тяжёлые семимиллиметровые пули моего «калаша» пригвоздят его к стене. К слову сказать, выбор был невелик, и никаких модных игрушек нам в рейд

взять не удалось, поэтому все вооружились привычными вариациями комплекса «Лён»^[84]. В моём случае это обычный АКМ, только благодаря боковому приливу типа «ласточкин хвост» и четырёхщелевому узкому пламегасителю штука почти равна по точности и удобству слабенькому АК–74 под нелюбимый «пятый» калибр. Лично не пользую, и большинством из старой гвардии «пятёрка» особо не жалуется. Однако безотказная машинка на этот раз осеклась, и боёк звонко щёлкнул в ставшей почти осязаемой тишине. Тень безнаказанно метнулась к костру, и я невольно опустил оружие.

Прямо напротив стояла маленькая девушка в длинной, до пят, кожаной рубахе, расшитой разноцветным бисером. Тонкую смуглую шею незнакомки отягощало ожерелье из кованых тускло-жёлтых медальонов. Лицо её скрывал толстый кожаный капюшон, тоже покрытый наборной бисерной вышивкой, а на грудь и до колен спускалась длинная, в мою руку толщиной, чёрная, словно смоль, коса. Бирюзовые ленты, искусно вплетённые между прядей, были похожи на узор, проступающий у некоторых видов очень ядовитых горных змей. Бубенчики из тёмной бронзы тихо позванивали при каждом движении. Незнакомка низко

поклонилась мне, отчего бубенцы выдали тревожную мелодию, затем, плавно отдёргнув рукава рубахи, обнажила изящные смуглые кисти рук с тонкими пальцами, острые ногти были окрашены в тёмно-красный цвет. Девушка откинула тяжёлый капюшон назад, и я невольно задержал дыхание. В неожиданно вспыхнувшем ярче свете костра лицо незнакомки осветилось золотистым светом, резко очерчивая чуть вытянутый овал лица. Высокие скулы, аккуратный прямой нос и раскосые чёрные глаза в обрамлении удивительно пушистых и густых ресниц, гладко зачесанные на прямой пробор волосы были иссиня-

черными, но я различил и серебряные нити седины, которые как раз подчеркивали крайнюю молодость незнакомки. Оглядевшись, девушка присела напротив меня, поджав под себя ноги, обутое в изящные унты, покрытые бисерной вышивкой, и произнесла:

– Здравствуй, Андрей. Не бойся меня, ни тебе, ни твоим людям не будет плохо. Я живу здесь неподалёку... Вернее, раньше в пещере под медвежьим холмом был мой дом. Онгоны разрушили его, сейчас там полно воды, а дом утонул.

Всё это было сказано звонким приятным голосом, с лёгким, едва уловимым и непонятым акцентом.

Оставив в покое автомат, я кивнул, налил из котелка горячей воды и протянул гостю. Благосклонно наклонив голову, девушка приняла воду и, отпив небольшой глоток, выдохнула с разочарованием:

— Сладкая вода, нора в земле и постоянная тревога в мыслях. Онгоны, даже самые хитрые из них, всё равно вас не учуют. Они отгородились высокими стенами, поставили всюду мёртвые стеклянные глаза и уши. Чтобы видеть вас, нужно выйти в тайгу, а они боятся выходить, боятся слушать песню леса.

Запустив руку в складки рубахи, девушка извлекла оттуда объёмистый

кожаный кисет, расшитый красным и бирюзовым бисером, вынула костяную курительную трубку, покрытую причудливой резьбой. Затем гостя бестрепетно протянула тонкую руку к костру и, вынув оттуда красный уголёк, поднесла его к чубуку. Я хотел было сказать, что курево нам ни к чему, поскольку на запах могут прийти американцы, но девушка только печально улыбнулась, показав мелкие, удивительно белые зубы меж красивых полных губ:

– Онгоны не услышат этот запах, Андрей. Сиди спокойно, отдыхай и грейся, впереди много дорог и длинная жизнь.

Переборов внезапную немоту, я

разлепил пересохшие губы и задал совершенно глупый вопрос, хотя, услышав свой сиплый шёпот, устыдился его:

— К—к—кто ты? Как прошла сигналки и посты?..

Не спеша бросив потухший уголёк в костёр, девушка кивнула в такт каким-то своим мыслям, отчего бубенчики в её косе снова издали печальную нежную трель.

— Я из народа вогулов, живу тут очень давно. Эта земля приютила семью моего отца ещё до того, как белобородые поедатели молока отстроили эту деревню. Имя мне дал отец, когда однажды зимой он пошёл на медведя и не убил его. Рогатина

сломалась, рассерженный медведь бросил отца в сугроб и разорвал пополам его верного пса. Отец выхватил нож, но медведь одним ударом сильной лапы выбил нож из его рук. Отец стал просить богов пощадить жизнь его семьи, и медведь остановился...

Девушка глубоко затянулась, и две белые струйки густого ароматного дыма поползли по землянке, оставляя в воздухе непонятные узоры. Табак имел странный запах, пахло свежескошенной травой и спелой земляникой. Пыхнув трубкой ещё раз, девушка продолжила рассказ:

– Прижав отца к сосне, медведь

сказал ему так, что тот понял всё до последнего слова, как если бы Хозяин был человеком. Медведь сказал: «Приведи к восходу новой луны свою жену, пусть она попросит за тебя, чтобы пропало зло, что теперь между нами». Не смея отказаться, отец вернулся домой и выполнил всё так, как сказал медведь. Но Хозяин не убил жену охотника, а через положенное время родилась я. С тех пор мы не охотимся на медведей, и добыча была всегда изобильна, лес полон дичи, а реки — рыбы. Отец называл меня Кайти, что значит «подарок», но люди потом звали разными именами. Зови меня так, как звал отец.

От дыма у меня в голове почему-то появилась ясность, а усталость как рукой сняло. Я подумал, что было бы неплохо спросить, не знает ли гостя что-нибудь про подземный тоннель. Сказка у неё вышла хорошая. Однако сейчас полезнее было то, что Кайти местная.

— Кайти, — когда я произнёс это имя, огонь снова вспыхнул ярче, — давным-давно люди вроде меня построили тут подземную дорогу. Ты не знаешь, где можно на неё попасть?

Девушка затянулась и, выпустив струйку дыма к потолку, тихонько рассмеялась, отчего по спине у меня

побежали мурашки.

— Ты не веришь сказкам, Андрей, но я не обижаюсь. Много лет прошло, люди изменились, нужно время, чтобы всё встало на свои места. И всё же придётся поверить, потому что от этого зависит, найдёшь ты нужную дорогу или нет.

— Чего ты хочешь за информацию? Я могу дать тебе продукты, патроны, если надо...

Девушка снова печально улыбнулась и, выбив трубку о ладонь, высыпала пепел в костёр, который, снова вспыхнув белым пламенем, опал вниз и почти погас.

— В другое время я взяла бы всё

и, может быть, даже попросила ещё кое-то, Андрей. Но сейчас я хочу обрести новый дом.

— У нас всего три дня, Кайти. За три дня мы тебе хороший дом не срубим, даже вшестером.

— Ты добрый и честно говоришь, — Кайти еле заметно улыбнулась. — Но это не займёт так много времени.

Вытянув вперёд руку, девушка провела ладошкой над затухающим пламенем костра, и оно, словно притягиваемое магнитом, потянулось вверх за ней. В облаке дыма я увидел давешнюю воронку, а возле самой кромки воды с восточной стороны показался

вывернутый из земли белый валун метра два высотой. Камень вывернуло из земли у подножья его виднелись какие-то мелкие камушки, омываемые чёрной водой.

— Выкопай то, что найдёшь, и перенеси на любое высокое место к югу от озера, и хорошо закопай. Подожди немного, и выпадет снег. Ищи у своего порога беличий след, он укажет дорогу к тому, что ты ищешь. Ты согласен сделать то, что я прошу?

— Да, сделаю, но...

— Потом всё сам поймёшь. Прощай, Андрей Раскатов, и спасибо тебе.

Кайти наклонилась вперёд и

легко коснулась пальцами моей щеки. Прикосновение получилось тёплым и удивительно нежным, словно бабочка задела щеку крыльями. После этого свет в землянке неожиданно померк, откуда-то налетевший ветер распахнул завесу у дверей, и девушка пропала, словно её и не было вовсе. Глухо треснул выстрел, пуля ушла в стену где и осталась. Всё это время я давил на спусковой крючок, «калаш» не осёкся, выстрел произошёл. В голову пришла шальная мысль, что между тем мгновением, когда вошла девушка и вновь пропала, прошло не полчаса а какие-то доли мгновения. Однако, отогнав всякие выдумки, я

всё же решил, что видел сон. Встав с земли и подойдя к выходу, я вдруг почувствовал, как левый кулак словно свело судорогой. Разжав пальцы, увидел на ладони тонкую косичку с нанизанным на нее бирюзовым и красным бисером. Отбросив попытки рационально объяснить произошедшее, я решил сдержать слово, данное странной ночной гостье, с тем и вернулся назад, чтобы вновь развести костёр.

...Опрос остальных бойцов ничего не дал, никто из ребят не заметил посетившей меня девушки, все сигнальные приспособления остались нетронутыми. Тем не менее, прикинув наши шансы

отыскать ход в тоннели самостоятельно, я плюнул на здравый смысл и, отозвав всех, кроме Клеща, сидевшего у тропы в дозоре, отправился к камню, увиденному в пламени костра. Валун был белый и довольно приметный. Обойдя озеро, я спустился к берегу и начал лопаткой раскапывать землю у основания камня. Ожидая увидеть кости и остатки сгнившей одежды, я вырыл яму почти в собственный рост глубиной. Но всё, что мне удалось найти, это три каменных сосуда, покрытых искусной резьбой и запечатанных какой-то отвердевшей чёрной массой. Ничего, кроме этих горшков величиной с кулак взрослого

человека, я не обнаружил. Решив, что занимаюсь ерундой, я всё же пошёл на плоский холм, отстоявший строго на юг от валуна ровно на сотню метров, и под корнями сосны, покрытой мхом до середины толстого ствола, зарыл горшки, так и не решившись открыть хотя бы один из них. Всё это время стояла удивительная тишина. Птицы не издавали ни единого звука, даже ветер стих и вокруг стояла совершенно непроницаемая тишина. Более того: неожиданно погас дисплей коммуникатора и выключилась рация. Кому как, а мне стало совершенно не по себе. Горшки я поставил в глубокую яму и, засыпав

её землёй, уложил сверху вырезанный кусок дёрна, заблаговременно политый водой из фляжки. Как только я уложил кусок травы и поднялся с колен, с севера налетел порыв шквалистого ветра. Тугие струи воздуха словно отгоняли меня прочь. Спустившись с холма, я проверил приборы: всё заработало в тот момент, когда я удалился от холма на приличное расстояние и приметная сосна скрылась из виду.

А через час с небольшим погода окончательно испортилась, и с затянутого тучами неба посыпался первый виденный мною в этом году снег. Большими хлопьями он торопливо присыпал землю. Я зашёл

в землянку и столкнулся с Фомой, или иначе майором Иваном Фоминых — нашим главным следопытом. Фома сидел у костра и придирчиво осматривал снятый с ноги правый ботинок. В углу спали трое вернувшихся по случаю первого снега парней: Сима, или наш сапёр капитан Женя Симаков, Жук — старший лейтенант Володя Иверзев, и в самом тёмном закутке, зарывшись в тряпье головой посапывал Мелкий Ворон, наш снайпер—виртуоз старлей Лёша Воронин. Последний как птица мог взлететь на любое дерево, скалу или чердак, однако роста был совершенно не геройского: как и

Клещ, он едва—едва дотягивал до нужных по требованиям метра семьдесят пять. Я присел к костру и кивнул Фоме на дверь:

— Снежок, однако.

Мой зам пожал плечами и совсем уж было собрался вернуться к портняжному ремеслу, как неожиданно для меня ойкнул и, бросив всё, кинулся к выходу, попутно пристраивая ботинок на его законное место. Я ничего не понял, однако, тронув за плечо мгновенно проснувшегося Симу, вышел следом. Ветер стих, но снег всё ещё падал в совершеннейшей тишине. Посмотрев в сторону, куда убежал Фома, я, присев на корточки, разглядел,

помимо его следов, ещё и редкую стёжку звериного следа. Фома имел слабость, которую я хоть и не понимаю, однако могу уважать — он страстный охотник. О своих приключениях он мог рассказывать часами, однако вот так рвануть в лес, забыв про всё: это было на него не похоже. Про уговор с Кайти я в тот момент уже позабыл, сейчас произошедшее пять часов назад казалось сном, а вылазка к сосне — просто дуростью. Скоро однако я вспомнил все в мельчайших деталях. Рация ожила и голосом взволнованного Ивана сообщила:

— Фома — Вождю! Справа восемьдесят на северо-восток

дорога. Повторяю: дорога!..

В том направлении, куда убежал Фома, мы искали в самый первый день, когда ещё была надежда поднырнуть под развалины. Изрытую оврагами местность мы излазили довольно тщательно. Тем удивительнее была находка именно тут, да ещё когда выпал снег. Я тихо приказал:

– Вождь принял, жди на месте.

Переключив рацию на общую частоту, объявил получасовую готовность и отозвал Домового с дороги. Если всё получится, мешкать нельзя, нужно лезть под землю. Следы уже запорошило снегом, но я выдержал направление довольно

точно и уже через десять минут оказался рядом с оглядывающимся по сторонам Фомой. Увидев меня, он подошёл и начал сбивчиво объяснять:

— Белку я увидел, командир. Прямо из-под брезента. Сидит и смотрит на меня такая чёрная с рыжим. А глаза такие умные, хвост во! — Фома развёл руки почти на полметра. — Всё забыл, кинулся за ней... Не пойму, как это вышло. Она вперёд, я за ней, и вот сюда под корни и юркнула.

Иван показал стволом автомата на склон заваленного снегом оврага, над которым высилась чёрная сухая сосна. Дерево давно умерло, корни его раздвинули землю, и теперь там

виднелась небольшая дыра. Я вспомнил, что мы уже проходили мимо этого дерева раза три—четыре, но ничего похожего не обнаружили тогда. Расчехлив лопатку, я аккуратно стал расширять края и довольно быстро наткнулся на обломки бетонной стены. Нора расширилась до такой степени, что можно было просунуть внутрь голову и плечи. Вынув из гнезда «разгрузки» фальшфейер, я забросил его в дыру и, подождав немного, сунулся следом. Внутри пахло пылью и ржавчиной, в обе стороны тянулся узкий коридор, слева он заканчивался грудой камней и хода туда не было, однако правый его конец вроде был свободен.

Насколько хватало света фальшфейера, коридор плавно уходил на юго-восток и вниз. Беличий след привёл куда нужно. Похоже, сны действительно могут быть вещими, если это и вправду был сон. Рука непроизвольно дёрнулась, но края ямы мешали нащупать тонкую косичку перевитую бисером, которую я спрятал в нагрудный карман разгрузки. Высунув голову наружу, я приказал Фоме:

— Собирай всех, приберитесь на базе, и мухой сюда. Похоже, нам немного повезло...

Россия, 6 октября 2011 г.
Приблизительно 200 километров от г.
Углегорск. 05.53 по местному
времени. Штабной ЗКП 182-го
гвардейского тяжёлого
бомбардировочного авиаполка.
Командный центр Юго-восточного
фронта. Главнокомандующий
вооружёнными силами России,
генерал армии Алексей Макарович
Широков. Мозаика боя: операция
«Снегопад».

Сегодня сон выдался на
удивление крепким, боль в культе
почти не беспокоила, отчего голова
накануне первого масштабного

сражения новой войны была совершенно ясной. Мысли чётко, без усилий формировались в приказы, и это я посчитал хорошим знаком. Все, кроме генерала Примака, снова собрались за столом, только на этот раз автор замысла генерал-майор Греков и начштаба фронта полковник Пашута были по другую сторону планшета. Там же теперь стоял ещё один, импровизированный, стол, составленный из трёх меньшего размера, их принесли из разрушенного здания штаба полка. Расстеленная на этих столах масштабная карта дублировала обстановку с электронного планшета на случай отключения резервного

генератора. По этой же причине из соседнего помещения тянулись кабели линий связи от развёрнутого на поверхности и хорошо замаскированного мобильного передатчика. Греков перебирал кипу каких-то заметок в истрёпанном блокноте, а начштаба давал указания четверым планшетистам, без перерыва стучавшим по клавишам встроенных в откидные консоли компьютерных клавиатур. Всю эту кипучую деятельность от меня отделяла стена информационной панели. На ней уже развернулась масштабная карта юго-восточной части Хабаровского края. В координатной сетке появлялись

красные значки
сосредотачивающихся для рывка
передовых ударных соединений, но
окна видеосвязи с контр-адмиралом
Никифоровым и самим Примаком
были пока черны, связь должна была
включиться, как только спутник
связи войдёт в зону уверенного
приёма. Только окошко связи с
комкором-два – Афанасьевым было
активно. Командир второго корпуса
был бледен, что было заметно даже
при посредственном качестве
картинки. Это его первая большая
операция вне компьютерных и
макетных симуляторов, поэтому
волнение относительно молодого
командующего второй по

численности сухопутной группировки вполне извинительно, лишь бы это не сказалось на трезвости мышления. Взгляд мой снова остановился на таймере обратного отсчёта, последние секунды убегали, скоро счётчик показал заветные цифры: 06.00. Взяв со стола тонкий обод радиогарнитуры и закрепив его на голове, я отдал первую команду:

— Василий Палыч, начинайте.

Самого Грекова по-прежнему скрывала панель экрана, однако в коммуникационном окне я видел его круглое красное лицо с нелепо нацепленной на круглую лысую голову гарнитурой связи. Мотнув

головой, военный стратег рывкнул
дребезжащим баритоном в
микрофон:

— Всем мобильным
подразделениям атакующего звена и
группировкам поддержки, сигнал —
«Снегопад», начать выдвижение!..

В тот же миг осветились чёрные
квадраты коммуникационных окон в
нижней части экрана, на одном
появилась пиратская физиономия
«Петра Первого», который был в
обычном лётном сером комбинезоне
и сферическом белом лётном шлеме:

— Я Воздух Главный, ударная
группа «Феникс» к выполнению
боевой задачи готова. Оперативно—
командная цепь управления

включена, приступаю к выполнению боевой задачи!..

Рядом появилась голова в тёмно-зелёном шлеме-капсуле. Несмотря на сильные помехи, я узнал командира 149-й мотострелковой бригады Нефёдова. Обветренное, загорелое до черноты лицо, тёмно-серые пристальные глаза и светлые выгоревшие прокуренные усы. Этого ни с кем спутать нельзя. Изображение тряслось, комбриг сейчас обосновался в командно-штабной машине, и от передовых частей его отделяло не более полукилометра.

— Я Гранит-Один, к штурму готов. Оперативно-командная цепь

управления включена, связь с подразделениями поддержки установлена.

Кодовые обозначения и позывные мы особо не изобретали, взяв таблицу прямиком с последних общевойсковых учений, проводившихся в округе весной. В крайнем нижнем левом окне появился полковник—танкист. Лицо его от левого глаза к верхнему уголку рта пересекал багровый тонкий рубец от недавно зажившей раны. На лицо танкиста лёг зеленоватый отсвет визира ночного панорамного прицела, он, как и Нефёдов, находился на рубеже атаки. Только его машина стояла в передней линии

замерших в полной готовности танков:

– Я Гранит–Два, оперативно–командная цепь установлена, войска поддержки на своих местах.

По закрытому каналу слышался громкий шёпот, от которого даже мне стало не по себе:

– Я Рубин Главный, командные центры наземных сил противника в заданном районе захвачены. Системы радиолокации и раннего оповещения войск ПВО частично выведены из строя, или контролируются средствами корректировки артогня. Боновые и минные заграждения в квадратах 27, 29 и 31 будут уничтожены по сигналу

готовности групп морского десантирования. Радиомаяки для торпедных катеров подгруппы прикрытия установлены. Потерь не имеем. Закрепились на занятых позициях, ждём приказа.

Это значит, что диверсанты уже находятся в расположении американцев. И в ближайшие сорок минут на вражеских командных частотах воцарится хаос, а в момент атаки зенитки, миномётные батареи и противотанкисты будут уничтожены. Уцелевшие же окажутся отрезанными от оперативной информации, следовательно, общая эффективность обороны противника резко снизится. Организованного

сопротивления враг оказать не сможет.

Греков буднично пробежал белёсыми глазками по экрану и бросил в микрофон, не отрывая взгляда от карты:

– Молот Главный, работайте.

В отдельном окне появилось сосредоточенное лицо начарта майора Епишева. Этот офицер принял деятельное участие в формировании артиллерии фронта, однако так и остался майором на генеральской должности. Парню едва минуло тридцать, однако в данном случае, что называется, имел место недюжинный талант полководца. В частности, он

предложил новый принцип формирования артдивизионов в мотострелковых бригадах. Теперь в каждой батарее было не по четыре, а по восемь САУ, их общая численность увеличилась до тридцати двух. В бригадах практически не осталось открытых безбашенных платформ, кроме ротных миномётных батарей, катавшихся на бортовых грузовиках. Таким образом был достигнут паритет в мощи огневой поддержки, поскольку американцы имели в этом виде вооружений значительный перевес на начало войны. Их самоходки имели больший калибр и расширенную номенклатуру

боеприпасов высокой точности, что значительно уменьшало наступательный потенциал наших частей. Реформа назревала давно и, как всегда у нас бывает, произошла на ходу, ценой ощутимых потерь. Сейчас обновлённые бригады имели вдвое большую огневую мощь, надёжные средства прикрытия в лице приданных им в обязательном порядке двух вертолётных эскадрилий. По сути, мы получили улучшенный вариант американской структуры бригад типа «страйкер». Общая численность такой бригады теперь составляла около двадцати тысяч человек. Начарт был одним из первых, кто не побоялся тяжкой

нервотрёпки, и вместе с воюющими сейчас комбригами создал с нуля основную ударную силу нашей возрождающейся армии. Епишев любил свою службу и досконально знал вооружение, поэтому всё у него получилось так быстро и толково. Не удивлюсь, если он поимённо помнит каждого бойца в расчёте любого орудия или миномёта, стоит только попросить его назвать. Бог войны имел гладко выбритое лицо со здоровым румянцем. Пристальный взгляд голубых глаз, казалось, видит ту точку, куда сейчас будут падать снаряды, послушные его воле. Артиллерия была по высотам, где размещались укреплённые пункты

наземной обороны, позиции войск связи и позиционные районы системы ПВО, а также выявленные оперативным путём районы зон отдыха вспомогательных частей.

— Молот Главный принял, выполняю... Даже под многометровой толщей бетона я и все присутствующие почувствовали, как сотрясается земля. И это работали всего лишь три дивизиона новых самоходок «Коалиция СВ» с непривычным абрисом двуствольной башни. Из-за суматохи эти новинки застряли на одном из складов временного размещения, что, как теперь выяснилось, пришлось очень кстати. «Двустволки» обладали

невероятной для гаубицы скорострельностью, но их грохот по-прежнему оставался главным демаскирующим фактором. Нам удалось стянуть в мощный кулак всю артиллерию, выведенную из-под сокрушительного первого удара американцев. Само собой, не хватало обученных расчётов, остро чувствовался дефицит людских ресурсов. Были два дивизиона, полностью состоявших из молодых девушек и женщин, наспех обученных и призванных вопреки всем нормам. В случае провала резервов у нас нет, и, пошатни амеры равновесие хоть на миллиметр, хрупкая конструкция обрушится нам

на головы. Стиснув зубы, я смотрел на экран: чернело только окошко где должен был появиться контр-адмирал Никифоров. Рисковать мы не можем, его задача — включиться в бой в самый последний момент, сейчас его североморцы — это наш туз в рукаве, так же как новейшие истребители генерала Примака. Сглотнув украдкой нервный комок, сгоняя напряжение, я тихо проговорил в микрофон:

— Показать динамику на направлении главного удара.

Изображение на планшете дрогнуло и обновилось, стали видны изменения после нанесённого артиллерией удара. Россыпь красных

ромбов тремя нестройными
цепочками двигалась по холмистой
местности охватывая пространство
юго-восточнее Нельмы. Изогнутые
вовне дуги американских
укрепрайонов, отмеченные синим,
взорвались желтыми всполохами,
там сейчас шёл встречный бой. Одна
из красных точек мигнула и пропала,
потом ещё одна... Чёрт, хреново.
Нужно спросить, что там творится:

— Гранит—Один, здесь Крепость
— доклад!...

На экране тут же возникла
физиономия комбрига Нефёдова,
полковник заговорил со мной,
попутно грозя кулаком кому-то за
кадром.

— Гранит—Один на связи!

Артиллерия не полностью подавила огневые точки передовой линии, рота капитана Смирнова попала в миномётную засаду, есть потери... продвижение остановлено. Сейчас работают приданные мне «молотки»...

Изображение трянуло, картинка подёрнулась рябью, и в динамиках послышался фоновый гул разрывов. Бригаде были придан дивизион реактивных миномётов «Ураган»^[85], будем надеяться, что ситуация, и так висящая на волоске, не рухнет из-за неточности корректировщика.

— Крепость, «молотки»

отстрелялись, в заданном квадрате противник уничтожен... Первая линия прорвана!..

На карте вспыхнули и погасли синие линии укреплений перед цепочками наших наступающих войск. Однако потери в нашем случае недопустимы, люди сами по себе из земли не вырастут. Переключившись на начштаба, я как можно более спокойным тоном приказал:

— Владимир Николаич, выясни, кто корректировал удар в двадцать четвёртом квадрате. Разберись, почему дали неверные целеуказания, и если разгильдяйство — снимай с должности.

Снова приглядевшись я увидел,

что войска основной группы, сохраняя темп, глубоко вклинились в американскую оборону, однако к чести противника нужно сказать, пока никто не бежал, янки стойко держали удар. С юга во фланг наступающим уже заходили синие ромбы, это оживилась механизированная группировка шестой бронекавалерийской бригады. В составе этого подразделения до тридцати танков разного типа, в том числе и модернизированные «абрамсы». Однако пока эффект первого удара держался. Авиация и артиллерия противника работали вяло, сказывалось отсутствие общего

руководства. Неожиданно последовал доклад от диверсантов, закрепившихся в районе штаба двенадцатой бригады «Страйкер»:

— Я Рубин—Три, атакован превосходящими силами противника, запрашиваю дальнейших указаний!..

Реакция Грекова была молниеносна, тут же я услышал его резкий дребезжащий голос. Наш теоретик, казалось, ничего не упускал, словно престарелый колобок, он резво скакал от одного угла комнаты к другому, отвечая сразу по десятку линий оперативной связи:

— Я Бастион—Один, уточните обстановку, Рубин—Три!..

Сквозь гул помех я расслышал

звуки частой перестрелки, потом крики и близкий взрыв. Однако голос морпеха на том конце линии был спокоен:

— Четыре БМП «Брэдли», наблюдаю подход трёх оружейных платформ типа «паладин»^[86], два полных взвода пехоты, есть тяжёлое вооружение, подтягиваются ещё какие-то черти. Наблюдаю вертолёты поддержки с направления северо-запад. Мы удерживаем комплекс в центре города, противник постоянно атакует, нахожусь в полном окружении. Каналы связи с силами поддержки забиты помехами, не могу связаться с отбойной группой или «позвонить».

– Принял, Рубин–Три, – голос Грекова перешёл на сип, но быстро поправился. – Диктуй координаты, и как только звонок пройдёт, уходите. Точка прорыва – справа пятнадцать, северо–восток, сигнал для опознания прежний: белый дым. Подтверди, как принял?..

Помехи и стрельба стали чаще, голоса неизвестного морпеха почти не было слышно. Однако через пару долгих мгновений он отозвался, проговаривая быстро цепочки целеуказаний, передающихся напрямую на КП к начальнику артиллерии. Потом последовал взрыв помех, и эфир заполнился статикой. Почти сразу же отозвался начарт

Епишев, он обратился к Грекову, голос майора дрожал от напряжения:

– Бастион... Товарищ генерал-майор... Рубин-Три передал свои координаты, он вызвал огонь на себя.

– Так не медлите, Молот!.. – Греков снова сипел. – Там не дети сидят, раз пластун дал эти координаты, значит счёл нужным. Работайте, чёрт возьми!

Вмешиваться я не стал, тем более, что Греков, по сути, совершенно прав: мы хоть и видим динамику на карте, однако она не даёт полной картины реального боя. Скрепя сердце я переключился на волну группы Чернова, прошло десять минут с начала операции.

— Гранит—Два, я Крепость!
Доклад по обстановке!..

Экран, на котором раньше отображалась довольно суровая физиономия танкиста, сейчас был покрыт полосами искажений, за которыми едва—едва угадывалась кабина боевой машины. Я тронул кнопку смены картинки, и на общей панели появилась масштабная карта с отмеченными сейчас синим портом Ванино и посёлком Советское. Редкие цепочки красных ромбов отображали положение наступающих танков и мотопехоты Чернова. С севера атаку прикрывали две небольшие авиагруппы, которые уже завязали бой с вдвое превосходящими

их по численности американскими перехватчиками и довольно многочисленной вертолётной группы. Пока умелым маневрированием и превосходством в вооружении летунам удаётся удержать воздух над танковыми клиньями чистым. Кто-то дал картинку с одного из немногочисленных наших спутников, и при большом увеличении я смог увидеть картину боя. Маркеры над тройкой танков, летящих по узкой гравийной дороге прямо к позициям расположившегося чуть левее американского укреплённого аванпоста, показывали, что это взвод, находящийся в прямом

подчинении Чернова. В наушнике шумела статика, и, не дожидаясь доклада, я переключился на внутреннюю частоту атакующего взвода. И тут же послышался отборный мат командира головной машины:

– Взвод, делай как я! Следите за целеуказаниями, я, бля, для кого подсветил?!.. Миша, ориентир один – радиовышка, дальность восемьсот!.. Осколочно–фугасным – огонь! «Двойка», полоса огня справа, допориентир четыре – «Белая скала»... Твой сектор обстрела справа, плюс три с половиной!.. Коробочка на фланге, подкалиберным – огонь!.. Разворот,

разворот, мать вашу ети!..

Танки рассыпались в цепь, прыгая с холма на холм и непрерывно стреляя. Позиции американцев окутались клубами пыли, что-то чадно задымило. Справа из укрытия выполз приземистый «абрамс», но одна из наших «восьмидесяток» резво повернулась на месте, пушка коротко дёрнулась, и американский танк замер на месте, словно натолкнувшись на невидимую преграду. Из дымящейся машины выскакивали люди, от башни «восьмидесятки» потянулась цепочка трассеров, выживших срезало из пулемёта—спарки. Ещё

через пару минут взвод утюжил высоту, на которой располагался аванпост, а с тыла спешили четыре наших БМП-2, из десантных отсеков которых горохом посыпались маленькие точки высаживающихся мотострелков. Рация на командной частоте вдруг ожила, и в коммуникационном окне над разворачивающейся внизу панорамой сражения появилась физиономия Чернова:

— Крепость, я Гранит-Два, прорвана вторая линия обороны. Передовые части вышли на рубеж у наспунктов Чеховский — Храмское. До Ванино осталось порядка сорока девяти километров. Наши потери —

две машины и шесть человек безвозвратными, ещё три танка и один БТР после мелкого ремонта вернулись в строй, сбит один вертолёт поддержки, экипаж мы отбили, лётчики целы, едут в тыл на «таблетке» санчасти.

Почти одновременно с докладом Чернова раздался напряжённый но радостный голос Нефёдова:

— Бастион—Один, я Гранит—Первый... Третья линия укреплений прорвана, противник отступает к пригородным укреплённым пунктам четвёртого пояса. Гранит—Восемнадцать и Гранит—Двадцать три закрепились на ключевых позициях в районе деревни Астахово,

перерезано шоссе от порта в город на юго—востоке.

Греков встрепенулся, и я услышал отборный весёлый мат, которым комкор—один выражал степень своего крайнего удовлетворения происходящим. Впрочем, быстро совладав с эмоциями, старик тут же приказал по общему для обеих групп каналу связи:

— Гранит—Один, продвижение вперёд прекратить, закрепиться на занятых позициях. Янки уже выдвинули в вашем направлении три бронегруппы, усиленные штурмовой авиацией, встречайте!.. Гранит—Два, ваша задача прежняя — маневрируйте,

покажите противнику угрозу
прорыва к его портовой
инфраструктуре! Держись,
полковник, Ванино для амеров
важнее, на тебя кинут всё, что
можно. С воздуха поможем, чем
получится, но... Дай нам полчаса,
продержись, прошу тебя!

Неожиданно в разговор
вклинился генерал Примак, летун
даже помолодел, так весело в то же
время зло прозвучал его голос:

— Воздух Главный — Бастиону!..
Атакующим ордером на юго-восток
идёт группа тяжёлых
бомбардировщиков противника, их
сопровождает два звена F-18 с
окинавской базы. Держат курс на

позиции группы Гранита–Второго. Расчётное время прибытия – десять минут. «Нимиц» с группой сопровождения выходит из дрейфа в квадрате ожидания и вместе с кораблями сопровождения взял курс северо–северо–восток! Расчётное время прибытия в заданный квадрат – двадцать четыре минуты.

Ко мне подошёл Костя и негромким голосом доложил дополнительную информацию по обстановке. Во всей фигуре офицера чувствовалось то общее напряжение, поразившее всех в этой комнате, но тот всеми силами старался этого не обнаружить:

– Рапорт комбата береговой

батареи «Редутов» с Сахалина. Установки развёрнуты и замаскированы. Как только авианосец войдёт в зону уверенного поражения, они готовы произвести залп. Контр-адмирал Никифоров с эскадрой, атакующие подгруппы и корабли десанта на пути к районам боевого развёртывания. Они готовы вступить в бой, как только будет снята угроза обстрела со стороны Нельмы.

— Хорошо, Костя, принеси чаю... Только не слишком крепкого и погорячее.

Дымящаяся жидкость почти тут же оказалась рядом, у правого локтя. Высокий латунный подстаканник,

гранёные бока... Пожалуй, это всё, что осталось от старых советских времён. Отхлебнув пару маленьких глотков, я задумался над тем, что происходит сейчас там, за сотню километров отсюда, на побережье. Чернов со своими танками попал меж молотом и наковальней: янки клюнули на обманный финт Грекова и, полагая, что цель нашего удара — это инфраструктура Ванино, обрушат на него все доступные силы и средства. На Нефёдова они просто, образно говоря, цыкнут, попытавшись отбросить его согласованными фронтальными ударами бронегрупп с занятых позиций, однако тут их ждёт

неприятный сюрприз. А вот, кстати, и он:

– Гранит–Первый – Бастиону! Противник силами до двух батальонов при поддержке штурмовых вертолётów атакует от шоссе и восточных окраин наспункта Астахово. Танки противника затеяли дуэль с коробочками Гранита–Восемнадцать!

Тут же картинка на экране сменилась, я вызвал район, где уже минут пять идёт яростная сшибка закрепившихся в уютных американских окопах нефёдовских мотострелков. Пехота заняла позиции на плоских холмах у шоссе и в самой бывшей деревне Астахово,

превращённой американцами в довольно неплохо оснащённый укрепрайон. Только вот они не успели им толком воспользоваться, о чём сейчас крепко пожалеют.

Синие силуэты танковых подразделений противника неожиданно дрогнули, один за другим гасли точки, обозначающие отдельные машины. Дело в том, что во время артподготовки часть систем залпового огня была снаряжена контейнерами дистанционного минирования. В результате получились участки местности, засеянные нашими «гостинцами». И как только атакующие группировки вышли в районы, заданные для

ведения активной обороны, контуры минных заграждений встали ровно на тех направлениях откуда удобнее всего было провести контратаку. Приём не новый, однако в таких масштабах его пока ещё никто не применял. Вновь ожили динамики под потолком комнаты. Послышался искажённый помехами незнакомый голос:

– Я Гранит–Двадцать три! Танки и лёгкая бронетехника противника общей численностью до двадцати единиц, вошли в контуры минных полей, продвижение атакующих группировок остановлено в квадратах десять, одиннадцать и пятнадцать. Пехота противника

вошла в сектора пулемётных расчётов, уничтожается кинжальным огнём с флангов. Противотанкисты выдвигаются для флангового манёвра. Расчётное время уничтожения остатков вражеской бронегруппы – восемь минут.

– Я Гранит–Восемнадцать! Бронегруппа противника, общей численностью до тридцати пяти единиц, вошла в контур управляемого минного поля на глубину пятьсот метров. Лишена манёвра, две попытки выйти из боя или прорваться в северо–восточном направлении провалились. Расчётное время уничтожения – десять минут. Есть попытки сдачи в плен,

запрашиваю указаний.

— Товарищ командующий, — обратился ко мне Греков, — как поступим с пленными?

Колебаний и раздумий практически не было: сама суть той подлой войны, которую затеяли американцы вкупе со своими прихлебателями никаких правил не предполагала. Нас вычеркнули из списков живых, однако по непонятной причине они посчитали, что для нас правила обязательны. Только вот они ошиблись. Замкнув на себя связь так, чтобы меня слышали все, от командиров до рядовых, я совершенно спокойно и чётко произнёс:

— Я главнокомандующий вооружёнными силами свободной России генерал армии Широков! Приказ по войскам и соединениям: солдат противника и военизированных контрактных организаций в плен не брать. Офицеров и административных служащих допрашивать, после чего в расход. Но без издевательств, кто будет замечен — встанет с янки рядышком.

Закончив говорить я тут же сосредоточился на районе, который уже через считанные минуты окажется под американскими бомбами. Вообще, после грамотной работы артиллеристов и диверсантов

американцы смогли нормально использовать едва ли треть авиации, дислоцированной на захваченных в ходе первых недель войны аэродромах и переделанных под взлётно—посадочные полосы кусках автомобильных дорог. Боги войны основательно расковыряли инфраструктуру, на карте отображались шлейфы дыма и облака пылевой взвеси на месте топливозаправочных и арсеналов. Сейчас в воздухе одновременно находилось около сорока машин, но лишь полтора десятка из них реально пытались атаковать нас. Две трети из них — это транспортные вертолётчики, вывозящие раненых и повреждённую

технику в тыл. Штурмовики А-10, прозванные «бородавочниками», так лихо поднявшиеся навстречу нашим атакующим танкам, были уничтожены, не успев сделать ни единого выстрела из бортовых пушек или произвести ракетный залп. Наши ЗРК ещё в прошлом веке показывали многократное превосходство над этими неуклюжими машинами, сваливая их сейчас с недостижимых для последних дистанций. В свою очередь, три звена более лёгких и маневренных фронтовых штурмовиков Су-25 под прикрытием истребителей не давали амерам развернуть атакующие порядки, выбивая новейшие БТР «страйкер» и

модернизированные «абрамсы». Вертолёты «Апач», опять лишившиеся поддержки истребителей, и не имея чётких приказов от уничтоженного командования, действовали исходя из личных соображений. Вражеская авиация показала полную неспособность противостояния более малочисленной группе наших самолётов, часть которых была восстановлена буквально за пару недель до наступления. Современный истребитель это не фанерный планер, но наши и китайские техники на вновь созданных ремонтных базах справились с проблемой

превосходно. Иными словами, сейчас мы с американцами поменялись ролями. Нельзя сказать, что враг бежал повсеместно, многие дрались достойно и, как в случае с подразделением мотострелков Смирнова, выказывали отличную выучку и хладнокровие. Но в сознании врага произошёл перелом, которого мы с Грековым желали добиться: надеясь на авианосец и его боевую мощь, янкесы использовали любую возможность для отступления. Линия фронта в районе Гроссевичей теперь не напоминала дугу, выгнутую на восток, она превратилась в четыре очага синих пиктограмм, изолированных

войсками Нефёдова. Нельма ещё держалась за счёт базирующейся там командной инфраструктуры района и сети береговых укреплений. Однако и там красные ромбы двух ударных групп с позывными Гранит–Восемнадцать и Гранит–Двадцать четыре уже вышли на юго–восточные окраины города. Кликнув клавишей масштабирования я уменьшил карту района и увидел, что группа синих точек обозначавшая «Нимиц» с его свитой всё ближе вползает в Сахалинский залив. Ещё десять минут и авианосец окажется в зоне прямого выстрела для замаскированных береговых батарей сахалинского гарнизона. Тем

временем у Чернова дела складывались не блестяще: с севера и юго—востока две его маршевые колонны и авангард, состоящий из двух танковых взводов и роты мотострелков, обходили две броне—группы. Судя по сигнатурам над значками, это были части четвёртого батальона двенадцатой бронетанковой дивизии американцев. Наконец—то наладив управление в самом городе, янкесы сформировали три взвода лёгкой мотопехоты усиленные тяжёлыми танками и двинулись навстречу «черновцам» быстро подходившим к окраине Ванино с юга. Значит, противник решил—таки ввести в бой

основной резерв, и части, скованные боем тут, не будут переброшены к Гроссевичам и под Нельму. Осложнялось положение тем, что вертолёт прикрывающий ушёл на дозаправку, а спустя ещё час батальон Чернова вообще лишится воздушного прикрывающего, так далеко он вырвался вперёд. Артдивизион ушёл пол часа назад. Как же теперь будет не хватать грозного голоса «самоходов»! Танкисту, как и его коллеге, придали новые самоходки «Мста»[\[87\]](#), собственно, они—то, вкупе с вертолётами, и помогли Чернову так глубоко вклиниться в американскую оборону. Через шесть часов, лишённая горючего, встанет

вся его «броня», поскольку и части обеспечения теперь отрезаны. Однако верный приказу танкист продолжал идти вперёд.

— Я Гранит—Два, авангард вступает в непосредственное соприкосновение с танками противника, есть угроза окружения второй маршевой колонны. По системе оповещения получена информация об угрозе бомбово—штурмового удара через пять минут!..

Перебивая полковника, в доклад вклинился Примак. Командарм был бледен, синие отсветы легли на его лицо, отчего морщины проступили ещё резче:

— Воздух Главный — Бастиону!..

Спутники связи и управления группировки противника заняли положение в зоне досягаемости для удара. Авианосная группа противника вошла в зону уверенного поражения для ракет береговых батарей Сахалина!.. Воздух–Семь и Воздух–Три ведут бой с перехватчиками американцев, противник имеет четырёхкратное преимущество, мы едва держимся!..

Я глянул на замершего у планшета Грекова. Профессор военной академии с застывшим во взгляде торжеством чётко проговорил в пространство перед собой, не отрывая глаз от обновляющейся в реальном времени

картинки, где отображалась общая обстановка сражения:

— Всем подразделениям Гранита—Два — отход, вы справились, полковник! Тактической группе «Феникс» начать атаку на спутниковую группировку противника. Эскадрилья прикрытия — предельное внимание, приготовиться к отражению воздушной атаки. Нептун—Два — огонь по готовности, авианосец ваша забота. Гранит—Первый — вперёд, главная цель — дивизион связи в Гроссевичах, второстепенная — береговые батареи и эсминцы прикрытия в порту Нельма!

Напряжение достигло пика,

теперь всё зависело только от точности расчётов, но ещё больше, как всегда, лишь от воли случая. Я вызвал на экран карту погоды на одиннадцать сорок утра. Погода на побережье стояла ясная, однако с северо-востока шёл холодный фронт и скоро мог начаться снегопад, чего лучше бы не случилось. Душу терзала тоска от сознания, что группа Чернова, по сути, отдана на растерзание американцам. Противник вчетверо превосходит измотанных непрерывным движением и боями солдат смекалистого полковника. На карте сейчас отображался юго-восточный квадрат, до пригородных укреплений

Чернову оставалось преодолеть буквально считанные десятки километров. Янки разделили силы на три оперативно—тактические группы, в каждой было до двух десятков танков и лёгких бронемашин. На карте отобразились иконки более чем полутора десятка штурмовых вертолёт, взявших курс на перестраивающихся мотострелков и танковые колонны Чернова. С юго—востока приближался атакующий строй бомбардировщиков, границы синего круга, обозначавшего радиус зоны поражения от бомбоштурмового быстро бежал таймер обратного отсчёта. Логичнее всего было поставить химзавесу и,

положившись на скорость двигателей, попытаться уйти под прикрытие зенитного дивизиона, который сможет если не отразить атаку в полной мере, то снизить потери. Но Чернов что-то задумал, и я до самого конца не понял, что именно — янки глушили дальнюю связь, всё, что у нас было на данный момент — это размытая картинка с уходящего из района спутника. Войска бригады разворачиваясь для фронтальной атаки, тремя группами они ринулись навстречу американцам, попутно выбросив детонирующие подрывные заряды и дымовые гранаты. Теперь между ними и американцами оказалась

плотная стена дыма, а также туча осколков от разрывающихся без всякой пользы взрывпакетов. Ещё чуть—чуть, и снова завяжется бой, который станет для Чернова и его людей последним.

— Здесь Гранит—Двадцать три! Тактическая группа моих мотострелков при поддержке танковой роты Гранита Восемнадцать ворвалась на позиции дивизиона вражеских береговых батарей. Шесть установок уничтожены, две захвачены в качестве трофеев. Наши потери: четыре БМП и один Т—80УД. Личный состав — двенадцать «триста» и три — «двести».

Слова доклада прошли фоном, судьба Нельмы для меня была ясна: бригада Нефёдова ворвалась в город практически на плечах беспорядочно отступающих американцев. Видя, что мы не собираемся щадить безоружных, часть разбитых вражеских разрозненных групп пыталась обороняться. Но гораздо большее число их бежало к побережью, связисты бригады глушили передачи противника, смысл которых сводился к истерическим просьбам о немедленной эвакуации.

— Я Нептун Главный, — это раздался по громкой связи голос контр-адмирала Никифорова. —

Эскадра вышла в район нельмской бухты, десантные суда в сопровождении кораблей поддержки и транспортов обеспечения взяли курс на Гроссевичи и Южно—Сахалинск для взаимодействия с наземной атакующей группировкой Гранита—Шесть и Нептуна—Четыре.

Однако я всё ещё не отрывал взгляда от окутанных дымом холмов, где только что отбомбились американцы, смешав бригаду Чернова с землёй. Сигнал оттуда прервался, и экран заволокло статикой помех. До хруста сжав кулаки, я заставил себя переключиться на квадрат, где сейчас разворачивалась основная фаза

операции. Красные иконки парили в море и вокруг очистившихся от синего цвета кусков береговой полосы вокруг Нельмы и Гроссевичей.

– Воздух Главный – Бастиону!..
«Фениксы» свою задачу выполнили, спутниковая группировка американцев над оперативным районом уничтожена. Связь с авианосной группировкой мы успешно глушим, воздушный флот противника дезориентирован и несёт потери!.. Они бегут... Бегут, суки!

Дальнейшие события стали следовать, перекрывая друг друга с нарастающей быстротой. Рапорты атакующих подразделений слились в

единый победный речитатив. Мне с большим трудом удалось вычленить действительно важные доклады, компьютер не успевал отображать на общей карте происходящее.

— Нептун Два — Бастиону! Авианосец противника поражён второй ракетой в район силовых установок. Корабль потерял ход, наблюдаю сильные пожары в районе верхнего яруса надстроек и взлётной палубы. Акустики сообщают о сильных взрывах в арсеналах корабля, радиоперехват зафиксировал сигнал об эвакуации. «Нимиц» запрашивает окинавский оперативный штаб, просит выслать транспорты для буксировки в

ближайший порт. Сообщает о потерях среди экипажа.

Отозвался Никифоров, в голосе адмирала звучало торжество. Я буквально видел, как он сдерживается от обычных в данном случае «морских» выражений:

– Авиации отсечь транспортные суда от авианосца. Тяжёлым крейсерам «Петропавловск» и «Нахимов» – сосредоточить огонь на группе прикрытия противника. Торпедным катерам выдвинуться для атаки по спасательным судам, препятствовать буксировке авианосца и спасению экипажа!..

Из головы не шли последние слова Чернова, эту потерю я буду

помнить, покуда жив. Греков, перемежая обычные слова традиционно крепкими выражениями, молотил блокнотом по краю стола, не отрывая глаз от происходящего на экране. Я потянулся к стакану с остывшим чаем и сделал пару долгих длинных глотков, осушив стакан. Неожиданно ожил один из запасных каналов связи, хриплый от статики помех далёкий голос заставил всех в комнате замереть от изумления:

– Гранит Два – Бастиону!..
Гранит–Два – Бастиону!..

Прервав собравшегося ответить Грекова, я вдавил клавишу на пульте так, что маленькая пластмассовая

коробочка жалобно хрустнула. Но картинки всё ещё не было, окно видеоканала чернело, как и раньше. Кто-то из офицеров связи усилил далёкий голос, а я уже говорил:

— Слышу тебя, Гранит—Два, говори... громче говори!

— Гранит—Два поставленную задачу выполнил, после перегруппировки движемся в направлении юго—запад для соединения с войсками корпуса. Имеем потери, ведём арьергардные бои, есть опасность окружения... Запрашиваю авиаподдержку, атакован превосходящими силами!..

Не обращая внимания на царящую вокруг суету, я

переключился на закрытую линию и вызвал комкора—два Афанасьева. Тот откликнулся сразу, связь была нормальной, искажения лишь иногда взрывали эфир всплесками статики:

— Александр Александрович, срочно возьмите из резерва Ставки танковую роту вашей 460-й гвардейской бригады и, придав им два взвода мотострелков и эскадрилью ударных Ми-24, направьте в квадрат 35'70. Пусть встретят группу Гранита—Два.

Афанасьев ответил с заминкой: я знал, что это вызовет протест, но, кроме его корпуса, развёрнутого для броска на юго—запад, сейчас просто не было свободных сил. Даже если я

прикажу посадить всех
медработников и поваров на
«броню», в распоряжении штаба
останется едва ли сто человек
комендантской роты охраны.

— Товарищ командующий, эти
войска прикрывают подступы к
командному центру, есть
вероятность выброски десанта в
расположение авиаполка. Это
неоправданный риск, товарищ
генерал!

— К чёрту! Выполняйте приказ,
товарищ генерал—майор!.. Там сейчас
гибнут наши солдаты, их нужно
спасти. Янки не станут досаждать
вашим бойцам, их достаточно просто
пугануть, глубоко вклиниваться они

не посмеют. Что до меня, поставите кого—нибудь другого, генералов вокруг более чем достаточно. Но даже если и высадутся, думаю, вместе вы их одолеете, я тоже просто так в руки не дамся. Всё, хватит дискутировать. Приступайте без возражений. Сроку вам — тридцать минут.

Афанасьев был, безусловно, прав, однако после всех потерь недавнего времени я не мог даже помыслить о том, чтобы не использовать любую возможность спасти своих людей. Греков и начштаба Пашута в сопровождении только что спустившегося в бункер запылённого начальника артиллерии

Епишева вышли со своей половины комнаты и встали напротив меня в ряд по стойке смирно. Греков, теребя в коротких пальцах истрёпанный блокнот в вытертом кожаном переплёте, откашлявшись, отрапортовал:

— Товарищ верховный главнокомандующий! Операция «Снегопад» проведена успешно, войска и соединения юго-восточного фронта полностью выполнили поставленные перед ними задачи. Береговая линия на участке Гроссевичи — Нельма — порт Ванино на 13.49 шестого октября две тысячи одиннадцатого года полностью деблокирована. Укреплённые пункты

в районе Ванино взяты силами отдельного 85-го десантно-штурмового батальона морской пехоты Тихоокеанского флота. При поддержке соединений 145-ой и 239-ой мотострелковых бригад и 18-й ударной эскадрильи второго воздушного истребительного авиаполка Первой воздушной армии противник полностью выбит из близлежащих наспунктов. Силами оперативно-тактического соединения эсминцев Тихоокеанской эскадры и войск гарнизона острова Сахалин блокада с портов Южно-Сахалинск и Холмск снята. На остров налажено поступление с материка медикаментов,

боеприпасов и пополнений, начато восстановление островной социнфраструктуры. Одновременно ударами с южного направления силы первого ударного корпуса освободили порт Охотск. Таким образом весь хабаровский край и бассейн Охотского моря полностью перешли под контроль Вооружённых сил РФ и тихоокеанского флота России. Воздушное пространство пока не в полной мере нам подконтрольно, однако силы ПВО наращиваются, и небо будет перекрыто в ближайшие десять часов. Противник понёс тяжёлые потери: до пятнадцати тысяч убитыми, более двухсот пятидесяти единиц бронетехники,

четыре боевых корабля, включая «Нимиц» и ракетный крейсер «Айова». Также полностью уничтожено двадцать пять транспортных судов, четыре десятка самолётов и вертолёт. Материковая группировка уничтожена на восемьдесят процентов, до Окинавы добралось около двух сотен выживших. Пока данные уточняются, патрули вновь созданных комендатур и отделов внутренних дел вылавливают тех, кто скрылся. Интендантские части собирают трофеи, группы трофейщиков сообщают о значительном количестве техники боеприпасов и обмундирования российского

производства, переправленных сюда из западной части страны. Всё в хорошем состоянии, судя по маркировке, было приготовлено для отправки в страны Африканского союза и в Пакистан. Кроме того, есть внушительное количество техники, оружия и боеприпасов американского, бельгийского, а также французского производства. Сейчас данные всё ещё уточняются, но при этом при нашей нехватке всего на свете ожидается солидный.

В разговор вклинился адмирал Никифоров, части его эскадры вышли на границы российских территориальных вод, по поводу чего он, собственно, и доложил,

задействовав канал прямой связи. Я поздравил моряков, а Греков, откашлявшись и укоризненно косясь на сияющую физиономию адмирала в диалоговом окне на планшете, продолжил:

— ...Моряки усиленно прочёсывают территориальные воды и акватории портов, но существенно картина уже не изменится. Силами войск ПВО отражены попытки воздушных ударов, предпринятых американцами. Уничтожено два самолёта дальней радиолокационной разведки типа АВАКС, прикрывавшие их штурмовики F-22 «Раптор» в бой не вступили. На перехват американцам была поднята

эскадрилья оперативного резерва, укомплектованная новыми истребителями Су-35С. От прямых столкновений с нашими перехватчиками янки уклонились. Думаю, они всё ещё в шоке от поражения, либо имеют соответствующий приказ. В ближайшие десять часов мы ожидаем удара на юго-западе и северо-западе. Там наземные силы противника имеют существенное преимущество за счёт уязвимых позиций войск ОСК Центр и их крайней разрозненности.

Выступив ещё чуть-чуть вперёд, Греков вызвал на планшет масштабную карту западной Сибири. Из его кулака выдвинулся красный

луч лазерной указки, и он скороговоркой начал объяснять. Следуя заданной программе, следом за красной точкой узкого луча в западном направлении к синим пятнам пиктограмм американских войск в районе Новосибирска потянулись красные пунктирные стрелы.

— Задача ударных группировок Второго армейского корпуса генерал-майора Афанасьева будет проста, но всё зависит от погоды. Если сохранится штиль и не выпадет снег, они получают небольшое преимущество манёвра. Это позволит выйти в районы сосредоточения основной

группировки оккупационных сил и нанести несколько фланговых ударов по коммуникациям фронтовых соединений. Единственным неприятным сюрпризом может стать «Плащ Сатаны». Если тут мы сумели верно предсказать истощённость противника и действовать соответственно, то на западном направлении мы имеем дело с полностью развёрнутыми и готовыми к бою войсками, опирающимся на мощную структуру тылового обеспечения.

Я отыскал взглядом начразведки полковника Николаевского, тот выступил вперёд и, тоже воспользовавшись указкой,

заговорил. Голос его звучал хрипло и срывался в приступы сухого кашля, но всё же говорил полковник чётко и понятно:

— На линии Прокопьевск — Кемерово — Томск и на Новосибирском направлении в данный момент действуют сорок три диверсионных группы глубинной разведки фронтового подчинения. Также активно работают в оперативных тылах противника наши разведчики восьмидесяти различных частей, находящиеся в соприкосновении с войсками Коалиции. Однако корпусные, бригадные и ротные разведгруппы действуют исключительно в

интересах своих частей, устойчивого взаимодействия между ними и отрядами глубинной разведки нет. По последним данным, янки усилили снабжение боевых частей, идёт активное пополнение личного состава и разгрузка техники. Группа майора Раскатова вышла на связь менее десяти минут назад, они успешно осуществили инфильтрацию и сейчас приступают к выполнению основного задания. Группа сообщает о непрерывной активности на железнодорожных коммуникациях, в сторону военной базы «Нью—Нортвуд» идёт большой грузопоток с западного направления. Это подтверждают данные

космической группировки и авиаразведки. Таким образом Раскатов подтвердил сведения, уже имеющиеся в распоряжении Главразведуправления фронта. Американцы готовят контрудар, как мы и предполагали. Но, как обычно, основной упор в планировании делается не на наземную составляющую, а на авиацию и реактивную артиллерию. Наступлению будет предшествовать мощный комбинированный ракетно—бомбовый удар по нашей юго—восточной группировке и разворачивающимся на юге силам корпуса генерал—майора Афанасьева.

Инициативу снова перехватил

Греков, а начразведки попросил разрешения уйти, этот немногословный ракетчик прибыл вместе с небольшой группой подчинённых на захваченном в бою американском «страйкере». После проверки выяснилось, что они отступили после того, как месяц обороняли расположенный под Красноярском законсервированный объект космической связи, но, как только кончились боеприпасы, демонтировали часть оборудования и прорвались в расположения тоже отступавших мотострелков и железнодорожников. И это благодаря Николаевскому мы сейчас имеем полный контроль над остатками

спутниковой орбитальной группировки. Электроника, которую он спас, была важным компонентом именно для нашего недостроенного ЗКП тут, под Углегорском.

Греков продолжал:

— ...Таким образом, операция «Снегопад» вступает в заключительную фазу, где главная роль отводится корпусу генерал-майора Афанасьева, и в немалой степени расчёт генштаба строится на той глубокой модернизации, которой подверглись соединения Второго корпуса. Войска там свежие, отдохнувшие и полностью укомплектованные по новому штатному расписанию.

Теоретически, мы имеем паритет с американцами, однако противник опытнее нас, части западной группы войск имеют мощный резерв, состоящий из наёмников контрактных организаций, а также частей войск Коалиции. Наш резерв весьма ограничен, и большей частью это недоукомплектованные части только—только формирующегося Третьего армейского ударного корпуса. Пока они имеют четверть от штатного состава, ввести их в бой мы сможем только через три недели, и то частично. Наша сила только в маневре и внезапности, действуя в обороне мы проиграем. Успешно опробованная активно—

оборонительная тактика ещё один неприятный сюрприз для янки, но всё решит бой. В какой-то степени мы можем рассчитывать на помощь войск ОСК Запад, однако силы их крайне истощены. По последним сводкам, американцы прорвались к Туле, лишь час назад прорыв удалось ликвидировать.

Западная группировка воюет практически без авиации, боепитание и продснабжение частей крайне скудное. В тылах полно банд местных и пришлых мародёров, активно действуют американские и норвежские диверсионные отряды. Без нашей помощи ОСК Запад и остатки ОСК Центр перестанут

существовать через шесть, максимум восемь суток. У меня всё, товарищи.

Неожиданно боль в культе, затаившаяся ненадолго, вновь ринулась в мозг. Привычным уже усилием мне удалось справиться с приступом и, кивнув Грекову, ровным голосом сказать:

– Хорошо, товарищи, благодарю всех вас от лица страны... нашей Родины. Есть ли уточнённые данные по боевым и не боевым потерям?

Голос подал начштаба, Пашута откашлялся и чётким, но удивительно тихим голосом начал излагать цифры, каждая из которых вонзалась в сердце острой занозой. За прошедшие восемь часов мы

потеряли три эсминца, шесть торпедных катеров, более шестидесяти танков и двадцати пяти бронемашин разного назначения, четверть боееспособного самолётно—вертолётного парка. Но самое главное — это же две тысячи восемьсот три человека из состава обоих корпусов, четыре сотни из которых были ополченцы и просто добровольно вызвавшиеся помогать армии простые граждане, не секрет, что большинство из них женщины и подростки.

В разговор вклинился голос одного из командиров частей внутренних войск, картинка на планшете за спиной начштаба

изменилась. Возникла подробная карта Шантарских островов, вызов пришёл от комроты 385-й бригады внутренних войск. Он, судя по координатам, находился на недавно очищенном от американцев острове Сахарная Голова. «Вованы» активно помогали при зачистках, поэтому я не особо удивился вызову, но мне стало тревожно от той срочности, которая привела к нарушению протокола. Связь держалась устойчиво, помех почти не было. Лицо безусого парня с капитанским шитым шевроном на верхнем срезе бронежилета было очень бледным, глаза смотрели пристально. Шлем-капсула, обтянутый полимерным

чехлом «лесной» расцветки,
придавал юноше немного
несуразный вид, поскольку был ему
слегка великоват.

— Я Базальт—Двадцать Шесть!..
Срочно, «ракета» Крепости!.. По
рапорту Гранита—Тридцать Четыре
была с особым вниманием прочёсана
северная оконечность острова
Сахарная Голова. Обнаружены
строения, по виду лагерь для
военнопленных, вроде того что под
Нельмой...

Голос парня прерывался, он с
большим трудом сдерживал эмоции,
природа которых пока была не ясна.
Камера дрогнула, план сменился, и
вместо лица офицера мы увидели

сетчатую ограду. Всего было три таких линии ограждений, затянутые сеткой рабицей, с протянутыми поверх между белыми металлическими столбами колючей проволокой. Оператор показал нам одну из вышек с пулемётом, опустившим ствол в землю, на турели обращённым внутрь периметра. Затем пошли три ряда длинных барakov с плоскими крышами, собранные из железных щитов. Все здания в лагере были выкрашены в ярко-белый цвет, после штурма кое-где виднелись следы копоти. Офицер продолжил доклад:

— Охрана состояла из взвода наёмников, все носили форму без

опознавательных знаков, дрались отчаянно, пока мы БТР не подогнали. В плен никто не просился... Ну, теперь—то ясно почему. Тут держали только детей в возрасте от пяти до пятнадцати лет.

Картинка снова дрогнула, поплыла дальше, мы прошли ко второму ряду ограждений, уже внутри лагеря. Снова белые домики, всего числом шесть. Когда камера заглянула внутрь одного из них, мы увидели операционную, полную всякого медицинского добра. В центре комнаты располагались два операционных стола, на одном из них лежала груда густо испачканных чем—то бурым простыней. Голос

капитана продолжал
комментировать:

— Живых детей мы нашли только восемь душ, два пацанёнка шести и двенадцати лет, шесть девочек от пяти до десяти лет. По словам ребятишек, они прибыли сюда трое суток назад, до этого их держали в разных местах. Трое из—под Владивостока, один из Усть—Камчатска, остальные все кемеровские. Их отлавливали на дорогах, некоторые жили в лесных стихийных поселениях, пока голод и похолодание не выгоняли искать еду на руинах. Там работали наёмники, дети говорят, что многие хорошо говорили по—русски. Мальчик из

Усть-Камчатска рассказал что он видел трупы большого количества гражданских, взрослые сказали, что умершие ели продукты и пили воду, сбрасываемые из самолётов. Похоже на бактериологическое оружие или медленно действующее ОВ. Все дети – из уцелевших беженцев, родителей отравили газом в лагерях побольше, где точно – дети не могут сказать. Ещё, по словам старших ребятшек, те, кто был тут до них, дольше недели в бараках не задерживался.

Камера снова поплыла куда-то вбок, и мы увидели во дворе два огромных промышленных рефрижераторных бокса, тоже белого цвета. Энергия сейчас была

отключена, но когда оператор с капитаном вошли внутрь, картинка затуманилась от облаков пара. Как только она прояснилась, я сквозь пелену душащих приступов ярости увидел то, что подспудно боялся обнаружить: штабеля контейнеров для перевозки органов. Изображение снова сменило план, и мы увидели ещё одно здание, небольшое, с характерными для промышленных печей дымоходными трубами. Чуть поодаль стояли мусорные баки, до краёв наполненные тряпками, в которых, приглядевшись, я распознал маломерные куртки и штаны оранжевого цвета, какие носят заключённые. Голос офицера снова

комментировал то, что, застыв в немом ужасе, наблюдал весь штаб, включая планшетистов. Казалось, всех нас парализовало смятение, несмотря на то, что каждый за последние месяцы успел насмотреться и пережить достаточно страшных моментов.

— В баках одноразовые тюремные роботы, пока мы не считали количество комплектов. Само собой, это только последняя партия, остальное тоже сжигали. Таких полевых крематориев в лагере четыре штуки, дальше вертолётная площадка. «Борта» шли непрерывно, курсом на Окиनावу. По словам морпехов из штурмовой группы,

последнюю грузовую «вертушку» час назад они сбивать не решились, думали, что там наших везут...

Это был непрерывный конвейер, фабрика по извлечению донорских органов. Переборов эмоции, как можно более ровным голосом я приказал:

– Крепость – Базальту–Двадцать Шесть. Капитан, возьмите периметр в кольцо, охраняйте место преступления, к вам уже вылетают сотрудники военной прокуратуры, покажите им всё, задокументируйте каждую мелочь.

Повернувшись к начштаба, тоже пребывавшему в состоянии шока, я распорядился, выведя Пашуту из

оцепенения:

— Срочно снимите лучших следователей и криминалистов, пусть займутся этой «фабрикой». Также найдите толковых журналистов в пресс-центре. Нужно сделать фильм и показать в войсках, чтобы совесть никого не мучила.

Ещё какое-то время мы обсуждали выравнивание фронта на западном направлении, однако скоро боль, усиленная стрессом от последних событий, стала совершенно невыносимой. Костя вызвал суровую докторшу Валентину Степановну, а у меня не было сил сопротивляться двум офицерам связи, которые унесли за ширму моё

ставшее вдруг тяжёлым и непослушным тело. Голова налилась свинцовой тяжестью, отросшая за день щетина с ощутимым хрустом карябнула накрахмаленную ткань подушки. На сон мне теперь полагалось два часа, а потом снова к столу, чтобы попытаться нащупать в лабиринте неверных решений тот единственный путь, который ведёт к победе. Снова виделся журавлиный клин, в полном молчании пролетающий над замусоренной плоской крышей офицерского общежития. Может быть, это теперь добрый знак, может быть, теперь хорошие новости приходят только в полной тишине? Пусть так, лишь бы

только знак действительно оказался добрым.

Россия, 7 октября 2011 г.
Приблизительно 300 метров от 19-го
пути ж/д терминала Постниково
05.31 по местному времени.
Заброшенный сервисный тоннель,
северо-восточная галерея, уровень
шесть. Командир разведывательно-
диверсионной группы глубинной
разведки фронтового подчинения
ОСК Восток, позывной «Вихрь-4» –
майор Андрей Раскатов. Диверсия.

...Темнота не имеет цвета, она
скрывает все предметы, оставляя
тому, кто тщится что-то в ней
разглядеть, только скупой набор
запахов. Я ощущал полутона ржавого

железа, крошащегося бетона и пыли. Но всё перебивал едва ощутимый аромат старой хвои и листьев, которые сюда занесло ветром. Значит, впереди выход на поверхность, и снаружи опять идёт дождь. Кто-то, мало знакомый с подземельями, скажет, что стоит влаге хоть раз попасть под землю, там вечно будет сыро и влажно. Но это не так: бетон, земля и корни растений, пробивающихся сквозь любые преграды, выпивают всю воду, оставляя лишь лёгкий намёк. Затопленные участки тоннелей остались далеко позади, мы с большим трудом миновали их благодаря мощным химическим

осветителям, без которых я и Фома однозначно бы сгинули, а остальным пришлось бы повернуть обратно. Секунды складывались в минуты, минуты перетекали в часы, Фома вышел на доразведку три часа назад, до конца контрольного срока осталось полчаса. Плавный ход мыслей прервал отдалённый шорох, потом впереди мигнул красный узкий луч фонаря. Ну наконец-то... Напротив опустился Фома, лохматая накидка и особенно капюшон следопыта, все блестело от водяных капель, осевших на ворсе. Откинув с лица маску, Иван доложил:

— Есть ход на поверхность, подступы не охраняются. Там три

огромных горы щебня прямо внутри периметра, видимо, янки сгребли сюда весь мусор, оставшийся после взятия узла под контроль. Свалка отгорожена от основной территории сеткой, камера только одна — стережёт ворота, через них вывозят остатки строительного мусора. Судя по следам протекторов, не чаще двух раз в сутки. На двадцать метров кругом я не нашёл ни мин, ни сигнальных устройств, часовых тоже нет, но ходит патруль. Всё стандартно: три человека, собак нет. Верхушки куч скрыты, но для Ворона позиция вполне подходящая, подходы к путям просматриваются нормально. Можно пройти через

ворота, когда патруль возвращается в периметр, или идёт на свалку. Постоянного поста там нету, старший смены просто сигналиит в камеру рукой, и оператор дистанционно открывает ворота. Замок магнитный, отпереть проще простого. Предлагаю жёстко пройти. Гасим патруль, а потом проходим внутрь в их накидках, даже переодеваться нет нужды.

Как и предполагалось исходя из рассказа окруженцев, амеры просто понадеялись на мощь своей артиллерии. Янкесы посчитали вопрос с отступавшими под землю железнодорожниками решённым, а про сохранившийся лаз не знали до

сих пор. После странной истории с туземкой я был рад ещё одному полезному сопутствующему обстоятельству. Включив на тактблоке подсветку, я вывел расположения путей и складских пакгаузов. Сейчас наше положение относительно места диверсии отстояло на восемьсот метров к северо-востоку. Согласно плану, отходить предполагалось через юго-восточные окраины терминала, где, судя по спутниковым снимкам, только ещё велось приготовление к строительству. Три больших котлована, два десятка складов и открытых площадок хранения со штабелями железобетонных балок и

профильного литья. В этом лабиринте можно совершенно скрытно подойти к внутренним сооружениям охранного периметра, пока будет бушевать стихия, ведь компоненты «Плаща» рванут серьёзно, в этом сходились все опрошенные мной перед выходом эксперты.

Шесть противотранспортных мин, усиленных дополнительным кумулятивным зарядом, совершенно точно пробьются к вагонам с боеприпасами. Чтобы уйти, у нас будет всего десять минут. Пока идёт подготовка к разгрузке состава, после этого всё будет зависеть только от точности расчётов штабных

спецов. Ещё раз сверившись с планом, я дёрнул три раза за трос, которым были обвязаны все, кто шёл следом. Отстегнув свой конец и почти не шурша бетонной крошкой, устилавшей невидимый сейчас пол тоннеля, ко мне подошёл Мелкий Ворон. Я набрал соответствующую комбинацию цифр на своём коммуникаторе, и блок Воронина тихо пискнул.

— Мелкий, ты идёшь вперёд, страхуешь Жука и Симу. Найди хорошее гнездо с таким расчётом, чтобы бить на два сектора. Если Жук и Сима спялятся раньше времени — держи «крупняк» и группы захвата ровно три минуты, потом уходи. У

тебя отмечены три маршрута: основной и два дополнительных. Сейчас тихо шурши вперёд, как осмотришься и устроишь гнездышко, дай знать, начнём работать по твоей команде.

Последним мимо меня прополз самый молодой из нас – старший лейтенант Станислав Ярцев по прозвищу Клещ. Фигура его словно состояла из лёгких обрывков тени, настолько тихо парень перетекал из одного положения в другое. Не отличаясь выдающимся ростом, Стас обладал невероятной физической силой, спрятанной в совершенно заурядную оболочку. До нашего стандарта Ярцев едва дотягивал –

едва—едва набрал сто семьдесят пять сантиметров роста. С огромным трудом мне удалось его отбить у начразведки одной из фронтовых артчастей месяц назад. Тогда ко мне прибежал Фомин и рассказал почти былинную историю о непонятном последователе Чингачгука. По словам заместителя, неделю назад артиллеристы отправили в тыл к амерам группу с целью уточнения пристрелочных координат, но она на третий день замолчала, видимо, нарвавшись на засаду. Послали ещё людей, и те вернулись с доказательствами гибели разведчиков. На том всё бы и кончилось, но через семь дней в

расположение появился молодой
лейтенант — заместитель командира
погибшей группы разведки. Парень
принёс жёсткий диск, выданный из
американского тактического
компьютера, и две связки
подкопченных, чтобы не портились,
указательных пальцев, нанизанных
на медную проволоку. Всего пальцев
было двенадцать, и к каждому
прилагались американские же
посмертные бирки с личными
номерах. Ярцева опознали только
спустя сутки, до этого парень просто
молчал и на все вопросы только
качал головой. Но, как ни странно,
крышу ему не снесло, после трёх
дней в хабаровском госпитале он

начал говорить. Рассказ получился короткий: группа попала в засаду, её прижали кинжальным пулемётным огнём с трёх сторон, а потом доби́ли из миномётов. Ярцева отбросило взрывом и сильно контузило, забросав землёй, только поэтому его и не обнаружили американцы, когда пришли досматривать трупы разведчиков. Провалившись в беспамятстве сутки или около того, Ярцев вспомнил задание и стал искать миномётную батарею, к которой их отправляли, но вместо этого набрёл на расположение отделения какой-то пехотной части. Амеры разбили лагерь на группе холмов, видимо, обустроивали новый

пункт обороны, но всё это Стас узнал уже потом. Сначала, лейтенант, дождавшись ночи, пробрался в расположение американцев и, сняв часового, забрал у покойника нож. Стас показывал этот клинок: воронёная сталь, карбоновое покрытие, пятнадцатисантиметровое лезвие и шероховатая рукоять с односторонним ограничителем. На следующее утро из двух палаток, где ещё вчера уснуло шестеро амеров, никто зорьку встречать не вышел. Потом приехали другие. Вытащили трупы, осмотрев, нашли, что у каждого из покойников нет указательного пальца на правой руке. Но оружия разведчик не тронул: как

он нехотя пояснил, шумной мести не хотел. Амеры уехали и вызвали авиацию. Только вот Стас пошёл следом за ними, и «вертушки», а затем и миномёты отработали по многострадальной тайге совершенно напрасно. Лейтенант отыскал расположение миномётной батареи, и в следующие трое суток амеры потеряли ещё двух солдат, пару капралов, одного сержанта и одного старлея. Мало того, офицера разведчик заставил перед смертью показать, где лежит его тактический компьютер и собственноручно извлечь из него жёсткий диск. Целиком чемодан Стас тащить не решился, поскольку амеры

снарядили на его поиски внушительную партию с собаками и беспилотниками в качестве воздушного прикрытия. На вопрос, как же ему удалось уйти, Ярцев только пожимал плечами и отвечал: «Повезло, наверное». Хлопнув Клеща по ноге, я знаком приказал ему задержаться. Сев рядом, Стас вопросительно дёрнул подбородком. Подсвечивая на экран коммуникатора, я шёпотом начал излагать нашу с ним общую задачу:

– Клещ, мы с тобой страхуем Жука и Симу. Мимо пешего патруля им с грузом не пройти, поэтому, как только Мелкий даст отмашку, что обустроился, мы с тобой встречаем

амеров у двенадцатого склада, вот они в ряд друг за другом. Место там с вышек не просматривается, камеры смотрят на участок справа от северного угла здания, но патруль там будет только шесть—десять секунд. Наша задача — захватить караульных до того, как они выйдут под камеру. Их трое, я работаю среднего, ты головного, а Ворон валит старшего наряда, который замыкает. Работаем, как всегда, по выстрелу Мелкого, тут без изменений.

Ярцев посмотрел на меня своими внимательными карими с рыжинкой глазами и кивнул. Вообще, после того «индейского» похода его

бывшие сослуживцы отмечали сильные перемены. Нет, парень и раньше был не душа компании, но хоть общался нормально. Однако врачи в Хабаровске никаких, учитывая обстоятельства, серьёзных психических отклонений не выявили. Стас пополз вперёд, я подался следом, чуть приотстав. Поверхность встретила нас резким холодным ветром, тяжёлым от влаги пробрасывающего мелкими зарядами дождика. Низкое серо—свинцовое небо едва не задевало верхушки мусорных куч, из—под основания одной из которых мы осторожно выбрались. Лавируя между слежавшимися в плотную массу

кучками битого кирпича вперемешку с землёй и осколками шифера, мы с Ярцевым обошли вокруг одну из трёх мусорных гор, которая была выше остальных и прикрывала нас от взглядов дозорных, расположившихся на вышке метрах в трёхстах справа. Ступая по крутому склону и сторожась осыпей, мы двинулись вправо, где гора распадалась на два длинных хребта. По ложбине мы проползли ещё метров сто, пока в наушнике у меня не послышался шёпот Ворона:

— Мелкий — Вождю!.. Вижу гостей справа пятьдесят от вашей позиции. Рандеву четыре—пять.

Ползший впереди Клещ дал

отмашку рукой, что мол, слышу, и указал на видневшийся слева впереди узкий карниз, давая понять, что поднимется на него. И опять я только подивился, как ловко он вскарабкался по едва наклонной стене и замер на узком отрезке бетонной балки, которая нависла над извилистой тропой. Я укрылся в небольшой канаве, тоже с левой стороны тропинки, с таким расчетом, чтобы напасть на своего «крестника» с тыла. Лёжка получилась нормальная: тропа просматривается в обе стороны на десять метров, а из-за накидки меня можно разглядеть разве что наступив, накидку я щедро извалял в

земле, так что риск быть обнаруженным минимален. Ворон не ошибся, и янки появились ровно через четыре минуты после его доклада. Три фигуры в тёмно-серых, почти чёрных от влаги плащ-палатках неспешно прошли мимо, даже не взглянув по сторонам. Видно, что ребята не в восторге от своей службы, небрежный формализм сквозил в каждом их движении. Чем дальше американцы отдалялись, тем выше я приподнимался из канавы, готовясь к броску. Для тихой работы я пользуюсь трофейным английским кинжалом с обоюдоострым лезвием. Поверхность кинжала покрыта

серым полимерным напылением, благодаря которому клинок особо не загрязняется, не бликует, и заточка обеих кромок держится чуть дольше. Я перехватил нож кромкой так, чтобы сразу пробить ткань кокетки защитного комбинезона и артерию на шее патрульного. Вот уже они отошли на пару метров, вот на четыре... Выстрел снайпера мы не слышали, Ворон работал из глушенного «ствола», замыкающий без единого звука стал оседать на землю. Что ни говори, а старушка СВД^[88] всё ещё вне конкуренции. Не зря Мелкий возился со своей винтовкой круглые сутки! Парни говорили, что часто слышат, как

Ворон разговаривает с ней, словно с девушкой. Правда, он таскает в рейды укорот со складным прикладом и «тихарём». Однако на работе это особо не сказывается: дырка в башке амера есть, крови пролилось самый чуток. Труп ещё не коснулся коленями земли, а я уже ринулся вперёд и, зажав едва дёрнувшему головой американцу рот ладонью левой руки с накрученной на неё тряпкой, точным движением вогнал клинок ему в шею. Он засучил ногами, но длилось это коротких два удара сердца. Краем глаза я видел коронный номер Стаса, за который тот и получил прозвище Клещ. Едва уловимая тень оторвалась от стены, и

вот уже фигура в лохматом комбезе приземлилась на плечи головного амера. Ноги разведчика надёжно прижали локти жертвы к туловищу, и, давя своим весом, Ярцев вынудил патрульного повалиться на землю. Руками Клещ намертво обхватил лицо и шею американца. Как только тот рухнул, я расслышал глухой хруст: жертва сама под давлением собственного веса свернула себе шею. Захват прошёл гладко, как и в большинстве случаев. Порядок снятия часовых всегда строится таким образом, чтобы противник не успел среагировать на опасность, грозящую товарищам, и не смог пустить в ход вбитые на занятиях по

«рукопашке» рефлексy.

Дальше всё пошло по стандартной схеме: американцев раздели, особо ощупав нарукавные швы курток и продольные плотные швы штанин. Для опознания системами слежения своих на поле боя и при поисках трупов около пяти лет назад в НАТО ввели систему опознания по радиоимпульсу, который излучает микроволокно, зашитое в одежду. Сигнал слабый, но теперь можно получать чёткие сигналы от пехоты, чтобы не зацепить её при бомбёжке или артобстреле. Можно и тело найти, если, опять же, знаешь, что искать. Камера у ворот, конечно, такой

сигнал не ловит, часовых пропускают по радиопаролю и визуальному тождеству личности. Однако их непременно скоро хватятся, и в наших интересах сделать так, чтобы процесс этот оказался не особо быстрым. В сторону отложили автоматы часовых и обувь, операторов систем наблюдения не особо тренируют на запоминание лиц, однако силуэты фигур, характерные очертания обуви и оружия они знают твёрдо. Жук и Сима стали облачаться в плащ-накидки, уже основательно вымокшие от дождя, неприятную процедуру примерки чужой обуви ребята оставили, так сказать, «на

сладкое». Трудно надеть не подходящую по размеру обувь, а потом изобразить обычную походку человека, для которого эти говнодавы самое оно. Впрочем, профессия разведчика сродни ремеслу артиста оригинального жанра: нужно уметь всё. В это время мы с Ярцевым сложили тела в поломанный платяной шкаф и, заминировав дверцы изнутри завёрнутой в рулон старых газет «эфкой», завалили импровизированную могилу мелким строительным мусором. Шкаф мы присмотрели по пути к месту засады, рухлядь стояла метрах в десяти от поворота тропы, и при поисках на него если и обратят внимание, то

только при более тщательном повторном осмотре. Дело в психологии военного человека: каждый раз, проходя место, где дорога сужается или поворачивает, солдат бессознательно замедляет ход и удваивает внимание. Поэтому искать прежде всего будут возле перекрёстков, поворотов, в тупиках, потом возьмутся за проверку заборов периметра. Но прежде всего амеры, как истинные сыны Запада, до хрипоты поорут в рацию, потом пересмотрят все записи камер и только после этого ритуала пойдут топтать ноги. Так что как минимум полтора часа до объявления поисковых мероприятий усиления

постов у нас есть. Последним штрихом стал приём, который у нас называется «скатерть—самобранка». На месте боя остались следы борьбы, и никакой дождь быстро такую уйму улик не уничтожит. Поэтому мы с Клещом рассыпали три лопаты местного грунта, взятого под тем же шкафом, и высыпали землю, круто перемешанную с щебнем, на кусок брезента. Разровнять грунт по поверхности ткани несложно, сложнее аккуратно сплавить его на тот участок тропы, который необходимо замаскировать. Ярцев руками бережно пересыпал землю, где, кроме осколков кирпича, попадались битые стёкла и

деревянные щепки — спасали отличные трофейные тактические перчатки с резиновыми вставками, которых от щедрот нам подкинули месяц назад изрядный запасец. Затем Стас нежно стряхнул грунт с брезента и, сложив ткань в рулон, разровнял края образовавшегося участка тропы. Теперь получалось, что патруль просто растворился в воздухе, и это тоже задержит поиски на какое-то время. Свернув брезент в рулон и передав его мне, Клещ тоже стал облачаться в плащ-накидку. Тихо в наушнике пискнул таймер, это означает, что отведённые на устранение патруля и ликвидацию следов семь минут истекли. Через

три минуты разведчики, очень похоже подражая покойным янкесам, направились в сторону ворот. Я же пошёл в противоположную сторону и, обогнув шестиметровой высоты кучу щебня, взобрался сначала по ней, а затем по склону самой высокой из трёх «эверестов» горы. Не привлекая к себе внимания часовых на ближайшей вышке, удалось взобраться не так высоко, как планировалось: «мёртвый» северо-восточный сектор от меня закрывал приличных размеров кусок кирпичной стены. Отыскав щель между фрагментом оконной рамы и куском бетонной плиты непонятного назначения, я улёгся так, что теперь

вид на грузовые платформы восточной части терминала был как на ладони. В той стороне находятся восемнадцатый и девятнадцатый пути, куда, по данным генштаба, прибывают также грузы с западного и северо-западного направлений. Однако вагоны, интересующие нас, сформированы в особый состав, и его продвижение отслеживается со спутников. Аналитики точно сказали, с какой стороны его ожидать, однако нет точных данных, когда это случится. По правилам, для тихого проникновения на объект такого уровня безопасности нам бы ещё дней пять-шесть предстояло ползать вокруг, выискивая брешь в

обороне терминала. Но правила – это для учений и мирного быта, сейчас инициатива за противником, и всё, что мы можем, это сидеть и ждать.

На путях и окрест не наблюдалось ничего необычного, однако то место, куда прибывает нужный нам состав, я точно узнаю. По словам консультантов, компоненты «Плаща» имеют определённые габариты и укупорку револьверного типа – трубки восьмидюймового диаметра длиной полтора–два метра. Значит, будет конвой из большегрузных машин и много, очень много охраны. В наушнике слышался шёпот Мелкого:

– Ворон – Вождю!.. Скоморохи
прошли, собаки пока не брешут.

Это означало, что ребята
успешно разыграли потерю
радиоконтакта, и их пропустили в
периметр без лишних
формальностей. Конечно, все
переговоры операторов пишутся, но
промашка обнаружится ещё не скоро,
для того, чтобы скрыться, времени
вполне достаточно. Погода нам в
помощь: под плащами удалось
скрыть прицепленные прямо к
«разгрузкам» довольно тяжёлые
цилиндры мин. Случись ясная
погода, пришлось бы изыскивать
более хлопотный способ доставки
«сюрпризов», однако иногда и нам

везёт...

— Клещ — Вождю!.. Скоморохи поставили балаган, иду на большую дорогу.

После доклада снайпера прошло сорок минут, Ярцев проявился неожиданно быстро. Значит, Жук и Сима сейчас скинули вражьи шмотки и ждут, пока Клещ пройдёт по путям до стрелки, там будет понятно, на какой путь прибудет состав. Способ, который был выбран для закладки мин, часто используется в случаях вроде нашего. Суть его в том, что для каждой мины из подручных средств мастерится прикрытие, исходя из характера местности. Предмет правильных размеров в первую

очередь привлекаёт внимание наблюдателей и наземных досмотровых групп, поэтому лучше всего прокатывает маскировка под кучку экскрементов, мусора, имеющего резкий, неприятный запах и обязательно разной формы и размера. Само собой, мастерить такое — занятие не из приятных, однако в большинстве случаев это срабатывает. Из чего всё слепят на этот раз, я не знал, однако Жук всегда проявлял особый талант, когда дело касалось маскировки «гостинцев». В качестве детонаторов нас снабдили легкими противотранспортными минами «Верба», а основой был сложносоставной фугас, имеющий

свойства тандемной реактивной гранаты. Уже давно транспортные вагоны, принадлежащие службам снабжения тыла американской армии, были снабжены композитной бронезащитой. В первые недели войны немало самодеятельных партизан обломались с обстрелом из обычных РПГ и пулемётов вот таких безобидных серых вагончиков. Другое дело, что в арсенале диверсантов уже есть средства вроде того, что сейчас Жук маскирует на крутом склоне откоса, практически врывая тридцатисантиметровый тубус мины в грунт и примазывая всё это... нет, даже знать не хочу, чего он там нарыл как масксредство. Мина,

которую ставит Жук — вспомогательная, она ударит в любой из вагонов, который минует стрелку пятым по счёту, в какую сторону ни пошёл бы состав, по нажатию кнопки. Этот взрыв маскирующий: амеры всполошатся, и у подрывника с прикрытием будет несколько десятков секунд для манёвра. Основную закладку сейчас делать рано, поскольку мы точно не знаем, когда пойдёт нужный нам состав.

Дождь заморосил снова, видимость немного упала, в бинокль я осмотрел подъездную дорогу, которая шла от внешнего кольца ограждения. Именно оттуда должны появиться грузовики, они-то и

послужат сигналом для притаившихся где-то внизу бойцов. Ждать пришлось почти четыре часа, за это время успела начаться и утихнуть тревога по поводу исчезновения патрульных. Свалку усиленно шерстят, мимо меня пронеслись шестеро амеров, бестолково, но добросовестно лазивших по мусорным отвалам. Один даже заинтересовался тем отрезком тропы, где мы прихватили патрульных, и я испытал лёгкий интерес: смуглый парень с круглым изрытым оспинами лицом буквально нюхал землю. Затем солдат поднялся и что-то тихо залопотал капралу, бывшему в этой группе за старшего.

Однако рослый негр, уныло покивав головой и поковыряв носком берца землю, так тщательно разровненную Клещом, только пожал плечами и дал отмашку двигаться вперёд. Смуглянка, как я прозвал смышлёного солдата, тихо выругался и снова стал озираться вокруг, вскинув автомат к плечу. Шаг за шагом амер приближался к тому месту, откуда я начал взбираться на мусорную гору. Не отрывая глаз от прицела, Смуглянка, присев, зачерпнул сначала одну пригоршню земли, потом ещё и ещё. Он нюхал её, пробовал на язык, при этом его внимательные чёрные глаза пристально всматривались в

нагромождения кирпичей и оконных рам наверху. Я подобрался, взяв за рукоять «стечкаря», который, как обычно, вынул из кобуры и положил под руку, чтобы нечаянный случай не застал врасплох. Смуглянка, уже не нюхая землю, держал автомат ровно на линии моего укрытия и готовился выстрелить. Я тоже держал ствол пистолета как раз на уровне левого глаза дотошного амера. Случись что, я сумею опередить его на нужные доли мгновения, чтобы тот даже в конвульсиях не успел выжать спуск. Другое дело, что такого развития событий лучше избежать. Неожиданно амер опустил автомат и присел на корточки. Бормоча что-то

себе под нос, он, зажав автомат между колен, вынул трясущимися руками пачку сигарет и, сноровисто чиркнув зажигалкой, прикурил, заслоняя сигарету от дождя. Окутав себя клубами сизого дыма, Смуглянка поднялся и, в три затяжки добив сигарку до фильтра, пошёл вперёд, где за поворотом уже раздавался басовитый командирский лай, надо думать, того самого негра в капральском чине. Я выждал ещё минут десять, но больше в моём тупичке никто не появился, волна чёса ушла к центру свалки, однако взрыва «сюрприза» я не услышал ни через час, ни позднее. Медленно отпустив ствол пистолета, я погладил

затянутую в самодельный резиновый чехол рукоять. Вот уже двадцать лет я не расстаюсь со «стечкиным»^[89] и за всё это время так и не нашёл старичку адекватной замены: есть пистолеты мощнее, есть легче, но того же сочетания надёжности, убойной силы и комфорта мне так ни разу и не попало. Дальше всё было не так напряжённо, поэтому снова настало рутинное ожидание. Морось немного унялась, видимость по главным секторам чуть-чуть прибавилась. Поисковые команды шарились по территории терминала ещё часа два, но ближе к десяти утра их отозвали, что было косвенным подтверждением начала подготовки к

приёму груза. Тягучее ожидание прервал доклад Ярцева:

— ...Клещ — Вождю! Слышу повозку на три — одиннадцать и тридцать.

Доклад наблюдателя стал неприятным сюрпризом после стольких моментов явной удачи. Стас слышал поезд, который прибудет к одиннадцатой платформе ориентировочно через тридцать минут. Я снова осмотрел все подъездные пути, внимательно прислушался и запросил обстановку у Мелкого. Снайпер сидел выше всех, да и оптика у него сильнее моей:

— Вождь — Ворону, подсвети на раз—два—три!

Когда изобретаешь кодовые фразы, главное, чтобы их смогли вызубрить подчинённые и при любых обстоятельствах эта премудрость не вылетела у них из головы. Поэтому чаще всего я пользуюсь методом не прямых ассоциаций, типа «цвет—цифра». К сторонам света у нас всегда привязаны либо цвета радуги, либо цифры. На этот раз был избран цифровой код, как наиболее простой, к тому же такая кодировка не особо привычна для американцев и их западных коллег, те всё больше любят буквы и цвета. Само собой, дураками амеров никто не считает, просто на перехват, привязку ассоциаций уйдёт время, они даже матерную феню

умудрились правильно понимать. Непробиваемых кодов просто не существует, все это понимают, гонка обычно идёт только на время – оно в нашей работе самый драгоценный ресурс.

– Ворон – Вождю! Нечего считать, цифирь пустая.

– Вождь – Ворону, принял.

Мелкий тоже ничего не заметил, машины могли подойти с восточной части терминала, с наших позиций она просматривается не так глубоко. Но снайпер видит дальше всех нас, и за шесть лет Ворон ещё ни разу не ошибся. На проверку доклада Стаса ушло чуть больше трёх минут, и если ещё через одну я не дам отмашку на

выдвижение основной подгруппы, скрытно установить заряды не получится. Так, надо быстро прокачать ситуацию: транспорта нет, но «шустрил» с облавы на свалке отозвали, поезд идёт под разгрузку по одному из двух путей с усиленной колеёй, но его никто не встречает. Первая закладка срабатывает, только когда Жук нажмёт кнопку и инициирующий микроразряд пойдёт по тонкому, но прочному проводу к затаившейся у стрелки mine, всё предусмотрено.

Группы предварительного досмотра уже прошли во время доклада Клеща, но их задача осмотреть насыпь, точного направления они тоже не показали.

Закладки вроде наших ставятся на достаточном от полотна расстоянии. Досмотрщики вроде тех, что сейчас ушли к складам, раскинувшимся на добрых три сотни метров севернее, их не обнаружат, как пропустили уже заложённую Жуком. Но надо отметить, что амеры тут какие-то особо дёрганные. Обычно в тыловых рейдах всё намного спокойнее. Захватчики, уничтожив все населённые пункты вместе с людьми, чувствуют себя очень вольготно. А тут налицо явные признаки невроза: персонал ходит с оружием, охрана пусть и не слишком умело, но усердно бегает по периметру, без всякой расслабухи.

Пару раз часовые на вышке вели беспокоящий огонь по внешним секторам, что опять же нетипично. Подобное я видел во время довоенных командировок в Афган и Ирак, где амерам жарить гамбургеры и дуть «колу» мешали разного калибра моджахеды. Значит, вот в чём причина: сейчас пройдёт скорее всего отвлекающий внимание порожний состав—ловушка, а потом подгонят и наш «литерный». Напряжение не спало, но уверенности точно прибавилось. Скосив глаза вниз, я пальцем высвободил циферблат часов из—под кевларовой нащёпки: прошло ровно две минуты. Отжав тангенту рации,

отдал приказ:

— Вождь — всем артистам!..
Девятка, девятка, девятка!.. Как
приняли?

Все отозвались практически в
тот же миг, как только я
переключился на приём. Ребята
ждали, готовые в любую секунду
начать действовать, азарт охотника
будоражит кровь, а ожидание, что
там ни говори, жжёт нервные клетки
хуже никотина... или что там убило
лошадь со странными
гастрономическими
предпочтениями? Минут десять
ничего не происходило, только
прошла новая смена иностранных
путьцев, нагруженных своим

инструментом, да проехала пара бортовых одиночных машин к складам. Когда ждёшь чего-то очень долго, начинаешь выдавать желаемое за действительное. Вот и сейчас мне слышался вдалеке паровозный гудок, причем тот самый, наш, ещё из советских времён. Поезда и вся эта тематика — не моё, однако по роду службы на слух я могу распознать до десятка гудков разного типа. Тот сигнал, что я услышал, здесь точно появиться не мог, паровоз — это не локомотив...

— Клещ — Вождю! Слышу повозку на три тринадцать и ноль!

Ярцев сбил начавшие убегать в сторону мысли, сейчас он заметил

состав, который проходит где-то в секторе прямой видимости. Через пару минут доложил Мелкий, он тоже обнаружил «повозку» и уточнил направление. Ребята нервничали, чувствовалось, что они не согласны с тем, как я оценил обстановку. Дабы переключить внимание группы на конкретные задачи, пришлось снова выйти в эфир:

— Вождь — артистам! Каждый режет свой кусок. Два ноля девятка!

Это означало, что только снайпер работает по прибывающему составу, а наблюдатель и подрывники ждут на исходных позициях. Когда решение принято, хуже ошибочной оценки ситуации может быть только

судорожное метание в поисках выгодной тактики. Всегда следует выждать, пока общая обстановка устаканится, чтобы не ошибиться повторно. Состав был точной копией того, который мне показывал на снимках командующий: восемь вагонов, четыре с нужной нам маркировкой на рифлёных серых боках. Локомотив забран бронелистами, стеклопакетов в кабине машиниста нет, поездная бригада для наблюдения использует только камеры, установленные внутри рубки. Состав проплыл к низкой грузовой платформе и остановился. Первая странность: состав не подошёл прямо к

платформе. Он не доехал добрую сотню метров, встав у вспомогательного пандуса. Между перроном и складом глухая стена. Странность вторая: судя по схеме терминала этот склад не имеет прямого подъездного пути от дороги, ведущей к базе, только одноколейную тропинку выложенную квадратами бетонных плит, бортовая машина там не пройдёт. Далее всё замерло, я тронул кнопку запуска сканера радиочастот на коммуникаторе. Он остановился через пару мгновений, выделив интенсивный обмен только на частотах внутренних служб. Никто не стоял у ворот, грузовой транспортный ордер не

формировался где-то поблизости. Состав замер, и внешне вообще ничего не менялось. Время снова как бы остановилось, потянулись долгие мгновения, потом минуты, и так прошло ровно сорок минут. Неожиданно стена склада, обращённая к перрону, медленно стала опускаться вниз. Длинные боковины вагонов состава тоже стали убираться, обнажая бронированные башенки турелей со спаренными роторными автоматическими пушками и специальные укрытия из бронелистов, обложенных с внешней стороны мешками с каким-то наполнителем. Оттуда стали организовано выходить амеры,

чтобы также быстро скрыться в недрах складского помещения. Всего в вагонах сидело по десять бойцов в каждом, офицеров было визуально сложнее выделить, однако, как я понял, на восемь вагонов приходилась почти рота солдат. И это явно не местные вояки, поскольку форма, оружие и эмблемы не совпадали с теми, что имелись в собранных разведданных по району операции. Детали амуниции, этнический состав персонала поезда—ловушки, всё говорило о том, что парни часто воюют. Значит, скорее всего, катаются в этой сложносоставной банке от самого Урала, не иначе. Спустя ещё десять

минут подъехали два джипа и три крытых полутонных грузовичка. Из джипов вышло шестеро солдат, нагруженных инструментами и измерительной аппаратурой, а к грузовичкам шустро подтянулись уже сбросившие часть амуниции приезжие. Низенький азиат что-то чиркнул в путевом листе водилы головной машины и стал указывать своим подчинённым, что и куда грузить. По коробкам стало понятно, что привезли продукты: блоки запаянных в пластик бутылок с минералкой, картонные коробки с консервами и всякое такое. Однако боезапас не подвезли ни через час, ни позднее. Значит, у поезда есть

где-то на линии другой пункт остановки, и он точно недалеко — многоствольные орудия твари жутко прожорливые. Так прошло четыре часа, погода окончательно испортилась, и дождь припустил с новой силой. Видимо, пришло время двигать дальше, потому что в 14.00 всё повторилось в обратном порядке: техники уехали, солдатня снова закрылась в своём хитром бронепоезде, и состав пошёл на запасной путь, откуда его отбуксировали на путь, ведущий в обратном направлении. Так же тихо, как и появился, бронепоезд укатил на запад. Про себя я отметил, что снимков, которые сделал я и

остальные «артисты», вполне хватит для отчёта. Напрашивался любопытный вывод: амеры так серьёзно подготовились, видимо, опасаясь серьёзных проблем на пути следования. Нужно будет особо обратить внимание начразведки фронта, что в глубоком тылу наверняка действуют самоорганизованные группы партизан. Не стоит исключать мародёрство, перед войной было сильно развито множество религиозных и националистических движений. Могут амерам портить кровь и те, кто собирался пережить нападение или глобальный катаклизм в индивидуальных

бункерах, такое тоже было, особенно в средней полосе России. Было много случаев, когда такие вот отряды нападали на небольшие армейские группы оккупантов, но работали неграмотно, несли большие потери и, в конечном итоге, уничтожались специально обученными подразделениями наёмников, которым платили за партизан, как за волчьи уши, — сдельно. Нередко случалось, что партизаны воевали друг с другом и с эмиссарами разведотделов частей наших ОСК. Все попытки наладить координацию действий с регулярными частями пока терпели полный крах. Однако тут я наблюдал

нервозность, времена активности «диких», как мы называли вооружённых гражданских, уже месяц как миновали. Тогда что это значит? Может быть, в районе Кемерово работают другие рейдовики и это они так будоражат местных сидельцев? Но тогда в штабе об этом бы знали и уведомили о пароле на случай встречи и об объектах, находящихся в зоне интересов «соседей». Вот и первая большая загадка, но пусть над ней мозгует чья-то большая голова в штабе...

— Клещ — Вождю!.. Повозка на три-тридцать две!

Так и должно было произойти,

поезд-ловушка проверил трассу и сейчас идёт встречным курсом с настоящим составом. Сканер пискнул, активность переговоров на частотах батальона охраны и постов внешнего кольца охраны резко возросла. Дорога, ведущая к внутреннему КПП, оживилась, и вскоре показался капот головной машины. Охрана засуетилась, сейчас пойдёт сверка документов, пора начинать.

— Вождь — Скоморохам! Спойте душевно.

После короткого подтверждения снова повисла напряжённая тишина. Вернее, как тишина? Амеры суетились как обычно, на частотах

роты охраны и служб обеспечения царил бедлам. Скоро к путям подтянутся группы инженерной разведки, путейцы уже ушли. Вот в этот-то промежуток нам и надо успеть втиснуть своё маленькое мероприятие. Из-за пелены вновь зарядившего дождя видимость снова упала, поэтому весь процесс установки «гостинцев» я контролировать не могу. Силы оптики хватает только на то, чтобы отследить перемещения амеров вдоль перрона двенадцатой платформы, куда должен прибыть наш литерный поезд. Янкесы сейчас заправят конвой на обратный путь, потом снова сформируют колонну и

назначат группы обеспечения движения. Всё это займет минут сорок, почти вечность.

— Ворон — Вождю! Зритель, возможно, не наш... Наблюдаю буханки вместо коробок.

Двадцать минут из отведённых сорока уже прошли, но Мелкий своим докладом снова подбросил неприятные факты по составу конвоя. Выходило, что бортовых машин всего две, а основу конвоя составляют бронированные автомобили, но габариты изделий таковы, что в этих «буханках» они не поместятся. Тут пришлось полагаться на зрение снайпера, но я не думаю, что Мелкий Ворон

ошибся, просто опять в штабе какой-то пробел в информации по целям диверсии. И поделаться-то ничего нельзя: мины уже выставлены, поезд тоже сейчас прибудет. Или всё же ошибся наблюдатель? С его позиции было прекрасно видно, что за машины и сколько их прибыло под разгрузку, в то время как я мог смотреть только на часть путей — полностью я видел только точки отхода. Нет, ход уже сделан, придётся работать дальше. Снайпер должен был поставить ещё несколько «гостинцев», там как раз были складированы бочки с топливом. А после фейерверка я прослежу, чтобы никто парням не мешал уйти со

свалки. Потом сам свалю, пользуясь суматохой, и тогда уже они будут меня страховать у внешнего кольца периметра.

— Вождь — Балагану! Три ноля, три ноля, три ноля!

Снова я почти физически ощутил напряжение бойцов, однако, как и в случае с поездом-ловушкой, все без видимых признаков недовольствия приняли приказ к исполнению. Я снова взглянул на конвой, серая плёнка дождя мешала увидеть чёткие силуэты, однако вскоре машины тронулись, выходя на подъездную дорогу, и когда колонна вытянулась и проползла мимо меня на расстоянии сотни метров, я понял,

что Ворон был прав. Шесть из восьми автомобилей оказались чем-то вроде инкассаторских машин с высокими коробами бронированных кузовов, окрашенных в зелёный пятнистый камуфляж. Однако я привёл сам себе пожалуй наиболее веский аргумент в пользу такой перемены: наши спецы не могут точно сказать, что и как выглядит, описать примерно не значит иметь на руках точный чертёж или хотя бы фотоснимок. Поэтому, сжав зубы, я снова приготовился ждать.

...Прошло ещё полчаса: амеры подгоняли машины к платформе, кроме упомянутых «буханок» подъехал только ещё один «хамви» с

пулемётом на крыше, на бортах джипа была эмблема и сигнатура одного из частных охранных агентств — «Блэкстоун Норд». Машина развернулась таким образом, чтобы при выезде с терминала она могла возглавить колонну. Это уже было совсем не хорошо. По всем правилам, такой груз должны сопровождать, помимо собственного подразделения охраны, ещё и выделенная с базы конвойная группа. При этом в обязательном порядке — армейцы, частники к подобным мероприятиям допускаются крайне редко... да почти никогда на моей памяти, это нарушение их же собственных протоколов безопасности!..

— Скоморохи — Вождю!..

Инструменты настроены... шесть—шесть—шесть!..

Голос Жука звучал глухо, треск статики прерывал доклад, но я всё понял. Подгруппа минирования работу закончила, и теперь бойцы отходят на юго—восток, где прямо под наблюдательной вышкой Ворон прорезал для них дыру в заграждении, оттуда ребята попадут на законсервированную по каким—то причинам стройплощадку. Я же уйду только после того как сниму на миниатюрную видеокамеру сам финал акции, чтобы присоединиться к ним позднее. Трудно будет Мелкому, хотя они в связке с Клещом

вообще словно призраки, это уже проверено.

— Вождь — Скоморохам!..

Принял, антракт.

Амеры снова забегали, снова началась суета.

Теперь вокруг перрона и склада, который, как я теперь знал, используется как казарма, выставили оцепление из военных полицейских и солдат из подразделения охраны терминала. Скоро вдали послышался мощный зычный гудок, и к платформе начал неспешно подваливать состав. Всё внутри меня сжалось в предчувствии, напряжение стало просто непереносимым, аж в висках заломило. В бинокль

разглядеть что-либо удалось только через долгих пять минут, когда состав, словно средних размеров гигантская серая змея, стал выворачивать от стрелочной развилки к перрону. Из джипа вылезли двое — видимо, комитет по встрече. Опять пошли странности: один явно штатский, в нелепых резиновых сапогах и синем плаще с капюшоном, а второй — опять наёмник, с непокрытой головой, в дорогом комплекте защитного обмундирования. Комбез наёмника мерцал полутонами серого, чёрного и коричневого, подстраиваясь под тусклый дневной свет. В левой руке он с небрежностью профи держал

короткий автомат с барабанным магазином на двести патронов. Вытерев влагу с лица, наёмник привалился к капоту машины, напряжённо всматриваясь в ту сторону, откуда шёл локомотив. Его напарник что-то говорил, перекрикивая слышный даже тут шум прибывающего состава, но наёмник только рассеяно кивал. Вся его поза говорила, что прибытия поезда он ждёт с нетерпением...

...Закладки сработали ровно в тот момент, когда последний вагон вышел на прямой отрезок пути. До перрона оставалось метров сорок, четыре искомых вагона с намертво врезавшимися литерами VN90

проходили мимо замерших в оцеплении солдат. Первый, отвлекающий взрыв ударил в предпоследний вагон состава с таким расчётом, чтобы повредить колесо. Состав вздрогнул, вагоны издали протестующий скрежет, скорость резко упала. И в этот самый миг почти беззвучно сработали шесть основных зарядов. В видоискатель я видел только неяркие вспышки и белёсые облачка дыма. В бортах литерных вагонов появились небольшие пробоины. Сквозь дождевую морось они были едва видны. Я приготовился к тому, что кумулятивная струя сейчас вступит в реакцию с компонентами «Плаща»,

но... ничего не случилось. Однако паника уже поднялась, солдаты из оцепления открыли огонь в сторону, где раздался взрыв, взвыла сирена тревоги, рабочая тишина кончилась. Глухо застучали пулемёты на вышках, трассы очередей потянулись к лесополосе и горам мусора, еле различимым с моей позиции. Охрана быстро стала занимать капониры и огневые точки у ворот и на внешней стене, обращённой к тайге, и повороту дороги, идущей на Кемерово, и к авиабазе. Я снова повернул объектив к составу. Тут опять творилось что-то странное: из щелей подорванных вагонов валил густой белёсый дым, проскакивали

языки пламени. Непонятный наёмник орал что-то в автомобильную рацию, озираясь на подъездную дорогу, заполненную бестолково снующими туда-сюда машинами и людьми. С гражданским случилась истерика, его держали двое морпехов из оцепления, силясь не пустить к горящим вагонам. Вдруг обшивка предпоследнего из них словно смялась внутрь, и я услышал глухой хлопок, внутри что-то взорвалось, но герметичные двери устояли, наружу огонь не вырвался. На обещанный фейерверк не похоже, но хоть что-то. К общей суматохе присоединился до боли знакомый вой пожарной сирены. Два красных

автомобиля мчались к перрону, но в головной врезался спешащий куда-то БТР, и образовалась пробка. Тем временем пожар разгорался, теперь уже все четыре вагона чадили так, что перрон и всё вокруг стало заволакивать густым покрывалом, напоминающим химзавесу.

— Бу-у-ум!..

Слева по сектору грохнул ещё один взрыв, и яркое оранжевое пламя взметнулось к небу метра на четыре. В трёхстах метрах возле внутреннего КПП взлетел на воздух временный склад горючего. Это был сигнал к отходу. Я спрятал камеру и стал осторожно спускаться вниз. Следующий взрыв и раздавшийся

после протяжного скрежета глухой удар застали меня уже на земле. Судя по крикам и усилившейся беготне охраны, это был «гостинец», заложенный под опоры наблюдательной вышки. Пробираясь вдоль мусорного хребта на юго-западную оконечность периметра, кроме криков и мелькавших людских силуэтов неподалёку, больше я ничего не заметил. Ход петлял среди нагромождений щебня и целых фрагментов зданий. На моё счастье, патрули сейчас стягивались к месту диверсии, прочёсывание по периметру вовне начнут ещё не скоро. Думаю, это случится минут через десять, а пока...

– Стой, стреляю!..

За окриком, раздавшимся не пойми откуда, сразу последовала короткая автоматная очередь. Пули с чмоканьем ушли в стену, одна отрикошетила от куска бетонной стены и пролетела в миллиметре от моей левой щеки. Краем газа замечаю, что у поворота вдруг выросла невысокая фигура в дождевике, с поднятым на уровень глаз автоматом. Тренированное сознание и рефлексы обогнали мысли на доли секунды, показавшиеся вечностью. Резко припав на колено, разворачиваюсь в направлении выстрела. «Калаш» с удлинённым блямбой глушителя

стволом сам собой повернулся вместе с корпусом и головой вправо, и две пули ушли в пространство под лязг затвора. Перекат влево к следующему участку стены, и контроль. Чисто — противник был один. Не опуская автомат, подхожу к труп и с сожалением вижу, что это мой старый знакомец — Смуглянка. Мои пули вошли точно в правый глаз и переносицу, парень умер прежде, чем успел что-либо почувствовать и осознать. Смышлёный амер, видимо, по собственной инициативе снова сунулся в мусорные отвалы и устроил засаду на перекрёстке, его подвела боязнь убить кого-то из своих. Не крикни он после того, как обнаружил

что-то подозрительное, на его месте сейчас лежал бы я сам. Бегло ощупав себя и осмотревшись по сторонам, замечаю узкий проход, ведущий в нужную сторону, и бегу дальше. Тропинка упирается в узкую щель, в которую с трудом можно протиснуться. Распластавшись по расселине, приставными шагами иду вперёд, каждую секунду моля бога разведки, Михаила-архангела, чтобы она не закончилась глухим тупиком... Есть Бог на небе!.. Впереди аккуратная дыра, гофрированный лист металла кем-то убран, и из темноты два раза мигает красный фонарь. Потом показалась похожая на бревно, поросшее мохом,

рука. В два приёма меня выдернули из щели, и вот я, едва дыша, сижу на корточках среди мотков кабеля и каких-то стеллажей. Напротив, радостно пыхтя, присел Сима:

— Порядок, командир! Все тут, потерь не имеем. Мелкий снова вперёд полез, сейчас проход прогрызает, кипиш знатный поднялся. Как вышка завалилась, янкесы даже стрелять перестали. Те, кто на верхотуре был, все переломались крепко. Не до нас им теперь.

Дыхалка немного сбилась, поэтому я только кивнул, восстанавливаясь. Осмотревшись, понял, что мы оказались внутри

временного склада на той самой замороженной стройке. Спутниковые снимки оказались точны, отсюда к внешнему периметру вела целая сеть траншей, помимо большого котлована, сейчас на четверть заполненного водой. Видимо, не учтя особенностей местности, амеры наткнулись на водоносный слой и прекратили стройку. Нам это на руку, отсюда скрытно добраться до внешних стен вполне реально. Прошло ещё минут десять, шум за стеной сарая не утихал, сирена продолжала выть. Я привалился к стене и на короткий миг прикрыл глаза, из головы не шло это странное поведение начинки литерных

вагонов. Но что сделано, то сделано...

– Ворон – Вождю! Две семёрки ноль, две семёрки ноль, две семёрки ноль!

До выхода в эфир осталось менее часа, поэтому сигнал Мелкого о том, что путь свободен, я воспринял с облегчением. Доложу всё как есть, в любом случае операция прошла без срывов и серьёзных накладок. Поднявшись и сделав остальным знак выдвигаться, я нырнул в низкий лаз под стеной. Машинально отметил время – 15.12, пока всё нормально. Ползком мы преодолели глубокую траншею и, спустившись по склону котлована,

оказались по горло в воде. Осторожно нащупывая дно, я вёл ребят за собой по совершенно открытой с правой стороны местности — сунься сейчас кто на стройку, и мирно всё это не закончится. Небо неожиданно стало светлеть, однако мелкий дождик, словно бы не замечая этой перемены, продолжал неторопливо сыпать небольшими зарядами. Долгих десять минут мы брели в мутной воде, местами доходящей до подбородка, пока не добрались до цементной подушки, которая имела ряд стальных скоб, по которым мы по очереди и взобрались наверх. Там снова забор, и наконец все мы

финишировали в глубокой траншее, соединявшей внешние капониры с огневой точкой, смотрящей прямо в тайгу. Низко пригибаясь мы аккуратно прошли ещё метров тридцать, пока впереди не показалась узкая железная дверь в ДОТ. Я три раза отжал тангенту рации, поскольку голосом тут уже работать рискованно. Дверь удивительно легко приоткрылась, в узкой щели показалась голова Мелкого. Снайпер знаком показал, что всё чисто, и мы один за другим пробрались внутрь. У пулемёта никого не было, в углу кучей лежали трое амеров из дневной смены: похоже, парни даже не успели

понять, что случилось. Довольно скалясь, Мелкий показал стволом винтовки на трупы американцев:

— Всё нормально, командир: минное поле отключено, пульт управления надёжно выведен из строя. Даже если захотят, подорвать не смогут. Вышка тоже подорвана, смогут запятнать нас, только если вертушку поднимут.

— Хорошая работа, товарищи офицеры, — обратился я ко всем. — Теперь уходим в точку три, после устроенного концерта остальные две, скорее всего, окажутся под наблюдением...

В этот самый момент раздался далёкий гул, над тайгой взвился

столб ярко-белого огня и тут же опал. Земля ощутимо дрогнула, и сирена у нас за спиной смолкла, захлебнувшись на полуслове. Жук глянул на свой коммуникатор и, прикинув направление, сказал:

— Это в районе авиабазы шарахнуло. Командир, мы в квадрате не одни?

Я смог только пожать плечами, к фактам нервозности американцев теперь добавился и этот громкий «бумбараш». Мысль о партизанах я отмёл ещё в самом начале размышлений, поэтому в словах подчинённого имеется большой резон. Ставка могла подстраховаться, и разделение задач это совершенно

правильный ход. Однако сейчас нет времени ломать голову, нужно как можно быстрее уходить отсюда.

— Кто и почему так громко выступил, это не наша забота. Клещ, как доберёмся до лесополосы, сразу шифровку о выполнении задачи в эфир. Сима, вы с Мелким идёте на доразведку точки вывода, поэтому руки в ноги и вперёд. Остальные — со мной. Выдвигаемся.

С востока пришла огромная туча, и сполохи пожара над местом взрыва впереди окрасили небо в чернильные и багровые тона. Выйдя с другой стороны, мы переползли за бруствер и вскоре оказались в спасительной тени густого подлеска.

Уходя последним, я бросил последний взгляд на терминал: к воротам выдвинулась большая войсковая колонна из десятка бортовых машин, в воздухе уже висели три вертолѐта — два штурмовых «апача» и один десантный «блэк хок». Развернувшись, винтокрылые машины легли на курс к авиабазе. Кто бы ни устроил там заваруху, теперь на него спустят всех собак. Коллеге, а я не сомневался что это так, я мысленно пожелал вернуться на базу без потерь.

Россия. 7 октября 2011 г. Юго-западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны. 206 километров на юго-восток от предместий г. Кемерово. Отрезок грунтовой просёлочной дороги, 12 километров от опорного пункта трофейной команды «Браво 6», фирмы «Блэкстоун Сауз». 04.15 по местному времени. Партизан Антон «Ропша» Варламов. Ни слова по-русски.

...Бывает так, что когда ждёшь чего-то, кажущегося очень значительным лично для тебя одного, время идёт рывками. Оно или

медленно тянется, словно резина, или вдруг мелькает магниевой вспышкой, как если бы мысль и действие слились в один кратчайший миг. Теперешний скачок был вспышкой, стёршей предыдущие два «резиновых» часа. Я положил трофейный прицел в нагрудный карман «разгрузки» и провел ладонью по ствольной коробке американского короткого автомата, сгоняя мелкие капли воды. Дождь кончился минут десять назад, однако из-за необходимости сохранять неподвижность я избегал лишних телодвижений. В наушнике три раза мурлыкнул тоновый сигнал, конвой уже появился в пределах видимости

передового дозора. Следом глухо зазвучал голос Ирины:

– Здесь Коса. Леший – три, тридцать один. Жёлтый.

Колонна идёт к трофейному складу, как и говорил Матинелли, даже время совпало с тем, что называл итальянец. Сейчас его человек застопорит головной джип и мы начнём. Два раза отжав тангенту, я ответил:

– Три, тридцать один. Леший принял, всем – два но ля один. Жёлтый.

После того, как я выпил отвар который приготовил лесник Чернов, у меня существенно улучшилось и без того неплохое ночное зрение.

Специальных приборов ночного видения в отряде было всего четыре, я не колеблясь отдал их ребятам, предпочитая довериться народной медицине. Вкус у отвара был совершенно обычный для травяного сбора: не ощущалось особой горечи, только слегка щипало глаза. Учитывая специфику предстоящей акции, пришлось полностью нарядиться в натовский камуфляж и переобуться в довольно удобные кроссовки. За прошедшие после налёта на блокпост двое суток прикид успел немного обмяться по фигуре, но на всякий случай я всё простирнул в горячей воде и отбил на камнях, чтобы одежда не казалась

слишком новой. Оружие пришлось выбрать из тех трофеев, что мы взяли при налёте на блокпост наёмников. Я долго примеривался, чего бы взять, и в конечном итоге доверился выбору Нинель, которая посоветовала взять компактный швейцарский «сват»^[90]. Автомат удалось освоить быстро, и особых сложностей не возникло, разве что непривычным было переламывание на две части, да ещё почти незаметная после «весла» отдача. Радовала возможность пользоваться очень удобной коллиматорной оптикой — цель, словно повинуюсь мысленному приказу, сама ложилась в круг с красной точкой, и я попадал именно

туда, куда целился даже на бегу. Вес автомата был тот же, что и у «калаша», поэтому особо не пришлось менять стиль стрельбы. От штурмовой рукояти я отказался после того как несколько раз она выворачивалась из кулака, как бы сильно я ни обхватывал её. Хват за цевьё всё же оказался привычнее. Из всяческих приблуд я выбрал только барабанный полупрозрачный магазин на сотню патронов, который был гораздо удобнее «рожков», или чуть менее искривлённых родных магазинов «свата»^[91], в основном из-за наличия плоского стального основания. Раздражение по поводу того, что новый «ствол» опять был

под нелюбимый калибр, лишь немного омрачило радость знакомства с новым другом. В конце концов, не на базаре: бери что дают, и осваивай. Ещё пара таких же дисков лежала в боковых подсумках. Вместе с запасом гранат и патронов в россыпи я тащил на себе ещё одно самодельное взрывное устройство, которое в случае удачи планировал установить на каком-нибудь амеровском самолёте. Самым большим и искренним желанием было угостить им похожий на огромную жирную летучую мышь «бомбер». В трофейной кевларовой кобуре поместился верный ПБ — несмотря на риск, я не решился

отказаться от надёжного «макарки». Новый, более удобный, чем обычные штатные амеровские жилетки, «броник» не давил на плечи и шею. Даже то обстоятельство, что вместо обычных магазинов я нёс дисковые, сильно движений не стесняло. Как мне объяснила Нинель, эти жилеты ещё совсем новые, и армия их получает ограниченно, но подрядчики снабжают своих служащих довольно неплохо, поэтому подозрений у охраны на КПП экипировка вызвать не должна^[92]. Больше беспокоила не экипировка, а именно неловкость, с которой я носил новую одежду. Это точно бросится в глаза обитателям

авиабазы, а вот трофейный пистолет у наёмника – как раз обычное дело. С помощью Алекса и других бойцов, бывших в отряде с самого начала, мне удалось хотя бы внешне походить на иностранного вояку. Сгладить углы помог Веня, который тоже напросился с нами. Мишка и Семёныч изображали сербов, тот же Веня выписал им на бумажку несколько фраз и ругательств из разговорника, чтобы они отбили охоту заговорить с ними у кого-либо из персонала базы. Приятель после ранения только-только оклемался, однако оставаться в отряде, когда я иду на большое дело, он наотрез отказался. Алекс, Ирина и Сергей,

напротив, чувствовали себя более уверенно — хорошее знание американского разговорного и раскованная манера поведения позволяли надеяться, что уж их-то точно никто с ходу не расколется...

Справа послышался отдалённый гул моторов, потом по дороге, разбрызгивая грязь, промчался броневедомо, а следом ещё три грузовика. Я перевёл взгляд влево, чтобы подробнее рассмотреть конвой. Все три бортовых машины шли легко, в закрытых тентованных кузовах, скорее всего, ничего не было. Сколько человек сидело в кабинах, разглядеть не удалось из-за глухих бронешитков с узкой

горизонтальной смотровой щелью. Спрятав прицел в боковой карман брюк и левой рукой отжав тангенту рации, даю длинный тоновый сигнал готовности левофланговой штурмовой группе. Участок грунтовки, в который конвой наёмников уже втянулся, шёл с небольшим подъёмом вверх, так что машины снизили скорость. Скоро должна сработать оговоренная раньше уловка. В наушнике раздался разбавленный лёгкой статикой помех глухой голос Ирины:

— Коса — Лешему, три ноля шесть! Зелёный.

Девушке вторил хрипловатый шёпот Мишки, приятель работал с

ней в паре, чему сначала вроде бы не обрадовался. Однако после некоторой пикировки и пары проигранных девушке состязаний Михась признал, что не он один знает, с какого края стреляет винтовка. В конце концов они спелись и на дело вышли в паре.

— Рысь — Лешему, дубль. Зелёный.

От дороги слышался визг тормозов, моторы вразнобой взревели и затихли. Потом ветер донёс громкие, но неразборчивые голоса людей. Я стал подниматься, давая знак Варенухе идти следом. Бывший водила смотрелся браво в американских шмотках, однако в его

случае нам пришлось повозиться, пока Сергей не научил Варенуху обращаться с американским пулемётом, в просторечии именуемым «пила». Семёныч держал импортный «ствол» словно игрушку — в его руках довольно массивный пулемёт выглядел как короткий автомат в моих. Ещё он нацепил форменное кепи козырьком назад, а глаза его теперь прятались за стёклами тёмных солнцезащитных очков — «капель». Сей аксессуар он стащил уже давно, прятал трофей где-то в вещах и вот теперь решил дополнить им образ западного человека, каким он видится обычному российскому

дальнобойщику. Я не возражал, тем паче что очки Семёныч снял с врага, подобного которому сейчас придётся изображать. Вообще, с подготовкой захвата возникло много мелких проблем: например, бесшумных пистолетов было только два на весь отряд. Да и то Варенуха сберёг свой ПБ случайно, по куркульской привычке положив его вместе с каким-то личным хламом в рюкзак. Бывший водила научился им пользоваться вполне прилично, однако с пулемётом у него выходило лучше. Остальные работали с бесшумным пистолетом значительно ловчее, Семёныч же боялся безоружного боя, сказывались

последствия того давнего случая с пленным поляком. ПБ — очень специфическое оружие. Из-за «тихаря» его боеприпасы имеют невысокую пробивную силу, часто палить тоже не выйдет из-за нередкого «утыкания» пуль в мембрану «тихаря». Поэтому целиться и стрелять нужно очень точно. Однако тут возникает другая проблема — дефицит опытных, обстрелянных бойцов, а Семёнычу я верю. Пришлось переделать план таким образом, чтобы близкий захват работали Алекс и Сергей, а Варенуха шёл со мной к тем, кто будет сидеть в закрытых машинах. Вот теперь он шел сзади, и я надеялся, что в

нужное время всё получится как надо. Мы ещё некоторое время шли вдоль дороги и снова остановились, лишь когда с вставшим конвоем нас разделяло метров двадцать. Грузовики стояли с урчащими на холостом ходу двигателями, никто из водителей двух крайних машин на дорогу не вышел. Впереди у джипа сустились трое: долговязый грузный мужик с бритой наголо шишковатой башкой, на вид лет сорока, и двое похожих, словно братья, чернявых парней чуть помладше. Долговязый тыкал указательным пальцем в капот джипа, куда один из двух «братьев» то и дело нырял на короткое время. Я махнул Варенухе рукой, указывая на

кузов крайнего грузовика, сам же, не оглядываясь, двинулся к кузову второй машины. По опыту первого угона импортного грузовика я знал, что водители часто открывают в кабине бронештору, заменяющую стекло заднего обзора, когда кузов забран тентом. Так и видимость защиты сохраняется, и вентиляция какая—никакая.

Встроенный кондиционер там совсем слабый, это я тоже знал из первых рук. Рывком забравшись в пустой кузов, я осмотрелся: шторка действительно приоткрыта, оттуда тянуло сигаретным дымком, слышался негромкий разговор. В полуприсяде я пробрался вперёд и заглянул в кабину

через открытую на две трети заслонку. Водитель только что нагнулся, чтобы прикурить новую сигарету. Чернокожий пассажир громко рассказывал какую-то похабную, судя по выражению лица, историю. Я вынул пистолет и правой рукой дал сигнал тоном рации к началу захвата. Первая пуля досталась в основание черепа водителю, который как раз в этот момент уронил зажигалку и наклонился за ней под рулевую колонку. Мёртвое уже тело пронзила судорога, негр, сидевший рядом, тоже наклонился влево, чтобы помочь приятелю. Я выстрелил ещё раз и попал наёмнику под ухо, пуля

вошла в череп под углом, но так и осталась внутри. Человек беззвучно повалился на водителя и замер. Снаружи было тихо, пока вдруг не треснул повторенный лесным эхом одиночный автоматный выстрел. Сразу после этого ожила рация, слышался срывающийся Мишкин голос:

— Леший, ситуация «три». Сектор чист.

Это означало, что у нас уже есть потери. Вернув пистоль в кобуру, я выбрался из грузовика и пошёл к головной машине. Там всё выглядело, как и планировалось: долговязый, бывший тем самым подельником Матинелли, сидел на земле,

прислонившись к боку машины и зажимая дыру в простреленном плече, а двое чернявых «братьев» валялись слева на дороге у всё ещё открытого капота джипа. Алекс и Сергей чётко отработали, судя по положению трупов, им удалось убрать обоих трофейщиков одновременно. Алекс уработал своего ножом, Сергей же просто свернул иностранцу шею приёмом, которому я обучил всех, кто прошёл отбор в группу. Навстречу мне вышел Михась, держа своё любимое ружьишко стволом вниз, капюшон лохматой накидки он откинул, взгляд был пустым.

— Ан... Ропша... Семёныча

наглухо завалили. Там он, у второй машины...

Новость не сразу дошла до сознания, на короткий миг стало темно в глазах. Внешне спокойным голосом я приказал:

– Стереги иностранца, да кинь ему какую–нибудь ветошь, а то кровью истечёт, как свинья. Я пойду посмотрю.

Перейдя на другую сторону дороги, я увидел, как Сергей с Алексом, оттащив массивную тушу бывшего водителя, снимают с безвольного тела «броник», распарывают куртку. Но даже издали было видно, что Варенуха мёртв: кожа бледная, а от пассажирской

дверцы грузовика тянется густой кровавый след. Я подошёл ближе, присел возле покойника и, отведя руку Сергея, бросил сквозь зубы:

– Не надо ничего, холодный он. Как всё вышло?

Пулемётчик встал и, поведя массивными плечами, как бы сбрасывая напряжение, стал обстоятельно излагать:

– После сигнала всё ровно шло. Мы с Саней нахватили тех двоих, у джипа, никто даже пикнуть не успел. Бритый увалень нам даже помог – выбил пистоль у Саниного «крестника», когда тот ногами засучил. Потом Ирка шмальнула лысому в плечо, тот сел... Я уже

хотел приборку делать, а тут выстрел от машины. Саня первым подскочил, но поздно. Амер недостреленный был, на последнем вздохе выстрелить успел...

Я кивнул: рана говорила о том, что пуля прошла над верхним срезом «броника», крутанулась, отскочив от ребра, и порвала артерию. Смерть наступила почти мгновенно. Лицо его, с заострившимися чертами, было искажено предсмертной судорогой. Он словно хотел вздохнуть ещё раз, но кусок горячей стали помешал. Было понятно, как это произошло: Варенуха открыл дверь, наклонился, чтобы выволочь труп из кабины, а тот выстрелил в первого, кого увидел.

Невезуха. Я встал, затем нащупал за клапаном левого нагрудного кармана окровавленной куртки Семёныча красную звёздочку, какие мы носили с того памятного налёта на аутпост, и, бережно отцепив её, спрятал к себе в самошитый кожаный мешочек, который с недавних пор носил на шее. К двум простым звёздам цвета хаки теперь прибавилась одна, красная. Двое часовых там, у южной тропы, теперь вот почти ставший родным старик, потерявший всё. Бойцы, между тем, уже выволокли трупы амеров из кабины грузовика, Алекс стоял возле меня с куском камуфлированного брезента, видимо, найденным при обыске. Вместе мы

завернули тело Варенухи, туго спеленали его, перемотав верёвкой.

– Возьмём Семеныча с собой, похороним по пути на авиабазу, там есть место хорошее, ему бы понравилось. Расклад такой: сейчас быстро разбираемся со жмурами, потом всё по плану. Погнали, аллюр три креста.

Тоном дав сигнал к общему сбору, я взялся помогать парням. Вскоре все шесть тел были прикопаны в полусотне метров от дороги, где мы загодя отрыли широкую траншею. Затем все разместились по машинам, и колонна двинулась вперёд. Мы с подельником Матинелли ехали в

джипе. Я немного неуверенно вёл импортную машину, однако не скажу, чтобы было стрёмно — машина хорошо шла по колее, даже почти не трясло. Итальянец матерился сквозь зубы, прижимая к ране набухший кровью перевязочный индпакет. Но глаза лысого наёмника всё же выдавали его радость. По уговору с ним мне пришлось отстегнуть долговязому венгру из нашей разбойничьей кассы полтора «куска» иностранных денег в качестве задатка. Рана, к слову, получилась страшной только на вид — Ирина постаралась на славу, и пуля прошла навылет, не задев кость и крупные артерии. Чаба, как представился

наёмник, довольно сносно говорил по-русски. Однако без необходимости я даже не смотрел в его сторону, и всё оставшееся до аутпоста трофейщиков время мы ехали молча. Только раз я приказал венгру включить автомобильную радиостанцию на сканирование армейских частот, чтобы попробовать разобраться в текущей обстановке. Веня серьёзно поработал над дешифровкой кодовых таблиц захватчиков, поэтому я был более-менее в курсе всех местных дел, когда наша колонна подъехала к шлагбауму перед противоминным лабиринтом у ворот аутпоста. Все, что мы слышали, было обычной

перекличкой редких в это время суток транспортных конвоев, да перебранкой командиров и дежурных операторов сети блокпостов в районе кемеровской транспортной развязки дальше и восточнее. Я посигналил, Чаба крикнул что-то на своём языке в темноту, и в тот же миг впереди вспыхнул мощный прожекторный фонарь. Хриплый голос проорал в ответ по-английски с незнакомым мне акцентом:

— Чаба, это ты, ублюдочный чешский засранец?! Какого хрена вы не остались в Джинджер Браво? Вот лейтенант Гиббс не знает, как вы подставляетесь...

Вскоре к нам вышел средней

комплекции наёмник, основательно упакованный во всё, что надо и не надо: шлем в чехле и с блямбой ноктовизора, поднятого сейчас на лоб, бронежилет с пристёгнутым «фартуком» паховой пластины. Он казался вспухшим от плотно напиханных в нагрудные под сумки автоматных магазинов. На левом бедре — внушительных размеров револьвер в открытой кобуре, а на грудь с правого плеча свешивался нож в причудливом металлическом чехле. В руках часовой держал автомат оснащённый подствольным гранатомётом и кучей прицельных приспособ. Кроме того, мужик напялил на себя защитные

наколенники и налокотники, отчего смотрелся даже забавно. Станный наёмник включил небольшой, но мощный фонарь, и направил его сначала на нас, а потом узкий луч пробежался по колонне. Круглое лицо часового со стиснутым туго затянутым ремнём шлема небритым двойным подбородком нахмурилось. Маленькие светлые глазки сощурились, почти скрывшись под набрякшими веками. Он уже что-то собирался сказать глядя прямо на меня, однако Чаба зло оборвал бдительного стража ворот, жутко коверкая английские слова:

— Поднимай эту чёртову палку вверх, Харрис. Меня подстрелили, и

если ты не перестанешь
выдрючиваться, то я сейчас выйду из
тачки и натяну твои пороссячи зенки
на твою же толстую жопу! И я венгр,
а не чех, тупой ты засранец!..

Часовой попятился и даже в
сумерках я увидел, насколько
бледным стала его физиономия.
Ворча что-то неразборчивое, погасил
фонарь и отступил из конуса света.
Полосатая палка шлагбаума поползла
вверх, чуть дальше впереди вспыхнул
жёлтый свет, осветивший
отъезжающую влево створку ворот. Я
тронул тангенту рации, дав сигнал
приготовиться. Следуя указаниям
Чабы, я завёл джип на просторную
площадку, закрытую сверху

масксетью. Следуя разметке, нанесённой жёлтыми белилами прямо на лишённую травы землю, мы припарковались. Остальные три грузовика заехали на площадку и встали чуть левее, метрах в трёх. Я проверил, как пистоль выходит из кобуры, повернулся к наёмнику и спросил по-английски:

— Кроме этого хомяка, сколько ещё народу в периметре?

Чаба ответил на том же языке, но уже тщательнее выговаривая слова, чем пять минут назад:

— Только двое. Один у трофейного склада, в карауле, а второй, скорее всего, смотрит видео в казарме.

— Ну, тогда пошли, проверим амбар, веди.

Включив рацию на запасную частоту, я вызвал вторую группу. Чтобы не вызвать подозрения у часовых, мы разделились, и ещё семеро бойцов, которых вёл Николай сейчас должны были подходить к аутпосту с юго-востока.

— Леший — Новiku, ноль—два. Красный. На приёме.

Пришлось вызывать ещё раза три, пока недавно повышенный новичок не отозвался как положено. Голос его звучал тихо, но связь была устойчивой:

— Новик — Лешему, ноль — один. Зелёный.

Я дал тоновый сигнал о начале зачистки. Мы с наёмником отошли от стоянки и направились к складу по дорожке, выложенной дощатыми, плотно пригнанными панелями, как позади слышался знакомый голос:

– Эй, Чабба!.. погоди, вроде я не знаю этих парней! Они все из Джинджер?..

Нас догонял сдвинутый на милитаристской теме, упитанный «вратарь» Харрис. Однако сейчас у меня уже кончился отведённый на случайные задержки запас терпения. Придержав венгра за рукав, я дождался, когда амер войдёт в тень, отбрасываемую длинным щитовым бараклом, по-видимому, служившим

конторой. Как только Харрис оказался на расстоянии вытянутой руки, я шагнул ему навстречу и без замаха вогнал ему под подбородок клинок. Широкое жало полностью скрылось в ране, глаза оборванного на полуслове часового медленно потухли. Испустив шипящий вздох, он стал оседать на землю. Подхватив тело, мы с венгром оттащили его подальше в тень, прислонив возле стены барака за штабелем каких-то ящиков. Теперь его не было видно от дороги, а от обзора с единственной вышки тело скрывали ещё довольно густые предрассветные сумерки. Отряхнув руки, наскоро очистив клинок от крови и спрятав его в

рукаве, я вынул пистолет и, жестом показав венгру в сторону дорожки, пошёл вперёд. Чаба только сплюнул в том направлении где лежал труп и пробормотал:

— Жирный янки давно напрашивался. Ещё неделя вместе, и я сам бы пристрелил эту высокомерную сволочь.

Я только пожал плечами, мелкие дразги импортных людей мне безразличны. Равнодушным тоном ответил:

— Ну, тогда твоё желание исполнилось... Теперь пошли, время — деньги.

Склады были расположены по стандартной схеме, я понял это ещё в

тот раз, на разгромленном «блоке» наёмников. Матинелли передал схемы обороны авиабазы и этого аутпоста трофейщиков, помня о том, что для налёта на такой серьёзный объект нужно много оружия. Поскольку итальянец теперь ведал снабжением, он точно знал, как и когда пополняются промежуточные пункты хранения трофеев. Большая партия российского оружия и боеприпасов как раз поступила на несколько складов, откуда всё на грузовиках должны были перевезти во временные хранилища авиабазы. Доставка планировалась на семь утра, так что подельник итальянца попросту смухлевал с путевыми

листами и лишний раз сгонял грузовики на дальний укреплённый пост Джинджер Чарли. По дороге оттуда мы и подстерегли порожний транспорт. Сегодня, под видом группы охраны трофеев и с выправленными Чабой документами, проникнуть на авиабазу и даже пройти на оружейный склад стало реально.

У площадки возле складов на первый взгляд никого не было. Оба ангара размещались внутри ещё одной ограды – сетчатого забора со спиралью «колючки», пущенной по верхнему краю. Створка ворот была закрыта, будка охранника пустовала. Венгр присвистнул, вглядываясь в

пространство между бочкообразными стенами ангаров. Только теперь я уловил слабый, но такой знакомый запах. Часовой выскочил из тени и поспешил в нашу сторону, свет от фонаря над будкой позволял довольно неплохо его рассмотреть. Среднего роста, смуглокожий парень лет двадцати. Вместо традиционного автомата этот любитель дурмана таскал на спущенном почти до бедра ремне укороченный «ремингтоновский» дробовик. Подняв на моего сопровождающего мутный от гашиша взгляд, он проговорил по-английски:

— Чэб, старик... я реально чуть измену не словил! Сволочуга Харрис

час назад врубил сирену, когда увидал за оградой местную свинью... или это был олень? Короче, я пойду... мне надо расслабиться. И это, не зови пока: ведомость в «караулке», мою закорючку только поставь, где надо, и всё.

Уходя, парень отработанным движением залез рукой в открытую на треть «кормушку» приёмного лотка в своей будке. Тут же зажужжал электромотор, и створка ворот поехала влево, путь к складам был открыт. Чаба махнул рукой в сторону складов, торопливо шагая к двери крайнего слева от нас:

— Когда Санчес дежурит, код на дверях обоих складов всегда один и

тот же – 2233. Его лежанка у самого забора, там же он прячет кальян и запасы дури.

Отвращение и злость, которые мне удавалось с трудом удерживать всё это время, подсказали, как следует поступить с наркоманом. Я вынул из ножен на поясе простой армейский нож, который прицепил с остальной импортной экипировкой, чтобы всё было как положено. Перехватив его за клинок, протянул венгру рукоятью вперёд:

– Он свидетель, иди и убей его. Только тихо.

Реакции на такое предложение ждать не пришлось: наёмник безразлично кивнув, взял нож и

быстро зашагал к проходу между складами. Я тронул тангенту рации и запросил Михася:

— Рысь, свет на четвёрку. Если динамит — глуши гостя.

Мишка маякнул тоном рации, что приказ понял. Я уже собрался набить код на складской двери, но тут слева и сзади раздался сначала приглушённый крик, а затем сухо защёлкали вразнобой сразу три ствола. Инстинкты опередили сознание, как это бывает в момент опасности: мгновенно сместившись влево и вниз, я припал на одно колено и вскинул автомат к плечу, развернувшись в сторону перестрелки. Мгновенно перед

мысленным взором возник план—схема аутпоста: стреляли от второго жилого строения, где размещался командный состав. Согласно данным наёмника, сейчас там вообще никого быть не должно. Тут же ожила рация, доклады следовали один за другим.

— Волшебник — всем: бегун на три часа! Пятьдесят, северо—восток.

— Коса — Лешему! Красный по секторам, цель блокирована строениями!..

— Бык — Волшебнику! Бегуна не вижу!..

Кто бы ни прятался в здании, его следовало отыскать очень быстро. Вызвав всех по рации на общей частоте, я приказал:

– Леший – подгруппе зачистки! Работаем по четвёртому варианту, расчехлить маяки. Бык и Волшебник – чёс на север и северо–восток. Коса – прикрытие. Рысь – работа по своей задаче, не отвлекаться!..

Я сменил позицию, взобравшись на штабель из каких–то тарных ящиков, составленных в куб. Теперь крыши всех немногочисленных строений оказались на пару метров ниже. Обзор получился неплохой, однако с востока тент автостоянки перекрывал вид на дорожку, ведущую к воротам. Несколько раз бойцы докладывали, что беглец не обнаружен, Ирина молчала, но я каким–то шестым чувством уловил

ярость и бессилие девушки. Вдруг порыв налетевшего ветра приподнял край тента над крайним справа от меня углом автостоянки, и я увидел скрючившуюся у стеллажей с покрывками тёмную фигуру. Без резких движений отложив автомат, я вынул трофейный прицел и всмотрелся в то, что принял за фигуру человека. Фигура не шевелилась, но я заметил лёгкое облачко пара, потом ещё одно, и ещё. Нужно удостовериться, что это и есть наш бегун. Вызвав ребят, я шёпотом произнёс:

— Леший — подгруппе. Всем стоп. Возможный контакт на семьдесят, юго—восток. Обозначить

себя!..

Фигура не шелохнулась, даже когда последовали доклады от Алекса с Сергеем — каждый выполнил приказ, обозначив себя согнутой в локте левой рукой, сжатой в кулак. Взяв автомат, я передвинул флажок предохранителя в положение стрельбы одиночными и, выцелив верхнюю треть фигуры плавно выжал спусковой крючок. Выстрел получился громким, отозвавшись по округе скупым эхо. Фигура дёрнулась, поплыла. Сопровождая цель, я выстрелил ещё раз, но всё осталось без изменений. Не отрывая взгляда от потерявшей правильные очертания фигуры, замираю и жду.

Вдруг рядом возникло какое-то движение и в следующий миг показалась часть бедра с белой повязкой над коленом. Рация доложила голосом Сергея:

— Бык — Лешему, отбой. Бегун на ноль помножился. Чисто.

Тут же последовал доклад от Михася, приятель сообщил, что венгр не схалтурил и честно прирезал нарка-часового. Как бы в подтверждение его слов, к штабелю, где я стоял, подошёл Чаба. Долговязый наёмник уже успел перевязаться как следует, повязка небольшим бугром выпирала из-под воротника куртки. Некоторая заторможенность давала простор для

предположений по поводу обезболивающего, которым он укололся. Однако в целом он выглядел неплохо, что собственно и требовалось в ближайшие пару часов. Я спрыгнул вниз и принял у наёмника уже чистый, но слегка влажный нож. Спокойным голосом венгр сказал:

– Всё сделал. Этот мудака даже не понял, что случилось. Не думай, что это было легко, я не любитель резни.

Слова наёмника прошли мимо моего сознания, этот человек был мне совершенно безразличен. Я молча кивнул, забрал нож и сунул его в ножны на поясе.

— Хорошо, теперь давай закончим работу. Открывай арсенал, ищи пластиковую взрывчатку и одноразовые гранатомёты. Я пойду в второй ангар, нужно прибавить пару шансов к тем, что мы уже имеем. Потом всё как намечено.

Набрав простую комбинацию цифр и едва дождавшись, когда сработает замок, я рванул дверь склада вправо. Внутри сразу вспыхнули лампы дневного освещения, пахнуло деревом, оружейной смазкой и железом. На ходу я вызвал вторую группу и дал сигнал выдвигаться. От входа раздался рык дизелей, ребята подогнали два первых грузовика.

Указав подошедшему Сергею на два верхних стеллажа у правой стены, я приказал:

— Судя по маркировке, там лежит хороший «станкач», его надо погрузить в первую очередь. С «утёсом»^[93] приходилось работать?

— Только на полигоне, когда сборы институтские проходил.

— Ничего, вполне возможно, что хорошее умение и не пригодится...

От двери слышались голоса, вошли ещё двое бойцов из прибывшей только что группы Новика. Оба были одеты в импортную полевую форму, уже с нашивками «Блэкстоун» прикреплённом на «липучку» у

верхнего среза бронежилетов. Указав парням на копошащегося у стеллажа Сергея, я вышел на улицу и присоединился к ещё одному бойцу из второй группы – Алику Сомову. Они с Волшебником уже укладывали бруски пластита на дно оружейных ящиков, которые предстояло везти на базу, как готовые к отправке трофеи. Взрывчатка укладывалась в укупорки с автоматами, солидный запас шёл на дно ящиков с боеприпасами. Каждый гостинец Алекс оснастил простейшими электродетонаторами, работающими по принципу остаточного питания. Проще говоря, вместо ненадёжного таймера используются полуразряженные

«пальчиковые» батарейки. Пока заряд есть, работает реле замедлителя, когда он иссякнет, происходит подрыв бомбы. Обычный таймер на основе начинки сотового телефона или часового механизма может сбить обратный отсчёт — пойти быстрее, начать отставать, и тогда кранты. Опытным путём сапёр подобрал шесть пар аккумуляторов, чей заряд истекал через тридцать минут. Плюс–минус десять секунд в разных заготовках определяющим фактором не будет. Когда наши ящики окажутся в заглублённом хранилище, склад стартует на орбиту, это совершенно точно. Ещё через час вся найденная взрывчатка была

размещена в двенадцати ящиках с оружием и боеприпасами. Особую надежду я возлагал на те «гостинцы», которые сейчас мирно лежали в укупорках со ста двадцатимиллиметровыми гаубичными снарядами. Эти точно не подведут.

Приготовления мы закончили, когда небо сменило оттенок и из синевы постепенно стали уходить оттенки чёрного. Отогнув клапан над циферблатом часов, я увидел светящиеся цифры: 06.12. Включив рацию, запросил снайперов:

– Коса, Рысь – здесь Леший, на связь!

Сначала отозвался Михась. В

голосе приятеля я уловил тревожные нотки:

– Рысь – Лешему, по секторам «зелёный».

Затем хрипло с провалами вышла в эфир Ирина. Её голос звучал бесстрастно, иногда мне трудно определить настроение девушки даже лицом к лицу, что уж тут говорить о фразах, брошенных по плохой связи:

– Коса... Лешему... «зелёный».

Пока всё шло по ранее проработанному сценарию. О смерти Варенухи я старался не думать – пока вражеские самолёты взлетали с авиабазы, всё личное оставалось где-то на периферии сознания. Помогала

давняя привычка не сближаться даже с теми, кто по общепринятым стандартам мог считаться больше, чем просто знакомыми. Когда смерть ходит рядом, время от времени заглядывая то прямо в лицо, то, уводя с собой в небытие тех, с кем только что делил очередной пуд соли, учишься быть отстранённым. Если каждый раз рвать душу, скоро от неё останутся жалкие лохмотья. Для меня лично проще не узнавать человека слишком близко, тогда не так остро ощущаешь потерю. Но всё равно каждая смерть братьев по оружию оседает где-то там, на дне души. Время от времени ловлю себя на мысли: а вдруг однажды случится

так, что этот груз просто не получится сдвинуть с места...

— Ропша, мы всё погрузили, выключатели каждой мины выведены в дырку под верхней планкой боковой крышки ящика. Механизм активируется незаметно, во время перегрузки на транспортёр уже на базе.

Алекс перебил тяжёлые словно жернова мысли, помимо воли ворочавшиеся у меня в голове. Бывший турист, как и подавляющее большинство новобранцев, всё ещё слабо понимал последствия наших приготовлений. Да, они побывали в бою, убивали сами, однако чтобы до конца проникнуться ситуацией, в

которой мы оказались, нужно гораздо дольше оставаться в живых. Вдруг вспомнилась легенда про лодку Харона, когда каждый оплачивал дорогу в царство теней только в один конец. И пусть вместо лодки у нас грузовики, суть та же. Перехватив автомат в левую руку, я только хлопнул парня по плечу:

– Добро. У нас сорок минут, чтобы заминировать тут всё. Я возьму двоих и начну у казарм, ты с Новиком и Серёгой – берите склады. Всё, время дорого.

Ничего хитрого мы не планировали: три фугаса, где роль основного заряда выполняет осколочный снаряд. Во время

прошлой акции я лично погрузил три увесистые «чушки» и потом с предосторожностью поручил бойцам Новика доставить их к месту встречи. Два поставим на складах, один возле склада горючего. Все три сработают с задержкой в три минуты после того, как кто-нибудь решит открыть главные ворота аутпоста. Ну, и, само собой, неприятность ожидает того, кому повезёт избежать главного сюрприза и он, добравшись до основного устройства, попробует сдвинуть его с места. Как ни странно это прозвучит, но сам процесс минирования мне всегда нравился. Повалив одну из бочек с горючим на бок, я ножом проделал в крышке и

днище несколько отверстий. Часть топлива тут же начала выливаться на землю, но внутри его останется где-то две трети. Взрывная волна выбьет крышку и дно, горючка выплеснется точно вдоль дороги, ведущей от входного шлагбаума. Искры воспламят бензин, но не сразу, а только когда отражённой тягой основного взрыва разобьёт остальные восемь бочек с топливом. Тут есть и соляра, поэтому загорится знатно. Я уже заканчивал, когда от созерцания проводов меня отвлёк гул двигателей и близкий голос Чабы:

– Всё готово, босс!

– Хорошо, проезжайте вперёд, я скоро догоню.

Колонна отъехала метров на двадцать вперёд по дороге, серые сумерки, окончательно истаяв, уступили место холодному осеннему утру, туман плотной завесой окутал деревья. Даже габаритные огни замыкающей машины едва виднелись впереди. Осторожно захлопнув створку ворот, я успел увидеть, как из кустов слева вынырнули и пропали в кузове две фигуры в лохматых маскировочных накидках. Теперь всё... Все кто остался, были в сборе. Бегом нагнав головную машину, я вспрыгнул на переднее пассажирское сиденье, хлопнул по колену торчавшего сверху за пулемётом Алекса. Он настоял, чтобы на всякий

случай мы поставили на турель пулемёт, и я не стал возражать. Чабба, не спрашивая разрешения, вынул зубами из мятой пачки сигарету и прикурил от термитной спички, зажжённой о ноготь большого пальца руки. Дым защекотал ноздри, я вдохнул давно забытый аромат и, откинувшись назад, закрыл глаза: вспомнился вечер перед тем, как мы покинули пещеры, может быть, последний раз.

...В палатке, как всегда, царил полумрак, разгоняемый только светом пары лампочек, распространяющих дрожащий жёлтый свет не дальше вытянутой руки. Совещание по поводу

предстоящей акции затягивалось, слишком сильны были в тот момент разногласия между нами. Нет, вопроса о том, стоит или нет идти на базу, не стояло. Все с определённым энтузиазмом восприняли моё сообщение, что это осуществимо. Спор разгорелся вокруг численного состава групп, мало кто хотел остаться в пещерах. Ребята спорили, выдвигая порой даже такие смешные аргументы, как кто кого и на сколько лет старше. Я не вмешивался, зная, что возьму с собой только показавших себя в ближнем бою. Всматриваясь в бледные от усталости и постоянного напряжения лица с горящими азартом глазами, думал о

том, сколько пар глаз мне придётся закрыть уже через полные сутки. Молодость не верит в смерть, даже когда видит или творит её своими руками. Взгляд снова и снова задерживался на фигуре нашего командира. Лера сидела очень тихо, не принимая участия в обсуждении с того самого момента, как ей стал ясен очевидный исход акции. Серо-зелёные глаза её блестели в тусклом свете, и лишь однажды наши взгляды встретились. И в очередной раз я не смог ничего прочесть, угадать в них, кроме явно проступившей тоски. И вот сейчас мы снова натолкнулись друг на друга, но девушка, не смутившись, подалась к карте,

выведенной на экран ноутбука, стоявшего на камне, заменявшем стол. Тихим, но твёрдым голосом она обратилась прямо ко мне, уже не отводя взгляда:

– Тихо всем!.. Ропша, давай ещё раз, и теперь уже подробнее. С учётом того, что акция запредельно рискованная, я хочу знать шансы группы уйти после взрыва.

Не этого я ожидал, однако пришлось оставить интуицию при себе, тем более, что с девушками она редко когда срабатывала и в мирной жизни. Взяв со стола ошкуренный прут, заменявший указку, я снова принялся объяснять:

– Шансы есть, но их не так

много. Первая подгруппа грузит ящики и активирует основные заряды, вторая проходит к запасным полосам аэродрома и пытается найти подход к самолётам и топливному складу. Потом собираемся возле насосной станции и организовано отходим через южные ворота. Взрывы произойдут под землёй, к тому времени мы успеем отойти на приличное расстояние. Ударной волной если и зацепит, то только слегка. Осколки – другое дело, но тут уж как повезёт...

– А если амеры что-то заподозрят?

– Тогда вариантов только два: прорыв за периметр или отход в

укреплённую точку на территории базы с целью отвлечения внимания. В первом случае прорываемся к воротам и уходим в лес, во втором... Во втором трое занимают позиции в здании насосной станции, оно собрано из армобетона и довольно удачно расположено. К тому же там есть несколько сервисных тоннелей, по которым основная часть группы уйдёт к внешнему оборонительному кольцу и сможет уйти за периметр. Прикрывать останусь я и двое добровольцев, больше там никто не нужен. Здание небольшое, его можно удерживать минут сорок, если амеры не подтянут тяжёлую технику. Нас захотят взять живьём, поэтому

полчаса у отступающих точно будет.

Говоря это, я снова украдкой окинул взглядом тесный полукруг собравшихся. Возбуждение

потихоньку стало уступать место осознанию опасности, которая нас ожидает. Задор исчез, глаза погасли, куда-то спрятались бравые улыбки парней. Даже Алекс уже не хохмил, его бравое «Войдём и выйдем — как два пальца» растворилось в тревожном перешёптывании. Я щёлкнул клавишей, изображение трёхмерной модели коммуникаций приблизилось. Нужно убедить людей, заставить их страх отступить. Ровным, уверенным тоном я продолжил:

— Насосная станция — часть внутреннего оборонительного периметра на случай прорыва вражеских войск или высадки десанта. Это укреплённое здание, его проектировали специально для боя. Сервисных тоннелей два, но верхний занят трубопроводом, там не пройти. Второй — узкий, там проложены электрокабели, но человек средней комплекции проползёт, таковы стандарты. Идя налегке, взяв только личное оружие, пройти вполне реально. Повторяю, что полчаса вполне хватит, подгруппа прикрытия, имея такую хорошую позицию, сможет держать штурмующих. Долго там сидеть нельзя, но полчаса

продержаться вполне реально...

Вдруг поднялся Сергей, его массивная фигура заслонила свет одной из ламп. Обычно молчаливый, он спросил, медленно подбирая слова:

— Тем, кто останется... ну, прикрывать остальных будет... вообще без мазы уйти?

В палатке повисло неловкое молчание, даже перешёптывания стихли, каждый остался наедине со своими мыслями. До людей наконец-то стало доходить, на что они подписались. И в этот момент, я сказал то, во что сам не очень-то верил, понимая однако, что люди должны были услышать именно эти

слова:

— Есть шанс последовать за остальными, правда, он невелик. Амеры попытаются взять здание штурмом, потом начнут обстрел спецсредствами. Если и это не поможет, выведут на прямую наводку БТР или танк. В этот момент штурмовать никто не будет, людей отведут подальше. Если тоннель не завалит, и если не применят термобарические боеприпасы, то возможно шанс уйти всё же есть.

Народ снова загудел, мои слова показались им убедительными, хотя по взглядам, бросаемым людьми друг на друга, я понял, что каждый подсознательно понял правду. Время

уговоров прошло, теперь пришла пора отдавать приказы, и это меня всё больше угнетало. Но именно приказ мог всё испортить, надломить души выживших «туристов», заставить их удариться в панику. Эти люди пока еще только играли в войну, а для настоящей никто из них не созрел, однако обстоятельства не оставляли мне выбора. Я заговорил снова, на сей раз громче, подпустив в голос раздражения:

— Все мы когда-нибудь умрём, но только Бог ведает, где и когда! Если останетесь здесь, может быть, какое-то время будете жить, если пойдёте со мной — скорее всего, нам хана. Но это наши думки,

человеческие... Мы на войне, тут смерть сама выбирает, кого взять. И я не знаю, кто ей приглянется на этот раз: тот, кто пойдёт, или тот, кто останется. Есть задача, есть план, но никто не знает, как всё случится на самом деле... Туда надо идти, ребята, и кроме нас некому. На востоке точно остались города, там сражаются такие же, как мы, и если на их головы перестанут падать бомбы, значит, всё не зря. За себя скажу так: буду мстить амерам, пока дышу. За каждого, кто погиб, я возьму три, пять вражьих душ... Сколько смогу. Кровью за кровь, смертью за смерть. Только так должно отвечать врагу. Не

приказываю идти со мной, хотя должен. Я только прошу.

Снова стало тихо, в застывшем от напряжения воздухе, слышалось только, как шуршит вентилятор воздушного охлаждения в ноутбуке, как хлопает на сквозняке полог палатки. На войне правят суеверия и фатализм, потому что люди стремятся не думать о смерти, хотя каждый надеется, что выживет. Сейчас я дал бойцам соломинку, извечное русское «авось», но именно в такой ситуации иррациональное всегда берёт верх над доводами рассудка. Фаза отрицания смерти прошла, надежду на бегство я тоже у них отнял, поскольку подспудно

обратился к страху каждого человека перед неизвестностью. Моими словами говорил опыт, люди видели внешнее спокойствие и уверенность, черпая у меня то, чего им сейчас не доставало. Затянувшееся молчание нарушил глухой голос Ирины:

— Чё, мужики, сдулись? Стрельнуть и убежать, конечно, проще. А уж тушёнку жрать, забившись в нору, это ещё круче. Вы как хотите, а я точно пойду. Ропша, я с тобой!

Слова девушки послужили сигналом для остальных. Под одобрительный гул голосов все, кроме двух парней, которых Михась обучал одними из последних,

выразили желание идти. Попытавшихся выскользнуть ребят все стали подначивать и стыдить, но я пресёк это на корню:

– Отставить разговоры! На войне у каждого свой страх... Не осуждайте того, кто отказался. Они не трусы, просто их выбор был не таким, как ваш. Трус – это тот, кто бросит вас в бою, до этого обнадежив, что прикроет. А эти ребята просто сказали правду, сказали честно и до того как станет поздно. Может статься, придёт такое время, и вы поменяетесь ролями. Теперь все по палаткам – готовить снарягу, проверять оружие, изучать план операции. Если командир отряда

сказать ничего не хочет, то у меня всё.

Приглушённый ропот не стихал, а значит, в бой я всё же пойду не один. Теперь пускай говорит тот, кто был с отрядом дольше меня, кому все доверяют и чьих слов точно ждут больше всего. Уйдя от стола в тень и сев на раскладушку, я снял с изголовья новый амеровский «броник» и, распустив шнуровку, стал проверять крепления поилки, закреплённой сзади на спине. Штука удобная, вода остаётся холодной, даже если долго таскаешься по жаре, главное — не наливать дополна. В сторону стола я старался не смотреть, чтобы не видеть глаз Леры.

Но уши—то не заткнуть, поэтому пришлось слушать, и каждое слово волновало, заставляя сердце как—то особенно замирать. Снова вспомнился тот случай в палатке, с трудом получилось заставить себя сосредоточиться на шнуровке. Девушка меж тем начала говорить, голос её грудной и чуть хрипловатый зазвучал без всякого пафоса.

— Ребята... Мы шли и ехали сюда несколько месяцев назад, чтобы развлечься и просто хорошо провести время. А вот так вышло, что на войну угодили. Пока что нам везло, но вы помните, что из приехавших на игру уже тринадцать человек мертвы, ещё пятеро при смерти. Задумайтесь,

ведь никто этого не хотел, правда? Я так точно нет...

Голос девушки дрогнул, глаза ее стали совершенно серыми, и смотрела она на собравшихся почти что зло. Вдруг она поднялась с места и с силой опустила руки, сжатые в кулаки, на камень.

— Говорят, что самое тёмное время всегда перед рассветом. Мы уже давно воюем, и пришла пора понять: сомнения и думы не спасут, спасёт действие. Вышло так, что сейчас почти всегда темно, и выйти к свету можно, лишь совершив Поступок. Так хватит болтать, пойдём и будем драться! Всё, вы слышали Ропшу. Те, кого он назвал...

С места поднялся Новик, парень хорошо показал себя в деле, но между ним и Лерой всегда было какое-то напряжение. Парень глухо кашлянул и выпалил:

— Тебе хорошо подначивать, сама-то тут останешься!..

В палатке стало совсем тихо, но через пару секунд тишина взорвалась возмущенными криками, и атмосфера ощутимо накалилась. Вскочил Веня, полез на Новика с кулаками, на нём тут же повисло сразу несколько человек. Лера стояла, совершенно бледная, губы сжались в тонкую линию, ещё пара мгновений, и она скажет какую-то резкость. Отложив в сторону жилет, я

поднялся и гаркнул:

— Отставить! Бойцы, на выход, построение у спортплощадки. Новик приготовиться к спаррингу. Работаем в полный контакт. Бегом выполнять!

Лера оглянулась в мою сторону но в следующую секунду, подхваченная общим движением, уже вышла из палатки. Натянув перчатки и стряхнув лёгкий застой в мышцах, я пошёл следом. Все сомнения в замкнутом коллективе нужно пресекать до того, как дурное слово или поступок зацепят большинство. Я умею делать это только одним способом, поскольку чаще всего он и есть самый верный. Когда возникает банальная свара, слова — штука

дешёвая, всегда в этом убеждаюсь.

Ринг — это огороженная страховочными тросами площадка с настилом, сооружённым из палаточного капрона и соломы. Падать здесь больно, однако парни привыкли, после того как я научил их правильно гасить инерцию при падении. Народ уже ждал, построившись в две шеренги. Перебравшись через канаты, я снял кроссовки, калечить и наносить серьёзные травмы толковому бойцу перед боевым выходом — не дело. Эти новые боты имели с кроссовками не так много общего, и сломать что-нибудь жёстким кантом их подошвы — раз плюнуть...

– Старший разведчик Новик, в круг. Защиту надеть, работаем по команде «бой».

– Есть в круг!

Парень одет был, как все, но кроссовки и перчатки не снял, как я и приказал. До войны он занимался кикбоксингом и вроде бы серьёзно, говорил, что участвовал в соревнованиях. Дрался Новик действительно неплохо, мы не первый раз работали в паре, только вот я учил бывших «туристов» не драться, а убивать. Драка на войне – штука бесполезная. Как только он кивнул, что готов, я приказал остальным:

– Бойцы, в полукруг –

становись! Всем сесть и наблюдать за схваткой.

Больше не было разговоров, все уселись растянувшись в цепочку вдоль канатов. Лера стояла чуть позади остальных, вытянулась в струну, заложив руки за спину, но тоже не сказала ни слова.

— ...Бой!

Новик слегка растерялся, сбитый с толку резким переходом от словоблудия к мордобитию. Не давая парню опомниться, я резко шагнул вперёд, разрывая дистанцию, и без замаха ударил его ногой под левое колено. Сказалась подготовка, реакция противника не подвела: парень отшагнул в сторону и сам

попытался провести удар рукой в горло. Блокировав удар, я поймал его за большой палец руки и крутанул назад и вниз. Охнув от неожиданности, Новик начал подаваться ко мне, и в этот момент я присел и, доворочивая его руку вниз и назад, оказался у него за спиной. Потом ударил под колено и повалил на пол, продолжая выворачивать руку назад и вверх. Слыша, как трещат связки при попытке освободиться, я упёрся коленом в болевую точку на его позвоночнике и надавил. Боль должна быть парализующей. Так и получилось: противник замер, потом глухо застонал, стуча раскрытой ладонью свободной руки по полу, но

я не ослабил хватку. Затем быстро поднялся, ещё раз надавив на позвоночник парня. Болевой провёл не сильно, просто дал почувствовать боль, а затем обратился к остальным:

— В армии у каждого своё место в строю, в казарме и в бою! Никогда не оспаривать решений командира, поскольку он отвечает за жизнь всех и каждого в подразделении. Сомнение в бою — ваша личная смерть, сомнение в приказах командира — смерть всех кого вы подвели своим послушанием. Старший разведчик Новик, встать в строй, после построения зайти в санчасть.

— Есть в санчасть после

построения!..

Парень не пострадал, это я понял по тому, как он двигался. Пара ушибов и крепкая наука на будущее – как раз то, чего я добивался. Став перед строем и внимательно оглядев пятнадцать пар возбуждённо блестящих глаз, я обернулся к Лере и отдал рапорт как положено.

– Взвод! Равняйся, смирно! Товарищ командир отряда, в рамках занятий по рукопашному бою был проведён учебный поединок. Подразделение занимается согласно распорядка, больных и раненых нет. Командир взвода разведки – старший сержант Ропша.

Девушка, слегка смутившись и

не зная что ответить, кивнула и, повернувшись к замершим в строю людям, проговорила хриплым от волнения голосом:

— Пусть из строя выйдут те, кто считает, что я трусила. С удовольствием поменяюсь с ним и пойду в рейд с Ропшей. Ну, давайте же!

У Леры очень выразительные глаза и сейчас во взгляде нашего командира читался вызов. Строй не шелохнулся, и все, включая красного от осознания своей неправоты Новика, замерли. Тряхнув головой, девушка повернулась ко мне:

— Всем вольно. Через час жду тебя в штабной палатке с

окончательным вариантом плана акции.

Мне надоела эта канитель, но бойцам нужно было показать, что есть дисциплина. Озвучив список тех, кто назначен идти в рейд, я приказал разойтись, и на этот раз все без суеты и бормотаний буквально разбежались по палаткам. Лера уже ушла, план, о котором она говорила, давно сложился и менять что-то в нем я не собирался. Ещё минут сорок провозившись со снарягой, я отправился в штабную палатку. Миновав два коридора, идущих в обход основных залов, и ответив на окрик часового, я вошёл в штабную двенадцатиместную палатку, где у

Леры был свой жилой уголок. Правда, «уголок» — это громко сказано, просто раскладушка, отгороженная самодельной ширмой из оранжевой палаточной ткани. Девушка возилась в углу, виден был только чёткий силуэт на потемневшей от копоти стене. Присев к столу, я расстелил план акции, вычерченный на пожелтевших листках склеенных в масштабную карту. На бумаге всё выглядело солидно, значки подгрупп и пунктиры маршрутов провода к объектам диверсии смотрелись очень толково. Как, впрочем, и любой план до его реального воплощения. Я верю, то люди пойдут и будут

стараться изо всех сил, но подспудно зрело предчувствие близкой беды. Не испытывая страха за себя, я боялся за неопытных ребят, которым предстояло выполнить работу настоящих профессионалов. Сейчас как никогда хотелось услышать голос деда, спросить совета и поделиться сомнениями. Но в который раз уже приходила одна и та же мысль: прошлое мертво, есть только настоящее и нет права переиграть или отступить.

— О чём так тяжело думаешь, разведка?

Лера неслышно вышла из-за ширмы и, сев у стола, видимо, какое-то время за мной наблюдала. Голос

девушки звучал дружелюбно.

— Только о том, удалось ли всё правильно просчитать. Но это так, бесполезный скрип ржавых извилин. Всего предусмотреть не выйдет, жизнь сто пудов хитрее.

Лера подвинула ко мне алюминиевую крышку котелка, в которой лежали куски аккуратно нарезанных маринованных огурцов и консервированной ветчины — всё из захваченных у наёмников припасов. Вдруг ощутив зверский голод, я вынул из рукавного шва верный ножик и, поблагодарив хозяйку кивком, принялся жевать. Вкус у импортной еды был так себе, но в еде меня давно уже занимал только

сам процесс насыщения. Лера поставила на стол две железные кружки, взяв одну и ожидая того же от меня. Я уловил резкий запах разведённого спирта. Подняв свою кружку, спросил:

— За что выпьем?

Слегка пожав плечами, девушка просто подняла кружку и, негромко выдохнув, залпом выпила. Щёки и шею залил румянец, глаза закрылись. Отказавшись от протянутого мной каперса, Лера, выдохнув воздух, сказала:

— Просто пей до дна, больше на баловство спирт изводить не дам, а водки нет. Тосты — это для живых, а ты и остальные на смерть идёте. Не

говори ничего, сердце подсказывает, что не увидимся больше. Я и позвала тебя только для того, чтобы...

Голос девушки дрогнул, она замолчала. Я отсалютовал стаканом, выпил двумя долгими глотками и тоже закусывать не торопился. Повисла неловкая пауза, но то, о чём мы оба хотели говорить, не шло на язык. В голове слегка зашумело, спирта в порции было явно больше, чем воды, и я решился:

— Лера, прости меня.

Вскинув брови, девушка вопросительно посмотрела на меня, будто бы видела первый раз в жизни:

— Это ещё за что?

— За это...

Встав со своего места, я обошел стол и, подняв голову девушки за подбородок, поцеловал её в губы. Ожидаемого сопротивления не было, каким-то образом мне удалось угадать те чувства, которые Лера, наш суровый военврач, испытывала ко мне. До сих пор не знаю, что это. Может быть, просто влечение, возникшее под давлением непростых обстоятельств, а может быть, начало более глубокого чувства, название которого я даже про себя не решаюсь произнести. Более-менее связно мыслить получилось только спустя пару часов. Мы оба оказались на полу, вокруг и под нами комками лежала наша одежда и какое-то

тряпьё непонятного назначения. Из своей одежды я смог увидеть поблизости только один ботинок, остальное словно бы растворилось в хаосе, царящем вокруг. Лера сидела спиной ко мне, обняв руками колени и опираясь на них подбородком. Блики жёлтого пламени керосиновой лампы играли на молочно-белой коже девушки. Короткие волосы не скрывали плавный изгиб изящной шеи, с определённым смущением я отметил красивый обвод бёдер.

– Я тебя прощаю, Ропша. Нужно сказать, что извиняться ты умеешь неплохо. Не пойми превратно, просто в последний раз бледное подобие такого... извинения было

полгода назад.

Голос Леры звучал удивительно спокойно, в нём слышались весёлые нотки, но чувствовалась и печаль. Хотелось сказать ей что-нибудь ласковое и хорошее. Придвинувшись вплотную, я обнял девушку за плечи и сбивчиво начал:

– Лера, я...

– Тсс! Не нужно ничего говорить. Ты сейчас сморозишь глупость, я чувствую это. Пусть всё останется, как есть. Слова не нужны.

Поцеловав девушку в затылок, я вдохнул поглубже, чтобы запомнить, её запах: пот, живое тепло и горький аромат полыни и мяты. Мы одевались в молчании, потом Лера

поцеловала меня в уголок рта, и я пошёл к выходу. На пороге я оглянулся и всё же сказал:

– Я вернусь, обещаю.

Лера покачала головой, в уголках её глаз блеснули слёзы, и сердце у меня тоскливо сжалось. Она присела у стола, где остался лежать план проклятой амеровской базы, и тихо ответила:

– Но я могу не дожидаться, хотя очень этого хочу. Хочу больше всего на свете. Иди, мне нужно побыть одной.

– Выход через три часа, приходи провожать. Пусть это будет на удачу, хорошо?

– Приду...

И она действительно пришла, но простились мы сдержанно, хотя воздух между нами, казалось, дрожал от невысказанных слов. Не знаю, почему мне говорить о чувствах всегда так сложно. Наверное, это от того, что и Лера, и я — люди практического склада, нам проще показать что-то действием, нежели говорить о чём-то...

— Босс, до КПП уже недалеко, подъезжаем.

Из оцепенения меня вывел голос венгра. Чаба лихо крутил баранку, похоже, раненое плечо его особо не беспокоило. Кивнув наёмнику в знак того, что понял, я отжал тангенту рации, дав два долгих тона, это был

сигнал общей готовности. Дорога извернулась в крутом левом повороте, и вот в рассеянном свете наступившего дня впереди показалась защитная стена и ворота въезда на авиабазу. Через пару минут наша колонна пристроилась в хвост бронемашине, сопровождавшей бензовоз, шедший со стороны железнодорожной станции. Очередь двигалась рывками, со шлагбаумом за противоминным лабиринтом наш джип поравнялся только через сорок минут. Тут всё было серьёзно: пулемёт слева на вышке держал под прицелом дорогу позади нас. Справа и слева дорогу подпирали два ДОТа, собранные их толстых

железобетонных блоков. Я разглядел и смог с уверенностью опознать тяжёлые «браунинги» на станках. Чаба передал мне планшет с сопроводительными документами на груз и украдкой кивнул на спешащего к нам солдата. Это был молодой чернокожий морпех с нашивками капрала. Негр всё время поправлял что-то под «разгрузкой», под сумки на ней топорщились от туги вбитых автоматных магазинов. Сам автомат стволом вниз болтался на низко спущенном к бедру ремне. Это был полноразмерный SCAR с «подствольником», прицел был заботливо закрыт чехлом. Лицо парня, как и весь он, было мокрым

от дождя. Козырнув, он представился:

– Доброе утро, сэр! Капрал Уэбб! Попрошу пропуск и документы на груз и сопровождающих.

Я, стараясь сохранять нейтральное выражение лица, кивнул в ответ и протянул негру планшет:

– Доброе, капрал, оно будет, когда я свалю отсюда домой! Милош Барта, старший специалист службы сопровождения команды «Браво Шесть». Везём трофеи для отправки в Африку.

Морпех понимающе осклабился, не забыв поглядеть в документы. Исподволь я осматривал огороженное пространство,

тянущееся от шлагбаума ко второй линии заграждений. Пробить их бампером джипа не получится – сетчатый забор снизу обложен высокими бетонными блоками. Только БТР возьмёт, даже тяжёлый грузовик забуксует, и его расстреляют с вышек и наземных стрелковых точек. С внутренней стороны может получиться, но не факт, не факт...

– Всё в порядке, мистер Барта. Было подтверждение от вашего командира из Джинджер.

Капрал вернул мне планшет и махнул рукой в сторону дороги, вдоль которой шла красная полоса. Но этот путь вёл в сторону автостоянки, наша цель находилась в трёх сотнях метров

на юго—восток, то есть совершенно в противоположной стороне.

— Капрал, у меня чёткий приказ, и в нём сказано, что груз нужно доставить немедленно.

Негр пожал плечами и ответил равнодушно, видимо, считая наемника, да еще и явного славянина, человеком низшего сорта.

— Сожалею, сэр, у нас свои приказы. На базе введены повышенные меры безопасности. Склады вооружений примыкают к грузовому терминалу, а обе взлётные полосы закрыты до 14.00. Это распоряжение Майора Рэмзи — коменданта базы. Подождёте в «отстойнике», как все остальные,

потом встанете под разгрузку. Всех перевозчиков предупредили что до окончания работ с грузами первоочередной важности все остальные будут задержаны.

Изобразить раздражение по поводу долгой проволочки мне удалось без особых усилий. Снова сев в машину я вопросительно глянул на венгра:

— Судя по всему, деньги придут, но нам нет хода на поле. Черножопый приказал нам рулить в отстойник у ограды. Оттуда в зелёную зону не попасть. Где обещанная твоим итальянским другом красная ковровая дорожка к деньгам?

Наёмник только пожал плечами и сразу же поморщился от боли: болеутоляющее заканчивало действовать. Однако ответил он совершенно спокойно:

– Всё нормально, босс. Пьетро – скользкий тип, он что-то придумал, нужно подождать.

Тут я вынужден был с Чабой согласиться. Матинелли действительно не из тех, кто потащит десяток головорезов на американскую военную базу просто для того, чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

– Ладно, рули в отстойник, а то наш шоколадный друг что-то нервничает.

Наша небольшая колонна проследовало вдоль красной полосы на стоянку, устроенную прямо под стеной второго кольца безопасности. Это была площадка, где стояло ещё с десяток машин с разными сигнатурами и эмблемами на бортах. Большой частью это были контракторы вроде нас, спешившие попасть к грузовому терминалу, чтобы сбросить свою ношу и отправиться в жилые кварталы базы. Там, как сообщил Матинелли, есть несколько баров и супермаркет. Оставив Чабу присматривать за машиной, я вышел и без спешки обошёл своих бойцов в грузовиках, недоумевающих по поводу задержки.

Высвистав Михася из кузова второй машины, я тихо сообщил:

— Затык пока выходит с героическим поступком, брат. Амеры перекрыли зону вокруг аэродрома, будем ждать нашего засланца.

Лицо приятеля, отмытое от камуфляжной краски, помрачнело, он, увидев, что я спокоен, просто спросил:

— Как действуем?

— Тихо переговори со всеми. Подгруппам — отдыхать. Можно попить воды, но не жрать ничего. Сидите, отвечайте всем только по-английски. Кто как умеет, акцент не важен. Рации не включать — если засекут переговоры вне выделенной

частоты, сразу накроют. Если что, отправлю Алекса, он передаст что надо. Всё, действуй.

Вернувшись к джипу, я забрался внутрь и, сделав вид, что дремлю, надвинул кепи на глаза. С сожалением сделал вывод, что в случае чего из отстойника к КПП пробиться будет сложно — всю стоянку держали под прицелом две наземные пулемётные ячейки, а также с вышки у ворот в нашу сторону развернут телеуправляемый «станкач». Потянулись долгие минуты ожидания. От дрёмы пробудил тоновый сигнал автомобильной радиации. Чаба, добивавший вторую пачку сигарет,

аккуратно положил окурок в самодельную пепельницу, сделанную из среза снарядной гильзы, и ответил на вызов. Работала громкая связь, поэтому всё было хорошо слышно. Нас вызвал координатор зоны ответственности «Браво», в которую входил разгромленный нами «опорник» трофейщиков под номером шесть. Говорил он с британским акцентом, фразы постоянно перебивались помехами.

— Конвой Bravo Шесть, здесь Штурман. Барта, ответьте Штурману!

Чаба успокаивающе махнул рукой на мой вопросительный взгляд и уверенно, даже с ленцой, ответил:

— Здесь замкомандира аванпоста

Браво, специалист третьего класса Халаджи!

Последовал недолгое молчание, после которого британец откликнулся уже менее тревожным тоном. Скорее всего, они с Чабой были знакомы лично.

– Чабба, рад слышать твой голос! Как вы оказались на авиабазе? Я сейчас на вашей точке. Тут американцы и ребята из подразделения санации. Когда вы выехали?

– В 4.15, сэр. Мистер Томсон сейчас в Джинджер Альфа, старшим на точке остался специалист Харрис. Согласно плану, мы убыли на базу с грузом сто шестнадцать и сто один...

Снова последовало молчание, видимо, англичанин что-то проверял. Думаю, в нашем случае он запрашивал комендатуру авиабазы. Но в документах Матинелли я не сомневался, иначе нас бы уже давно перестреляли у ворот. Скорее всего, кто-то заявился на точку и словил кайф от наших «гостинцев», а потом выяснилось, что покойники выехали на базу. Я тронул Алекса за плечо и махнул ему в сторону наших грузовиков, показав три пальца. Это означало, что нужно приготовиться к прорыву. Боец кивнул и вылез из машины, я видел, как он незаметно передвинул флажок предохранителя своего автомата. Ситуация

потихоньку стала накаляться. Тем временем Чаба продолжал пудрить координатору мозги.

— ...Никак нет, сэр. Ничего подозрительного не заметил. Меня подстрелили на пути, но это обычное дело. Кто-то из аборигенов пальнул из кустов, мы даже не остановились. Рана пустяковая, я уже в порядке. Потом загрузили три машины согласно плану и вышли точно по графику.

— Аванпост разгромлен. Харрис не отвечает на вызовы американского патруля, военные вошли в ворота и спустя три минуты произошёл взрыв. Шестеро пехотинцев из пятой бригады мертвы, ещё трое живы, но

сильно поджарились. Аванпост и остальные трофеи уничтожены, видимо, работал русский спецназ.

— Жаль это слышать, сэр. Говорят, русские наступают. Это верно, сэр?

— Вроде да, но американцы опять скрытничают. Я получил указание усилить охрану наших объектов и в вашем случае опоздал. Рад, что ты и ребята с Джинджер Чарли целы. Где там Барта?

— Пошёл ругаться с американцами, хочется побыстрее скинуть груз и пойти выпить. Жаль парней, но, с другой стороны, все там будем.

Голос англичанина стал

совершенно спокойным, видимо всё сказанное Чабой подтвердилось. Ещё немного потрепавшись с англичанином о каких-то общих знакомых, венгр отключился. Потом снова подмигнув мне указал пальцем в сторону ворот, откуда к нам почти бежал человек. По характерно повязанной бандане я узнал Матинелли.

— Всё в ажуре, босс. Я же говорил, что Пьетро вывернется!

Итальянец, приблизившись, успокаивающе махнул рукой и, выгнав Чабу из-за баранки, занял его место.

— Бон джорно, синьори! Сегодня хороший день, чтобы разбогатеть.

Я кивнул, а Чаба, сладострастно прицокнув языком, спросил, перегнувшись между нами:

— Пьетро, как тебе удалось пробить пропуск?

— Нет ничего невозможного, когда ты знаком с помощником интенданта. Этот янки слишком любит хорошие сигары, чтобы отказать тому, кто умеет их доставать по половинной цене. — Итальянец, выжидательно посмотрев на меня, спросил: — Ну, ты готов поехать за сокровищами, Эль Дьябло?

Удача, казалось только секунду назад показавшая нам корму, снова поворачивалась лицом. Высунув в окно правую руку с сжатым кулаком,

я дал отбой готовности сидевшим в кузове бойцам и, выждав пару секунд, ответил:

– Поехали, заберём то, до чего каждый из нас сможет дотянуться.

Просигналив три раза, наш джип неторопливо тронулся с места, и скоро вся колонна прошла в ворота. Миновав ещё два пункта проверки, мы свернули на дорогу, ведущую к аэродрому, и я уже мог видеть туши транспортных самолётов за высокой сетчатой оградой. Цель, к которой я шёл долгие месяцы, была совсем рядом. Матинелли понял моё волнение по-своему:

– А что, может, рванём со мной? Италия – прекрасная страна, да ещё с

такими деньгами. Можно купить новый паспорт, да чёрт побери, на эти деньги можно всё купить, даже целый остров!

В очередной раз меня внутренне перекосило от желания немедленно всадить иностранцу нож в висок, чтобы тот заткнулся. Но, заставив себя улыбнуться, я отшутился:

— Ты разве не слышал, что американцы печатают свои деньги на ядовитой бумаге?

— Это как?

— Чем больше у тебя будет этих бумажек, тем большего количества их ты захочешь.

Матинелли некоторое время смотрел на меня, как на идиота, и в

конце концов расхохотался так, что руль в его руках дёрнулся, и джип слегка вильнул на дороге. Отсмеявшись, он возразил:

— Для меня не может быть слишком много денег, потому что, всю жизнь считая гроши, я мечтал о том, что смогу себе позволить, когда бабла будет много.

— Пока что у нас ничего нет, приятель. Как говорят ваши союзники украинцы — не кажи «Гоп!»

Матинелли недоумённо посмотрел на меня и пожал плечами, видимо, в его познаний в языке союзников было полно пробелов. Поэтому я пояснил, чтобы закончить

неприятный для меня разговор:

— Не стоит делить шкуру
неубитого медведя.

Поняв, наконец, о чём это я,
итальянец закивал.

На этом разговор пришлось
прекратить, поскольку мы уже
въехали в зону досмотра возле
лётного поля. Матинелли
переговорил с офицером, вышедшим
встречать колонну, и нас пропустили.
Теперь дорога с жёлтой полосой
свернула влево, а ещё через пару
минут мы спускались по
выложенному прямоугольными
бетонными плитами пандусу.
Наконец, дорога упёрлась в
площадку, заканчивавшуюся

большими двустворчатыми воротами. По штабелям ящиков и снующим туда—сюда погрузчикам я понял, что мы прибыли на место. Матинелли повёл машину к разлинованной жёлтым парковке, знаком давая водителям колонны указание, куда становиться. Мы вышли, Чаба уже разговаривал о чём—то с подошедшим американцем с нашивками лейтенанта интендантской службы. Тот недовольно посетовал, что мы—де невовремя, только что приземлились два борта с высшим приоритетом и у него не так много людей. Однако вскоре к кладовщику подошёл Матинелли, и из рук в руки перешёл какой—то плотный свёрток.

После этого лейтенант, испустив долгий вздох, связался по рации с кем-то, и в открытую створку ворот арсенала проехали три электрических тележки. Я встал у первой машины и поднял вверх правую руку, сжатую в кулак с отогнутым в сторону большим пальцем. Ещё через десять минут все наши ящики с инициированными зарядами исчезли за закрывающейся дверью арсенала. Дальше всё может сложиться по-разному. Взрыв так или иначе будет, а уж большой или не очень... тут как повезёт. Как только канитель с разгрузкой улеглась, я подошёл к Матинелли, который о чём-то оживлённо переговаривался с

лейтенантом, и, отозвав его в сторону, предупредил:

— Синьор интендант, время поджигает. Нам нужно выехать в течение получаса.

Матинелли кивнул, и мы вместе подошли к американцу. Напустив на себя расстроенный вид, итальянец заговорил:

— Комендаторе Липски, старина! Тут такое дело, моему другу из Джинджер нужно разместить своих парней, пока мы с ним будем на поле. Возле водонапорной башни, кажется, есть стоянка... Ты не поможешь мне по старой дружбе?

Американец только равнодушно пожал плечами и кивнул, махнув

рукой в сторону наших грузовиков юркому смуглокожему капралу из obsługi.

— О'кей, это можно. Ральфи проводит твоих друзей, чтобы военная полиция не задавала лишних вопросов. Твои друзья — мои друзья, Питер.

— Спасибо, комендаторе! За мной не пропадёт.

Я обернулся вслед шустро побежавшему Ральфи и, увидев, что Михась выжидательно смотрит на меня, поднял правую руку вверх и показал три пальца. Потом, подозревая Алекса, вполголоса сказал по-английски:

— Скажи Ставро, пусть угостит

потом нашего американского друга ракией. Это не виски, но тоже пойло приличное. Пусть живёт и вспоминает нас. Беги, а потом жди нас у джипа.

Алекс убежал к грузовикам, чтобы передать мои слова Мишке. Техника следовало отпустить, чтобы его раньше времени не хватились тут. Взрывом тут и так всё разнесёт, не стоит лишний раз привлекать к себе внимание. Через пять минут мы вчетвером уже ехали на лётное поле. С сожалением я отметил, что часть плана по выводу из строя самолётного парка провалилась: режим безопасности усилен и взять с собой ещё четверых и грузовик не

получится. У нас с Алексом в рюкзаках лежит по два самодельных фугаса, но мощность их в районе трёхсот граммов, много этим не навоюешь. Джип тряхнуло на подъёме, и машина вкатилась на взлётно-посадочную полосу, одну из двух, которые я видел месяц назад. Впереди высилась серая туша транспортного самолёта. Аппарель была закрыта, но с правого борта свешивался лёгкий трап, возле которого стояли двое солдат с автоматами и в форме военной полиции. В машине Чаба переклеил нашивки на своём жилете, и теперь он был покойным ныне Харрисом, а Матинелли перевоплотился в

капитана британских
экспедиционных войск Марстона —
старшего офицера базы Джинджер
Чарли. Мы с Алексом остались без
новых имён, поскольку и так были по
документам только охранниками,
которые будут сопровождать груз.
Итальянец и наш подраненный Чаб
вышли, и, деловито махнув нам, мол,
идите следом, направились к трапу.
Полицейские напряглись, но, увидев
нашивки Матинелли, опустили
оружие. Старший в чине уорент—
офицера поприветствовал итальянца
и спросил:

— Сэр, дальше только по
специальным пропускам, это груз
первой категории секретности. Ни

шагу дальше! На вашей машине нет пропуска. Назовите себя, сэр, или я вынужден буду открыть огонь.

Матинелли, раздражённо всплеснув руками, достал из нагрудного кармана куртки какую-то бумагу, призывно махая ей перед ничем не понимающими американцами.

— Какого чёрта, уорент!.. Я капитан Марстон, главный казначей базы Джинджер! Или пропустите меня внутрь, или через минуту вы будете отданы под трибунал.

Напор наёмника не особо смутил американца. Жестом приказав напарнику прикрывать, он подошёл к трясущемуся от хорошо

разыгранного возмущения Матинелли и, взяв его бумаги, начал их изучать. По мере того, как он вчитывался, на обветренном круглом лице полицейского проступало всё большее недоумение. Кивнув напарнику, что всё в порядке, он снова обратился к итальянцу:

— Вам лучше поговорить со вторым лейтенантом Лоу, сэр. Поднимайтесь на борт, но ваши люди должны остаться снаружи.

Матинелли кивнул и с тем же британским темпераментом, который он достаточно хорошо имитировал, ответил:

— Это чёрт знает что! Вы хоть представляете, откуда я сюда

прибыл? Дикие леса, кишашщие партизанами, и теперь вот ещё американская тупость в придачу! Ведите меня к этому вашему Лоу!

Дальше всё стало развиваться очень быстро. Мы с Чабой и Алексом остались внизу, а итальянец с уорентом стали карабкаться по трапу вверх. Полицейский связался с теми, кто сидел в самолёте и дверь стала приоткрываться. В тот же момент Матинелли неуловимым движением всадил амеру нож в шею, а другой рукой кинул в полуоткрытую дверь какой-то продолговатый предмет. Чабба, мгновенно разорвав дистанцию, ударом ребра ладони в переносицу уложил второго

полицейского, остававшегося с нами. В следующий миг я вынул пистоль из кобуры и последовал за скрывшимся в брюхе самолёта итальянцем. Когда мы оказались в салоне, там уже всё было кончено. Матинелли справился блестяще: кинув светозвуковую гранату, он перестрелял тех, кто оказался внутри, из своего пистолета. Трое солдат в полном вооружении, при автоматах, упакованные в бронежилеты, вкупе с офицером в повседневной форме, теперь валялись на полу. Итальянец стрелял им в лицо и ни разу не промазал. Однако на лице наёмника застыло изумление, похоже, что-то было не так. Салон оказался набит ящиками в

серо-зелёной укупорке
револьверного типа. Это были
стержни полуметровой толщины с
непонятной мне маркировкой.
Матинелли растерянно озирался,
потом кинулся в хвостовую часть
самолёта и оттуда слышалась
цветистая итальянская брань.
Первым голос подал Чаба, тоже с
любопытством оглядываясь вокруг:

– А где наше бабло, Пьетро? Оно
явно не в этих трубках, брат.

Дальше медлить было нельзя,
что бы ни оказалось в укупорках,
скорее всего, это взрывчатка или
ядовитая химия. Просигналив
Алексу, чтобы тот заканчивал с
Чабой, я пошёл в хвост, к итальянцу.

Тот сидел на полу и качался из стороны в сторону обхватив голову руками. Потом начал тихонько подвывать, в глазах его была тоска и отчаянье.

— Как?! Как это могло произойти, я же всё продумал, рассчитал каждую мелочь!

Внезапно он вскочил и побежал к выходу, откуда доносились звуки борьбы. Выждав, пока Матинелли отойдёт подальше, я поднял пистолет и выстрелил ему в затылок. Наёмник пошатнулся и осел вниз. Перешагнув через труп, я, сам того не ожидая, сказал:

— Не всегда удача поворачивается к нам лицом,

приятель... Не повезло тебе сегодня.

Машинально отметив время, я с давно накопившимся остервенением тихо выматерился. Взрывов, каковые по замыслу должны были, кроме основной своей задачи — уничтожения боеприпасов, вызвать неразбериху, так и не произошло. Однако переиграть ничего было нельзя, теперь — только вперёд, сожалеть и заламывать руки — не мой способ решения проблем. Я прошёл по узкому коридору в тамбур, где остались Алекс с Чабой, и мне открылась неприятная картина. Алекс и наёмник, сцепившись намертво, застыли у левого борта, причём Чаба был сверху, а лицо

Алекса из багрового быстро становилось чёрным. Не останавливаясь, я дважды выстрелил венгру в голову. Тот дёрнулся, на переборку брызнула кровь, однако хватки не ослабил, продолжая давить противника. В два шага оказавшись рядом, я рывком сбросил в сторону начавшее тяжелеть тело. Помог Алексу подняться и, вынув из кармана заветную фляжку с брусничной настойкой, влил в парня пару глотков. Тот закашлялся, но проглотил и начал рассказывать как было дело:

— Я хотел ему шею свернуть... стал захват проводить и... Не пойму, как он вывернулся!..

– Не фиг было медлить, он тебя на паузе поймал. Приём проводится в два движения: захват, затем рывок. Если живы останемся, ещё раз покажу. Собери всё оружие с покойников, броники тоже срезай – пригодятся. Я к джипу, надо мины взять... Чую, эта дрянь, что в самолёте лежит, может хорошо бабахнуть. Жаль, что до бомберов уже не добраться... Всё, погнали!

Обе мины я установил между штабелями и разнес «гостинцы» на три метра. Потом заклинил механизм грузовой аппарели и испортил замок на двери, ведущей в салон экипажа. Сервисные шахты, расположенные вдоль бортов,

заминировал обычными растяжками из двух «фенек». Теперь если кто захочет попасть в салон по-хитрому, его тоже ждёт неприятный сюрприз. Дверь, через которую мы пришли, я застопорил снаружи, забив в дверь клинок Матинелли, сбив рукоять разводным ключом, взятым в джипе. Алекс уже сидел за рулём, потирая шею и болезненно морщась. Удача оставила нас в тот самый момент, когда я уже начал думать, что мы успеваем уйти до начала фейерверка. За ворота внутренней зоны аэродрома мы вышли мирно, однако офицер у последнего пункта досмотра замешкался с бумагами и в этот самый момент...

– Ву–у–ум! Ах!..

Самого взрыва видно не было, однако удар взрывной волны был такой силы, что под её давлением выворотило трёхметровую секцию ограды и выбило все стёкла в караульном помещении. Джип осыпало градом осколков, однако нас прикрыли бронированные стёкла машины. Контуженный офицер, не разобравшись, что взрыв был не в зоне аэропорта, попытался нас задержать и заставить выйти из машины. Несмотря на гудящую от взрыва голову, я мгновенно оценил ситуацию и выстрелил ему в лицо. Алекс сильно «поплыл», поэтому пришлось взбодрить его оплеухой.

Наш «хамви» рванул с места, протаранив полуоторванную створку ворот. Из развалин кто-то открыл огонь, пули защёлкали по корме, но этим весь ущерб и ограничился. Наклонившись к сапёру, я проорал ему в самое ухо:

— Гони к насосной станции, встретим там остальных и попробуем прорваться через западный КПП!

Документы наши не столь хороши чтобы выдержать длительную проверку. Подчинись мы тогда, нас кинут в местную тюрьму до выяснения и оттуда уже не сбежать... Алекс уже достаточно оправился, джип шёл ровно, пару раз мы объехали скопления техники на

перекрёстках. Справа по ходу движения поднимался чёрно-серый столб дыма, однако по характеру разрушений можно было заключить, что основной удар принял на себя грунт, больших разрушений пока не было. Но я по опыту знал, что самое интересное ещё не случилось. Наверняка сейчас начнут детонировать уцелевшие боеприпасы, поскольку тушить арсенал никто не собирается, слишком много паники вокруг.

Народу прибавлялось, несколько раз я видел, как опомнившиеся легавые выставляли на улицах и между зданий белые щиты. Дважды нам удалось объехать баррикады, но

скоро стало ясно, что зона оцепления перерезает нам путь к насосной станции. Поэтому как только впереди замелькал очередной белый прямоугольник, я приказал:

— Правь прямо на него, если остановимся — хана обоим.

Алекс, пригнувшись к рулю, газанул. Джип, набрав приличную скорость, через считанные мгновения протаранил ещё не закреплённую секцию ограды. Вслед послышалась стрельба, но сапёр свернул на перекрёстке, и мы неожиданно въехали на совершенно пустую парковку, за которой, совсем близко, виднелась двухэтажная башня из серого бетона. Созданная как

укреплённая огневая точка, башня не имела окон, только ряд бойниц, обращенных на юг и юго-восток. Таким образом, оттуда простреливались подходы к дорогам ведущим на лётное поле и к восточному выезду с авиабазы. Однако круговую оборону тут долго держать не выйдет: северная сторона совершенно «слепая», это на случай вроде нашего, чтобы легче было штурмовать.

— ...Ой, ё!.. Держись!..

Неожиданно асфальт перед капотом вспух оранжево-белым клубком разрыва, джип подкинуло в воздух, а потом швырнуло вперед и влево. Я успел упереться ногами и

ухватиться за боковые поручни, а Алекс вцепился в руль в последнее мгновение перед тем, как «хамви» опрокинулся. От удара и последовавшего за этим скрежета в глазах вспыхнули искры, а потом потемнело. Машина скрежетала, подымая тучи осколков бетона, стекло пошло трещинами. Слева ухнул ещё один разрыв, в днище шибануло так, что я практически перестал соображать, что происходит. Алекса мотало из стороны в сторону, похоже, он сильно приложился головой, лицо его заливала кровь. Последовал новый удар, джип врезался в стену башни. Преодолевая страшную боль во всём

теле, я пролез на заднее сидение и изнутри открыл багажник. В узкий проём было видно, как в нашу сторону короткими перебежками перемещается несколько солдат в форме военной полиции. А за ними и чуть правее стояла причина нашего падения — я различил угловатый силуэт башни американской бээмпэшки «Брэдли». Сзади застонал Алекс, и я, плюнув на амеров, стал вытаскивать его за лямки «разгрузки», но он так вцепился в руль, что пришлось приложить усилие и кучу «волшебных» слов.

— Отпусти баранку... пусти её на хер, говорю!..

Дальше всё было как в тумане:

амеры приближались, броневи́к дал две очереди по джипу из пулемёта, нас опять спасла противоминная броня днища. Решив отпугнуть наступающих, я, оставив раненого, подтянул к себе автомат и, прицелившись в переднего полицая, дал несколько коротких очередей. На фоне общего гула и воя сирен выстрелы прозвучали почти неслышно. Амер, в которого я целил, споткнулся и быстро осел на землю, остальные попятились, но тоже открыли огонь. Насколько я мог судить, стреляли они скорее от страха и не особо целясь — ни одна пуля не легла рядом, не щёлкнула по кузову машины. Отложив автомат и

схватив Алекса за шиворот, я снова пополз вперёд, и вскоре мне удалось выбраться на асфальт. Не успев перевернуться на живот, я увидел впереди выруливавшую прямо на меня бронемашину. Автоматическая пушка «Брэдли» опустилась, и не надо было быть пророком, чтобы понять, что откатиться за машину мы не успеем. Но в следующее мгновение откуда-то сверху в броневик ударил сгусток огня, и «Брэдли» окуталась клубами дыма. Не мешкая ни секунды, я снова потащил раненого и ценой невероятных усилий отполз вместе с ним назад и вправо, теперь днище защищало нас от амеров. Чьи-то

руки коснулись моего плеча — это были Веня и парень из группы Новика, все его звали просто дядя Слава. Студент что-то говорил, но из-за контузии я его не слышал. Вдвоём они втоптали нас в дверь башни насосной станции, оказавшиеся совсем рядом, а потом я на какое-то время отключился. Но вскоре сознание вернулось под напором резкого нашатырного запаха. Отпихнув от лица чью-то руку, я ещё с закрытыми глазами поднялся на ноги, но не отрываясь спиной от стены. С усилием разлепив веки, увидел перед собой лицо Очкарика. Голова его была перевязана куском тёмной ткани, у

левого виска виднелась блямба тампона, набухшего от крови. Я нащупал рукой сосок поилки и выцедил пару глотков успевшей немного нагреться воды. Стало немного легче, но железисто-солёный привкус крови так и остался на языке. Шум в голове утих настолько, что стало не так больно соображать. Кивнув Вене, я спросил:

– Потери?

– Трое... нарвались на патруль. Семён, Балыч и... Света. Чёрт этот из арсенальной obsługi нас только до первого кордона проводил, потом Михаил чего-то не так ляпнул офицеру, который мимо проезжал. Короче, ждали нас у самой башни.

Балыч два джипа, что дорогу перегораживали, грузовиком протаранил... место там узкое было между бараками. Парни в головной машине сгорели, Светка уже потом, когда мы к башне прорвались... в спину... пуля из «крупняка»... Её пополам почти...

Парень не удержался, всхлипнул, я протянул ему фляжку с настойкой и заставил долгий глоток. Веня сглотнул, лицо покраснелось, кровь побежала по жилам быстрее.

— Почему вы ещё тут, что с тоннелем?

— Михаил там с Новиком. Дверь заблокирована, но говорят что сломают, нужно час где-то

подождать.

— Ясно. Пулемёт что на складе
взяли, уцелел?

— Цел, но Михаил не знает, как
его ставить и...

— Это поправимо. Пошли со
мной, артиллерию надо на второй
этаж поднять. Где гранатомёт
добыли?

Веня первый раз за время
нашего невесёлого разговора слабо
улыбнулся. Показав пальцем куда-то
наверх, ответил:

— Ирка с Новиком на свой страх
и риск два амеровских
«джавелина»^[94] спёрли, когда мы в
арсенале разгружались. Вадька
пользовался таким, когда в Канаду

ездил, говорит, что это просто.

У меня даже не было сил сердиться, мысли крутились только вокруг пулемёта, поэтому я лишь кивнул, и мы пошли на второй этаж. Тут сидели ещё двое парней. Изредка они высовывались из бойниц и постреливали в сторону барачков. Амеры пока молчали, уничтожение бээмпэшки их сильно отрезвило. Вдруг сверху грохнул выстрел, в узкую прорезь бойницы я увидел, как в окне одного из дальних «одноэтажек» лопнуло стекло. Это точно Ирина, сидит на крыше и кого-то углядела. Ее винтовка заговорила снова, и, зная характер девушки, я понял, что она ранила одного, чтобы

завалить тех, кто придёт его спасать. Амеры снова открыли огонь, но всё без толку – Ира уже скатилась вниз. Увидев меня, откинула с лица маску и побежала навстречу, мы крепко обнялись.

– Алекс?!

– Жив твой Алекс, внизу лежит. Помяло маленько, головой приложился о броню. Не ранен он... Амеры не прицельно палили, да и машина спасла.

Девушка кинулась опрометью к лестнице. Я давно догадался, что она ходит за нашим сапёром всюду не просто так. Улыбнувшись про себя, стал удалять смазку с затвора пулемёта. Спустя полчаса,

установленный на станок и заправленный лентой, «утёс» уже смотрел в сторону барakov и далёкой рулѐжной дорожки аэродрома. Став за станок, взвёл сыто клацнувший затвор и прильнул к прицелу.

Не отрывая взгляда от цели, бросил парням у амбразур:

– Быстро вниз, держите первый этаж, сейчас будет жарко...

В сетку лёг узкий борт медленно идущего по земле штурмовика. Тысяча триста метров... Введя поправку, я мягко выбрал спуск.

– Да–а–да–ах!.. Да–да–ахх!..

Трассеры первой, пристрелочной очереди легли чуть ниже и левее. Промашка, однако...

Тяжёлые пули в клочья разнесли какой-то жестяной бак и прорвали секцию сетчатого ограждения. Поправив прицел, я снова выжал спуск, сопровождая цель.

– Да-а-да-ах!.. Да-да-ахх!..

Борт самолёта распался на мелкие фрагменты, машину повело в сторону, и в следующий миг самолёт взорвался. Я перенёс огонь правее, туда, где стоял укрытый чехлом бомбардировщик.

– Да-а-да-ах!.. Да-да-ахх!.. Да-а-да-ах!.. Да-да-ахх!..

Пули ложились в цель, брезент рвался, и видно было, как от серой туши бомбера отлетают куски обшивки. Грохот очередей слился в

одну громкую песню, слушать которую хотелось вечно. Бомбардировщик окутался дымом, потом клюнул носом и разломился на две неравные части. Я перенес огонь на что-то, укрытое масксетями, но разглядеть что-либо в чадном мареве выхлопа было уже трудно. Вдруг всё тело башни потряс сильнейший удар, меня сорвало с места и швырнуло к стене, пулемёт полетел следом, словно весил, как игрушечный. С трудом переборов навалившиеся разом тяжесть и тошноту, я поднялся на четвереньки и, осмотревшись, улыбнулся. На танковый снаряд не похоже, скорее из гранатомёта долбанули, потому и

не пробили стенку. Гранату остановил противокумулятивный экран, потому она и разорвалась снаружи. Но всё равно получилось мощно... Однако от удара лопнули крепления труб, занимавших треть помещения, струйки горячей и холодной воды смешиваясь с бетонной пылью, и вскоре образовали приличный слой грязи на полу. Не поднимаясь во весь рост, я снова утвердил пулемет на треноге. Протерев оптику, я снова навёлся на аэродром. Там сустились тягачи, стаскивая обломки самолёта, две трёхосных машины тянули носовую часть бомбера. Рулѐжку надо было освободить, это понятно. Но вот

этого я вам сделать не дам...

– Да–а–да–ах!.. Да–да–ахх!.. Да–а–да–ах!.. Да–да–ахх!..

Один за другим оба тягача вспыхнули, окутавшись чёрным дымом и теперь уже намертво блокировав собой злосчастную рулѐжную полосу аэродрома. Но на этом моё везение закончилось: к чёрным хвостам гари прибавилось несколько струй белого, плотного дыма химзавесы. А потом в стену снова что–то ударило, и на этот раз я не помню куда отлетел, в глазах потемнело, словно кто–то резко выключил свет.

– Антон, очнись, брат!..

Открыв глаза в очередной раз, я

обнаружил рядом сидящего на корточках Мишку. Он был весь в грязи, у стены стояла его верная винтовка, с которой он не расставался.

— Чё было—то?

— Танк подошёл, но куцый какой—то, не «абраша». Только что долбить перестали, верхний этаж разнесло, крыша рухнула. Мы тебя еле выволокли.

— Как там проход?

— Только что закончили петли срезать, тут инструмента полно. Подрывать не хотелось, чёрт его знает, какие там трубы. Можно выдвигаться. Только ползком, ход достаточно узкий.

— Хорошо. Сколько осталось людей?

Мишка помрачнел, но, сделав усилие, сказал без своих обычных отступлений на тему «если бы». Голос приятеля звучал глухо, он опять начинал самоедство.

— Трое убитых, все из группы Новика. Есть раненые, но «тяжёлых» нет, могут идти сами. Пока ты в отключке был, на аэродроме что-то рвануло. Пламя белое, чистое. Столб огня с девятиэтажный дом!..

Это был лучший результат, нежели я ожидал. Видно взрывчатка в самолёте была. Надеюсь, что там теперь вообще. Видно, в самолете была взрывчатка. Надеюсь, что

амерам теперь не до полётов. Оглядевшись, я заметил, что мой автомат и «броник» лежат тут же, у стены. Киваю в знак того, что услышал. Из-за глухоты после обстрела все мы орали, потому что едва слышали друг друга. Подозвав остальных, делаю над собой усилие и, подхватив оружие и снарягу с пола, поднимаюсь на ноги.

— Товарищи бойцы, задание выполнено, мы справились. Теперь каждый из вас может по праву считаться настоящим солдатом, настоящим разведчиком. Поздравляю вас.

Смысл сказанного не сразу, но всё же дошёл до израненных и

уставших ребят. Вглядываясь в эти осунувшиеся закопчённые и грязные лица, я понял, что в душе появилась робкая надежда. Выходит, всё не зря: смерть Семёныча и остальных ребят... В этот миг я полностью уверился в правильности всего что случилось, пускай не всё произошло, как планировалось. Надев броник и повесив автомат на шею, я скомандовал:

— Группа, приготовиться к выводу. Задача — отход к точке временного базирования. Интервал три метра, скрытно выходите в квадрат сорок, для соединения с основными силами отряда. В бой не вступать, себя не обнаруживать.

Старшим группы идёт товарищ Михась. Всё. Вопросы, жалобы, предложения?

Все молчали, голос подал только Веня, хотя чего-то подобного я и ожидал. Бывший студент возмужал, в движениях и во всей его долговязой фигуре появилось нечто, присущее только обстрелянным бойцам. Двигался он осторожно, чуть ссутулившись, готовый немедленно среагировать на обстановку. Однако сейчас это был всё тот же Очкарик, что-то в человеке не подвластно даже войне:

— А ты, командир?

— Я — это вся ваша группа прикрытия. Амерам нужно показать,

что дома кто-то есть. Одного будет вполне достаточно.

Ребята загомонили протестуяще, но такой поворот событий я предвидел. Поэтому снова заговорил, но уже взяв тон повыше:

— В бою у каждого своё место. Моё теперь тут, и это не блажь, это необходимость. В подобных обстоятельствах и при тех потерях, которые мы имеем, нет смысла рисковать большим количеством людей. Рискнуть малым, чтобы выиграть в большем — вот девиз разведчика. Так что выполняйте приказ, вопрос был не по существу. Всё. Вперёд — марш!

Михась при ребятах ничего не

сказал, и я это оценил. Сейчас просто не было времени и желания говорить с кем-то ещё. Осмотрев автомат и проверив, не сбит ли прицел, я присоединил короб и взвёл затвор. Незаваленными остались всего две из шести бойниц на первом этаже, из них простреливалось пространство вдоль дороги, ведущей к восточному выезду с базы. Оглянувшись, я проводил взглядом исчезающих в люке ребят и улыбнулся, ведь всё же у нас получилось то, что в самом начале выглядело как авантюра, игра воспалённого горем и местью ума. Последним шёл Мишка, взгляд приятеля был тоскливо—

укоризненным:

— Тоха, зачем ты так? Можно всем уйти, проход чист... сам проверял...

— Амеры не дураки, Миша. Вы по трубе ещё час ползти будете. Если я отсюда не шумну, они вас с той стороны точно встретят. А за меня не бойсь, брат — Леший вывернется. Иди, сбереги молодняк и Лере передай... передай, что я снова прошу у неё прощения. Не сдержать, видно, данного слова. Всё, двигай отсюда.

Михась тоже нырнул в люк, сделав это с явной неохотой. Я пристроил на поваленной трубе автомат и, прикинув расстояние,

поймал в прицел двух амеров, мелькавших в оконном проёме барака. Плавно выжал спуск, «сват» несильно отдал в плечо, и один из амеров, крутанувшись на месте, упал. Второй залёг, но я уже перенес огонь левее. Там, у спешно возведённой баррикады, копошилось человек пять в обычной полевой форме. Видимо, сюда стянули серьёзные силы. Дав четыре короткие очереди, я сменил позицию и очень удачно прострелил колёса спешившему куда-то джипу. Машина рыскнула влево и врезалась в стену ангара, в десятке метров у обочины. Наскочив на какую-то невысокую преграду, «хамви» с турелью наверху подпрыгнул и въехал

прямо внутрь ангара. Спустя пару мгновений оттуда повалил дым и что-то загорелось.

– Ву-ум! Ах!..

В стену над моей головой словно треснули тараном. Здание затряслось, снова брызнула вода, посыпались куски бетона и пыль. Следом – ещё один удар, но я успел прижаться к стене рядом с бойницей. В голове билась только одна мысль: «Бог, если ты правда есть, дай мне перед смертью убить ещё одного амера, хотя бы ещё одного!..» Высунувшись наружу, увидел, что нас обстреливал не танк, а самоходка. Машина ворочалась на месте, водя стволом, но желание убить как

можно больше американцев, заглушило всё на свете. Теперь всё тело пронизывало чувство небывалой лёгкости. Усталость, мучившая с самого начала войны, ушла. Теперь можно будет и отдохнуть. Вот доделаю вот эту работу и точно отдохну. Пусть это будет тихое место, где нет грохота взрывов и грязной тёплой воды по пояс...

...Высунувшись снова, я поймал в прицел баррикаду, но теперь почему-то полуразрушенную. Амеры больше не стреляли в мою сторону, перенесся огонь куда-то влево, в сторону КПП. Не думая, что там такого могло случиться, я поймал в прицел фигурку солдата, наводящего

куда—то станковый пулемёт, и плавно, как в тире, выжал спуск. И в этот момент самоходка плюнула огнём, глаза застил кровавый туман и всё потемнело. Только напоследок яркой зарницей мелькнуло сожаление:

— Не сквитался, выходит...

Россия. 7 октября 2011 г., 16.31 по местному времени. Юго-западный участок Центрально-сибирской оккупационной зоны. 118 километров на юго-восток от предместий г. Кемерово. Командир разведывательно-диверсионной группы глубинной разведки фронтового подчинения ОСК Восток, позывной «Вихрь-4» – майор Андрей Раскатов. Оперативное взаимодействие.

После салюта, устроенного кем-то на американской базе, находившейся в сорока восьми километрах западнее

железнодорожного узла, я повёл группу юго-западнее небольшой гряды, состоящей из поросших лесом плоских холмов. Сказать, что янкесы всполошились после случившегося, это значит ничего не сказать. Клеш вывел на электронную карту моего коммуникатора последние данные, полученные от космической разведки. К базе стягивались все имеющиеся в том районе части, включая даже остатки пехотной бригады, находящейся на переформировании. В общей сложности там было сосредоточено до двух тысяч человек, включая сводный батальон морской пехоты. Три неполные танковые роты и

дивизион артиллерийских типа «паладин». Однако после того, как мы выступили у грузового терминала, часть войск в спешном порядке перебрасывалась ближе к Монино — небольшому посёлку рядом со станцией. Самого посёлка давно уже не существовало, там теперь спешно сооружался укрепленный район, ориентированный на покрытие транспортной магистрали и собственно железнодорожного узла. Мы шли ещё часа два, когда Клещ по короткой связи предупредил о сеансе связи вне графика. Найдя удобное место у подошвы среднего из шести холмов, я командовал привал и, подозвав радиста, снял трубку и

набрал код канала экстренной связи. С виду это как позвонить по обычному телефону, только сигнал идёт через шифратор и по быстро меняющейся волновой частоте, что делает почти невозможным пеленгацию разговора. В трубке мурлыкнул сигнал отзыва, и я сказал:

– Вихрь–Четыре на связи.

Пиликнул тоновый зуммер шифратора частоты, и в следующий миг раздался знакомый голос полковника Маевского из разведотдела штаба фронта. Слышимость не ахти, однако голос я узнал:

– Здесь Бастион–Восемнадцать. Четвёрка, подтвердите своё прошлое

сообщение по «костру» в районе Избушки.

Даже по защищённому каналу мы говорили кодом: «костёр» – взрыв, а «избушка», соответственно, авиабаза.

– Подтверждаю «костёр», Бастион.

– Добро. Задача изменилась. Теперь ваш маршрут на девять – девять – три. Там встретите родню, но ухаживать будут они. Просьба от Деда, будете у дяди Васи, он знает дорогу, привезите сувениров побольше, если киоск будет открыт. Как принял, Четвёрка?

– Принял, Бастион. Всё ясно: встречу дядю Васю, сходим за

сувенирами и порадуем Деда.

— Тогда до связи. Отбой, Вихрь—Четыре.

— Принял, Бастион. Отбой.

Похоже, всё завертелось, и янкесы остались без «Плаща». Согласно приказу, мы теперь идем на соединение с группой «десантуры». По карте получается, что они выйдут в район деревни Сиговое, там просёлок и сорок пять километров от второй линии американской обороны. Думаю, мы пойдём на острие фланговой атаки, ворвёмся на базу и, согласно просьбе командующего, постараемся выяснить, кто устроил взрыв. Ухнув по-совиному, я собрал ребят, и мы

ускоренным маршем двинулись к месту встречи с десантом. Спустившись в узкую впадину, мы пошли вдоль гряды на восток, чтобы скрытно выйти к точке randevu у опушки леса. Но чем дальше мы продвигались к цели, тем плотнее местность оказывалась насыщена разрозненными вражескими частями, спешившими в том же направлении по разбитым грунтовыми дорогам. Несколько раз пришлось уходить с маршрута и пережидать, когда пройдёт особо многочисленная группа американцев. Я скрупулёзно заносил в реестр все эмблемы и номера машин и через два часа отправил очередной доклад по

оперативной обстановке. В ответ получил картинку со спутника, которая приятно удивила. Похоже, я оказался прав, и с юго-востока к базе движется большая танковая бронегруппа с позывным Гранит-Два. Одновременно усилились звуки канонады с того направления, откуда ожидался танковый «кулак». Также я видел, что в периметре базы царит бардак: от складов РАВ тянется вверх дымный шлейф, одна из полос аэродрома загромождена подбитой техникой. Напрашивалась мысль, что туда параллельно выбросили штурмовой батальон в довесок к тому, с которым у нас назначена встреча.

Свернув стоянку и снова сменив направление, мы двинули вниз и свернули в тайгу. Лес встретил неприветливо, я постоянно ощущал чьё-то присутствие, но ничего конкретного уловить не получалось. К дороге мы подобрались, почти не выбившись из графика, когда уже начинало вечереть. Я отправил к дороге Ворона, уж очень мне не нравилось то, что происходит. Ещё минут сорок мы шли вдоль дороги, пока в наушнике не раздался шёпот Ворона:

– Ворон – Вождю, Песочница справа три – пятьдесят. Два «пня» в секторе справа восемьдесят.

Опа! Это уже интересно. По

дороге шла янкесовская колонна, судя по направлению, они выдвигались к лесистому хребту. А в зарослях на небольшой высотке, примерно в ста метрах, сидят чьи-то корректировщики с лазерным прибором наведения. Ворон с уверенностью их не опознал. Я решил пока ничего не предпринимать и внимательнее присмотреться к движущейся технике. Мы насчитали пять самоходок «паладин», три БТР типа «страйкер» в безбашенной конфигурации со стапятимиллиметровым нарезным оружием, также было там три инженерных танкетки и машина

управления. Вся эта рать шла на приличной скорости, поднимая с раскисшей от дождя дороги тучи грязи.

— Воздух!..

Голос Мелкого в наушнике прозвучал практически одновременно с рокотом винтов быстро приближающейся вертолетной пары. Юркие «Апачи», вынырнув из-за холмов у нас в тылу. Быстро приблизившись, развернулись на скорости, и пошли вдоль дороги, сопровождая колонну. Стемнело, я дал команду использовать «ночники», всё вокруг стало только двух цветов: мертвенно-зелёным и чёрным. Американцы тоже

пользовались ноктовизорами, не стесняясь включать активный режим. От этого вся колонна светилась, словно ёлка, а от идущих параллельными курсами вертолётов тянулись широкие, не видимые обычным глазом, полосы света.

Когда головной БТР прошёл мимо нашей позиции и колонна стала втягиваться в небольшой распадок, я увидел, как к бронетехнике со склона холма на противоположной стороне дороги потянулись нити лазерных лучей. Источник был ясно определим: это работала неизвестная пара корректировщиков огня. Зная, что произойдёт в следующий миг, я

скомандовал своим не высовываться. Но взрыв всё равно прозвучал неожиданно. Яркая вспышка озарила лес, за ней последовало ещё несколько взрывов подряд. Кто-то работал управляемыми снарядами, и это точно были не американцы. Стало светлее, пожар перекинулся на придорожные деревья, всё заволокло клубами едкого дыма. Восточный ветер не относил гарь от подбитых машин, стелясь меж холмов и усиливая панику среди выскакивающих из грузовиков пехотинцев. Вертушки плавно развернулись влево от вставшей колонны, где сейчас горели все три «страйкера» и одна самоходка.

Неуклюжий «паладин» развернуло поперёк узкой дороги, и он заблокировал путь остальным САУ, пытавшимся сдать назад. Мехвод ближайшей к горящему БТР самоходки, пытаясь столкнуть горящий БТР в неглубокий кювет, неосторожно сдал назад и наехал на грузовик, зажатый между инженерной машиной и своим собратом. Люди пытались выбраться, но в следующий момент я услышал характерный шелест подлетающих снарядов. Казалось, небо упало на землю, так кучно легли разрывы в середине горячей кучи металла бывшего ещё недавно грозной силой. В общий бардак вклинился звук ещё

одного мощного сдвоенного взрыва, из-за гряды полыхнуло и тут же опало яркое зарево. Вертушки ушли как раз в том направлении...

— Ворон — Вождю! Родня прибыла, справа тридцать вижу коробочки дяди Васи. Включена система опознания, есть отзыв на запрос «свой—чужой».

Мой коммуникатор пискнул, на дисплее отразилась группа быстро приближающихся с юго-востока «ромбов» имевших условную сигнатуру.

— Вождь — всем! Маяки включить, открыть огонь по колонне противника. Ворон, прикрой «пеньков», пока они отходят. Клещ,

ко мне, открой канал связи с «дядей» на выделенной частоте.

Радист подполз ближе, и я, снова сняв трубку с короба рации, набрал командира «десантуры». Вокруг всё заполнилось усилившейся какофонией боя, но голос повышать не пришлось: микрофон у трубки усиливал мой негромкий голос вполне приемлемо.

– Здесь Вихрь–Четыре, Гранит–Тридцать Один – на связь!

– Слышу тебя Вихрь... а теперь и вижу. Выходите из боя, встречаемся в квадрате три пять ноль. Даю маяк на твою частоту, приготовься к синхронизации.

Моя коробочка пискнула, в

нижней части монохромного дисплея поползла полоса загрузки новых протоколов обмена данными с тактическим компьютером в машине командира десантников. Через пару секунд послышался двойной «бряк-бряк», и на маленьком экране отобразилось ещё восемь... нет, теперь уже девять новых сигнатур. Помимо четырёх бронемашин десанта, с Гранитом пришла серьёзная подмога в виде батареи мобильных артустановок «Спрут»^[95]. Эти машины вооружены танковыми орудиями, и среди прочих достоинств они могут стрелять управляемыми снарядами с четырёх километров. Это для них старались

корректировщики, которых углядел Мелкий.

— Группа, по целям отбой. Идём в квадрат три пять ноль.

Оставив далеко позади догорающие машины, мы спустились к дороге и, пройдя ещё метров триста на юго—восток, остановились в небольшой рощице, за которой просёлок выходил на укатанную дорогу, ведущую к авиабазе. Выставив охранение, я скомандовал привал, так мы просидели ещё минут сорок, пока Ворон не просигналил, что по дороге на скорости идёт походным маршем колонна Тридцать Первого. Недалеко от поваленного бурей дерева, служившего чем—то

вроде дорожного указателя, колонна сбавила ход, и головная машина встала. На этой броне сидели пятеро десантников, один из них спрыгнул на землю и подошёл к дереву, подняв автомат со сложенным прикладом вверх. Магазин «калаша» имеет характерный силуэт, спутать его с другим оружием сложно. Плюс коммуникатор не врал, сигнатура совпадала, я прочёл мелкий шрифт, наехав курсором на чёрную точку у метки ориентира. Карта пропала, пошёл подстрочный текст: командир 3-й роты отдельной 571-й ДШБ капитан Капустин Р. М. Позывной – Гранит-31. Я тронул за плечо лежащего справа Клеща и показал на

десантника:

— Я пойду поздороваюсь со смежниками. Махну правой рукой — все ко мне, поправлю ремень автомата — уходите в отрыв.

Проверив, как выходит из ножен кинжал, спрятанный слева за поясным подсумком, я пошёл вперёд, негромко свистнув, чтобы привлечь внимание Капустина, если это точно он. Как только я приблизился и десантник осветил своё лицо фонарём, я расслабился и махнул рукой своим. Подставы не было. Видимо, полковник Маевский не зря засветил нескольких своих людей тогда, на аэродроме. Капустин был тем самым старшим группы,

охранявшей грузовик с лётной амуницией, когда он чуть наклонил голову, пришёл момент узнавания. Мы обменялись рукопожатиями, мои архаровцы подбежали и встали у меня за спиной. Капустин показал на вторую танкетку, видя, что больше никого не будет:

— Товарищ майор, имею приказ начальника разведки фронта об оперативном взаимодействии.

— Ладно, капитан, давай попростому, без чинов и по имени. Я — Андрей, а ты Руслан, так короче будет. Чего делать думаешь?

Капустин, приглашая, кивнул на головную бээмдэшку и пошёл к корме бронемашины. Там он достал

планшетный компьютер, положив его так, чтобы блики от экрана не засветили бы наши лица и фигуры. На карте отобразилась схема американской авиабазы, а точнее – восточная часть периметра с КПП, где уже были отмечены минные заграждения, пулемётные точки и их сектора обстрела.

– Тут такое дело, тов... Андрей. Я выслал вперёд два отделения инженерной разведки, вот их данные по объекту. Они уже поставили «тропу»^[96] – как только мы подойдём, минных полей считай что нету. Артуха обрушит стенку по обе стороны КПП и давит пулемётные точки. Потом делимся на две группы

и прорываемся к последнему месту
огневого контакта неизвестной
группы. От КПП это сто шесть
метров на юго-восток, там была
водонасосная станция. Если кого
найдем – прекрасно, если нет – идём
к артскладу, там закрепляемся и
ждём, пока танкисты подойдут.

– Время подхода Гранита-
Второго прежнее?

– Пока танкист идёт хорошо. Все
амеровские заслоны они или обошли,
или сбили. Быстро скачет, как на
крыльях летит.

– Тогда вперёд. План хорош...
только зря торопимся, думаю нет там
никого.

Десантник оскалил в открытой

располагающей улыбке все тридцать два зуба. Лицо у него под слоем маскировочной краски не выглядело свирепым, а ярко-синие глаза смотрели весело:

— А может, есть? Фарт — штука переменчивая.

— Тогда по коням...

...Через полчаса быстрой скачки по ухабам мы вышли нас на ровное, очищенное от леса поле. Колонна распалась на три неравные части, самоходки отстали уходя из секторов обстрела ДОТов, расположенных по краям дороги. Боевые машины десанта, разойдясь в линию, мчались вперёд на предельной скорости. Мы сидели внутри второй танкетки, я

мельком видел всё на тактическом обзорном экране командира, хотя трясло немилосердно. Слева ухнул взрыв, потом ещё и ещё. Это начал обстрел станковый гранатомёт, установленный слева от ворот КПП базы. Остальные молчали, выжидая момент, когда мы заедем на минное поле. На дисплее границы минных заграждений были обозначены красными мерцающими линиями. Когда идущие развёрнутым правым уступом машины и стену базы разделяло ровно триста метров, между ними выросла стена огня и поднятой взрывами земли. «Тропа» сработала как положено, открыв нам дорогу к стене. В следующий миг два

участка стены как бы вспухли изнутри, и солидный, надёжный вал лопнул фонтанами щебня и кусков арматуры. По броне с лязгом прокатился град осколков, потом началась жуткая круговерть, закончившаяся криком Капустина в моём наушнике:

— Вперёд! Вылазь, приехали!.. Андрюха — ты справа вдоль улицы, мы слева через постройки!..

Не мешкая мы выбрались из десантного отсека наружу и не сговариваясь пошли вперёд. В свете ноктовизора мелькали вспышки разрывов. Горели какие-то постройки, белый треугольник маршрутизатора, сопряжённого с

моим тактическим компьютером, показывал примерный маршрут к водонасосной станции.

– Клещ, Ворон – вперёд, вдоль по улице и потом направо!.. Остальные – держимся за мной, давим вдоль по улице до конца квартала!.. Не отрываемся от «брони», смотрим за противотанкистами.

Наша бээмдэшка шла впереди, водя тонким стволом вдоль улицы. Мы шли следом вдоль разрушенных казарм, страхуя «броню» с флангов. В прицел попало несколько перебежавших дорогу фигур, поведя стволом и поймав ближайшую фигуру, я дал по ней очередь, потом,

поведя стволом слева направо, срезал остальных. Строй рассыпался, фигуры повалились на землю, словно сбитые кегли. Слева за домами слышалась азартная стрельба, десантура ходко шла вперёд, прикрывая нас с фланга.

— Ворон — Осьминогу! Вижу скопление бронетехники, координаты...

— Осьминог принял, работаю...

Наш снайпер шёл где-то впереди, наводя оставшиеся в тылу САУ на баррикады противника и просто на большие группы американцев, пытавшихся ликвидировать прорыв. Грохот стоял такой, что едва-едва было слышно,

что орали в самое ухо. Порой сознание просто растворялось в музыке боя, выхватывая только отдельные, важные только для меня фрагменты мозаики. Миновав два перекрёстка, мы потеряли «броню», у которой близким разрывом излётной противотанковой гранаты сорвало левую гусеницу. Оставив Симу и четверых десантников охранять ремонтирующихся танкистов, мы с остальными двинулись к автостоянке, захламлённой горящей техникой и разным мусором. В центре я увидел три остова грузовых машин и один перевёрнутый джип, упёршийся передним бампером в

полуобвалившуюся стену башни. Само строение выглядело, как развалины какого-то древнего замка. По сути, целой осталась только «слепая» стена и часть первого этажа, остальное обрушилось.

— Жук, вместе с десантурой соберите хлам, что может гореть, соорудите три больших костра перед завалами. Попробуем поискать трупы тех, кого отсюда выковыривали.

Бой сместился к юго-западу, Капустин со своей группой развернулся в ту сторону, чтобы дать нам время пошарить в развалинах. Американцы огрызались, но вскоре с западного направления в какофонию звуков боя ворвались голоса наших

танковых орудий, это подошёл тот самый Гранит—Два, о котором я ничего не знал, кроме скупого подстрочника в окошке коммуникатора. Янкесы отступали к северной части периметра, собирая остатки сил для прорыва навстречу подкреплениям, которые спешно перебрасывались из прифронтовой полосы.

Тем временем в ярко—рыжем пламени костров стало возможно рассмотреть руины башни. Десантники под командованием Жука и бойцы, сопровождавшие подъехавшую к месту раскопок отремонтировавшуюся бээмдэшку споро, разбирали завалы, но пока без

особого успеха. Я тоже присоединился к раскопкам, но без особой надежды на успех. Небольшое оживление вызвала находка Симы: он отрыл искорёженный взрывом «утёс», сорванный со станка. Я понял замысел погибших диверсантов, он показался дерзким и самоубийственным: пронести взрывчатку в арсенал, потом занять господствующую высоту и расстрелять самолёты на «взлётке». Глупо, отчаянно и не профессионально. Но часто на войне только так и бывает, это закон писанный кровью.

— Товарищ майор, есть!..

Рослый десантник, работавший у основания стены размахивая руками указывал в только что образовавшуюся в грудах щебня дыру. Я бросил кусок арматуры, которым поддевал особо вредные каменюки, и, забравшись наверх, посветил в дыру взятым у танкистов фонарём. Там, на глубине двух метров, виднелись голова и левая рука засыпанного камнями человека. Видимо, в момент обрушения он инстинктивно прижался к стене, и это, возможно, спасло его. С бээмпэшки подали тросы, враскачку нам удалось отвалить кусок стены, разгрести мусор и поднять человека на поверхность. Жук обыскал

спасённого и протянул мне кожаный кисет, срезанный с его шеи, там лежали наши знаки различия и кокарда в форме старой, советского образца, звёздочки. Спрятав находку в кармашек опустевшего уже гранатного подсумка, я осмотрел «найденыша»: бледное худое лицо, плотная спортивная фигура, рост вполне себе средний, лицо круглое, сломанный когда-то давно нос. Тонкие крепко сжатые губы придавали лицу угрюмое выражение. Упрямый выпуклый лоб пересекал старый шрам. Короткий «ёжик» чёрных, с обильной сединой волос — видимо, стригся наголо месяца два назад. В общем, ничего особенного —

обычное лицо, обычного человека, на которого второй раз не взглянешь. Фельдшер, вместе с Симой, имевшим сходную вторую специальность, срезали с человека «броник» и куртку. Одежда как у наёмников, оружие тоже иностранное, но не американское, так прикинуты «контрабасы» из Европы. Видимо, под таким прикрытием он и попал на базу. Сима водой из фляг, собранных у бойцов, смыл кое-как пыль с лица, и тут щека «трупa» дёрнулась! Фельдшер принялся ощупывать грудь спасённого. Тот дёрнулся теперь уже всем телом и тихо застонал. Сима повернулся ко мне и удовлетворённо кивнул:

— Живой он, товарищ майор. Поломанный весь, бедро прострелено, но пока жив.

Похоже, Дед получит свой сувенир, лишь бы парень не кончился по дороге. Подозвав к себе радиста, я подмигнул мрачному больше, чем обычно Ярцеву:

— Клещ, заводи наш «патефон». Потом выжившего на броню, будем искать остальных.

Маевский был доволен докладом, по голосу я понял, что полковник не ожидал таких результатов. Вскоре американцы, собравшись с силами усилили, натиск и Капустин со своими попятился. Поиски пришлось

свернуть. Выжившего обкололи стимуляторами и погрузили в бронемашину. Я тоже забрался внутрь, машина дёрнулась и, резко взяв с места, пошла вперёд. В наушнике пискнуло, на связь вышел Капустин:

— Ну как, удачно сходили? Там танкист докладывал, что к нему какие-то местные мстители вышли. С оружием, и даже знамя принесли, старое, с той войны ещё. Может, этот, откопанный, из них?

— Пока не знаю, выясним. Но прокатились не зря, это точно.

Послышался всплеск помех, фоном шёл гул боя, сливающийся с такими же звуками снаружи. Машину

трясло, пару раз я спиной ощутил удар от попавших в борт бээмдэшки осколков.

...Спустя час мы выбрались к переправе через ручей, разлившийся после дождей. Район, очищенный от американцев, был занят какой-то артиллерийской частью. Перегрузили найденного в развалинах человека на бронетранспортёр, который увёз его к временному плацдарму, разворачивавшемуся в районе освобождённого железнодорожного узла «Постниково». По рации нам было приказано оставаться на месте и ждать эвакуации вертолётom. С капитаном простились тепло, их

снова бросали вперёд, пакостить отступающим янкесам. Крепко пожав мне руку, Капустин снова оседлал своего гусеничного коня, и десантура растворилась в предрассветных сумерках. Я присел на поваленный придорожный столб, снял шлем и огляделся: ребята расположились неподалёку. Ворон спал, зарывшись в плащ-накидку прямо на земле, остальные чистили оружие, Ярцев смотрел своими тёмными, как два камушка, глазами на дым поднимающийся из-за горизонта. Он стоял совершенно неподвижно, ни разу не моргнув. Сумерки редели, небо из тёмно-синего становилось серым. Я улыбнулся. Холодный

осенний ветер, пахнувший прелыми листьями и гарью, приятно охлаждал взмокшую от пота голову. Наступал новый день, который обязательно принесёт нам победу. И мне в который раз было приятно осознавать, что в этом есть и частичка нашего с бойцами труда.

notes

Примечания

Согласно новым правилам, существующие шесть военных округов (Московский, Ленинградский, Северо–Кавказский, Приволжско — Уральский, Сибирский и Дальневосточный), будут преобразованы в четыре центра оперативно–стратегического командования ОСК: «Восток», «Запад», «Центр», «Юг».

Имеется ввиду многоцелевой вертолёт Ми-24. Он же Hind(по классификации НАТО), он же «Демон пустыни»(так его прозвали на Ближнем Востоке). В настоящее время выпуск «крокодилов» прекращён, но на вооружении осталось до 3000 единиц, часть подверглась глубокой модернизации.

Немного о вооружении данной машины: Ми-24 различных модификаций могут оснащаться системами управляемого и неуправляемого стрелково-пушечного, ракетного и

бомбардировочного вооружения, варианты которого определяются решаемыми задачами. Размещаться средства поражения могут на двух пусковых рамах для управляемых ракет, 4 балочных держателях и 2 законцовках крыльев, во встроенной управляемой подвижной стрелковой установке (типа УСПУ–24, боекомплект 1470 патронов), носовой подвижной (неподвижной) пушечной установке НППУ–24 (НПУ–30) с двуствольной 23–мм пушкой ГШ–23Л с боекомплектom в 250 снарядов. Кроме того, для размещения стрелково–пушечного вооружения может устанавливаться до двух съемных универсальных

стрелково–пушечных установок (УПК–23–250) или универсальных гондол (ГУВ–1 с гранатометом АГС–17 «Пламя», ГУВ–8700 с одним 12,7–мм или двумя 7,62–мм четырехствольными пулеметами). Возможна установка на вертолете постановщика мин типа ПФМ–1.

Имеется ввиду укороченный вариант карабина «Сайга» МК–01. Данный карабин по своему устройству это тот же самый «калаш», только с заблокированным режимом автоматического огня. Многие частные охранные агентства используют эту модель как основную штатную единицу вооружения групп быстрого реагирования и сопровождения грузов. Фурнитура пластиковая, либо деревянная. Приклад складной(тоже пластиковый или рамочный — стальной). Магазин коробчатый секторный отъёмный на

пять, десять и тридцать патронов(только служебное оружие). Удлини́нная газовая камера, придаёт МК внешнее сходство с короткоствольным боевым АК104. В целом надёжное и простое оружие под промежуточный и целевой патрон(разница в количестве боевых упоров), позволяющее использовать большинство современных гаджетов(оптику, сошки, тактические фонари и лазерные целеуказатели).

ТТХ: Калибр — 7.62x39мм; Длинна ствола — 336мм; Вес— 3.4 кг(без снаряженного магазина).

Антон увидел линейную плавающую американскую БМП «Брэдли», модификации М2А3(самой последней на данный момент с усиленным бронированием и более мощным двигателем). Вооружение: 25–мм пушка М242 «Бушмастер». 7,62–мм спаренный пулемет М24 °С. ПУ ПТРК BGM–71D «TOW–2». РПГ AT–4 или ПТРК «Dragon».

Мина ПТМ–3. Предназначена для минирования местности против танков, самоходных ракетных и артиллерийских установок, бронетранспортеров и автомобилей. Мина устанавливается на грунт только системами дистанционного минирования (ПКМ–1, ВСМ–1, УМЗ) использующими кассеты средств дистанционного минирования. Для мин ПТМ–3 используется кассета КПТМ–3. Мина по взрывовесовым данным довольно слабая. Лучший результат получается, когда мина взрывается под днищем танка. В

этом случае экипаж получает тяжелую контузию или гибнет от высокого давления, развивающегося в боевом отделении танка при проникновении туда кумулятивной струи. Могут быть выведены из строя системы танка, возникнуть пожар. Усиленная броня днища например, как у машин разминирования выдерживает взрыв мины. При подрывании мины под гусеницей танка происходит только разрушение одного, редко двух траков. ТТХ: Масса — мины 4.9 кг. Заряда ВВ — 1.8 кг. Габаритные размеры: длина 33 см, высота 8.8 см, ширина 9 см. Температурный диапазон эксплуатации, град. С от—40 до +50.

Без необходимости уснащать текст диалогами на иностранных языках не буду, все разговоры будут излагаться только по-русски.

«артуха» — жаргонное прозвище всех артиллеристов в армии СА — РФ.

Антон описывает действие т/н боеприпаса объёмно—детонирующего взрыва. В книге мной додуман вариант применения таких боеприпасов с учётом перспективы, поскольку все открытые источники на данную тему содержат устаревшие сведения. Но тем не менее, вот всё, что известно на данный момент:

Этот вид оружия может эффективно применяться как против личного состава вне укрытий, так и против вооружений и боевой техники, укрепленных районов и индивидуальных укрытий, а также

для создания проходов в минных полях, расчистки посадочных площадок для вертолетов, уничтожения узлов связи и нейтрализации опорных пунктов при уличных боях в черте города. Объемно-детонирующие боеприпасы также: «способны ... полностью уничтожить растительность и сельскохозяйственные посевы на определенной территории». «По своей поражающей способности они сравнимы с ядерными боеприпасами малой мощности».

При одновременном использовании большого числа боеприпасов, как и любых других фугасных зарядов, разрушения могут

быть весьма значительными. При подрыве нескольких объемно—детонирующих головных частей происходит наложение ударной волны с соответствующим усилением мощности. Эффект такого оружия также усиливается в зданиях и другом закрытом пространстве; по мощности оно в 12—16 раз превышает обычные взрывчатые вещества при применении по объектам с большой площадью поверхности, таким как каркасные здания, блиндажи и транспортные ангары.

В силу большой площади поражения объемно—детонирующие боеприпасы изначально обладают неизбирательным характером, в

особенности при использовании в населенных районах или рядом с ними. Поскольку это оружие особенно эффективно против личного состава в инженерных сооружениях, блиндажах и других зданиях, российские войска могут оказаться перед соблазном применить его в тех населенных пунктах, где у боевиков оборудованы мощные оборонительные позиции. В городских условиях российским военным не удастся ограничить область воздействия этого вида оружия только комбатантами, при этом мирное население вряд ли сможет укрыться от его поражающих факторов.

Принцип действия объемно-детонирующих боеприпасов:

Обычно, состоит из контейнера с реагентом и двух независимых зарядов взрывчатого вещества. После сброса или выстрела боеприпаса первый заряд раскрывает контейнер на определенной высоте, распыляя реагент в облако, которое смешивается с атмосферным кислородом (размер облака зависит от количества реагента). Эта смесь затем обволакивает объекты и проникает в сооружения. В этот момент происходит подрыв смеси вторым зарядом, в результате чего образуется мощная ударная волна. (Пример такого взрыва см. на web —

странице Отдела вооружений Центра
воздушной войны ВМС США, Чайна
лейк, Калифорния:

<http://www.nawscwpns.navy.mil/clmf/fae>

Ударная волна разрушает
неукрепленные здания и
оборудование и поражает личный
состав. Воздействие на людей
усиливается в одиночных окопах или
в индивидуальных средствах защиты,
а также в закрытом пространстве,
как то в горных пещерах, зданиях и
блиндажах.

Впервые объемно—
детонирующие боеприпасы были
разработаны и применены США во
Вьетнаме. Советские ученые, со
своей стороны, в короткие сроки

создали свое аналогичное оружие, применявшееся, по сведениям, во время пограничного конфликта с Китаем в 1969 г., а также в Афганистане. Соответствующие НИОКР были продолжены, и в настоящее время российская армия располагает широким арсеналом объемно–детонирующих боеприпасов третьего поколения.

В дополнение к «классическим» вакуумным бомбам в СССР были разработаны и другие боеприпасы «повышенной мощности», в частности на основе порошковых и жидких реагентов. Действие обоих этих видов боеприпасов основано на распылении реагента в атмосфере до

завершения процесса взрыва. Разрушения и поражение живой силы обеспечиваются ударной волной. В качестве твердого реагента используется порошок из смеси алюминия с нитроцеллюлозой. В другом случае применяется суспензия из твердого взрывчатого вещества и легковоспламеняющейся жидкости.

Поражающие факторы:

Поражающее воздействие фугасных боеприпасов оказывается ударной волной, летящими обломками или обрушением зданий, а также в результате отбрасывания ударной волной людей на землю, оборудование, постройки и другие

стационарные объекты.

Вот мнения военных специалистов стран, где данный вид ОМП получил наибольшее распространение:

Выдержка из рассекреченного исследования научно-технического отдела ЦРУ США: «...Воздействие единичного взрыва объемно-детонирующего боеприпаса средней мощности на замкнутые пространства чрезвычайно велико. В точке воспламенения люди сгорают дотла. Находящиеся у периметра с большой долей вероятности получают внутренние, и потому невидимые, повреждения, в том числе разрыв барабанных перепонок

и разрушение органов внутреннего уха, сильнейшее сотрясение мозга, разрыв легких и других внутренних органов; возможна также потеря зрения».

Из заключения специалистов РУМО США за 1993 г: «...Механизм поражения живых объектов не имеет аналогов и — не слишком приятен... Поражающим фактором является ударная волна, точнее — следующий следом вакуум, приводит к разрыву легких... Если взрывчатый компонент просто сгорает, не детонируя, жертвы получают тяжелые ожоги и могут также вдохнуть горящее вещество. Поскольку наиболее часто

используемые в таких боеприпасах оксид этилена или оксид пропилена высокотоксичны, невзорвавшийся боеприпас будет представлять для личного состава, оказавшегося в его облаке, такую же опасность, как и большинство отравляющих веществ».

* * *Выдержка из
рассекреченного отчёта инженерно-
технического отдела МО ГШ СССР
за 1989 г: «...ударная волна и
перепад давления вызывают
минимальные повреждения ткани
головного мозга, ... Пострадавшие
после взрыва объемно-
детонирующего боеприпаса могут
оставаться в сознании, испытывая
страдания в течение нескольких

секунд или минут, пока не наступает смерть от удушья».

Скажу сразу — «Википедия» считает иначе, не буду спорить с тамошними «знатоками», пусть читатель решает сам, кому верить.

Российские(известные на данный момент) объемно—детонирующие боеприпасы и боеприпасы повышенной мощности:

ОДАБ—500ПМ, авиабомба объемно—детонирующего действия

КАБ—500Кр — ОД, авиабомба объемно—детонирующего действия с теленаведением

ОДС — ОД БЛУ контейнер с 8 кассетными бомбами объемно—детонирующего действия

300–мм 12–ствольная РСЗО
9А52–2 (Смерч), головная часть
ракеты повышенной мощности (на
основе порошкового реагента)

220–мм 16–ствольная РСЗО
9П140 (Ураган), головная часть
ракеты повышенной мощности (на
основе порошкового реагента)

ПТУР «Штурм», запускается с
вертолета, головная часть объемно–
детонирующего действия

ПТУР «Атака», запускается с
вертолета, головная часть объемно–
детонирующего действия

80–мм авиационная ракета С–8Д
(С–8ДМ), головная часть объемно–
детонирующего действия

Противотанковый управляемый

ракетный комплекс дальнего действия «Корнет — Е»: головная часть ракеты термобарического (объемно—детонирующего действия).

Реактивный пехотный огнемет РПО — А (Шмель). Смертельное воздействие и разрушения внутри сооружения составляют порядка 80—ти кубических метров. На открытой местности площадь уверенного поражения составляет 50 квадратных метров.

АС—11 и АС—12, головные части ракет.

P.S. Испытание прототипа объемно—детонирующего боеприпаса второго поколения в настоящее время проводятся в США г. Чайна лейк,

Калифорния. Испытана т/н «мама всех бомб» использующая принцип объёмного вазрыва.

Российскими военными с 2007 г проведятся аналогичные испытания, что позволяет говорить о паритете, по крайней мере в области технологии.

Полевая 122-мм дивизионная реактивная система залпового огня (РСЗО) БМ-21 «Град». Предназначена для поражения открытой и укрытой живой силы, небронированной техники и бронетранспортеров в районе сосредоточения артиллерийских и минометных батарей, командных пунктов и других целей. Состоит из боевой машины БМ-21 на шасси «Урал-375»; системы управления огнем; 122-мм неуправляемых реактивных снарядов; транспортно-заряжающей машины 9Т254. В

составе батареи РСЗО БМ-21
имеется машина управления 1В110
«Береза» на шасси автомобиля ГАЗ-
66, обеспечивающая подготовку
данных для стрельбы.

Имеется ввиду армейский внедорожник HMMWV. В настоящее время выпускается второе поколение данных автомашин с индексом M-998A2. Базовым является шасси M-1097A2 с полностью алюминиевыми 2-или 4-местной кабиной и открытой платформой, предназначенной для перевозки грузов, боевого расчета из 8 человек или оружия. На базовом шасси с прочной лонжеронной рамой установлен дизельный двигатель V8 рабочим объемом 6,5 л, развивающий мощность 160 л.с., и автоматическая

4–ступенчатая коробка передач. Проходя через двухрежимную раздаточную коробку и планетарные колесные редукторы, крутящий момент двигателя увеличивается на колесах почти в 80 раз. Весьма оригинальным решением является централизованная вентиляция всех агрегатов трансмиссии. Подвеска всех колес — независимая на рычагах и пружинах, все тормоза — дисковые, вентилируемые. Рулевой механизм с гидроусилителем. Применяются радиальные широкопрофильные шины размером 12,50R–16,5. Колесная база — 3 300 мм, дорожный просвет — 390 мм. Масса всех вариантов серии М–

1097A2 составляет 2676 кг, полезная нагрузка — около 2 т, полная допустимая масса — 4 672 кг. Максимальная скорость — 113 км/ч.

Имеется ввиду модификация для армейских частей работающих в городах. Это тот же самый М-203, только собранный в модификации как самостоятельное оружие. Зовётся он М203РІ. ТТХ: Калибр — 40мм. Вес — 1.7 кг. Длина—380мм. Длина ствола—305мм. Начальная скорость гранаты—76 м/с. Эффективная дальность прямого выстрела—150 м. Максимальная дальность навесной стрельбы — 400 м. Темп стрельбы—5—7выстр/мин.

Вэ — икс (VX) — Боевой отравляющий газ, нервно-паралитического действия. По физическим свойствам, это малолетучая бесцветная жидкость, не имеющая запаха и не замерзающая зимой. В воде растворяется умеренно (5 %), в органических растворителях и жирах — хорошо. Заражает открытые водоемы на очень длительный период — до 6 мес. Основное боевое состояние — грубодисперсный аэрозоль. Аэрозоли VX заражают приземные слои воздуха и

распространяются по направлению ветра на глубину от 5 до 20 км, поражают живую силу через органы дыхания, открытые участки кожи и обычное армейское обмундирование, а также заражают местность, вооружение и военную технику и открытые водоемы. VX применяется артиллерией, авиацией, а также с помощью химических фугасов. Вооружение и военная техника, зараженные каплями VX, представляют опасность летом в течение 1–3 сут, зимой — 30 — 60 сут. Стойкость VX на местности (кожно–резорбтивное действие): летом — от 7 до 15 сут., зимой — на весь период до наступления тепла.

Защита от VX: противогаз, общевойсковой защитный комплект, герметизированные объекты боевой техники и убежища.

При концентрации 0.0001 мг/л VX через минуту вызывает сужение зрачков (миоз). Смертельная концентрация при действии через органы дыхания 0.001 мг/л при экспозиции 10 мин (период скрытого действия 5 — 10 минут). Смертельная концентрация при резорбции через кожу — 0.1 мг/кг. Для Vx'a характерна кожно-резорбционная активность при этом наблюдается подергивание кожи в местах ее контакта с ОВ. Скрытый период при резорбции через кожу 1

— 24 ч. Существуют антидоты
например атропин.

Антон имеет ввиду тот замалчиваемый сейчас факт, что нынешний российский «триколор» использовали во время Великой Отечественной в качестве знамени предатели — коллаборационисты — участники РОА (русской освободительной армии) бывшего генерала Власова. Это несколько тенденциозный подход, но если задуматься, то выглядит действительно мерзко. Именно поэтому существует компромисс: знамёна воинских частей и подразделений по прежнему

красные.

Партизанам попался новый общевойсковой бронежилет типа «Забрало».

Изделия состоят из грудной и спинной секций, соединенных в плечевой области ворсовыми застежками и ременно — пряжечным соединением в области пояса, которые позволяют производить регулировку бронежилета по росту. В области пояса соединение секций производится посредством ворсовой застежки и ремня с карабином и зацепом. Секции состоят из внешних

чехлов, внутри которых расположены тканевые защитные экраны с наружными карманами для размещения бронеэлементов (два на грудной секции и один на спинной). Грудная секция имеет откидной фартук для защиты паха. На обратной стороне грудной и спинной секций имеются демпферы, обеспечивающие снижение контузионного воздействия. Конструкция демпфера обеспечивает естественную вентиляцию поджилетного пространства. Бронежилет имеет воротник, состоящий из передней и задней части, служащий для защиты шеи от осколков. Соединение указанных

частей ворсовыми застежками позволяет регулировать их расположение. Регулировочные узлы бронежилета совместимы с регулировочными узлами жилета транспортного 6Ш92–4, предназначенного для размещения и транспортировки элементов экипировки из состава носимой части боевых комплектов индивидуальной экипировки основных воинских специальностей СВ, ВДВ, морской пехоты ВМФ и т. д.

Бронежилеты, в зависимости от модификации, оснащены быстросменяемыми тканевыми, стальными и (или) органо–

керамическими бронепанелями «Гранит-4». Конструкция защитного пакета исключают вероятность рикошетирования при углах подхода пули 30–40 градусов от нормали. В бронежилетах предусмотрена защита плеч и шеи военнослужащего. Верх бронежилетов имеет камуфлированную защитную окраску, водоотталкивающую пропитку и не поддерживает горение. Все материалы, из которых выпускаются БЖ стойки к воздействию агрессивных жидкостей; нетоксичны, негорючи, взрывобезопасны; не раздражают кожу при непосредственном соприкосновении с телом человека. Бронежилеты

могут быть использованы во всех климатических зонах и сохраняют свои защитные свойства при температурах от минус 50°С до плюс 50°С, а также при воздействии влаги. Время непрерывного ношения, не менее: 6Б12—1 — 24 часа, 6Б13 — 5 часов.

Варенуха облюбовал для себя пожалуй самый лучший единый пулемёт в мире — ручной модернизированный пулемёт системы Калашникова, или просто ПКМ. Надёжное и безотказное оружие, способное даже с расстрелянным в хлам стволом вполне уверенно работать и поражать живую силу противника. Это личное мнение автора, хотие соглашайтесь — хотите нет. ТТХ: Калибр — 7.62x54R. Вес — 7.5 кг. Длина ствола — 645мм. Темп стрельбы — 650 выстр/мин. Питание — наборная

стальная лента/короб на 100, 200 и 250 патрон.

«Весло» — жаргонное название автомата Калашникова образца 1974 г. т. н «складного/модернизированного». Созданный под новый малоимпульсный патрон 5.45x39мм. Он является гигантским прыжком назад по сравнению с линейкой АК — АКМ. Его достоинства можно перечислить легко: возможность установки оптики, ПББС и меньший вес как самого оружия так и б/к. Пуля его штатного патрона 7Н6 крайне неустойчива в полёте и не пробивает большинство известных средств

индивидуальной защиты даже класса ПА. Из-за своих высоких рикошетирующих свойств, пуля 7Н6 представляет серьёзную опасность для самих владельцев АК-74М, при ведении боевых действий в городах, лесистой и горно-лесистой местности. Более того, даже не имея бронежилета, у поражённого такой пулей противника есть все шансы нанести стреляющему урон и выжить. После ввода советских войск в Афганистан, в работу взяли новые доработанные боеприпасы, так уверяют «знатоки». Эти патроны имеют индекс 7Н10, но автор по собственному опыту с уверенностью может сказать, что заметного

улучшения не наблюдалось. Данный автомат, как индивидуальное оружие пехотинца, вполне подойдёт необученному и слабо развитому физически новичку, т. к. он достаточно лёгкий, прост в обращении и обслуживании, а так же относительно надёжен в сравнении с предшественником — первой версией — оригинальным АК-74. «Весло» существенно проигрывает серии АК — АКМ под 7.62x39мм по боевой эффективности. Всё выше сказанное — личное мнение автора.

Винтовка снайперская специальная — ВСС «Винторез». Создавалась для проведения специальных операций, требующих малошумного оружия. Винтовка разработана ЦНИИТОЧМАШ в городе Климовске под руководством Петра Сердюкова. Вместе с винтовкой разработаны специальные боеприпасы с дозвуковой скоростью пули, способные поражать цели на дальностях до 400 метров. Такими боеприпасами стали патроны 9х39мм СП–5 (с обычной пулей) и СП–6 (с бронебойной пулей), созданные на

базе гильзы патрона 7.62x39 обр 1943 года. Начальная скорость пуль патронов СП-5 и СП-6 — около 280 м/с, масса пуль — около 16 грамм. На вооружении ВСС состоит с конца 1980х годов. Сейчас винтовка ВСС широко используется различными подразделениями специального назначения МВД России. Из достоинств можно отметить высокую мобильность и универсальность (винтовка складывается и собирается за считанные секунды, плюс неплохо работает и с открытого прицела). Недостатки вытекают из достоинств — невысокая кучность боя на дистанции свыше 200 м,

невозможность ведения длительного боя из-за частых утыканий пули в секции глушителя из-за загрязнения ствола.

РПГ–7.

Реактивный

противотанковый 40мм гранатомёт. Представляет собой гладкоствольное однозарядное пусковое устройство безоткатного типа, с открытым сзади стволом. Стрельба ведется с плеча, ствол имеет в средней части специальный теплоизолирующий кожух. В задней части ствола расположено сопло для выброса пороховых газов, в передней — рукоятка управления огнем в сборе с ударно–спусковым механизмом, и задняя рукоятка для удержания. УСМ с открытым курком,

несамовзводный. Гранатомёт
оснащён открытым прицелом,
штатно комплектуется оптическим
прицелом ПГО–7 кратностью 2.7Х.
Сейчас используются немного другие
прицелы с разметкой прицельной
шкалы под новую номенклатуру
боеприпасов.

Антон говорит о модификации ПЗРК «Стрела» — ПЗРК «Стрела-2М» (9К32М, SA-7B). Комплекс принят на вооружение в 1970 г. и предназначен для поражения на встречных (догонных) курсах низколетящих целей (самолетов, вертолетов, КР, ДПЛА), действующих со скоростью до 260 (150) м/с. Включает модернизированную ЗУР (9К32М) в пусковой трубе 9П54М с источником питания 9В17 и пусковым механизмом 9П58. При тех же массогабаритных характеристиках ПЗРК «Стрела-2М»

от своего прототипа отличается автоматизацией процессов захвата цели ТГСН и пуска ЗУР по скоростным воздушным целям при стрельбе в вдогон, что облегчило боевую работу, особенно с подвижных объектов; селекцией подвижной цели на фоне неподвижных естественных помех; безошибочным определением ближней границы зоны пуска; увеличением до 260 м/с скорости поражаемых целей при стрельбе на догонных курсах; возможностью обстрела воздушных целей с поршневыми двигателями на встречных курсах, летящими со скоростью до 150 м/с; увеличенной

по дальности и высоте зоной поражения реактивных самолетов при стрельбе на догонных курсах. Кроме того, он оснащен ТГСН с улучшенной помехозащищенностью, обеспечивающей обстрел целей на фоне сплошной (слоистой), легкой (перистой) и кучевой облачности менее трех баллов.

Противоднищевая мина ТМ-72. Масса мины—6 кг. Заряда ВВ 2,5 кг. Температурный диапазон эксплуатации от—40 до +50 град. С. Предназначена для минирования местности против танков, самоходных ракетных и артиллерийских установок, бронетранспортеров и транспортных автомобилей. В броне до 100 мм пробивает отверстие диаметром 50—60 мм с расстояния 0,25 — 0,5 м, перебивает гусеницы.

Способ установки — на грунт и в грунт вручную, раскладкой с

автомобиля. Одна из самых массовых советских мин, отличается крайне капризным механизмом штатного магнитного взрывателя, но благодаря универсальному стакану резьбового гнезда, часто используется с контактным взрывателем от мин более раннего выпуска серии 62.

ПБ — пистолет бесшумный. Модификация на базе 9-мм пистолета системы Макарова. Серийно выпускается с конца шестидесятых годов прошлого века, до сих пор широко распространён в войсках СпН и разведподразделениях обычных МСД(мото — стрелковых дивизиях) ВС РФ. Считается надёжными крайне неприхотливым оружием, хотя возможности боеприпаса на данный момент не отвечают полностью изменившимся условиям современной войны. Если выбор не велик, то ПБ является

вполне сносным выходом из положения.

ТТХ: УСМ: двойного действия.
Калибр: 9х18мм Вес без патронов: 970 г в сборе с насадком глушителя. Длина: 310 мм в сборе, 170 мм со снятым насадком. Длина ствола: 105 мм. Емкость магазина: 8 патронов.

«Карандаши» или «карандаш» — жаргонное обозначение военнослужащего. Не имеет значения свой это или вражеский солдат — в полевой форме, все солдаты выглядят одинаково, как графитовые карандаши в коробке.

Антон говорит про самую лучшую, на взгляд автора, советскую противопехотную мину МОН-50(мина противопехотная осколочная направленного поражения, управляемая). Предназначена для выведения из строя личного состава противника. Поражение человеку (или нескольким одновременно) при взрыве мины наносится готовыми убойными элементами (шарики или ролики) вылетающими в направлении противника в секторе по горизонту 54 градуса на дальность

до 50 метров. Высота сектора поражения от 15 см. до 4 метров на предельной дальности. Взрыв производится оператором с пульта управления при появлении противника в секторе поражения, или же при задевании солдата противника за обрывной датчик взрывателя МВЭ-72, или же за натяжной датчик (проводочку) взрывателя серии МУВ. Сама мина взрывателями не комплектуется, а имеет в верхней части два гнезда с резьбой под запал МД-2 или МД-5М, электродетонатор ЭДП — Р. Таким образом мина может приводится в действие одним из двух способов.

Варламов описывает устройство управления БПЛА, совмещённое с портативным пунктом управления подразделением ROVER (Remote Operations Video Enhanced Receiver). Это устройство для отображения видео с БПЛА (беспилотный летательный аппарат). Каждый ROVER имеет размер стандартного КПК. Этот приемник предназначен для «ручного» использования и позволяет получать видео напрямую с БПЛА. Силы специальных операций США и Командование пехотных отделений используют ROVER для

получения более глобальной картины (по сравнению с той, что они получают с низколетящих миниБПЛА RQ11–Raven) окружающего района. Чтобы получить сигнал с крупных БПЛА или самолётов терминалы ROVER имеют встроенную антенну. Оригинальная система ROVER, также как и текущие версии системы, была разработана и поставлена в вооруженные силы в течение всего 2009 г.

Так иногда на жаргоне называют гранату РГД-5, за гладкий, без насечки корпус. Советская ручная граната РГД-5 относится к противопехотным осколочным ручным гранатам дистанционного действия наступательного типа. Это означает, что она предназначена для поражения личного состава противника осколками корпуса при взрыве. К цели граната доставляется только за счет ее броска рукой. Дистанционного действия — означает, что граната взорвется через определенный срок (3.2–4.2 сек.)

независимо от иных условий после того, как солдат выпустит ее из рук. Наступательного типа — означает, что осколки гранаты имеют небольшую массу и летят на дальность меньшую, чем возможная дальность броска. Внешне имеет овальный корпус из тонкой стали. Общий вес гранаты с запалом 400 гр. Заряд ВВ — тротил массой 110 грамм. Запал гранаты универсальный, подходящий также к гранатам РГ-41, Ф-1, РГ-42. Марка запала УЗРГМ. Размером граната чуть меньше банки со сгущенным молоком. Боевая граната окрашивается в зеленый цвет (от хаки до темно — зеленого). Учебно—

имитационная граната окрашивается в черный цвет. Кроме того, она имеет в нижней части отверстие. Боевой запал окраски не имеет. У учебно-имитационного запала кольцо чеки и нижняя часть прижимного рычага окрашены в алый цвет. Возможная дальность броска зависит от физических качеств солдата и в среднем составляет 45–55 метров. Дальность разлета осколков около 15–20 метров.

Трассирующие патроны или в просоречии «трассеры» имеют зелёный цвет пояска пули(не путать с чёрно–зелёной маркировкой пуль специальных дозвуковых патронов УС).

Жаргонизм, так называли
сотрудников армейской разведки
ГРУ.

«Контроль» — кодовое обозначение блокпостов для вызова на некодированной общей частоте. Обычно, по рации на общей волне вызывают либо по номерам («первый», «шестой» «восьмой» и т. д.), либо так, если общаются знающие друг — друга люди.

Антон говорит об отряде специального назначения внутренних войск МВД РФ — «Русь». Отряд сформирован на базе одной из воинских частей Отдельной дивизии оперативного назначения внутренних войск (охрана режимных государственных объектов) 1 августа 1994 года. Отряд «Русь» принимал участие в обеих чеченских компаниях, где его бойцы показали себя очень хорошо, демонстрируя стойкость и мужество. Как и все подразделения ВВ, отряд ориентирован прежде всего на

антитеррор и к ведению партизанской войны его бойцы не подготовлены в нужном объёме.

Имеется ввиду американский тяжёлый ударный самолёт AC-130H Spectre(на базе транспортного самолёта C-130 «Геркулес»). по сути «Спектр» — летающая крепость созданная для непосредственной поддержки наземных подразделений. Самолёт оснащён всем необходимым для борьбы с живой силой противника. На AC-130 установлено тяжелое вооружение с левой стороны фюзеляжа и различное электронное оборудование, включая телевизионные и тепловые системы наведения, современно

радиолокационное и навигационное оборудование. В том числе РЛС APN-59B, APQ-133 и AVQ-17(поисковая), датчики ASD-5 Black Crow и AAD-7 инфракрасные датчики, телекамера ASQ-145, контейнер с аппаратурой РЭБ — ALQ-87.

Антон говорит о самом современном на данный момент стратегическом бомбардировщике — невидимке В-2. Или если полностью: Нортроп В-2 «Спирит» (англ. Northrop B-2 Spirit) — тяжёлый малозаметный многоцелевой стратегический бомбардировщик ВВС США, предназначенный для прорыва плотной ПВО и доставки обычного или ядерного оружия. Для обеспечения малозаметности самолёта для ПВО используется стелс — технология: покрытие

самолёта специальными радиопоглощающими материалами, компоновка «летающее крыло», маскировка теплового излучения двигателей и проч. Точное значение ЭПР для В-2 не сообщается; по некоторым оценкам, это величина порядка 0,1 м². В-2 является самым дорогим самолётом в мире. Многие верят в расхожий миф о якобы неэффективности «стелс», однако есть данные, что связка F-117 и В-2 позволила с помощью точечных ракетно-бомбовых ударов преодолеть системы ПВО Ирака и уничтожить основные центры управления войсками, что в конечном итоге дезорганизовало иракские

вооружённые силы, исключив
полностью организованное
сопротивление силам вторжения
Коалиции.

Склад РАВ — Арсенал где хранятся ракеты и боеприпасы для оснащения самолётно–вертолётного парка базы.

На турелях армейских «хамви» стоит как правило крупнокалиберный 12.7мм пулемёт Браунинга М2НВ — QСВ(ствол у основания забран дырчатым кожухом, что обеспечивает пассивное воздушное охлаждение); Либо вместо пулемёта ставят 40мм автоматический гранатомёт Мк19 мод.3(Персонаж книги видимо служил в израильской армии, где Мк-19 имеет название «Маклар»); Оба изделия входят в комплект каждой бронемашины и могут быть предустановлены обученным

«Молот и наковальня» — тактический приём групп специального применения. Засада такого типа как правило организуется на переправах и в местах сужения рельефа местности (например выход — выход из горного ущелья). Основная изюменка «М&Н» в том, что внимание противника отвлекается на действие одной из подгрупп нападающих — «молот», в то время как расположенная в тылу атакуемой колонны подгруппа — «наковальня», наносит удар в тыл обороняющимся,

оказавшимся принуждёнными вести бой в полном окружении.

Михаил говорит о номинальной разнице калибров отечественных станковых гранатомётов АГС и американских Мк-19. Однако это не совсем так: в данном случае есть разница в мощности заряда ВВ гранатомётных «выстрелов». В обоих случаях она тождественна.

Бурлаками иногда называют отряд обеспечения движения(ООД), за скорость движения(пешеходные два—три км/ч). В него входят: танк с минным тралом, саперное отделение на БТР и саперов — разведчиков. ООД двигается впереди колонны, словно таща весь транспорт на буксире и ведет инженерную разведку и расчистку дороги.

Антон имеет ввиду модернизированный американский танк «Абрамс М1А2SEP». М1А2 В 1992-м году получил независимый тепловизионный панорамный прицел командира, новый прицел наводчика со стабилизацией в двух плоскостях и безопасным для глаз дальномером, новая командирская башенка с 8 перископами (вместо 6), тепловизионный прибор наблюдения для механика — водителя, боевая информационно-управляющая система IVIS. Усиленное бортовое бронирование. Боекомплект 42

выстрела к орудию.

В 2000-м году по программе модернизации на него поставили независимые прицелы командира и наводчика. Были так же введены тепловизионные камеры 2го поколения (технология SADA II), установлена система управления войсками FBCB2. Танк получил индекс M1A2SEP. Также было усилено башенное бронирование. Введен кондиционер и дополнительная силовая установка. В соотальном это тот же самый «Абраша», вооружение не подверглось модернизации сколько-нибудь заметно.

«Контролька» — жаргонизм из лексикона спецслужб. Означает какой-либо обычный предмет (горелая спичка, нитка, обрывок обёрточной бумаги, обломок ветки и проч.) которым помечается подвижная часть контейнера — тайника, оборудованного в помещении, в лесу или где — либо ещё. Не заметивший «контрольки» диверсант обозначает примерное время своего прибытия у контейнера — тайника, что облегчает его поиски.

Антон не ошибся, резервистов как правило действительно вооружают устаревшим оружием. M16A3 или «flat top» («плоский верх») — американская штурмовая винтовка, подвид M16, поступил на вооружение US army в 1994 г. От основного образца M-16A2; A3 отличается наличием большего числа пластмассовых деталей и отсутствием интегральной рукоятки для переноски, заменённой на универсальное крепление «Picatinny», что объясняет её название. В остальном это тоже M-

16А2 под стандартный промежуточный патрон НАТО 5.56х45мм(М855), с возможностью крепить вспомогательные приспособления(подствольник, тактический фонарь, прицел и т. п). Более надёжен чем его предшественники, но не избавлен от недостатков всех М16 — чувствительность к загрязнению и как следствие низкая боевая эффективность при длительном использовании, а также стрельбе очередями. В настоящее время с вооружения не снята, хотя о замене и идут упорные слухи.

Жаргонизм. «Шаландами» называют грузовики с низкими бортами, по аналогии с рыбацкими лодками. Часто данный термин используют в кодированных радиопереговорах, для затруднения расшифровки противником.

Имеется ввиду американская мина М18А1 «Клеймор» с пластмассовым корпусом и готовыми осколками. Использование готовых осколков при легком корпусе позволяет создать более равномерное и «предсказуемое» осколочное поле и уменьшает потери энергии на разрушение корпуса. Советские инженеры разработали улучшенный вариант М18 как мы знаем это МОН-50.

Корпус американской мины представляет собой плоскую пластмассовую коробку, изогнутую в

двух плоскостях, причем за счет вогнутости передней стенки у МОН-50 рассеивание осколков по вертикали меньше, чем у американского прототипа, а значит — выше плотность потока осколков. Внутри корпуса помещается заряд ВВ(тип С-3, масса вещества—682 г.) а у передней стенки расположен слой осколков общей массой около 1 килограмма. МОН-50 устанавливается на четырех складных ножках либо крепится на дерево, стену, металлическую трубу.

При установке мина с помощью простейшего «прицела» наводится по оси предполагаемого сектора поражения. Ударная волна, конечно,

распространяется и назад, и в стороны, так что мина «опасна» и за пределами сектора, что учитывают при ее установке. Взрыватели могут применяться различных типов — электромеханический МВЭ-72, механические МУВ-2 и МУВ-4, электродетонатор ЭДП — р. Последний получает сигнал с пульта управления, тогда мина или группа мин становится в руках оператора своеобразным оружием залпового огня.

Мины направленного поражения ставят на путях движения противника, прикрывают ими свои позиции, подходы к объектам. Они считаются очень удобными и для

организации мин-ловушек. Количество осколков и угол их разлета увязаны с радиусом сплошного поражения. Скажем, у французской F1 (APED), содержащей 500 осколков, это 30 метров при угле 50° у МОН-50 (485 осколков) — 50 метров при угле 54°. Для сравнения — управляемая выпрыгивающая мина ОЗМ-160 имеет радиус кругового поражения до 40 метров, но при этом сама мина весит 85 килограммов, а ее осколочный снаряд — 45.

М-25, это вроде как америакнский ответ СВД. Разработана на основе винтовки «Гаранд» имевшей место быть на вооружении американской армии ещё в годы Второй Мировой войны. Эта самозарядная винтовка была сначала снята с вооружения, после вьетнамской войны, а уже во время иракской — возвращена в строй. Винтовка оснащена пластиковым ложем и помимо открытого прицела имеет рельсовое крепление под современную оптику. Причиной «возвращения», явилось

недостаточное обеспечение
плотности огня прикрытия
подразделений уровня «отделение —
взвод» снайперами вооружённым
винтовками на основе винтовки
«Ремингтон 700» (армейский индекс
М-24) с продольно-скользящим
затвором. «Ремингтон», имея
высокую точность боя на дистанциях
свыше 500 м, проигрывает по
скорости перезарядки китайским
клонам советской СВД. А при
достаточной выучке и опыте,
снайпера повстанцев, случается,
переигрывают во время дуэлей своих
американских визави, имеющих
лучшую оптику и более современные
целевые боеприпасы.

ТТХ: Калибр — 7.62x51 NATO (.308 Winchester) Механизм — Полуавтоматический, газоотводный, запираение поворотом затвора. Длина—1118 мм. Ствол: 559 мм. Вес, без прицела — 5.27 кг. Магазин: 5 или 20 патронов — отъёмный, коробчатый. Штатно винтовка оснащается дневным прицелом Leatherwood 3X–9X ART с дальномерной прицельной сеткой. В описываемой комплектации состоит на вооружении сил специальных операций армии США и некоторых частных военных компаний.

Антон ошибается. SR-25, это гражданский вариант данной СВ и глушителем он не снабжается. Ему попала в руки целевая дороботанная M-110 — полноценная армейская винтовка, в настоящее время в небольших количествах поступающая на вооружение разведывательно-диверсионных подразделений американского корпуса морской пехоты, а также подразделений SOCOM и спецназа Центрального разведывательного управления США. Это всё тот же AR — 15, серьёзно доработанный для современных

условий и снова является ещё одним «ответом» СВД. Винтовка использует газоотводную автоматику с отводом пороховых газов в тело затворной рамы (система Стонера). Запирание ствола осуществляется поворотом затвора, имеющего 7 боевых упоров. Ствольная коробка состоит из двух половин, соединенных поперечными штифтами и выполненными из специального алюминиевого сплава. Ствол винтовки консольно закреплен и не касается цевья, чем обеспечивается стабильность пристрелки. На верхней части ствольной коробки и на цевье выполнены направляющие типа

Picatinny rail для установки прицельных приспособлений и иных аксессуаров. Ударно—спусковой механизм допускает стрельбу только одиночными выстрелами, оптимизирован для точной стрельбы. Штатные прицельные приспособления включают в себя складные мушку и целик, установленные на быстросъемных кронштейнах; диоптрический целик регулируемый по дальности до 600 метров. В дневное время «военные» варианты используются с оптическим прицелом фирмы Leupold переменной кратности 3,5—10X. В темное время суток возможно использование различных ночных и

ИК прицелов. возможностью регулировки длины приклада, другой конструкцией цевья с интегральными направляющими типа Picatinny rail, наличием на стволе пламегасителя, а также иной окраской наружных поверхностей. Все боевые варианты винтовки также комплектуются съемной складной сошкой фирмы Harris, быстросъемным глушителем звука выстрела, ремнем для переноски и т. п.

ТТХ: Калибр—7,62x51 NATO / .308 Winchester. Механизм — газоотводный полуавтомат, запираение поворотом затвора. Длина(ПБС/-):1187—1200 мм. Вес

— 7,26 кг (с сошкой и прицелом, без магазина). Питание — 10 или 20 патронов, коробчатый отъемный магазин.

Тут наши с Антоном пристрастия совпали, боевые возможности ножа, существенно ниже конструкционно более агрессивной конструкции кинжала. В бою, который предполагает, что всё будет происходит на высокой скорости, кинжал может спасти жизнь там, где нож бесполезен. Всё обусловлено способом хвата и количеством режущих поверхностей — кинжал универсален и имеет большую степень свободы при нанесении ударов. Кей — бар приобрёл свою популярность, как

массово изготавливаемый клинок, при всей своей усреднённости имеющий довольно высокое качество изготовления в отличие от советского массового штык — ножа для автоматов Калашникова. Теперь собственно про ножик.

Нож Матинелли это клон клинка американской морской пехоты времен Второй Мировой. Является самой популярной моделью — прототипом для современных боевых ножей стран НАТО. Изначально был разработан консорциумом фирм по заказу Минобороны США. Создание велось при весомом вкладе компании «Union Cutlery»(позднее переименованной собственно в «Кей

Бар»). Инженерами этой фирмы была предложена простая и надёжная технология производства кожаных наборных рукоятей. Позднее, нож производился разными производителями по заказу Морской Пехоты и ВМС США. Флотское название — «Navy Mark I» в Корпусе морской пехоты — «USMC Fighting/Utility». Всего было произведено более миллиона таких ножей только Union Cutlery (не путать с современной United Cutlery — китайской компанией производящей подделки под «Кей Бар»), они сделали этих ножей больше всех остальных контракторов, отсюда и совокупное нарицательное название

изделия. По договоренности с USMC, название производства штамповали на лезвии — из — за того, что большинство ножей имело этот штамп, звучало красиво и морпехи стали все такие ножи называть Кей Бар.

Окончательный дизайн был принят в 1944, но первые варианты поступили на вооружение еще в 1942 году. Этот нож был на вооружении Морской Пехоты со Второй Мировой, во Вьетнаме, и сейчас Camillus поставляет эти ножи, по старой спецификации в армию США. Хотя нож и называется Кей Бар после войны Union Cutlery его уже не выпускала и во Вьетнаме, Корее

использовались ножи производства Camillus и других компаний. Только через 32 года сама фирма «Кей Бар» возобновила производство этого легендарного ножа (впрочем Кей Бар долгое время вообще ножей не делал, им владел крупнейший производитель замков и ключей).

Рукоять 4 7/8 дюйма наборная из колец толстой кожи овальной формы, сзади круглая металлическая пята. Гарда — полоса стали отогнутая слегка в сторону рукояти. Лезвие высокоуглеродной стали 1095 с черным порошковым покрытием, твердость стали по стандарту — 56–58 Роквелла, спуски прямые, скос обуха заточен. Длина—178 мм.

Ширина — 32 мм. Толщина — 4.2 мм.

Нож разведчика стреляющий, образец второй. НРС представляет собой нож с вмонтированным в рукоятку однозарядным стреляющим устройством, которое состоит из отъёмного ствола с запирающим устройством на конце и двумя выполненными на стволе запирающими выступами, коробки, ударно—спускового механизма, рычага взвода, флажкового предохранителя и рычага спуска. Ствол располагается в задней части рукоятки, дульный срез в торце рукоятки прикрыт разрезной

резиновой шторкой.

Перекрестье — ограничитель рукоятки имеет с одной стороны прорезь — целик, соответственно, на конце рукоятки имеется пластиковый выступ — мушка. С другой стороны перекрестье имеет отогнутый лепесток с лункой для извлечения стреляной гильзы из патронника после выстрела. Механизм может быть полностью заменён вкладышем, позволяющим использовать только клинок, не нарушая балланса изделия.

Клинок ножа по форме напоминает штык-нож от АКМ, но изготавливается из стали 25Х17Н2БШ и имеет покрытие

«чёрный хром», также от острия идёт дополнительная короткая верхняя режущая кромка. На обухе клинка выполнены зубья пилы, позволяющие перепилить металлический прутки диаметром до десяти миллиметров. В отличие от первой модификации, НРС-2, по конструкции ближе к кинжалу в его классическом виде. Рукоять ножа выполнена из пластика зелёного (в некоторых опытных экземплярах — коричневого) цвета, с крупным сетчатым рифлением.

ТТХ: Применяемые патроны — СП4. Калибр—7,62x41мм. Масса ножа с ножнами без подвеса — 570гр. Масса ножа без ножен—360гр.

Габариты ножа в ножнах—
330х64х32,5мм. Габариты ножа без
ножен—285х52,5х32,5мм.

Размеры клинка:

— длина 160мм.

— ширина 28мм

— толщина 3,4мм

Длина прицельной линии—
105 м. Усилие извлечения клинка из
ножен:4—15 кг. Прицельная
дальность стрельбы—
25 м(рекомендованная — не более 4—
8 м). Начальная скорость пули—
200 м/с. Боевая скорострельность —
2выстр/мин.

Антон не верно назвал растение. Это т/н «водяной орех» или в простонародье — чилим. Однолетнее растение с длинным подводным стеблем, на котором расположены нитевидные корни, прикрепляющие растение к грунту. Подводные листья — линейные, опадают рано. Плавающие листья собраны в розетку, черешки у них вздутые, длиной до 10 см, голые или опушенные. Цветет во второй половине лета. Плод — орех с коническим основанием и четырьмя попарно — супротивными «рогами».

Распространен в стоячих и медленно текущих водах рек, озер и болот. Встречается на юге европейской части России, на Кавказе, в Сибири и Дальнем Востоке. Может жить в аквариуме.

Ирина вооружена модульной винтовкой Ремингтон MSR (Modular Sniper Rifle). Винтовка разработана по заказу американского центра специальных операций SOCOM в 2009 г. и сейчас активно используется в войсках специального применения. Оружие поддержки, каковым является снайперская винтовка в большинстве случаев, часто становится причиной гибели владельца. Длинный ствол оружия, характерная форма прицела — вот основные признаки по которым противник распознаёт снайпера. В

наставлениях боевиков НВФ чётко сказано, что боец в составе группы противника имеющий оружие отвечающее этим признакам должен уничтожаться в первую очередь, любой ценой. Поэтому система MSR создавалась с целью по возможности исключить опознание снайпера по явным внешним атрибутам. Пользователи отмечают высокую надёжность и точность изделия в самых различных климатических зонах и при выполнении широкого спектра боевых задач. Единственным минусом системы по прежнему остаётся «болтовая» конструкция УСМ.

Снайперская винтовка Remington

MSR использует только ручную перезарядку с продольно скользящим поворотным затвором. Боевая личинка затвора имеет три радиальных упора в передней части, при этом сама личинка может быть легко снята с тела затвора и заменена другой, рассчитанной на иной калибр. Стволы винтовки — быстросменные, предлагаются четыре варианта калибров от.308 Винчестер до.338 Лапуа(винтовка Ирины как раз в сборке под этот патрон, отсюда такие повреждения тел жертв), причем в каждом калибре компания предлагает четыре варианта длин стволов(ствол в нашем случае самый короткий —

508мм, для средних по современным меркам дистанций до 1200 м, но боеприпас Лапуа позволяет работать и на большие дистанции с высокой вероятностью поражения ростовой фигуры с первого выстрела). Стволы так же могут быть оснащены специальными дульными тормозами, на которые могут устанавливаться быстросъемные глушители звука и вспышки выстрела.

Основу винтовки составляет алюминиевая балка — шасси, на которую крепится ствольная коробка, пистолетная рукоятка, ударно-спусковой механизм и складной вбок (вправо) приклад. УСМ винтовки полностью регулируемый, приклад

также регулируется по положению затыльника и упора под щеку. На верхней поверхности ствольной коробки расположена направляющая типа Picatinny rail, на которую устанавливаются оптические прицелы на быстросъемных кронштейнах. На цевье винтовки имеются посадочные места для установки дополнительных направляющих типа Picatinny rail.

Общие ТТХ изделия:
Калибры: .338 Lapua, 338 Norma, 300 Win Mag, 7.62x51 NATO (.308Win).
Механизм: ручная перезарядка, продольно скользящий поворотный затвор. Стволы: 508, 559, 610 или 686 мм. Вес: около 6,7 кг(зависит от

конкретной комплектации). Магазин на 5, 7 и 10 патронов, отъемный коробчатый.

РПГ–26 «Аглень». Реактивная 72.5мм граната. Длина: 770 мм. Вес: 2.9 кг. Заявленная эффективная дальность стрельбы: 170 м. Бронепробиваемость: 440 мм.

Принята на вооружение СА СССР 1985 году и постепенно вытеснила с вооружения более старые гранаты РПГ–18 и РПГ–22. Реактивные противотанковые гранаты РПГ–26 до сих пор находятся в производстве и состоят на вооружении Российской армии как индивидуальное средство пехотинца для борьбы с бронетехникой и

легкими укреплениями, хотя против современных средств активной защиты они не эффективны, как не продаивают и сегменты лобовой брони танков вроде M1A2 или советского T-85 более чем с сотни метров.

РПГ–27 «Таволга». Рабочая лошадка нашей армии, на мой взгляд самая удачная модель одноразового РПГ. Успешно заменяет «Аглень», превосходя его по универсальности и боевой эффективности как против инженерных сооружений(тандемная БЧ на 105мм), так и современных образцов бронетехники(БЧ — лидер на 64мм), хотя он и существенно тяжелее старшего брата. Реактивная граната двух подвигов калибра: 105 и 64 мм. Длина: 1135 мм Вес: 8.3 кг. Эффективная дальность стрельбы: 140 м. Бронепробиваемость:

динамическая защита + 600 мм
стальной брони.

Граната РПГ–27 представляет собой реактивный снаряд с тандемной кумулятивной бронебойной боевой частью калибрами 105 мм (основная БЧ) и 64 мм (БЧ — лидер, предназначенная для преодоления динамической защиты) и пороховым реактивным двигателем, полностью отрабатывающим в стволе одноразового пускового устройства. Стабилизация гранаты на траектории осуществляется при помощи складных стабилизаторов и придаваемого ими гранате осевого вращения. Пусковое устройство

представляет из себя трубу —
моноблок из стеклопластика.
Скорость вылета гранаты из
пускового устройства — порядка
120 м/с. С торцов пусковое
устройство закрыто разрушаемыми
при выстреле резиновыми
крышками.

Имеется ввиду 42-й арсенал ГРАУ особого Калининградского района. Здесь и далее приводятся уточнённые данные по дислокации войск России на период с января 2005 г. Не считаю правильным приводить уточнённые данные на более поздний период.

Вторая обр. СпН бригада Сил
специального применения
действительно базировалась в районе
пос. Промежицы, Псковской области.

По некоторым данным, в районе г. Гурьевска и под самим Калининградом базировалось несколько артиллерийских частей, в составе которых имелись дальнобойные 203–мм самоходные артсистемы 2С7 «Пион», или её модификация – 2С7М «Малка» (калибр орудия и ходовая часть без изменений, дополнительно установлена аппаратура для приема и отображения данных для стрельбы. Скорострельность увеличена до 2,5 выстр./мин, возимый боекомплект увеличен до 8 выстрелов)

использующие снаряды с ядерной БЧ. Самоходка на базе Т-80, безбашенного типа.

Основными снарядами для 2С7 являются осколочно-фугасный снаряд ОФ43 и активно-реактивный снаряд.

Вес осколочно-фугасного снаряда равен 110 кг, в нем имеется 17,8 кг взрывчатого вещества. Максимальная дальность стрельбы этим снарядом на полном заряде составляет 37,5 км, начальная скорость — 960 м/с. Активно-реактивный снаряд весит 103 кг, в нем содержится 13,8 кг взрывчатого вещества, дальность стрельбы этим снарядом является рекордной для

современных полевых орудий и равняется 47,5 км. Кроме названных выше, к пушке разработан бетонобойный снаряд, спецбоеприпас с ядерным зарядом и химический снаряд.

Ядерные спецбоеприпасы предназначены для уничтожения особо крупных промышленных объектов и объектов инфраструктуры, а также крупных скоплений войск противника. Минимальная дальность стрельбы ядерными снарядами составляет в 18 км, максимальная — 30 км. Боекомплект состоит из 8 выстрелов, из которых 4 размещены собственно на самоходной установке, а

остальные перевозятся в сопровождающей ее транспортной машине.

Максимальная скорострельность пушки – 1,5 выстрела в минуту. Предусмотрены следующие режимы стрельбы: 8 выстрелов в течение 5 минут; 15 выстрелов в течение 10 минут; 24 выстрела в течение 20 минут; 30 выстрелов в течение 30 минут и 40 выстрелов в течение часа.

МакАдамс немного неверно произносит название корабля своих японских союзников. В данном случае имеется ввиду эсминец–вертолётносец DDH–181 «Хиюга»: заложен на стапеле 11 мая 2006 г., 23 августа 2008 г. спущен на воду, 18 марта 2009 г. вступил в строй. По своей идеологии корабль максимально соответствует советскому противолодочному крейсеру–вертолетоносцу «Москва». Тем не менее, в случае оснащения его самолетами УВВП F–35 В (максимальная взлетная масса

31800 кг) он может превратиться в полноценный легкий авианосец.

Корабль выполнен по «стандартной» схеме: с большой палубой и смещенной к правому борту надстройкой, на данный момент рассчитан на базирования вертолетов (однако, по мнению экспертов, авианосцы такого класса могут стать подходящей платформой для базирования истребителей класса F-35).

По своему водоизмещению корабль соответствует легким авианосцам, предназначенным для базирования самолетов вертикального взлета и посадки Harrier (британским класса

«Инвинсибл», итальянскому
«Джузеппе Гарибальди», испанскому
«Принц Астурийский» и
тайландскому «Чакри Нарубет»).

ТТХ DDH-181: Длина – 197 м.
Ширина – 33 м. Осадка – 7 м.
Водоизмещение – 13 500 т.
(стандартное); либо – 18 000 т.
(полное). Скорость полного хода: 30
узлов. Дальность плавания: 6000
морских миль (на скорости 20 уз.).
Двигательная установка
газотурбинная (4 турбины),
суммарной мощностью 100 тыс. л. с.

«Редут». Имеется ввиду береговой противокорабельный оперативно–тактический ракетный комплекс второго поколения. «Редут» был разработан под руководством В. М. Челомея в ОКБ–52 в соответствии с Постановлением СМ СССР № 903–378 от 16 августа 1960 г. на базе оперативно–тактической противокорабельной ракеты П–35. Комплекс предназначен для поражения надводных кораблей всех типов. Ракета берегового комплекса получила индекс П–35Б. Обозначение ракеты МО США –

SSC-1B (Surface-to-Surface Cruise тип 1 второй вариант), обозначение НАТО – Sepal.

Несколько дивизионов «Редут» имеются в распоряжении Северного флота. Ракета комплекса «Редут» имеет мощную боевую часть и высокую скорость маршевого полета, что увеличивает вероятность поражения (прорыва ПВО) цели одной ракетой или многоракетным с нескольких ПУ. Состоящие на вооружении в данный момент комплексы скорее всего имеют ракету 3М44 «Прогресс» с улучшенными ТТХ. Благодаря большой дальности стрельбы батарея комплекса «Редут» при внешнем

целеуказании может прикрывать побережье протяженностью в несколько сот километров. Мощная фугасная или ядерная боевая часть позволяет вывести из строя одной ракетой корабль любого класса. Пусковая установка создана на базе четырехосного шасси ЗИЛ–135К (после переноса серийного производства шасси в Брянск – БАЗ–135МБ). Головным разработчиком системы управления комплекса «Редут» был НИИ–10 (ВНИИ «Альтаир»). Маршевый ТРД ракеты разработан в ОКБ–300. Среди недостатков отмечается то, что ракета имеет относительно большие размеры и массу, из–за чего СПУ

несет только одну. СПУ не автономна и не может сама обнаруживать и обстреливать цели. Время разворачивания комплекса на боевой позиции около тридцати минут, что также очень медленно для современного скоростного боя. Большая дальность полета ракеты создает проблемы с целеуказанием. Однако стрельба с замаскированных позиций может дать нужный результат, что в принципе и нужно для береговой батареи.

МакАдамс имеет ввиду своё подразделение. Это не самостоятельная часть, два батальона находятся в составе 525-ой РпБ. 525-я разведывательная (парашютная) бригада, базируется в Форт-Брэгг штат Северная Каролина. Штат бригады включает: штаб со штабным отрядом, два разведывательных батальона и один – воздушной разведки, а также подразделения связи, радио- и радиотехнической разведки, РЭБ, анализа разведывательных данных, контрразведки, допроса пленных и

тылового обеспечения. Численность личного состава около 1,6 тыс. человек.

Майкл вооружён новой штурмовой винтовкой (автоматом) Remington ACR. Внешне оружие напоминает FN SCAR. Данное изделие – результат совместной работы специалистов Сил специального применения армии США – SOCOM и инженеров компании Ремингтон.

Одним из основных преимуществ штурмовой винтовки Remington ACR является модульная конструкция изделия. Модульность позволяет в данном конкретном изделии заменять стволы разной

длины и калибров в полевых условиях и адаптировать оружие для различных боевых задач, используя только одну основу – корпус из легкого сплава, на который при помощи планок Picatinny могут быть установлены любые типы прицелов: оптические, коллиматорные, ночные, либо механические складные съемные прицельные приспособления, а так же другие аксессуары, как то: лазерные целеуказатели, тактические фонари и передние рукоятки.

Однако главным козырем эксперты считают уникальный боеприпас – 6,8 SPC (6,8 мм). Патрон 6,8 mm Remington SPC (Special

Purpose Cartridge) – на данный момент может считаться оптимальным для такого подвида боеприпасов как промежуточный патрон. Данный б/п сочетает в себе хорошую эффективность по живым целям, адекватную баллистику (особенно при стрельбе из карабинов со сравнительно коротким стволом) и умеренные отдачу и габариты. Патрон также как и автомат ACR, разрабатывался компанией Ремингтон в тесном сотрудничестве с бойцами и экспертами Сил спецопераций SOCOM, и активно продвигается в США в качестве перспективного армейского патрона. Однако пока книжная реальность

совпадает с реальностью действительной – комплекс закупают частные военные компании, а боевые части регулярной армии (даже пресловутый «спецназ») новое оружие не увидят в ближайшей перспективе.

ТТХ: калибр – 5,5 × 45 (.223 Remington) / 6,8 SPC / 6,5 mm. Длина оружия: 902/654 (в варианте с 368 мм стволом). Длина ствола: 267, 368 или 419 мм. Высота оружия – 197 мм. Ширина оружия: 64 мм. Масса без патронов – 3,1 кг. Темп стрельбы: 650–700 выстр/мин. Ёмкость магазина: 30/100 патронов (отъёмный коробчатый или двойной барабанный магазин типа «Beta–C»).

МакАдамс говорит о стрелковом комплексе, состоящем из двух модульных изделий, это Mk.16 SCAR–L (Light) и Mk.17 SCAR–H (Heavy). Данный комплекс поступает в войска специального применения SOCOM уже с 2005 г. и отлично себя зарекомендовал в Афганистане. Предполагается, что к концу первого десятилетия XXI века, комплекс SCAR заменит принципиально более слабый и проблемный тандем M4 – M14.

Стрелковая система SCAR включает в себя два базовых варианта

оружия – «легкую» винтовку Mk.16 SCAR–L (Light) и «тяжелую» винтовку Mk.17 SCAR–H (Heavy). Главными различиями между SCAR–L и SCAR–H являются используемые боеприпасы, поскольку винтовки SCAR–L рассчитаны только на патроны калибра 5.56×45 мм НАТО (как с обычными пулями M855, так и с более тяжелыми пулями Mk.262). Винтовки же SCAR–H в качестве базового боеприпаса используют значительно более мощный патрон 7.62×51 мм НАТО, с возможностью, после замены необходимых компонент (затвор, ствол, нижняя часть ствольной коробки с приемником магазином),

использовать патроны других калибров. Показательно то, что пока это советский патрон $7,62 \times 39$ – М43, причем с данным патроном винтовка SCAR–H может использовать магазины от автоматов Калашникова АК/АКМ.

В обоих базовых конфигурациях винтовки SCAR имеют три возможных конфигурации – стандартную «S» (Standard), укороченную для ближнего боя «CQC» (Close Quarters Combat) и снайперскую «SV» (Sniper Variant). Смена варианта осуществляется только в условиях базы путем замены ствола силами самого бойца или оружейника подразделения. Что на

данный момент даёт выигрыш для прямого конкурента – комплекса фирмы «Ремингтон», о котором говорилось выше (там есть опция переделки в полевых условиях). Во всех вариантах винтовки SCAR имеют одинаковое устройство, одни и те же органы управления, те же процедуры обслуживания, ремонта и чистки, максимально возможную взаимозаменяемость деталей и аксессуаров. Взаимозаменяемость деталей между вариантами винтовок составляет до 90 %.

Сасквоч – значит дикий человек в переводе с одного из индейских диалектов. Когда в 1958 г. в лесу были обнаружены отпечатки огромных ступней, местная газета округа Гумбольдт в Калифорнии окрестила неизвестное существо новым именем: Бигфут. С момента публикации в Гумбольд Таймс Бигфут приобретает огромную известность. Материал подхватывает агентство Ассошиейтед Пресс, и информация о Бигфуте разлетается по всему миру. Бигфута и его следы начинают замечать во всех уголках

планеты. Появляются фотографии, множатся публикации, туристы рекой текут к местам, где видели Сасквоча. Тысячи журналистов, биологов, экспертов по аномальным явлениям работают над углублением Бигфут-культуры. А в 2002 г. умирает один из главных охотников за Бигфутом, калифорнийский лесник Рэй Уоллас. После его смерти члены семьи заявили, что Бигфут – это сознательная мистификация. На знаменитой черно-белой фотографии изображена жена Уолласа, конечно, в специальном костюме. Отпечатки лесник оставлял при помощи больших деревянных ступней, которые семья тоже

предъявила журналистам. Это разоблачение не помешало легенде о Бигфуте жить дальше. Последние сведения о встречах с Бигфутот в новостях датированы июлем 2010 г.

Однако я не склонен считать, что абсолютно все сообщения о «снежном человеке» это стопроцентная мистификация, хотя в случае с лесником из Калифорнии это вполне возможно. У нас в Сибири охотники—промысловики, старатели—золотодобытчики и просто лесозаготовители часто видят нечто похожее. Существо по совокупным описаниям от полутора до трёх метров ростом, имеет бурую или рыжую шерсть, прямоходящее.

Человека хоть и избегает, но совершенно не боится. Все отмечают, необычайное чувство страха, стоит только попытаться приблизиться к «Рыжухе» (так называл Бигфута один мой знакомый), или навести на существо оружие. В любом случае, верить или нет – дело сугубо личное.

Подобное уже происходило в США вскоре после нападения японского флота на главную базу американских ВМС – Пёрл Харбор. Тысячи американцев японского происхождения оказались репрессированы и заключены в концентрационные лагеря, не взирая на поли возраст. Подобная практика преследования по национальной принадлежности к сожалению принимает форму рутинной и вполне законного комплекса карательных мер в отношении нежелательных персон.

Среди форумных «оружейников» ходят всевозможные легенды о знаменитой винтовке Мосина. Легенды эти столь противоположны по своей сути, что лично у меня, как пользователя карабина той же марки они вызывают одинаковую неприязнь. Сторонники «крутости» говорят о необычайной (до 3000 м) дальностью «трёхлинейки» (3 линии в старинной русской системе мер равны 0,3 дюйма, или по-современному – 7,62 мм) и её полной безотказности в работе даже после

тотального небрежения владельцем в течение очень длительного времени. Это ложь. Также ложью является то, что противники винтовки приводят как недостатки данного изделия: конструкция «содрана» с бельгийской винтовки, топорно сработанное ложе, отсутствие эргономики органов управления в принципе, неудовлетворительную точность на расстоянии свыше восьмисот метров по ростовой фигуре и якобы чувствительность к загрязнению после семи–десяти выстрелов подряд.

Первым на нелепые восторги возражу: оружие без стрелка – бесполезный набор запчастей,

поэтому не надейтесь, что оно будет хорошо и безотказно служить без соответствующих усилий с вашей стороны. Вторым (ну поклонникам «западного» и «особо точного») повторяю: если б делали плохо, в войне не победили бы. В те суровые годы, проблемные конструкции отсекались практически мгновенно, как это было к примеру со знаменитой СВТ или в просторечии «светкой». Винтовка конструкции Мосина вобрала в себя всё лучшее от зарубежных образцов, однако идея и основа конструкции принадлежали офицеру русской армии С. И. Мосину. В 1891 г. выиграла конкурс у изделия знаменитого

Нагана (это не рэппер, это такой бельгийский конструктор—оружейник, звали его Леон, но не «киллер», а просто очень талантливый инженер—конструктор). Конструкция выдержала четыре войны (две мировых и две крупных но более локального характера), даже в наше время мосинская винтовка нашла своё воплощение в ряде модификаций снайперского оружия.

Лесник Чернов в романе вооружён модификацией от 1930 г. (кольцевой предохранитель мушки, планка крепления снайперских прицелов марок ПЕ или ПУ, возможность установки ПББС конструкции братьев Митиных

«БРАМИТ», ореховая ложка).

ТТХ: калибр – 7.62 × 54 мм R;
тип УСМ – ручное перезаряжание,
продольно скользящий поворотный
затвор; длина (без
предустановленного ПББС) – 1234
мм; вес (без патронов, оптического
прицела и предустановленного
ПББС) – 3,8 кг. Ёмкость магазина – 5
патронов в неотъемном коробчатом
магазине, снаряжение из обойм.

Имеется ввиду портативный пункт управления подразделением ROVER (Remote Operations Video Enhanced Receiver). Это устройство имеет шифрованный канал обмена данными с другими подразделениями, средствами воздушной и космической разведки, служит для координации действий с различными родами и видами войск. Каждый ROVER имеет размер стандартного КПК. Этот приемник предназначен для «ручного» использования и позволяет получать видеосигнал в режиме реального

времени. Силы специальных операций США и командование пехотных частей армии США, используют ROVER для получения более глобальной картины (по сравнению с той, что они получают с низколетящих мини БПЛА RQ11–Raven) района проведения операции. Чтобы получить сигнал с крупных БПЛА, самолётов АВАКС или спутников, терминалы ROVER имеют встроенную антенну. Оригинальная система ROVER, также как и текущие версии системы, была разработана и поставлена в Вооруженные Силы в течение 2009 г.

Мк.18 CQBR. Это всё тот же самый тюнингованный карабин М-4А1. Чудес от данного оружия ожидать не нужно, порочная система gas key никуда не делась. Плюс короткий ствол и проблемный НАТОвский патрон 5,56 мм, которые совместными усилиями убивают все достоинства данного оружия. Удобство данного ствола только в отлично продуманной системе аксессуаров SOPMOD (прицелы, сменные стволы, фурнитура, ПББС и проч.). Однако большое число данных автоматов всё ещё

присутствует в самых элитных подразделениях американской армии как основная штатная единица вооружения бойцов. полностью планируется избавиться от М4 только к 2017 г., когда ему на смену придёт SCAR или Remington ACR. Однако массовое внедрение последнего образца сомнительно из-за его высокой стоимости.

ТТХ: Калибр: $5,56 \times 45$ (.223 Remington). Длина оружия – 840/760 мм. Длина ствола – 370 мм. Масса без патронов – 2,7 кг. Темп стрельбы – 700–950 выстр/мин. Емкость магазина: 20 или 30 патронов.

P226. Имеется ввиду армейский вариант пистолета SIG P226 под патрон 9 × 18 мм Парабеллум. Данный пистолет был изначально принят на вооружение спецподразделением ВМФ США «US Navy SEAL» и используется в войсках с 1991 года. В частности, его стали большими партиями закупать во время операции «Буря в пустыне». По свидетельствам пользователей, пистолет на порядок превосходит по надёжности и эффективности официальное личное оружие Beretta M 92FS, о котором я слышал немало

неприятных слов, хотя личное знакомство с «береттой» было мимолётным (два магазина на стрельбище). Что же до Р226, то разведподразделениями американской армии чаще всего используется модель «Blackwater», с пазами для крепления дополнительных приспособлений и сменным стволом для предустановки ПББС. В целом пользователи хвалят пистолет за высокую кучность стрельбы сериями по три—четыре выстрела, а также надёжность в плане воздействий внешней среды.

Отдельно стоит упомянуть боеприпас данного изделия. Это специально разработанный

американской компанией «Federal Cartridge» мощный девятимиллиметровый патрон.357 SIG. Создавался он на основе патрона.40 Smith & Wesson. Такой модификацией создатели патрона.357 SIG достигли следующих результатов: более надежного досылания патронов, так как диаметр пули оказался заметно меньше диаметра задней части патронника, что исключило возможность утыкания патрона при подаче (известная проблема крупнокалиберных патронов). Также увеличилась начальная скорость пули по сравнению как с исходным патроном.40 S&W, так и с

патроном 9 × 19 Parabellum, что дало более настильную траекторию стрельбы и большую проникающую способность; патрон.357 SIG, более всех остальных боеприпасов, оказался пригоден для поражения защищенной цели, находящейся за дверью или, например, в автомобиле. В отличие от патрона 10 mm Auto, предназначавшегося также для поражения защищенных целей, но оказавшегося слишком «горячим» ввиду чрезмерной силы отдачи, серьезно затруднявшей прицельную стрельбу, отдача нового патрона.357 SIG оказалась довольно умеренной, тогда как прирост в начальной скорости — весьма существенным.

Для патрона.357 SIG при пуле весом 6.12 грамм (как пуля патрона 9×18 мм ПМ) начальная скорость, при стрельбе из оружия со стволом длиной 100 мм, может достигать 460 м/с и даже 520 м/с при дульной энергии от 650 до 820 Дж, что в 2–3 раза выше, чем у ПМ и близко к дульной энергии патрона.357 Magnum. При пуле весом 7,82 г начальная скорость пули может достигать 450–460 м/с, а при пуле массой 10 г – 360 м/с.

Само оружие в данной компоновке и данный боеприпас имеют на вооружении только сотрудники полевых групп ЦРУ – SOG, Секретной службы США

(охрана первых лиц государства), Служба военно–морской разведки США и подразделения Центра спецопераций армии США.

ТТХ (для модели под 9 мм): Калибр – 9×22 мм (.357 SIG). Длина оружия – 196 мм (без предустановленного ПББС). Длина ствола – 112 мм (обычного). Высота оружия – 140 мм. Ширина оружия – 38 мм. Масса без патронов – 964 г. Емкость магазина – 15 и 20 патронов в коробчатом двурядном магазине.

АКСУ — если совсем по-книжному, то АКС-74У. Автомат создан на базе АКС-74, для водителей бронетехники и лётчиков советской, и само собой российской армии. Изделие максимально унифицировано по узлам и деталям со «старшим братом», отсюда его очевидные достоинства и недостатки. Достоинства — мощный для оружия данной категории патрон и высокая мобильность автомата в условиях узких коридоров или скажем кабины пилота вертолёта или истребителя. Недостатки —

невысокая эффективная дальность ведения огня (около 130 м), быстрый перегрев (после отстрела 60 патронов непрерывной стрельбы, начинаются «плевки»). Ещё можно реально оглохнуть, поскольку из-за короткого ствола и конструкции надульника звуковая волна накрывает стрелка. Из-за этой особенности, АКСУ иногда ласково называют «чебурашкой». Но несмотря на некоторые минусы, «чебуран» — вполне вменяемое оружие, которое легко освоить и вполне уверенно можно использовать как личное оружие.

Автомат укорочен вдвое, против АКС, ствол у него, с соответственно

передвинутой назад газовой камерой, укорочен также шток газового поршня; установлен специальный надульник, служащий расширительной камерой (для надежного функционирования газового двигателя автоматики) и пламегасителем. Крышка ствольной коробки имеет шарнирное крепление к ствольной коробке в передней ее части. Прицел открытый, секторный, целик перекидной – с установками на 200 и 400 метров, закреплен на крышке ствольной коробки. В остальном же механизмы, органы управления и общее устройство АКС–74У аналогичны устройству автомата АКС–74.

ТТХ: Калибр – 5,45 × 39 мм.
Длина – 735 мм и 490 мм со
сложенным прикладом. Длина
ствола – 210 мм. Вес без патронов –
2,71 кг. Емкость – 30 патронов в
секторном отъёмном магазине. Темп
стрельбы: 650–735 выстр/мин.

В данном случае генерал Макаров использует не общепринятое, а обиходное название единого танка Т-80 или «объекта 219». За способность вести бой на довольно высокой скорости Т-80 получил прозвище «Летающий танк». Серийное производство танков Т-80Б, оснащенных комплексом ПТУР 9К112 «Кобра», началось в 1976 г. Технология изготовления этих машина взяла все лучшее от технологий танков Т-64Б и Т-72А. Т-80Б вооружён 125-мм гладкоствольным орудием Д-81ТМ

(2А46), аналогичным пушкам, установленным на Т-64 и Т-72. С точки зрения удельной мощности Т-80 резко отличается от предшественников. Газотурбинный двигатель СМ 1000 мощностью 1000 л. с. позволяет танку развивать скорость до 70 км/ч по твердым грунтам и до 50 км/ч по сыпучим. На сыпучих грунтах машины того же класса, имеющие близкую к Т-80 массу, способны развить скорость не более 25–30 км/ч, в то время как Т-80, за счет мощного двигателя и удачной конструкции ходовой части, может развивать высокую скорость на совершенно не приспособленных для скоростных бросков участках

местности. За счет совершенной системы управления огнем, Т-80 способен вести прицельный огонь при движении на средних скоростях. Низкий силуэт, малый вес и высочайшая гибкость конструкции делают боевое применение машины актуальным на поле боя до настоящего времени.

По состоянию на 1993 г., Т-80 и его модификации имеются на вооружении большинства профильных частей ВС РФ. Танк модифицировался несколько раз, самые заметные улучшения были сделаны именно в 1985 г., за что танк и получил обиходное наименование «восемьдесят пятый». Стремясь

выйти на новые рынки оружия в начале 1990-х, российское правительство приняло решение показать Т-80 на международной выставке военной техники в Абу-Даби IDEX'93. Официально танк стал именовался Т-80У («У» — улучшенный). Машина произвела впечатление на специалистов, в конструкции явно прослеживалось совершенствование трех ключевых характеристик любого танка — бронезащиты, огневой мощи и подвижности.

Бронезащиту лобовой части передних частей бортов корпуса усилили путем установки навесных модулей, которые состоят из слоев

пластика и керамики. В нижней части корпуса машины появились два резиновых фартука, предназначенные для провоцирования преждевременной детонации мин. Форма башни танка напоминает форму башни Т-72Б1 модели 1985 г.; башня Т-80У ИМСС1 встроенную пластиково-керамическую броню. Увеличению степени защищенности способствуют также навесные блоки динамической защиты, установленные на башне и лобовой части корпуса и прикрывающие барбет резиновые фартуки-сегменты на скулах башни. Дополнительное бронирование установлено также на

крыше башни.

Огневую мощь танка усилили за счет интеграции в систему управления огнем пушки Д-81ТМ (2А46Б) цифрового электронного баллистического вычислителя 1В528. Наведение ракет комплекса «Кобра» осуществляется посредством прицельного устройства «Буран-ПА», имеющего дневной и ночной каналы; прицел «Буран-ПА» пришел на смену прицелу 1К13. Командир имеет прицел с независимой стабилизацией и способен самостоятельно искать и поражать цели. На Т-80У установлен стабилизированный прицел ТКН-4С, имеющий дневной и ночной каналы.

После установки на Т-80У 1250-сильного газотурбинного двигателя ГТД-1250, по удельной мощности российская машина сравнялась с лучшими танками НАТО. Между тем, в разработке находится танковый газотурбинный двигатель мощностью 1500 л. с., оснащение Т-80 таким мотором даст ему решающее преимущество перед машинами НАТО в скорости. Начиная с 1992 г., танки Т-80 оснащаются также и 1000-сильными дизель-моторами 6ТДФ. Этот 12-цилиндровый двигатель с оппозитным расположением цилиндров создан на базе мотора, ставившегося на танках Т-64. Т-80 с

дизельными двигателями получили обозначение Т-80УД. Всего на данный момент произведено более 6000 машин данного проекта, включая различные модификации. «Объект 219» является лучшим единым танком, производимым серийно за последнюю четверть века.

ТТХ:

Экипаж – 3 человека. Боевая масса – 46 т. Длина с пушкой – 9900 мм. Длина корпуса – 7400 мм. Ширина – 3400 мм. Высота – 2480 мм.

Вооружение – 125-мм гладкоствольная пушка Д-81ТМ (2А46Б) боекомплект 39 снарядов и 6

ПТУР; 1 пулемет ПКТ–М калибра 7.62 мм (боекомплект 2000 патронов); 1 зенитный пулемет НСВТ калибра 12,7 мм.

Двигатель – ГТД–1250 мощностью 1250 л. с. Скорость по шоссе – 75 км/ч. Запас хода – 335 км.

В данном случае имеется ввиду общевойсковой бронежилет 6Б5–16 (модификация для расчётов артиллерийских орудий и мотострелков). «Броник» этот довольно надёжный, разработан ещё в СССР и поставлен на снабжение СА в 1986 г. Стандартный армейский 6Б5, как правило, имеет керамические карбидо–борные бронепластины в грудной секции и тонкие титановые в спинной секции. Все варианты жилета имеют единый чехол и внешне практически ничем не отличаются друг от друга. На

грудной секции жилета размещены карманы для магазинов. Они сделаны универсальными для размещения магазинов как к автоматам АК, АКМ, АК-74, так и к ручным пулеметам РПК, РПК-74. На спинной секции, внизу, располагаются карманы для ручных гранат и карман для противогаза, находящийся чуть выше. Расположенные выше гранатных карманов шлевки предназначены для пропуска поясного ремня. В верхней части грудной секции расположены валики-упоры, чтобы предотвратить сползание с плеча ремня оружия, плечевых ремней рюкзаков, ранцев и прочего снаряжения. Большая часть

жилетов получила чехлы из капроновой ткани зеленого или серо-зеленого цвета (морпехи и десантура щеголяют в трёхцветных камуфляжных «Бутанах», в народе более известных как «Дубок»).

Бронежилет 6Б5 был первым отечественным жилетом, имеющим противоосколочную защиту шеи (воротник). Она состоит из трех взаимоперекрывающихся частей, одной на спинной секции и двух на грудной, в которых размещена ткань ТСВМ-ДЖ (аналог ткани Кевлара). Сам по себе он очень увесистый, с керамическими бронепанелями на груди и спине, держит пулю от отечественного АКМ и амеровской

М16А2 с дистанции в 10 м. На испытаниях выдерживал попадание из СВД (обычной пулей ЛПС) с дистанции свыше 100 м. В указанном исполнении (со всем обвесом без боекомплекта) весит 14 кг.

Производство этих жилетов продолжалось до 1998 г. В 2000 г. приказом Министра обороны РФ БЖ серии 6Б5 были сняты со снабжения, с оставлением находящихся в эксплуатации в войсках жилетов до полной замены современными изделиями. Однако большинство мотострелковых и артиллерийских частей СВ РФ до сих пор используют 6Б5 в качестве основного средства индивидуальной противопульной и

противоосколочной
пехотинца.

защиты

Номера частей, застав,
дислокация частей ПВ и
подразделений ВС РФ изменены
намеренно, я не считаю нужным и
возможным приводить абсолютно
точные цифры и имена.

ОГСР «Сигма». Одно из самых секретных подразделений специальной разведки в структуре ВС РФ. Приказ о формировании группы датирован 17 мая 1994 г. Подразделение подчиняется напрямую командующему погранвойсками и его заместителю по разведке. Это кадрированная часть, т. е. проходят службу в ней только офицеры и прапорщики. В апреле – мае 1995 г. началось комплектование. Костяк составили офицеры Управления «А» ЦСН ФСБ РФ, среди которых традиционно

много пограничников.

В 1995 г. было размещено и обучено два подразделения – в Москве и в Краснодаре. От создания еще одного подразделения в Хабаровске первоначально пришлось отказаться по экономическим причинам. В 1997 г. под сокращение попали краснодарские спецназовцы. Возможности продолжить службу в центральном подразделении им не предоставили, так что офицеры с трудом созданного подразделения перешли на службу в другие ведомства, немногие остались в погранвойсках. Угроза сокращения не раз нависала и над московским подразделением «Сигмы», однако

после передачи ФПС РФ в подчинение Федеральной службы безопасности положение изменилось. В частности, хабаровский филиал, по некоторым сведениям, всё же создан и успешно выполняет поставленные перед ним задачи в составе ЦСН ФСБ. Всё выше сказанное является набором фактов, собранных мной лично и только из открытых источников.

Имеется ввиду ЗРС С-400 «Триумф». Зенитная ракетная система С-400 принята на вооружение российской армии Постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2007 г. 6 августа 2007 г. первый дивизион заступил на боевое дежурство в г. Электросталь Московской обл. В странах, входящих в блок НАТО, комплекс получил обозначение SA-20. Зенитный ракетный комплекс С-400 «Триумф» предназначен для поражения самолетов-постановщиков помех, самолетов радиолокационного

обнаружения и управления, самолетов–разведчиков, самолетов стратегической и тактической авиации, тактических, оперативно–тактических баллистических ракет, баллистических ракет средней дальности, гиперзвуковых целей и других современных и перспективных средств воздушного нападения.

ЗРК С–400 создан на базе существующих российских комплексов С–300, однако обладает значительно большими тактико–техническими возможностями в сравнении с этими системами – и по зоне, и по эффективности, и по многообразию поражаемых целей.

Проведенные разработчиками комплекса оценки выявили, что по критерию «эффективность – стоимость» новый ЗРК обеспечивает выигрыш в 2,5 раза по сравнению с существующей техникой. «Триумф» – единственная система, которая может выборочно работать с использованием нескольких типов ракет – как старых, входивших в ранние разработки (С–300ПМУ–1, С–300ПМУ–2), так и новых, созданных в последнее время. Располагая в базовом варианте 4 типами ракет, обладающих различной стартовой массой и дальностью пуска, С–400 позволяет создавать эшелонированную

противовоздушную оборону, расширить зоны поражения комплекса, а также имеет большие перспективы для дальнейшей модернизации.

Комплекс обладает высокой степенью автоматизации всех этапов боевой работы, современная элементная база позволила значительно сократить обслуживающий персонал ЗРК. Принципы построения и разветвленная система связи средств «четырёхсотки» позволяют интегрировать ее в различные уровни управления не только ВВС, но и других видов Вооруженных Сил.

В базовом варианте зенитного

ракетного комплекса С-400 сохранилась структура ЗРК типа С-300, включающая многофункциональную РЛС, пусковые установки, автономные средства обнаружения и целеуказания. Вместе с тем, новый комплекс средств управления обеспечивает значительно большую канальность по целям.

В состав ЗРС «Триумф» входят: средства управления 30К6Е; пункт боевого управления 55К6Е; РЛС обнаружения 91Н6Е. Зенитные ракетные комплексы 98Ж6Е (до 6 шт.) в составе: многофункциональная РЛС управления 92Н2Е; пусковые установки 5П85ТЕ2 и/или 5П85СЕ2

(до 12 шт.); зенитные ракеты 48Н6Е, 48Н6Е2, 48Н6Е3, стоящие на существующих ЗРК С – 300ПМ – 1, – 2, а также перспективные ракеты 9М96Е и 9М96Е2 и ракета сверхбольшой дальности 40Н6Е.

Опционально придаваемые средства: всевысотная РЛС 96Л6Е; передвижная вышка 40В6М для антенного поста 92Н6Е.

Все процессы боевой работы: обнаружение, трассовое сопровождение, распределение целей между зенитными ракетными комплексами (ЗРК), их захват, сопровождение и опознавание, выбор типа ракет, подготовка их к пуску, пуск, захват и наведение ракет на

цели, оценка результатов стрельбы, – автоматизированы.

Имеется ввиду перспективный истребитель пятого поколения ПАК-ФА, или иначе – Т-50. О самой машине по понятным причинам известно крайне мало. Но достоверно знаю, что это тяжёлый истребитель со взлетным весом свыше 30 тонн, средней размерности (примерно соответствующий самолетам Су-27), представляющий собой моноплан с широко разнесенными двигателями и двумя киями, сильно отклоненными наружу от продольной оси. Внешний вид планера спроектирован с

использованием технологий геометрической малозаметности «стелс».

По сравнению с истребителями предыдущих поколений Т-50 обладает рядом уникальных особенностей, сочетая в себе функции ударного самолета и истребителя. Самолет пятого поколения оснащен принципиально новым комплексом авионики, интегрирующим функцию «электронного пилота», и перспективной радиолокационной станцией с фазированной антенной решеткой. Это в значительной степени снижает нагрузку на летчика и позволяет концентрироваться на

выполнении тактических задач.

Т-50 может взлетать и садиться, используя участки взлетно-посадочной полосы длиной 300–400 м. Самолет развивает скорость до 2100 км/ч и совершает перелеты на расстояние до 5500 км. Истребитель также оснащен комплексом дозаправки в воздухе.

Самолет обладает большим внутренним отсеком вооружения. В нем могут размещаться до восьми ракет типа Р-77 воздушного боя или две управляемые авиабомбы массой по 1500 кг. Истребитель способен на внешней подвеске нести две ракеты сверхбольшой дальности разработки бюро «Новатор». Этими ракетами Т-

50 способен уничтожать самолеты
типа АВАКС, на дальности до
400 км.

Имеется ввиду самолёт ДЛРО А-50У. Самолет дальнего радиолокационного дозора, обнаружения и управления первого поколения назывался А-50, создан на базе военно-транспортного самолета АК им. Ильюшина Ил-76МД на Таганрогском авиационном научно-техническом комплексе им. Г. М. Бериева совместно с НПО «Вега-М» и Московским научно-исследовательским институтом приборостроения. Его поступление в части авиации войск ПВО страны началось в 1984 г. (в том же году был

снят с вооружения самолет ДРЛО Ту-126), а в 1985 году АКРЛДН А-50 был официально принят на вооружение. Комплекс А-50 предназначен для обнаружения и опознавания воздушных объектов (в том числе и малоразмерных крылатых ракет типа ALCM и «Томагавк»), определения их координат и параметров движения, выдачи информации на командные пункты, наведения истребителей, а также вывода самолетов фронтовой авиации в район наземных целей. Возможно использование А-50 и для обнаружения морских целей.

Потенциал самолета А-50 был продемонстрирован зимой 1991 г. во

время боевых действий в районе Персидского залива, когда он успешно обнаруживал и сопровождал самолеты союзников, наносившие удары по Ираку с территории Турции. В настоящее время в частях ВВС и ПВО РФ на вооружении состоит модернизированная версия А-50, и называется она А-50У, самолёт оснащается усовершенствованным радиолокационным комплексом «Шмель-М» и «Шмель-2», последний обеспечивает большую дальность обнаружения и сопровождения целей, а также способный одновременно наводить большее число истребителей. В

настоящий момент в войсках стоит на вооружении 16 машин этого типа.

Основные тактико–технические данные радиотехнического комплекса: дальность обнаружения воздушных целей типа МИГ–21 на фоне земли до 230 км; дальность обнаружения крупных морских целей до 400 км; количество одновременно сопровождаемых целей до 50; количество одновременно наводимых истребителей до 10.

Дальность передачи информации на КП АСУ видов Вооруженных Сил по радиолиниям: МВ, ДМВ диапазона до 350 км; КВ диапазона до 2000 км; спутниковой связи более 2000 км. По оценкам

экспертов, комплекс А-50 в целом превосходит американский аналог ДРЛО Е-3 «Сентри» по уровню выделения целей на фоне земли, чуть проигрывая в дальности обнаружения целей и количеству автоматизированных каналов наведения.

Имеется в виду новая перспективная система управления войсками АСУ ТЗ «Созвездие». Данная система является следующим шагом после принятой на вооружение ВС СССР и странами Варшавского договора в 1983 г. АСУ «Манёвр». После распада колдоговора, США получили почти все составляющие «Манёвра». Любопытный факт: Пентагон подготовил и провел командно-штабную игру. С одной стороны НАТО, с другой – Варшавский договор. Войска Запада управлялись

по своей системе, армии Востока использовали «Манёвр». НАТО было разгромлено без применения ядерного оружия менее чем за трое суток и только за счет великолепного управления. Американцы испытали шок. И не только от поражения. Они просто не могли понять, как на примитивной элементной базе советским специалистам удалось создать столь эффективную систему управления. Достаточно сказать, что для обеспечения всего одного канала закрытой связи в АСУ «Манёвр» использовалась аппаратура, едва уместившаяся в фургоне, размещенном на грузовике «Урал». Ошибочно будет считать, что мы

опередили соперника, успешно внедряемая АСУ «Блюфорс», хоть и вобрала в себя часть идей советских разработчиков, однако всё же разрабатывалась параллельно.

В 1993 г. один из создателей «Манёвра» Роберт Николаев возглавил работы по созданию АСУ для ВДВ – «Полет–К», которая являлась гигантским скачком в сравнении с предшествующей системой. «К» означало космическую компоненту АСУ. «Полет–К» должен был стать основой собственной идеологии сетецентрических войн.

АСУ ВДВ была в целом спроектирована к началу 2000 г.,

отдельные ее элементы прошли успешные полигонные испытания, которые показали, что эта система пригодна и для Сухопутных войск. «Полет—К» нельзя заглушить никаким радиоэлектронным противодействием, нейтрализовать компьютерным вирусом. Николаев умудрился спроектировать радиостанцию, которую невозможно запеленговать. Было реализовано множество других уникальных новшеств. Казалось бы, надо срочно активизировать работы для построения прекрасно управляемой, а значит — непобедимой армии. Однако не без вмешательства агентов влияния, против конструктора было

сфабриковано уголовное дело и разработку свернули, отбросив наши войска на десятилетие в прошлое.

Однако идея не заглохла и уже сейчас мы имеем разработку Вадима Потапова АСУ ТЗ «Созвездие». Судя по имеющимся данным, система является идейным и системным продолжением темы «Полёт–К». Разрабатывает и внедряет новую систему управления воронежский концерн одноимённого названия — «Созвездие», при содействии «Рособоронэкспорта» и корпорации «Ростехнологии». Испытания показали, что солдат с компьютером выполняет отдельные нормативы в 40 раз быстрее, чем раньше. Подобно

схеме предложенной в «Полёт–К», все элементы собираются в единую тактическую цепь, по которой идёт скоростной обмен данными между подразделениями. Например, вот станция Wi-Fi и на удалении ещё одна подобная станция, либо несколько. Это все образует единую цифровую защищенную полевую сеть связи в любой точке поля боя, где есть сфера действия данной станции.

В состав одного носимого портативного комплекта «Созвездие» входят: Wi-Fi, компактная гарнитура, антенна ГЛОНАСС, радиостанция шестого поколения (в них реализован режим программной перестройки

частоты, то есть частота меняется со скоростью до ста скачков в секунду, что обеспечивает сложность её перехвата). Вес аппаратуры всего полкило. Военный сотовый телефон, у которого есть Wi-Fi-связь, есть ГЛОНАСС и GSM-модуль. С таким арсеналом солдат в бою не потеряется. Любое его действие командир видит на штабном компьютере. Здесь же контролируются и действия беспилотников, зенитных комплексов, бронетанковых подразделений.

АСУ включает в себя 12 подсистем: командование штаба, разведки, артиллерия,

радиоэлектронной борьбы, тыла, техобеспечения, инженерных войск, но всех увязывает по горизонтали единая телекоммуникационная платформа. Все работают на общевойскового командира в виде подачи информации, создания информационного ресурса, который необходим для принятия решения.

Комплекс ТЗ уже поступает в войска. По состоянию на февраль 2010 г., в подразделениях Московского военного округа началась опытная эксплуатация этой системы. Подготовку проходят три мотострелковые роты и батальон, танковые, артиллерийские подразделения и дивизион ПВО.

Чуть позже ТЗ начали внедрять в войсках ОСК «Восток» и «Юг».

Одной из первых в борьбу с врагом вступила 133-я Сибирская стрелковая дивизия. Сформирована в Новосибирске в 1939 году. В июне 1941 г. передислоцирована на запад и с июля в составе 24-й армии Фронта резервных армий удерживала рубеж в районе г. Дорогобуж. В августе–сентябре участвовала в Ельнинской наступательной операции. Принимала участие в боевых действиях под Москвой и Калинином. 7 марта 1942 г. преобразована в 18-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Закончила

боевой путь в Кенигсберге. За боевые заслуги дивизия удостоена наименования Инстербургской, награждена орденами Суворова II степени и Красного Знамени. Дивизией командовали:

Швецов Василий Иванович (15.09.1939–10.12.1941), комбриг, с 4.06.1940 генерал–майор.

Иовлев Сергей Иванович (11.12.1941 – 12.12.1941), полковник.

Захаров Федор Дмитриевич (с 13.12.1941), генерал–майор.

В первые четыре месяца войны в райкомы партии и военкоматы поступило более 9 тысяч заявлений от коммунистов, комсомольцев и

беспартийных патриотов с просьбой направить их на фронт. Всего из Новосибирской области за июль – октябрь 1941 г. выбыло на фронт свыше 17 тыс. членов партии. К середине 1942 г. в действующей армии сражалось около 150 тыс. коммунистов Сибири, подавляющее большинство из них были добровольцами.

«Верба» – противотранспортная мина МЗУ–2 (масса – 700 г, корпус – металлический, заряд ВВ – тетрил 150 г). Размеры – $193 \times 116 \times 32$ мм; Время взведения в боевое положение без замедления – 60–70 сек. Время замедления взрывателя–ВЗД–144 от 0,5 до 144 ч.) относится к разряду универсальных, т. к. помимо своего прямого назначения, может быть использована как в качестве объектной мины, мины–ловушки, детонатора, или устройства неизвлекаемости для других мин, например, противотанковых. Из–за

своих небольших размеров и высокой надёжности в применении, транспортировке и хранении «Вербь» часто используются диверсантами в качестве основного средства минирования или инициирования основного заряда ВУ. Единственным недостатком можно считать стальной корпус, однако он же является гарантией длительной работоспособности устройства.

SAW – имеется в виду FN M249 SAW, единый ручной пулемёт калибра 5,56 мм. Стоит на вооружении армии США. Отличается высокой мобильностью в сочетании с достаточной огневой мощностью, заметно превосходящей огневую мощь ручного пулемета британских ВС – L86A1 и ряда других изделий, построенных на базе автоматов, а не созданных «с нуля» как пулеметы. Отличительная особенность SAW – возможность использовать для стрельбы как металлическую ленту (штатный метод), так и винтовочные

магазины стандарта НАТО (от винтовки M16, резервный вариант) без каких-либо изменений в конструкции. Однако пользователи отмечают крайне быстрый перегрев и износ ствола в условиях пустынного климата, а также высокий процент отказа механики подачи ленты при низких температурах из-за короткого хода газового поршня. Тем не менее пулемёт заслуженно пользуется популярностью за высокую кучность огня на рабочей дистанции до 600 метров, что достигается за счёт хорошей скорострельности (750–1000 выстрелов в минуту). Традиционно SAW имеет большой

выбор сменной фурнитуры и оптики, что позволяет повысить точность стрельбы короткими очередями.

МОН-90 – мина осколочная, направленная, радиус гарантированного поражения по горизонту – 45 метров, по высоте – 8 метров. Неполный аналог американской противопехотной мины «клеймор», от которой отличается более высокой боевой эффективностью и надёжностью. В войсках не так популярна из-за большего, чем у МОН-50, веса и почти что идентичной боевой эффективности. Часто применяется при выставлении заграждений охраняемых объектов или полевых

инженерных сооружений. Поражение наносится готовыми убойными элементами – стальными роликами, вылетающими при подрыве в направлении противника в секторе 54 градуса по горизонту. Масса мины – 12,1 кг, корпус – пластмассовый, заряд ВВ (ПВВ–4 пластит) – 6,2 кг. Размеры корпуса – 345 × 202 × 153 мм. Количество готовых убойных элементов (стальные ролики диаметра 7 мм) – 2000 шт.

Построение «ёлочкой».

Тактический приём групп глубинной разведки, при котором бойцы движутся в колонне по одному, держа под наблюдением сектора по флангам колонны. Такое построение помогает быстро открыть огонь в сторону возможного нападения, не оставляя без внимания тыл и неатакованный фланг.

ДЗОТ – военно–инженерный термин для обозначения типового полевого укрепления. Буквально расшифровывается как долговременная заглоблённая (зенитная, земляная) укреплённая точка. Возводится с частичным использованием естественной защиты складок местности. Строится из подручных материалов.

В данном случае имеется ввиду противопехотная мина нажимного действия ПМН-2. Мина противопехотная, фугасная нажимного действия. Предназначена в первую очередь для выведения из строя личного состава противника, а также как мина-ловушка или детонатор.

Поражение человеку наносится за счет разрушения нижней части ноги (стопы) при взрыве заряда мины в момент наступания ногой на нажимную крышку. Обычно при подрыве отрывается полностью

стопа, которой солдат противника наступил на мину, и, в зависимости от расстояния от второй ноги до места взрыва, она также может быть задета, или напротив не получить повреждения вовсе.

Кроме того, ударная волна достаточно большого заряда ВВ лишает человека сознания, высокая температура взрывных газов иногда может причинить значительные ожоги нижним конечностям. Смерть также может наступить от болевого шока, потери крови при несвоевременном оказании первой помощи.

ТТХ. Масса – 0,4 кг. Корпус–пластмасса. Масса ВВ (ТГ–40) –

0,1 кг. Диаметр – 20 мм. Высота – 54 мм. Тип взрывателя – механический встроенный с механизмом дальнего взведения. Тип механизма дальнего взведения – пневматический. Время взведения – 30–300 сек. Усилие срабатывания – 5–25 кгс. Температурный диапазон применения – от –40 до +50 °С.

Имеется в виду противопехотная мина с натяжным датчиком цели ПОМЗ–2М. Так же, как и ПМН–2, предназначена для выведения из строя личного состава противника, однако поражение человеку (или несколькими одновременно) наносится прежде всего осколками корпуса мины при ее подрыве в тот момент, когда солдат противника, зацепившись ногой за проволочную растяжку, невольно выдернет боевую чеку взрывателя. «Ананасы» часто используют не только как открытые «растяжки», нередко их

прикапывают с тем, чтобы осколки пошли строго вертикально, так как пехота использует индивидуальные средства защиты и воздействие осколков при обычном способе минирования существенно снижается.

ТТХ. Корпус – чугун. Масса корпуса (без ВВ) – 1,5 кг. Масса взрывчатого вещества (тротил) – 75 г. Диаметр – 6 см. Высота корпуса – 13 см. Длина датчика цели (в одну сторону) – 4 м. Чувствительность – 1–17 кг. Радиус сплошного поражения – 4 м. Температурный диапазон применения – от -60 до $+60$ °C.

Стратегический ракетоносец–бомбардировщик Ту–160 «Белый лебедь» (по классификации НАТО – «Блэк Джек»). Ту–160 предназначен для поражения ядерным и обычным оружием наиболее важных объектов в удаленных географических районах и в глубоком тылу континентальных театров военных действий.

РАЗМЕРЫ. Размах крыла 55,7/35,6 м, длина самолета – 54,1 м, высота – 13,1 м, площадь крыла 360/400 м².

ЧИСЛО МЕСТ. Экипаж 4 человека.

ДВИГАТЕЛИ. Под крылом в двух мотогондолах помещены четыре ТРДДФ НК–32 ($4 \times 14.000/25.000$ кгс). Система управления двигателями – электрическая, с гидромеханическим дублированием. Имеется убираемая штанга–топливоприемник системы дозаправки в полете (в качестве самолетов–заправщиков используются Ил–78 или Ил–78М).

МАССЫ И НАГРУЗКИ (кг):
максимальная взлетная – 275 000,
нормальная взлетная – 267 600,
пустого самолета – 110 000, топлива – 148 000, нормальная боевая нагрузка – 9000 кг, максимальная боевая нагрузка – 40 000.

ЛЕТНЫЕ

ДАННЫЕ.

Максимальная скорость на большой высоте – 2000 км/ч, максимальная скорость у земли – 1030 км/ч, посадочная скорость (при посадочной массе 140 000–155 000 кг) – 260–300 км/ч, максимальная скороподъемность – 60–70 м/с, практический потолок – 16 000 м, практическая дальность полета с нормальной нагрузкой – 13 200 км, с максимальной нагрузкой – 10 500 км, длина разбега (при максимальной взлетной массе) – 2200 м, длина пробега (посадочная масса 140 000 кг) – 1800 м.

БОРТОВЫЕ СИСТЕМЫ И

ОБОРУДОВАНИЕ.

Система

управления самолетом – аналоговая
электродистанционная с
четырёхканальным резервированием.
Реализован принцип «электронной
устойчивости» с полетной
центровкой, близкой к нейтральной.
В ходе реализации многоэтапной
программы снижения
радиолокационной заметности на
обечайки и каналы
воздухозаборников нанесли
специальное графитовое
радиопоглощающее покрытие,
радиопоглощающей краской покрыли
носовую часть самолета, были
реализованы меры по
экранированию двигателей.
Сетчатые фильтры, введенные в

остекление, позволили устранить переотражение радиолокационного излучения от внутренних поверхностей кабины.

В настоящее время бомбардировщик Ту-160 является наиболее мощным боевым самолетом в мире, по основным характеристикам и составу вооружения значительно превосходящим американский аналог – многорежимный бомбардировщик В-1В «Лансер».

Есть также отрывочные данные о том, что несколько машин данной серии переданы в распоряжение Главразведупра МО ГШ РФ для переоборудования под выполнение

специальных задач составляющих предмет гостайны. Автору более ничего не известно о судьбе машин, всё приведённое в эпизоде — художественный вымысел.

Боевой защитный комплект «Ратник» предназначен для защиты жизненно важных органов военнослужащего от поражения стрелковым оружием, круговой защиты от осколков снарядов, мин, гранат. Состоит из современных баллистических и огнестойких материалов и тканей. Обеспечивает защиту бойца от заброневых локальных контузионных травм, тепловых факторов, атмосферного воздействия, механических повреждений. При этом обеспечивает маскировку,

размещение и транспортировку вооружения, боеприпасов и других элементов при ведении всех видов боевых действий. Уровни защиты вариативны в различных видах комплектации в состав данного БЗК в зависимости от варианта исполнения входят: защитный комбинезон или брюки, защитные рукава, бронежилет, шлем и маска, защитные очки. А также целый ряд сезонных предметов одежды и элементов экипировки. «Ратник» обеспечивает непрерывное ношение в течение 48 часов в диапазоне температур от -50 до $+50$ °C. По отрывочным данным поставлен на снабжение некоторых специальных

подразделений ЦСН ФСБ РФ и ГРУ
МО ГШ РФ в 2003 г.

Имеется в виду тактический боевой стрелковый комплекс «Стрелец» в который входят автомат АЕК 973С (с выдвижным телескопическим прикладом), единый пулемёт АЕК 999 «Барсук» с коллиматорным прицелом, видеокамерой и лазерным целеуказателем, а так же интегрированная мобильная персональная боевая информационно—управляющая система ТЗ «Созвездие». Последняя позволяет обмениваться информацией между бойцами

подразделения, в т. ч. для получения информации о противнике на бое, координируя свои действия в т. ч. и с силами поддержки, исходя из текущей обстановки.

Некоторые характеристики оружия, входящего в комплекс «Стрелец».

Автомат АЕК973С разработан в 1980–х годах на Ковровском механическом заводе под руководством С. И. Кокшарова в рамках конкурсной программы «Абакан». Особенность конструкции АЕК973С – схема со сбалансированной автоматикой на основе газового двигателя. При такой схеме дополнительный газовый

поршень, связанный с
противомассой, движется синхронно
с основным, перемещающим
затворную раму, но навстречу ему,
тем самым компенсируя импульсы,
возникающие при движении
затворной группы и при ее ударах в
заднем и переднем положении.

Автоматика АЕК-973С
построена по газоотводной схеме с
длинным ходом газового поршня и
дополнительным балансиrom,
имеющим свой, второй газовый
поршень,двигающийся в
противоположном основному
направлении. Синхронизация
затворной рамы и балансира
осуществляется при помощи

вертикально расположенной между ними шестерни. Импульс отдачи гасится практически полностью. Запирание ствола осуществляется поворотным затвором, схожим по конструкции с затвором автомата Калашникова АК-74. Ударно-спусковой механизм обеспечивает ведение огня одиночными выстрелами, очередями по 3 выстрела и непрерывным огнем, при этом переводчик-предохранитель имеет более удобную конфигурацию чем на автоматах Калашникова и на серийных образцах расположен на обеих сторонах оружия. Фурнитура автомата выполняется из ударопрочного пластика, оружие

комплектуется складным либо раздвижным телескопическим прикладом. На ствольной коробке автомата имеется посадочное место для установки кронштейнов под оптические либо ночные прицелы, возможна также установка подствольных гранатометов ГП–25 или ГП–30. Автомат ограниченно поступает на вооружении подразделений специального применения РА.

Калибр – $7,62 \times 39$. Длина – 965 мм (с выдвинутым прикладом). Длина ствола – 420 мм. Вес – 3,3 кг без магазина. Темп стрельбы – 800–900 выстр/мин. Магазин: 30 патронов, стандартные от АКМ и

магазины более высокой ёмкости.

АЕК 999 «Барсук». Единый пулемёт кал. 7,62 мм. Прямой конкурент единого пулемёта «Печенег». Ковровский пулемёт превосходит его по ряду тактических возможностей и боевых характеристик, особенно при проведении диверсионных операций благодаря в том числе съёмному ПББС оригинальной конструкции. Сейчас находится на стадии обкатки в ряде подразделений МО. ТТХ: патрон – 7,62 × 53 мм; масса – 8,74 кг; длина – 1188 мм; длина ствола – 605 мм; начальная скорость пули – 825 м/с; темп стрельбы – 650 выстр/мин; боевая скорострельность

– 250 выстр/мин; прицельная дальность – 1500 м; емкость ленты – 100, 200 патронов.

АКМСЛ «Лён». 7,62–мм
 складной десантный
 модернизированный автомат
 Калашникова с прицелом ночного
 видения НСП–3. Название
 происходит от фамилии
 конструктора Лаврина, проект
 модификации носит название «Лён»,
 под этим именем и известен в
 войсках. Главным артиллерийским
 управлением (ГРАУ) МО СССР
 модификациям был присвоен индекс
 6П4Л.

Основные отличия
 модификации: щелевидный

пламегаситель вместо штатного компенсатора АКМ (пламегаситель разработан специально для комплекса «Л» и отличается от пламегасителей СВД и ПК/ПКМ). Особой формы прицельная планка с креплением типа «ласточкин хвост» для установки ночных прицелов НСП–3 и НСП–3А. Однако в настоящее время может быть использован также для установки обычных оптических прицелов, в том числе и коллиматорных, при условии наличия планки–переходника. Также возможна установка прибора бесшумной беспламенной стрельбы ПББС–1.

ТТХ: Калибр – $7,62 \times 39$ мм.

Длина – 870 мм (с разложенным прикладом). Длина ствола – 415 мм. Вес с пустым магазином – 3,14 кг. Емкость штатного магазина – 30 патронов. Темп стрельбы – 600 выстр/мин.

Имеется в виду реактивная система залпового огня «Ураган». Система предназначена для поражения любых групповых целей, уязвимыми элементами которых являются открытая и укрытая живая сила, небронированная, легкобронированная и бронированная техника мотопехотных и танковых рот, подразделения артиллерии, тактических ракет, зенитных комплексов и вертолетов на стоянках; командных пунктов, узлов связи и объектов военно—

промышленной структуры,
дистанционной установки
противотанковых и противопехотных
минных полей в зоне боевых
действий, создания массовых очагов
пожаров и доставки агитационных
материалов на удалении от 5 до
35 км.

Эксплуатация комплекса
возможна в условиях применения
противником ядерного, химического,
бактериологического оружия в любое
время года и суток, в различных
климатических условиях при
температуре окружающего воздуха –
40°...+50 °С. РСЗО «Ураган» имеет
возможность железнодорожной,
водной, воздушной транспортировки

(Ил-76, Ан-22, Ан-124).

Залп «Урагана» отличается своей исключительной точностью за счёт простой и вместе с тем надёжной схемы ведения огня. Трубчатые направляющие ракетного контейнера представляют собой гладкостенные трубы с винтовым П-образным пазом, по которому при выстреле скользит штифт реактивного снаряда. Таким образом обеспечивается первоначальная раскрутка снаряда для придания ему необходимой устойчивости в полете. При движении по траектории вращение снаряда поддерживается с помощью лопастей раскрывающегося стабилизатора, установленных под

определенным углом к продольной оси снаряда. Стрельба ведется одиночными выстрелами и залпом. Система запуска обеспечивает возможность залповой стрельбы с постоянным темпом (все 16 ракет запускаются с темпом 0,5 с), а также т. н. «рваного» темпа стрельбы (первые 8 ракет с темпом 0,5 с, остальные 8 ракет с темпом 2 с). Благодаря применению «рваного» темпа стрельбы удастся значительно снизить амплитуду и частоту колебаний БМ, а, следовательно, улучшить кучность стрельбы. Продолжительность полного залпа составляет 8,8 и 20 секунд для постоянного и «рваного» темпа,

соответственно. Основной способ стрельбы — с закрытой позиции. Специалистами отмечается превосходство РСЗО «Ураган» над аналогичными системами HIMARS и MLRS американского производства, стоящими на вооружении стран вероятного противника, а точнее — блока НАТО. Системы MLRS отличаются невысокой точностью и кучностью огня на дистанциях свыше 25 км, за счёт большого рассеивания. Относительно недавно поставленные в войска снаряды серии M30 и новейшие снаряды XM30 GUMLRs, производства компании «Локхид Мартин» способные поражать цели на

расстоянии свыше 45 км (по заявкам разработчиков до 85 км), со спутниковым блоком управления через GPS, будут бесполезны в случае, если противник имеет равные технические возможности. Кроме того, разработчиками не решена проблема залпового пуска, что ставит под вопрос эффективность таких снарядов при работе по групповым целям. РСЗО «Ураган», несмотря на отсутствие блока спутниковой навигации, таких недостатков не имеет. Вся номенклатура снарядов советской установки поражает цель в заявленном коридоре от семи до тридцати пяти километров с

одинаково высоким результатом.

САУ М109А6 «Паладин».

Принята на вооружение в 1992 г. Самоходная артиллерийская установка на гусеничном шасси с вращающейся башней. Корпус и башня выполнены из брони на основе алюминиевых сплавов, которая обеспечивает защиту от огня стрелкового оружия и осколков снарядов. Вооружение: 155–мм гаубица М126 (длина ствола 23 клб), 12,7–мм пулемёт М2НВ. Орудие установлено на станке М127, оснащено эжектором и дульным тормозом. Приводы наведения –

гидравлический (основной) и ручной (вспомогательный). Обычная скорострельность – 1 выстр/мин, максимальная – 3 выстр/мин. Установлена новая башня с улучшенной броневой защитой и внутренней обшивкой из кевлара. Орудие имеет индекс М284, установлено на станке М182А1. Оборудована автоматизированной системой управления огнём, бортовым баллистическим вычислителем и навигационной системой, обеспечивающими автоматическое наведение орудия, приёмником космической радионавигационной системой NAVSTAR. Применяемые

боеприпасы: управляемый снаряд М712 «Копперхед», осколочно-фугасные снаряды М107 и М795, кассетные снаряды М449А1, М483А1, М692 и М718/М741, активно-реактивный осколочно-фугасный снаряд М549, осветительные снаряды М485 и М818, дымовой снаряд М825, практический снаряд М804. Двигатель — дизельный 8V-T71 компании «Детройт дизель». Дополнительное оборудование: приборы ночного видения. Экипаж состоит из шести человек: командира орудия, наводчика, помощника наводчика, механика-водителя и двух номеров расчета.

На данный момент считается одним из лучших образцов самоходной артустановки, среди достоинств специалисты отмечают высокую эффективность огня и скорострельность в жёстких условиях эксплуатации. Среди недостатков: система не отличается мобильностью, уязвима для огня штурмовой авиации из-за недостаточной возможности маскировки на местности. Точность стрельбы резко снижается в случае потери возможности спутниковой системы корректировки и наведения на цель.

САУ 2С19 «Мста-С». Принята на вооружение в 1989 г. Имеет независимую подвеску ходовой части, с длинными торсионами, из-за чего соответствующие катки правого и левого бортов расположены не соосно (катки левого борта смещены вперед на 110 мм). Первый, второй и шестой катки имеют регулируемые телескопические амортизаторы, стопорящиеся во время стрельбы для гашения колебаний. При этом отпадает необходимость в использовании стабилизирующих

сошников. При этом повышается точность и скорость стрельбы. Гусеница шириной 580 мм, оснащенная резинометаллическими шарнирами и обрезиненной беговой дорожкой, тоже заимствована у Т-80. Башня сварена из катаных броневых листов. Экипаж – 5, или, в случае заряжания с грунта, – 7 человек. Масса – 42 тонны.

Вооружение установки состоит из 152–мм гаубицы 2А64 и 12,7–мм зенитного пулемета НСВТ–12,7, смонтированного на командирской башенке в составе зенитной установки (ЗПУ) с дистанционным управлением и прицелом ПЗУ–7. Нарезная гаубица 2А64 имеет

раздельно—гильзовое зарядание.
Стрельба ведется осколочно—
фугасными снарядами (ОФС) ЗОФ45
(на дальность 24 700 м) в составе
выстрелов ЗВОФ58, ЗВОФ72,
ЗВОФ73 и активно—реактивными
снарядами (АРС) ЗОФ61 (на
дальность 28 900 м) в составе
выстрела ЗВОФ91, кассетными
снарядами типа 3023, содержащими
42 противотанковых суб—боеприпаса
(дальность стрельбы 26 000 м),
снарядами—постановщиками
активных радиолокационных помех
типа ЗНСЗО (на дальность 22 300 м),
дымовыми снарядами—
целеуказателями в составе выстрела
ЗВДЦ8, а также спецбоеприпасами.

Возможно использование и всех типов штатных боеприпасов Д-20 и 2С3, а также управляемых снарядов с лазерной подсветкой ЗОФ39 «Краснополь» в составе выстрела ЗВОФ64. Подсветка целей производится передовыми артиллерийскими наблюдателями с помощью приборов 1Д15 (ПП-3), 1Д20, 1Д22 или 1Д26. Весь боекомплект расположен в башне. Он состоит из 50 выстрелов калибра 152 мм (стандартный набор – 20 ОФС и 30 АРС), а также 300 патронов для пулемета. Масса боекомплекта составляет 2470 кг. Система перезарядки позволяет вести огонь при любых углах

наведения по направлению и
возвышению орудия с максимальной
скорострельностью без возвращения
орудия на линию заряжания. Масса
снарядов превышает 42 кг, поэтому
для облегчения работы заряжающего
из боеукладки они подаются
автоматически. Наличие
полуавтоматической системы
заряжания облегчает работу экипажа
и обеспечивает скорострельность до
7–8 выстрелов в минуту при
использовании внутреннего
боезапаса и до 6–7 выстрелов в
минуту при подаче боеприпасов с
грунта. Это означает, что батарея из
восьми гаубиц посылает в минуту на
цель до трех тонн снарядов. При

стрельбе на максимальную дальность в воздухе одновременно будет находиться до 70 снарядов, прежде чем первый достигнет цели.

Уступая американскому «Паладину» по калибру, «Мста» превосходит конкурента по общей совокупности боевых характеристик, главной из которых является исключительная надёжность машины и её живучесть даже в условиях налёта вражеской авиации или атаки наземных войск.

Имеется в виду самозарядная снайперская винтовка конструкции Евгения Фёдоровича Драгунова. Принята на вооружение ВС СССР в 1963 г. как снайперское оружие поддержки на уровне отделение—рота. Специально для СВД был создан специальный патрон улучшенной баллистики с пулей со стальным сердечником, однако винтовка может использовать всю номенклатуру отечественных патронов 7,62 × 54R. Мелкий Ворон использует десантный вариант, с укороченным стволом и складным

прикладом, а также оснащённый тактическим глушителем типа ТГП–В. Данная винтовка зовётся СВД–С.

Калибр – 7,62 × 54R. Механизм – полуавтоматический, газоотвод. Длина – 1135/875 мм. Длина ствола – 565 мм. Вес – 4,7 кг без прицела и патронов. Магазин: 10 патронов, коробчатый.

Прицельные приспособления: открытый секторный, снайперский фиксированной кратности 4X ПСО–1, ночной НСПУ–3, НСПУМ. Возможна установка другой оптики, под баллистику боеприпасов штатной номенклатуры.

Ряд зарубежных специалистов и наших доморощенных «ружьеведов»

считают, что тактическая роль, которая отводилась и отводится данной винтовке в Советской и Российской армиях, отличается от традиционной роли «снайпера» в западном понимании этого термина. По их мнению, СВД служит для увеличения дальности эффективного огня стрелкового отделения за пределами возможностей штатных автоматов, вплоть до расстояний 600–700 м. И если в случае с иностранцами такой реверанс понятен в силу конкуренции и иного подхода к тактике стрелковых подразделений, то наши «знахари» просто бездумно повторяют текст специалистов стран вероятного

противника. СВД – безусловно снайперская винтовка, созданная на основе обобщённого опыта войн и конфликтов первой половины XX века. Отсюда сочетание надёжности и простоты: за полгода обучения владения данной винтовкой из новобранца можно подготовить высококлассного снайпера. При этом владеть СВД солдат будет так, что с большой долей вероятности сможет переиграть профессионала с дорогой «целевой» винтовкой.

Одно из главных достоинств СВД – большая дульная энергия выстрела (около 4500 Дж), высокое убойное и пробивное действие пули. Армейский бронежилет бронебойная

пуля из СВД пробивает на расстоянии 1200 м, а стальную каску – на 1700 м. Эффективная дальность стрельбы (около 800 м) находится на уровне снайперских винтовок с продольно–скользящим поворотным затвором, но благодаря автоматике превосходит их по боевой скорострельности втрое. Наличие газового регулятора повышает надежность работы автоматики в сложных условиях эксплуатации. Цевье винтовки надежно защищает руки стрелка от ожога при интенсивной стрельбе, а его форма обеспечивает удобство и достаточную плотность удержания винтовки. Приклад обеспечивает

хорошую прикладистость оружия и удобство прицеливания.

Опыт последних войн на Ближнем Востоке, в Ираке и Афганистане показывает: винтовки с поворотным затвором малоэффективны в случае, когда подразделение вынуждено вести встречный бой. В дуэлях с душманскими и арабскими снайперами американские стрелки часто проигрывали из-за низкой плотности огня, малой ёмкости магазина и низкой надёжности винтовок типа Ремингтон 700 (в войсках американской армии чаще всего используется модификация этой винтовки под индексом М-24).

Положение несколько выровнялось, когда со складов хранения была возвращена самозарядная винтовка М-14, снятая с вооружения после Второй мировой войны. После косметических переделок данная винтовка получила индекс М-21 и снова встала в строй, однако, как и шестьдесят лет назад, это оружие тотально проигрывает по надёжности и боевой эффективности обыкновенному чуду, созданному советским конструктором Е. Драгуновым.

Всё вышесказанное, за исключением тактико—технических характеристик, это сугубо личное мнение автора, другим думать иначе

не запрещаю.

Имеется ввиду автоматический пистолет системы Игоря Яковлевича Стечкина, сокращённо АПС, в войсковом обиходе просто «стечкин», «стечкарь». АПС предназначался для вооружения офицеров сержантов, солдат отдельных специальностей и экипажей боевых машин, которым не полагалось по уставу автомат АК-47 или карабин СКС. Пистолет системы Макарова не обладал достаточной огневой мощностью чтобы служить средством обороны, поэтому-то и была найдена вполне адекватная на

тот момент (1951 г.) замена. АПС
стреляет очередями. Автоматика
работает по схеме использования
отдачи при свободном затворе.
Оружие комплектуется деревянным
или пластиковым кобурой—
прикладом, который был необходим
не только для хранения и более
точной стрельбы на большие
расстояния, но и для уменьшения
рассеивания при автоматической
стрельбе. Для ведения более—менее
кучного огня в автоматическом
режиме необходимо удерживать
пистолет двумя руками и стрелять
только короткими очередями. Такие
меры необходимы из—за
значительного увода оружия вверх

уже после третьего выстрела. Автоматическая стрельба при удержании пистолета одной рукой с приемлемым рассеиванием возможна только до пяти метров. В рукоятке размещен механизм замедления темпа стрельбы, который также выполняет и функцию автоспуска. В результате темп стрельбы составил 700–750 выстрелов в минуту, что повысило устойчивость оружия при стрельбе. Пользователи отмечают мягкую отдачу, удобный хват пистолета и высокую боевую эффективность на дистанции боя 15–25 м.

Раскатов использует вариант пистолета Стечкина с глушителем,

или АПБ (индекс ГРАУ 6П13). Он принят на вооружение в 1972 г., для вооружения разведывательных и специальных подразделений Советской Армии. Также им вооружают сотрудников специальных подразделений МВД и КГБ СССР. Пистолет АПБ широко и с успехом применялся советскими войсками в Афганистане и ряде конфликтов в других зарубежных странах, используется он и до сих пор. В отличие от старшего брата, АПБ комплектуется кожаной кобурой и рамочным прикладом.

ТТХ: УСМ – двойного действия. Калибр – 9 × 18 ПМ. Вес без патронов – 1650 г с глушителем и

прикладом. Длина – 246 мм без глушителя, 455 мм с глушителем без приклада. Длина ствола – 140 мм. Емкость магазина – 20 патронов.

Если быть более точным, то Антон выбрал швейцарский карабин SG-551 SWAT. Стоит на вооружении швейцарских ВС с 1983 г. Пользователи отмечают простоту конструкции, лёгкость (за счёт применения композитных материалов и пластмасс) и высокую боевую эффективность данного изделия. Автоматика построена на основе газоотводного двигателя, запираение – поворотом затвора на два боевых упора. Возвратная пружина расположена вокруг штока газового поршня над стволом и

сжимается между специальным воротником на штоке и передней стенкой ствольной коробки. Газовый шток своим хвостовиком вставляется в затворную раму и фиксируется при помощи вставляемой сбоку в затворную раму рукоятки взведения затвора. Ствольная коробка штампованная из стали, состоит из двух половин — верхней и нижней, соединяемых двумя поперечными штифтами. Ствол ввернут в верхнюю часть ствольной коробки. При неполной разборке из ствольной коробки извлекается задний штифт, при этом коробка «переламывается» в передней части. После извлечения рукоятки заряжания затворная рама с

затвором вынимаются из ствольной коробки назад, а газовый поршень со штоком и возвратной пружиной извлекаются отдельно после удаления цевья. Ударно—спусковой механизм — курковый, с переводчиком режимов огня, выполняющим также роль предохранителя. При необходимости в УСМ может устанавливаться отдельный независимый модуль, обеспечивающий стрельбу с отсечкой по 3 выстрела. Газоотводная камера имеет двухпозиционный газовый регулятор для стрельбы в обычных и тяжелых условиях. Как мы видим, SG—551 значительно уступает по надёжности автомату Калашникова в

плане удобства обслуживания в полевых условиях из-за затруднённого доступа к механизму. Однако же швейцарский автомат точнее нашего АКС-74, имеет более простое устройство, нежели американский М4, пусть и немного тяжелее «американки», зато по весу равен советскому автомату. SWAT имеет складной вбок приклад и более надёжную конструкцию, повышающую надёжность во время длительного огневого контакта, поэтому с ним не так трудно в бою.

ТТХ: Калибр – 5,56 мм. Длина оружия – 833/607 мм (со сложенным прикладом). Длина ствола – 363 мм. Масса без патронов – 3,4 кг. Темп

стрельбы – 700–750 выстр/мин.
Емкость магазина – 20, 30 или 90
патронов в строенном секторном
магазине.

Имеется в виду барабанный магазин Beta C, или, в простонародье, – «яйца». Прозвище магазин получил за весьма характерный силуэт, который приобретает оружие с примкнутой «бетой». Однако несмотря на некоторую внешнюю комичность, штука это чрезвычайно удобная, с хорошим балансом. На мой взгляд, «яйца» вместительнее и удобнее обычных советских барабанных магазинов от РПК работающих по схожему принципу.

Антону достался действительно неплохой вариант платформенного модульного «броника» от американской компании «Archangel Armor». После грандиозного скандала в 2003 г., когда большая часть бронежилетов поставляемых в действующую армию другими подрядчиками (около 3000 штук) была отозвана из действующей армии, компания «Archangel Armor» стала одним из крупнейших армейских поставщиков средств индивидуальной защиты. Благодаря модульности, данное изделие

обеспечивает 80 % круговую защиту по классу 3 (осколки, пистолетные и автоматные пули штатной номенклатуры кал. 9 и 5,56 мм). Изделие выполнено с использованием комбинации стальных бронеэлементов с тканевым бронепакетом. Также сюда встроена индивидуальная транспортная система «molle», позволяющая переносить до 40 кг полезной боевой нагрузки (боекомплект, запас продовольствия и воды).

Пользователи отмечают единственный недостаток данной системы: бронеэлементы удерживаются с помощью

фиксаторов—липучек, а ткань пакетов имеет свойство быстрее протирааться, от чего пластины иногда вываливаются.

Имеется в виду крупнокалиберный станковый пулемёт калибра 12,7 мм, НСВ «Утёс». Создан и принят на вооружение ВС СССР в 1972 г. как замена морально устаревшему пулемёту ДШК. В настоящее время с вооружения снят, т. к. линия по его производству находилась в Казахстане. Однако количество единиц, заложенных на хранение и стоящих на вооружении РА, ещё довольно приличное. «Утёс» создан как универсальное оружие поддержки пехоты с легкого

пехотного станка–треноги, как зенитный пулемет со специальных установок, а также для вооружения бронетехники и малых судов. По ощущениям штука удобная: станок имеет низкий силуэт, подпружиненный приклад существенно снижает отдачу, спуск туговат, но привыкаешь быстро. Есть крепление для прицелов переменной кратности – ночных и обычных.

Имеется ввиду ПТРК «Javelin». Противотанковый ракетный комплекс третьего поколения, с автоматической системой управления. Стоит на вооружении армии США с 1995 г., планируемое время эксплуатации – до января 2020 г.

В состав ПТРК входят: прицельно–пусковое устройство (ППУ) с оборудованием, производящим выстрел, и пассивным комбинированным, круглосуточным прицелом, а также транспортно–пусковой контейнер (ТПК), в

котором размещена ракета средней дальности типа «выстрелил и забыл», оснащенная инфракрасной головкой самонаведения (ГСН). Кроме головки самонаведения, ракета имеет тандемную кумулятивную боевую часть и двухдиапазонный ракетный двигатель, работающий на твердом топливе.

Ракета имеет два режима атаки: режим прямой атаки в горизонтальной плоскости и режим пикирования (угол 45°). Первый применяется для поражения защищенных объектов (типа ДОТ бункер и т. п.) и вертолетов, второй режим, который позволяет поражать

цель сверху, предназначен для танков и бронетранспортёров. Старт ракеты осуществляется с помощью вышибной двигательной установки под углом 18° к горизонту, далее при помощи маршевого двигателя происходит набор высоты – 50 м для прямой атаки цели или 150 м для режима пикирования. В полете управление ракетой осуществляется с помощью изменения вектора тяги, что позволяет обеспечить достаточно высокую маневренность, необходимую для уничтожения целей сверху на малых дальностях. При старте ракеты количество выбрасываемых пороховых газов незначительно, что вместе с

«МЯГКИМ» пуском позволяет использовать «Джавелин» в помещениях с ограниченным пространством.

Стрельба из ПТРК «Джавелин» происходит следующим образом. С помощью одного из прицелов, дневного или ночного, в зависимости от обстановки, оператор наблюдает за полем боя, выбирает и захватывает подходящую цель, совмещает перекрестие оптического прицела с намеченной целью, после чего переключает на ГСН ракеты, которая имеет более узкое поле зрения. После отметки цели с помощью курсора на видеоэкране и захвата цели ГСН оператор осуществляет

пуск ракеты.

Весит такая «труба» 23 кг, что в принципе не критично и стрелять может один человек. Наводить и стрелять просто, время подготовки выстрела – около минуты, картридж с БЧ меняется за 20 секунд. Однако пользователи отмечают нежелательность работы комплекса на пределе заявленной эффективной дальности – 2500 м. «Джавелин» ведёт себя нормально только на 1800 м. Против укреплений «Джавелин» не особо эффективен, поскольку имеет лазерную головку наведения. Это частное мнение, соглашаться или нет – личное дело каждого.

ПТРК «Джавелин» поставлялся на экспорт для вооруженных сил Испании (12 комплексов), Тайваня (40 комплексов, 360 ракет), Нидерландов (240 комплексов), Иордании (30 комплексов, 110 ракет).

Имеется в виду самоходная артустановка 2С25 «Спрут-СД». Разработана в рамках темы середины 1970-х годов – «объект 934», специально для сил быстрого развёртывания (морская пехота и воздушно-десантные войска). Как и все машины подобного типа (БМД1, 2 и 3), «Спрут» может десантироваться с транспортного самолёта вместе с экипажем внутри и сразу по приземлении способен вести огонь.

Основное вооружение САУ 2С25 состоит из 125-мм

гладкоствольной танковой пушки 2А75, созданной на базе 125 мм танковой пушки 2А46, которая устанавливается на основные боевые танки Т-72, Т-80 и Т-90. Учитывая необходимость установки пушки на более легкое шасси, специалисты артиллерийского завода № 9 оснастили пушку противооткатным устройством нового типа.

Пушка 2А75 оборудована эжектором и термоизоляционным кожухом, но не имеет дульного тормоза. Она полностью стабилизирована в вертикальной и горизонтальной плоскостях и ведет огонь теми же 125-мм боеприпасами отдельно-гильзового заряжания,

которые используются для стрельбы из гладкоствольной танковой пушки 2А46. Кроме того, в состав боекомплекта пушки 2А75 входит снаряд с лазерным наведением, обеспечивающий поражение цели, находящейся на дальности до 4000 м. Максимальная скорострельность составляет 7 выстрелов в минуту.

В качестве вспомогательного вооружения на противотанковой самоходке установлен спаренный с пушкой 7,62-мм пулемет ПКТ с боекомплектом из 2000 патронов, снаряженных в одну ленту;

Корпус БМ разделен на отделение управления (передняя часть), боевое отделение с башней

(средняя часть) и моторно-трансмиссионное отделение (кормовая часть). Это повышает живучесть машины и увеличивает шансы экипажа на выживание.

При движении по шоссе машина развивает максимальную скорость 65–68 км/ч, а на сухих грунтовых дорогах показывает среднюю скорость 45 км/ч. Стандартное оборудование машины включает компьютеризованную систему управления огнем, систему защиты от оружия массового поражения и комплект приборов ночного видения.

Майор Раскатов говорит об изделии ЗРП-2 «Тропа». Это дистанционно детонирующий компактный заряд для быстрого разминирования минно-взрывных заграждений самым простым способом – подрывом определённого количества взрывчатки. Состоит из детонирующего кабеля, порохового реактивного двигателя, соединительного каната, взрывателя, тормозного шнура, пускового станка, пускового устройства, анкера и ранца для переноски. Пуск заряда на противопехотное поле производится

с позиции, оборудованной на поверхности грунта, с помощью пускового устройства УП–60.

Подрыв заряда осуществляется дистанционно, взрывателем механического действия. Выравнивание заряда на минном поле производится вручную тормозным шнуром за время горения пиротехнического замедлителя взрывателя. Комплект заряда может десантироваться в грузовом контейнере ГК–30 или на грузовой платформе ПГС–500, когда комплект заряда находится в деревянной упаковке.

В отличие от своего «старшего брата» ЗР «Горыныч», может

переноситься одним человеком. В ранце «Тропа» весит 34 кг, дальность подачи заряда – порядка 160 м. Из-за того, что современные минзаги имеют смешанную структуру (противопехотные + противотранспортные + противотанковые мины), изделие «Тропа» вполне пригодно для успешного преодоления описанных в романе препятствий.